

КРАЙ ВЕТРОВ
НЕКРОМАНС

Край Ветров — сторона, кажущаяся очень знакомой. Но это она зря. Здесь живет Вирамайна Мйар — как умеет, конечно, наслаждается безделием, покоем и избирательной амнезией, а свой недюжинный потенциал, — который, кстати, имеет место быть, — никак не использует. Впрочем, отдохнуть ему осталось недолго: на пороге его жилища уже замер человеческий мальчик, решивший, что Мйар поможет ему избавиться от кошмаров, старый друг-некромант Камориль Тар-Йер настойчиво алчет более тесной взаимности, а позабытое, вроде бы, прошлое все еще копошится в темноте, булькая и скалясь.

Словом, никакого покоя. Сплошные переживания.

Что же касается Края Ветров — то это, кажется, история о судьбе и волшебстве.

А "некроманс" — песня о смерти и любви.

Ты — камень, брошенный в пруд.
И от тебя по поверхности плещет волна.
Но ты — смарагд, драгоценный, живой изумруд.
И кто-то однажды поднимет тебя со дна.

— Обездвижить и съесть. Навсегда заточить в свои сны. Притянуть и раздеть до кости, и разбить скорлупу об нож двадцать первой весны. Черепицей об дождь. Светом солнечным в недра зрачка, пятерней в перепутье волос, в глубину механизма, плавно и до щелчка...

Слова звучали на удивление разборчиво. Эхо пыталось съесть и исковеркать звуки, но отчего-то с этим не справлялось.

— Да что же это такое-то! — возмутился я, откладывая в сторону чужой блокнот с записями. — Чем он вообще думает?.. Мне даже боязно до конца это читать. Не засну же. А я ведь просил на ту мелодию что-то хорошее придумать, доброе, про дождь, а это что?.. 'Раздеть до кости'? Ладно... никакой тоски! Чай! С сахаром.

Не знаю, когда я успел обзавестись привычкой болтать сам с собой. Время от времени я пытался завести друзей. Ну, у меня уже было три кота, была (когда-то давно) собака, когда-то (давным-давно) у меня даже была любовь, большая, и, как водится, чистая (тоже штуки три), — но что-то все не складывалось у меня ни с котами, ни с собакой, ни... м-да. Себе подобных я вообще никогда не видел.

В общем, на тот момент у меня имелось вдоволь свободного времени, уютный обставленный подвал, несколько милых сердцу стареньких струнных инструментов и ощущение тотальной бесцельности бытия, которое, впрочем, было вполне терпимым и даже порою обнаруживало некоторый шарм. От бесцельности оного существования я избавлялся как мог, заливая чаем, заедая сладостями и овощными салатиками, отвлекаясь порою на подработку того или иного толка, обычно бумажную, на дому, но иногда и с выходом в свет. Кем я только ни работал к тому времени: и продавцом, и репетитором, и вычиткой текстов занимался, и грузчиком был, и дворником, и почтальоном. Но вот тебе на — штиль, затишье. Работы нет никакой. Жизнь как будто бы притормозила, замерла — то ли готовая совсем остановиться, то ли в ожидании чего-то особенного, непростого. Но, что уж там, мне в этом уютном безвременьи нравится. Можно жить себе, не спеша, смотреть плохое кино, слушать проникновенную музыку и читать бестолковые приключенческие романы. Что правда, все эти бессвязные приключения и некоторые весьма надуманные драмы, живущие на белых мелованных страницах (напротив, прекрасных — от уголков и до самой линии сгиба), выставляют мое нынешнее блеклое существование не в самом выгодном свете.

Впрочем, все это пустое, и не трогает меня особо. Меня вообще ничто особо не трогает — даже тот факт, что такие настроения являются типичными признаками не менее типичной апатической депрессии.

Я удобно устроился в кресле, поставил чашку на столик рядом, открыл поваренную книгу на тридцать шестой странице и хотел было начать читать.

Ухо дернулось, слегка поворачиваясь само и поворачивая за собой голову. Я втянул воздух.

Человеческий запах ни с чем не спутаешь. Будь то полуразумный обитатель помоек Федор Корявый, друг и идейный наставитель местных троллей, или Виталий Сергеевич, несменный инспектор нашего района. Помню-помню, как он впервые заглянул ко мне: худенький мальчишка с форменной сумкой через плечо... глаза печальные, очки большие, квадратные, но вид решительный невообразимо. Сколько ж лет с тех пор прошло? Память снова подводит меня, и точно сказать вряд ли получится. Время — это что-то такое непонятное, странное. Мое время движется причудливо и рвано, как сироп или размешиваемый суп в кастрюле. Оно то стоит, булькает, не меняется, то кружит водоворотом, быстрое и беспощадное, и меняет все вокруг... и даже меня, наверное. Хоть сам я, признаюсь, и не сторонник перемен.

Собственно, я отвлекся. Но факт остается фактом. Кто-то переступил порог моего теплого, уютного подвала. Кто-то идет по коридору, рвет паутину, пугает мышей, обыкновенных и летучих. Кому-то не сидится дома. Кто-то настолько отчаян или настолько смел (а значит, и глуп!), что идет ко мне, несмотря на зов своего сердца, которое уже наверняка из груди выпрыгивает и орет благим матом, мол, валить отсюда надо и поскорее!

Нет, мне, конечно же, интересно, кто это и зачем. Но лишних волнений, все же, не хочется. Такое вот несовпадение. Ну что ж... ладно. Совместим неприятное с бесполезным.

Со вздохом захлопнув книгу, я убрал в шкаф вазочку с печеньем. Потом сдуру вылакал весь чай одним махом, за что поплатился легким ожогом языка, гортани и всего прилегающего.

Затем я размял пальцы на руках. И 'выпустил когти'.

Подыскал угол потемнее и стал дожидаться гостя. А там — по обстоятельствам.

— Эй, дома кто есть? — мальчишеский голосок прозвучал неуверенно. — Есть дома кто? Тук-тук...

Рома Заболотницкий несмело вошел внутрь помещения, полутемного, пронизанного ароматами степных трав, сладко-горьким запахом жженого сахара и чего-то еще, один Потерянный ведает, чего именно. На мальчика сразу же дунуло уютом: вот диванчик, на нем вышитые гладью подушки с бахромой, вот картина на стене, а на ней лужайка и ручей, вот плита в углу и мойка, а там шкафчик с посудой, разной, совершенно непохожей, и кажется даже, что слово "сервиз" владельцу шкафчика не знакомо в принципе или противно по сути. Да, каждая кружка — отдельная песня, как и стопка тарелок рядышком, на столе. Еще там была кое-какая мебель и дверь в другую комнату, закрытая и завешанная бордовой бархатной шторкой.

Ромка был здесь впервые, и только ему одному известно, чего стоило добраться сюда.

По мальчишеской легенде, место это было гиблое, опасное и ничего хорошего глупцу, сунувшемуся в подвал четырнадцатого дома, не светило. Женька Белобрысый, из соседнего двора, говорил, что на востоке цифра 'четыре' считается пророчащей смерть, ну и, соответственно, четырнадцать — это вообще, страшное дело. А уж в совокупности с другими слухами о жильце подвального помещения четырнадцатого дома... Словом, если бы не острая надобность, Ромка бы сюда ни в жизнь не пошел.

— Мне бы с Зубоскалом поговорить, — протянул он, ощущая себя крошечным дураком. Ну кто с таким именем может жить в таком-то месте? Тут вон, занавески на окошках, что жмутся к потолку, все, как одна, в розочку; шифоньер уставлен статуэтками котят, поросят и

феечек. — Меня начальник департамента исключительных дел сюда послал.

Где-то скрипнула половица.

Ромка тут же обернулся — и все-таки успел заметить краем глаза движение. Сглотнул.

Сделал пару шагов вглубь комнаты, оглядывая уютную обстановку. Заметил крошки от печенья на столе и серебристую обертку от конфеты.

Потом что-то сам себе смекнул, сел на кресло и стал... сидеть. И ждать.

Я наблюдал за мальчишкой уже минут так десять. Это существо годков тринадцати-четырнадцати от роду, умытое, но явно нечесаное, конопатое и ушастое, сидело на моем кресле, забравшись туда с ногами, и методично склевывало крошки, оставшиеся от моего печенья.

Еще мальчишка бросил на пол свою сумку, исшитую лейблами современных рок-групп и исколотую значками с такой же символикой.

Я задумался. Чего тут забыл малолетка этот? Ведь без предупреждения, хотя и говорит о начальнике Департамента, а значит, ведает немного из того, чего ведать ему ну никак не следует.

Судя по всему, страх отпустил парнишку. Сердечко его успокоилось, дыхание выровнялось, что дало мне возможность прислушаться к окружающему в целом. Я понял, что более никого в радиусе девяти метров нет. Даже соседи мои с первого этажа дома — и те не шумят. Может, спят, а может, подались куда-то на отдых. Весна же.

Я все обдумал и решил, что приключений не хочу. Я спать хочу, или петь, или сладкого, но волнений — нет, не хочу. Зря я это вот, про книги.

Да, стоит оговорить немного то, как я выгляжу, чтобы была понятна надобность моих дальнейших манипуляций. Стоп. Может, мне и представиться пора?

Хорошо, раз так, то будем знакомиться. Меня зовут Мйар. Мйар Вирамайна Зубоскал, — где Мйар — имя, Вирамайна — фамилия, а Зубоскал — прозвище, которым зачем-то наградили меня кое-какие мои друзья, питающие склонность к нетривиальному юмору. Я не знаю своего точного возраста, но примерно с семидесятых годов прошлого века я проживаю в этом городе, а здесь, в подвале, всего пятнадцать лет. Я не человек в привычном смысле этого слова, но определить свою природу как-то иначе я, к сожалению, затрудняюсь. У меня вытянутые вверх заостренные пластичные уши, и я могу ими шевелить достаточно активно, чтобы выразить кое-какие эмоции. Но обычно об этой способности я напрочь забываю. А когда вспоминаю... Наверное, именно из-за острых этих, легко краснеющих лопухов девушкам и кажется, что мои глаза 'щенячьи'. Так же я могу, образно выражаясь, отращивать крепкие острые когти на руках и ногах. Механизм сего процесса в корне отличный от кошачьего — когти не прячутся нигде до поры, они каждый раз будто бы заново формируются... из костей, что ли? Я и сам толком не знаю, как это у меня выходит. Один мой друг, в общем-то, медик, интересующийся зоологией и разнообразной физиологией, как-то раз пытался мне объяснить, что именно со мной происходит в такие моменты, но я все равно не понял. Еще я здорово чую запахи, но, почему-то, довольно избирательно. Для меня не существует полной тишины, потому что я слышу, как поскрипывают мои суставы, шуршат спутанные волосы и стучит сердце. Ребята-паркурщики завидовали бы мне черной завистью, если б знали, на что способно доставшееся мне тело без каких-либо тренировок. Правда, я плоховато различаю цвета и совершенно не разбираюсь в

людях, но это никак не отражается на моей внешности. Еще я немного умею играть на кое-каких струнных инструментах и на некоторых духовых, люблю готовить, худо-бедно знаю три языка, и вообще, таких невероятных парней наверняка должны брать в космонавты. А секрет здесь в том, что у меня на самом деле было время всему этому научиться. Правда. Но об этом потом как-нибудь.

Так вот, по всему по этому, дабы не травмировать детскую психику, я завязал волосы так, чтобы те стянули и скрыли нечеловеческие уши, втянул когти обратно и, прощуршав и потопавав хорошенько, выбрался из-за дивана, правомерно наслаждаясь реакцией мальчишки.

— Ну привет, — говорю, — тебе, вообще, кого?

— Тебе, вообще, кого? — спросил высокий, молодой на вид дядька с приятным лицом и таким же приятным, немного мурлычущим голосом.

— Зубоскала мне, — Ромка смотрел на него снизу вверх, чуток испуганно.

— Кого-кого?

— Вот его, — Ромка полез за пазуху и вытянул на свет помятое фото с перфорированным краем.

Мужчина как-то смешно перегнул брови, выпучил глаза, потом нахмурился.

— А? — сказал он.

— Это вы, судя по всему, — Ромка сунул фотографию обратно. — Вы как-то мало очень изменились за столько лет.

Мйар как стоял, так и сел на уютный свой диван с разноцветными подушками.

— Вот же... — подумал он и нечаянно произнес это вслух.

— Меня Рома зовут, — тем временем представился мальчик. — А моя фамилия — Заболотницкий, это по деду фамилия.

— Так, стоп, стоп, стоп. Дай я угадаю. Твой дед меня знал и завещал тебе или мне что-нибудь типа 'и в день твоего двадцатилетия передаст тебе зверь-человек текстолитовый меч-леденец...'

— Вот еще, — фыркнул Ромка, — я со своим дедом не общался лично, и вообще, когда я родился, его уже не было.

— Тогда при чем тут дед? И вообще, ночь на дворе, ты зачем сюда пришел?

Ромка ничего не сказал. Он вдруг нахмурился, подобрал под себя ноги и устался в одну точку, куда-то в хитросплетение коврового узора.

Мйар встал с дивана и подошел к газовой плите, поставил на нее полупустой чайник, зажег огонь. Достал с полки цветастую большую чашку, потом, подумав, достал вторую. Открыл шкафчик и, поворожив над банками с травами, выбрал как основу малиновый чай, мяту для свежести восприятия и, для эксперимента, еще немного разностей на случай, если вдруг получится хорошо.

Чайник не торопился кипеть, Ромка не торопился что-либо говорить.

Мйар прикрыл глаза на секунду, перебарывая растущее раздражение от такой неопределенности.

— Я дверь не закрываю, ибо это мне ни к чему, — сказал он хмуро. — Сюда, ко мне, обычно никто не суется. По нескольким причинам. Видишь ли, воровать тут особо нечего, все старое и дешевое. Репутация у меня — не очень. Подобных себе я ни разу в этом городе не видел, а остальные ненормальные держатся от меня подальше, и в этом они молодцы. Даже собаки теряют мой след, что уж вовсе удивительно, но полезно и к делу не относится.

Нормальный, здравомыслящий человек может сюда придти, только если знает обо мне, знает доподлинно куда поворачивать и, преодолевая слухи, страхи и прочие адекватные реакции психики, все-таки решается нанести свой бессмысленный визит. Коротко говоря, гости у меня бывают крайне редко. Ты, конечно, прикольный и симпатичный парень, раз решил развеять мое вечернее одиночество, но уж будь так добр, поведай, какого хрена ты здесь делаешь.

Мальчик молчал. Вода в чайнике начинала булькать, но до кипения ей было еще далеко. Мйар жевал шоколадную вафлю и думал о вечном.

— Моего деда звали Даньслав Никанорович, — Ромка глянул на Мйара исподлобья, как умеют это делать недоверчивые дети и прочие талантливые манипуляторы. Он явно ждал реакции, но Мйар продолжал жевать вафлю, только брови вздернул.

— Даньслав Никанорович Заболотницкий, женат на...

— Э-эй, ты погоди, зачем мне все эти животрепещущие подробности?

Но мальчик не останавливался, он продолжал, как считалку на зубок рассказывал:

— ...женат на Варамире Глебовой, в народе Варе-Вороненке... Ребенок один, собственно, мой отец, Евгений Заболотницкий, спелеолог и путешественник...

— Ух ты, как интересно, — Мйар кривлялся. — А я тут причем, а?

Мальчик снова посмотрел на него как-то особенно, глазами черными и чуток раскосыми, которые очень уж странно смотрелись в сочетании с его светлой шевелюрой и простоватым округлым лицом.

— Папа сказал, что если случится то же, что и с дедом, то маме об этом знать ни к чему, а от кошмаров мне только ты поможешь спастись. Я теперь ауру вижу или что-то непонятное, не знаю, как назвать, настроения-эмоции и прочую фигню, и оно слишком все яркое... и сны, очень дурацкие, о том, что было и что будет, и что могло бы быть... И что есть, но его нет, и что повторяется, но не проходит. И я не сплю уже много... а толку — ноль, если хотя б как в фильмах, или огонь в руках, хотя бы, так ладно... Даже пускай бы было оно как у тех, о ком предки молчат! Но оно иначе, оно не так совсем, я даже не могу сказать, как...

Мйар искоса посмотрел на паренька, оглядел с ног до головы, плавно, по-кошачьи повел плечом, прикрыл веки и прислушался к своим ощущениям. Действующую магию он бы почувствовал. Наверное. От волшебства, не врожденного, а чужого, слабо пахнет грозой и металлом, и обычно от его близкого присутствия кожа на запястьях свербит. Но тут вроде бы ничего такого не чувствуется. Парнишка как будто бы чист... Толку-то от этого. Пацан или бред несет, что можно утверждать наверняка, или нет, что вероятно точно так же, ибо за жизнь свою Мйар и не такое видел.

— Да и ребята во дворе смеются, одни считают, что я наркоман, а поди ж докажи что-то, а я спать хочу уже давно, очень давно...

— Насколько давно?..

— Дней пять уже, — Ромка отвернулся, нахмурившись. — Или три. Точно я не помню. Ну, я спал часа по три-два иногда, но больше — нет, потому что... не могу я больше этого выдерживать, и это... все вокруг... оно меня убьет.

Я залил кипятком травяную смесь. Иногда бывает так, что я на себе ощущаю боль или неудобство людей, духоту, например, или голод. Эмпатия, будь она неладна. Тут такого не было, и слава всему тому, кто там во что верит, потому что как ощущения эти, естественно,

обычаем неприятны. И желания уснуть, о котором твердил парнишка, я тоже не испытывал.

— И ты, значит, видишь и мое настроение тоже? И ауру? — спросил я. Запах сушеных ягод, размокших в кипятке, начал расплываться по комнате, успокаивая и расслабляя.

— Тебя... вижу, но не понимаю.

— И что ты видишь?

— Нить длинная, как рельсы, и высокая, как стена.

— Какая нить?

— Твоя, — Ромка стал тереть глаза. — Я не хочу засыпать, я боюсь сейчас снова заснуть! А этот запах... он меня сейчас уснет! То есть, усыпит! И там и она, и все те, и снова это все!

— Эй-ей, умник, ничего с тобой не станется, противоречивое ты дитя. Значит, у нас есть проблема, — я вздохнул. — Есть внезапно пробудившаяся в тебе магически-чудесатая фигня и завет батюшки или деда, который, как ты говоришь, меня знал. Смею тебя огорчить, я твоего деда не помню. Видишь ли... — я устроился на кресле напротив мальчонки, забрался туда с ногами и сел поудобней. Ладони мне грели круглые бока любимой вместительной чашки с нарисованными на них барашками. Я продолжил: — Жизнь моя — та еще длинная, несмешная шутка, и много чего в ней было; мало того, я сам, судя по всему, довольно-таки необыкновенный сухофрукт, настолько, что как-то раз устроил себе принудительную обширную амнезию. Ум у меня пластичный, психика нестабильная, а у друга моего старинного в черной каменной шкатулке хранится ожерелье из сияющих бусин, сочных, как мускатная виноградная гроздь на исходе лета... Да-да, так оно и было: в один прекрасный день, говорят, я избавился от части своей памяти, и теперь она у Камориль Тар-Йер. А уж этот добрейшей души нечеловек о ней позаботится и не даст ее никому, и даже мне, я надеюсь, не даст. Коротко говоря, ничего слишком болезненного, душераздирающего, бесполезного, гадкого, опасного и прочего не суть важного я не помню. И деда твоего не помню... Значит, или он был никем, или мне и не нужно его вспоминать.

Я замолчал. На потолке плясали цветные тени от настольной лампы, плафон которой я сам расписал декоративными стеклянными лаками под витраж. Плафон плавал на специальной пружинке, отчего тени тоже двигались, то плавно, как облака, то резко, скачками, — если пошевелить металлический ободок рукой. Я шевелил его и смотрел, как меняются и дрожат силуэты бабочек, стрекоз и плотненьких пузатых лошадок.

А где-то там, в шкатулке у Камориль, этого тощего колдунствующего сноба, и правда лежит, почивает история моей жизни, которую я не хочу знать. Нет, последнее время я помню отлично, и вполне помню кое-что из весьма отдаленного прошлого. Все три любви свои неземные я забывать не стал: а иначе о чем мне плакать, чьим фотокарточкам улыбаться в периоды острой сентиментальности, о чем писать плохие стихи? Я не знаю, что именно хранят в себе золотунные бусы, но подозреваю, что там — вообще труба. Ну ее. Перелистывая доступные мне воспоминания, я натываюсь на улыбки этих милых девушек, девочек, и не могу я их обвинять ни в чем, где я и кто они, и почему Камориль иногда смотрит особенно печально и тянется перебирать мои волосы, я тоже никак не пойму... Так вот, не зря ж я спрятал часть своей памяти в бусины — прозрачные и немного мутные, чем-то похожие на ягоды красной смородины. Зачем-то ж мне это было нужно. А ягоды красной смородины — та еще кислятина, но и сладость в них тоже есть. И то, что я решил забыть — это не мне, это не мое. Мне кажется, там какая-нибудь жуткая кровь и не менее лютый страх, лишения и предательства. И, этого всего не помня, я знать подробностей не хочу, и

даже фактов и выводов из произошедшего мне не нужно. Для меня не имеют значения мировые кризисы, старинные войны и история континента, беды городов-миллионников и прочая глобалистика, и даже тайна моего рождения меня уже практически не интересует. Я хочу быть обыкновенным, простым человеком, несмотря на клыки и уши. А чтобы стать человеком, нужно быть человеком; всего-то делов — чувствовать боль, любовь, печаль, радость, быть способным видеть красоту и уметь ее создавать. А все это вполне доступно мне, пускай я и странный снаружи. Все, что сверху — второстепенно. И когда-нибудь мне будет счастье, мое, настоящее, которое кому-то и не понравилось бы, а мне подходит, и не по праву добившегося, и не за какие-то добродетели, а просто так. Потому, что я — это я, Мйар Вирамайна. Принимать целиком, как есть, а нет — так нет.

Я вот сейчас погрузу и сочиню на радостях сонетик, а может, и песню, а может, и даже... две песни. И никаких сторонних стихотворных услуг.

Мысли мои прервало некое похракивание. По сути, это был элемент похрапывания, но такой, особый, когда человек совсем уж неудобно лежит. Точнее, мальчик сидел. Сидел и спал. А я тут все это время думал. А мальчик-то спать боится. А спит.

Делать с ним я ничего не стал: пускай себе дрыхнет. Вроде даже не дергается и дышит ровно, и вообще, мой тихий вечер почти незаметно обратился теплой, безлунной, очень даже спокойной ночью. Можно было бы, конечно, мальчишку с кресла на диван переложить, но не охота. Сам виноват, что в кресле уснул.

Я включил радиоприемник и выкрутил регулятор громкости на минимум. Фортепиано и виолончель выводили нечто совершенно легкое и мелодичное, тихонько и без помех. Мне вспомнилось, что я обещал Элви сплести особой тонкой пряжи, а так и не сплел. Она хотела из нее шарф связать, но я сплету столько, чтобы хватило и на что-то кроме. Элви — малышка, светлое нереальное существо, живет у начальника департамента исключительных дел и следит за техникой, цветами, хомяком и золотыми рыбками. Она, наверное, домовой, но не здешний, а какой-то из западных лесных, молока не пьет, шалит иронично и со вкусом. В общем, замечательное существо.

Кстати, Элви могла бы помочь этому пареньку, как его там... Залезли бы в архив, поискали похожие случаи, решили бы, что за беда случилась и что с этим делать.

— Как проснется, отправлю его, откуда пришел, — решил я.

Решил и забыл о своем решении, сплетая в одну тончайшие шерстяные нити, красные, золотистые, охристые. У меня для таких дел есть резное кедровое веретено, и это самый ценный мой артефакт. Кажется, я получил его от северной колдуньи в пору своей, скажем так, трепетной юности. Магия, заключенная в этой редкой чародейской безделице, и сейчас позволяет владельцу веретена заплетать в шерстяные нити русалочки голоса, утренний свет, шум слепого дождя и прочие милые, но глупые эфемерности. Это все волшебство — странное, на гильдейское не похоже ни разу, и мои знакомые чародеи (хоть их и немного) им крайне удивлены. Творится оно почти без помощи рук, и я, кажется, выступаю здесь лишь подспорьем. Забавная, в общем, вещь. А еще я читал, мол, древние верили, что именно с помощью таких вот артефактов можно перевить и переплести начисто судьбу отдельно взятого человека или связать с чужой судьбой в одну. А развязать нельзя. Но это только отголоски мифа, возможно ли это на самом деле, я не знаю. А то б давно устроил себе личную жизнь и прочие радости бытия, каких еще не имею!

Заснул я тогда около двух часов после полуночи, забыв переодеться в пижаму, растянулся на голубых простынях и ушел в небытие. Я редко вижу сны. Почти никогда. Я

каждый раз как будто бы умираю, когда засыпаю. Может быть, именно поэтому я так долго живу.

Она смотрела, большая, черная. Глаза ее, словно два красных яблока, вращались и пульсировали, непрозрачные, круглые, без зрачков. Я стоял перед ней, а она передо мной и надо мной: черная громада, силуэт без четких границ, и только эти странные неживые глаза сверлят мне самую душу.

Мне не было страшно, хотя надо бы было бояться. Мне не было страшно, потому что я знал ее. Мало того, я очень сильно, безумно, безгранично любил ее. Всем своим естеством. Всем, чем я когда-либо был и когда-либо стану.

Я знаю, и она любила меня, по-своему, как умеют любить маленькие девочки да красивые юноши. Не то чтоб именно меня. Она, скорее, любила играть, и я был ее игрушкой.

Она стояла и молчала, не шевелилась. Кажется, я ей мешаю.

Единственное, чем я могу ее победить — это я сам, но я же ничтожен, наг и беспомощен перед ней. А могу ли я вообще ее победить?

Верно, могу, иначе бы она скомкала меня, задавила, смела бы прочь, как приливная волна.

Я чувствовал эту силу в ней и еще — истощную, кровавую злость, убийственную, но почему-то немощную ярость, направленную не на меня.

Тогда я понял — она меня не видит. Ее глаза, красные яблоки, слепы, и она даже не чувствует меня, не знает, что здесь есть кто-то еще. Она ощущает только преграду на пути, непонятную и неожиданно возникшую стену, которая искренне любит ее.

Вот и штука приключилась с этой тварью! Наверняка не думала она, что нечто в пределах ее мироздания способно ее остановить.

Хотя... нет... не способно. Я... я таю воском, я ледовый истукан, я стеклянный фужер на самом краю стола, который вот-вот сорвется вниз.

Глаза-яблоки приблизились, и что-то непомерно огромное, — то ли рука, то ли острый, осязаемый дым, — оторвало от меня всю плоть, что ниже грудины, и половину передних ребер тоже снесло. Я стоял, как был, живой, прямой, не чувствуя никакой боли, кроме душевной. Но именно эта боль была нестерпимой, смертельной.

— Что же ты делаешь? — вопрошал я. — Что же ты со мной делаешь? Разве недостаточно ты взяла? У меня почти ничего не осталось!

Она смотрела на меня, большая, черная. Глаза, как окровавленные яблоки. Она обняла меня крепко-крепко, ведь все-таки она меня любила, обняла и...

— Эй, Зубоскал, проснись, Зубоскал! Восемь часов, мне еще в школу идти! А дверь-то я не закрою за собой! Дядька Зубоскал, э-эй!

Ромка тряс за плечо хозяина подвала четырнадцатого дома. Что-то с ним было не так с утра: рожа бледная, на лбу пот, хотя не жарко, волосы тусклые и... Ромка только сейчас, при свете дня, разобрал, что у Мйара Вирамайна есть клыки, желтоватые и наверняка острые.

Заспанные глаза, поутру зеленовато-медового цвета, приоткрылись. Губы Мйара сжались в тонкую полосу.

— Я проснулся, мальчик... Это, что ли, твой кошмар навещал меня вместо тебя?

— Не знаю, мне сегодня как раз ничего не снилось. Я даже очень хорошо выспался, хотя шея болит, неудобно лежал, — Ромка заулыбался. — А дед-то был прав! Ты мне уже помог, Зубоскал! Сны прошли!

— Ну-ну, а ты хорошо устроился, как я погляжу, — Мйар сел в кровати. Голова его закружилась, и он стал массировать себе виски. — Кошмары твои... Нет, это не твои кошмары, это мой кошмар был. Кажется. Но значит, твои кошмары — это мои кошмары? И они как бы с тобою ко мне приехали? А что тебе самому тогда снилось, а?

— Бред всякий, — сказал Ромка, доставая из своей сумки яблоко. Взглянув на яблоко, Мйар поежился, нахмурился и ловко отобрал его у Ромки. Положил на полку возле кровати. Ромка хмыкнул. — Я уже точно не вспомню, но там была тревога, всякие невыполненные обещания, которые я должен был выполнить и не мог. И за это мне должно было быть плохо, и, естественно, было. Какие-то звери, тетка черноволосая, кудрявая, и все так страшно, что возвращаться туда никак не хочется. Ни тетки я не знаю, ни зверей таких не видал — даже по телевизору... и в сети! Да и нет таких, наверное, вообще. Больно страшные! Мерзкие такие...

— М-да, — сказал Мйар. — Ты, кажется, в школу собирался?

— Ага, — улыбнулся Ромка, — я там, в холодильнике, помидорки нашел и сыр с майонезом, так что, если что, я не виноват. Я пошел.

— А помидорки-то дорогие, тепличные, весна ж на дворе... — Мйар не стал подниматься, чтобы закрыть дверь за мальчишкой, а развалился на кровати, распластав руки-ноги в стороны, и стал смотреть в потолок. — Бред какой-то получается. И помидорки, небось, все сожрал, паразит...

Потом Мйар снова резко сел. Он вдруг вспомнил глаза из сна. А сны ему, собственно, снились крайне редко.

— Сам я только дурака наваляю, — подумал он вслух, как привык иногда думать, чтобы самому убедительнее было. — Случай плевым, но ничего такого странного давно не было. Может быть, вообще не было. Если только... одна из бусин памяти раскрошилась... И все! И беда! Кто-то из прошлого полез меня навещать! Пойдем, дружище Мйар, к Камориль Тар-Йер, проверим бусики, да заодно проведем этого старого извращенца, будь он неладен. Решено.

Черный, золото, красный бархат. На бархате, как изысканная драгоценность, возлежит затянутое в черные шелка и кожаные ремни существо, предположительно, мужского пола, обладающее бледной (до синевы) кожей и томным (до одури) взглядом. Пальцы длинные, ногти острые, тщательно наманикюрены и щедро окрашены лаком (черным, орять же). Волосы цвета воронова крыла спускаются мягкой волной по плечам до самых локтей, с явной любовью ухоженные и дотошно расчесанные. Между бровями красной краской обозначен третий глаз, ремень на шее затянут так, чтобы причинять боль, в руке мундштук, в мундштуке тлеющая дамская сигарета с ароматом айвы.

Вот же бездельник, а.

Я-то знаю, что юноше этому отнюдь не двадцать лет, а поболее раза в три. Он давно уже не человек, а эти глаза его телячьи, с этими ресницами-опахалами... Не будь он на самом деле душкой и сообразительнейшим магом (некромантом, если уточнять) из всех, которых я знал, я бы совершенно не лестно высказался о нем и о том, какой он ориентации. Но волею судеб он — мой старый, хороший друг. И вообще, замечательный мужик, а как оденется нормально, так еще и адекватный.

Камориль Тар-Йер кивнул в сторону бара:

— Налей себе вишневой медовухи, что ли, или лучше водки, а то ты напряженный, как... — он затаился сигареткой, — как... ох, даже не буду при тебе озвучивать пришедшие мне на ум аллегии. Дабы не усугублять.

Я сидел в кресле напротив дивана, на котором Камориль возлежал. Самое безопасное место в этом богатом доме, на нужном расстоянии от гостеприимного хозяина, иногда чересчур гостеприимного; и собаки его трухлявые пасутся где-то в другой комнате и не норовят тяпнуть за пятку, и хозяин не чует в тебе убегающей дичи, а потому расположен к беседе и плодотворному сотрудничеству.

— Не, спасибо, — я улыбнулся. — Если я сейчас налижусь твоей колдовской медовухи, у меня не станет сил от тебя отбиваться, а потом ты здорово пожалеешь, что недооценил меня и мою любопытную физиологию.

— Физиология твоя мне крайне любопытна, это факт, — дежурно заявил Камориль. — Ты такой лакомый кусочек для любого некроманта! Ты же совершенно не поддаешься классификации! Абсолютно непонятный экземпляр! Я буду ждать, пока ты умрешь, чтобы потом я и только я смог бы ознакомиться с твоей невероятной и фантастической физиологией... как можно ближе.

— Слушай, я же уже отдал тебе на растерзание мои рентгеновские снимки и томограмму мозга, что тебе еще нужно?

Я наблюдал, как Камориль стряхивает пепел в металлическую пепельницу с причудливым узором, затем садится на своем диване ровно и почему-то смотрит в пол. А, это было для эффекта. Камориль смотрел-смотрел в пол, а потом резко глянул мне прямо в глаза.

— Ты же знаешь, — сказал он, падая с дивана на колени на ковер и быстренько подобравшись ко мне. Теперь этот немаленький, эпатажно одетый красавец смотрел на меня

снизу вверх, ухватившись за мою коленку. — Ты же давно знаешь, Мйар, Мйар Вирамайна, ты нужен мне весь. Весь, целиком и полностью.

— У тебя уже есть весь Мйар Вирамайна, — я наклонился к нему, и, подыгрывая, провел по его щеке рукой. — Целиком и полностью. Мйар Вирамайна, непонятное существо, которым я когда-то был, разбитое на бусины и закованное в золотунное ожерелье, поживает в твоей волшебной шкатулке, дорогой мой Камориль Тар-Йер.

Назвав его полным именем, я щелкнул распутника по носу, а то что-то он слишком уж по-кошачьи потянулся вслед за моей рукой.

— Покажи мне это ожерелье, пожалуйста.

Камориль сидел на полу, ссутулив острые плечи, запрятав куда-то всю свою кошачью грацию и дамскую кокетливость.

— Сам знаешь, где лежит, сходи и возьми.

— Там собаки.

— Тьфу ты, — Камориль свистнул. Через миг два развеселых скелета овчарок примчались в гостиный зал, стали тыкаться носами ему в ладони и волосы, вилять косточками хвостов и всячески выражать свой бурный покойничий восторг.

— Хорошо, спасибо, я мигом. Сейчас вернусь.

Гостиная в этом доме все-таки вызывала у меня менее всего опасений. Там был томный и уверенный во всем на свете (особенно в себе) Камориль, а тут... Тут его не было, но было вдоволь результатов его труда и плодов его изощренного разума. Этакими местами полуживых, местами не совсем мертвых, симпатичных и опасных... вещей. С верхней полки книжного шкафа на меня синеватыми огнями глазниц пялился зубастый череп.

— Привет, — подмигнул я ему.

— Сам дурак, — клацнула челюсть.

Это был череп какого-то особо буйного вампира, я не знаю всей его истории, но звали прежнего владельца, кажется, Сиен, или как-то так. Впрочем, не суть.

Собственно, прогуливался я ныне по рабочему кабинету Камориль, что через коридор и две двери от гостиной. Вот тут, за столом, сейф, а возле сейфа, тоже на полу, стоит сундук. Сейф — вещь хорошая, полезная, но самая, что ни на есть, обыкновенная. А вот сундук непростой. Конечно, на сейфе навешано всякой защитной электроники, а на сундуке даже замка нет... но именно в нем лежит шкатулка с моей памятью.

Иметь дома множество артефактов — это привилегия нетривиально мыслящих колдунов вроде Камориль. Это ж как ему надо было перед гильдией своей выслужиться... Он, правда, почти ничем из этого богатства не пользуется. Ибо ему нельзя. Да и никому нельзя, — но не уничтожать же добро?..

— Зверь не спит, — шепнул я заветные слова, и крышка сундука подалась вверх.

Я отодвинул вбок россыпь каких-то цепочек и брошек, каждая из которых, наверное, чего-нибудь улучшала, и нащупал пальцами гладкий холодный камень. Вот и моя шкатулка. Камень как будто целен и так же черен, как беззвездная ночь. Но вот тут замочек есть... и к нему нужен ключ. Особый, естественно.

Я проткнул себе подушечку большого пальца правым нижним клыком. Капелька крови набухла и шлепнулась в выемку черного камня. Механизм сработал, шкатулка распахнулась, подвергая меня самой большой опасности — соблазну вспомнить все, что только возможно, и стать тем, кем я более не хочу быть. Не знаю точно, как это можно сделать. Наверное, надо просто раскрошить бусины, и все... память вернется. Иначе — зачем их так бережно

хранить?..

Но Камориль говорит, что делать мне этого нельзя, ни в коем случае. Мол, ежели я решу вернуть себя прошлого, то тут же сойду с ума, а то и чего похуже... учитывая мою эмоциональность и некоторую неустойчивость психики, это кажется вполне вероятным. И даже Эль-Марко с Камориль согласен, а я не думаю, что им обоим есть смысл меня обманывать.

Ожерелье было на месте. Я специально пересчитал бусины: ровно семнадцать, как и должно быть. Ни много, ни мало. Все целые, без трещин.

— Ну, а с чего бы им портиться? Вот я дурак, — я поджал губы, перебирая свою память, как четки, — только что — и сразу к своей беде. Здорово меня развел пацан, может, и не было у него снов никаких. Хотя... фотография...

Я задумался. Бусины сверкали, как светится отполированная золатунь, этот глупый колдовской металл, очень мягкий и такой могущественный. Напрашиваются ассоциации с женскими чарами и прочей ерундой. Я не о том думаю. Я всегда думаю о чем-то не о том...

Кто-то подошел сзади и обнял меня. Резкий запах айвы выдал Камориль с потрохами, — ну, как будто бы были какие-то другие варианты.

— Я защищу тебя от любой беды, ты только попроси, — шепнул он мне на ухо. — Я сразу понял, что с тобой что-то происходит, как только ты зашел.

— Не делай вид, что этак распрекрасно чуешь мое настроение, — фыркнул я. Сбросить его руки пока не решался: обидится. А таким, как он, позволяют некоторые прихоти, покуда они не переходят разумных границ. А Камориль не перейдет.

— Не чую. Но ты сегодня в светло-голубых джинсах, они тебя обтягивают, и в черной безрукавке, я вижу твои плечи и ритуальные татуировки на них; значит, ты не думал, как бы ко мне одеться так, чтобы я не стал к тебе подходить. Значит, ты вообще ни о чем не думал, кроме той глупости, что тревожит твое благородное сердце.

— Ну, не думал. А камуфляжные штаны в стирке, и свитер твой любимый, который серый и вытянутый, моль сожрала за зиму, как оказалось. Так что я, можно сказать, осознанно рискнул. Кстати, спасибо.

Я аккуратно высвободился из объятий некроманта и развернулся к нему лицом.

— У меня правда некая фигня заварилась, пока что ничего страшного, но я насторожен. Ты, конечно, клевый парень, но даже со всем твоим опытом и недюжинными талантами... не думаю, что ты можешь мне как-то помочь.

— Ну вот. Наверное, ты просто еще не подумал как следует.

— Куда уж мне.

— Пошли в гостиную, таки выпьешь, но не медовухи, а настойки двенадцати лечебных трав, иммунитет поднимешь, расслабишься... И все мне расскажешь.

Я позволил утащить себя за локоть в гостиную, предварительно захлопнув шкапулку и сундук.

— Ох, какая гадость, — сообщил я, хлебнув стопку настойки.

— На водке и полыни, — радостно отозвался Камориль, — гадость редкостная, но и на редкость полезная! Пей-пей. Сейчас подействует.

Потом он сжалился, если можно так сказать, и сменил горькую настойку на сладкую медовуху. Ее и сам пригубил. А я покорно рассказал про пацана, про фотографию с резным краем и, скрипя зубами и скрепя сердце, поведал свой последующий сон.

— Она была такой знакомой, и я ее так любил, так любил, — сказал я, пальцами

разминая виски, — просто... очень сильно любил. Я не знаю, чего вдруг, и за что это чудовище вообще можно... но я, блин, любил, как в этих бабских глупых стихах, как в душещипательных песнях, напрочь и насовсем, просто... невыносимо... любил ее...

— Понимаю, — Камориль наконец расстегнул свой ремень на шее: видимо, ему стало жарко и сильно душно.

— Понимать-то ладно, а делать мне что? Оно ж не просто так...

— Ну сон. Ну кошмар. Мне и не такое снится, знаешь ли. Но ведь все живы и здоровы, а значит, причин паниковать нет, — Камориль налил мне еще медовухи и себе не забыл. — Давай, влей в себя сей целебный экстракт и ложись спать.

— У тебя, что ли? — похоже, высокий градус начинал меня вырубать.

— У меня, что ли, конечно, — некромант поднял брови, — места навалом, безопасно, я послежу за тобой, разделаю на стейки любое материальное зло, а злых духов отправлю обратно в морок с полпинка, а если не захотят, то заточу их в мышинные кости и стану изучать, ты ж меня знаешь...

— О да-а... — протянул я, — ты такой, ты можешь... То есть, можешь... до смерти — и изучать... или изучать до смерти... Но, Камориль, какие духи? Это ж сказки все, барельефы старинные... как и демоны, и драконы, те, что через семена... Я вот духов не видел ни разу, а ты — видел хоть одного?..

— Нет, но я верю в себя и очень хочу узнать, верна ли последняя теория строения морока, выдвинутая на собрании гильдий прошлым летом, и если все так, то есть теоретическая вероятность...

— Морок — мир снов, что ли? — я икнул.

— Ты смотри, какой ты стал румяный, — умилился Камориль, — не то, что был, мертвяк мертвяком, мои горячие зомби и то живеят тебя и симпатичней! Хотя нет, ты симпатичней моих зомби, в этих джинсах — так подавно.

— Ну спасибо! Комплимент, достойный всей абсурдности происходящего.

— Так я ж любя.

— Я знаю.

— А ты меня?..

— Уважаю, — заявил я и вдруг обнаружил отсутствие на себе безрукавки. Камориль сидел рядом, изучал причудливые узоры на моей груди, водил по ним наманикюренным черным ногтем и сверял с какой-то книгой, которую держал в другой руке. — Ты меня таки поймал и изучаешь!

— Изучаю, — согласился он. — Ну а что, ты так редко ко мне заходишь!

— Ну блин...

Камориль наклонился ко мне ближе, и я увидел перед собой его бледные синеватые губы, растянувшиеся в не предвещающей ничего хорошего улыбке.

— Ты прости, — сказал он, — у меня сегодня весьма лирическое настроение... и то была настойка тринадцати трав, а она немного для другого. Ты уснешь, но видеть снов не будешь. А я скоро вернусь. Я буду смотреть на тебя весь вечер и ночь, даже в темноте, потому что так оно всегда и бывает в таких ситуациях. Спи, чудовище.

Я не мог уже сопротивляться. Кажется, он чмокнул-таки меня в нос, а потом куда-то ушел. Я было укорил себя за то, что решил к нему явиться во плоти, а не просто позвонить, например. Очевидно, довольно долгий период депрессии, случившийся не так давно, у некроманта кончился, Камориль избыл свою принципиальную мизантропию и снова готов

быть близок к роду человеческому. Во многих смыслах. И особенно ко мне, почему-то. Но он странный вообще. Непоследовательный, обожающий планирование человек настроения, способный на ошеломляющую верность.

И ветренность, повергающую меня в перманентный ступор.

Но я, в конце концов, доверил Камориль самое ценное и самое опасное — ту свою жуткую память.

Главное, чести своей, образно выражаясь, ему не верить.

Вот на этой грешной мысли я и вырубился окончательно.

Двор возле четырнадцатого дома был запущенным и в целом выглядел так, как будто бы пережил ураган. Точнее, не пережил: качели сломаны, скрипящая карусель с оторванными седушками стенает под порывами ветра, горка опрокинута на бок.

Солнце садилось, сумрак окутывал дома, фонари не спешили дарить свой трепещущий свет пустынным аллеям. Но пройдет час, и им все же придется зажечься, путь нехотя и не всем.

Ромка сидел на чудом схоронившейся от вандалов лавочке и думал о жизни, о вечном и проходящем, и о том, что случилось за сегодня.

Было приятно не мучиться головной болью и не зевать на уроках и переменах. Он впервые за неделю, что называется, выспался. А сонливость-то накапливается, где-то об этом писали, в каком-то журнале.

Можно было бы решить, что кошмары прошли сами по себе, но Ромка знал, что в этом заслуга Зубоскала, знал доподлинно и верил в это свято.

Слова отца подтвердились. Завещание деда подтвердилось. Случилась беда — и Зубоскал помог. А не вернется ли та беда этой же ночью?

Можно пойти домой, перейти мостом через железнодорожные пути, десять минут по степи и в обход болотца, пять минут по микрорайону, и он будет дома. А можно пойти снова к Зубоскалу и наверняка уснуть спокойно и без кошмаров.

Матери он вчера позвонил и сказал, что останется у друга. Сегодня тоже можно что-нибудь придумать, в конце концов, сказать, что у него наконец появилась девушка и вообще, он уже взрослый. Это, правда, грозит грандиозным скандалом, но все лучше, чем рассказывать матери бредни про страшные сны, про разрезанную напополам тонким лезвием зависти и ненависти нить ее судьбы, переплетенной с нитью судьбы отца, из-за чего теперь они оба неполноценны, уязвимы, как будто бы счастливы, но очень одиноки. Она, может, и поймет, но понимая проблему, надо же что-то с ней делать... А сделать Ромка не мог ничего.

Фонари мигнули и загорелись.

Рома поправил ремень сумки и решительно направился ко второму подъезду четырнадцатого дома, туда, где вход в подвал.

Сырой темный коридор, обрамленный парящими трубами теплопровода, привел его к металлической решетке, за которой была деревянная дверь.

Как и в прошлый раз, решетка и дверь жилища Зубоскала оказались открытыми.

— Есть кто дома? — Ромка зашел и кинул сумку на диван. Не то чтобы он был от природы особо нагл, но здешняя обстановка сама располагала чувствовать себя, как дома.

На плите он заметил невытую сковородку с остатками яичницы, а на столе — кружки с остывшим чаем и... нечто наподобие хрустального шара, только не преломляющего световые

лучи, как лупа, а... Ну да, это была стеклянная сфера, полая внутри. Покоилась эта хрупкая вещица на подставке из тускло поблескивающего желтоватого металла.

Ромка подивился, зачем Зубоскалу эта штука. Может, он хочет сделать из нее аквариум?

Но что-то не слышно было самого хозяина дома. Может, он уже спит? Хотя рано как-то, на часах всего полвосьмого.

Ромка проверил санузел. Свет там был выключен, и внутри никого не оказалось. В кладовке рядом — тоже пусто. В маленькой комнатке с книжными полками во все четыре стены, где стоит еще одно кресло, секретер и высокий торшер с бахромой — снова никого.

Рома тихонько приоткрыл дверь в спальню. Кровать не заправлена, но вроде тоже пусто... Он, не включая свет, прошел к изголовью кровати, к полке, на которой еще с утра осталось его, так и не надкушенное никем, яблоко.

Кто-то толкнул его в спину. Сильно, рывком, повалил на кровать и придавил коленом.

— Что за...

— Молчи, зверек, — зашипели над ухом. — Кому говорю.

Ромка вообще ничего не успел, ни сообразить, ни что-либо предпринять. Ему стянули чем-то руки, ловко и привычно, затем привязали локти к туловищу так, чтобы он вообще не мог ими шевелить, и так же, тихо и без разговоров, принялись связывать ноги.

— Да что здесь вообще происходит?! Зубоскал, это ты, что ли? Что ты делаешь? Это... это карается законом!

— Я же сказал, тихо, — снова зашипели на ухо, и Ромке на глаза свесились чьи-то темные космы. Зубоскал был рыжеватым, это мальчик точно помнил. Значит, не он.

Тут его наконец перевернули на спину сильным рывком, и Ромка смог разглядеть человека, который лишил его какой-либо возможности двигаться.

Или не человека. В темноте неправдоподобно и жутко сияли медовые глаза. Высокий мужчина в черном стоял над ним, уперев руки в боки и молчал. Наверное, думал.

— Будешь орать, убью, — сообщил он.

— Да я и не собирался...

Мужчина взял с полки яблоко и сел рядышком на кровать. Он молчал и смотрел на яблоко.

— Извините, я вообще к Зубоскалу пришел... Может, не стоило меня вот так вот связывать? Вы же меня сильнее, и вообще...

— Мне виднее, стоило или нет, — жестко отрезал мужчина. — Лежи и молчи, зверек.

— Я не зверек, — сказал Ромка тихо, но уверенно.

— Зверек, зверек. Для меня ты зверек... Для друга нашего — нет, для него ты уже человек и даже больше, ты — человеческое дитя!

— Так вы знаете Зубоскала?

Мужчина не ответил.

Он встал и вышел из комнаты.

Ромка остался один, связанный, в темноте.

Ему вдруг стало по-настоящему страшно. До этого как будто бы не было, адреналин притупил восприятие и мобилизовал силы, которых все равно оказалось слишком мало. А тут... бешенное сердцебиение успокоилось, но ему на смену пришел неприятный холодок, щекочущий пятки. Ромка попытался пошевелиться, но даже не смог сесть. Связали его превосходно, превратив даже не в гусеницу, а в куколку бабочки, затянутую коконом. Мальчик скосил взгляд на свои путы и обомлел. Сердце снова застучало, как сумасшедшее.

Связан он был чем-то светлым и шелковистым, то ли широкими жгутами из лески, то ли... то ли пластичными лентами неимоверно прочной паутины.

— Человек-паук? — подумал он вслух и истерически расхохотался.

На его смех в комнату вернулся давешний незнакомец, держа в руках стеклянный флакон-шар с какой-то фиолетовой жидкостью внутри.

Встал рядом с кроватью, нависая над Ромкой, стал наклоняться, опершись руками в кровать по бокам. Его лицо нависало над Ромкиным, черные волосы немного щекотали шею, а медовые светящиеся глаза буравили лоб мальчика.

— Сейчас мы все и узнаем, — прошептал мужчина. — А как узнаем, со всем разберемся...

Ромка дрожал, но не мог не смотреть в эти горящие теплым, янтарным огнем глаза. Понимал отчетливо он только две вещи: положение его крайне незавидное, а мужик — более чем странный; но он вроде бы не собирается его убивать, что неимоверно радует, но точно хочет сделать что-то противоестественное.

Мужчина перестал рассматривать его лоб и посмотрел ему прямо в глаза.

— Открой рот, — приказал он.

Ромка сжал зубы. Еще этого не хватало! Нет, нет, нет, никогда!

Кажется, мужчина утробно зарычал, прикрыв на миг веки и приглушив тем самым пугающее рыжее сияние. Затем сел сверху и прямо голыми руками стал пробовать открыть Ромкин рот насильно.

— Идиот малолетний, я ж тебе челюсть сломаю! Между прочим, этот сустав — один из самых сложных в человеческом скелете, так и запиши!

Ромка противился и зубов не разжимал.

— Тебе придется выпить это зелье, а иначе я не смогу увидеть твою суть... и возиться придется намного дольше!

У Ромки из глаз покатались слезы, а потом он увидел, как во лбу незнакомца с противным звуком разрезаемого мяса открывается такой же сияющий, но совершенно бесстрастный третий глаз.

Этого он перенести уже не смог и отключился.

— Предохранитель, значит, сгорел, — рассмеялся Камориль Тар-Йер, владелец третьего глаза и прочих интересных черт лица и характера, — рано, рано! Еще даже остальные шесть не разглядел, а уже вырубился... Эх, молодо-зелено, детеныши человеческие. Ну да ладно.

Он встал, взял паренька на руки и вышел из подвала во двор. Людей вокруг не наблюдалось, и даже никакой счастливцев не курил на балконе.

— Кыс-кыс-кыс, — позвал Камориль.

Земля под его ногами зашевелилась и ему пришлось отойти в сторону. Бугры стали появляться еще в нескольких местах двора, штук девять общим счетом.

Первый мертвый кот выполз из земли и бодро подбежал к ногам Камориль, стал ластиться и тыкаться мордой в голенища лаковых сапог.

— Тише, тише, ты же грязный...

Камориль держал мальчика на руках и терпеливо ждал, пока все девять животных выберутся на свет. Один за другим скелеты кошек и котов, на некоторых из которых еще сохранилась шерсть, подбегали к ногам Камориль Тар-Йер и беззвучно открывали рты, прося еды и ласки.

— В демона-кота — стройсь!

Животные послушались неохотно. Все-таки больше, чем стать восточным демоном-котом, им хотелось именно ласки и еды.

Огромный костяной зверь принял на спину поклажу в виде связанного и бессознательного мальчика, и, получив несколько поглаживаний от хозяина, понес в ночь, в мрачный особняк Камориль Тар-Йер, совершенно черный снаружи и даже кое-где внутри.

Я проснулся на рассвете, что со мной бывает редко. Наверное, рано спать лег... Первым, что я узрел, был чужой потолок с затейливой лепниной в виде стилизованных черепков, скелетиков, летучих мышек и прочей убийственно милой ерунды. Потом я глянул налево и обнаружил довольную рожу спящего Тар-Йер, одетого в черную шелковую пижаму с золотыми гробиками, лопатками и надгробиями.

Это ж сколько мы вчера выпили? И зачем?

Говорил я себе, не напиваться с Камориль, это опасно и чревато, он-то славный парень, но может и противоестественное сотворить, начиная с детских шуточек типа выбритых бровей и заканчивая уголовно наказуемыми шалостями разной степени извращенности. Меня он, конечно, еще не трогал, — то ли бережет целостность организма для грядущих опытов, то ли боится беспощадной и не менее интересной мести, но, в любом случае, нагло врет, что испытывает ко мне нежные чувства, а оттого ему меня жалко. А вот Орту, покуда тот еще был жив, хорошо досталось... Он бы и остался жив по сей день, если б не крутил романов направо и налево. А Камориль парень ревнивый и, стоит признать, справедливый. По-своему. К тому же, собственник еще тот. А, да. Я же уже сказал, что он предпочитает мужчин? Или это и так понятно? Вообще-то, он не то чтобы совсем ненормальный, просто он уже совсем не человек. В нем от гендерных стереотипов ничего нет, людскую мораль он послал в лес, и существует так, как сам того пожелает. Даже его тело уже не располагает к каким-либо ограничениям. Кажется. В свое время он слился с каким-то пауком (паучихой?), как — мне неизвестно, и с тех пор опасен для своих любовников вдвойне.

Кстати, слияние с пауком имело так же свои... эстетические последствия. Кроме нескольких затянутых кожей глаз на лбу и дополнительного сустава в каждый свой длинный палец, Камориль получил 'осиную' талию, тоже что-то навроде сустава, полностью покрытого хитиновым панцирем. Этаким пожизненный корсет, защищающий его печенки и прочие потроха.

Я иногда прозреваю и заново удивляюсь: какое же он чудовище! Еще хуже меня.

Кстати, мое мировоззрение и понимание "достойного" тоже многим может показаться странным. Я ни разу не маргинал и не бунтарь, но порою то, как я себя веду, вызывает у людей непонимание, а поступки мои кажутся нелогичными, неверными и даже чудными. Хоть я и стараюсь вести себя наиболее адекватным образом. В общем, я не изгой никакой и не отщепенец, я просто другой немного. Что, буду откровенен, весьма печально: быть посерединке между фриками и нормальными людьми еще хуже, чем принадлежать к какой-либо из сторон.

Пока я 'щелкал клювом', то есть рассматривал Тар-Йер и думал о превратностях его судьбы и своей заодно, некромант успел проснуться и жутко обрадоваться моему наличию на таком небольшом расстоянии. Он проворно заключил меня в объятия, перевернул свои ноги с моими и замурлыкал:

— Мйар Вирамайна, какие сумасшедшие грезы одолевают меня этим ослепительным весенним утром...

— У-уйди, гад, — стал брыкаться я. — Напоил и теперь хочет сожрать! Знаю я тебя!

— Но ведь тебе было хорошо, — Камориль и не думал меня отпускать. — Ты спал и не видел снов, сладкий мой Вирамайна Мйар...

— Да я от той хрени вообще ничего не видел, у меня в глазах троилось! Настойка тринадцати трав, говоришь? Десять я разобрал, а что за еще три?

— Ну что за три, что за три... Солнечный укроп — раз...

— Солнечный укроп!!! Это же наркотик!!!

— Троллий чистотел — два...

— Троллий чистотел!!!

— Укроп, между прочим, не наркотик, а слабый антисептик, ну, и зависимость — это всего-то побочный эффект...

— А третье что?

— А третье...

— Ну?..

— Немного экстракта морковки аналитической...

— Афродизиаки!

— Это всего лишь одно из ее свойств, на самом деле она расслабляет и успокаивает...

— Ну ты, блин, алхимик хренов, — я даже не знал, что мне теперь с ним делать, поколотить и обидеться или... или не знаю, что! Я перестал барахтаться и уставился в потолок: — Как я на самом деле слаб... Ты меня напоил, я вырубился, делай со мной, что хочешь... Проклятье, я перестаю чувствовать себя мужчиной, надо пойти и набить кому-нибудь морду!

— Можешь снова напиться, но не вырубиться и сказать: я — мужик! У меня есть член!

— Где связь?

— Хе-хе, а зачем мне логика, это я, что ли, утверждаю, что мужик?

— А я, как идиот, валяюсь с тобой в кровати и болтаю о ерунде!

— Ну почему, как идиот, Мйарчик? Ты валяешься со мной как умнейшее и интереснейшее чудовище этого задрюпанного городка, и глубина твоей невероятной...

— А-а-а, отвали от меня, нежить! Ты чего такой горячий-то? — я снова стал отбиваться. — Ты ж обычно комнатной температуры!

— Ну дык, со мной валяется и болтает ерунду самое симпатичное чудовище, какое я когда-либо...

В общем, это могло продолжаться вечно, но тут мне в голову стукнулась мысль. Как ни странно, трезвая и даже разумная.

— Ромка!

— Кто? — Камориль даже отпустил мои руки и нахмурился. — Что за Ромка? Тот пацан, что ли?

— Что, если он ко мне домой опять приперся и что-нибудь опасное там откопал!?

— Да ну, что там у тебя опасного...

— Веретено северной колдуньи и два клинка ярости!

— Ну не кипешуй, пацан твой таки приперся, но ничего из этих игрушек не нашел...

— Что?! Ты откуда знаешь?

— А я решил его изучить...

— Изучить? Его?

— Ну да... Собственно, я планирую заняться этим после обеда, дело-то не срочное...

— Камориль, ты его что, сюда привел?

Тар-Йер пожал плечами:

— Не сюда, а в подвалы. В подвале нашел, в подвал привел. Все логично.

— И... как это он за тобой пошел? Парень-то сметливый, небось, и книжки читал всякие разные, а то и исторические из запрещенных и не уничтоженных, и просто так за маньячиной вроде тебя не пошел бы...

— Ха-ха, а кто его спрашивал...

И тут до меня все окончательно дошло. Я рывком перепрыгнул через Тар-Йер и дернул в холл, к двери под лестницей, что вела в подвалы. Костяные собаки Камориль подумали, что я с ними играю, и побежали за мной.

Некромант сейчас, наверное, лежит на кровати обиженный, все еще ненормально теплый, пригрелся об меня, паразит. А пацаненок где-то в его подвалах, в этом логове смерти, где и намека нет на роскошь и безопасность жилых помещений поместья.

Я нашел его в дальней обрядовой зале, полукруглой, темной, привязанного к костяному алтарю в виде перевернутой звезды. Мне пришлось расширить зрачки по максимуму, чтобы видеть хоть что-то. Я выпустил когти и разрезал веревки, которыми его привязал Тар-Йер.

Мальчик то ли спал, то ли был без сознания, не знаю. Наверное, все же спал. Я взял его на руки и понес прочь из подвалов.

Надеюсь, он не просыпался ночью и не кричал. Все равно криков из этих подвалов не слышно. Зачем оно Камориль? Шум, производимый его разной степени удачности экспериментами, мешает ему думать и творить! Вон они, в темных углах, голодными светляками глаз следят за тем, как я ухожу, тычутся костяными лбами в прутья клеток. Трухлявые псы-скелеты все так же следуют за мной, уже не играясь, а будто бы из праздного любопытства.

Мне-то что, мне все это не страшно. А вот мальчишке...

Я выбрался на свет, прошел в гостиный зал и уложил Ромку на красный бархатный диван.

Уже легче, уже не так страшно. Если он сейчас проснется, то не испугается. Ведь меня он знает.

— Рома, — позвал я, одновременно теребя его за плечо, — Ромка, вставай... В школу опоздаешь... Ромка... У вас же сегодня контрольная по математике...

Я вдохновенно врал.

Мальчик не шевелился, просто мерно дышал. И тут из его кармана полилась музыка, затейливая какая-то мелодия и даже со словами, только их я не разобрал.

Это был будильник на телефоне. Значит, я успел вовремя. Когда-нибудь мое чувство времени меня все-таки подведет!

Ромка приоткрыл глаза. Узнал меня и сказал:

— Здравсьте, дядька Зубоскал. Ты вернулся домой, да? Или... где это мы? — он сел на диване и осмотрелся.

— Мы... — я понял, что совершенно не подумал о том, как сказать мальчишке, что с ним приключилось. — Мы здесь. Это дом Камориль Тар-Йер, я, кажется, рассказывал тебе о нем. Да, точно, рассказывал.

— Дядька, успокойся... Или что?

— Что 'или что'?

— Я помню, что пришел к тебе, а тебя нет, пошел тебя искать... Потом... мало что

помню... Хотя...

— Так, это все фигня. Пошли сейчас ко мне, ты мне еще раз все нормально расскажешь про своих предков и про свои сны, я тебя покормлю, а там решим, что делать. На первые уроки придется опоздать, ну, я думаю, тебе не впервой. Давай, вставай, пошли.

Но Ромка смотрел куда-то мимо меня. Я, естественно, тоже оглянулся.

Камориль Тар-Йер стоял, опершись о дверной косяк, и пил кофе. Он уже переделался из пижамы в бордовый шелковый халат, который совсем не прикрывал места соединения груди и паучьей талии. При всем кажущемся внешнем благодушии некромант был заметно напряжен. Это не было чем-то очевидным, но я знаю его достаточно давно, чтобы чувствовать такие вещи.

Впрочем, и без этого все понятно: я же вырываю из его сетей плененную мушку. К чему удивляться реакции?

— Ты, вообще, подумал своей головой? — спросил я рассерженно. — У ребенка из-за тебя может случиться психологическая травма на всю жизнь!

— А что, из-за тебя не может? — Камориль отпил кофе. — Пускай звереныш привыкает.

— Это вы были, — пробормотал Ромка. Видимо, его очаровывали и вгоняли в оцепенение медовые глаза моего дорогого друга-некроманта, оттого мальчик даже не шевелился, только вот это и смог пролепетать.

— Камориль, пожалуйста, давай сейчас не будем рассусоливать про людей и зверей, а? — взмолился я.

— Почему же, давай... порассусоливаем, — Камориль сел в кресле, закинув ногу на ногу. — Я думаю, твоему мальчишке это будет полезно послушать.

— Камориль...

— Да, Мйар?

— Ты сволочь, Камориль.

— Я тоже тебя очень люблю, Мйар.

Мы замолчали. Мне хватило этой минуты на то, чтобы собраться с мыслями и оценить выдержку Тар-Йер. Для него, охотника и хищника, наверняка было тяжело вот так степенно пить свой кофе (кофейный запах был так ядрен, что у меня от него в глазах помутнело) и не выдавать злости ни одним движением нечеловеческих, четырехсуставчатых пальцев. Он заговорил первым:

— Я так понимаю, прямых дорог ты не ищешь и изучить своего звереныша моими методами не дашь. Ну и фиг с тобой. Пойди себе тоже кофе налей, бутербродов сделай, а я пока исправлю кое-какую свою оплошность...

— Это какую же?

— Извинюсь. Мне, знаешь ли, вовсе не хочется портить отношений с существом, дорогим для тебя.

— Что?!

— Иди, делай кофе.

Я фыркнул, встал и пошел. Вот еще, тоже!

На кухне я пробыл чуть дольше, чем мог бы. Камориль прав. Я, кажется, уже успел привязаться к пацану. Когда?.. Я же его знаю — всего ничего. Наверное, я все-таки беспросветно одинок, я жалок, потому что не могу без людей. Только-только кто-нибудь ко мне придет, заруку возьмет, образно выражаясь — и все. Я уже часть компании. Я готов

помогать и делать все, что в моих силах. Даже если это, на самом-то деле, не нужно никому. Вдруг мне подумалось, что я похож на трепетную девицу в пубертате, и я аж встряхнулся. Не дело вот это вот о наполненности стакана рассуждать, надо брать и пить. Может, и Камориль не такой уж расчетливый лживый гад, и в его дурацких заигрываниях есть доля настоящей привязанности. Буду это... ценить, что ли. Все-таки, нас не так-то много, таких потерянных, разумных, но не мудрых, тех, кого реальность как будто бы не замечает при всей яркости наших шкур. Мы — слишком человечны, слишком непросты, и, в то же время, умами своими слишком обыкновенны. Камориль со мною — так или иначе — долго, слишком долго, практически целую жизнь. Когда его отпускает, и он перестает виснуть у меня на шее, некромант заводит себе игрушки — одну другой веселее и страннее, и я смотрю на его молочных барышень и медовых юношей, пью с ним горькую, когда они умирают по собственной глупости или же бывают наказаны на пределе жесткой несправедливости, предав Камориль Тар-Йер, польстившись на его деньги, 'власть' или 'славу'... Одна девушка верила, что Камориль способен предоставить ей бессмертие. Не у того она искала вечной жизни... Ох, ну какой же надо было быть дурой, чтобы просить об этом Камориль Тар-Йер! Умерла она, правда, не от его руки, но желание было исполнено.

Кристина, чистенький, хорошо прокипяченный от излишков плоти скелет в одежде горничной, стояла напротив меня, держа костлявыми пальцами поднос с кофе и бутербродами.

Камориль Тар-Йер — классный и благодушный парень. Но он не рассчитан на дураков. Он с ними смертельно несовместим.

— Я сам отнесу, — я принял поднос из рук Кристины. В местах сочленения суставов у нее блестела все та же колдовская золатунь. — Спасибо.

Она мне ничего не ответила. При жизни Кристина была довольно болтливой, но после смерти от этого качества полностью избавилась.

Я вернулся в гостиный зал. Камориль и Ромка поменялись местами. Теперь некромант возлежал на своем законном диване, а Ромка сидел в кресле. Одно было совершенно неправильно: сигаретка с мундштуком почему-то обреталась в руке мальчика, и я как раз зашел, когда он сделал хорошую затяжку... и не раскашлялся.

— Твой зверек тоже имеет право расслабиться, — улыбнулся Тар-Йер. — А мне ты кофе не сделал?

— Как-то я об этом не подумал, а ты не попросил, — пожал плечами я, поставив поднос на столик между диваном и креслом. Оглянулся в поисках куда бы сесть, и, пока я выбирал между широким подлокотником кресла и опасной, но удобной близостью к Камориль, тот властно усадил меня рядом с собой на диван, бесцеремонно обнял сзади и положил подбородок мне на плечо. Я заскрипел зубами и руки его от себя отлепил. На том и "договорились".

— Так вот, Роман, — произнес некромант, как будто в продолжение прерванной мной беседы, — я должен сразу предупредить о моем и не только моем отношении к вашей человеческой братии.

— Началось... — пробормотал я.

— Молчать, Мйар Вирамайна, — зашипел Камориль, — сейчас я говорю! Так вот... Нас меньше, чем было раньше, а о том, как было — помнят лишь ветхие книги, древние колоссы да выжившие из ума старики. Помнят и молчат, по большому счету. И это они зря, конечно, лучше бы предупреждали молодняк... Так вот, мы воспринимаем людей как дичь, как еду

или как материал для творчества. Мы — охотники, вы — жертвы. Мы — субъекты, а вы — объекты. Не важно, кто ты, маленький мальчик или довольно опытный и умелый мужчина какой-нибудь суровой военной профессии. С нами никому из вас все равно не сравниться и не справиться. Да, мы восхищаемся вашей смекалкой и хитростью, как радуется сторонний наблюдатель тому, что лисе удалось уйти от погони. Но не более того.

Камориль замолк, готовясь насладиться эффектом. Но что-то как-то его не последовало. Ромка и не думал впечатляться монологом некроманта.

— Проклятье, всегда хотел задвинуть кому-нибудь эту телегу, — вздохнул Камориль, отлипая от меня и облакачиваясь на диванную спинку. — Но это, в принципе, правда. 'Мы' — это я магов имею в виду, если что. И некоторую другую нечисть. Но! Даже мой обожаемый Мйар Вирамайна, если его, конечно, довести до кондиции... — он потыкал меня пальцем в плечо, — ... эмоциями там или наркотиками, ибо к остальному он равнодушен, может натворить таких бед, что у журналистов языки отсохнут расписывать, какой зверь завелся в тихом прибрежном городке!

— Ты что несешь! — разозлился я.

— Зубоскал, а пошли на море? — спросил Ромка.

— Ха-ха-ха, — искренне рассмеялся Камориль, да так, что даже голову запрокинул. — Да, и в школу не пойдем! А пойдемте, и правда, все на море!

— Так холодно же еще, — возразил я. — Или... зачем нам на море?..

Я не мог понять, шутит некромант или нет. А у мальчика — то ли нервы стальные, то ли он попросту не осознал еще, с кем связался.

— Смотри, я сказал про прибрежный город, и Роман тут же вспомнил, что давно не был на набережной, — стал весело объяснять Камориль. — Так как меня опасностью он более не считает, зверек твой закономерно предложил нам всем втроем прогуляться!

— Но там ведь люди! — я нахмурился.

— И что? Тебе что? Мне что? А мы чем не люди? С виду...

— Да ничем...

— Правильно, мы совершенно ничем не люди, — Камориль снова смеялся. Что-то он и впрямь неадекватный эти два дня, чересчур. — А посему я поддерживаю эту замечательную инициативу!

— Да что это за дурдом! — не выдержал я. — Ромка, ты чего? Ты хоть знаешь, что Камориль — некромант? Да он маньячина еще та, только на моей памяти человек шесть от его рук погибло, а что он потом с ними делал, это вообще, даже вспоминать тошно!

— Но-но! — Камориль погрозил пальцем. — На все были свои причины!

— Ага, как же! А скольких ты порешил за всю свою неестественно долгую жизнь? А тот серийный насильник, Виталий, которого ты держал в клетке и которым кормил серийного педофила Юрия?

— Суд бы меня оправдал, — Камориль вздернул подбородок. — Может быть, даже грамоту бы выдали!

Я фыркнул:

— Ты государством не ошибся ли, умник? — перевел взгляд на мальчика. — Ромка, пойми, он правда опасен! Да твои видения по сравнению с одним фактом твоего знакомства с Камориль — это тьфу!

— Дядька Зубоскал, так я же его душу вижу. И... нить тоже. И, кажется, что-то еще... Но вот эту сердцевину — яснее ясного, и там, мне кажется, все странно, немного страшно,

тройственно-перепутанно, но не ужасно...

Камориль даже как-то подобрался весь, насторожившись:

— А вот отсюда, пожалуйста, поподробнее!

Ромка вздрогнул и потупился. Не дождавшись от мальчишки разъяснений, Камориль заговорил сам:

— Мне, чтобы разглядеть суть существа (я предпочитаю слово 'душа' не использовать) приходится прибегать к специальному проявляющему составу, который вливается пациенту в рот. По действию аналогично отраве дельцов из Пламенного Просвещения, а калорий — ноль. Но даже с ним — далеко не факт, что все пойдет, как надо, и суть человечью мне удастся разглядеть. А тут такие заявления! Неужели он правда... хм.

— Зелье? Калории? Суть разглядеть? — я что-то совсем запутался. — Погоди, зачем?.. Или ты... Или у тебя уже есть догадки, что за удивительная силушка проклюнулась в Романе?

— Догадок нет, — Камориль покачал головой. — Ну, то есть, что именно в нем пробудилось — я не знаю, но раз уж разговор о душах... Есть вариант, что зверек твой видит изнанку.

— Изнанку? — переспросили мы с Ромкой почти хором.

— Если бы вчера мне удалось залить Роману нужное зелье в рот, то через некоторое время я смог бы различить строение, особенный рисунок его нутра, в общем-то, эту самую суть. И, различив, сравнил бы с теми, которые помню — и, может, смог бы определить, на какие именно чудеса способен мальчишка, необычен ли он, как сверхценный алмаз величиной с арбуз, или же он, к примеру, попросту поздно очнувшийся чтец какой-нибудь. Или шизофреник. Всякое ведь бывает. Раньше, — Камориль снова полез ко мне обниматься, но я перебрался на подлокотник кресла прежде, чем он меня поймал, — так вот, до пресловутой Войны Причин души можно было разглядеть и без всего этого. Нужно было только прочесть одно редкое, сложное заклятие... И тогда можно было, как говорили, увидеть души, которые ну прямо выпирали, светились и переливались — разные, как снежинки, как рассветы, как драгоценные камни на сколах. Короче, чистый сияющий концентрат, все натуральное и без примесей. Умеющий видеть да увидит, понимай, властвуй, колдуй — не хочу! Теперь душ не разглядеть уже — ведь заклятия не прочесть. И сути никому не видно — ни своей, ни чужой.

— И ты собирался Ромкину душу каким-то мутным зельем проявлять, так? — уточнил я.

— Ты меня не недооценивай, я все-таки потомственный некромант из, между прочим, древнего и уважаемого рода, — Камориль приосанился. — И уж кое-что про механику довоенных чар знаю.

— В том-то и дело, что ты — некромант, а не зельевар, и даже не священник из ближайшей церкви Потерянного. Ты на живых людях это свое зелье тестировал вообще?

Я уставился на Камориль прямо, и, к моему удивлению, некромант отвел взгляд первым. Сказал, скусившись:

— Ну нет, на живых не проверял.

— Ну-ка озвучь-ка мне состав.

— Состав?

— Состав.

Камориль хмуро вздохнул. Скривился, покачал головой, еще раз вздохнул. Выдал наконец:

— Ну ладно-ладно, ну полежит твой зверек потом недельки две в стационаре, — зато какой опыт! Атмосфера! Гороховая каша больничная — она же прелесть, как хороша...

— Мы не будем использовать этот вариант, — отрезал я.

Камориль цыкнул. Ромка прочистил горло и тихонько пролепетал:

— В больницу я не хочу...

Мы с Камориль вместе уставились на паренька. Я — озадаченно, Камориль — раздосадовано.

— Но Пламенному Просвещению его тоже нельзя отдавать, — заметил некромант.

— Почему? — спросил я.

— Заберут!

— Да ну!

— Ну да! Я не думаю, что тут все просто... Вот, смотри, — Камориль оживился, — твой зверек говорит "нить" и еще всякое. Это правда похоже на описание изнанки. Я читал об этом, когда сам был еще юн... по-настоящему юн, Вирамайна Мйар!

— Камориль, ближе к телу.

— Что-то подсказывает мне, что твой мальчишка зрит в корень, может, даже в изнанку безо всяких приспособлений и зелий. Эта способность, сама по себе — уникальный дар. А если он не только это может? Если он еще чего умеет в перспективе? Я лично такого ни у кого еще не встречал, но я слышал от коллег, еще до войны, о чем-то подобном... Это значит, что мальчишка не выдумывает. Но ни в какую гильдию его не отправишь, раз уж никто из современников не специализируется на подобном. Из наших с тобой знакомых интуитивно нащупывает струны только Марик, но он уникам и изнанки не видит. Я могу видеть изнанку верхним левым, но смутно и тускло, если ничем себе не помогать, а струн не вижу вовсе. А этот твой зверек, вероятно, читает исходный код нашего бытия — как он есть.

— И что?

— Я тоже ничего не понял... — подал голос Ромка.

Камориль нам ничего не отвечал, сосредоточенно глядя куда-то в пустоту перед собой. Думает, что ли?.. Или вспоминает?..

Я тоже попытался собрать это все воедино, но тщетно. Решил уточнить:

— Так, хорошо. Камориль... А до войны... кто из магов довоенного времени видел эту твою изнанку? Кто души разглядывал? Как это все называется?

Камориль задумчиво постучал пальцем по подбородку.

— Специализации такой не было и нет, — наконец произнес он. — Все маги, так или иначе, работают с потаенной сутью вещей. До определенных событий в этом им помогали заклятия. То есть, при желании, изнанку мог посмотреть каждый, кто был способен прочесть пару древних заковыристых формул. Теперь этого подспорья нет. Вместе с умением читать заклятия мы потеряли возможность видеть эту самую потаенную суть, мы забыли теорию, мы утратили знания. Все, что осталось — интуитивная практика. Практика без теории превращает магию в ритуал. Мы — слепцы, по сути. Могу поспорить, что нынешнее поколение об изнанке даже не подозревает, а уж о видении ее и речи не идет. Впрочем, я не знаю, как там сейчас обстоят дела в столичном университете и филиалах, и чем они там вообще занимаются.

Я не выдержал и взмолился:

— Камориль, пожалуйста, собери мысли в кучку и объясни мне... попроще. Скажи, то есть ты, как практикующий маг, можешь определить, что с мальчиком, что за сила ему

досталась и как с этим быть? Или ты просто строишь предположения?

— Строю, конечно, — фыркнул Камориль. — Опираясь на устные показания. Ты же не дал мне его нормально поизучать с применением препаратов!

— А как бы его изучали работники Пламенного Просвещения?

Камориль потер переносицу, глядя куда-то на ковер. Сказал, выговаривая слова медленно, как будто вспоминая некий текст:

— Они бы тоже прополоскали его зельями, а проявившийся рисунок сравнили бы со списками, и, может быть, нашли бы аналог... Если дар его окажется не из ряда вон, в чем я лично сильно сомневаюсь, то к мальчику будут применены меры согласно Заповеди Неугомонного Сердца и, в соответствии со специализацией, ему выдадут инструкции и направление в одно из учебных заведений, — публичное ли, или тайное, закрытое, или еще какое...

— Неуютно как-то звучит, — отозвался Ромка. — Это что же, моя жизнь может настолько круто измениться?

— Может, — кивнул Камориль. — А ты как хотел?

Пока Ромка хмурился и молчал, я уточнил:

— Ну, а если работники Потерянного найдут, что рисунок не соответствует их спискам, что тогда?

— Что-что... — передразнил Камориль беззлобно. — Ничего хорошего. Я не знаю, куда они пошлют Романа в таком случае. В столицу, наверное. В какую-нибудь лабораторию под крылом у чтецов или поглощающих. Ведь, ежели я прав и то, что он видит — изнанка, то зверек наш ценен для гильдий невероятно одной этой своей способностью. Маг, видящий изнанку, — это ж зрячий среди слепцов. И это в наши-то времена! Феномен, сенсация... скандал. А оно нам надо?..

Я вынужден был признать:

— Хорошо, ты практически убедил меня, что в Пламенное Просвещение обращаться нам не стоит. Оставим этот вариант на случай, если сами в ближайшее время ничего не придумаем. Ром, ты как на это смотришь?

Ромка ответил, глядя на меня серьезно и решительно:

— Дед сказал, что мне pomoжешь ты, Вирамайна Мйар. О Потерянном и всяком таком другом он ничего говорил.

Мйар Вирамайна Зубоскал стоял у окна, прислонившись лбом к стеклу. Камориль в это время вызывал такси.

— Хочу иметь полную свободу передвижений, — пояснил он, — а личные транспортные средства меня будут стеснять... Малыш, ты пробовал самбуку? — обратился он к Ромке.

— Нет, а что это?

— Это такой замечательный ликер из звездчатого аниса...

— Ему четырнадцать лет, — проскрипел зубами Мйар, не поворачиваясь от окна. — Человекам в этом возрасте по нынешнему законодательству нельзя.

— Может, еще и женщин раздетых ему показывать не станем? Мйар, я заберу у тебя мальчишку в юные приспешники, если ты и дальше будешь так феерично настраивать его против себя!

— Люди — не инструменты, чтобы их настраивать, — Мйар не оборачивался. — А я — не Эль-Марко.

Ромка понял, что перестает понимать уже и Мйара тоже. Голова гудела от терминов, названий и прочего, рассказанного только что Камориль, а сверкающие нити, пронзающие бытие, и не думали никуда исчезать, становясь заново резкими и яркими, стоило только моргнуть.

Значит, вот оно как. Значит, для Мйара и Камориль "сверкающий мир" не существует. Да, они оба, наверное, волшебные — чему свидетельствуют эти вот уши острые у Мйара, и еще клыки, и эти вот странные, страшные золотистые глаза некроманта. В волшебность их верится без всяких прочих доказательств, да. Ведь кроме этих внешних их странностей, Ромка видел и их внутренние отличия от простых людей. Суть у Мйара и Камориль непростая. У некроманта нутро вообще очень странное, особое... Душа у него как будто бы тройственная, и совершенно очевидно не человеческая. И еще она как будто бы... тлеет. Что это с ней и почему так, Ромка не знал. Но хотел бы разузнать при возможности. Если, конечно, ему придется и дальше жить в этом сверкающем мире, где любое живое существо и любой неодушевленный предмет похожи на солнца в ослепительном мареве протуберанцев...

— Вот так.

Ромка увидел перед собой лицо Камориль. Некромант улыбался.

— Ну как? Внимание собралось?

— А что это вы сделали? — удивился Ромка. Ощупал лоб. Нашел прилепленный между бровей пластырь и только потом учуял резкий запах от него.

Сияющий мир померк. До нормального состояния.

— Работает? — спросил некромант.

— Вроде, да... Все стало... обычным! — удивленно ответил Ромка.

— Ага, — некромант удовлетворенно кивнул. — Работает, значит. Что ж...

— Такси прибыло, — сообщил Мйар, разглядев за окном серую иномарку.

— Ну, пошли, — прихватив огромный черный зонт, Камориль бодренько направился к выходу. Замедлил шаг, дожидаясь, пока Мйар догонит его. Ловко приобнял за плечи. — Не

тревожись ты так, душа моя! Ну, странные дела. Так ничего ж особенного! Кроме того, когда бы еще мы стали проводить столько времени вместе?

— Хех... — протянул Мйар, — наверное, только в старые добрые времена, когда я здесь еще не освоился и ты мне рассказывал, что к чему!

— Как молоды мы были!..

— Да вы ж и сейчас, вроде, не старые? — неуверенно спросил Ромка, садясь в машину.

Камориль, проигнорировав его вопрос, скомандовал водителю, куда ехать, и двигатель взревел. Из окошка отъезжающей машины Ромка смог рассмотреть поместье некроманта целиком. Как оказалось, к выстроенному в изысканном, но немного мрачноватом стиле дому прилегал еще и сад, конечно же, темный, похожий на лабиринт и тяготеющий к крайней запущенности. Затем машина проехала мост через водохранилище, и Ромка стал понимать, в какой части города находится жилище Камориль Тар-Йер. Мальчик задумался, откуда, вообще, у них такие имена: 'Мйар', 'Камориль'... Совсем вроде бы не здешние, да и... может, сами себе понавыдумывали?

Ехали молча. Водитель включил радио. Передавали ухудшение погоды через три дня, дожди и даже грозу.

Значит, хорошо, что к морю удалось выбраться сейчас. Да и такой козырный прогул ненавистной школы — это надо уметь.

Через двадцать минут машина остановилась на подъезде к городскому пляжу. На набережную ехать Камориль, очевидно, передумал.

— Ты что, купаться собрался? — вылезая из машины, недоверчиво спросил Мйар.

Камориль рассчитался с водителем и тоже вылез, не забыв по-настоящему огромный черный зонт.

— Ну да, — кивнул некромант, — а что?

— Да так.

Мйар пошел по песку в сторону моря. Берег здесь был пологий и широкий, метров тридцать, как минимум. В стороне виднелось кафе, база спасателей, по сезону пустая, и пирс.

Ромка тащил свернутую подстилку, доверенную ему некромантом.

Где-то на полпути к воде он догнал Мйара. Тот стоял и смотрел на море. Ветер дул в лицо, нагоняя волны, заставлял щурить глаза.

— Знаешь ты, о чем кричат чайки над головой... О чем тоскует черный океан... Огромной синею душой, водоворотами у скал, и окнами церковей затонувших стран... — напевно прозвучал голос Камориль. Он с силой воткнул зонт острым основанием в песок и раскрыл его. Это оказался обыкновенный пляжный зонтик, только выкрашенный в черный. Стиль, который Тар-Йер предать физически не мог.

Мйар сел на подстилку и снял кроссовки. Ромка тоже уселся рядом.

— Говорят, где-то здесь обитают русалки, — улыбнулся Камориль. — А это в моем ведомстве, утонувшие девы-то! Пойду, проверю.

— А можно, я с вами? — попросился Ромка. Камориль, расстегивая шелковую рубашку, скосил взгляд на Мйара:

— Это ты у него спроси. Ему виднее, что тебе можно, а что нельзя.

— Вода сейчас градусов десять, — сказал Мйар, — и вон там, в трех километрах от нас, на косе, два 'моржа' лет сорока как раз вылезают на берег.

— Нормально, не помру! — Камориль уже снимал штаны. Штанины были узкие и никак

не отпускали его худых ног. Наконец, он с ними справился, явив свету черные плавки с узором из серебристых скелетиков. — Я пошел!

— Иди, иди, — Мйар не улыбался и пребывал в задумчивости, — овощная культура экваториальной местности...

— Я все слышал!!! — удаляющийся к морю некромант обернулся и помахал над головой обеими руками.

— Слушай, — обратился Ромка к Зубоскалу, — а зачем Камориль корсет? В море?

— А нафига козе баян? — вдруг рассмеялся Мйар.

— Дядька, я тебя не понимаю последнее время.

— И никогда не поймешь, — задрал нос Мйар и откинулся на подстилку, окунув волосы в песок и, естественно, этого не заметив. — Ты решил за ним не идти, что ли?

— Та да, десять градусов, как-то... не греет, — Ромка поежился. — Плюс ветер. А я, как мама говорит, просто обожаю наслаждаться простудными заболеваниями.

— Понятно. А я при Тар-Йер раздеваться не хочу. Как говорится, не буди лихо...

— Лихо? — переспросил Ромка. — Ты все-таки уверен, что его лучше бояться? Но мне показалось...

— Ох, — Мйар прикрыл лоб и глаза рукой, — забудь об этом. Тебе, очевидно, бояться нечего.

Замолчали. Ромка смотрел на то, как далеко в море плещется Камориль и как будто даже не один.

— Только б он тут никаких костей не обнаружил, — проговорил Мйар слегка обеспокоенно. — Помню как-то раз он нам такой перфоманс с полуразложившимися дельфинами устроил, что я потом неделю заснуть спокойно не мог. Хотя, наверное, сегодня Камориль не станет тратить силы почем зря. Расслабился же, бездельник, ушел в зельеварение, не тренируется.

— А почему? — удивился Ромка. Он, по правде, и не задумывался о реальной мощи некроманта.

— А, живет в свое удовольствие. Собственно, как и я.

— Но у него такой богатый дом.

— Ну, у кого какие потребности.

Ромка глянул на Зубоскала. Тот лежал с закрытыми глазами, легкая улыбка смягчала его черты — простые и даже, пожалуй, немного грубые. Ветер трепал темно-зеленый ворот безрукавки. Между Мйаровых ключиц притаился амулет в виде серебряной птицы — то ли сокол, то ли орел, то ли ястреб... так просто и не разглядеть. На плечах Зубоскала виднелись мелкие геометрические рисунки, сплетающиеся в линии и стрелки, которые уходили дальше, под одежду. Ромка не стал о них спрашивать. Потом как-нибудь Мйар сам расскажет.

— Думаешь, это правда — ничего страшного, что я получил эту возможность? — наконец спросил Ромка то, что его на самом деле беспокоило. — Ну, видеть души в людях, и это переплетение светящихся ниток, тянущихся во все мыслимые стороны, и все эти узлы, и древа, и... и эту "изнанку", и... как там Камориль сказал? "Исходный код"...

Мйар долго не отвечал. Наверное, собирался с мыслями.

— В том, о чем ты рассказываешь и что там наплел Камориль, я не разбираюсь. У меня, по правде, от его болтовни чуть голова не разболелась. Но вот о мире снов — мороке, — я кое-что читал. И сны твои меня сейчас куда больше волнуют. Видишь ли, существует идея, что мир снов — это отдельная такая реальность... Не то чтобы параллельное измерение, а...

будто бы множество иных вселенных, сплетенных в одну, многомерную, но в целом похожую на огромную сферу, которая касается нашей планеты краешком и забирает в себя твоё сознание, которое во сне не так крепко прикреплено к телу. Или душу забирает. Об этом-то я читал, а вот о самом понятии души не задумывался. Согласно этой же теории, когда ты просыпаешься, срабатывают некие загадочные связи, и ты — снова ты. Некоторые считают, что любой мир, куда попадает жизненная энергия (она же душа или, как говорит Камориль, суть), по неписанным законам награждает эту душу материальным телом. Что потом случается с этим телом, в котором ты жил, пока спал здесь, в основной реальности?

— В основной реальности?

— Ну да. Посмотри на солнце. Солнце — это основа, базис, если угодно. Оно, как ось, связывает воедино все вариации жизни на этой планете. Мы смеем считать, что наша реальность — основная, но мы не утверждаем, что мы не 'снятся' кому-нибудь, кто считает нашу реальность сном или забавной игрой сознания.

— Ух, как сложно...

— Да ладно, совсем не сложно. Немного бредово, может. К тому же, я наверняка где-то в объяснениях наврал.

— Если я засну и попаду в другой мир, я узнаю тебя в другом теле, — вдруг сказал Ромка.

— В смысле, узнаешь?

— Если мы попадем в измерение сна, в этот ваш морок, то я увижу твою суть, кем или чем бы ты ни был, узнаю тебя и смогу забрать обратно!

Мйар присвистнул.

— Какой запал. Это ты молодец... Но, знаешь, мне бы не хотелось проверять эти теории. Я люблю прочно стоять на земле и предпочитаю не лезть в тонкие материи нематериального. А ещё я что-то собственную мысль поймать не могу. А, так вот, — Мйар сел и почесал затылок. — Эх, что-то песок мне голову отдал... Ага, тебе снится хрень, ты пришел ко мне, мне стала сниться хрень... может, это одна и та же беда, пребывающая где-то там, в мороке, и она использовала тебя, чтобы добраться до меня?

— Какой ты все-таки эгоцентричный, — заявил Камориль Тар-Йер, явившись, как древняя богиня любви, из пены морской. Менее объемён, чем классическая фреска, и более одет, но что-то общее в них определенно прослеживалось.

Камориль стал выжимать волосы, попутно кадая на все вокруг и прыгать на одной ноге, вытряхивая воду из ушей.

— Ой, е... — протянул Мйар.

— Так вот что значит "посинеть от холода", — проговорил Ромка, глядя на Камориль замороженно.

— А мне абсолютно не холодно, — отмахнулся некромант, повесив полотенце на плечо. — О! Вон там я вижу кафе, а рядом с ним кабинки для переодевания! Вы пойдёте заказывать чего-нибудь подкрепиться, а я в сухое облачусь, а потом мой старый добрый друг Мйар заплетет мне шикарную косу, правда, Мйар?

— Если будешь себя хорошо вести, — улыбнулся тот.

— Нет, ну вы правда синий! — не успокаивался Ромка.

— Сейчас на солнышке отогреется и порозовеет, — успокоил его Мйар. — Ручаюсь, пока дойдем до кафе, официантки его уже не испугаются.

— А кафе-то работает?

— Работает, еще как. Я отсюда вижу скучающих девчонок за столиком и бармена с газеткой. Хм, им всем настолько скучно, что синенький Камориль, по правде, был бы самое то...

Сложив зонт и свернув подстилку, они направились в сторону кафе.

— Почему девушки носят лифчики на пляже? — задался философской мыслью Ромка.

— Глобально, — хмыкнул Мйар.

— В четырнадцать лет, самое то! — развеселился Камориль.

— Нет, ну я не понимаю! Все равно на пляже видно, у кого грудь больше, или, там, некрасивая, например!

— Ну, они такие нежные, — это рассуждал некромант, — хотя по строению и ничего такого, а функционал до скучного утилитарен, но все-таки есть в этом что-то такое...

— Это тебе психологов и сексологов почитать надо, — предположил Мйар, — ну там, про наготу в искусстве и жизни...

— Есть же еще нудисты! — вспомнил Камориль.

— Ага, и эксгибиционисты... — Мйар задумался. — Кажется, это было неплохо разобрано у кого-то из западных философов позапрошлого века...

— Я — переодеваться!

Ромка и не заметил, как за разговором они добрались до кафе.

Заведение было открытого типа, то есть представляло собой огромный навес, огороженный бамбуковыми загородками, прилегающий к каменной постройке, где располагались кухня и прочие служебные помещения. Бармен уже не читал газетку, а обслуживал семейную пару, подошедшую чуть раньше них. Девчонки, блондинка и брюнетка, занявшие ближайший к морю столик в углу, уже не грустили о судьбах мира, а весело перемывали кому-то косточки и иногда заразительно хохотали. За семейной парой, заняв очередь, стояла девушка в голубом платье и белой шляпке с широкими полями.

Мйар отправил Ромку занять место, а сам остался у стойки ждать своей очереди.

Ромка нехотя подчинился, ведь столиков было навалом, и вряд ли кто-то занял бы именно этот. Но Мйар настоял, что место козырное, мол, и море видно без помех, и от ветра защищено, не продует.

Ромка проверил мобильник: три пропущенных звонка от матери и текстовое сообщение: 'Рома, где ты? Позвони мне немедленно!'. Нужно было звонить.

— Алло? Да, мам, прости... я на перемене, ага... ветер... да нет, носки не грязные, мне Вовкина мама чистые дала. Хорошо, поставлю на погромче! Да мы заболтались, я уснул... Хорошо, после уроков куплю, сколько-сколько? Куплю.

Пока он запоминал, что купить из еды, у барной стойки началось нездоровое шевеление. Ветром донесло обрывки слов. Кажется, мужчина ругался с барменом по поводу того, что тот не вычеркнул из меню тех блюд, которых в расположении кафе на сегодня нет, а бармен, естественно, слушать ничего не хотел. Конфликт затянулся, вмешалась женщина. Девушка в голубом в разговор не встревала, Мйар стоял за ней, время от времени оглядываясь на Ромку и нетерпеливо постукивая пальцами по деревянной столешнице.

К Ромке подсел переодетый в сухое Камориль.

— Что он там возится? — спросил некромант.

— Да там скандал какой-то, — Ромка спрятал мобильный. — Я не знаю.

— Хм, — некромант откинулся на спину стула, — вот ведь... Смотри... Когда Мйар оглядывается на нас, барышня та, в голубом, оглядывается на него.

— И правда, — Ромка улыбнулся. — Чего это она?

— Видать, понравился.

Некромант погрузился. Потом зачем-то расстегнул рубашку, и сел расслабленной:

— Жарко, — пояснил он.

Тем временем семейная пара ушла, видимо, искать другое кафе. Благо, на берегу их было вдосталь. Девушка стала говорить с барменом, время от времени уже в открытую поглядывая на Мйара.

— Вот же, коза, — процедил некромант. — Небось, потом еще подсядет к нам и будет заигрывать. Нет, ну точно подсядет!

Бармен тем временем наливал в высокий стакан сок.

И тут случилось такое судьбоносное событие, которое, силою своей судьбоносности, замедлило течение времени и запечатлело лица присутствующих, как талантливый, но крайне свободный фотограф: со всей гаммой чувств, свежо, четко, экспрессивно — но без прикрас.

Ромка не понял поступка Мйара. Камориль все понял, сделал выводы о том, что будет дальше и прикрыл веки, спрятав грустные сияющие очи свои и, таким образом, придушив на корню все свое отчаяние. Девушка сказала:

— Ой!

Мйар обернулся почти мгновенно.

Шляпка летела, несомая ветром, к морю.

Мйар собрался в пружину и побежал. Потом прыгнул, растянувшись выстрелившим луком.

Приземлился на песок у самой кромки воды на четыре конечности, держа шляпку в зубах.

— Ну все, — произнес некромант уныло, — это победа.

— А что это вообще за?..

Камориль протянул руку и отлепил пластырь со лба мальчика. Потом снова прилепил.

— Ну, что видишь? — спросил он.

— Нити рвутся, переплетаются, бурлят и хлещут, — прошептал Ромка. — Тысячи их! Откуда ни возьмись! Яркие! Отовсюду!.. Как фейерверк!..

— Так я и знал... Переплетаются, говоришь... да спутываются они, вот что, — прошипел Камориль. — Но я, наверное, просто ревную.

— Вот, — сказал я, по правде, очень смущенный своим внезапным поступком. Протянул девушке шляпку.

Ветер трепал ее соломенные волосы и развеивал подол голубого платья.

— Эм, спасибо большое, — произнесла она, — правда, большущее спасибо! Я сама, конечно, балда, тут же вот веревочка есть, шляпу ведь если правильно надеть, ее ветер не сдувает!

— Ну, смотря, какой ветер, — улыбнулся я. — Просто, нужно было действовать быстро, иначе бы потом пришлось лезть в воду...

— Да не пришлось бы, она же недорогая совсем, а море сейчас очень холодное. Я подходила к воде, пробовала. Но все равно огромное вам спасибо!

— Да не за что, — почему-то я начал еще больше смущаться. Что-то последнее время со мной происходит очень много таких вещей, которых обычно не происходит! Мистика какая-

то!

Мы стояли на полпути к морю. Когда я приземлился у воды, девушка уже подбежала сюда, а потом подождала, пока я подойду к ней.

— А вы акробат или спортсмен, да? — спросила она.

— Да я... так, — я почесал затылок и в смятении обнаружил, что волосы распущены. Мне поплохело. — Мы тут с друзьями...

— Понимаю, — рассмеялась девушка. — И они, наверное, уже вас заждались! А я еще за сок не расплатилась! Убежала, прямо просто так!

— Да подождут, куда денутся, — тоже развеселился я. Надо сказать, что я пребывал в весьма дурацком положении. По возвращении в кафе меня ждали едкие шуточки Камориль по поводу произошедшего, это наверняка. Плюс я мало того, что скакал тут по пляжу, аки резиновый мячик, я еще и волосами уши забыл стянуть, так что мои расчудесные острые лопухи рдели у всех на виду. Мне оставалось только одно: для полноты эффекта улыбнуться всей клякастой пастью. Что я и сделал, когда она зачем-то спросила, как меня зовут.

— Мйар, — сказал я и радостно обнажил клыки.

— А меня называют Мари, — улыбнулась она.

И я напрочь забыл, что людям этой местности надо представляться Максимом, и... Одно радует: видимо, она приняла мое имя за прозвище. 'Мари' ведь тоже необычное для наших мест имечко, и оно наверняка является каким-нибудь там девичьим псевдонимом для подписания посланий подружкам по переписке...

За эти десять минут я действовал настолько неадекватно, что уже устал сам себе удивляться.

— Мари, может, пойдём вместе посидим? У меня там друг, которому некуда девать деньги, он собрался заказывать 'самбуку' и спаивать ею своего четырнадцатилетнего племянника...

— У-у, какой коварный! — она расхохоталась. — А у них, в этом кафе, нет 'самбуки'! Зато есть латте с кокосовым сиропом по умеренной цене, я в меню видела!

Она вдруг взяла меня за руки, за ладони, и, перестав улыбаться, посмотрела в глаза:

— Спасибо тебе, Мйар, ты сотворил для меня маленькое, весеннее, большое чудо.

Ее глаза были яркими, голубыми, но почему-то немного расфокусированными.

— Да я...

— Но чудесами не стоит злоупотреблять, вот как я думаю. А потому я, с твоего позволения, не буду знакомиться с твоим другом, ни с его племянником, мне на самом деле сложно общаться с совершенно незнакомыми людьми, вот, и... я все равно хотела выпить сок и уходить, мне домой надо.

Я понимал. Нет, я, ясен пень, вообще ничего не понимал, но я знал, что да, ей нужно уходить, что та семейная пара и так отняла у нее слишком много времени, за которое она бы уже выпила свой сок и ушла домой. Она, может быть, и не заглянула бы в эту кафешку, если б знала, что те товарищи устроят бармену такой разнос.

— Вот, возьми, — Мари протянула мне карточку, — это мои координаты, если соберешься тут гулять, стучись!

Я непонимающе уставился на литеры и цифры.

— А это куда вводить? — спросил я.

— У-у, — протянула Мари. — Ну ничего, захочешь, узнаешь.

Я смекнул, что ляпнул какую-то еще большую глупость. Дальше краснеть мне было

некуда, а потому я повернулся и пошел в сторону кафе. Мари шла справа от меня и ничего не говорила.

Камориль и Ромка, оба с высокими бокалами в руках, сначала проводили беззастенчивыми взглядами давешнюю девушку, а потом уставились на подошедшего и плюхнувшегося на стул Мйара так, что он начал прикидывать, а не встать ли и не уйти от греха подальше, или, может, сразу провалиться глубоко под землю.

— Если я провалюсь глубоко под землю, ты ж меня и там достанешь, — сказал он, косясь на некроманта.

— Достану, — медленно, растягивая слоги, произнес Камориль. — Ох, достану...

— Вы с ней познакомились? — спросил Ромка.

— Ну да, — Мйар положил на стол бумажку. — Надо узнать, что это за координаты такие, наверное, сетевое что-то... а то я, кажется, несколько отстал от жизни.

Камориль перегнул брови и пригубил своего питья, синеватого и густого на вид.

— А чем же ты общаешься с другими? — удивился Ромка.

— То есть? — не понял Мйар.

— Ну, с людьми, которые от тебя далеко.

— Ну, у меня не так много друзей за границей, — задумался Мйар. — Я иногда им письма пишу, ха-ха, тем, кто разбирает мой почерк. Я только Лоренсу звоню, потому что он моего почерка не разбирает.

— Мда, — сказал Ромка и попытался с тем же видом оскорбленного аристократа, который превосходно удавался Камориль, отпить из своего бокала. Не вышло. — У, гадость, — сморщился мальчик.

— Нет, а что? — Мйар не понимал. — Кстати, а мне вы ничего не заказали? Или этот молочный коктейль — мне?

— Тебе, тебе, — кивнул Камориль и снова замолчал.

— Хо-хо, а я не откажусь! Не все же тебе эпатировать публику трусами в скелетиках! — Мйар взял коктейль и присосался к соломинке. — О, клубничный!

— Ладно, к делу, — некромант поставил свой бокал и полез в карман за сигаретами. — Рома, расскажи мне все, как было про своих предков, деда или кто там еще был, расскажи, что тебе стало сниться, и после чего оно начало тебе сниться. Сны твои пришли вместе с видением "сияющего мира" или не так?

— Сначала мне приснилась огромная женщина и какая-то угроза, — сказал Ромка, — а на утро я проснулся, открыл глаза и... все вокруг стало иным. Потом оно померкло, потускнело, стало терпимым, но никуда не делось... А тот первый раз я никогда не забуду.

— А перед той ночью... что-нибудь случилось перед тем, как ты тогда уснул?

— Ну, — Ромка замялся, — я даже не знаю... выделить ничего не могу... вроде день обычный был. Единственное что, у меня тогда зуб мудрости расти начал, верхний левый, то есть, как бы, проклюнулся из десны. Но это, наверное, отношения не имеет.

— Ну, почему же, все может иметь отношение, — некромант выдохнул дым вниз. — Так, может, еще что-то было? За день, два до начала кошмаров и видений?

— Да все нормально было. Просто я не испугался, меня дед и отец давно предупреждали... мне кажется, они меня готовили к этому и точно знали, что это случится. То есть, отец знал, дед-то помер давно, но он еще тогда знал, при жизни, что со мной это все произойдет.

Остальное Ромка рассказал то же, что и Мйару при их первой встрече.

— Эта Варя-Вороненок... — Камориль задумался. — Что-то имя какое-то смутно-знакомое... а как выглядела эта твоя бабка? Ты видел фото?

— Угу, — Ромка крутил в пальцах вишенку из напитка. — Она, кажется, наполовину цыганкой была, глаза большие, брови взлет, черные, волосы тоже черные, блестящие и вились.

— Полное имя Варвара, что ли? — спросил Мйар.

— Не, Варамира, имя у нее иностранное было.

— Варамира, — Камориль смаковал имя, как Ромка — вишенку. — Варамира-Вирамайна. Колдовское имя какое-то. Или просто ненастоящее, выдуманное. Не знаю я что-то таких цыганских имен. Кстати, Мйарчик, как твою девицу-то звали, со шляпкой которая?

— Мари... — мурлыкнул Мйар.

— Тоже не настоящее, вокруг одно сплошное надувательство! — возмутился некромант.

— Да ладно, может, ее Марина зовут, а она взяла и сократила на западный манер, по моему, криминала тут особо нет! — Мйар был категорически не согласен.

— Наши имена знатно мурлыкать можно, — скорчил Камориль презрительную физиономию, — Камориль-Мйар-Мари... Роман. Вирамайна-Варамира...

— Тш-ш! — Мйар поднес палец к губам. — Сейчас огромного человекоподобного бога-осьминога вызовешь! Море-то рядом!

— Вот тоже, мо-ре. Ро-ман. Ви-ра-май-на.

— Это, друг мой, филология и ничего более!

— Ну не скажи. У людей с общими буквами в именах судьбы связаны, а чем больше общих букв, тем крепче. И не говори мне, что это бабушкины сказки! Это, как я имел честь замечать на протяжении своей жизни, чистая правда.

— Не-не-не, это же тогда вообще труба!

— А тут вообще все — труба... Значит так, — Камориль затушил сигарету. — Ты, Ромка, сходи домой и возьми те бумаги, которые твой дед исписал своими завещаниями. Может, он нам намекнул чего полезного. И фотоальбом не забудь, будем им память Мйарчику освежать. Пластырь снимай только, если вдруг какая опасность, ты еще пока не умеешь... Ну, мне кажется, что не умеешь адекватно использовать этот свой странный дар. Так, чтобы был толк. Изнанка тебя сейчас только в ступор вводит, а это опасно. Возьмешь письма и фотографии — приходи на ночь к подвалу Мйара.

— Угу, будет сделано, — кивнул мальчик.

— Я домой пойду, — сказал Мйар, — мне надо искупаться и придти в себя. Я перенервничал.

— Из-за бабы, что ль? — переспросил некромант.

— Да не только, ты мне устроил веселое утро, тут тоже, сначала скандал, потом эта шляпка... да еще схожу в департамент, у меня к Элви небольшое дело.

— Итак, с вами ясно. А у меня в два часа фотосессия, — вздохнул Камориль.

— Нафига? — удивился Мйар. — В студии, что ли?

— Угу. Я хочу снова зарегистрироваться в агентстве знакомств с иностранцами.

— Во даешь! Опять на гастроли тянет?

— Да нет, это я так, просто... Просто небольшое развлечение, — улыбнулся Камориль криво. — Заодно, буду в центре, куплю тебе мобильный телефон.

— Зачем? Мне вполне хватает плеера...

— А разве я не могу сделать приятное моему очаровательному другу? — некромант захлопал ресницами. Потом резко стал серьезным: — Пора тебе выходить из изоляции, вон, видишь, тебе сама судьба на это намекает, вот этим вот неожиданным знакомством, — он кивнул на Ромку. — Смотри, это она еще намекает, а если кричать и стучать кулаками начнет? Так что...

Мйар ничего не сказал.

Камориль, поглядывая на Мйара искоса, вызвал такси.

Я смотрел вслед удаляющейся красной машине.

В голове было пусто и звенело.

Может быть, я простудился?

Вздохнув, я пошел мимо аптеки и продуктового к себе домой.

Все в доме оставалось таким же, только постель скомкана и шарообразный флакон с какой-то лиловой гадостью неприкаянно валяется в изголовье кровати. Камориль его сюда, что ли, притащил и забыл?.. Ох, ну и растяпа, это ж как можно умудриться забыть в чужом доме наверняка запрещенный Заповедью артефакт? Или это... А, точно. Это, наверное, тс зелье, которым он Ромку хотел поить. Ну-ну.

Пройдя в санузел, я включил газовую колонку и стал набирать в чугунную ванную горячую воду.

Потом почему-то подошел к входной двери и закрыл ее. На замок.

Прошел на кухню, поставил чайник на огонь. Открыл холодильник, обнаружил там полпалки колбасы, но есть не стал, закрыл.

Снял безрукавку и бросил ее в угол.

Прошел в кабинет и остановился взглядом на виолончели.

Немного постоял, а потом подошел к ней, вынул из футляра смычок, сел на стул, взял инструмент, прижал пальцами струны к грифу...

Стал играть. Виолончель была немного расстроена, самую чуть. Но я был не в том состоянии, чтобы ее настраивать. Вообще, чтобы настроить какой-то инструмент, надо, прежде всего, пребывать в согласии с самим собой. Иметь некую гармонию внутри себя. Конечно, не думаю, что профессиональные музыканты со мной согласятся, это ведь, по сути, просто вопрос техники и слуха... но у меня, любителя, дела с моими виолончелью, домрой, гитарой и лютней обстоят именно так.

Я играл недолго, минут двадцать. За это время ванна набралась почти до краев, пришлось спускать воду.

Добавив туда соли для ванн, я разделся и погрузился в горячее блаженство по самый подбородок.

На трубах собирался конденсат и капал, не оставляя меня на растерзание тишины.

Я задержал дыхание и окунулся в воду с головой.

Несколько секунд пребывания, как в утробе матери.

Наверное.

Тепло, темно, невесомость. Ничего нет. Вообще ничего больше нет.

Я вынырнул, глаза стало щипать от растворенной в водопроводной воде хлорки, но потом прошло.

Я расслабился и позволил своим мыслям течь, куда им заблагорассудится.

Я вспоминал события этого и предыдущего дней. Сумасшедший Камориль, непонятный

мальчишка, нашедший с некромантом общий язык, язык мелких человеческих пороков, потом Мари, перед которой я выставил себя таким идиотом, что аж страшно подумать, каким. Ее расфокусированные глаза... Может, она плохо видит? Но, например, стесняется носить очки. И не умеет вставлять линзы. Это было бы неплохо... Ох, то есть, конечно, плохо, для нее, но неплохо для меня. Тогда бы она не увидела всех моих 'прелестей', которые предостерегают нормальных людей от общения со мной.

Стоп, Мйар Вирамайна. Значит ли это, что ты хочешь с ней общаться?

— Ну да, наверное, хочу, — произнес я.

Рывком поднялся и сел на край ванны. Вода, разволновавшись, полилась на мелкую зеленую плитку. Я взял мочалку и мыло, стал тереть одно об другое.

— От девушки пахло сладостями, мармеладками. Хорошие люди любят сладкое. Даже диабетики любят сладкое. А я уже года три вообще ни с кем не встречался.

Ну да, не считая извечные приставания Камориль. И Ольгу Павловну, сорокалетнюю скрипачку небольшого оркестра, на репетиции которого я иногда хожу. Там у нас всего пятеро музыкантов и приходящая вокалистка. Все — нормальные такие, обыкновенные человеки, в возрасте. Хотя Ольга Павловна регулярно кормит меня пирожками, которые сама печет, это в ней, наверное, просто материнские чувства. А Элви — это вообще не то, Элви это друг. Даже несмотря на видовые различия. Там, очевидно, и быть ничего не может. Есть еще продавщица в книжном, которая достает для меня редкие издания старых книг на языке оригинала, но она, кстати, в этом месяце выходит замуж, и, так уж вышло, даже беременна.

— Ну, я, конечно, гоню лошадей, — я неторопливо намыливал бока. — Про 'встречаться'. Хотя бы общаться. Я и так себя дураком показал... Пускай отчаянным и благодушным... То есть, настоящим, стопроцентным дураком. Ха-ха. Узнаю, что за контактные данные она мне дала, и если это что-то о компьютерах, то придется разбираться. Вот и нагнала меня эра технического прогресса! Ну, с плеером же я разобрался.

А плеер, кстати, оказался классной штукой. В нем было встроенное радио и диктофон. Музыка туда заливалась через кабель. Мне с этим помогал сын начальника района из департамента, девятнадцатилетний Степан. Благо, вкусы у нас совпали с филигранной точностью, чему я был безоговорочно рад.

Я выдавил на ладонь побольше шампуня (мою шевелюру малое количество этих зелий не берет) и стал намыливать голову.

Принятие ванны и разговор с самим собой начистоту повысили мне настроение. Я даже начал напевать давешнюю песню теми самыми словами, где было так мало желанного мной дождя.

Оказавшись весь в мыле и пене, я снова окунулся в горячую воду. Пена переключалась на поверхность воды, придав купанию толику загадочности и киношности. Свет у меня в ванной, кстати, приглушенный. Сюда б, в воду, еще свечек пустить специальных... Они хоть жгутся и проливаются, но все равно красиво.

Минут через пять я понял, что уже совсем раскис и надо бы вылезать. Я еще не выбрался из ванны, когда, потянувшись за полотенцем, вспомнил, что чайник-то с огня не снял. А он ведь имеет обыкновение не свистеть, даже когда дело пахнет керосином!

Как был, голышом, я выскочил из ванны, чтобы тут же радостно поскользнуться на мокром полу кухни (там была выкипевшая из позабытого чайника вода), и все бы ничего, я почти восстановил равновесие, но запутался ногами в брошенной как попало безрукавке и

чудесно навернулся, хорошенько треснувшись головой об край кухонного стола. Дубового, между прочим.

Нормальный человек бы, наверное, уже давно помер при такой-то везучести. Но я просто благополучно отключился.

Камориль Тар-Йер расплатился с водителем такси и, выбравшись под ночной небосвод, вздохнул полной грудью:

— Эх, хорошо!

Он был удовлетворен прошедшей фотосессией. Ремни, заклепки, нетривиальный броский макияж, черепа птиц в объятиях сухих роз и обветшалых кружев — классика! И притом все довольно пристойно и очень, очень изысканно-эстетично. Эротично даже! Фотографировала девушка — талантливый профессионал, она же, собственно, накладывала грим, а потом и привязывала Камориль к кровати с кованой спинкой. Чтобы, как она объяснила, разнообразить обстановку. Аппаратура была из дорогих, черепа, наручники и веревки — настоящими. Словом, все было настолько чудесно, что некроманту даже пришлось бороться с буйной радостью своего организма по этому поводу. Да, и черные кожаные штаны с молниями-невидимками и алыми вставками тоже были хороши.

Он даже распечатал несколько сырых фото для себя. Все же, перенесенные на бумагу, изображения разом становятся как-то серьезней и кажутся куда более ценными. Кроме того, еще год назад Камориль подарил Мйару альбом для фотографий, куда сегодня намеревался вставить свои провокационные изображения прямо на глазах у владельца альбома вне зависимости от его мнения по этому поводу.

Камориль бросил на песок недокуренную сигарету и задавил ее носком начищенного ботинка. Потом глянул на часы: девять вечера. Как раз.

Дверь в жилище Мйара оказалась закрытой. Но Камориль еще с улицы видел, что свет горит. Он не стал стучать, ведь договоренность есть договоренность. Он достал из кармана второй ключ, данный ему Мйаром на случай, если что-то случится (ключ был любовно перевязан черной шелковой лентой и имел в качестве брелка прозрачную колбочку с рыжим колечком волос внутри). Открывая деревянную дверь, Камориль ожидал увидеть что угодно, кроме того, что увидел.

— Мать моя женщина, — сказал он, — и кто кого эпатировал...

Потом до него дошло, что просто так Мйар голышом в соблазнительной позе валяться на полу не будет. Камориль, отбросив папку с фотографиями, кинулся к другу, проверять, жив ли тот, и вообще выяснять, что случилось.

Конечно, мертвеца и недавнюю смерть Камориль почувал бы сразу, но в такие моменты трезвый расчет покидает даже старых, повидавших виды некромантов.

Мйар оказался попросту без сознания.

— И сколько же ты так провалялся, душа моя? — Камориль перевернул Мйара на спину и поверхностно осмотрел на предмет повреждений. Потом он заметил открытый газ, черный от копоти чайник, и обстоятельства стали становиться на свои места. Камориль поднялся и завинтил газовый вентиль, потом настежь открыл все окошки, притулившиеся под потолком, чтобы газ поскорей выветрился. Благо, окна и так оказались полуоткрыты, иначе было бы совсем худо. Камориль вернулся к Мйару, сел возле него на корточки и потыкал пальцем в плечо.

— Вот лежишь ты весь такой голый и без сознания, почти как мертвый, и делай с тобой, что хочешь. Эх... — вздохнул он. — Я наконец вижу все письмена на твоём теле. И вообще.

А я ж некромант. Профессиональная деформация, все дела. Зря ты так со мной. Опасно это. Но, Мйар... я тебя слишком люблю, чтобы так тебя использовать!

Камориль снова стал тыкать бессознательное тело пальцем в бок.

— А может, мне тебя все-таки поцеловать, а? Ты все равно проснешься и ничего не узнаешь. Или узнаешь. Но потом не догонишь! Ха-ха! Кстати, рисунки сегодня какие-то особенно яркие... О! — Камориль широко распахнул глаза. — Так это значит, я могу их спокойно изучить!

Где-то на задворках его сознания промелькнула мысль, что сейчас может зайти Ромка и застать его в двусмысленной ситуации, и прощайте налаженные отношения, но Камориль было не до того. Он увлеченно рассматривал диковинные руны на теле Мйара. Знаки, похожие на отдельные буквы странного узорчатого алфавита, перетекали в рисунки, как будто бы жили под поверхностью кожи своей особенной жизнью, подчиненной причудливой графической системе. Камориль знал, что эти 'татуировки' Мйар получил во время своих странствий по крайнему Северу, освещенному, конечно же, пьяными звездами, непрерывно осыпающимися в дебри колдовских чащ. Он даже нашел книгу, где были похожие символы, но Мйар никогда не давал себя разглядывать настолько долго, чтобы Камориль успел расшифровать хоть что-то... И сфотографировать себя крупным планом Мйар тоже не давал. А тут — такое! Камориль был захвачен диковинным танцем рисунков на теле Мйара, он согнулся над ним, провожая взглядом руны, означающую в одной из интерпретаций понятие 'кровная месть'.

Длинные острые клыки на сантиметр вошли в шею Камориль спереди. Долей секунды позже он зафиксировал голову Мйара так, чтобы тот, качнувшись, не разорвал ему горло.

— Мйар, — прохрипел Камориль, — отпусти меня. Аккуратно. Отпусти.

Секунда, которую Мйар осмысливал, кто он и что он, показалась некроманту несколько длиннее секунды. Конечно, убить бы его Мйар так просто не смог, но все равно... старый человеческий страх заставлял дорожить целостностью своего тела.

Наконец челюсти медленно разжались. Мйар вынул клыки из плоти некроманта, а тот наскоро отстранился на почтительное расстояние. След от глубокого укуса образовал на шее Камориль узор, похожий на синий кружевной цветок, и капли прозрачной голубоватой крови заструились по его шее к ключицам. Некромант зажал рану ладонью, поднимаясь и ворча:

— Ну и что это ты со мной вознамерился сделать? Я, знаешь ли, не люблю настолько грубые ласки!

Мйар сел на полу и тут же ухватился за ушибленный затылок.

— Проклятье, здорово я навернулся об эту хрень, — выдавил он, болезненно застонав. — Ух. И тут ты еще... Скажи спасибо, что цел!

— Так, Мйар, тебя, случаем, упырь не кусал?

Камориль выдержал взгляд Мйара, которым можно было бы поделки из дерева выжигать и заодно сверлить дыры в соседских стенах.

— Как голова? Болит? — продолжал опрос Камориль, прижав к своей шее кухонное полотенце. — Может, ты пойдешь, оденешься?

Мйар встал, но пошел не в комнату за одеждой, а к холодильнику. Достал оттуда полпалки колбасы и пакет кефира, плюхнулся на кресло и стал жевать колбасу.

— В иной ситуации я был бы счастлив видеть тебя так... полно, — вздохнул некромант, доставая из того же холодильника лед в формочках и прикладывая его на место

полотенца. — Но когда ты западаешь на очередную барышню, у тебя невообразимо портится характер. Ты становишься совершенно, абсолютно невыносим.

— Ага, конечно, — промычал Мйар, жуя. Замер. Поднял взгляд на Камориль. — Что? Запал?

— А то. Скажешь, нет?

— Нет!

— Ага. Да у тебя вон глаза стали свет отражать, а это — явный признак. У тебя ж гормоны работают так, что по тебе все видать. Небось, и нюх обострился, а? Хочется драться за самку, рвать и метать, да?

— Завидуешь? — спросил Мйар, улыбаясь хищно.

— Хотя с другой стороны, — не обращая на провокацию внимания, продолжил размышлять некромант, присаживаясь на другое кресло, — может, оно и к лучшему. Если ты будешь вести себя так грубо и с ними — с барышнями, я имею в виду, — то у меня появится гораздо больше возможностей для...

— Ну ты и заноза в мягких тканях, Камориль. Сам-то, блин, герой местечкового драмкружка!

— Я предпочитаю думать, что я лицедей, — Камориль заулыбался. — Жизнь моя — опереточный дым! Мне свойственны перепады настроений. А ты мог бы и "спасибо" сказать! Нет, ну я, конечно, предполагаю, что все это у тебя из-за длительного...

— Камориль!

— Кстати, мы с тобой никогда основательно не обсуждали интимные отношения мужчин и женщин. Может, ты чего-то не знаешь или не понимаешь, и в этом причина твоих неудач? Хочешь, я прям на тебе покажу, что надо делать с жен...

— Сколько, ты думаешь, времени тебе понадобится на восстановление отъеденной мною руки? — Мйар оценивающе оглядел некроманта с ног до головы, — или чем ты там хочешь меня ласкать и нежить как женщину?

— Нежить? — не сразу понял Камориль. — А-а... Ох, Мйар, как же ты бываешь груб. Кстати, где эта твоя полная противоположность, ну, тот трепетный юный мальчик, очаровавший меня чуть более чем полностью? Куда запропастилось это невинное, прелестное дитя? Уже полдесятого, между прочим.

— Нашел невинное дитя, — Мйар отхлебнул кефира. — Нашел и спаивает, укуривает и такими темпами еще совращать начнет!

— Да ну тебя в пень! Ты вообще понимаешь, чем базово отличаются гомосексуалисты от педофилов?

— Что за чушь ты несешь?

— Базовое отличие в том, что педофилы видят в маленьких мальчиках нежность женщины, — терпеливо вздохнул некромант. Нащупал на полу свою папку с фотографиями. — Умеешь же настроение испортить, а... А я тебе фотки хотел показать. Но все, настроения нет, как нет.

— Сам иди в пень, — лаконично ответил Мйар.

Камориль закатил глаза и мысленно досчитал до семи мертвых котят, прыгающих через скелет лося. Некроманту захотелось курить.

— Я закурю?

— Во двор, — Мйар был категоричен.

Бормоча ругательства, Камориль выбрался на улицу. Нетерпеливо вытащил сигарету и

закурил. Время не ждет, а мальчика все нет. Мйар, как дикий зверь, жрет, пьет и фыркает. Что за незадача...

Давешних кошек, собранных в демона-кота, Камориль той же ночью отпустил обратно. Добравшись до своих могил, животные зарылись туда и снова упокоились с миром.

Пуская дымные колечки и прогуливаясь по разоренной детской площадке, Камориль заметил небольшую оплошность работы. Возле перевернутой набок горки, прямо на виду у всех лежал небольшой черепок котенка. А может, это дети вырыли, кто их знает. Камориль наклонился к нему и пошевелил пальцем. Зверек умер недавно... точнее, не слишком давно.

— Бедная киса, — прошептал некромант, — быть отделенной от тела... а ну-ка, давай поищем твоё туловище.

Он снова коснулся пальцем черепка, и в том засветились маленькие призрачные глазки. Камориль взял череп в ладонь и стал поглаживать малыша двумя пальцами:

— Ну давай, давай поищем, где тут остальные твои косточки... да, да, котенок, людские дети — уроды... Что? Это они тебя?.. Мда. Значит, ты маленький демон-кот, которому не хватает силенок для полноценной мести. Потому что ты маленький-маленький-маленький. Но, поверь мне, иногда маленьким быть куда полезнее, чем большим. Ну, был бы ты большой, съел бы тех детей, а потом что? Исчезать совсем? В морок-то ты не вернешься... А так ты даже более-менее живой, скажи "спасибо" этим жестоким тварям, можешь гулять тут... Вот найдем твоё тело, и ты сможешь тут поиграть.

Некромант еще о чем-то сюсюкал с черепком, наматывая круги по детской площадке.

— Стоп, — он заметил следы на песке и почти сразу же почувствовал свежую кровь. — Это что у нас такое?

Он присел на корточки, рассматривая множество нечеловеческих следов.

Череп котенка в его руке вдруг стал щелкать челюстью.

— Что? Ты что-то знаешь? Ты видел?

Камориль заглянул черепу в маленькие светящиеся глазки и замолчал на несколько секунд.

— Упокойся, — сказал он тихо и бесстрастно, сдавив череп большим и указательным пальцами. Череп рассыпался в пыль, демон-кот перестал существовать.

Камориль выкинул сигарету и стремглав побежал в подвал Мйара.

— Одевайся и хватай скорее свои "клинки ярости", — бросил он с порога. — Мальчика украли.

Мйар поднялся с кресла.

— Давай-давай скорей, лежебока. Твои навыки "машины для убийств" вполне могут понадобиться, попомни мои слова, — говорил Камориль, заглядывая в комод, на нижней полке которого, как он знал, Мйар хранит замотанное в тряпки оружие. — Унюхаешь след, там глянем, что и как, может, прямо сегодня ночью и вернем мальчишку. А может, мы уже опоздали...

Мйар надел широкие камуфляжной расцветки штаны, взял из рук Камориль тяжелый сверток. По пути на улицу Камориль продолжал:

— Котенок видел, кто это был, а случилось это еще до того, как пришел я, где-то без пятнадцати девять. То есть, примерно час назад. На светленького пацана напали некие темнокожие гуманоиды, оперативно скрутили и потащили куда-то на восток. Он, умница, успел тяпнуть одного из них, прямо весь в тебя! Да, вот здесь вот смотри, кровь на песке...

Они уже были на детской площадке. Мйар, припав к земле, тянул носом прохладный

ночной воздух, сверкая зелеными глазищами вправо-влево.

— Трое, — сказал он, — и еще трое ждали за углом дома. Пошли.

— Я попробую ему позвонить, — сказал Камориль.

— Нет, — отрезал Мйар, — если Ромка связан, то он не сможет дотянуться до телефона. Можно надеяться на то, что похитители о наличии мобильного не подумали. Тогда это даст нам дополнительные возможности, в случае чего.

— Без проблем, — согласился Камориль, — тогда идем по следу. Ты не понял, что за чучела его украла?

— Судя по запаху, который они оставляют, это не люди, а собаки, ящерицы и (или) обезьяны. Но это — бред. Или парня украла смотрители зоопарка.

— Чернодырых на них нет! — вырвалось у некроманта. — Красавцы, конечно! Я даже боюсь развивать мысль, откуда эта радость взялась!

Они скоро шли через дворы. Редкие прохожие не обращали внимания на двух молодых людей, спешащих куда-то по темноте.

Дворы кончились, и за ними показалось широкое темное поле, лишь на горизонте подсвеченное редкими огоньками. Местность пересекала двухполосная трасса, уходящая дугой на север и юг. Яркие фонари поначалу ослепили чувствительные глаза Мйара и Камориль.

— Ну, куда дальше? — спросил некромант.

Мйар повертел головой.

— Тут они, наверное, сели в машину. Запах слабее, но есть. Проклятье, — он ухватился за голову. — В этот раз меня так серьезно крутит, что я этот запах даже вижу!

— Это как раз хорошо! — Камориль огляделся в поисках чего-нибудь полезного. — Пока ночь, никого особо в этой дыре нет, а у нас есть след!

— Они могут быть уже как угодно далеко! — возразил Мйар.

— Погоди, сейчас... Сейчас все будет.

Камориль выбежал на трассу и стал ходить возле обочины, заглядывая в канавы и внимательно обследуя придорожный ров.

— То, что доктор прописал, — удовлетворенно произнес он, застыв возле какого-то пригорка.

Некромант расправил плечи, распростер руки вниз и немного назад. Потом с силой хлопнул в ладоши у себя над головой, припал на одно колено, поцеловал себя в открытую ладонь, затем как-то особо ее выгнул и вонзил прямо в землю, казалось бы, твердую и сухую. Напрягся весь и вытянул... сначала рог, потом целый череп быка. За черепом потянулась шея. Земляной холм стал рушиться, а из него выходить скелет крупной рогатой скотины, видимо, сбитой несколько лет назад каким-нибудь грузовиком.

— А зачем нам мертвый бык? — не понял Мйар.

— Ну, я бы организовал коня, если б он тут был, — пожал плечами Камориль, — но из крупного зверья тут только бык! Он особенный, фольклорный наполовину, и наполовину — призрачный, а значит, моей силы почти не жрет. Только на поддержку формы и контроль поведения идет кое-чего. Я сейчас немного поколдую с амортизацией его суставов, чтоб быстрее и глаже шел, а потом нас ждет веселая ночная прогулка с ветерком!

— На быке?

— На демоне-быке, который ненавидит жалких людишек и хочет их всех наколоть на рога. Потому он не будет медлить, он помчит нас на крыльях ночи!

Камориль суетился вокруг скелета, бык как-то смущенно смотрел призрачными огнями глаз на Мйара, а Мйар смотрел на быка так, что засмущаться было не грех. Наконец некромант хлопнул рукой по боку мертвой скотине, и та присела. Камориль забрался на быка верхом.

Обратился к Мйару:

— Ну, милейший, не робей, залезай!

Мйар уместился позади некроманта.

— Держись за меня и ори погромче, куда скакать!

— А зачем орать-то? — не понял Мйар.

Камориль хохотнул, бык поднялся и медленно пошел. Стал разгоняться. Мйар почувствовал, что сидеть на костях стало удобнее, глянул вниз и обнаружил, что останки животного обтекает некая светящаяся субстанция, полупрозрачная, из нее одна за другой вырастают новые ноги, а ход быка стает все более плавным. Глянув вперед, Мйар обнаружил у скотины три головы.

— Хорошего должно быть много! — донес ветер голос Камориль.

— Направо сворачивай! — крикнул Мйар.

Камориль пригнулся к общей шее трех голов, а бык почти без заноса свернул с трассы на второстепенную дорогу.

Сорок минут подобной сумасшедшей скачки хорошенько продули Мйару мозги так, что он более-менее пришел в себя. Копчик болел. Путеводный запах, а Мйар видел его светло-фиолетовой рваной нитью, направлял их между частных домов куда-то за город, в сторону пролива и маяка. Потом похитители резко свернули к морю, а затем даже сошли с проселочной дороги и поперли напрямую через степь. Призрачному демону-быку любой ландшафт был нипочем, он рвал из-под себя, светился если не счастьем, так мертвенным нездешним задором, и нес своих седоков в чернильную ночь.

— Тпру-у-у! — приказал Камориль.

Бык начал замедляться. Не дожидаясь полной остановки, Мйар спрыгнул на землю. Через пару секунд к нему присоединился Камориль. Бык, правда, все так же сиял, перебирая огромным количеством копыт. Камориль щелкнул его по лбу пальцем.

— Упокойся.

Сияние вмиг потухло, а кости шмякнулись об землю.

— Бункер, — произнес Камориль.

— Катакомбы, — добавил Мйар.

В двухстах метрах от них черной дырой на фоне ночи зиял один из входов в давно рассекреченный военный объект. Обычно такие места облюбованы приверженцами полигонных игр, но этот бункер почему-то такой участи избежал. Или избегал — до некоторых пор. Ясно было одно: теперь здесь, скорее всего, располагается база наших загадочных ночных похитителей, и удивительного (или оригинального) в этом мало.

— Надо идти, — сказал Мйар. Потом почему-то замешкался. — Камориль... Я же... убью их... а вдруг они — просто дети?..

— Не бойся, солнце, — улыбнулся Камориль. — Если даже убьешь, я их тут же воскрешу!

— Правда?

Взгляд Мйара, искренний и слегка шальной, прожигал в Камориль дырку, аллегорично, конечно. Камориль понимал, что сейчас это существо — смертельно опасно и вполне может

не просечь тонкого юмора, но ничего не мог подделать со своей манерой выразиться.

— Конечно, правда. Я сейчас свеж и бодр, почти огурцом, и взбудоражен зверски! Я тебя, если что, замечательно прикрою. Ты их, главное, если решишь убивать, убивай наверняка. Тогда точно воскресу.

В темноте блеснули лезвия. Мйар защелкнул два механизма так, что оба "клинка ярости" стали настоящим, физическим продолжением его рук, не мешая, в случае чего, выпускать когти.

— Пошли, — скомандовал он.

Камориль последовал за ним.

В отличие от Мйара, некромант запаха грабителей не слышал, но прекрасно видел, насколько богата здесь земля древними смертями. Путь ко входу в бункер буквально стелился по ушедшим в землю старым могилам и по более новым костям умерших при постройке объекта заключенных. Да и во время Войны Причин тут явно кто-то умирал, причем не просто так, а хитро и от того еще более мучительно. Это обилие смерти мешало, сбивало с толку, и, по правде сказать, Камориль боялся, что ему придется применять какое-нибудь по-настоящему сильное волшебство. Изрытая могилами земля могла среагировать непредсказуемо.

Может, именно эта гнетущая атмосфера гибели и отпугивала игроков?..

Они беспрепятственно вошли в бункер, в первый длинный коридор. Сюда проникало немного света снаружи, и его хватало.

Через несколько поворотов оказалось, что света больше нет.

В полной темноте Камориль видеть не мог, а к эхолокации был не приспособлен, и в крошечной тьме ему не помогали даже его сокрытые под кожей лба нечеловеческие глаза. Поэтому он подобрал какой-то крысиный черепок и вдохнул в него немного 'жизни'. Маленькие глазки засветились — побочный эффект кратковременного оживления, обычно бесполезный.

Мйар крался бесшумно, босой, на себя обычного непохожий. Он смотрел своим особым зрением, различающим температуру, обонял обостренным нюхом и слышал в расширенном диапазоне частот так, что смог бы, наверное, воспринять плач кита. Удивительные перемены с ним случаются, когда дело доходит до самочек человеческих! Даже обидно.

Камориль наткнулся на ладонь Мйара, распростертую, чтобы его остановить.

— Яма, — сообщил он.

Черепок к тому времени уже погас.

— Нет, я так больше не могу! — зашептал Камориль, поджигая спичку. Времени, пока она горела, хватило, чтобы обозреть двухметровый разъем в полу и с отблесками воды где-то глубоко на дне. На другой стороне лежал деревянный мостик, который убрали дюжие похитители, перебравшись.

Мйар мог бы перепрыгнуть сам, а потом оттащить мост на место. Но это бы было слишком шумно.

Он опрокинул Камориль себе на плечо и прыгнул.

— Хам, мужик и быдло, — немного обиженно прошипел поставленный на землю некромант.

— Идем, я чувю тепло, — сообщил Мйар едва слышно. — И скоро будет свет.

Камориль старался идти тихо, но не мог красться совсем бесшумно, как Мйар. Он понимал, что бдительный дозорный легко заметит их. Если, конечно, кто-то сейчас охраняет

вход в основные помещения бункера, ведь еще неизвестно, насколько похитители дисциплинированы. Может, это какие-то отвязные раздолбаи — тогда с ними будет не так уж сложно. Может быть и наоборот. И есть еще, конечно, вариант, что похитители прошли этот подземный лабиринт насквозь и вышли в какую-нибудь бухту, а там поминай, как звали мальчика. Но гадать — без толку, остается один вариант: проверить, как оно есть на самом деле.

Глаза некроманта уловили свет. Судя по всему, это неоновая лампа, висящая на шнуре, ибо свет ритмично дергается.

Мйар застыл у выступа стены, прислушиваясь. Обернулся к некроманту и что-то изобразил рукой. Интуитивно Камориль понял, что Мйар просит его обождать. Кивнул.

Через прошитый свинцовыми пластинами бетон мертвые звали его куда как тише.

Мйар опустил плечи на миг, а потом собрался и тут же молниеносным рывком сиганул вперед, сгнув в ярком неоновом свете. Камориль опасно выглянул из-за укрытия. Раздался выстрел, и в метре над головой некроманта просвистела пуля. Оказалось, Мйар уже обезвредил противника. Он сидел верхом на каком-то непонятном гуманоиде, поваленном на пол, держа его руки своими и вцепившись тому в горло зубами, как недавно в горло Камориль. Гуманоид еще дергался, но вскоре перестал, поняв, что деваться ему некуда. Пистолет валялся рядом: Мйар успел его выбить.

Некромант вышел из-за укрытия, приблизился к скульптурной паре и вытянул шею, чтобы разглядеть лицо плененного существа.

Черная кожа, висящие тряпочками уши, череп, покрытый вместо волос наростами, похожими на панцирь черепахи, и складчатые веки, обрамляющие красные глазки.

Существо, видимо, уже догадалось, в какую передрагу попало. Оно молча смотрело на Камориль.

— Дернешься и умрешь, — на всякий случай подтвердил его опасения некромант. Присел рядом на корточки. — А если не скажешь, сколько вас и где мальчик, тоже умрешь.

Гуманоид обнажил в широкой улыбке множество мелких желтых зубов, острых и в два ряда.

— Я все равно умру, — прошипел он.

— Все мы рано или поздно умрем, — пожал плечами Тар-Йер. — Это не означает, что надо быть идиотом.

— Сам идиот, — заулыбалось плененное нечто, — не за тем пошел.

Красные кожистые глаза его зыркнули куда-то влево вверх. Проследив его взгляд, некромант узрел черное око камеры наблюдения.

— Ох, — сказал он, — Мйар, а у них тут ка-амеры... Что-то мы с тобой правда погорячились, сунувшись сюда этак запросто и даже не обговорив плана. Или как ты думаешь? Если с ними по-хорошему, то нам крышка. Поэтому, наверное, нам все-таки придется по-плохому.

Мйар напрягся, сжимая челюсти. Гуманоид заскулил, наконец почувствовав настоящую боль.

— Рви быстрее, — прохрипел он.

Камориль подобрал пистолет, передернул затвор и, прицелившись, выстрелил.

Камера разлетелась на осколки, существо вскрикнуло и зашлось в конвульсиях, Мйар встал, отпихнул тело ногой и привел клинки в боевое положение.

— Сюда идут двое, — сообщил он, — осталась минута-две.

Некромант подошел к Мйару, наклонил голову и медленно слизал потекшую кровь с его шеи. Мйар не шелохнулся, смотря строго вперед.

— Сейчас начнется потеха, — улыбнулся Камориль.

Он нагнулся к еще теплому трупу, приложил ладонь к грудной клетке и надавил.

Тело с разорванной глоткой, нелепо расставив руки, поднялось и пошло через коридор во тьму.

Через три секунды тишину разорвали выстрелы, но немертвого раба некроманта этим было не остановить.

Мйар пригнулся и ринулся вслед за трупом.

Камориль не спешил подставляться под пули, он просто следил за тем, как молниеносно мечется между вспышками выстрелов быстрый, смертоносный Мйар, как движения бойцов теряют какой бы то ни было смысл, и они почти в одночасье валятся на бетонный пол, заливая кровью стены.

Некромант подошел к каждому и приложил руку к сердцу, останавливая существ на границе между жизнью и смертью, отбирая контроль над телами и поднимая их для последней битвы. Это не простые зомби, в этих еще течет горячая кровь, и есть около получаса, чтобы выжать их потенциал до капли.

Камориль послал своих 'бойцов' вперед. Мйар тяжело дышал, держась за стенку. Да, он уже давно не дрался в полную силу, а эти твари были выше него и тяжелее, да и кожа толще, пускай они и уступали ему в скорости.

— Цел? — спросил некромант.

— Почти.

Мйар оттолкнулся от стены и пошел вперед. Камориль двинулся следом за ним. Они перешагнули через разворочанное пулями тело первой твари.

— Задели немного, — произнес Мйар. — Плечо.

— Отрегенишь?

— За счет массы.

— Ладно, пошли. Покойники знают, где держат мальчика.

— Сколько их там еще? — проскрипел Мйар.

— Девятеро...

— Хреново.

— Ничего, прорвемся.

Камориль надеялся, что сил хватит.

Ромке было тесно. Здесь было на самом деле очень тесно. Он не мог даже распрямиться в полный рост. Куб, метр на метр, сплошь из холодного бетона, схоронил мальчика в себе, будто ящик с апельсинами или же странный, авангардистский такой гроб. В эту его бетонную клетку вели маленькие трубки вентиляции, с которых капало что-то мерзкое, и еще там была железная дверца со штурвальным засовом. К тому же, руки мальчику надежно связали за спиной, а на голову надели непонятную штуку, как будто маску, состоящую из металлического обода повыше бровей и кожаной части, наглухо закрывшей рот. Штука напоминала о стоматологах и крайне усугубляла и так незавидное положение.

Еще Ромке постепенно становилось холодно.

Запахнули его сюда сразу, как притащили. Но сначала, конечно, связали дополнительными ремнями и надели эту странную маску на голову.

Мальчик корил себя, что не отлепил со лба пластырь, когда шел к Зубоскалу. Кто знает, если б он все еще видел сияющий мир, может, тогда он почувствовал бы опасность загодя.

Когда на него надевали маску, пластырь отодрали, и на несколько мгновений Ромка разглядел сущности пленивших его монстров и нити их судеб. Вот почему Ромка не боялся. Он всего лишь испытывал раздражение, дискомфорт и нетерпение.

Алые ниточки, сплетенные искусственно, были почти ничем не привязаны и должны были порваться очень скоро. Все до одной.

К Зубоскалу он тогда нес старый дедов фотоальбом, несколько писем к бабке, которые дед писал и не отправлял, когда бабка уехала, и последнее письмо, где непосредственно называлось имя Мйара. Так как сумку свою он оставил в доме Зубоскала тогда, когда его ночью выкрал Камориль, Ромка нес все эти вещи в целлофановом пакетике с цветочками, выданном мамой. Когда мама увидела, что Ромка кладет в пакет, она наконец начала верить в мифическую девушку и отпустила сына с легким сердцем. А когда на Ромку из ночной тишины выпрыгнули мутные типы устрашающих габаритов, он попытался от них убежать и кинул пакет под старую карусель. Но мобильник, бывший в кармане джинсов, мутанты все-таки отобрали.

Таким образом, Ромка не знал, нашли похитители пакет с письмами или нет. Сам он письма читал, конечно, но полностью не помнил, и ему казалось, что детали, которые из памяти выветрились, могут быть самыми важными.

А когда пластырь сняли... он очень удивился. Дело в том, что в похитивших его мутантах он не разобрал сердцевины. Точнее, он просто ничего в них не увидел. Значит, их нет? Более всего они походили на скелет Кристины, в котором тоже было пусто. Теперь разговор Мйара и Камориль о сущности души и его способностей стал казаться не таким бредовым. Как же так, судьба есть, души нет? Непонятно.

Что-то гулко ухнуло за пределами бетонной коробки. Послышались выстрелы и крики. Все, как в лучших образчиках жанра, только вот... темно и тесно. И нервирует, когда не видишь, что происходит там, на поле боя.

Ромка начал беспокоиться. Он не знал, кто пришел в логово чернолицых мутантов, и не убьют ли его заодно. Но больше ему все же верилось в то, что это за ним пришли Мйар и Камориль.

Послышался еще один глухой звук, потом гулкой звон, затем — звуки выстрелов. На металлической дверце выступила дорожка из округлых вмятин. Ромка, как мог, отполз подальше от дверцы.

Вентиль засова закрипел, и дверь стала приоткрываться. Свет поначалу ослепил, но мальчик сумел различить чей-то странно движущийся силуэт. Сразу он не понял, кто это, но потом разглядел обвислые уши и корку панциря на голове. А затем ужаснулся. На мутанте было столько открытых ран, что... черная кожа являла темно-красную плоть, из красной плоти глядели сколы сломанных костей. И тем не менее это существо двигалось. Более того, оно тянуло к Ромке свои беспалые окровавленные руки. Красная жижа стала заливать пол камеры.

— Не тронь пацана! — прогремело слева.

Ромка узнал голос некроманта, и от сердца отлегло.

Окровавленное тело мутанта отпихнули в сторону, и Ромка увидел лицо Камориль, осунувшееся и безэмоциональное, и тем более странной была его внезапная широкая улыбка. Сам некромант тоже был весь в крови, но, кажется, в чужой.

— Пошли, — сказал Камориль. Потом понял, что сам выбраться мальчик не может, и с силой вытащил того из клетки. — Мйар! А ну разрежь тут бандаж!

Ромка посмотрел влево и увидел, как Зубоскал орудует неким странным оружием, причудливо закрепленным на его руках. До этого он подобные ножи только в играх встречал и не думал, что у этого оружия есть реальные прототипы. Теперь, впрочем, стало понятно, кто распотрошил мутанта и переломал ему кости. Нынешняя жертва Зубоскала упала мешком, а Мйар, не глядя на нее, двинул к Ромке и молча разрезал ножами ремни на запястьях и локтях мальчика. Потом Мйара повело, он зацепился за некроманта, чтобы не упасть и неразборчиво выругался.

— Валить отсюда надо, — сказал Камориль, снимая с Ромки металлический ободок и маску. — Они у тебя документы забрали, да?

Сияющий мир снова застлал Ромке взор. Металлический обод сдерживал видение изнанки, да получше, чем пластырь Камориль. А теперь свечение тысячи нитей вернулось. Глаза привыкли много быстрее, чем в прошлый раз. Ромка все косился на Зубоскала: Мйар выглядел не лучше того излишне резвого для мертвеца мутанта. Камориль поймал его взгляд:

— Ничего, выживет! Так они забрали?..

— Думаю, нет, — твердо сказал мальчик.

— Хорошо.

Камориль достал мобильный телефон и стал набирать какой-то номер. В это время вокруг шатались изуродованные мутанты, один даже без головы. Он как раз тыкался обрезом туловища в стенку и никак не мог ее обойти.

— А, не ловит, — Камориль спрятал телефон в карман. — Ладно. Пойдем другим путем. Мйар...

— Я так понимаю, — слышался рычащий низкий голос, принадлежащий ныне Мйару, — они через эти вот экраны следили за проходами.

Камориль подошел к Зубоскалу и уставился на панель с мониторами. Экраны мерцали синим, кое-где — красным, показывая, в основном, коридоры. Но вот слева внизу — бухта, в ней небольшой катер, а вот и выход к подземной стоянке.

— Что это такое? Звери? — спросил Мйар, вглядываясь в экран.

На одном из мониторов был виден огромный плохо освещенный зал, уставленный клетками и вольерами, большими и маленькими, и многие из них были пусты. В других долбили мордами об прутья какие-то несуразные черные твари, совершенно неразличимых пород и видов.

— Где-то я такое уже видал, — проговорил Мйар.

Камориль молчал секунду. Мертвые из могил, что окружали бункер, тоже молчали и не звали его. Они знали, что звать уже некого.

— Мйар... Нам нужно срочно... Слышишь, срочно валить отсюда, — тихо сказал он. — Шутки кончились, с животными мы вдвоем не управимся!

Зубоскал прикрыл глаза и проговорил спокойно:

— Я слышу, они идут. Рычат, ярятся. Надо уходить.

Мйар щелкнул пружинами клинков и нырнул в черный проход.

Камориль развернулся и прицельно выстрелил несколько раз в системные блоки на полу.

— Пошли скорей, — он кивнул Ромке на выход, — хватит разглядывать зомби, не для этого они.

Но тот, оглушенный и ошарашенный звуками выстрелов, не мог отвести взгляда от завораживающей, хоть и чудовищной картины: мерцающие хаотично расставленные мониторы транслируют шум, системники дымятся и искрят, бетонный пол весь в крови, а на фоне железных дверей в стене, ведущих в такие же каморки, как та, куда его посадили, двигаются, подергиваясь, изуродованные нечеловеческие трупы. Зрелище не для слабонервных. Должно тошнить. Должно пугать. Должно сбивать с ног ужасом. Но почему-то все это воспринималось как какая-то компьютерная игра, не более.

— Пошли, пошли, — Камориль увлек Ромку за собой, приобняв за плечо. — Шокирует понимаю, разделяю, сочувствую. Не смей к такому привыкать. А то патологоанатомом станешь, а оно тебе надо? Зарплата низкая, коллектив так себе...

Камориль что-то еще вещал, но Ромка не слушал.

Он постоянно оглядывался и видел, что обезглавленные тела все еще идут за ними, следуют по пятам, не думая отставать. Эти зомби были достаточно быстрыми. Их сотворил Камориль. Насколько он контролирует их? Как именно он руководит этими живыми трупами?

Страх, доселе как будто бы закупоренный в бутылке, внезапно высвободился, нагнал, накрыл. Ромка вовсе перестал понимать, сон это все или такая вот жестокая реальность.

— Чую солярку, — замерев, сказал Мйар, — море... море близко.

Он повел их по широкому тоннелю вправо. Коридор, составленный из бетонных блоков, был освещен редкими непрерывно мигающими лампами дневного света. Где-то капала вода и гудели трубы. Потом Ромка почувствовал ветер и густой соленый запах гниющих водорослей. Шахта бункера врезалась в скалу, а скала разверзлась большой, закрытой сверху каменным утесом, бухтой. Вдалеке обозначилась граница между водой и ночным небом.

К пристани был пришвартован маленький катер.

— Ну, выходит даже лучше, чем я надеялся, — произнес Камориль. Протянул руку куда-то назад, нащупывая что-то в воздухе. Обернулся: — Эй, ты! Да, давай сюда.

Один из зомби — массивный, с остекленевшим взглядом и чудовищно порванным горлом — проковылял поближе к некроманту и стал неуклюже топтаться рядом. Камориль, закатив глаза, сунул руку в карман военных брюк, надетых на покойнике, и вынул оттуда связку ключей.

— Отпускай их, — сказал Мйар, принимая ключи из рук Камориль.

Некромант упер руки в боки.

— Это мне, для опытов.

— Нет. Отпускай.

— Но, Мйар, такой материал!..

— Оставь их здесь. Едем к Эль-Марко.

Камориль очевидно не хотел терять свои полуживые трофеи, но возражать более не стал. Махнул небрежно рукой — и на деревянный настил мешками шлепнулось три бездыханных тела.

— К Эль-Марко, так к Эль-Марко, — согласился некромант. — Скорее запускай эту штуку.

— А кто такой Эль-Марко? — спросил Ромка, забираясь на борт.

— О, — улыбнулся Камориль, запрыгивая следом, — это наша беленькая девочка.

Ромка тогда не понял, почему девочку зовут Эль-Марко. Наверное, потому, что это была не девочка.

Катер наконец завелся. Его качнуло, дернуло вперед и он врезался килем в тихую морскую гладь.

В тот же момент из выхода бункера выбежали черные псы с красными, тускло светящимися в темноте глазами. Их контуры смазывались, как во сне, а рык был похож на кошмарную скулящую песню. Твари наводнили пристань, выбежали на деревянный настил, остановились у воды и стали яриться, выгибать спины, выть. Некоторые прыгали в воду, но, проплыв метров десять, возвращались.

Псов привел один их давешних человекоподобных чудищ. Это был последний из уцелевших уродцев. Он смотрел на удаляющийся в ночь катер, с легкостью удерживая на привязи троих особенно крупных особей.

— А ведь ночь обещала быть томной, — протянул Камориль.

Я проснулся на чистых белых простынях под еще одним чужим потолком. В косых солнечных лучах танцевали пылинки, светлые занавески колыхались у открытого настежь окна. Снаружи доносился шум моря и крики чаек.

Я попытался сесть, но смог не сразу. Я попытался вспомнить, как сюда попал, но не смог вовсе.

Потом мелкими отрывками стало подкрадываться озарение насчет места моего пребывания. Это, конечно, не сулило мне ничего хорошего. Нет, Эль-Марко удивительный и очень приятный человек, но я бы не стал беспокоить его просто так...

Я обратил внимание на себя, любимого. Итак, вот, на боку и плечах белесые рубцы свежих шрамов, еще не успевших пропасть. Башка тугая, штанов нет. И что это я повадился голышом расхаживать... Я вспомнил, как выскочил из ванной, и тут меня накрыло четкое осознание неизбежности падения. Что было потом, я помнил в виде череды размытых образов, гротескных, преувеличенных... не люди — а огромные венчики цветов из запахов, пронзенные стрелами мимолетных эмоций, нечеловеческая вонь искусственно собранных по кусочкам монстров и острый запах крови, который проедал меня насквозь... Камориль прав. Такие перемены восприятия для меня обычны, если мне начинает нравиться человеческая женщина. Гребаный организм. Чтоб его. Почему все так? Чем я это заслужил? Почему я такой?.. Еще говорят, что у меня в такие моменты невообразимо портится характер. Но почему я этого не замечаю? Почему я воспринимаю себя в эти периоды так, как будто бы все в порядке?.. Хорошо, что эти всплески быстро проходят.

— Эль-Марко, значит, — проговорил я и все-таки поднял тело с кровати. Как ни странно, стоило мне сесть, я понял, что помру не скоро. Тело слушалось, мышцы болели, да, саднили белесые рубцы по плечам, тоже да, но! Это и все. Что меня, признаюсь, насторожило. Нынешнее мое неплохое состояние ну никак не вязалось с воспоминаниями о бойне в бункере... Меня ведь тогда потрепали, изрядно причем. Неужели...

— О, нет, — прошептал я, — только не это!

Я встал, нашел в углу свои штаны цвета хаки и снова расстроился. Они были порваны в трех местах и почти полностью заляпаны кровью. Моей, чужой, вперемешку. Ну конечно, истинный холостяк Эль-Марко запомнил с ними разобраться, зараза волосатая! Вот и что теперь делать? Я, за неимением других вариантов, порылся в комод. Нашел кучу полотенец, постельное белье и синие широкие шорты с изображением ярко-желтых летающих коров. Вздохнул. Надел.

Зачем-то подошел к окну и глянул наружу. Нужно собраться с мыслями.

Итак, я здесь, а это значит... Ничего хорошего это значить не может. Эль-Марко Кападастер, как его еще называют — по-своему гениальный парень. Очень талантливый. Очень. Он не... он... ох! Да что же это... Да, точно, это он, скорее всего, вылечил мои раны. Причем, все. Кажется, на плече у меня была самая серьезная — но теперь ее нет. А как Эль-Марко лечит раны?.. Почему же все так непросто, а.

За окном (все еще) была поздняя весна, но этого совсем не чувствовалось; видно было море — большое, тихое, близкое. Как осколки разбитого кувшина, рассыпались по побережью алые черепичные крыши домов, яркие мазки виноградников, хаотичные петли

дорог, тропинки и лестницы. Небольшая церковь Потерянного сверкала вытянутыми светлыми башенками, символизирующими пламя; кричали чайки; сидя на трубе, терлись друг о друга черный кот и рыжая кошка.

Вообще-то, Эль-Марко сам по себе полезен. Кроме того, что он способен лечить, он может еще и придать сил, уменьшить чувствительность к боли. Еще он может "зажать струну", как он это называет. Я не знаю, что это за чародейство такое, и откуда берутся все эти внезапные улучшения, но, например, если Эль-Марко зажмет струну Камориль, то магия некроманта станет сильнее и тоньше, превратится в еще большую смертельную угрозу. Камориль расправит плечи, а может, даже перейдет в свою следующую форму, и тогда предполагаемому врагу не поздоровится. Если Эль-Марко 'поработает' со мной, то... я даже не знаю, как это точно объяснить... словом, я сольюсь с этим миром и временем, что сделает меня как бы... хозяином здесь. Сложно словами все это выразить, тонкость этой перемены этой описать... Эль-Марко, правда, никогда не повышал наши умения до предела. Мне даже кажется, что это опасно делать, мало ли что. Состояние измененного сознания и зажатой струны — оно такое непредсказуемое. Ну его.

А вообще, Эль-Марко, светловолосый и синеглазый, — это полупрозрачный человек, аквамарин в серебряной оправе, обладающий притом обжигающей своим холодом харизмой 'загадочных', тех, которым есть о чем молчать и есть что скрывать. Даже я на это повелся однажды и решил, что молчит он в связи с чем-то очень серьезным и печальным. Может, так оно и было, но о причине своей печальности Эль-Марко так никому и не рассказал, а оттого у меня создалось впечатление, что и не о чем ему грустить. Кстати, несмотря на все это, пушкого любителя вкусно поесть и качественно отдохнуть я тоже еще не встречал.

И да, лечит он, прикасаясь руками к травмированным местам. За это его бы отпинать, да и Камориль отпинать не помешало бы... не за что-то, а так, для профилактики. Да, все коллеги Эль-Марко используют наложение рук. Но он-то не практикующий целитель! А потому я не могу воспринимать его как врача. И Камориль же еще... Надеюсь, все было не так, как мне представляется. Ну не нравятся мне все эти их нестандартные наклонности, это неправильное и вездесущее нарушение моих личностных границ... И да, возможно, они таким образом просто подчеркивают свою индивидуальность... или как там еще можно было бы оправдаться? Но мне уже, если честно, надоело их оправдывать. И если мне хоть раз еще придется из-за этих шуточек покраснеть — гнев мой будет ужасен, а суд — справедлив.

Приняв это твердое решение, я отлип от окна и двинулся искать Камориль и Эль-Марко.

Нашел я их на кухне, вдвоем. На столе стояла бутылка красного уксуса, печь отсчитывала последние секунды приготовления чего-то дурманяще пахнущего. Эль-Марко и Камориль шагов моих не слышали, а потому самозабвенно распивали пиво и вдохновенно мыли мне кости.

— Всем с добрым утречком, — хмуро заявил я. — И Мари не баба, а девушка...

— Здравствуй, Мйарчик, — улыбнулся Камориль.

— Здравствуй, — улыбнулся Эль-Марко. — Давно не виделись.

— Где пацан? — спросил я, садясь на высокий табурет рядом с Камориль.

— На чердаке, читает учебник по базовой элементаристике.

— А это ему зачем? — удивился я.

— Дык у меня нет ничего больше, кроме того, по чему Никс самообучается, — ответил Эль-Марко, снимая с крюка кухонные рукавицы. Как только он это сделал, газовая печь пикнула и разблокировала замок дверцы. Эль-Марко открыл ее и вытащил на свет противень

с огромной дымящейся пиццей. Выложил пиццу на деревянную подставку и перенес на стол.

— Камориль, — я повернулся к некроманту, — у меня такое чувство, будто бы все хреново.

Тот, не смотря на меня, медленно ответил:

— Да что, не так уж и хреново... Бывало и хуже...

Тут к нам сзади подошел Эль-Марко и обнял обоих за плечи:

— Друзья, полно вам. Надо же радоваться! Мы снова собрались вместе. А вместе мы кое-чего можем, так? Мйар, я скучал.

Он стал теревить меня за щеку, но я, не стерпев таких надругательств, проворно и, надеюсь, достаточно больно щелкнул его по лбу.

— Ой, — сказал Эль-Марко, — зачем ты это?

— А вот нефиг, ты и так... чувствую... приложился к делу моей регенерации... А я, между прочим, за сутки бы сам все отрегенировал!

— У нас нет времени, чтобы ты разлеживался, — сказал Камориль. — Хрупкая красота моей теперешней жизни может рухнуть в любой момент. И твой покой отшельника тоже!

— Не драматизируй! — отмахнулся я. — Все не так плохо!

— Но и не хорошо, совсем не хорошо, — некромант не сдавался. — Ты, наверное, как всегда ничего не запомнил, пока твой организм алкал боя и крови... И получил все, что хотел, следует признать. Так вот, совокупность фактов плюс обрывки сведений в мозгах мертвецов... заставляют меня волноваться.

— М-м... — протянул я, — теперь мой организм алчет мяса... то есть, еды. Эль-Марко, хватит дразнить, давай угощай!

— Один момент! — оживился тот.

— Я ему уже рассказал, что происходит, — продолжал Камориль. — И оно не касалось нас, пока мы не полезли вызволять мальчишку. Оно-то понятно: деяние, соответствующее твоему наивно-хаотическому мировоззрению и даже некоторым моим увлечениям потакающее, но — необдуманно это все. Теперь у нас наверняка будут проблемы, довольно тягостные, хотя и разрешимые. Кабы, знаешь, еще чего не вышло.

Я ничего не сказал, вгрызаясь в сочный кусок пиццы. Нет, ну а что? Что тут скажешь? Я вообще не слишком-то помню, что случилось прошлой ночью...

— В умах мертвецов было пусто, — продолжал некромант, — почти у всех, кроме одного...

— Ну да, ты же не можешь в обыкновенной ситуации читать всю информацию, — Эль-Марко сел напротив нас и повязал на шею салфетку. — Если б вы меня сразу с собой позвали, сведений было бы больше.

— Ну кто ж знал, — Камориль педантично разрезал пиццу на квадратики. — У одного в момент смерти своя жизнь была на уме, у другого вообще какая-то фигня... третий думал о сжавших его бедрах Мйара, и только четвертый думал о том, что все произошло из-за мальчика. О чем они тревожились, то я и узнал. Если бы того 'собаковод' смогли порешить, может, что-то еще бы всплыло. А так... Какие-то гибриды человека и животных, тоже мне, химеры антропоморфные. Не так удивительно, сколько непонятно, зачем?.. Сейчас? Кто и зачем в наше время занимается магической гибридизацией? Очевидно же, что в обход Заповеди, — дикая дикость или дикая дерзость... И Ромка им зачем? Понятно теперь, что ценность у пацаненка не надуманная, она правда есть, и велика... Но узнали они о нем — как? От кого? Я думаю послать письмо в гильдию некромантов...

— Ты ж вольный, — Эль-Марко запил пиццу персиковым соком. — Думаешь, помогут?

— Ну, я надеюсь. Может, хотя бы дадут официальное разрешение на использование каких-то артефактов. Сформулирую запрос по возможности хитро, на всякий случай.

Да, Камориль был 'вольным'. Он, будучи нетривиально талантливым магом, тяготился надобностью исполнять гильдейские обязанности и, к тому же, не любил чье-либо руководство. Более того, изучать одну лишь чистую некромантию казалось ему скучным, а по закону использовать сложное безмолвное волшебство на стыке школ было то ли нельзя, то ли не очень можно, то ли попросту считалось зазорным без каких-либо объективных причин. Вообще с его членством в гильдии связана какая-то довольно мутная история, которую я целиком не знаю. За сим Камориль не входит в гильдию некромантов, но в тамошних документах числится. Более-менее точно известно одно: в свое время он каким-то образом выкупил себе эту относительную 'волю', что само по себе удивительно. Теперь он обязан хранить у себя некоторые особо ценные и опасные творенья человеческого гения, но пользоваться ими на свое усмотрение ему нельзя.

Вообще-то сейчас гильдия некромантов не такая уж большая. Постоянной локации она не имеет, маги собираются несколько раз в год по письменной договоренности то у одного, то у другого члена гильдии, благо, состояния им позволяют не скупиться и разъезжать куда угодно в любое время. Сдается мне, все ныне существующие гильдии (а их насчитывается пять штук) устроены примерно так же. Кроме поглощающих, конечно, это ведь совсем отдельный разговор... Различает эти магические товарищества, кроме направленности, только численность магов да внутренние уставы, которые в любом случае координируются с Заповедью Неугомонного Сердца. В редких случаях главы гильдий собираются вместе и вписывают некие новые тезисы в эту таинственную и полумифическую книгу или решают что-нибудь общественно-важное.

Если уж говорить о системе контроля магии в целом, то... Я никогда не хотел вникать во все эти подробности, но как-то так получилось, что немного вник. Как по мне, все это — ересь и бюрократия, но что и как в мире устроено решаю не я, так что... Мне приходится раз в год заполнять анкеты и прочую макулатуру, так как я зарегистрирован в департаменте исключительных дел как 'потенциально опасный агент', что бы это ни значило. Ах, да. Департамент. Это явление никак к гильдиям магов не относится и полностью подчинено руководству страны; чиновники на местах, по сути, контролируют 'несознательных' чудаков, вроде меня и низших полуразумных тварей типа троллей, русалок, домовых, ашей и аров, о существовании которых после пресловутой Войны Причин простой люд предпочитает говорить либо плохо, либо никак. Еще я слышал, что вроде бы в наших краях есть вампиры, но они крайне асоциальны и в контакт ни с кем не вступают. Кроме вампиров и организованных магов, тут можно напороться на оборотней, уже упомянутых троллей и леших, — ежели в горных чащах блуждать потемну. В общем, нечеловечины здесь водятся в достатке, но она вся тихая, редкая, напуганная, практически незаметная, и — потому как для человека бесполезная — то и почти незамеченная. Раньше, и я даже это помню, как-то по-другому все было. Больше водилось странного, и оно оказывалось зачастую куда как агрессивней. А уж что после войны творилось... Ох. Так что нынешнее состояние дел кажется мне естественным, и осторожность магов вполне понятна.

Действия колдунов контролируют поглощающие — опасные и, на мой взгляд, непредсказуемые ребята, которые сами, по сути, являются магами. Классика жанра, как ни крути. Репутация у них та еще. Я, правда, тоже ни одного из них не видел — и это меня

несказанно радуется. Хотя я и не маг.

Есть еще то самое пламенное просвещение — разветвленная сеть спецкурсов для простых людей под протекцией церкви Потерянного, где неопитам втолковывают (за деньги, естественно) основы науки обращения с энергиями, заодно выявляя среди них потенциальных чародеев и(или) просто шизофреников, применяя свои особые церковные методы. Талантливые дети, бывает, рождаются и у простых, никогда не видевших волшебства родителей — и цель пламенного просвещения как раз в том, чтоб этих деток вовремя распознать. Так же, говорят, неприкаянные провидцы мутировали в неформальное объединение бабок-ведуний, но в этом уже я никак не разбираюсь, знаю только, что оно есть.

В общем, организаций всяких много, разобраться в них всех непросто, и мне кажется, что я знаю только треть того, что мог бы знать. Уверен, Камориль известно больше. Но вот куда идти с повинной в случае разорения подземного бункера с химерами-мутантами?.. Ума не приложу.

— А что там с документами? — спросил я. — Или с письмами, что там Ромка тащил?

— Хо-хо, — Камориль вздернул брови, — а тут вообще забавная история вышла. Пацанчик же, смышленная наша зверушка, оказался непрост и, сбегая от любезных химер, выкинул пакет с письмами и фотографиями под раздолбанную карусельку. Мы туда смотались утром, пока вы с мальчишкой дрыхли... ага, как только Эль-Марко тебя отреставрировал чуток.

— На моем новом красавце, — Эль-Марко сверкнул белоснежными зубами.

— Ага, байк — заглядение, просто зверь! — согласился Камориль. — Почем, кстати, брал?

— Эй-ей, так что там с письмами? — напомнил я. Развели тут болтовню светскую!

— Так вот, приезжаем, роемся на детской площадке. Но неисповедимы пути ценных бумаг, пускай то и чьи-то каракули... Пакета нет, писем нет. Что делать? Мы в расстройстве, уже мозгуем, стоит или не стоит соваться снова в бункер, чтобы его хорошенько обыскать... Тут мне позвонил наш зверек, — Камориль блаженно улыбнулся, — и заявил, что все в порядке.

— Короче, суть в том, что мать в спешке всунула ему пакет с бухгалтерскими отчетами, а не с фотографиями, — весело встрял Эль-Марко, — и письма деда спокойно лежат по его адресу! Камориль отдал мальчишке мобильник, который тебе купил, тот позвонил матери, а она стала отчитывать его за пропажу документов. Ну, а после этого Ромка позвонил Камориль.

— Женщину, конечно, жалко, на работе ее не похвалят, — отметил некромант. — Но для нас это неслыханное везение. Так что, Мйар, давай, ешь, пей, и пойдем докапываться до истины.

— Поедем, — уточнил Эль-Марко.

А я жевал и не говорил. Собственно, я даже был рад, что Камориль этак стройно расписал план мероприятий. А везение... ха, на то я и рыжеват! Мне если уж не везет — то по-крупному, а в мелочах я вполне привык полагаться на удачу.

— Одна маленькая проблема, — сказал я, поставив на стол стакан с соком. — Если наши ныне покойные приятели-мутанты забрали те самые бухгалтерские отчеты, то они уже всенепременно знают адрес проживания Романа. По крайней мере, тот единственный собаковод вполне мог додуматься...

В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь гудением кондиционера в дальней комнате.

— Приедем на место, я зачарую входные двери, — пожал плечами Камориль. — На сигнал. Да что-нибудь такое-этакое наворожу с элементами кружевного 'авось'. У меня даже уже руки чешутся и есть идея, что именно ворожить! Кападастер, ты зажмешь мне струну для тренировки? Давно мы этим не занимались, кто знает, как тебе приноравливаться теперь будет...

— Попробуем, никаких проблем, — Эль-Марко бросил свою тарелку в раковину. — Сейчас мигом переоденусь, и поедем, куда там нас снова несет нелегкая.

'Суть волшебства колдуньи вероятностей заключалась в том, что она видела возможности вещей и людей, и тут же могла поспособствовать тому, на что вышперечисленные способны. К примеру, если от статуи вот-вот отколется правая рука, колдунья вероятностей могла бы глянуть на это дело, и... ничего бы не произошло. Но вот если бы кто-то коснулся руки статуи, то тут уж не избежать мраморных осколков по полу. Ее сила действовала и на варианты типа 'А если вот тут подклеить, а тут подмазать, а здесь вот скотчем замотать!' — непременно при условии выполнения поклейки, замазки и обмотки. Была и обратная сторона у этого колдовства: если ей казалось, что что-то невозможно, то хоть кол на голове теши, — дело с места не двинется,' — прочел Ромка абзац из довольно-таки новой книжицы. Издание прошлого года, одна из типографий областного центра. Странно. Написано на обложке: 'Особые Случаи Края', и год проставлен внизу. Он думал, это что-то художественное (если понимать 'край' не как местность, а как точку перелома событий), а это оказались причудливо подобранные отрывки из отчетов и писем, чуть ли не дневников. Документальная такая, судя по внутренностям, книженция. Достаточно интересно, но как-то совсем не то, что могло бы ему помочь на данный момент.

Ромке хотелось конкретики. Какого-то четкого руководства с план-схемами, так, чтобы наглядно было указано и расписано, что означает красный, оранжевый или голубоватый цвет сияющей нити. Одними смутными ощущениями и догадками толку не добиться, нужно знать, доподлинно знать. Пример не решить без формулы, а с магией этой, судя по всему, не совладать без теории. Ромке, судя по всему, досталось какое-то крайне запутанное информационное колдовство, без всяких там плюшек к атаке, в котором к тому же никто особо и не разбирается. Ромка даже подумывал о том, чтобы настоять и, несмотря на опасения Мйара, выпить-таки то темно-фиолетовое зелье, которое давеча хотел влить в него Камориль. Ну, случится у него пищевое отравление, но не помрет же он от этого... А то даже не ясно, какую именно информацию искать, каким текстом запросы в сети писать... Такие материи не разобраны в большинстве игрушек. Никаких тебе огненных шаров и близко. Никаких тебе цепных молний или заморозки. Ромка вздохнул: раньше, до прихода кошмаров, ему часто снилось, как он зажигает огонь в своих ладонях. Потаенная мечта — стать огненным чародеем — была слабо осознаваемой, из разряда неосуществимых никоим образом, светлых и идеальных. А теперь он... кто? Экстрасенс? Медиум? Телепат? Эти-то хоть что-то могут на практике сообразить, а он... кажется, ничего не может. Просто видит странные вещи. Но это, все же, много больше, чем есть у других ребят, таких, каким он и сам когда-то был, которым волшебство — любое волшебство! — только снится — тайное, запретное, позабытое, но прописанное в сердце с той, другой стороны.

Каждый мальчишка знает, что есть вещи, о которых не говорят. Со временем даже самые суровые родители пробалтываются о чем угодно, кроме этого. Когда тебя наступают

твои четырнадцать, рано или поздно, к тебе придут, всучат книжку с целомудренными, выхолощенными картинками, написанную энциклопедическим языком, — на, мол, ознакомься, что такое межполовая любовь. Сеть, конечно, расскажет тебе об этом раньше, откровеннее и циничнее. Хотя это как повезет и смотря, куда попадешь.

Но о гильдиях магов тебе не расскажет никто. А спросишь — правда ли, что в той войне принимали участие чародеи? — промолчат или высмеют. Говорить о том, что было — неприлично. Нельзя. Но это было. Мальчишки чувствуют это, и когда об этом говорят — встает дыбом короткая шерсть на загривках. Мальчишки подозревают друг друга в причастности к тайне и отчаянно этой причастности хотят, настолько, что придумывают небылицы. Никто этим сказкам не верит, и Ромка тоже не верил в дружеские рассказы до поры до времени, хоть и продолжал видеть сны о том, как в руках его распускается невиданный цветок огненного волшебства...

И вот, оно произошло. То, чего быть не может, и то, чего Ромка ждал.

И даже пускай это в сущности никакой не магический дар, а помутнение разума, — пускай. Но он видел восставших мертвецов и, кроме прочего, держал за руку человека, у которого в каждом пальце четыре фаланги и глаза горят в темноте желтыми угольками. И это значит, что мальчишеские легенды, неотличимые от слухов, правдивы, и все догадки — не зря. Чародеев не повывели под ноль, и то, о чем молчат родители, молчат бабки и деды — существует, дышит, живет совсем рядом и умирать не думает. Маги — не сказка, не блажь, не ложь, они реальны, сильны и разумны, настоящие, обыкновенные, невероятные. И еще... Но это слово даже произносить нельзя, оно — фоном, оно — серое, оно — как дымок или шепот...

Всемогущие.

Да. Кто-то. Где-то. Пускай не он сам, и не Камориль Тар-Йер — но где-то ж может быть такой волшебник, чтоб был такой же силы, как Потерянный бог?..

Ромка потер пластырь. Ну, хоть обошлось без фигурных шрамов.

Снимать — не снимать... интересно, а будет ли видно нити тех трех мужчин в комнате, что этажом ниже? И как разделить все эти слои энергий, и что как правильно называется? И... и все это призрачное, полупрозрачное великолепие, похожее на внутреннее солнце каждого, подернутое рябью, горящее или тлеющее, сияющее или тусклое — что же это на самом деле? Правда ли — та самая "душа"? Долго смотреть — убиться можно, слишком... странно. Завораживающе. Кружит голову, наскоками плывет, а то и исчезает враз... Как с этим быть? Может, со временем пройдет? Столько вопросов, и ни одного ответа. Чудаковатый некромант знаком с предметом поверхностно, сконцентрирован на своей профессии и специализации. Что уж говорить о Зубоскале, Мйаре Вирамайна. Но в том знаковом письме дед сказал, что Мйар поможет, и пока что причин усомниться в его словах Ромка не видел, тем более что страшных снов не случалось вот уже третью ночь подряд.

Ромка искоса глянул на большую круглую прорезь чердачного окна. Там, верно, и уместиться можно легко, стена-то толстая, форма как раз соответствует изгибу спины, и от пола расстояние с голень. Можно сидеть и книжки читать... или на дождь пялиться осенью.

Его мысли прервал скрип винтовой лестницы.

— Пойдем вниз, — махнул рукой Мйар. — Кстати, тебе же Камориль мобильник-то отдал, который мне покупал? Он говорит, что простейший взял, чтобы я не путался, ну а, раз такое дело, тебя мама-то наверняка не похвалит за утрату старого...

Ромка улыбнулся: его прошлый телефон был невероятно устаревшим. Черно-белый,

кнопочный, он успел за жизнь знатно исцарапаться и обтереться.

— Отдал, — кивнул он и вернул книгу на стеллаж. — А что, едем ко мне?

— Ага, — Мйар растянул края цветастых шорт, как юбку, — будешь представлять маме трех пришибленных мужиков! Даже не знаю, стоит ли, на самом деле...

— Да ее дома не будет, скорее всего, — задумчиво ответил мальчик. — А если будет... Ну, скажу, что вы... э-э... женихи сестры?

— О, у тебя сестра есть?

Мйара очевидно обрадовала перспектива.

Ромка кивнул.

— Симпатичная? — спрашивал Зубоскал уже по пути вниз.

— Ну, такая... — протянул Ромка. Замолк. С минуту подбирал эпитет к Алечке, пока наконец не определился: — Она разная... раньше лучше была, потом поменялась, сейчас вот обратно куда-то меняется, чем-то новым увлеклась...

Ромка скосил взгляд на Зубоскала: тот был румян и чем-то доволен. В нем тоже чувствовалась перемена, если не случившаяся, то намечающаяся. По крайней мере, между этим Мйаром и тем, которого Ромка видел при первой встрече в подвале четырнадцатого дома, разница была ощутима.

Эль-Марко Кападастер предстал перед ними в широких пятнистых штанах, полосатой матроске, приталенном болотного цвета пиджаке и в невысоком черном цилиндре.

— Думаешь произвести впечатление на даму? — подмигнул Мйар.

— Мы с тобой просто давно не виделись. Я сейчас всегда так хожу, — заявил Кападастер. — Давайте торопиться. Скоро электричка отходит?

— Через восемь минут, — выплыл из-за перегородки с комнатными растениями Камориль. — Все все забыли, ничего не взяли?

Выходя следом за Мйаром из дома, Ромка грустно проводил взглядом хромированный байк Кападастера.

— Вот это... вещь, — восхитился он чуть погодя.

— Что, покататься хочешь? — спросил Мйар. — Я думаю, как будет время, Эль-Марко тебя покатает, если захочешь.

— Правда? — встрепенулся Ромка.

— Ну да. Зуб даю — не откажет. Он, вообще-то, добрый.

Расправившись с дверным замком и воротами, Эль-Марко догнал успевшую было скрыться за поворотом компанию.

Теперь они шли по красной черепичной крошке, устилающей тропинку, вверх, к искусственной насыпи железнодорожной полосы. Резкое полуденное солнце давало плотные тени. Начинало припекать, и, как это всегда бывает в таких местах, время засахарилось, как сироп, практически замерло. Дорога пылила, над городком внизу реяли чайки. Женщины с авоськами и неформального вида девочки оккупировали единственную на станции лавочку. Ромка вздохнул и приготовился ждать.

А ведь его одноклассникам, возможно, прямо сейчас, дают новый материал по геометрии...

— О да, да! Пахлава — это именно то, что нужно моему милейшему другу!

Ромка вздрогнул и обернулся: Камориль протягивал деньги одной из старушек на лавочке. Некромант возвращался, играя бровями:

— Мйарчик, а смотри, что у меня есть!

Лицо Мйара не выражало никаких эмоций, но на нем предательски дергался левый глаз.

— А, фиг с тобой, давай ее сюда! — не выдержал Мйар и алчно вгрызся в хрустящее слоеное тесто, обильно пропитанное медом и посыпанное корицей.

Эль-Марко шлепнул себя по лбу и пробормотал какое-то ругательство, а Ромка хихикнул в ладошку.

Как того и следовало ожидать, вскоре развалившиеся в электричке на свободных сидениях Мйар и Камориль причитали в два голоса, что невообразимо страдают и зверски хотят пить. Камориль устал от этого первым, встал и пошел курить в тамбур.

Странно, что никто из троицы не смотрелся в электричке слишком уж чужеродно: ни Эль-Марко в цилиндре и полосатой фуфайке; ни Мйар в цветастых широких шортах, ни эпатажный Камориль в черном и узком, а местами и слишком блестящем. Наверное, — думалось Ромке, — это от того, что они все тут выросли, где-то здесь. Или хотя бы в этой стране. А может и вовсе, — друзья детства, когда-то почти одинаковые, одетые в истертую и мятую мальчишескую одежду, подстриженные под ежик, катались они в этой электричке из дома Эль-Марко в город и обратно... разве что Камориль, например, всегда был ниже и худощавей ширококостного Мйара, рослого не по годам, и, наверное, зачастую ломал то руку, то ключицу, оттого и стал учить язык костей, а потом и в некромантию подался...

— Смотри, отклеился, — незаметно вернувшийся Камориль провел пальцем по лбу Ромки, приклеивая лепесток пластыря на место. — А ты все ворон считаешь, зверек?

Ромка вздрогнул: прикосновение было холодным.

— Ой, не заметил... он отклеился, а изменений как-то и не было никаких... все как всегда. Может, прошло все?

Камориль вздернул бровь:

— Да ну...

— Смотри! — вскрикнул Мйар, указывая куда-то в окно. Эль-Марко приник к стеклу со своей стороны, а Камориль вытянул шею. — Это же тот самый горный монастырь! Крыло левое обрушилось!

— Тысяча дохлых кошек, а мы же там лазили! — произнес Эль-Марко.

— Так давно это было, — Мйар сел спокойнее, все еще смотря в окно.

Мимо проносилась скала с выдолбленными в ней окошками, пещерами, лестницами и переходами. Некоторые окошки были застеклены грубыми витражами, а на самых нижних дверях висели замки. Обрушившееся место электричка давно проехала.

— Я там череп козла нашел, — медленно и почему-то немного смущенно поведал Камориль. — Хотя память и правда очень... какая-то... кусками.

— Долго нам еще? — спросил Ромка. Сам он в эту часть пригорода ни разу не ездил. Тем более, в электричке.

— Минут двадцать, — сказал Камориль, — скоро уже.

Оставшиеся двадцать минут Эль-Марко рассказывал о делах на винограднике отца его бывшей девушки, который стал его хорошим другом. Ромка не слушал и думал о своем.

Вероятность того, что на людном вокзале его встретит кто-либо из знакомых, была низкой, но все же была. Он старался идти чуть поодаль от странной троицы мужчин, и даже место в автобусе выбрал с краю.

Волшебство — это хорошо. Но... есть еще кое-что. Ромке не давал покоя следующий вопрос: какой смысл, в самом деле, некроманту заботиться о делах Мйара и его, Ромкиных? Не то, чтобы Камориль ему не нравился. Просто немного обескураживала готовность

Камориль и Эль-Марко Кападастера ввязываться в проблемы Зубоскала. Ромка считал себя проблемой именно Мйара и не думал спрашивать помощи ни у кого, кроме него. Может, некромант и Эль-Марко так развлекаются. А может, они чем-то обязаны Мйару. Хотя на обязанность их поведение не похоже было: это или удивительной крепости и наваристости дружба, или Ромка совсем ничего не смыслит в отношениях между людьми. Хотелось бы, конечно, верить, что все так и есть. В душе Ромка радовался, что познакомился с этими особенными людьми, — даже без всякой магии. А Эль-Марко ведь наверняка так же не прост, как и Мйар, и Камориль. Но с другой, изнаночной стороны Ромку терзала мысль о "синдроме утенка", и он еще не мог точно охарактеризовать свои чувства по этому поводу. Люди, конечно, не книги и не кинофильмы, но если мужчинами руководит тот самый, недостойный вид привязанности — когда ты любишь кого-то не за то, кем он является, а потому, что это просто первый попавшийся человек, проявивший к тебе симпатию, — то как же их уважать при этом?..

— Нам налево, — указал мальчик, когда они зашли во двор его дома. Подошел к двери, быстро набрал код замка. — Пойдемте, нам на седьмой этаж, на лифте поедем?

— Мы на лифте, Мйар пешком, — Камориль закатил рукав, подкручивая что-то на часах.

— Почему это? — возмутился Мйар.

— Потому, что твоя тушка должна вспомнить, каково ее предназначение, — сказал некромант, заходя в лифт и нажимая кнопку. В закрывающихся створках мелькнула недовольная физиономия Зубоскала:

— Даю вам фору в шесть секунд! — бросил он.

Ромке стало немного стыдно за то, что одежда Камориль может соприкоснуться с грязными стенками лифта. Иррациональное чувство. Он отогнал его, уставившись на металлические двери. Механизм неторопливо отсчитал семь этажей, и створки разошлись.

— Я еще в прекрасной форме, — вздернул брови 'скучающий' у перил Мйар.

— Ты обогнал нас на пятом этаже, а это весьма посредственно, — ткнул его ногтем в плечо некромант, — и ты сытый, выспавшийся и довольный! Это никуда не годится!

— Да я только отрегенил половину массы, ты чего!

— Не половину, а даже пятой части там не было, не я ли тебя из катера вытаскивал?

— Тихо вы! — шикнул Ромка. — Кажется, там, дома, кто-то есть. Или ма, или сестра.

— Позвоним? — предположил Эль-Марко.

— Нет, у меня свой ключ.

— Так, — произнес Мйар, подходя ближе, — пускай Эль-Марко и Камориль займутся дверью, а мы с тобой пойдем знакомиться с твоими родственниками.

— Хо-хорошо, — запнувшись, согласился Ромка.

Я был небезосновательно горд собой: во-первых, я вовремя вспомнил о том, что Камориль грозился зачаровать входную дверь от всяких бед, а во-вторых, не менее вовремя сообразил, каким образом Эль-Марко зажимает струны души Камориль. Ромка вставлял ключ в замок, а Эль-Марко подходил к опершемуся о стенку Камориль. Мальчик провернул ключ, а Эль-Марко облокотился рукой о стену, встречая взгляд медовых глаз Камориль. Замок щелкнул, и мальчик вошел в дверь. Я отвел взгляд и шагнул следом за ним.

По правде говоря, мысль представиться маме Романа парнем его сестры мне не очень нравилась. Ушей моих, конечно, сейчас не видно, но разговаривать мне много все же не

стоит — клыки, как-никак, имеют место быть. Я наклонился к Ромке и тихо спросил:

— А мать в курсе твоих особенных способностей, или как?

— Нет, — ответил Ромка через плечо, — кажется, я уже говорил...

Из кухни донесся женский голос: 'Ром, ты?'

Мальчик снял кроссовки, поставил их ровненько рядом с другой обувью и молча пошел на кухню. Я пожал плечами и, разувшись, осторожно заглянул в ближайшую комнату, стараясь не вникать в тихую беседу на кухне. Иногда я просто ненавижу свой острый слух: безэмоциональные жесткие упреки чужой матери задевали меня, как будто кто-то очень для меня важный оскорблял меня лично.

Комната, куда я вошел, была, судя по всему, комнатой Ромы и его сестры. Внутри было светло, опрятно и на удивление чисто. Я прикрыл дверь и занялся разглядыванием мелочевки на полках. Вот совместная фотография: Ромка, помельче года на два, худощавая нескладная девочка и женщина с вьющимися осветленными волосами. Семейный портрет, вестимо.

Вообще, я заметил, что мальчик у нас довольно-таки интровертный. Замкнутый, другими словами. Он достаточно развязно вел себя тогда с Камориль и на пляже; смело, без единой жалобы пережил побывку у веселых гостеприимных химер; вставлял свои пять копеек в разговоры, однако... этот взгляд миндалевидных темных очей, уходящий все время вбок, и сама манера держаться... У него большими буквами на лбу написано: 'я себе на уме'.

Я сел на диван. Итак, наша первоочередная задача — глянуть, что там ему написал дед. А так же, нужно просмотреть фото, на которых, якобы, мелькаю я. Вообще я стараюсь не попадать под дуло фотоаппарата, ну, в смысле, под объектив. Для меня это одно и то же, учитывая, сколько я живу. Это Камориль все равно, потому что он без башни, а мне так нельзя, нет. Пускай меня лучше забудут, чем поймут, что что-то со мной не так, очень не так.

Дверь приоткрылась, и в нее, как бы внезапно это ни было, вошла женщина в домашнем халате. Та, с фотографии. Улыбалась она достаточно мягко, однако, полагаю, очки на ней не просто так, и что-то как-то очень уж несет от нее мелом и казенным домом, как выразилась бы карточная гадалка.

— Здравствуйте, так вы из музыкальной школы? — спросила она.

Бурю моих эмоций по поводу вопроса описать кратко — сложно, почти невозможно. Я и радовался, что Ромка придумал такое веселое вранье, что я даже подыграю влегкую, и сетовал, что мне придется-таки разговаривать с этой дамочкой. Я решил говорить мало и, по возможности, не открывая рта, как чревовещатели. Вот же полудурком я буду выглядеть, наверное...

— День добрый, — пробормотал я. — М-м... мы из хора.

— Мы? — вздернула брови женщина, присаживаясь на стул у стенки.

Тут в комнату вошел Ромка:

— Да, ма, там еще двое.

Когда мальчик подошел ближе ко мне, я прошелестел:

— Бери и пошли!..

Мне было неудобно в этом человеческом жилище. Стыдно, в моем-то возрасте!

— Может, вам чаю сделать, да вы мне расскажете, как у Ромы дела? — предложила мать Романа. — Кстати, меня Светлана Сергеевна зовут, а вас как?

— А его Геннадий Петрович, — вмешался Ромка, шелестя чем-то в шкафу.

Я кивнул, чуток скривившись от имени.

— Рома у меня как-то никогда особым слухом не отличался, я удивлена, что им интересуются из музыкальной школы. Он, конечно, ярко-выраженный гуманитарий, но...

Судя по всему, мальчонка смекнул, что я сейчас начну на стенку лезть. Как-то не в своей тарелке я себя ощущал, право слово. И с чего вдруг? Странная женщина эта его мать, явно не из тех, с кем можно драться подушками и лазать по деревьям... и не такая, которая тут же накормит тебя пирожками и супчиками. Я очень смутно себе представлял, какой тут нужен подход. 'Камориль, спаси меня,' — взмолился я мысленно.

— Мальчик способный, — безапелляционно заявил бархатным голосом Камориль Тар-Йер, явившийся так вовремя, что я аж вздохнул от облегчения. Он чуть поклонился женщине с порога. — От чая мы, пожалуй, откажемся, а вот поговорить с вами — это именно то, чего бы мне сейчас очень хотелось. Тапочки вот эти можно надевать, да?

Нацепив красные тапки, он прошествовал вперед и грациозно, насколько это возможно в данной ситуации, опустился в вертящееся кресло у компьютера.

Я размышлял, куда делся Эль-Марко.

Камориль продолжил:

— Роман — очень талантливый мальчик, и сейчас как раз стартует международная программа по обмену студентами. Ну, знаете, симпатичных восточных деток отправляют на запад, чтоб им потом было сподручнее завоевывать мир, а наших отпрысков шлют к ним, туда, на берега красной луны, чтобы они вдоволь набрались чуждой им культуры. Наконец-то подобная практика докатилась и до нашего прекрасного города. Но это — дела удаленной перспективы, сейчас же есть реальная возможность поднатаскать Рому в плане сценического вокала. Сами понимаете, это потребует времени, и, вероятно, ему придется изредка пропускать занятия в школе. Повторюсь, в перспективе я нацелен на то, чтобы помочь мальчику пройти отборочный тур в класс, который поедет...

Я перестал слушать. Судя по всему, Камориль уже все решил, сел на любимую лошадку и сейчас проецирует на даму все свое обаяние. Жаль будет, если дама на самом деле предпочитает усатых плотненьких дядь, типа начальника департамента исключительных дел.

Я глянул на Ромку. А он — на меня. Мальчик сидел на диване рядом со мной и держал в руках какие-то бумаги. Ромка опустил взгляд на свои руки, перебрал пару листков и выудил на свет пожелтевшее групповое фото.

Я взгляделся в размытые лица людей. Ромка указал пальцем на статного высокого красавца с острым, решительным подбородком, развитыми плечами, в серой кепке набекрень.

У меня в глазах помутнело, и я чуть куда-то не улетел. Я знал этого человека, наверняка знал. Знал определенно. А если не знал — то должен был знать. Он был таким... как будто воплощал в себе все то, что можно ценить в настоящем мужчине, плюс все это было сдобрено силой, искренностью и добротой, которая просто-напросто сияла, искрилась, переливалась в его светлом взоре, печальном и мудром.

— Это дед, — сказал Ромка, — Даньслав Никифорович. Он тут молодой, писал, что ты должен помнить его молодым.

— Я... знаю его, — проговорил я, — но... не помню его.

Я поднял взгляд: Камориль встал с кресла и пошел за матерью Ромки куда-то вглубь квартиры. Я мог только предполагать, зачем.

— Смотри дальше, — сказал Ромка, — вот еще фотки деда, а вот эта, глянь — это же

твоя рука.

Я взгляделся в фотокарточку: тот же самый статный мужчина с футбольным мячом, а на мяче лежит кисть с удлинненными ногтями. Владелец кисти безжалостно обрезан краем фотографии, но это все же вполне мог быть я. В то время таких 'украшений', как длинные ногти, нормальные мужчины не носили, а рука определенно не женская.

— У меня тут еще есть два неотправленных письма к бабке, и письмо непосредственно тебе, Зубоскал.

— Давай, которое мне, — пробормотал я, пристально глядясь в черты мужчины на фото. — Думаю, не слишком красиво читать чужую личную переписку, пускай и покойных людей... Чай мы им не душеприказчики.

Ромка зашелестел бумагами и передал мне пожелтевший конверт. На нем было написано: 'Мйару Вирамайна'. Внезапно меня затрясло. Я не понимал, что такое творится, но у меня реально волосы на руках и затылке зашевелились и чуть ли не встали дыбом. Ромка поднялся и захлопнул форточку, в которую врвался тревожный сквозняк, а я открыл не заклеенный клапан письма и развернул сложенный вчетверо листок.

'Мйар, Мйар Вирамайна Коттэра знает, в чем истина нашей силы, которая проснется в сыне моего сына. Он ходил туда, где другое небо, и несет в себе нужные слова. Фотографии — в моем альбоме, где я молодой, там я, Мйар и Варя. Я знаю, что все пошло не так. Вообще не так. Совсем не так. Не так как вы хотели, но я иначе не смог. Я прошу прощения у тебя, Мйар, но и ты должен благодарить меня. Ты знаешь. Варя тоже. Ты-то не умрешь, нет, но она сама никогда о таком не мечтала. Научи ребенка тому, что узнаешь сам, и расскажи ему обо всем, что было, потому что прошлого мы не видим. Я сам не могу, если об этом кто-нибудь узнает сейчас, могут и не поверить, а могут поверить, но тогда будет плохо, меня заберут, и придется мне умирать дольше, ведь мы в опале.

Ты мальчика побереги, если он молод, ведь даже сейчас народу все еще недостает крови, хоть и испито ее с избытком. Время пройдет и все может вернуться, усилиться, как болезнь. Пока он не умеет контролировать мои способности, то может натворить бед.

Сын мой, ежели в тебе проснулась сила и ты нашел Мйара Вирамайна, значит, ты уже сделал то, что сделал. А сделанного не вернуть. Верь себе, как никому другому.

Прости меня еще раз, Мйар Коттэра. Я испытывал ни с чем не сравнимую боль до конца своей жизни. Но я не жалею о том, что сделал, жалею лишь, что я — человек, и сделать лучше не смог, хотя казалось бы... И сейчас я прошу тебя об одном: прости меня. Может, ты меня давно уже простил. Даньслав Белый Коготь'.

Мйар Вирамайна сидел, как будто бы опущенный в холодную воду. В одной руке письмо, другая лежит на колене. Потом он прикрыл свободной рукой глаза и проговорил:

— Белый Коготь, это же Данька Белый Коготь. За что мне тебя прощать, глупый ты человек? Я не понимаю... Что за чудеса без объяснений? Что за стиль письма?.. Дислексия? Дисграфия? Маразм? Шифровка? Ничего не понимаю!

— Ты его вспомнил? — спросил Ромка. — Моего деда? Вспомнил?

— Да как тебе сказать, — Мйар подпер ладонью щеку, — я знаю, будто бы нутром чую, что он был хорошим человеком и очень сильным колдуном. Это письмо странное, да... Но, понимаешь, я точно знаю, что Данька был из таких... особенных людей, которыми хочется гордиться и которых никак не хочется отпускать из своей жизни. Такие производят впечатление надежности гранитных скал, и как будто бы даже знают, куда идти... и как из

любой передраги выбраться.

— Я не знал своего деда, так что...

— А ты письмо само читал?

— Да.

— Хм. Значит, есть еще отдельное фото, где есть я, Даньслав и Варя. Поищи его, а я пока подумаю, да это письмо внимательней перечитаю... ладно?

Ромка кивнул. Фотографии троицы он сам ни разу еще не видел. Была отдельно бабка, был дед, и была та, с перфорированным краем, где был Мйар. Что примечательно, были в доме и фотографии деда в старости, и среднего возраста, и совсем еще юного... А от бабки почему-то осталась всего одна фотография.

Ромка нашел ее среди дедовых и протянул Мйару. Сам он видел в этом бабкином изображении разве что ответ на вопросы одноклассников по поводу его восточных глаз. Точь-в-точь, как у бабки, раскосые, черные, с особенным абрисом век, глаза Ромкины никак, по его мнению, к светлой челке не шли.

Мйара, судя по всему, окончательно закоротило на этом единственном изображении Варамыры. Он смотрел на него, не моргая, брови нахмурены, губа нижняя прикушена. Ромка впервые увидел Зубоскала настолько сосредоточенным.

Что ж, значит, он на самом деле нашел именно того, кого следует. Цепочка замыкается. Страшные сны ушли, а Камориль своей необременяющей властью дал надежду на то, что Ромка сможет обуздать силу, которая в нем проснулась, и, более того, понять ее. Чем бы таким особенным она ни была.

Ромка оставил Зубоскала наедине с фотографиями и письмами, а сам решил поискать мать и Камориль. Через полупрозрачное стекло кухонной двери он разглядел их размытые силуэты: они все-таки что-то пили, причем не чай и не кофе. Ромка без стука приоткрыл дверь и вошел. Некромант держал в руках прозрачный бутон хрустального бокала, наполненный домашним вином. Мальчик уселся на краешек мягкого уголка, рассматривая, что сладкого есть на столе.

— Так вот, приворот на самом деле действенный, я пробовал, — говорил Камориль, — однако толку? Любимый человек стает, как овощ. Ест, пьет, спит — но все, как будто каторгу отбывает. Не жалуется, что вы, ни разу! Тут два пути — отворожить или убить. Уж к чему сердце больше лежит. А, Рома, — Камориль наконец обратил внимание на мальчика, — ну, что там наш Геннадий?

— Он, кажется, о чем-то очень задумался, — осторожно сказал Ромка, — но все, что надо, я ему показал.

— Что ж, тогда, — улыбнулся некрмант женщине, — нам пора покинуть ваш дом! Спасибо за интересную беседу!

— Да что вы! — воскликнула высоко и весело Светлана Сергеевна, щеки которой изрядно разругались. — Редко сейчас встретишь настолько грамотного молодого человека. Я рада, что вы занимаетесь с моим сыном...

Камориль Тар-Йер замер, приподнимаясь из-за стола. Он смотрел на кухонную дверь, потом медленно перевел взгляд на Светлану Сергеевну.

— А у вас, — сказал он, поднимая руку и указывая четырехсуставчатым гибким пальцем куда-то на лицо женщины, — тут вот крошка от бутерброда...

Женщина уставилась на палец Камориль и внезапно осознала, что что-то с ним не так. Перевела взгляд на лицо некрманта, у которого на лбу в тот же самый миг раскрылся его

третий сияющий глаз. И ежели основные нечеловеческие глаза некроманта она как-то смогла для себя объяснить, то третий, а так же открывшиеся следом остальные шесть оказались для нее чересчур. Женщина икнула, глаза ее закатились и она обмякла. Камориль черной кошкой скользнул вперед и вбок, так, что успел ее подхватить. Уложил на пол возле холодильника.

— Оставайся здесь, не смотри в окна, — быстро приказал он Ромке и вышел из кухни.

Ромка встрепенулся и кинулся к маме, проверять, все ли в порядке. Потом он понял, что так просто вытворять этакое Камориль не стал бы. Значит... что-то происходит. Ромка, не зная, что делать, придерживал мать за голову, бережно сняв с нее очки.

Где-то в другой комнате ритмично хлопала форточка.

До меня не сразу дошло, чего от меня хочет Камориль. Я смотрел в бездонные черные очи Варамыры и шептал полузабытые стихи: 'Размах крыла-руки, глаза — как угольки, их черное стекло во льду седой тоски...'

— Мйар, мать твою! — рявкнул Камориль. — У нас гости!

— Кто? — удивился я.

— А я почему знаю? Сработало заклинание, которое я с Эль-Марко сплел.

— И что там за?..

— Эль-Марко ждал нас на крыше здания. Где он сейчас, я не знаю. Но мне может понадобиться твоя помощь... пошли, узнаем, что там такое.

— Погоди! — я отложил документы и фото. — А что за заклинание ты на дверь привязал?

— Два. Два заклинания, — поправил сам себя Камориль. Молния на его высоких сапогах пропела два раза. — Одно — сигнальное, а другое — с зажимом струны — "Красное Лезвие Гуманности".

— Что?! — я опешил. — Ты что, сдурел?

— Сдурел я или нет, это мы сейчас проверим. Обувайся.

Я скользнул в свои кеды и даже не стал их шнуровать, так, заправил шнурки за язычок. Камориль открыл входную дверь. На половой коврик шлепнулась отрезанная кисть. Стены коридора были в свежей еще крови. Кисть была зеленоватая и покрыта густой шерстью с тыльной стороны.

— Я поставил лезвие на любую материальную нечеловечину, — Камориль наклонился над отрубленной конечностью. — А бывший хозяин вот этого сейчас, наверное, убегает со всей возможной скоростью, оставляя хороший такой кровавый след.

Я вдохнул запах этой крови и чуть не раскашлялся.

— Пошли, — сказал я. — След так след.

Когда мы спускались вниз по ступенькам, Камориль проговорил:

— Я вот только не уверен, стоит ли нам идти за этим существом.

— Почему нет?

— Ну, знаешь, не люблю я все эти незапланированные спонтанные мероприятия...

Он вытащил мобильный и набрал, судя по всему, Эль-Марко. Сказал тому спускаться в квартиру Ромки и всячески оберегать мальчика, пока мы не вернемся.

Эль-Марко, конечно, целитель и все такое, но если что, лучше уж он, чем никого, верно? Тем более, ставить какое-то заклятие на вход в квартиру снова нет времени.

Стремглав спустившись по лестнице, я вылетел на улицу через распахнутую дверь

подъезда. Пробежался взглядом туда-сюда, повел головой, улавливая запах. Вот, здесь, эта острая с кислинкой тревога, вот-вот будет горчить, как настоящее отчаяние... Это оно. Я бросился бегом по этому следу, точь-в-точь, как бежала моя цель. Я перепрыгивал скамейки и лестницы, проползал под обрушившимися столбами, прорывался через заросли волчьей ягоды и ежевики, просачивался в узкие тоннели между многоэтажками, пробегал по трубам над маломощными сточными речками, насквозь проходил парящие подвалы домов. Повторяя все уловки и петли раненного существа, я начинал понимать, что это такое и с чем мы имеем дело. Или тварь в момент регенерировала свою конечность, или зализала рану. В любом случае, прыгать по три метра с моста через арматуру даже мне было немного неудобно, а я — целый и почти не устал. Куда же несется в ужасе это сильное разумное существо, так испугавшееся "лезвия гуманности"?

И тут запах исчез. Точнее, растворился в множестве других, чрезмерно сильных запахов. Я обнаружил себя стоящим у огромной помойки, образовавшейся на месте каменного карьера. Помойка была большая: ржавые остовы машин, кучи гнили, целые холмы негодного бытового хлама.

Запах больше не вел меня, но то, что я узнал о существе, следуя его путем, немало меня насторожило. Я бы, честно, поостерегся лезть туда, где невозможно вольно обращаться с привычными мне органами чувств, если там меня ждет... это.

Камориль, ясное дело, давно отстал. И, наверное, материт меня сейчас на чем свет стоит и курит. Надо возвращаться.

Мйар возлежал на диване слева, смотря в пустоту. Справа на диване сидел Камориль, напряженный, подергивая ногой и вертя в руках фотографию Варамиры. Эль-Марко, сидя на ковре у стены, переводил взгляд с одного на другого, не находя повода, чтобы что-то сказать.

— А где Ромка? — спросил Мйар.

— Уроки делает, — пожал плечами Эль-Марко. — Мы мать перенесли на кровать, а я потом стал вас дожидаться.

— Итак, что мы имеем, — голос Камориль был низким и холодным. — Мы имеем трех разумных нас, более-менее дальновидных настолько, чтобы предугадать визит наших неприятелей в дом Романа.

— Может, я чаю сделаю... — дернулся Мйар.

— Сидеть! — Камориль глянул на Мйара строго и тот утих. — Но мудрости нам бы отсыпать не помешало. Так, мы все еще не знаем, зачем им Роман.

— Ну как "зачем?" Вестимо, их интересуется его новоприобретенная силушка! Не на органы ж они его сдавать собираются? — пожал плечами Эль-Марко.

— Но мы не знаем, как именно им нужен мальчик и как они о способностях его узнали. Может, им и мертвое тело подойдет? — продолжал размышлять некромант. — Хотя в бункере они держали его живым...

— Мотивы могут быть какими угодно, — заметил Мйар. — Как насчет кровной мести потомков? Даньслав Белый Коготь был колдуном, а значит, вполне мог иметь врагов. И оттуда же, собственно, могла просочиться информация. Не думаешь же ты, что Ромку кто-то из департамента сдал, да каким-то антропоморфным химерам?

Камориль вознес вверх указательный перст.

— Вот! Департамент! Мйарчик, мы обязаны узнать, с чем столкнулись, и, я думаю, обратиться к инстанциям самое время.

— Кстати, да, — это сказал Эль-Марко. — Может, в департаменте знают, что творится в бункере? Вдруг наши гости проходят по каким-то статьям? Может, они переселенцы какие-нибудь или эксперимент правительственный? Мйар, у тебя ж там связи, попроси малую о помощи!

Мйар сосредоточенно молчал. Очевидно, думал.

— В письме сказано, — продолжил Камориль, — что силушка потомков Даньслава может натворить бед и нуждается в контроле. И что Мйар знает ее "истину", то есть, понимает, что это такое. Мйар, так что ты об этом знаешь?

— Ничего я об этом не знаю. Видимо, это относится к той моей памяти, что хранится в шкатулке у тебя дома, Камориль.

— Ох, твоя память... — протянул Кападастер. — Я так и знал, что когда-нибудь нам это аукнется.

— Бусины памяти Мйара не пронумерованы, — медленно проговорил некромант. — Я не знаю, что в них. Уверен, Мйар так же не знает, иначе бы к чему вообще весь процесс затевать? Одно могу сказать точно: ритуал был произведен не по прихоти, а по большой надобности, — он поджал губы и произнес с сожалением: — Мы все знаем, что это болезненный вопрос, но ежели его не озвучивать, то мы будем не лучше семейки

алкоголиков... — Камориль покосился на Мйара. Тот сидел неподвижно и не реагировал. — Так вот, Мйарчик, конечно, был прекрасен во всем своем демонически-злодейском величии, просто поразительно обаятелен, пытаясь вырвать мне кишки, и всячески прелестно мил в своем нечленораздельном сумасшествии, однако... меня, образно выражаясь, немало смутило все это буйство нерастраченной 'нежности' нашего друга, и... неспроста меры были приняты.

Камориль задумчиво погружался в воспоминания. Голос его звучал глухо и размеренно, но чудилась в нем и тихая, затаенная тревога, невысказанная и для некроманта не характерная.

— Ритуал был проведен несколько спонтанно, — продолжал Камориль, — но было очевидно, что каждый раз, когда Мйар лишался очередного пласта своей памяти, чувство, заставляющее его рвать и резать, уступало место разуму. 'Я хочу забыть кое-что еще. Довольно много чего', - вот что он тогда сказал, как сейчас помню.

Камориль замолчал.

— Мда, — протянул Эль-Марко. — То есть, ты все-таки уверен, что, используя бусины памяти, мы рискуем получить все того же свихнувшегося Мйара из прошлого, крайне агрессивного и мало невменяемого? Не вариант, я считаю.

— Во даете, — Мйаров голос прозвучал бесцветно. — Прямо истеричкой меня такой описали. Но, что уж. Если говорите, что это было, значит, было... А может, раскрошить какую-нибудь бусину на авось...

— Ну уж нет! — вмешался Камориль. — Ты там не был, а я был! Точнее, ты-то был, но, поверь мне — оно того не стоит. Да и, кроме прочего, нормальные герои не ищут легких путей, так?

— Ага, они их просто не замечают! — хихикнул Кападастер.

— Мне кажется, что на вопрос, что же такое охотится за Ромкой, память Мйара нам ответа не даст, — подытожил Камориль. — Настоящим надо жить, это я вам как некромант говорю! И вот сейчас я предлагаю отправиться в департамент, там глянем, что и как, да может, поднимем архивы и посмотрим, кто из старых ведьм вероятностей все еще жив.

— Ведьм вероятностей? — переспросил Эль-Марко. — Но зачем? Я слышал, они... специфичны.

— Ну а что делать? — пожал плечами некромант. — Все же лучше, чем к гадалке идти! Если мы найдем ведьму вероятностей, и она скажет, что нам может помочь — оно нам наверняка поможет! А иначе я лично не знаю, что делать!

— Все, решено, — это подал голос Мйар. — Я только домой зайду, у меня для Элви кое-что есть. Кстати, оказывается, я не так далеко от Ромки-то живу. И еще, — он взял со стола фотографию бабки Романа, — Варамиру, как и Даньслава, было бы неплохо тоже пробить по картотеке департамента, на всякий случай...

— Вот и молодец, — улыбнулся Камориль. — Значит, ты иди домой и в департамент. Мальчика бери с собой и глаз с него не спускай. Мы с Эль-Марко повторно зачаруем дверь, и окна заодно, где-нибудь пообедаем и присоединимся к тебе уже на месте.

Мйар сунул фотокарточку Варамиры в карман.

— Договорились.

Я рассматривал фотографию Варамиры. Пора бы уже выходить и идти в департамент, но чай-то надо допить. Я уже сложил шелковистую пряжу, сплетенную мною для Элви, в

коробочку и прихватил свои документы, — я думал заодно проставить подписи где надо, раз уж я иду туда, потому что лучше сделать это сейчас — мне очень тяжело каждый раз выбираться в департамент исключительных дел, так как там, по-моему, слишком много людей, а это крайне неприятно.

Да, большие скопления людей меня нервируют. Кажется, это называется 'социопатия'. Моя же социопатия порою резко перетекает в мизантропию, и этот процесс злит меня еще больше.

Фото Варамиры не пахло колдунством ни капли, но как будто бы магически притягивало к себе взгляд. Варамира не казалась мне особо красивой. Она была из тех женщин, которые балансируют между бытием дурнушкой или красавицей, причем, состояние это зависит не только от прически, макияжа или возраста. Видение ее является прямым следствием отношения человека к ней. Если воспринимать ее фото бесстрастно — то и нос у нее большеват, и линия бровей смазана, и вообще, созерцание такой экзотической восточной внешности на фоне декораций тех времен не приносит какого-либо эстетического удовольствия. Но я знаю, что она была женой моего друга Даньслава, а дурного человека он бы рядом с собой не потерпел. Или это все — домыслы... Возможно, я зря стараюсь логически объяснить, что именно меня так зацепило в этой фотографии. То ли воловьи очи, черные, глубокие, гипнотизирующие и манящие, как две ледяные полыньи, то ли темные вьющиеся локоны, спускающиеся по плечам блестящими змеями, то ли тонкие длинные пальцы, унизанные массивными узорчатыми перстнями, а может быть, улыбка, посланная мне тогдашнему... Мне ли? Неужели может быть так, что этот снимок сделал я, и я пытался запечатлеть именно эти ее эмоции, эту ее улыбку, этот свет в ее глазах? Запечатлеть, чтобы показать — кому-то, кому угодно, кто сам не может видеть, — насколько губительная красота живет в темном омуте этом?

— Мйар, а куда ты ходил? — спросил Ромка.

— А, что? — не понял я, с трудом отрываясь от созерцания старинной фотографии. Женщина, чей взгляд из прошлого так легко пленил меня нынешнего, наверное, уже давным-давно мертва.

— Ну, в письме деда написано... что ты ходил туда, где другое небо, и что ты знаешь слова, — разъяснил вопрос Ромка. — И речь шла обо мне. То есть, о том, что я теперь умею.

Я уставился в окошко. Воспоминания, как огромные ленивые киты, медленно ворочались в моей голове, а слова никак не хотели внятно ложиться на язык, казались пустыми и неподходящими.

— Я ходил... — начал я медленно, — я ходил на далекий Север.

Слова не желали выстраиваться в предложения. Я помню, там был снег, темнота, холод и редкие очаги жизни, а над всем этим — мерцающая пелена северного сияния... крепко натянутый кожаный бубен... варган и утробное пение шамана, и ледяная, черная вода.

— Там, на Севере, я встретил колдунью, — наконец проговорил я. — Она шла на Юг, чтобы встретить мужчину, предназначенного ей судьбой. Я понял, что это — особенная женщина, и вместе с ней я найду ответы на свои вопросы. И я пошел за ней.

— Прямо вот так и пошел? — Ромка округлил глаза.

— Нет, — я улыбнулся. — Она сама взглянула на меня и сказала, чтобы я шел за ней.

— Ага, а дальше?

Я обхватил руками теплые бока чайной чашки, вспоминая давний путь по заснеженным лесам, через широкие реки, по горным дорогам, по устьям высохших ручьев. Дни

становились короче, вокруг просыпалась природа, но наш путь был далек от завершения.

— Мы двигались через материк к его краю, туда, где молодые горы, где над лавандовым полем реет гордый ястреб, где широко разливаются мелкие реки, а морской берег пологий и долгий, настолько, что не хватает глаз различить границу песка и моря. Мы остановились как раз у подножья гор, которые можно видеть с перевала — может, ты был там, смотрел на юг?.. Так вот, как раз тогда, в тени той седой громады... погожим, безветренным утром я проснулся и увидел, что моя колдунья одета в белое платье, а длинные золотые волосы ее расплетены. Пальцы ее перебирали струны лютни...

— А она красивая была? — перебил Ромка.

— Да кто ж знает, — я пожал плечами. — Может, тебе бы она красивой и не показалась, хотя я особо-то и не помню ее лица... И вот, когда первые лучи солнца стали золотить и плавить туман, что собрался в низинах, как будто бы из ниоткуда не белом коне к нам выехал тот, кого искала северная колдунья.

— На белом коне? — Ромка скептически хмыкнул. — Правда, что ли?

— Ну, по правде, так на белой кобылице, — снова улыбнулся я, — но суть от этого не меняется. Я помню того человека лучше, чем колдунью, уж не знаю, отчего. Бабка твоя, кстати, похожа на него чем-то. Он был крепким и высоким, и волосы цвета воронова крыла спиральными волнами ниспадали на его обнаженный, не побоюсь этого слова, торс. Еще он был очень смуглым, и, конечно же, за версту от него исходило ощущение такого волшебства, что у меня волосы становились дыбом. И тогда северная колдунья отложила лютню и взяла в руки веретено, и...

— И?.. — мальчик выжидающе уставился на меня.

— ...ну, и... они начали чего-то магичить. Этот шаман, или кем он там был, увешанный амулетами и перьями, золотыми кольцами, браслетами и прочей фигней, размешивал свою кровь и виноградный сок, наносил узоры на чистое, почти белоснежное лицо северной колдуньи. Она брала эту краску фарфоровыми пальчиками и рисовала на нем руны и знаки, большое солнце на груди и точку на лбу, как раз там, где у тебя травяной пластырь. Она сплетала нить из песен своего народа, а он ловил для нее прибрежные ветра и помогал подчинить их веретену. Да уж, звучит, конечно... Но иначе сказать я не умею, к несчастью. Мне, знаешь, даже кажется отчего-то, что это они так крылья себе создавали. Магия у них была другой, не такой, которую Камориль колдует. Мне чудилось, что это их волшебство — древнее гор, исконнее, что ли... они были — ну, словно оживший миф, дивные такие видения, наполовину мороки, на треть люди, частично — даже не знаю что. А вскоре после того, как колдунья прекратила прясть и отложила веретено, они подошли вдвоем к краю скалы над морем. Ветер расправил их волосы, разметал перья и вздул белый подол, и они шагнули вниз... а в следующий миг в небо взмыли белая и черная птицы. Не уверен, что это они были. Может, просто совпало так. А может, это они так 'героями стали', если ты понимаешь, о чем я. Но что-то подсказывает мне, что нет, и что северная колдунья и менестрель-шаман живет всех живых. По крайней мере, мне кажется, такие, как они, просто так не умирают.

Ну, а я забрал веретено себе.

— Странная какая-то история, — Ромка склонил голову набок. — Ты помнишь, что случилось... Ага, а ты потом разобрался, что это за веретено и что вообще произошло?

Я позволил себе немного помолчать и собраться с мыслями. Наконец ответил:

— Я знаю, что умеет это веретено. Не думаю, что в нем суть. Кажется, они его мне и

оставили просто потому, что надобности в нем больше не было... Кажется. Но я, честно говоря, вообще не помню, зачем именно я поперся на далекий Север. Колдунью я, кстати, встретил не сразу... Эти отметины — я показал на мелкие узоры, обвивающие мои руки по плечам — я получил там же, двумя месяцами ранее, еще до того, чем повстречал эту, стало быть, волшебную женщину. Их нанесли шаманы, чтобы помочь мне найти гармонию с самим собой... ну, то есть, с моим существом, с тем, что я на самом деле такое.

— Как все запутанно!

— Ага... пошли уже, что ли.

— Так это, Зубоскал... — мальчик никак не унимался, — и что же в итоге это за веретено такое? Что оно умеет?

Я щелкнул выключателем, оставляя свой дом в полумраке. Обернулся к Ромке:

— Я точно не знаю, ибо пользую его только для пряжи всяких милых, хоть и немного удивительных, нитей. Когда я пытался о нем что-либо узнать, то нарыл лишь одну старую легенду. В ней упоминалось что-то о связи с магией судьбы, какие-то женщины, духи-хранители, небесные промыслы, древние сущности... Мало чего вразумительного, словом. Но вроде как ежели уметь, то с помощью особенного веретена (не знаю, я так и не понял, имеется ли в виду такое, как у меня, или нет) можно сплести воедино нити судеб двух людей так, чтобы им пришлось... эмм... как бы так сказать?.. Прожить вместе жизнь.

— То есть, типа, влюбиться друг в друга?

— Ну, — я старался подобрать слова точнее, — им не обязательно быть вместе, чтобы прожить вместе жизнь. Ну, знаешь, вроде как... люди, наверное, могут стать предназначением друг друга. И это вовсе не обязательно любовь.

— Мда, — коротко резюмировал малец.

— Колдунья Варамира (Варя-Воронок) погибла в июле 1979-го года. Середина лета, стало быть, эпическая жара... Тело ее, точнее, то, что от него осталось, нашли в лесу и опознали по кольцам, ибо все, что сохранилось более-менее целым — ее левая рука. Труп ее, выходит, был сильно изуродован, и в документах значится, что причиной смерти стало нападение росомахи. Хоронили в закрытом гробу, старое кладбище, десятая аллея.

Я тупо смотрел на Элви.

Элви была из рода западных домовых, неплохо приспособившихся к веянию времени. Если мой разум туговат для того, чтобы враз освоить так быстро меняющуюся современную технику, то крошечные мозги Элви как будто бы созданы для таких дел. То ли я — дурак и лентяй, а она умница.

— Элви, у нас же тут не водится росомах, — наконец сказал я.

Изящный маленький человечек отложил стилус, которым управлялся с карманным компьютером, подключенным к другой, более мощной машине, соединенной, в свою очередь, с цифровыми архивами. Усевшись на краешек стола рядом со мной, Элви отхлебнула кофе из наперстка.

— Росомах не водится, а оборотень один есть, — пожалала плечами маленькая фея. — Старый, правда. И колдунов в достатке, — тут же, в центре, элементалистов учат, забыл? И вампиров целый обширный выводок-клан, и подразделение поглощающих, и даже твой

друг... ну, этот, который в кожаных штанах все время ходит... А, Камориль! Он ведь тоже умеет менять форму, разве нет?

— Но это же не он?

— А ты у него спрашивал?

— Да ну, это не мог быть он. Но я спрошу. А что у тебя есть про Даньслава Белого Когтя?

Элви ввела запрос в свой агрегат, понажимала какие-то кнопки.

— Ну, полное его досье засекречено. Тут немного совсем о нем. Даньслав Никанорович (Белый Коготь) Заболотницкий, родился в 1937-м году, по специализации он числится как "стратегический чародей". Уже странно, есть чем заинтересоваться. Имел множество правительственных наград. В гильдиях не состоял. Умер в том же 1979-м году, выходит, за несколько дней до Варамиры. Скоропостижная смерть зафиксирована в больнице, причина — остановка сердца.

— То есть, ему всего сорок два года было? — я потер подбородок, прикидывая, как люди выглядят в таком возрасте. — Это ж мало очень для людей. И что-то, судя по фото, потрепанный он был к своим сорока намерено...

— Зато какая красивая у них была история любви! — вздохнула Элви мечтательно. — Жить долго и счастливо, умереть в один год...

— Не очень-то и долго, — пробормотал я, задумавшись.

— Нормально, — с некоторым нажимом ответила домовая.

А, точно, я и забыл, что их народ живет в среднем не дольше человека. А то и меньше. Но я отвлекся.

— Так, а что там насчет колдуний вероятностей?

— Есть одна, — Элви, переборов глупую обиду, поставила наперсток на стол и еще раз погладила крохотной ручкой моток пряжи, который я ей принес. — Ты, рыжая морда, хоть и вредина, но хорошо потрудился, и тебе за пряжу спасибо. Она чудесная, я даже не думала, что ты, с этими своими огромными ручищами, сможешь такую прелесть сотворить. Адрес колдуньи я сейчас напишу. А у тебя что, опять проблемы какие-то?

— Проблемы и довольно серьезные, — я, в свою очередь, тоже притронулся к чашке с кофе. — Жалко, что начальника департамента нет. Мне бы... нам бы... эх.

— Да что ж там такое-то? — Элви стала карабкаться по моей руке, явно намереваясь покататься на плече. — Ты чего-то совсем убитый. Витаминки, наверное, не кушаешь, да?

— В общем, саспиенс какой-то нагнетается, — я озадаченно почесал лоб. — Внука этих самых Даньслава и Варамиры похищали недавно какие-то мерзкие антропоморфные твари, оккупировавшие бункер рядом с катакомбами, и мы радостно вступили с ними в конфронтацию. Я даже не знаю, что нам за это будет, и кто этими делами вообще занимается?.. Эти твари были нелюдями, у них было оружие и они совершенно не боялись смерти, а потому нам даже не удалось больше выяснить ничего... Затем кто-то из той же химерной компании пытался проникнуть к Ромке домой, но ему не повезло, мы там как раз Ромкину мать обрабатывали. По здравому разумению, мы решили собрать всю возможную информацию о враге, и, возможно, сразу же нанести упреждающий удар, а если повезет, как-то мирным путем что решить, переговоры какие устроить. А Камориль вон письма в свою гильдию шлет, хочет артефакты распечатать.

— Совсем с ума посходили, — вздохнула Элви. — А что такого в мальчике?

— А в мальчике какая-то сила эзотерическая проклюнулась, — сообщил я. — Души он

людские видит, "изнанку" вроде как, и сны нехорошие.

— И все?

— Я многого не знаю, с пристрастием его не расспрашивал, а то, что он сам рассказывал, я не понимаю. Камориль его силу пока что какой-то волшебной прикрутил, третий глаз пареньку прикрыл, и сны у мальчика ушли. Ведьма вероятностей нам нужна, чтобы узнать, что нам на самом деле поможет.

— Хорошо, я все это передам начальнику департамента, — кивнула Элви.

— А может, не все? — поежился я. — Ты как считаешь, Камориль за это под трибунал поглощающих не попадет? И я ж там еще клыки распустил... хоть мне и не хотелось... но мальчик...

— Из того, что ты рассказал, я делаю вывод, что от департамента твой некромант сможет откупиться в случае чего, — произнесла Элви, ловко спрыгивая с моей руки на стол. — Все произошедшее вполне проканает как самозащита. Да и убивал он, судя по всему, безмяннх нелегалов. А поглощающим — что? Он же не использовал неразрешенных чар и артефактов. А уж чьи там трупы он поднимал — не их дело. А ты... ну, ты же знаешь, что из-за сложностей с классификацией ты представляешь из себя ту еще занозу в булках. О тебе предпочитают не помнить. Слушай, может, тебе в этом году подстроить фиктивную смерть?

— А? — не понял я. Потом дошло. — Элви!

— Ну а что? Станешь свободен, как орел. Тебе по бумагам-то лет уже достаточно. Но эти бумаги воняют Войной Причин, как валерианой. А ты знаешь, какое отношение у чиновников к этой теме, — они и сами рады всю эту муть замять. Я бы с этим всем покончила бы, будь я на твоём месте.

— Я подумаю над твоим предложением, — улыбнулся я. — Вот за что тебя люблю, так вот за эту изящную безбашенность. А серьезная ведь домовая...

— Это все сеть виновата, — призналась Элви. — С мое посидишь на анонимных ресурсах, и не такое в голову ползет. Да и скучно мне. А ты — хороший. Все для тебя, мой большой рыжий друг! Короче говоря, попробуем пробить, что за дела с бункером, и вообще. Может, удастся найти полное досье на Даньслава. Это может тебе помочь?

— Не знаю, пожалуй... Ты, в общем, если что-то узнаешь, звони Камориль!

— Ты себе все еще телефона не завел?

— Не завел... Так что насчет колдуньи вероятностей?

Через несколько минут я уже шел по коридору, что ведет в парадный холл дворца культуры, намереваясь очутиться вскоре в большой гулкой столовой, где, по идее, меня должен дожидаться Роман. В моей руке была бумажка с адресом колдуньи вероятностей, а вот имя указать Элви позабыла. Но я не стал уже возвращаться, я и так ругал себя за то, что по-идиотски не взял мальчика с собой на четвертый этаж. О чем я думал? Ромка еще сказал, что был в этом здании и подождет меня в столовой, осмотрит и опробует новые автоматы с кофе и горячим шоколадом. В общем, меряя широкими шагами гулкие коридоры, я успел изрядно разволноваться. Как оказалось, впустую, ибо Ромка, как и договаривались, ждал меня в столовой, целый и невредимый.

— Фух, — я плюхнулся рядом с ним за столик. — Камориль и Эль-Марко все еще нет?

— Нету!

— Вот же!

Мальчик покосился на вход:

— Мне буфетчица сказала, что тут на самом верхнем этаже живет какая-то городская

пишка или офис снимет. Мол, чтобы я спокойно себя вел и аппараты с кофе не трогал.

— Поразительная логика, — посочувствовал я.

— Ага, — согласился Роман. — И еще, говорит, недавно приезжала бригада из храма Утраченного, освящать все, что можно, и делегация специалистов из "просвещения". И шаманили тут около двух суток.

Я шлепнул себя ладонью по лбу:

— А я-то думаю, что меня на входе как ершиком пропесочило, а!

А потом я рассмеялся.

— А вдруг Камориль тупо войти не может? Он же, в некотором роде, тот еще нелюдь!

Ромка хлебнул кофейку и ничего не сказал. Я обернулся глянуть на вход. Ну, бывает же так, что только что упомянутое 'солнце' тут же заглядывает в оконце. Но Камориль не было, не было и Эль-Марко Кападастера, и мое чувство времени говорило мне, что стоит начать беспокоиться.

— Я позвоню Камориль, — сказал Ромка, доставая мобильный. Я кивнул, отхлебывая кофе из его чашки и глядя мальчику за спину, в большое окно, выходящее во внутренний двор здания.

Кофе был чересчур сладким и совсем уж синтетическим, а Ромка держал трубку возле уха и почему-то улыбался.

Я отвлекся от размышлений и вопросительно поднял брови: мол, ну, чего там?

— Песня играет на фоне хорошая, — произнес мальчик. — Только старая, мама такое иногда слушает.

— Это, то есть, зачем? Я слышу. Камориль почему молчит?

— Не знаю... это у него не вместо гудков, это как будто он трубку снял, но не говорит ничего.

— И что делать? — нахмурился я.

— Не знаю, — повторил Ромка. Он все еще держал мобильный возле уха. — Похоже, что...

Зрачки мальчика сузились, и он замолчал. Я прислушался, отфильтровывая покореженный цифровой звук.

Но я мало что успел разобрать, а потом услышал шуршание и гудки.

— Что там было? — начиная беспокоиться, спросил я.

— Холм с крестом у нового кладбища, — проговорил Роман. — Это которое частично на обрыве, за гостиницей 'Лукоморье'?

Я кивнул. Странное дело вообще, но, похоже, это место будет сейчас поважнее записанного у меня на бумажке адреса колдуньи вероятностей.

— Пойдем скорей, — я поднялся.

— Туда?

— Ну а куда ж еще! Что там за голос был?

— Голос женский, — Ромка подхватил сумку. — Спокойный вполне, деловитый такой, как мне показалось.

Я направился к выходу широким шагом, Ромка споро поспевал за мной. Мы шли через гулкие полупустые коридоры дворца культуры довольно быстро. Вообще, дело странное. Если бы не мобильный телефон, так и сидели бы мы здесь, кукуя.

— Дядька Зубоскал, — Ромка ухватился за край моей безрукавки, заставляя идти помедленнее, — а что, если нам не надо туда? Что, если это ловушка?

— Какая такая ловушка?

Мы миновали секьюрити у входа и прошли через большие стеклянные двери наружу. Я стал искать взглядом такси.

— Ну... как, какая... Например, вдруг кто-то выкрал Камориль и заманивает нас к себе?

— Да ну, брось, — я наконец разглядел шашечный рисунок на машине, припаркованной невдалеке. — Там же обрыв! Там слишком светло для таких дел! Ну или как...

Новое кладбище, вообще-то, было своеобразным местом. Мало того, что новое (а лет ему тридцать от силы), так еще и спроектировано оно было таким образом, что новые могилы стали рыть, постепенно сдвигая ограду погоста к морю, следовательно, и к обрыву. Как это позволили ответственные за такие дела инстанции, не понятно, но суть от этого не меняется: в конце концов, метров этак сто земли и костей рухнуло в море вследствие обширного оползня. Пресса, конечно же, не преминула все это осветить, церковь Потерянного — повторно освятить, а власти стали предпринимать попытки обелить свою репутацию и что-то с этим всем сделать. Но, стихия в очередной раз решила показать, кто здесь хозяин, и все пять попыток укрепить берег у нового кладбища оказались тщетными. Теоретически, при достаточном финансировании всего этого балагана можно было бы избежать, если, например, забетонировать местность раз и навсегда, или другое что придумать — инженерам видней, — но власти каждый раз ограничивались полумерами. Может, это им выгодно было, мне-то почему знать. А ребятишки в тех местах и в прилегающей бухте с непреходящим постоянством вылавливают из воды человеческие черепа и прочие кости, что их, ребятишек, немало забавляет.

Если обойти кладбище слева и пробираться минут десять вдоль обрыва, можно на самом деле набрести на возвышенность, окруженную крупными валунами, где стоит впечатляющих размеров бетонный крест, отмечающий, если я ничего не путаю, место, где в мирные годы разбилось и затонуло пассажирское судно. Прибрежные воды в тех краях, и правда, опасные, камней разных уйма, и удивительно разве то, что этот почивший корабль вообще подошел здесь так близко к берегу. А может, шторм какой подсобил или случилась срочная надобность. А может, и врут все про этот крест. В любом случае, надписей на кресте не было, деревьев вокруг него не росло, и место это продувалось всеми ветрами.

Короче, я не мог бы даже предположить, что там нас ждет какая-либо угроза, с которой я не справлюсь.

Единственное, что меня расстраивало, так это то, что новое кладбище находилось совсем в противоположной стороне от старого, по дороге к которому, в частном секторе, и проживала последняя из колдуний вероятностей. А именно к ней, по плану, нам предстоял визит.

Но что-то как-то судьба решила отбросить условности, и теперь мы ехали к новому кладбищу в ярком желтом автомобиле за вполне умеренные деньги.

— Не убивал я ее. Ее я — точно не убивал, — с холодной уверенностью повторял Камориль, кажется, в сотый уже раз.

Мужчина в черном длиннополом плаще снял шляпу, чтобы протереть лысину платком. Плащ он зачем-то застегнул на все пуговицы, до самого горла. Мужчина снова надел шляпу и нацелил свой не менее старомодный пистолет на некроманта.

— Ну что вы делаете, право слово, — произнес Камориль.

Он стоял вроде бы как расслабленно, опершись боком о большой замшелый валун, и

морской бриз шевелил его легкую черную рубашку, бросая волосы в лицо. Некромант казался спокойным, но это было самое настоящее 'затишье перед бурей'. Эль-Марко Кападастер прохаживался неподалеку, задрал голову и рассматривая то, что висит на большом бетонном кресте.

А висело там, ни много ни мало, обнаженное тело молодой женщины, по всей видимости, мертвое. Длинные рыжеватые волосы облепили бледный живот, лица было не разобрать за ними, а прикреплена к кресту она была блестящей медной проволокой, перевившей ее руки и ноги так часто и крепко, что она стала похожа на отвратительную белесую колбасу.

— Что за китч, — проговорил Эль-Марко, даже не глядя в сторону некроманта и мужчины в черном.

— Тут рыжим по белому написано, что это глупая и жалкая попытка меня подставить, — устало сказал некромант. — Она же, эта кукла, даже живой никогда не была. Не мог я ее убить, даже если б захотел. И уберите пистолет.

— Я просто выполняю свою работу, — произнес мужчина. — Согласно Уставу вы теперь в моей юрисдикции. Снаряды тут у меня освященные и серебряные, так что я бы вам не рекомендовал проявлять агрессию.

Камориль одарил мужчину уничижающим взглядом. Будь на месте странного этого человека камень, он бы тут же раскрошился от стыда по поводу своей неуместности в этом мире.

— Дражайший, — произнес некромант медленно и вкрадчиво, — а давайте мы с вами договоримся...

По лицу мужчины пробежала тень. На вид ему было лет сорок, телосложением он обладал худощавым и щетиной где-то недельной. В нем запросто можно было бы предположить много чего повидавшего агента каких-нибудь тайных организаций, потерявшего давным-давно и семью, и покой, и какой-либо интерес к жизни, материальным благам и любого вида наживе.

Камориль вздохнул и, сдержав начинающую закипать злость, продолжил:

— В общем, план такой: вы рассказываете мне, что тут делаете и по чьей наводке, и я с вами сотрудничаю. Письма в гильдию я отправил час назад, и мне, знаете ли, очень интересно, что делает гильдейский полуживой здесь и сейчас. Далее, если вас отправили именно за мной, то по тому же Уставу я имею право знать, что мне вменяется, — он улыбнулся, сдержанно, но хищно. — А если вы берете меня на мушку ввиду пустых подозрений или, более того, по наговору третьих лиц и без приказа вашего опекуна, то тут может наконец-то появиться один окончательный труп!

К концу фразы улыбка Камориль из сдержанной расползлась в широкую и откровенно угрожающую, да и сам он сменил дислокацию. Удерживая взгляд оппонента, он скользил все ближе к нему, и вся его фигура, за исключением волос и странно подвижных плеч, казалась статичной, но немного смазанной.

Мужчина, которого он назвал полуживым, так же медленно поднял руку с пистолетом и нацелил дуло некроманту в лоб.

Эль-Марко стоял в стороне, спокойный и незаметный, не предпринимая никаких действий.

Послышался крик чаек, и именно в этот момент гроыхнул выстрел.

Ветер разнес весть о нем так далеко, как только мог.

Я резко обернулся. Мы стояли у ворот нового кладбища, когда мне послышался выстрел. Ромка как раз завязывал шнурки на левом кроссовке.

— Что за дела!

— Что там? — спросил мальчик, поднявшись.

— Не знаю... Чем дальше, тем интересней!

В моей душе боролись два желания: спрятать где-то мальчишку и пойти самому разведать, что и как, и совсем ему противоположное: никуда от себя Романа не отпускать. Второе победило, и я сказал:

— Так... держись за мной, и если что, в общем, тут же ложись на землю!

Мальчик кивнул, а я завязал волосы в хвост и двинулся вперед.

Мы обогнули обвалившийся на углу забор нового кладбища и прошли немного вдоль стены, а потом выбрались на кривую тропку, причудливо бегущую вдоль обрыва. Море было тревожным. Свежий, порывистый ветер всюду забавлялся с нашей одеждой и волосами. Солнце клонилось к горизонту слева, тень от скал устилала беспокойную водную поверхность широкой темной полосой, а птицы кружили низко, почти что над самыми волнами.

Я издали заметил, что крест и холм как-то иначе выглядят. Более того, погодные условия никак моему взору не мешали, и вскоре я разглядел там, вдалеке, два знакомых силуэта. Чем ближе мы подбирались к месту, тем медленней я шел. И вот я совсем остановился. Что-то слишком много сложных решений на одну мою голову в ограниченный отрезок времени!

— Что там? — снова спросил Ромка, подходя ближе ко мне и вглядываясь вдаль. Отсюда он, конечно, ничего не видел, только смутно белеющий крест да точки-фигурки.

— Ты как относишься к ужасикам? — спросил я, поразмыслив с секунду.

— Ну, как, — Роман тоже задумался. — К каким ужасикам?

— Ну, где много криков и прочие анатомические подробности...

— Порно ты имеешь в виду?

— Нет, — я покосился на мальчишку. — Где литры крови, кишки и прочее.

— А, — протянул он понятливо. — Я в обморок не хлопнусь, если что. Я надеюсь. Может, пойдём уже, а?

Я еще немного помешкал и зашагал к утесу.

Собственно, произошло то, чего я не столько боялся, сколько стеснялся. Сейчас объясню, в чем дело. Когда мы подошли к подножию холма с крестом, высокие камни заслонили нам обзор, но тело, прикрепленное к монументу, уже можно было разглядеть. Это женское тело не беспокоило меня особо, оно было целым, в конце концов. Я, вообще-то, очень не люблю резать помидоры, к примеру. Я вообще не люблю, когда разрушается целостность. Мне приходится преодолевать некий барьер внутри себя, чтобы хорошенько так изменить установленный порядок вещей. А Камориль Тар-Йер — не такой. Он никакого пиетета к целостности не испытывает.

Хотя, казалось бы, при моих способностях и умениях, такая особенность психики может показаться странной и даже лишней, но что имеем.

Я как всегда брезгливо взглянул на развернувшееся перед нами эпически-трагическое полотно.

— О, Мйар, ну наконец ты явился, — улыбнулся мне Камориль, голый по пояс,

художественно заляпанный кровью, держа в руке обломок лучевой кости, острый на сколе.

За ним, на плоском широком валуне, было распластано другое тело, на этот раз — бессистемно вспоротое и безголовое.

— Камориль, что это?! — растерянно спросил я. — Кто все эти трупы? Что тут произошло? Рома, не ходи туда! Откуда ты знаешь, мертвое ли оно!

Рома меня, конечно же, не послушал. Он обошел Камориль и стал рассматривать обезглавленное выпотрошенное тело. Конечно, такое любопытство живет почти в любом мальчишке, но вот чтобы оно сочеталось с подобной небрежливостью — это меня немного удивило.

— Да все нормально, Мйар, не паникуй, — это сказал Эль-Марко, спрыгнув с камня неподалеку. — Напряженный момент тут был две минуты назад, когда полуживой стрелял, а сейчас все нормально. Агрессор — вот он, обезглавлен и обездвижен, а колбасная тетка — не настоящая. Ты думаешь, Камориль стал бы делать глупости?

— Он-то? Еще бы, — я покосился на загадочно ухмыляющегося некроманта, спрятавшего ту самую лучевую кость за спину. — Ты чего веселишься?

— Ну не плакать же мне, — он пожал плечами. — Весело же. Ох, давно мне не было настолько весело, — он снова улыбнулся.

— Таки что здесь произошло? Кто тебя сюда вызвал?

Камориль плавно повел свободной рукой, и кровь, которой она была испачкана, стала впитываться в его кожу, будто бы высыхая и испаряясь. Так, все кровавые разводы на его теле вскоре исчезли. Эль-Марко протянул ему рубашку, и некромант стал неспешно надевать ее.

— Да, по правде сказать, я и сам не особо понимаю, что тут произошло, — хмыкнул он. — Значит, когда мы с Кападастером обедали, к нам подошла девушка, брюнетка, внешности обыкновенной, долго смотрела и дергалась, а потом таинственным голосом проговорила, куда нам пойти для того, чтобы все узнать. Так и сказала: 'там вы все и узнаете'. Ну как мы могли такой милахе отказать?..

— На ней были чары управления, — добавил Эль-Марко, — это за версту было видно, потому что волю сломали, как орех. Даже я опознал! Деваха накрыло тем самым, которое управляющему дает возможность слышать ее ушами, видеть ее глазами и все остальные пикантные подробности тоже ощущать.

— Эти чары довольно распространены, хотя Заповедью Неугомонного Сердца порицаются, — добавил Камориль. — Их часто используют в своих играх извращенцы всякого околomagийского толка, преимущественно чтецы. Их еще называют 'Око Мастера'.

— А ну напрочь эти сомнительные подробности, — фыркнул я, — трупы-то откуда?

— Ну, ты погоди, я сейчас до них доберусь, — Камориль застегнул последнюю пуговицу на рубашке, потом закатал рукава. — Когда мы сюда приехали, я было подумал, что суть — вот в этой барышне, что на кресте, — он еще раз окинул взглядом мало эстетичный 'натюрморт', — но она оказалась... приманкой, что ли? Обманкой? Ловушкой?..

— Ловушкой? — я опять не догонял.

— Она не настоящая. Она никогда не была живой. У нее нет пупка, и, знаешь, некоторых других отверстий тоже нет. Но она совершенно определенно органическая и очень близка к физическому совершенству. Этакое первое дитя неудачливого современного бога.

— Кукла? — невпопад спросил я.

— Она как... проба или эксперимент, очень хороший, но не идеальный, — Камориль повернул голову влево, резко и глубоко, как птица. — Не тронь, — сказал он Ромке, который как раз тянулся к обезглавленному трупу на камне.

— Не очень-то и хотелось, — скуксился мальчик.

— Камориль, может, убери ты это тело куда-нибудь, а? — взмолился я. — Воняет же и вообще... Давай, может, закопаем его...

— Сейчас я оба тела уберу, — кивнул некромант, — отойдите все мне за спину. Так вот, собственно...

Продолжая говорить, он выломал из трупа несколько ребер (я предпочел не смотреть), и воткнул их на равном расстоянии друг от друга в землю вокруг креста, образуя некую геометрическую фигуру. Затем опустился на колени, взял пригоршню земли и пустил по ветру. Отряхнул руки одна об другую. Поднялся.

Камень, на котором лежал обезглавленный труп, треснул, бетонный крест задрожал. Из земли вырвались, похожие на плети, смутно сияющие синим руки-кости, сложенные из множества других костей, принадлежавших не только людям, но и животным. Всего их было шесть, и они разрезали мертвую плоть, как нож — масло. Обезглавленное тело мужчины и рыжая женщина, которая никогда не была живой, таяли на глазах. Мне показалось, что тени далеких гор стали двигаться быстрее, а ветер стал холодней. Все прекратилось вмиг. Камориль устало присел на камень, Эль-Марко протянул ему зажигалку и некромант закурил.

Ромка явно был шокирован и сейчас переваривал увиденное, обходя вокруг треснувший камень без каких-либо следов крови и рассматривая пустующий теперь крест, на котором тем не менее осталась медная проволока. Камориль курил, а я пытался думать.

Вот, что рассказал некромант.

Когда они приехали сюда, здесь их уже ждал полуживой. Полуживой — это добровольный раб некроманта, персональный или переданный в пользование гильдии. Этих бедолаг, образно выражаясь, будто бы вытаскивают с того света. Если те живые трупы, которых Камориль слал на расстрел в катакомбах, были скорее мертвы, чем живы, то эти — наоборот. Но сходство между ними есть. Полуживых создают так же, как тех горячих зомби, — обретая власть над ними в момент смерти. Но если горячих зомби склоняют в небытие и просто используют их тела, пока те не остыли, то полуживых, наоборот, будто бы подвешивают над бездной, в последний миг поймав их, умирающих, силой колдовства. Некромант, создавший полуживого, называется его опекуном. Лишившись благосклонности и магической поддержки опекуна, полуживой сразу же окончательно умрет. Полуживых, по Заповеди, никогда не создают насильно, и каждый из них несет свою службу, в общем-то, добровольно. Я же знаю все это со слов Камориль, и, надеюсь, нигде не приврал.

У полуживого, точнее, теперь уж и вовсе покойного, встретившегося Эль-Марко и Камориль у креста, на плаще имелись гильдейские нашивки. Некромант было даже обрадовался, их разглядев. Но потом полуживой стал грозить Камориль пистолетом и раствором серебра, требовать, чтобы тот проследовал за ним под гильдейский трибунал, мол де, некромант использует запрещенные заклятия.

Но серебром он грозил зря. Ведь Камориль — не простой некромант (если может зваться простым хоть кто-то из их братии). Камориль уникален, он сам — практически произведение искусства. Я не знаю, как, когда и зачем он смешал свою кровь с паучьей, или что он там такое с собой сотворил, но факт есть факт: его кровь не содержит железа, в его

крови — медь, и я даже запомнил, как это называется — 'гемоцианин'. И в гильдии некромантов об этом знают, и если бы некроманты решили убить его или запугать, то использовали бы никак не раствор серебра. Кажется, наиболее действенным было бы заморозить Камориль или, что сложнее, превратить медь в его крови в золотушь. Собственно, на слове 'серебро' Камориль и понял, что этот полуживой — не тот, за кого себя выдает.

А дальше — дело техники. Кажется, это был 'Полет Шмеля', как Камориль называет призыв костей из земли, при котором они разгоняются до огромных скоростей и пронзают жертву, — короче, полуживой был окончательно умерщвлен почти мгновенно. И корить Камориль за то, что тот не придумал ничего гуманней, чтобы мы смогли полуживого допросить, я не стал. Во-первых, сам бы я вряд ли сдержался, а во-вторых, ребята, которых уже коснулась смерть, обычно никому ничего больше 'за спасибо' не рассказывают.

— Однако его оружие кажется мне весьма примечательным, — проговорил Камориль, докурив.

Мы смотрели в морской горизонт, над которым медленно сгущались лиловые сумерки. Эль-Марко Кападастер взвесил в руке черный длинноствольный пистолет и прицелился во что-то несуществующее.

— Артиллерийская модель, — произнес он. — Удивительно шизомилитаристская штука, вот что.

— Более того, — Камориль растягивал слова, заставляя меня нервничать. — Это 'парабеллум' — дорогая бесполезная нелепица, винтажная архаика для любителей исторической реконструкции и безнадежных эстетов. И ему не на стене висеть, ему стрелять. И вот в чем вопрос: кто в наше время будет посылать за мной полуживого с таким примечательным оружием?

— Кто-то, кто хочет передать тебе привет? — предположил Эль-Марко.

— Большой, старый, длинноствольный привет, — кивнул Камориль.

— Ты хочешь сказать, что это, э-э... знак? — спросил я. Как ни крути, в огнестрельном оружии я не разбираюсь, ну не любитель я этих всех штуквин.

— Я могу только предполагать, что этот полуживой принадлежал кому-то из моих коллег, враждебно ко мне настроенных. Учитывая, что 'парабеллум' был на пике популярности в начале прошлого века, то вариантов не так чтобы очень много. Если, конечно, мы заранее не идем по ложному следу и пистолет — не краденный коллекционный экспонат, — Камориль помолчал, а потом добавил: — Если это кто-то из тех, кого я знаю в лицо, то тебя и Романа это дело не касается. Я сам должен разобраться в нем. Тут же ни много ни мало кто-то осмелился перечить Заповеди Неугомонного Сердца.

— Но они пытались напугать тебя серебром, — напомнил я.

— Какой-то из старикашек слетел с катушек, перечитал на радостях вампирских саг, сравнил мою фотокарточку с классическим образом кровососа и, найдя десять отличий, решил покормить меня чесноком, — Камориль говорил очень серьезно и убежденно. Чересчур.

Что ж, может, это он так стресс снимает — паясничая.

— Ну и кто бы это мог быть? — терпеливо спросил я.

— Эррата или Веритас, — сказал Камориль и потушил сигарету об камень.

Над городом сомкнулась ночь, по-весеннему стылая и по-южному звездная. Мы снова ненадолго разделились, чтобы поймать попутки до города. Парней не очень-то охотно берут, да еще и по ночи, но в этот раз свезло. Ромка ехал со мной и очевидно было, что у него много вопросов, но при водителе он все стеснялся их задавать. Наконец он спросил самое, судя по всему, интересное:

— А Камориль может научить меня тому... ну... что он делает?

Я оценил попытку иносказания. И все же уточнил:

— Бездарно шутить, когда дело — дрянь?

— Не-ет, дядька Зубоскал, ты же понимаешь, о чем я.

— А-а... ну да, ну да. Ну, то есть, нет. Не думаю.

— Ты так не думаешь, или он не сможет научить?

— Эм... Мне кажется, это как цвет глаз... врожденное. Ты же не сможешь сделать себе лазерную коррекцию, э-э, таланта, верно?

— Мама говорит, что талантливые люди талантливы во всем.

— А она не говорила тебе, что талантливые люди зачастую — маниакально увлекающиеся трудоголики?

— Нет.

— А зря. Ну вот, думай теперь. А вообще, учитывая все, ты, по идее, можешь быть как твой дед. Ну, то есть, делать то же самое.

— Знать бы, что он делал... А что такое Эррата Веритас?

Очевидно, это был второй по приоритетности вопрос, и тут я Романа понимал. Потому что сам не знал, кто это или что это. Ну, то есть, я догадывался, что это имя или прозвище другого некроманта, которому, по догадкам Камориль, принадлежал трофейный 'парабеллум'. Но кто такой (или такая?) этот Эррата, я не знал.

— Это мертвый язык, — внезапно подал голос водитель машины, проявив филологические познания, — 'Ошибка и истина' либо 'ошибочная истина', смотря как читать... А вы, ребята, археологией увлекаетесь, что ли? По вам и не скажешь.

Роман замолчал и ничего не спрашивал до тех пор, пока нас не высадили в одном из спальных районов города, довольно близко к центру. К месту встречи мы решили идти пешком. По моим прикидкам, занять это должно не более получаса, плюс-минус десять минут.

В целом план был такой: перекусить в какой-нибудь тихой забегаловке, а потом, не мешкая, отправиться по выданному мне Элви адресу к колдунье вероятностей. Тем более, Камориль сказал, что навестить ее ночью будет самое то, и, кроме прочего, он в тех местах бывал и знает, куда идти. А колдуньи, по общепринятому убеждению, всегда совы, и спать ложатся минимум на рассвете. Так что, ежели мы заявимся в гости ближе к полуночи, то даже рискуем снискать благосклонность старухи.

Мы шли по ярко освещенной улице вдоль безликих новостроек. Город кутался в аромат акаций и кленов, которые образовывали над нами живую трепещущую арку. Людей на улице почти не было, машин тоже, поэтому нам удалось даже поговорить о важном, о животрепещущем. Ромка пытался словами описать мне тот сияющий мир, который он видел,

пока его способности не 'приглушили', хотя слов ему порядочно не хватало; потом он расспрашивал меня, какие еще 'непростые' существа остались в нашем городе и как их можно увидеть и распознать. И мой рассказ был бы гораздо интересней, не будь я таким затворником с плохо развитыми социальными навыками. Я даже почувствовал некую свою ущербность, потому как внятно мог рассказать только о своих друзьях, не все из которых были 'непростыми'. Кроме того, мне трудно было у себя в голове отделить чудаковатых соседей-людей от не менее придурочных подвальных троллей, уже год как покушавшихся на мою скромную обитель. Слишком я сам странный, и слишком долго живу, зная и видя бессмысленно-цветастую изнанку невероятного, скучного бытия. Да и сложно так сходу вспомнить что-то интересное. Это как с анекдотами.

Впереди, у магазина с мигающей неоновой рекламой, шла девушка, и потому мы стали говорить чуть тише и снова постарались избегать слов 'магия' или 'некромант'. Девушка была одета не по погоде легко, во что-то мешковатое, цвета гнилых овощей, и должна была бы мерзнуть, а оттого идти быстрее, но шла она очень медленно.

Мне подумалось, что она, может быть, в телефоне что-то читает или набирает.

Потом она совсем остановилась. Мы как раз поравнялись с ней.

— Идем, — бросил я Ромке, и мы обошли ее с двух сторон, не сбавляя шагу.

Наитие заставило меня обернуться. Ну, или не наитие, а вековое одиночество и желание увидеть лицо, или удостовериться в своей догадке про телефон, — не суть. Я прыгнул вправо, сбивая Ромку на асфальт, когда нечто темное пронеслось над нами. Нет, скорее, меня торкнул инстинкт. Я посмотрел назад: девушки там не было, посмотрел вперед — она стояла перед нами на четвереньках, и глаза ее были черными-черными, звериными. 'Оборотень?' — пронеслось у меня в голове. Она обходила нас по кругу, движения ее были смазанными, как у Камориль, когда тот отвлекает внимание.

— Что за?! — воскликнул Ромка, пятясь к бордюру.

Я решил, что мешкать не стоит. Точнее, что-то во мне это почуяло. Не берусь заявлять, что разум успел бы что-то дельное придумать в тот момент. Мною руководили инстинкты и ничего более. Ну разве, может, спинной мозг. Я, не поднимаясь на ноги, почти так же, как она, бросился вперед и немного влево, предвосхищая бросок этой... самки чего бы то ни было. Мы вцепились друг в друга и кубарем покатались по дороге. Грудь мне исполосовали когти, но я умудрился зарядить ей лбом куда-то в область лица. Она была сильной, но недостаточно. Достаточно она была тяжелой. Очень, очень тяжелой для своей конституции. Тяжелее раз этак в пять, чем можно было бы от нее ожидать. А то и в десять. Мы ерзали по асфальту, и это было похоже на вольную борьбу, которая оказалась для нападающей шоком, отчего она беспорядочно била руками и ногами, как будто это я собираюсь причинять ей вред. Потом она внезапно обмякла и закрыла глаза. Я был сверху и держал ее за запястья у нее над головой, прикидывая, а не использует ли странная дамочка прием 'дохлый ежик' или что-то вроде того.

— Дядька, ты в порядке? — осведомился Ромка, подходя к нам. Дамочка все еще лежала недвижно с закрытыми глазами. По асфальту в беспорядке разметались ее темные, коротко стриженные волосы, глаза были закрыты, и она не предпринимала никаких попыток вырваться, хотя я отчетливо слышал, как бешено бьется под ребрами ее сердце. А потом у нее из лба начал расти рог. Быстро. Настолько быстро, что я в шоке отпрыгнул куда-то вбок.

Рог как будто бы перевесил ее, и она села, уткнувшись этим рогом в асфальт. Длинной он

был больше полуметра, так что, наверное, и тяжелым оказался. Руки ее безвольно лежали на асфальте, а рог снова начал расти, расслоился на два спиральных, которые обвили ее ноги, заставив очень странно изогнуться. Ее ногти и волосы тоже росли, и все это мерзкое шевеление ввело меня в ступор.

— Дядька Зубоскал, мы или деремся или бежим отсюда, так ведь? — Ромка тянул меня за локоть, и сдерживаемая паника в его голосе отрезвила меня.

— М-м, бежим, — я не стал спорить, подхватил мальчишку на плечо и дал деру.

Чудовище, в которого выросла давешняя одинокая подруга, цокая по асфальту кончиками рогов, которые теперь напоминали гигантские лапки сороконожки (а было их штук десять), ринулось за нами, все набирая скорость. На меня сзади обрушился вдобавок жуткий смрад, который почти отключил мне обоняние. Я бежал так быстро, как мог. Мозг варил плохо, я бежал по прямой, не оборачиваясь.

— Она по столбам электрическим скачет! — сообщил Ромка, наблюдающий с моего плеча за событиями. — Она их гнет! И провода рвет!

Что-то где-то заискрило, запахло паленым, а потом все фонари в радиусе километра вспыхнули салютом и потухли.

Я бежал что есть мочи. Отсутствие обоняния хорошенько дезориентировало меня, и, хотя Ромка был мне — что пушинка, я совсем не знал, что делать, чтобы все снова стало хорошо. Благо, в темноте я видел отменно. А мальчишку тем временем начала бить крупная дрожь, хоть он и молчал. Он яростно вцепился в мою пайту, и, наверное, зажмурился, чтобы не видеть ничего.

Я пытался выиграть время, но не мог. Был бы тут Камориль, он бы придумал что-то умное и дельное. Был бы тут Эль-Марко, он бы зажал струны моей души и я смог бы, наверное, совладать с тварью. И со своей паникой. Но их тут не было, и если за себя я не особо боялся, то судьба четырнадцатилетнего мальчишки, попросившего у меня помощи (и защиты, так ведь?), волновала меня сейчас чрезмерно.

Скрежет металла справа — жуткое существо, похожее одновременно на краба и сороконожку, у которого тем не менее имелась маленькая девичья голова, массой своей скосило на бок и смяло газетный киоск. Кое-где у него проглядывала человеческая кожа, мерзкая, в кровавых разводах, и под собой она скрывала отнюдь не человеческие кости и потроха, движение и пульсация которых были поистине отвратительны.

Тогда, в первый раз, она прыгнула так, чтобы сбить наземь Ромку. Значит, он — ее цель.

Чудовище замерло на покореженном киоске, как будто бы готовясь к финальному рывку.

Ромка начал брыкаться.

— Пусти меня, Зубоскал! На землю пусти! Давай, я побегу, а ты на нее запрыгнешь и шею ей свернешь! Или живот ей проткнешь!

Я остановился и обернулся к твари, которая все еще медлила.

— Живот? Шею? А ты знаешь, где у нее живот и где у нее шея? Что она вообще такое?

Я опустил Ромку на землю. Меня самого уже дергало.

— Давай, Роман, беги, что ли, Камориль звони...

— Я уже.

— ...А я попробую найти, где у нее живот. И шея.

Роман стал пятиться. Я смотрел туда, где в прошлый раз у твари были глаза, и намеревался перехватить ее, если она вздумает сигануть за мальчиком. Перехватить и хоть

по одному ей рога обломать. И этими же рогами вспороть брюхо, если есть у нее оно.

Тварь издала звук. Это был первый звук, который она издала вообще. Это был стон. Тихий, амелодичный девичий стон, довольно протяжный. Так стонут, чтобы хоть чем-то перебить тупую ноющую боль, сводящую с ума. Этот стон и сам мог бы свести с ума кого угодно.

— Да что же ты за чудовище такое, а? — взмолился я. — Рома, беги давай уже!

Тварь не прыгнула, она стала медленно идти к нам. И эта неспешность вкупе с вонью и жалобным бессмысленным стоном наполняли мое сердце ужасом. Я давно так не боялся неизведанного. И я никогда не видел такого.

Она шла все медленнее, стон почти стих. Ее туша чернела, и от нее стали отваливаться куски, мокро шлепаясь на асфальт. Я видел и слышал это ужасающе отчетливо даже в темноте.

А потом она затихла.

Совсем. И начала крениться вбок.

Я прислушался и услышал только шум деревьев, биение сердец Романа и своего. Гулкое эхо далеких поездов. Людскую ругань, доносимую обрывками ветра.

Тварь грузно повалилась на асфальт и так и осталась лежать без движения.

Мы не стали подходить к ней и проверять, что с ней. Мы молча и спешно ушли, даже не оборачиваясь, и только когда мы оказались в центре, где былолюдно, где работали фонтаны с подсветкой, мигала реклама и сновали туда-сюда автобусы, легковушки и мопеды, Ромка сказал:

— Она умерла.

Я теребил дыры на пайте, оставленные когтями давешней незнакомки, очумело смотрел по сторонам и пытался понять, что это такое было.

— Интересно, — проговорил Роман, — если бы Камориль оставил мне тот пистолет, может, мы смогли бы убить ее, когда она еще не превратилась в сороконожку?

— А ты бы смог? — спросил я.

— Н... не уверен, — честно признался мальчик.

Итак, Мйар был сыт, напоен и приведен в некое подобие душевного равновесия. Уютный закуток в любимом восточном ресторанчике некроманта располагал к неторопливой расслабленной беседе всеми силами своего вычурного декора. Камориль, вольготно расположившись на алой бархатной кушетке, потягивал дамский ликер и заставлял Ромку в третий раз повторять рассказ о 'таинственной незнакомке'. Эль-Марко держал руку у Мйара на груди, обнаружив там достаточно глубокие царапины. Мйар не особо сопротивлялся насильственному излечению, хотя лицо его и выражало усталый протест, но не слишком убедительно. Время стремилось к полуночи.

— Это никак не связано с некромантией, — постановил вердикт Камориль.

— Да ясен пень! — эмоционально вскинулся Мйар. — Она не светилась ни разу!

— Не в том дело, — покачал головой Тар-Йер. — В некромантии никогда ничего не 'растет'. Никакого гниения. Никакой плесени. Гниение — это у нас что? Это у нас сложный процесс с участием микроорганизмов. Так вот, — никаких безумно размножающихся микроорганизмов, иначе... магия не работает! — он сделал страшные глаза.

— А как у вас волосы растут? — удивленно спросил Роман.

Камориль подарил ему долгий, тяжелый и немного недоуменный взгляд.

— Это, бесспорно, очень интересный вопрос, — серьезно сказал он. — Но сейчас меня другое интересует. Мйар. Почему ты не выпустил когти себе и не выпустил кишки ей?

— Я испугался, — просто и обреченно ответил Мйар. — И, к тому же, я тупо не знал, где у нее что. Она была больше меня, ничего не сработало внутри, как обычно бывает. Мой организм сказал — бежать. Рви когти, мол! Ну, я и побежал. Говорю же, Йер, это было что-то с трудом вообразимое, биологический сюр, честное слово. Я такого никогда не видел. Никогда.

— Ну, не станем забывать, что ты можешь такого попросту не помнить, — Камориль развел руками. — Прямо глаз да глаз за тобой.

— Ну, я же ничего не делал, чтобы так было! — Мйар мученически уткнулся лбом в ладони. — О, высокое небо, за что мне это?!

— Ей был нужен Роман, а не ты, — резюмировал Эль-Марко. — Можем ли мы связать это нападение с тем полуживым и телом на кресте?

— Их связывает лишь сверхъестественность обстоятельств, — Камориль хотел было отхлебнуть еще ликера, но потом подсунул его Мйару. — Пей давай. А то ты все еще как пружина. А пружина — не струна.

Мйар безропотно принял бокал.

— Мы можем связать эту женщину-краба и с теми мутантами в катакомбах, собственно, их связывает не только сверхъестественность, но и намерение что-то сделать с Романом, — продолжал Камориль. — Однозначно, для некоторой организации (или группы организаций) мальчик представляет ценность. При этом срочную. Так как он не отходит теперь от Мйара, эти ребята решили действовать напрямик. Однако они не связаны с гильдиями или правительством — иначе бы тут уже были вертолеты или отряды мускулистых поглощающих чародеев. На методы пламенного просвещения это все тоже не шибко походит.... По крайней мере, даже если наш противник связан с могущественными инстанциями, действует он не по поручению свыше. Это напоминает мне, знаете, какую-то междусобойную возню. Вот просто чую, буквально на уровне интуиции. Это как будто горцы пытаются умыкнуть друг у друга особо прекрасную невесту.

Мйар недоверчиво покосился на некроманта.

— И зачем им 'невеста'?

— Очевидно же: чтобы использовать по назначению ее 'самое дорогое сокровище'!

— Это какое еще сокровище? — нахмурился Мйар.

— Опять-таки очевидно: им интересен магический дар мальчика.

— Но ведь он не умеет им пользоваться!

— Но они-то этого не знают. Да и, может, не надо оно им. С другой стороны, они, в отличие от нас, знают этому дару цену... И на этот аспект нам стоит обратить внимание.

— А на мой взгляд, очевидно, что эти ребята сами вне закона, — заметил Эль-Марко. — Чтобы описанная Мйаром тварь была одобрена к использованию кем-то из гильдий? Кем-то из правительства?

— Ты, что ли, веришь в благие цели руководителей этой страны? — развеселился Камориль. — Может, еще и в мою девственность?

— Камориль Тар-Йер!

— Да, Мйар.

— Потихе, а. И все-таки я одного не пойму. Почему эта сильная, страшная тварь умерла?..

— Мы можем пройти туда все вместе, — осторожно предложил Камориль, — и посмотреть, что там было такое. Может, я что-то...

— Нет, — резко оборвал его Мйар. — Я туда — ни ногой. Давай, разве что завтра. На рассвете. Или днем.

— Как скажешь.

— А сейчас пойдете, как и планировали, к колдунье вероятностей. Гулять так гулять. И Мйар, уходя, прихватил початую бутылку ликера с собой.

Алкоголь действует на меня, скорее, хорошо, чем плохо. Ну, это по моим наблюдениям. Во-первых, он снимает болезненность слишком четкого восприятия реальности. Я когда боюсь чего-то — у меня же все обостряется. Мне кажется, что об звуки и запахи я могу порезаться. А тут оно все как-то сглаживается так, как будто бы этого всего вокруг не чересчур, а как раз. Не хочется бежать домой и лезть под одеяло, в блаженный теплый покой. Море по колено, да? Ну, почти. И еще — я расслабляюсь, я перестаю беспокоиться, что называется, совсем. Я отпускаю этот мир на волю, позволяю и ему, и себе быть несовершенными.

Но, вот беда, ночная прохлада быстро выветривает хмель из головы, и к тому моменту, как мы вывалились из такси на западной окраине города, я был снова трезв, как стеклышко.

— Хорошо, Ром, что ты компактный, — Эль-Марко, нагнувшись, тер колени. — Кто придумал эти крошечные иномарки?

— А где здесь дом колдуньи? — Роман оглядывался по сторонам.

За поворотом дорога уходила серпантинном в горы. Мы находились уже достаточно высоко, чтобы можно было увидеть панораму города, широко раскинувшегося на морском берегу, и даже не одну его бухту, а все три. Над морем взошла половинчатая луна, бликуя на далеких, хаотично разбросанных крышах. Справа от дороги черной стеной стоял сосновый лес, а слева на холмах, за кованным забором, мирно покоилось старое кладбище. Погост был крайне заросшим и на вид полузаброшенным. Тут и там высились тополя, шумели плодовые деревья, стрекотала оркестрами сверчков дикая ежевика.

— Мы пойдем в обход кладбища по тропинке, — сообщил Камориль.

— А долго идти? — спросил Ромка.

— Два локтя по карте, — улыбнулся некромант.

И мы пошли. Оставив позади дорогу, мы двинулись в ночь, и чем дальше мы продвигались, тем неуютнее мне становилось. Мы все-таки вошли на территорию старого кладбища, потому как именно к боковому входу нас в итоге и привела тропинка.

Камориль приобнял меня за плечи:

— Что, Мйар, опять страшно?

— С чего ты взял?

— Ну, нет — так нет.

Я позволил ему так и идти с собою в обнимку. Нет, просто кладбища и темноты я не боялся. Я теперь боялся внезапного появления твари по типу той, что мы встретили несколько часов назад. Честно сказать — ее превращение так запало мне в голову, что, когда я смотрел на Камориль или Эль-Марко, мне представлялся рог, растущий у них изо лбов. Я отгонял мерзкое видение прочь, но этот визуальный шок, видимо, еще долго будет преследовать меня.

Мы наконец миновали старое кладбище, выйдя на совсем узкую тропку, бегущую по

холмам куда-то вглубь леса, параллельно линии берега. По лесу мы брели недолго. Тропка свернула вниз. Мы прошли мимо нескольких заброшенных хибар по старой железной лестнице, врытой в землю. Я увидел отблески электрического света вдалеке, и вскоре мы и правда выбрались к добротным, огороженным заборами особнякам. Нас проводил лай сторожевых псов, но путь наш лежал дальше. Неширокая проселочная дорога вывела нас к роднику в скале. Он был облагорожен каменной плиткой с мозаичными орнаментами. Ромка и Камориль напились, а я умылся. Эль-Марко набрал родниковой воды во флягу, которую спрятал в потайной карман пиджака.

Мы свернули с проселочной дороги на очередную, едва заметную тропку, уходящую круто вниз. Корни деревьев стал укрывать густой туман. Мы углублялись все дальше в лес, прошли еще какой-то заброшенный сарай, затем спустились по большим, поросшим мхом камням и оказались в устье высохшей горной речки. Тут туман слопал нас целиком, и я в который раз осведомился у Камориль, сколько еще 'локтей' по карте до нашей цели.

И вот тропинка привела нас к неглубокому болотистому озерцу, однако же, достаточно обширному. В нем на бетонных сваях стоял одноэтажный дом, к которому вел деревянный мост. В занавешенных плотными шторами окнах горел свет, а из трубы поднимался дымок.

— Экое классическое жилище для ведьмы, — присвистнул Эль-Марко. — Но нас же слишком много для кормления-омовения и укладывания спать с целью последующего поедания, так?

— А что, — хмыкнул Камориль, — я бы от баньки не отказался, тем более в вашей, дорогие друзья, компании! Мйарчика веничком похлестал бы!

Я не стал ничего говорить — просто посмотрел на него косо.

— А ты знаешь, Мйар, — Камориль заиграл бровями, — что одна из интерпретаций этого классического сказочного действия с купанием и кормлением включает в себя...

— ...ритуал инициации для маленьких мальчиков, — отвечивал я, — а так же символизирует переход героя из мира живых в мир мертвых.

— Ай, Мйар, да не об этом я, — расстроился Камориль, — какой же ты, порою, скучный.

— Я первым пойду, — сказал я, — вдруг что. Вдруг туда толпой нельзя.

— Давай, иди, — протянул некромант, усаживаясь на поваленное дерево. И зачем-то добавил: — Кстати, трупов тут нигде нет.

Я хмыкнул и ступил на деревянный настил моста. Туман заползал и на мост тоже, спешно убегая из-под моих ног. Прежде, чем позвонить в дверной звонок, я обернулся глянуть на ребят: Камориль снова курит, Эль-Марко предлагает Ромке воду из фляги.

Я повернулся нажать звонок. В тот же момент дверь открылась и чуть не заехала мне по носу.

— Ой, — сказала Мари, — простите, а вы ко мне?

— Все нормально, я уклонился, — мои губы произвольно разъехались в улыбке. — Да, я к вам, здравствуйте, точнее, добрый вечер. Точнее, доброй ночи.

Из дверного проема на меня пахнуло теплом и светом, а мимо моих ног прошмыгнула на мост рыже-черно-белая кошка.

— А я тут кота выпускала погулять, вот и...

— Точнее, я не к вам... эм... Мари, я как-то очень растерян, еще раз прошу прощения за поздний визит. Я...

— Да ничего страшного, — она смотрела на меня все так же расфокусированно, — то

есть, мы знакомы, да?

— Ну да, мы виделись на пляже недавно, я Мйар, ну, хотя вы можете меня не помнить, конечно...

Я ужаснейшим образом лепетал и нес чепуху. Проклятье.

— Ой, а что это мы на пороге разговариваем, — щеки Мари зарумянились. — Давайте, проходите внутрь, только тихонько, у меня бабушка спит, а я занимаюсь допоздна. Надеюсь, Сливка ее не разбудил...

— Да я... Тут э-э...

— Проходите-проходите. Чаю хотите? В наше время редко кто в гости ходит, я, конечно, думала, что вы мне на почту напишете или постучитесь просто, но раз уж вы человек действия, то что уж тут...

И этот диалог вел меня к эпическому фиаско, но я героически взял себя в руки и твердо произнес:

— Мари. Не сочтите меня хамом или сумасшедшим. Но я здесь как бы не к вам. То есть, я очень, очень рад что мы снова увиделись. Я и не надеялся, если честно. Точнее, не верил в вероятность встречи до последнего. То есть это, мне казалось, практически невероятно. Вот.

И я замолк. Решимость кончилась.

— Почему же невероятно? — улыбнулась Мари. — Вполне вероятно! Может все-таки чаю?

— Мы пришли, чтобы просить помощи у колдуньи вероятностей, — произнес за меня кто-то другой моим голосом.

Ну, то есть, это был я, но я бы на своем месте этого не говорил. Мне казалось, что эта фраза разрушит на корню все те сумасшедшие перспективы, которые успели буйным цветом расцвести у меня в голове.

— Что ж, — улыбка Мари стала чуть бледней, — это вполне объясняет ваш поздний визит. Но бабушка спит, как я и говорила. А мы — это кто?

Я с шумом выдохнул. Мне как-то разом полегчало. Не знаю, почему, но мне казалось, что после того, как я озвучу истинную цель визита, Мари попросту захлопнет передо мной дверь.

— Я тут с друзьями, — смущенно улыбнулся я. — Все те же, что и на пляже, плюс один.

— Ну, зовите тогда друзей. А они... будут чай?

— Необычные у вас имена, — заметила Мари, насыпая в блюдце конфет.

Камориль отчего-то улыбался во все свои несчитанные зубы шире обычного и был на редкость молчалив. Эль-Марко снял цилиндр и уложил его на свободный табурет. Мйар сидел на кухонном диванчике ближе всего к хозяйке, едва ли не задевая ее локтем. Ромка попросился выйти с компьютера Мари в сеть, поэтому пропал где-то в соседней комнате.

Дом, к слову, оказался внутри много просторнее, чем выглядел снаружи. Или так казалось от того, что в нем везде горел приглушенный свет. Мйар отчаянно краснел, разворачивая конфетку. Камориль отчаянно улыбался, глядя на Мйара. Поэтому заговорил Эль-Марко:

— Так сложилось исторически. Я, например, имени такого не выбирал, и родители у меня не шутники, просто... так вот получилось. А у Мйара и Камориль история может быть, конечно, и поинтересней. У меня, кстати, мята с собой есть, по дороге нарвал, может, в чай добавим?

— На кладбище нарвал? — мило улыбнулась Мари.

— Ну, близь оно, не скрою, — так же мило улыбнулся Эль-Марко, подмигнув Камориль. Некромант подмигнул Эль-Марко в ответ, и они оба с растянутыми лыбами уставились на Мйара. Тот, казалось, не может быть еще краснее, но после этих перемаргиваний — стал. — А Мйарчику в чай и коньячка можно, если есть, или даже водки.

— А что он такой напряженный? — невинно осведомилась Мари. Сидевший буквально рядом с ней Мйар даже вздрогнул.

— Бессонница, плохие условия работы, низкая зарплата, стрессы, — перечислил Эль-Марко, — все это не имеет никакого отношения к его напряженности, ну, разве что стрессы... Мы ведь, Мари, к вам на самом деле не просто так.

— Да я поняла уже. Я вижу, что в тот раз мне Мйаровы особенности не привиделись. Я уже думала, что вы, молодой человек, плод моего большого воображения, — она повернулась к Мйару, — а вот вблизи я вижу, что вы и правда... особенный. И самый, что ни на есть, настоящий. Но не совсем человек, так ведь?

Мйар, казалось бы, покрасневший максимально в прошлый раз, переплюнул поставленный рекорд и зарделся втрое ярче. А потом внезапно побледнел.

— Совсем не, — ответил за него Камориль. — Как и я. Наиболее 'человек' из нас — Эль-Марко. И как вам это, барышня? Не смущает?

— Камориль, — наконец с трудом вымолвил Мйар, глядя в свою чашку, — мне кажется, ты грубишь, а мы все-таки в гостях.

— Так, — Мари поднялась из-за стола. — Чая тут явно мало, Марко прав. Я сейчас глинтвейн сварю, и мы в зал пойдем, у камина сидеть. Вы мне будете все рассказывать.

— А мы тебя не отвлекаем от чего-нибудь важного? — спросил Мйар, глядя на нее снизу вверх.

— От бесцельного штудирования мистических саг? Нисколечко, — с улыбкой протянула Мари.

— Вот и отлично, — порешил Камориль. — Может, мы с Эль-Марко пройдем в гостиную сами прямо сейчас, а Мйара оставим тут, тебе помогать с глинтвейном?

— Можно и так.

— Замечательно! Пошли, Кападастер! Нам прямо и налево, да? Все, мы ушли.

И Камориль с Эль-Марко действительно ушли.

А я остался с ней на кухоньке, один.

Кухонька была довольно просторная, чистая. Ползучие комнатные растения заполнили подоконник и разрослись даже по потолку. Яркие пятна специй в прозрачных банках, орнаменты на полотенцах и ухвате, веселые разноцветные губки для мытья посуды и медные трубы создавали торжественный тихий уют.

Мари открывала деревянные дверцы кухонного шкафчика одну за другой, очевидно, разыскивая вино.

— Мари, да может, не надо... С чего бы тебе нас кормить и поить, — проговорил я. — Трое здоровых лбов, свалились, как снег на голову посреди ночи...

— Но это же твои друзья, — она обернулась ко мне, найдя искомое.

— Но ведь ты знаешь меня меньше одного дня!

— Мйар, — она стала вкручивать штопор в пробку, — вот ты — веришь в судьбу?

Пылинки плясали в свете низко висящей лампы, отсветы которой рисовали причудливые узоры на улыбчивом лице девушки. Светлые прядки падали ей на лоб. Ресницы и брови у нее были тоже светлые, но чуть темнее волос. Она была одета в лиловую майку и укороченные джинсы (и куда делся романтический стиль?), и на плечах ее я увидел россыпь блеклых веснушек. Нежная и немного угловатая. И эта линия бедер и талии... И щечки. И пальчики. И вздернутый нос.

Она все никак не могла вынуть пробку из бутылки.

— Давай, помогу, — вызвался я.

А на вопрос ее я тогда так и не ответил.

Казалось, этот дом внутри не просто большой. Казалось, что он огромный. Ромка шел по коридору, которому, чудилось, не будет конца. Он был узкий и захлащенный. Оленьи рога, обувь, старый телевизор, лыжи, матрасы, какие-то остовы техники, банки, полки, шкафы с одеждой. Ромка шел почти на ощупь, потому как свет от гостиной сюда проникал уже с большим трудом.

Пару минут назад он еще сидел в комнате Мари, общаясь с матерью по сети, и даже камеру включил, чтоб мать его не только слышала, но и видела. Магушка в итоге тревожиться почти перестала, миф о девушке ей все объяснял. Фон успокоению способствовал: трюмо с косметикой и яркая одежда, повешенная на спинку стула, недвусмысленно свидетельствовали о том, что хозяйка комнаты женского пола. Некоторое время Ромка разглядывал миниатюрки в шкафу: рыцари, драконы, единорожики и волшебницы застыли в красивых позах, сверкая позолотой и серебром. На книжных полках Ромка обнаружил Книги Мастеров и Книги Игроков, коробки с карточными настольными играми, а так же книги, написанные по играм и про игры. Еще там были словари и художественная литература на иностранных языках.

— Дядька не дурак, — протянул он, отыскав среди книг фотоальбом.

Но смотреть его не стал.

Ромка услышал, как мимо комнаты кто-то прошел, и решил выглянуть и узнать, кто. Ну, или сходить на кухню, попросить и себе чая и конфет. Когда он выглянул из комнаты, то

увидел, как Камориль заходит в гостиную. Ромка было двинулся за ним, но что-то заставило его притормозить у самой приоткрытой двери. Аккуратно заглянув внутрь, он тут же инстинктивно отвернулся. 'Представим себе, что я этого не видел', - подумал он.

Может, конечно, быть так, что это какая-то обрядово-ритуальная магия. Или зачем Камориль стоял там на коленях перед Эль-Марко, с пальцами того у себя во рту? Или не во рту? Рука Эль-Марко точно была где-то на уровне лица Камориль, и... Неужели они?.. Какая мерзость!

— Они там надолго, — услышал Роман голос Камориль. — Значит, время есть. Поколдуй надо мной немного, будь так добр.

Ромка сглотнул и быстро юркнул за дверь, вглубь темного коридора.

Его переполняли эмоции. Нет, ясное дело, что он уже видел, как Камориль цепляется к Мйару. Но это казалось как будто бы в порядке вещей, это казалось достаточно ненастоящим, чтобы быть... приличным? А тут!.. Там некромант играл. Нет, он очень часто играл, он колдовал играючи и ребра тому трупу ломал тоже как-то наигранно, как будто бы это не он делает и все не по-настоящему. Но здесь...

Ромка пробирался вглубь коридора, обходя полки, неработающий холодильник, склад поленьев, выстроенные в ряд раскладушки со скрипящими пружинами.

Или, может, эта ненароком подсмотренная ситуация так шокировала его, потому что там был Эль-Марко? Может, в голове у него уже отложилось и утряслось, что Камориль посягает на Мйара, безрезультативно, привычно, верно и... честно? Как тут можно оперировать понятием честности... чести... чистоты. Почему его не шокировали свежие парящие внутренности, черный монстр, родившийся из девушки, но так здорово дала по мозгам подсмотренная сцена... близости? О нет. Нет-нет-нет.

Какая же это близость. Это извращение.

Ромка пробирался все глубже. Он шел уже совсем наощупь. Ему уже было интересно, насколько длинный этот коридор. И что же находится там, в конце.

Так. Отлично. Хорошо. Но не делает же их то, чем они занимаются, врагами? Не делает же это их хуже, чем они есть? Нет, они на самом деле без мозгов и без башни, вот оно что. Вот в чем дело. Они немного сумасшедшие. Все. Именно потому они и взялись помогать Роману. Все трое. Может, им и немного лет вовсе. Всем троим. Может, они просто выдумали это все, и им на самом деле по двадцать лет.

Но Ромка сам видел магию Камориль. И видел прыжки Мйара, и как у него горели глаза там, в катакомбах. И как зарастали в мгновение раны на его груди под ладонью Эль-Марко.

И Ромка сам, своими глазами видел ослепительно-яркий мир, эту самую изнанку бытия. Может, он и сам уже того... сумасшедший?

Но... Как же сложить все воедино? Можно ли продолжать им верить? И почему он должен переставать им верить, только потому, что у них какая-то неправильная 'любовь'?

— Но у Мйара же правильная любовь, — напомнил он сам себе, — Мйар — нормальный. И он еще ни разу мне не врал.

Ромка уткнулся в тупик. Через пару секунд, нащупав ручку, он понял, что это дверь. Он надавил на нее, и дверь открылась.

В комнате, тускло освещенной зеленоватой лампой, на высокой кровати лежала старуха. Она была тоже большой. Плотной, но не толстой. Кожа ее была желтоватой и морщинистой, глаза закрыты.

Но Ромка всем собой ощущал: она видит его.

— Здравствуй, сыночка, — сказала она, приоткрыв рот и почти не двигая губами. Голос ее был скрипящим, старушечьим, с придыханием. — Как звать тебя?

— Роман.

— Ромка, значит... И что ты тут делаешь, Ромочка?

— Я... Я хотел... Извините, если помешал.

Ромка все еще стоял в дверном проеме, не решаясь войти и не решаясь уйти.

— Да я все равно не сплю, — старуха, кажется, чуть улыбнулась. — Я слышу, как там твои друзья разговаривают, и вижу, какие они прекрасные, и это мешает мне спать.

— Видите?

— На старости лет я совсем разучилась ничего не видеть, — проскрипела старая женщина. — Да минет тебя чаша сия, сыночка. И не стой на пороге, садись вот на стул, дверь закрывай, а то сквозняк.

Ромка закрыл дверь и, секунду помявшись, сел на высокий стул у ее кровати.

— А как вас зовут? — спросил он.

— Имя мое Пелагея, но зовут меня обычно баба Паша.

— Вот оно как, — протянул Ромка озадаченно. — А с вами... у вас все хорошо?

— Могло бы и лучше быть, но и так, как есть, не плохо. Не жалуясь, так сказать, — и она рассмеялась скрипучим кашляющим смехом. — А ты не бойся за меня. Колдуньи не умирают сразу и никогда не умирают во сне.

— Колдуньи? — Ромка дернулся.

— Ну да, а стало быть, зачем ты здесь? Разве вы не искали колдунью вероятностей, чтобы решить, что вам делать дальше?

— Ну да, но...

— А что 'но'? Я она и есть.

— Я просто думал, что... Что с вами дядька Зубоскал говорить будет. Ну, или Камориль. Я не думал... Я вообще здесь случайно... Я просто...

— Ничего не бывает случайного, — тихо сказала баба Паша. — Уж поверь мне, я-то знаю. И ты тоже однажды это будешь знать.

— Наверное... — решил не перечить Роман.

— Ты должен знать, сыночка, что колдуньи вероятностей — это самые слабые из практикующих провидцев, — она подняла руку и положила ее Ромке на локоть. Рука была теплой. — И я смотрю на тебя и вижу, что ты — мой брат. Ты из нашего племени.

Она открыла глаза. Они были темные и раскосые. И правда... из одного. Баба Паша смотрела на Ромку недолго, не больше двух секунд. Потом ее веки снова опустились.

— Ты провидец, — сказала она. — Провидец и судьбоплет. Пускай это заботит тебя больше, чем суета.

— Х... хорошо... — Ромка сглотнул. — Баб Паша, а что это значит? Это значит, что я могу видеть будущее?

— Да.

— А что делает 'судьбоплет'?

— Плетет судьбы.

— А как?

— Этого я тебе не скажу, — она отпустила его локоть. — Потому что не знаю. Провидцев и судьбоплетов никто не учит. Их некому учить, потому что таких, как ты — один на миллион. Нет, на миллиард. Нет, таких, как ты, больше нет вообще.

Ромка нервно хихикнул.

— Так я, что ли, получается... избранный?

— Ты одаренный. И ты же — проклятый. Тебе нужно быть очень осторожным.

— Баб Паш... А мой дед... тоже был судьбоплетом и пророком?

— Возможно. Прошлого я не вижу.

— Ага... Ну, в общем, он в письме сказал, чтобы я верил Мйару, и что Мйар мне поможет.

Она снова открыла глаза и внимательно посмотрела на Ромку. В этот момент она чем-то походила на сову.

— Да. Поможет.

Она закрыла глаза.

Ромка немного помолчал и спросил:

— Так а... Что же нам теперь делать?

— Это ты у Маришки спроси, — ответила Пелагея.

— Ага, так она все-таки Марина!

— Да, и она тоже... ведьма вероятностей. И не делай глупостей, сыночка! Помни, высокое небо не посылает нам бед, с которыми мы не в силах справиться. Я верю в тебя. Ты хороший мальчик. Иди.

Мне было приятно смотреть на то, как ловко двигаются ее руки. Длинные пальцы с аккуратными ногтями. Отсвет лампы на мелькающем ноже. Она быстро порезала яблоко и высыпала очищенные дольки в кастрюльку с разогретым вином. Щепоть корицы, палочки гвоздики, перец, мята, сахар. Помешивая свое дурманящее зелье, она сказала:

— Люблю сладкий глентвейн. Просто вино не такое вкусное. Я когда была маленькой и читала всякие книги, там, где застолья, где описывался 'хмельной мед' или 'густое вино', представляла себе этот мед именно таким — пряным, густым и сладким.

— Да, это не идет ни в какое сравнение с кислотой нынешних столовых вин, — охотно согласился я.

— Ну, рассказывай, как дела, — Мари, помешивая глентвейн, смотрела на меня. А я молчал. Потому что мне виделось, как в глубине ее лазурных глаз отражается океан. Мой мозг внезапно перестал поддерживать два потока мыслей одновременно, оттого я не сразу понял, что нужно что-то говорить.

— Да вот... очень рад, что мы с тобою снова встретились, — выдал я первое, что пришло в голову. — Хоть и при таких странных обстоятельствах.

— Я так и не поняла, что у вас приключилось. Я только поняла, что вы — классные ребята, но это все!

— А-а... Да, на самом деле... много чего. И все... как на подбор... такое, во что сложно будет поверить.

— Не бойся, рассказывай, — подбодрила Мари. — И, кстати, расскажи мне... кто ты есть?

— В смысле?

— Ну... что ты такое?

Я замешкался. Не то чтобы мне хотелось от нее что-то скрывать. Наоборот. Я бы все рассказал, что знаю. Проблема только в том, что...

— М-м, проблема в том, что я не знаю, что я. То есть, я не помню. Прости. Я не

обманываю. Я на самом деле не помню, что я есть.

— Как так? — она чуть наклонила голову.

— Ну... — я замешкался, — это... Ты прямо так сразу спросила меня самое сложное...

Это вообще очень мутная история.

— Тебе больно об этом вспоминать?

— Нет, не так, — я замотал головой. — Это не больно. Да и я не такая уж неженка.

Просто это сложно.

Она рассмеялась.

— Ну да, — улыбнулся я. — Сложно и просто... Просто и сложно. Ладно, если вкратце, то так: я совсем не помню своего детства. Мне даже кажется, что не было его никогда. Может, конечно, мне и на него память отшибло, но ведь большую часть жизни своей я помню хотя бы урывками... Ну так вот. Первое мое воспоминание — это...

И я замолк. Я посмотрел на нее. Прочувствовал тепло уютной кухоньки, запах глинтвейна и запах девушки. На границе слуха почуял чужие разговоры за несколькими стенами. Услышал, как за окном, в чаще, мяучит кот, который, на самом деле, конечно же, кошка, ведь не бывает черно-рыже-белых котов... И все искрилось. И блик от луны на воде. И эти голубые глаза. И баночки с пряностями. И локоны неровно подстриженных светлых волос.

И все это было так искренне, чисто и непорочно. И очень непрочно.

А я все-таки решился и рассказал, как был долго и одиноко в металлических стенах лагеря, где росли странные, уродливые, больные существа, ни на что не похожие, разные, дикие, неразумные или разумные, но сумасшедшие. Как люди в белых халатах оберегали меня от этих замерших грязных сирот. Как я коротал время в странной, жилой и одновременно нежилой комнате, пластмассовой, бутафорской, глухой. Как учился читать, писать и говорить, не понимая, чем же я отличаюсь от других, тех, кто ночует под открытым небом в дождь и снег.

Я не рассказывал о том, как изучал свое тело. И как его изучали те люди. И как мне приходилось там быть. И кого мне нужно было убивать, еще до того, как я понял, что лучше бы этого не делать, и что это очень больно и очень страшно. Я же даже не знал тогда, что могу, на самом деле, сам решать, как мне быть, и что мое тело и моя жизнь — только мои и ничьи больше, и что никто не вправе заставлять меня убивать. Но откуда же взяться самосознанию у того, кто больше ничего не видел? А я именно таким и был: ничего не знал, мало что понимал и, уж тем более, не смел 'докторам' перечить, потому что чего-то очень сильно боялся. Но вот... чего?.. Страх — это же всегда страх потери. Что я боялся потерять тогда, когда ничего не имел, когда самого себя не считал своим?..

Но я рассказал ей про Даньслава Белого Когтя — то, что помнил. Даньслав был тогда моим другом, лучшим и единственным. Кажется, он был со мной с самого первого дня, который я могу вспомнить. И он же однажды помог мне бежать на Север.

— Это... ужасно, — проговорила Мари. — Но, Мйар... Это не дает ответа на вопрос кто ты и что ты.

— Я знаю, — ответил я. — Но я больше не помню ничего. Я есть. Вот такой. Тебе... жалко меня?

— Нет, не жалко, — просто сказала она. — Но я сочувствую тебе. Не хотелось бы мне иметь за плечами такую историю, — она вздохнула, а потом спросила с улыбкой: — Ну, а память-то у тебя почему такая дырявая?

Я рассмеялся. Похоже, что у меня ни спроси — ответ будет из разряда 'сами мы не местные, так проголодались, что переночевать негде'.

— Память дырявая — это уже следствие моего собственного волеизъявления, — я постарался сделать голос пободрей. — Кажется. Судя по всему, что-то очень нехорошее произошло со мной после того, как я вернулся с Севера в этот город. Камориль говорит, будто бы я сам просил спрятать мою память в бусины из золатуни. Собственно, так и стало. С тех пор все вроде бы спокойно течет, без проблем, вот только теперь эта история с Романом... Кстати, Ромка — внук Даньслава, того моего друга. Я думаю, что должен помочь мальчику. Ну, или хотя бы попытаться — в память о Даньке Белом Когте.

Мари снова наклонила голову.

— Погодь. Ты сказал, что Ромка — внук Даньслава?

— Ну да.

— Так а сколько же тебе лет, Мйар Вирамайна?

Я вздохнул.

— Я точно не знаю, но... Учитывая, что Даньславу было двадцать два, когда мы с ним познакомились... И что себя я не помню ни в каком другом состоянии... То есть, я уже был таким, какой я есть сейчас, когда мы познакомились с Белым Когтем... Предположим, что мне тогда было тоже двадцать лет. Учитывая, что Элви сказала, что он родился примерно в сороковых годах прошлого века, то мне... Примерно семьдесят, плюс-минус два-три года. Но это если округлять...

И мы, конечно же, напрочь забыли о вине. И оно попыталось убежать. Но Мари выключила газ и стала разливать глинтвейн в кружки.

— Ты отлично сохранился, Мйар Вирамайна, — наконец сказала девушка, повернувшись ко мне. В руках у нее был поднос. — Мне бы так выглядеть в твои годы. Но мне этого не светит, я ведь всего-навсего человек. Но я верю тебе, я не думаю, что ты шутишь. Ты по-настоящему необыкновенный, Мйар.

И я понимал в глубине души, что в ее устах это комплимент, но все равно не мог не поежиться. Я никогда не хотел быть 'особенным', никогда не хотел выделяться.

— Я просто... уродец, — тихо сказал я. — А больше ничего необыкновенного во мне нет.

Но она этого не услышала, потому как пошла относить глинтвейн в гостиную.

Я открыл окно, чтобы впустить кота, который уже с минуту ломился внутрь, а потом и сам прошел следом за Мари.

Камориль читал томик средневековых пьес, который нашел на журнальном столике. Эль-Марко смотрел на огонь, протянув к нему руки, сидя прямо на ворсистом коврике у самого камина. Ромки где-то не было.

— Я много сварила, так что разбирайте! — весело сказала Мари. — Если кто-то захочет добавки, то еще полкастрюли есть! Вот тут стакан, где побольше яблочек, кому?..

— С яблочками Мйару давай, — авторитетно посоветовал Камориль. — Он любит, но просить стесняется.

Мйар наградил некроманта испепеляющим взглядом, на который тот, в принципе, и рассчитывал, но взял протянутую Мари кружку и пробормотал скомканное 'спасибо'. Сев прямо на ковер, он стал греть руки об кружку, боясь пока что попробовать горячее питье.

— Ну, рассказывайте! — предложила Мари, расположившись на большом удобном

кресле.

Эль-Марко молчал, Камориль медленно перевел взгляд на Мйара. Тот поспешно отхлебнул глинтвейна. Камориль вздохнул.

— Что ж, — проговорил он, — я эту историю хотя бы в первый раз рассказываю. С другой стороны... чтобы не повторяться... Мари, и все-таки, когда твоя бабушка сможет принять нас? И какова процедура получения ответа у колдуньи вероятностей?

Мари поджала губы, смутившись:

— Ну, бабушка моя за это деньги берет обычно... Но сейчас она спит...

— Это-то понятно, — кивнул некромант. — И какова цена? Не стесняйся, пожалуйста, озвучь. Сколько надо — столько и заплатим.

— Да не в том дело, — Мари помотала головой.

Входная дверь скрипнула, и в зал вошел Роман. Ничего не сказав, он уселся на ковер недалеко от Мйара. Так как все молчали и смотрели на него, он произнес:

— Я у бабы Паши был. Она сказала, что Мари нам все расскажет.

— У бабы Паши? — Мари удивилась. — Ты разве из дому выходил?

— Я к ней через кладовой коридор прошел, — пояснил Ромка. — Я ж не знал, что вы по нему не ходите. А обратно уже прошел по пандусу, что вокруг дома идет.

— По коридору? Но как ты там прошел? — Мари явно не верилось.

— Да я... как-то вот... ну я же юркий, вот и прошел, — замялся Роман. — Ну и вот, баб Паша сказала, что нам все расскажет Мари, потому что она тоже колдунья вероятностей.

— Тоже? — удивился Мйар.

Мари улыбнулась немного раздосадовано:

— Ох уж эта... баб Паша!

— Ты — колдунья? — Мйар смотрел на нее большими глазами, как будто бы мало на своем веку видал колдуний.

— Ну, я... Типа того. Не знаю наверняка. Но это... вполне вероятно, — она запустила пальчики в волосы, взлохматила челку. — Б-р-р. Может, я и не настоящая колдунья вероятностей.

— То есть, нормальных людей среди нас сейчас нет вообще, — улыбнулся Камориль. — Тем лучше! Мне немного неловко спрашивать, но все-таки очень любопытно... Почему ты сомневаешься в своих способностях?

— Эм... Видишь ли, — Мари отхлебнула сладкого глинтвейна и уставилась на огонь, — мне случалось прозревать вероятности только несколько раз в своей практике. И были они... странные. Тем, кому я рассказала их путь, вряд ли эти мои видения помогли. Они как будто бы... слишком тонкие и слишком сложно спутанные, эти ниточки, а если разум отключить и отрешенно смотреть, то всякая белиберда чудится.

— О-о, это вот, про ниточки, это очень похоже на то, что я тоже видел! — оживился Ромка. — Там, в 'изнанке'! И тоже — ничего не понятно! Как будто бы хаос, или слишком сложные чужие письмена, или примеры в вузовском учебнике физики.

— А баб Паша тебе не помогает в этом разбираться? — спросил Мйар.

— Да как же она мне в голову залезет, а я к ней? — Мари пожала плечами. — Единственное, что понятно наверняка — я провижу вероятности.

— А как это понятно? — решил уточнить Роман.

— Маги одной направленности чувствуют чародейства друг друга, — пояснил Камориль. — И даже, порою, издали. И даже обычно понимают, что было наколдовано.

— А разной направленности? — мальчик смотрел на Камориль замороженно.

— Тут все куда как проще. Бесспорно — я почую акт чужого колдовства. Но не издалека и только ежели оно происходит сейчас или было сотворено совсем недавно. Но вряд ли я смогу отличить что-либо прорицательное от какого-нибудь там контроля разума, не будучи специалистом. Точнее, я-то явно не отличу. Никак.

— Ну вот, и баб Паша говорит, что я именно колдунья вероятностей, — вздохнула Мари. — Но, к сожалению, гарантировать превосходного результата я не могу. Мне, конечно, интересно, зачем вы к нам пришли, это у меня девичье такое любопытство, но если вы хотите, чтобы вам ответила моя бабушка, то...

— Она не будет нам ничего отвечать, она уже сказала мне все, что сочла нужным, — покачал головой Ромка. — Кстати, а можно мне тоже глентвейна?

— Конечно, бери!

— Конечно нельзя!

Мйар и Камориль заговорили одновременно. Переглянулись хмуро.

— Там выпарилось все, можно, я думаю, — примирительно решила Мари. — Ну, значит, придется мне проводить ритуал предсказания.

Я был взволнован. Какое-то смутное беспокойство почесывало мне затылок, зудело на кончиках пальцев. Мысли в моей голове все перепутались, и глентвейн был в этом явно не виноват.

Камориль начал вкратце рассказывать, что у меня приключилось, а я добавлял иногда то, что считал важным. Мари слушала внимательно, кивала. Вопросов почти не задавала.

Когда рассказ подошел к концу (мне пришлось снова мысленно 'пережить' момент нападения той многолапой твари), Мари немного подумала, а потом сказала мне и Роману сесть на ковер рядом с ней и взять ее за руки.

Каморль это явно не понравилось, но он смолчал. Только глядел бесстрастно, с постным лицом на то, как мы усаживаемся на ковер и я беру Мари за руку, а потом к нам присоединяется Ромка.

Ручка у нее была тонкая, нежная, холодная. Кожа была тоже какая-то на удивление мягкая, но будто бы хрупкая, пергаментная. Мари молчала, прикрыв глаза, а я думал о том, что ее ладонка в моей руке постепенно согревается. И это тепло возвращается ко мне удвоенным, пронизывая все тело от макушки до пят.

В комнате смешались запахи очага, пряностей, вина и старого дома. Ромка поглядывал так же обеспокоенно то на нее, то на меня. Наверное, он тоже чувствовал тепло.

Несколько секунд ничего такого не происходило вообще. Я даже подумал было, что Мари и правда ошиблась насчет своей магии. Но потом я заметил, что в полумраке передо мной начинают проявляться светящиеся искорки, мягко мерцаая теплым золотом. Как светится море в августе, так светился передо мной воздух в каминном зале. Пшеничные волосы Мари колыхались на невидимом ветру, будто бы неподвластные силе притяжения. Я сам перестал ощущать свой вес, глянул на Ромку — так тот как будто бы приподнялся над ковром, и тот же самый невидимый ветер трепал его светлую челку.

— Красиво-то как, — не смог сдержаться я.

Огонь в камине трепыхнулся, зашумел. Черепаховой масти кошка запрыгнула с пола на диван. Мари не отпускала наших рук, сидела молча и неподвижно, несмотря на происходящие странности. Я почувствовал, как она чуть крепче сжимает мою ладонь. Потом ее веки дрогнули, она открыла глаза, и пока я тщетно пытался в этом взгляде не утонуть, Мари произнесла:

— Найди ключ от всех дверей, кроме одной.

Магия кончилась, как проходит слепой дождь. Мой настоящий вес придавил меня к полу. Камориль поймал в руку одну из эфемерных искорок, а когда разжал ладонь, ее там уже не было.

— Это я что... Это, что ли... Это было пророчество? — хлопала глазами Мари. — А почему такое странное? И что это со мной было такое? Я хоть своим голосом говорила? Или нет? Или страшным каким-нибудь?

— Своим-своим, — успокоил ее Эль-Марко.

— Бред какой-то, — высказался Ромка. — Ключ, который открывает любую дверь, кроме какой-то одной двери?

— Да, это явно было колдовство, и, судя по спецэффектам, — истинное пророчество колдуньи вероятностей, — произнес Камориль. — Но мы не обязаны понимать предсказание дословно. В то же время, нам не следует отбрасывать возможность буквальной трактовки.

— А у этих предсказаний еще и трактовка есть? — удивился Мйар.

— А то, — некромант поерзал на диване, перекидывая ногу на ногу. — Я слышал, что вот уже лет пять, как провидцы целенаправленно собирают все свои спонтанные пророчества вместе и пытаются восстановить традиции... или заново воссоздать методологию, которая поможет им в расшифровке этих самых пророчеств. Слухи, конечно, непроверенные... Мари, а ты сама можешь нам сказать, буквально это условие или же оно, скажем так, тоже является загадкой?

Девушка, ошарашенная случившимся с ней, молча покачала головой. Выглядела она испуганно.

— Нужно свериться с базой артефактов, — рассудительно заметил Эль-Марко. — Я могу попробовать отправить запрос в гильдию.

— А я в свою, — кивнул Камориль.

— Кападастер, а ты тоже в какой-то гильдии? — поинтересовался Ромка.

— Ну почти, — улыбнулся Эль-Марко. — Вернее, я вне гильдии, но как бы все равно числюсь там... определенным образом. Ведь я же... как бы маг. Тоже.

— Ключ, который открывает все двери, кроме одной... но ведь никто, наверное, не знает, какую дверь он не может открыть! — тем временем Мйар пытался осмыслить услышанное. — То есть, его можно использовать для того, чтобы пробраться в разные места... Но существует место, в которое с его помощью не проберешься. Дверь, которую им не открыть. Но зачем нам этот ключ? И что это за дверь?

— Если понимать пророчество буквально, то можно предположить, что этим ключом следует что-то открыть, — рассудил Камориль. — В мире миллиарды дверей. И только одну из них он не может открыть. Эту дверь ты рискуешь даже ни разу не найти — за всю жизнь. Но, имея такой ключ, ты будешь способен пробраться куда угодно.

— Если там есть замочная скважина, — добавил Эль-Марко.

— Нет, это слишком сложно для моих мозгов, — застонал Мйар. — Я не понимаю, зачем такая штука вообще нужна.

— Предположим, ты все-таки найдешь дверь, которую этот ключ не открывает, — продолжал Камориль. — Но ведь это же дверь. Значит, она должна открываться... каким-то иным образом.

— Или не должна открываться никогда, — добавил Мйар.

Ему никто ничего не ответил.

— Что, если этот ключ может открыть любую дверь, но закрывает только одну?

— Та-ак, — Камориль почесал ухо. — То есть, мы сможем найти некую вещь, здесь и далее ключ, которая сможет закрыть нечто незакрываемое иными способами?

— Некий абсолютный нейтрализатор, — кивнул Эль-Марко.

— Хм, если так глобально об этом думать, становится немного страшно, — поежился Мйар. — Что такого нужно будет им закрыть?

— Может, эта штука прикроет Роману его дивное магическое дарование? — предположил Камориль, косясь на мальчика. — Или если кто-то бессмертный откроет им все существующие двери, та единственная неоткрываемая откроется сама...

— Ох, не ожидал я от тебя, Камориль, такого смелого предположения! — хихикнул Мйар, — 'Кто-то бессмертный'?

— Очень быстрый и незанятой, — кивнул некромант. — Угу.

И снова замолчали. Ромка, поглядев по очереди на всех, сказал:

— А давайте, может, его найдем для начала? Ну, ключ. А там уже посмотрим, что с ним делать. Может, и не надо им ничего открывать-закрывать... Вдруг он сам сделает все, что нужно?

— Опасно, — заметил Камориль.

— Но ладно, — кивнул Мйар. — Мари, ты как?

— Я все еще немного... ошарашена. Еще ни разу... пророчество... не случилось с такими спецэффектами.

— Это не от пророчества спецэффекты, — улыбнулся Камориль. — Это... у меня возникла мысль, что ты не просто колдунья вероятностей. Точнее, не только.

— А? — Мари встрепенулась. — А кто же еще?

— Пока что даже не смею предполагать, кто, — загадочно произнес Камориль, потирая подбородок. — Итак, план победы следующий: вы тут спите, а я пошел.

— Сам, что ли, один? — спросил Мйар растерянно и немного обеспокоенно. — Ночью? Куда?..

— Меня очень трогает твоя забота, — вздохнул некромант. — Ты даже не представляешь, как. Доброе слово с твоей стороны вообще повышает мне настроение на сутки, но я не о том. Я не буду терять времени и поеду ночным рейсом в город, где жил раньше. Я управлюсь меньше чем за двенадцать часов, поверь мне.

Мари спохватилась:

— Да, точно, спать вы можете тут лечь, вон, диван широкий и раскладушка есть, все поместятся!

Мйар продолжил все так же тревожно:

— Но, Камориль, а вдруг на нас снова нападет эта тварь? Или на тебя? Может, не стоит нам разделяться?

— Со мной все будет хорошо, а с тобой будет Эль-Марко. Если что-то случится — не

стесняйся и не мешкай, зажимай струну и покажи этому злему злу, кто есть кто.

Камориль подошел к сидящему на полу Мйару, наклонился и быстро чмокнул его в макушку, пока он не успел опомниться.

— Ай, иди давай уже! — замахал руками Мйар. — Звони! А мы тут пока подумаем, чегс куда!

— Увидимся, — Камориль подмигнул Ромке, который смотрел на происходящее неодобрительно, и вышел из зала в коридор, а потом и из дома, привычно нырнув в вязкую тихую ночь.

Я смотрел в темный потолок и думал о вечном. О том, например, почему Мари так легко оставила нас ночевать здесь. Нас, троих едва знакомых ей... существ. Притом, мужчин. Конечно, мы как пришли, так и ушли бы, даже несмотря на то, что за окном ночь и холодно. То ли она сама по себе совсем ничего не боится, то ли магия, которая живет в ней, уже все ей о нас рассказала, и даже то, чего мы сами о себе не знаем. И что бояться нас нет никакой надобности, например.

Еще я никак не мог осмыслить тот факт, что Мари — колдунья. Конечно, кого только нет на свете. Я знаю колдунов в избытке, человек пять, и, думается мне, их в самом деле гораздо больше. Но я понимаю их как... успешных поэтов, или балерунов, или устроителей свадеб, или вижу в них что-то наподобие гениальных композиторов. Словом, для меня чародеи и колдуны — это люди редких, специфических профессий. Мне думается, что любой, в принципе, может стать гимнастом или танцором, или вышивальщиком гладью. Но разве все ими становятся? И даже не каждый из попытавшихся добивается успеха. Вот так же я вижу и магию. Ну, разве что ее может отнюдь не каждый, ибо штука эта — врожденная. А уж виртуозы типа Камориль встречаются и вовсе редко, и этим в нем, без сомнений, можно повосхищаться, если захотеть.

А тут эта девочка, теплая и хрупкая — и на тебе, тоже колдунья! Притом, какая-то не простая... Однозначно волшебная. Но это я не о том, что колдунья, а о том, что она волшебная сама по себе.

И мне бы сейчас поговорить об этом с кем-нибудь, кто умнее меня или хотя бы циничнее, чтобы этот кто-то за меня проговорил самые страшные и самые жестокие слова. Те, что про голод плоти и про бессмысленность чаяний. Те, которые про разницу между любовью и влюбленностью. И чтобы с видом поумнее, и тоном наставительным, и чтобы я поверил снова, что лучше быть одному, что мне на моем веку хватит моих друзей, чая, сластей и струн, красной луны над гребнями старых гор и выдуманных другими юных дев, что живут на страницах недописанных книг; что быть вот так, самому по себе — это хорошо и правильно, и это единственный оптимальный вариант для таких, как я.

В окно, как нарочно, заглянула луна и стала светить мне прямо в лицо. Я еще немного поворочался, прислушиваясь к мерному сопению Эль-Марко и различая за ним тихое дыхание сладко спящего Ромки.

Да, вот такой минус отличного слуха, помноженного на привычку к холостяцкой жизни: незнакомые, аритмичные звуки мешают мне заснуть. Я проворочался еще пятнадцать минут. Сел. Глаза очень скоро привыкли к темноте, как это у меня всегда бывает. Я, понадеявшись на какую-никакую свою ловкость, тихо-тихо встал и медленно, почти крадучись вышел из каминного зала. Деревянный пол, которому, казалось бы, ни к чему мне содействовать, на удивление не скрипел, как и дверь в комнату Мари, изначально приоткрытая. Я бесшумно

пробрался внутрь, прикрыл дверь за собой и, аккуратно облокотившись на край стола, стал разглядывать спящую девушку.

Я чувствовал себя преступником, извращенцем и... молодым, до ужаса юным. Ощущать свой возраст — пускай и неверно — было для меня чем-то новым и странным.

Мари спала в пижаме, в обнимку с кошкой. Кошка следила за мной одним зеленым глазом, иногда моргая, но уходить она явно не собиралась. Тем лучше — меньше шансов разбудить хозяйку.

Не знаю, что на меня нашло и зачем я вообще туда пришел. Знаю доподлинно только одно: смотреть на спящую девушку было не только волнительно, но и очень приятно. Если бы я умел рисовать, я бы обязательно запечатлел ее. В тусклом свете луны она была прекрасна и нежна, и я не видел в ней никаких изъянов, даже если они и были.

Грешным делом я подумал о том, что с радостью махнулся бы местами с кошкой, но кошка была явно против.

Пылинки плясали в приглушенном свете луны. Блики от зеркальца на столе и стеклянных створок шкафа неровно ложились на бледные ключицы и обнаженные плечи. В тонких пальчиках Мари запутались светлые прядки, и какой-нибудь не обремененный изысками оригинальности бард сказал бы, что волосы у Мари цвета верескового меда. Но вересковый мед скорее красен или рыж, и лучше бы этот бард сказал так обо мне.

И — да, я в этот миг не думал почти ни о чем, и это я зря. Нужно было понять, как нам искать ключ от всех дверей, кроме одной, — или хотя бы узнать, с чего начать. Но я смотрел на спящую колдунью вероятностей, и эта девочка казалась мне чем-то поистине невероятным.

Я ушел так же тихо, как и пришел. Быть может, ей приснится что-нибудь из юношеского фольклора, того, где у полуночных визитеров огромные черные крылья, огненные глаза и доброе сердце.

Поезд резал ночь, как нож режет масло, вырывая своих пассажиров из резервации городов, неся их в своей утробе — в блаженном 'нигде'. Времени здесь как будто бы не было, телефонная связь пробивалась урывками, запахи, приглушенный свет, разговоры — все это казалось частью иной реальности.

Камориль любил поезда. Когда он ехал в поезде, ему нравились даже его попутчики. Причем вне зависимости от того, кто это: женщины, мужчины, старики, дети, инвалиды, попрошайки, жулики или проповедники. Откуда-то в этом 'нигде', которым представлялся ему поезд, рождалась в нем приязнь к роду человеческому, к которому он сам, по большей части, все еще принадлежал. Люди ему нравились не только сами по себе, но даже в совокупности со своими проявлениями, что, по сути, достаточно странно. Его умилял храп грузных усталых мужчин и плач годовалых младенцев, ругань семейных парочек и нестройные песни под раздолбанную гитару, которыми развлекали себя похмельные короткостриженные юнцы.

Ему очень хотелось курить. До прибытия оставалось всего ничего, и Камориль вышел в тамбур. За окном, в тусклом предрассветном зареве, мелькали соленые озера, похожие на множество серебристых зеркал.

— Давненько я здесь не был, — проговорил он.

Озера сменил лес, затем предгорья с рассыпанными тут и там маленькими поселками, потом поезд пересек арочный железный мост над широкой порожиистой рекой, и, здорово поднявшись над уровнем моря, причалил к белостенному вокзалу в крохотном городке посреди высоких гор, который как всегда был плотно укутан облаками. Постояв здесь с четверть часа, поезд двинется вглубь материка.

Камориль ступил на перрон, и влажный, промозглый холод, свойственный этой местности, тут же безжалостно обнял его, поприветствовав, как родного. Выдыхая облачка пара, золотящиеся в первых солнечных лучах, некромант направился к кофейному аппарату.

Редкие утренние прохожие смотрели на него удивленно: для такого небольшого города он выглядел диковинкой.

Горячий черный кофе без сахара был именно тем, что нужно. Камориль согрел об пластиковый стакан озябшие пальцы. Потягивая дрянной дешевый напиток, он с ухмылкой вспомнил о том, как Ромка спросил, а как же у него растут волосы. Вероятно, мальчуган свято верит, что Камориль мертв. 'Но знал бы ты, как тяжело я боролся за эту жизнь и за само желание жить... Ты бы наверняка во мне разочаровался', - подумал Камориль.

Вдохнув поглубже непривычно чистый горный воздух, Камориль как будто бы 'нырнул' в город. Он скользил по узким запутанным улочкам, как черный призрак своего собственного прошлого. Он с легкостью узнавал улицы, по которым шел, но его самого тут некому было узнать.

Вскоре Камориль вышел на пустырь, упирающийся в почти отвесную скалу, в которой была выдолблена каменная лестница. Лестница уходила в облака — в прямом смысле слова. Вздохнув и еще раз обернувшись на город, купающийся в теплом утреннем свете, Камориль стал подниматься вверх, постепенно погружаясь в еще больший холод и ограниченную видимость.

Подъем длился примерно час, но некромант знал, что этот отрезок пути — не самый сложный. Он требует физической подготовки, но в целом не представляет собой ничего сверхъестественного.

А вот дорога по плато, где ветер носит облака с огромной скоростью, дастся ему тяжело, хотя бы потому, что берedit в душе не самые лучшие воспоминания.

Здесь повсюду острые голые камни, а уши закладывает от перепадов давления. Нормальные люди не стали бы жить здесь, если бы только не крайняя нужда. Если бы только им не хотелось выстроить дом там, где их никто не будет искать.

Густая тень от ветхого на вид особняка с заколоченными окнами накрыла Камориль. Стало еще холоднее, но дом защитил его от ветра. Некромант окинул взглядом потемневший от времени фасад, мусор во дворе, мертвые, пустые канализационные трубы с разорванной изоляционной обмоткой, погнутый во многих местах чугунный забор.

— Э-э, да не ходи туда, сынок, — внезапно окликнула его бабка, погоняющая куда-то вверх по тропке пятерых коз. — Гиблое место!

— Знаю, — улыбнулся Камориль. — Будь здорова, мать! — зачем-то крикнул он старухе вслед. И подумал, что сделал так только потому, что так бы на его месте повел себя Мйар.

Калитка скрипнула, и некромант вошел во двор.

Место было и правда 'гиблое'. Ощущение смерти было острым. Ее здесь было много, и не вся она была старой. Камориль слегка прикрыл веки, прислушался к своим ощущениям, позволяя неприятному, тревожному зуду распространяться с пальцев выше по рукам, до локтей и по плечам, перебираться на спину и поясницу.

Здесь совсем недавно убивали коров, кошек, волка и двух человеческих детей. Детей восстанавливали скелетами, и вон их раздробленные кости лежат на земле, перемешанные с углем. Во многих неживых предметах во дворе, казалось бы, для этого вовсе не предназначенных, заключены духи умерших как насильственной, так и естественной смертью.

Камориль коснулся рукой треснувшего чугунного горшка, мгновенно разрушая тонкую связь между духом и его обиталищем. Некромант не хотел освобождать всех мертвецов, томящихся здесь из-за капризов его сумасшедшего знакомого. Так он просто предупредил хозяина о своем присутствии.

Входная дверь оказалась не запертой. Камориль вошел внутрь и сразу же погрузился в почти кромешную темноту.

Но он знал здесь все.

Наощупь он нашел лестницу и стал подниматься наверх. Ощущение смерти стало еще более отчетливым. На втором этаже света оказалось чуть больше. Солнце все-таки проникало в щели заколоченных окон, образуя прямые желтые столбики яростно пляшущей пыли.

Камориль шел по правому крылу особняка, к самой большой комнате второго этажа. Двери в нее не было, но вход загораживали ярко-синие занавески с пришитыми на них медными монетами.

Монеты мелодично звякнули, когда Камориль вошел.

— Я знала, что ты придешь, — произнес низкий женский голос.

— Вы идите, — сказала баба Паша, — вы ее с собой не берите. Видели, она спит? Вот пускай себе спит.

Я поставил на стол пустую чайную чашку.

— Спасибо за чай, и за ночлег, и вообще, — я зарылся пятерней в волосы, почесывая затылок. — Плохо, конечно, вот так, не попрощавшись, уходить...

— Я ей передам от всех вас приветы, не волнуйся!

Баба Паша мыла посуду зеленой губкой. В утреннем свете латунные трубы блестели особенно ярко и тепло. Ромка дожевывал бутерброд, Эль-Марко сонно тер глаза. Я, встав, пододвинул стул к столу.

— И знаешь еще что, — баба Паша обернулась ко мне, оторвавшись от своего занятия, — ты не думай чего. Вы еще точно встретитесь.

— Кто? — не понял я.

— Вы все встретитесь. Ну и ты встретишься с тем, кто тебе дорог, это я тебе как колдунья вероятностей говорю.

— И за это спасибо тоже, — я улыбнулся. — И все-таки, баб Паш, что такое 'ключ, открывающий все двери, кроме одной'?

— Знать не знаю, — жестко отрезала старая женщина. — Это кто тебе такой чепухи наплел? Маришка что ли?

— Ну.

— Ну, если разве Маришка, — голос бабы Паши потеплел, — тогда это может иметь смысл.

— Это было ее пророчество, — решил уточнить я, — я сам видел и... чувствовал это. Это была настоящая магия.

— А ты будто разбираешься в магии? — ухмыльнулась старуха. — Ты как будто бы магию видел?

— Дядька Зубоскал, ты с баб Пашей не спорь, — вмешался Ромка. — Она всяко лучше знает.

Я подумал, что мальчик очень даже прав, а потому замолк. Наверное, к людям с возрастом приходит некая иррациональная мудрость, смешанная в равных пропорциях со смирением и обреченностью. Спорить с ними, и правда, нелепо.

Но иногда такого осознания недостаточно, и любопытство пересиливает. И я все-таки произнес:

— Что бы это ни было, вы же не... — я замялся, — ну, вы же отказались отвечать нам на наш вопрос.

— Все ответы у вас уже есть, просто вы их не видите, — сказала баб Паша, не оборачиваясь. — И я не вижу, потому что я — это я, а ты, сынок, это ты и есть.

— Ну, мы пойдем, — произнес Эль-Марко, увлекая меня за собой, к входной двери, пока я еще чего не спросил. Не то чтобы баба Паша мне не нравилась. Нет, старухой она была вполне сносной. Просто я не знал, что нам дальше делать. И я пытался получить от нее хоть какую-то дополнительную информацию. Камориль ведь говорил, что колдунья вероятностей нам поможет. Но предсказание Мари (лично мне) все только больше запутало. Что за ключ? Где его искать? С чего начать хотя бы?..

Когда мы уже вышли на мостик, ведущий через озеро от дома к берегу, баба Паша окликнула меня:

— Эй-ей, молодежь, погодите чутка... Да-да, ты, рыжий, постой. Я тут кое-что вспомнила, посмотрев на тебя издали...

Я не стал ничего спрашивать, ожидая, что она сама продолжит. Но она молчала.

— Что? — все-таки спросил я.

— Ты Даньку Белого Когтя знал, — сказала она. — Да. И он тебя выходил. И он тебе был как отец.

— Он был мне... скорее другом, — хмыкнул я.

— Это все поверху, — старуха махнула рукой, — а по сути...

— А вы знали Даньслава? — напряженно спросил я. Внутренне я понимал, что, если упрекнуть ее в том, что она не рассказала этого раньше, старуха может взбрыкнуть и не ответить. Потому я как можно более просто спросил: — И какой он был?

— Он был... очень статный, красивый, — ответила баба Паша, подумав. — Все девки по нему сохли. Но в нем жило тяжелое одиночество, и вся его красота, ум, возможности самого его не грели и не утешали. Глупо так жить, счастье — оно ведь штука простая, на самом-то деле.

— А откуда вы знаете его? — я говорил медленно, бесцветным голосом. Мне казалось, что я хватаюсь за ускользающую атласную ниточку, за тусклый намек на истину, которую мне нужно знать.

Бабка задумалась.

— Он приходил ко мне за советом, как водится. Все ж таки в одном городе живем, а колдуний вероятностей не так уж много, чтобы перебирать. И он спросил...

Я терпеливо ждал, когда она вспомнит. Ромка молчал, Эль-Марко опустил на корточки и стал глядеть в озеро.

— ...и он спросил, что может ему помочь, — наконец выговорила старуха. — Такой вот вопрос, все как будто сговорились, приходят и спрашивают все время одно и то же, одно и то же!

— И что вы ответили ему? — спросил я, не надеясь на какой-либо ответ вообще.

Бабка поджала губы и отвела взгляд.

— Я, как было, ему сказала. Ничего, говорю, тебе уже не поможет. Слишком много ты наделал, слишком все перепутал. Есть во всем предел, у всего есть конец. Тебя, говорю, ничего не спасет. Жестоко так говорить? Пускай. Но не врать же я ему должна была, так?

— Так, — кивнул я.

— Но ведь мой дед был судьбоплет и пророк, вы же сами так сказали! — выпалил Ромка. — Зачем ему приходиться к колдунье вероятностей, если колдунья его слабее?

— Так ведь не боги горшки обжигают, — улыбнулась баб Паша. — А теперь все, все, кыш, заболтались на пороге... Удачи вам! Идите с миром!

Она закрыла за нами дверь, и мы пошли. Просто молча пошли вперед, кое-как ориентируясь на местности. По идее, к трассе можно было пройти каким-то путем покорооче, чем тот, который мы одолели ночью. Перед тем, как ложиться спать, Мари распечатала нам карту местности и нарисовала примерно, как и куда идти.

Я запоздало понял, что она и не собиралась с нами никуда уходить. Откуда у меня в голове взялась мысль, что Мари пойдет с нами? Она и так нам очень помогла. Наверное, мне просто не хотелось расставаться с ней так скоро, хотелось пообщаться с ней подольше.

— Дядька Зубоскал, и что же мы будем делать? Как мы будем искать этот ключ? — спрашивал Ромка.

Его можно было понять. Если бы тут был Камориль, я бы спрашивал то же самое у него.

— Эх, Ромка... сложное ты мне задание, конечно, подкинул, с этими своими снами, похищениями, тетками монстроидными... Ключами странными! Мне не хочется этого

признавать, но, похоже, мы в тупике. Точнее сказать, я не имею никакого понятия, как нам искать этот самый ключ, и где.

— Я вчера предлагал проверить базу артефактов, — напомнил Эль-Марко.

— Базу вашей гильдии? — уточнил я.

— Не знаю, будет ли это эффективно, — Эль-Марко задумался. — Официальных гильдий всего четыре. Естественно, что информацией друг с другом они делятся неохотно. Даже если базу гильдии некромантов проверит Камориль, а я сверюсь с информацией в гильдии целителей, то останутся еще чтецы и элементалисты. Ну, и поглощающие, конечно же, но как к ним пробраться — вообще другой вопрос...

— О-о, Мйар, расскажи мне про все гильдии! — воодушевился Ромка. — А у пророков гильдия есть? И кто такие чтецы?

— Чтецы — это сборное название всех тех, кто имеет дело с мыслями и сознанием, — пояснил Эль-Марко вместо меня. — Они телепатически общаются, умеют вселяться в животных во сне и наяву, умеют менять людям память, а самые сильные даже могут прямо вот на живую личность перекраивать... но это, конечно же, запрещено.

— И Камориль, кажется, немного в этом всем сечет, да? — предположил я.

— Немного есть, — согласился Эль-Марко. — Иначе как бы он с памятью умирающих работал тогда.

— Камориль крут! — заявил Роман.

— В профессиональном плане — несомненно, — я чуток скривился. — Но... Эти его... Короче. Нужно подумать, можем ли мы получить доступ к базам артефактов всех четырех гильдий. Сдается мне, такие полномочия есть у поглощающих.

— Если весь инвентарь оцифрован, — добавил Эль-Марко, — то нам можно и не связываться с поглощающими. За определенные денежки можно нанять специалистов, которые (чисто теоретически) могут нам эти базы взломать.

— Криминал, — погрустнел я. — Не люблю я правила нарушать так вот однозначно. К тому же, думаешь, это реально устроить?

— Были б деньги — почему нет? — Эль-Марко пожал плечами.

Тем временем, следуя карте, мы вышли на пригорок, с которого была видна трасса. Ветер трепал тонкий листок, норовя вырвать его из рук. Мы еще некоторое время осматривались, выбирая, как пройти к трассе наиболее коротким путем, а потом решили идти напрямик по случайным тропкам, коих тут было вдосталь. Авось выведут куда надо, тем более что заплутать тут днем весьма сложно.

— А что, если нам нанять чтеца, который завладеет на время поглощающим, и через него проверить базы? — высказал я сумасшедшую идею.

— Не выйдет, — просто ответил Эль-Марко. — На то он и поглощающий. Он только почувствует себя бодрее, вот и все, попросту усвоив направленную на него магию.

— Хм, да, чародейств я не знаток, — признался я.

— Так а у пророков есть гильдия? — снова спросил Ромка.

— Официальной нет, — Эль-Марко сунул руки в карманы. — Считается, что магия пророков и прорицателей... слишком непрактична, чтобы как-то какие-то гильдии организовывать. Да и мало их. Меньше, чем даже целителей.

— Понятно, — с сожалением протянул мальчик.

— Что же тогда делать... — я никак не мог собрать разбежавшиеся мысли. — Может, опять в департамент сходить...

— Мне, чтобы послать запрос в гильдию целителей, придется немного поплясать с бубном, образно выражаясь, — заметил Эль-Марко. — Там же все не просто так.

— С каким бубном? — не сразу понял я.

— Это я так бездарно шучу, не обращай внимания, — Эль-Марко отмахнулся. — Ну, в общем, это тебе не электронным письмом в гильдию некромантов обращаться. И даже не бумажным по почте.

— А каким еще?

— А вот почтовым голубем, — как-то немного горько и чуть-чуть смущенно ответил Эль-Марко.

— Почтовым голубем? — хором переспросили мы с Романом.

— А смысл?.. — это спросил уже я.

— Смысл... — Эль-Марко задумался, как будто бы пытаюсь адаптировать сложный для понимания специализированный текст, — смысл довольно не тривиальный. Я сейчас, конечно, тайну разглашаю, но что уж тут попишешь... В общем, гильдия целителей плотно сотрудничает с чтецами. Вместе они как бы 'дружат' против гильдии некромантов и элементалистов. Почему именно такой расклад? Как я понял, это у нас сложилось исторически. Не то чтобы гильдии как-то открыто воевали друг с другом. Нет. Это, скорее, похоже у них на взаимную обиду из-за, ха-ха, недостатка взаимности. Некроманты и элементалисты, в целом, более 'атакующие'. Но им труднее защититься от происков чтецов, которые, будучи упрямыми моралистами, издавна поддерживают целителей. Как, спросите вы, это все относится к надобности посылать запрос почтовым голубем? — Эль-Марко странно улыбался.

— Спросим-спросим, — кивнул я, — рассказывай давай уже.

— Ну так вот. Самый большой секрет гильдии целителей заключается в том, что все ее материалы и знания хранятся в... — Эль-Марко замолчал, запнувшись на полуслове. Но потом, выдохнув, все же сказал: — В мозгах у птиц.

Я недоуменно нахмурился:

— В мозгах... птиц?

— Так точно. Это совместная работа целителей и чтецов. Есть определенная популяция э-э... магически модифицированных птиц. Когда они собирают птичий базар, то представляют собой живое скопление информации, этаким организм из организмов... то есть, разум из разумов. Да, Мйар, я понимаю, как странно это звучит. Соответственно, одна птица не представляет собой никакой ценности для вражеского шпиона.

— Вот век живи, век учись! — я был несколько ошарашен. — Так и... и это голуби, да? Но разве это... выгодно? Держать информацию в птицах? Они же... смертны...

— Вот именно, Мйар. Они не только смертны, но еще и отлично размножаются, — Эль-Марко улыбнулся. — Это же целители, Мйар. Все, что связано с жизнью, регенерацией, с процессами роста и размножения... это все их ремесло. Ну, наше ремесло, конечно же, просто я немного не по этим делам... И эти птицы изменены не поверху... они глубинно изменены. Голуби ведь оседлые, так? А эти меняют дислокацию своих базаров, причем хаотически. И те почтовые голуби, которыми отправляются запросы, узнают о месте сбора сородичей тоже... не сами по себе, а из-за внесенных в их природу изменений.

— А если стая как раз в полете? — уточнил Ромка.

— Голубь может созвать нужных ему особей... Это не слишком быстро, зато — по мнению гильдии — очень практично, — Эль-Марко пожал плечами. — Я сам не в восторге

от такого. Я бы живую природу не трогал так глобально. Смею надеяться, что чтецы и целители прошлого так все рассчитали, что экологии это особо не повредило и не вредит. Короче говоря, чтобы отправить запрос, мне нужно поехать в специализированную голубятню.

— Мы с тобой поедem, — сказал я. — Во-первых, других идей у меня нет, а во-вторых, я бы сейчас не хотел рисковать и оставаться один. Ну, Ром, с тобой, конечно же... Просто, я не уверен, что смогу сам одолеть тварь типа той, что мы... встретили... вчера. Проклятье, мне кажется, это было неделю назад!

— Да без проблем, — Эль-Марко пожал плечами. — Голубятня — на маяке. Если поспешим, будем у меня в полдень, быстро пообедаем, а там сядем на моего стального коня и за час доберемся до маяка.

— Втроем, что ли? — удивился Ромка.

Эль-Марко хмыкнул.

— Ну, Мйару можно зажать струну и пустить бегом, но я не уверен, что...

— У тебя там, по соседству, прокат мопедов есть, я видел, — напомнил я, отнюдь не обрадованный перспективой легонькой пробежки в пятьдесят километров. — Так что разберемся, если что.

Человеколюбие Камориль иссякало сразу же, как он выходил из поезда. Но от мизантропии он тем не менее не страдал. Он вообще не страдал от сильных чувств, коих ощущал в себе недостаток, а потому наслаждался ими. Кроме разве что нелюбви к своей семье.

— Я не собирался тебя как-то радовать или разочаровывать, — произнес он бесстрастно. — Но раз уж ты... прислала за мной свое мяско... хотя я говорил тебе не единожды, чтобы ты прекратила все это. Но ты все равно пытаешься. И теперь ты захотела убить меня! Да, я пришел, Эррата, теперь уже я не мог не прийти.

— Все верно, — с улыбкой ответила молодая женщина пышных форм, возлежащая на синей софе. — Так и есть, Йер. Ты пришел. Именно это мне и было нужно. Ты иначе бы не пришел.

Камориль брезгливо поморщился. Он все еще стоял в дверях, придерживая рукой синюю занавесь, и теперь молча рассматривал, во что превратилась гостиная в 'чутких' руках Эрраты.

Наконец он решил, что сесть на стул возле запыленного рояля более-менее можно. В конце концов, обивка его на вид чиста, пятен крови вроде бы нет. Уже хорошо. Опустившись на синий бархат, он вздохнул:

— Проклятье, Эррата, что ты творишь, сумасшедшая? Как ты можешь тут жить? Что ты делаешь вообще?

Эррата, потянувшись, села на софе. С нее соскользнули полупрозрачные черно-красные кружева, прикрывавшие до этого ее прелести, и исправлять это обстоятельство она никак не собиралась. Она улыбнулась Камориль, проведя рукой по левой груди и вниз, по плоскому бледному животу до пупка.

— Как же это мерзко, — произнес Тар-Йер. — Как можно было до такого докатиться, Эррата!..

Она встала с софы и сделала два шага вперед так, чтобы встать в узкой полоске света, пробивающейся из-за не плотно задернутых штор. Свет рельефно выделил ее неестественно

худую талию, покатые бедра и большие тугие груди, блеснул на носках ее высоких лаковых сапог.

— А что тебе не нравится, Камориль? — спросила она нежным, почти детским голосом.

Камориль закрыл лицо рукой. Ладно, гостиная. Ладно, эта несусветная вонь. Да, некроманты работают с неживым, мертвым и с пограничными состояниями между жизнью и смертью. Да, у каждой профессии есть издержки. Но есть же и какие-то границы у всего. Есть же этика, в конце концов, есть эстетика.

Был бы тут Мйар, его бы точно стошнило, причем сразу же. С его-то чутким носом.

Камориль отнял руку от лица, чтобы обнаружить Эррату прямо напротив себя, нерешительно теребящую наманикюренными пальцами последнее, что спасало ее от полной наготы — латексную юбку-ленту-пояс. Он отвернулся от нее. Бесстрастно оглядел гостиную еще раз, подсчитывая количество мертвецов. Итак, двое под софой, самые свежие, не стабилизированы ни разу, но еще не протухли. Выпороты посмертно. Трое в прозрачных аквариумах, лирически плавают в формальдегиде. Пять-шесть свалено бесформенной кучей в углу, но они высушены напрочь. Так что же это так воняет?.. А вот, видимо, и источник 'благоухания' — сшитые боками безголовые тела мальчиков, нанизанные на железные пруты. Эррата не потрудилась кинуть на них консервацию разложения, и в прошлом прекрасные тела представляли собой по меньшей мере отвратительное зрелище, по большей — мерзкий перевод материала.

Эррата глянула в ту сторону, куда смотрел Камориль.

— А, это... — она поджала пухлые губы. — Я, знаешь, все пытаюсь понять... какова связь между братьями... Какова она на самом деле. Или какой может быть.

— Ты живешь здесь? — еще раз спросил Камориль.

— Нет, хороший мой, я здесь только последние несколько дней, до этого я редко навещала наш дом, только для проведения экспериментов.

— Тупая ты курица, — тихо проговорил Камориль. — Ты бездарность, Эррата. Как же ты мне отвратительна.

Она рухнула перед ним на колени, схватилась за лодыжку и прижалась к ней, дрожа.

Камориль опустил взгляд на заплетенные в десятки спутанных косиц волосы Эрраты. Они были выкрашены в зеленый, синий, фиолетовый и платиновый цвета. Камориль взял ее за волосы и заставил посмотреть себе в глаза. Она смотрела на него с улыбкой, смотрела темными страшными глазами, ежевично-фиолетоватыми, и разрез их был знаком и привычен до боли, до ужаса, до отвращения.

— Чего ты хочешь, заблудшее ты дитя?.. Чего ты хочешь от меня? — спросил Камориль все так же тихо.

— Я хочу быть вместе с тобой, — Эррата отпустила его лодыжку, положив ладони ему на колени. Подалась вперед. — Ты нужен мне, Йер, я без тебя схожу с ума. Я хочу быть снова с тобой.

Всей его относительной безнравственности не хватало, чтобы принять ее, как есть. Впрочем, Камориль и не хотел ее принимать хотя бы потому, что не мог.

Эррата скользнула руками по его бедрам.

— Камориль, ты ведь тоже хочешь быть со мной. Ты хочешь меня. Давай станем одним. Давай снова станем одним целым.

Камориль нахмурил брови, сжал губы и резко встал, отбросив от себя Эррату. Он едва сдерживался, чтобы не взорваться. Стал ходить по комнате. Остановился, обернулся к

девушке. Она лежала на полу, бесстыдно расставив ноги, и руки ее скользили по ее же бедрам, животу и обнаженным грудям.

— Что ты сделал со мной? — произнес Камориль. — Чем я так не нравлюсь тебе, Эррата?

Девушка села.

— Я люблю тебя, Камориль, — сказала она. — Больше, чем кто-либо еще. Больше, чем кто-либо когда-либо будет любить тебя.

Камориль шагнул к ней, тоже опустился на колени, взял ее правую руку в свою. Ладонь Эрраты была довольно крупной. Того же размера, что и у Камориль.

— Но тогда зачем, скажи, ты послала ко мне своего полуживого с отцовским 'парабеллумом'? — спросил он.

— Все просто, — улыбнулась Эррата, отняв свою руку у Камориль и начав расстегивать пуговицы его рубашки. — Я люблю тебя. И она это знает. Она пришла ко мне во сне и сказала, что нужно делать, чтобы ты стал моим. И — как видишь — она не ошиблась. Ты — мой. Ты пришел ко мне.

— Кто такая 'она'? — спросил Камориль, стараясь не выказывать своего отвращения ни единым жестом.

— Она... Богиня, — Эррата запечатлела на шее Камориль поцелуй. Он остался недвижим. — Она сказала, что ты принадлежишь мне. И что мертвым ты станешь моим навсегда. Что тебя нужно убить, — Эррата добралась до уха некроманта и слегка прикусила его. — Ха-ха, она знает, что мне нужно, но мертвых игрушек у меня много, а ты... ты — другое... И я подумала, что раз она хочет тебя убить, то лучше уж ты будешь моим по-моему. Чтобы живой, и чтобы как раньше, — Эррата спустилась ниже, к груди, и сейчас смотрела на Камориль снизу вверх. — Но знаешь, братец, я пробовала соединять двойняшек, но что-то у них не срослось... Потому, я думаю, мы можем соединиться иначе, как это делают мужчины и женщины время от времени...

Камориль лихорадочно соображал. И так, 'Богиня'. Богиня, которая переоценила сумасшествие Эрраты и недооценила ее 'любовь'. Или поняла то и то неверно, превратно, в меру своего собственного безумия. И эта Богиня хотела его смерти. Камориль опустил взгляд вниз, на макушку Эрраты, самозабвенно облизывавшей его сосок.

— А я могу поговорить с этой Богиней? — спросил он.

Эррата отстранилась, скуксившись.

— Нет, конечно, ты ведь теперь только мой, Камориль!

Некромант стиснул зубы на секунду. Что ж. Похоже, иного пути нет.

— Ты была очень плохой девочкой, — сказал он вкрадчиво и бархатно, как умел иногда, и опрокинул Эррату на пол. Ногтем провел ей от выемки ключиц до пупка. Эррата выгнулась дугой, застонав. — Скажи мне, кто такая эта Богиня, и я награжу тебя, наказав.

Эррата замерла, почуввав некую несостыковку. Камориль понял, что сказал что-то не то, и быстро добавил:

— Впрочем, я выпорю тебя в любом случае. Ну, кто такая Богиня? Почему она хотела, чтобы я умер?

Эррата обхватила его талию ногами, а руками притянула к себе голову и быстро, жарко зашептала:

— Она пришла во сне, и приходила не один, а много, много раз, пока я не поверила, что это не сон. И она сказала, что ты должен умереть. И что если я тебя убью, и убью себя, то

она тебя возродит. Возродит вместе со мной как раньше, одним целым. Но я не поверила ей, хотя сказала, что поверила. Потому, что ей сложно противиться. И я сделала, как она велела, но тот полуживой никогда бы не убил тебя, ты же знаешь. И вот теперь мы вместе, и скоро станем одним целым, и для этого не нужно умирать.

Камориль заставил ее перевернуться на живот и нежно заломил ей руки. Ему нужно было немного подумать. Присмотрев невдалеке на полу наручники, он совсем не удивился находке, потянулся к ним, достал и зафиксировал на запястьях извивающейся Эрраты. Колдовать ей это, конечно, не помешает, но сейчас колдовать она не будет. 'Плохая девочка' смиренно ждала наказания.

Камориль встал, пододвинул стул ближе к Эррате. Сел и сложил на нее ноги. Так ей будет спокойней, пока он думает.

Да, Эррата больна. Более того, очевидно, что за те годы, что они не виделись, она двинулась еще более основательно. Она практически не контролирует себя. А эта ее идея провести 'Богиню'? Ну так, талант не пропьешь.

Камориль думал, что же ему делать теперь с этой непутевой родственницей. По хорошему, ее бы надо бы убить. Прекратить, так сказать, эти напрасные страдания, слишком уж затянувшиеся. И берет же откуда-то деньги, и даже к какому-то целителю-нелегалу ходит... Да и самому Камориль морально стало бы намного легче, знай он, что Эрраты больше нет. Но Эррата состоит в гильдии. И Веритас не поймет. Веритас не простит, а он, хоть и дурак, но все равно дорог Камориль.

Некромант наконец принял решение.

Он встал и подошел к высушенным трупам в углу, коснулся их рукой и сотворил свое смертельное волшебство. Кости, вырвавшись из оков плоти, собрались в клеть. Камориль подошел к Эррате, поднял ее и почти за шкуру оттащил в клетку из костей. Эррата верещала и сопротивлялась. Но она все еще думала, что это игра, и что сейчас они 'соединятся', и что он ее 'накажет'. Камориль вытянул из трупов сухожилия, которыми привязал Эррату к кресту из тех же костей.

— Да, делай со мной все, что хочешь! — это было последнее, что она сказала перед тем, как Камориль заткнул ей рот черепом филина. Затем он наглухо запечатал костяную клеть еще несколькими чарами.

Наблюдая за тем, как начинает дергаться Эррата, понимая, что 'наказания' не будет, Камориль достал мобильный телефон, набрал номер и произнес:

— Здравствуйте. Это Камориль Тар-Йер, и я по поводу Эрраты Тар-Йер... Да, мы все же приняли решение. Мы согласны, что Эррате необходимо срочное и долговременное лечение. Можете забирать. Да, семья все оплатит. Я говорю как глава семьи. Приезжайте как можно скорее, и постарайтесь, чтобы... чтобы санитары были поопытней. Не менее шести человек. Записывайте адрес...

Он продиктовал, как добраться до заброшенного особняка.

А Эррата пыталась кричать и дергалась. Дергалась и ее ненастоящая грудь, и нарощенные женские бедра. Камориль смотрел на свое изуродованное тело, измененное хирургией и магией до почти полной неузнаваемости. Эррата, как и Веритас, была его братом-близнецом. Единокровным братом-близнецом, с которым они втроем срослись воедино еще в утробе матери так, что имели каждый по позвоночному столбу, но один на всех изуродованный таз и еще пять кривеньких ног. Медицина и сейчас мало что смогла бы сделать с таким... ребенком, а в те времена, когда появились на свет братья Тар-Йер, им и

вовсе не светило ничего, кроме скорой мучительной смерти. И тогда отец обратился к целителям. А эти ребята оказались не без смекалки. Они придумали, как разделить троих детей так, чтобы те остались живы. Нужно было всего-то добыть каждому некую замену двух его братьев. Этой заменой для Камориль стали паук и черный кот. Эррате достались кролик и кукушка. Веритасу — кабан и пес. Операция прошла успешно, но сущность животных, конечно же, наложила некий отпечаток на личности и тела братьев. И почему-то Камориль и Веритас лишились удушающей тоски по недостающим частям себя, а вот Эррата... с этим не справился.

Камориль еще подумал зачем-то, что, если бы Эррата не стал транссексуалом, — были бы они с ним похожи? Наверняка были бы, генотип-то один. Разве что растолстевший непомерно Веритас с этими своими бакенбардами, хоть и не делал с собой ничего дурного, совсем на Камориль не похож. Хотя, конечно, глаза...

— Давно нужно было это сделать, — проговорил Камориль, вставая. — Незачем было с тобой нянчиться. И да... спасибо, что решил не убивать. Ты, конечно, сейчас этого не поймешь, но потом, может быть, до тебя дойдет. Мы квиты. Лучше бы нам больше не встречаться, брат.

И Камориль ушел из дома, в котором он вырос, теперь уже навсегда.

Я с любовью смотрел на море, а морю до меня, кажется, не было никакого дела. Оно все еще было холодным, и, по правде говоря, у меня в голове не умещалось, отчего оно теплеет каждый год, и как это вообще возможно. Эта лазоревая толщ, чернильно-черная у дна, как будто бы тает на поверхности, как шоколадная глазурь на мороженом. И ты ступаешь по берегу, утопая в песке по щиколотку, а море слизывает твои следы, и так ты навсегда остаешься в нем, а оно — в тебе. В твоей душе, если быть наиболее точным.

— Эй, дядька Зубоскал, хорош втыкать, ехать пора! — окрикнул меня Роман, очень уж, на мой взгляд, не деликатно. Я вздохнул и поплелся по берегу назад, к повороту дороги, где и дожидался меня пацан.

— Иду-иду, — заверил его я. — Эх, люблю море.

— Мне тоже оно нравится, — согласился со мной Ромка.

Мы шли вверх по узкой улочке. Через несколько поворотов будет дом и гараж Эль-Марко.

— Я бы хотел, чтобы, если умру, мой пепел развеяли над морем, — очень серьезно сообщил мальчик. — Или сделали из меня драгоценный камень и бросили в море, знаешь, делают сейчас такое?

— До чего цивилизация докатилась, — покачал головой я. — Но что-то в этом определено есть. Что-то такое пубертатно-романтическое... Но мне определено нравится. Хотя чего это ты вдруг о смерти?

Роман смотрел на дорогу перед собой, держа руки в карманах. Полуденное солнце уже слегка припекало.

— Да я о Камориль думаю. Как он там?

— Хм... может, позвони ему?

Ромка покачал головой.

— Нет, не буду. Вдруг отвлеку от чего-то важного?

Я пожал плечами.

— Как хочешь.

Мы наконец добрались к дому Эль-Марко. Гараж был открыт и смотрелся черными воротами в бездну из-за того, что там было темно, а все стены вокруг были белые и многократно отражали полуденное солнце.

Железный конь Эль-Марко, начищенный до блеска и без единой царапинки, отчаянно бликовал. Сам его хозяин возился с чем-то в гараже.

Я оглядел 'коня'. Понял, что он мне нравится. Понял, что не разбираюсь в марках мотоциклов и в мотоциклах вообще. Предположил, что втроем на этом агрегате нам будет... не слишком комфортно.

— Эй, Кападастер, — позвал я, — ты долго еще? А нас же оштрафуют, да, если мы на него втроем влезем? И это, наверное, опасно, да?

— Привет! — прозвучал, вместо ответа, звонкий чужой голосок.

Из тьмы гаража, прикрывая глаза от яркого света, к нам вышла девочка, одетая в промасленный комбинезон и синюю футболку с закатанными рукавами. Она была невысокой (ростом примерно с Ромку), но казалась постарше. Я бы дал ей на вид лет

пятнадцать, хотя, скорее всего, я ошибаюсь.

— Меня Никола зовут, — представилась она.

— Привет, Никола, — улыбнулся я. — А где это ты так испачкалась?

Она без особого энтузиазма глянула на свой комбинезон.

— Помогала Марко. Я люблю с ним в гараже возиться. Много чему научиться можно.

Я краем глаза отметил, что Ромка, делающий всеми силами бесстрастный вид, отчаянно краснеет. Это ж что должно твориться в голове, чтобы такой ответ девчонки тебя смутил! Ай-яй. Никола на это внимания не обратила вообще. Она отбросила с лица рыжую челку и глянула на меня чуток исподлобья.

— Вы со мной поедете.

— А? — удивился я.

— Марко попросил меня помочь, — она выплюнула жвачку куда-то в пыль.

— Понятно, — протянул я. — А на чем?

— А пойдете со мной, тут по лестнице вверх и за угол повернуть. Там я вам мою прелесть покажу.

— А сколько тебе лет? — решил уточнить я. — Права есть?

— Обижаете! — скривилась девочка. — Права у меня были еще раньше паспорта!

— Вот как, — протянул я. — Значит, тебе, как минимум, шестнадцать?

Она нахмурилась и никак не подтвердила моей догадки, но и не опровергла, кивнула в сторону куда-то, развернулась и пошла. Я двинул следом.

Никола, значит... Так вот ты какая — загадочная воспитанница Эль-Марко. Я о девчонке слышал раньше, но ни разу ее не видел. Как-то не случилось.

Мы быстро поднялись вверх по каменным ступенькам между домов и оказались на параллельной улице. Никола уверенно свернула налево, к закрытым дверям примерно такого же, как у Эль-Марко, гаража. Двери были выкрашены в бордовый цвет и отбрасывали яркий рефлекс на лицо и одежду девочки, возящейся с тяжелым навесным замком.

Наконец она сняла замок с петель и стала разводить створки дверей, в чем я ей немного помог, как умел. В темном зеве гаража смутно поблескивал лакированный бок какого-то невероятно выдраенного и явно кем-то очень любимого агрегата типа "мотоцикл — машина для самоубийств".

Я залюбовался бликами, как и Никола. Ну, она-то наверняка не бликами любовалась, а просто своим сокровищем, или думала, можно ли что в нем улучшить — кто их, этих маньяков, знает, о чем там они думают, глядя на свои объекты страсти.

— Эй, девочка, — послышался голос откуда-то сзади.

Никола обернулась:

— А? Кто тут "девочка"?

— Девочка, а где мальчик?

Незнакомая мне девушка в розовом пляжном бикини держала Николу за локоть, который та попыталась вырвать, но не тут-то было.

— Какой, напроць, мальчик? — возмутилась Никола.

— Дамочка, отойдите-ка, — решил вмешаться я, поняв, что барышня какая-то странная. В тот же миг до меня дошло, что если странная барышня при мне спрашивает мальчика, то есть большая вероятность, что барышня — та самая. Такая же, как тогда. И плевать, что в этот раз — блондинка с вьющимися спутанными космами.

На мою реплику она не отреагировала вообще.

— Дамочка, отпустите девочку, — я положил ей руку на плечо, но она даже не посмотрела на меня.

— Где мальчик? — повторила она вкрадчиво.

Никола была явно не из робкого десятка, так что такой подход ее, очевидно, только разозлил.

— Марьян, или как вас там, сделайте что-нибудь! — она переводила гневный взгляд с меня на странную блондинку и обратно. — Ну, что стоите? Эта тетка — бродяжка какая-то непонятная! Я ее не знаю!

Когда Никола обратилась ко мне, женщина тоже глянула в мою сторону, но куда-то мимо, совсем не в глаза и даже не в лицо.

— Просто скажи, где мальчик, — проговорила она, снова сосредоточившись на Николе, чуть тише и немного шипя.

— Да чтоб тебя, какой мальчик? Кого тебе надо, кошелка ты старая? Да отпусти ты меня! — Никола, напрягшись, резко вырвала свой локоть у незнакомки. — Я сейчас... я сейчас опекуна позову! Или охрану!

Блондинка не стала снова хватать Николу за руку, а как бы замерла, прислушиваясь. И медленно повернула голову к морю.

— Никола, это она за Ромкой пришла, — сказал я, пригибаясь. — Она... сумасшедшая. Лучше спрячься где-то.

— Ага, — бросила девочка, явно пропустив мой совет мимо ушей.

Но я ее уже не слушал. Я пытался понять, как именно поступить, и все еще сомневался, а не ошибся ли я. Но когда барышня рванула крадущимся шагом, как бы бегом и как бы на цыпочках, вниз по лестнице (а смотрелось это крайне странно и совсем не по-человечески) я понял, что сомневался зря. Сиганув за ней, я в два прыжка перемахнул лестницу, оказался рядом и повалил ее на дорогу. Мы снова сцепились и покатались кубарем куда-то вбок, по наклону земли. Я отпустил ее и отпрыгнул в сторону, она прокатилась еще несколько раз кувырком и застыла в пыли на четвереньках. По-змеиному поведя головой, она уставилась вправо, на выкаченный из гаража мотоцикл Эль-Марко и восседающего на нем Романа.

— Судьбоплет! — радостно воскликнула девушка, поднимаясь на обе ноги. Протянула к Ромке руку и начала медленно идти к нему. — Вот же он!

— Рома, прячься в гараже, закрывай двери! — на бегу проорал я, снова сбивая девушку с ног в прыжке. Эта была не такой тяжелой, как прошлая, но для своей внешности имела тоже очевидный перевес.

В первый раз, когда мы катились по дороге, она как будто бы не замечала меня и была в недоумении, отчего это ей не удастся подобраться к мальчишке. В этот раз она, кажется, начала что-то понимать и отвесила мне пару неплохих затрещин, хоть и явно — наугад. Барышня не была слепой. Отчего же она меня не видит?..

Я наконец зафиксировал ее на асфальте, но держать ее мне стоило больших трудов. Мне, казалось, банально не хватает массы. Я глянул влево: Ромки видно не было, а из гаража вышел Эль-Марко со своим несменным цилиндром, но не на голове, а в правой руке.

— Мйар, отпускай ее, — крикнул он. — Отпускай и беги сюда!

Я не стал спорить и отпрыгнул в сторону, позволяя тем самым девушке встать.

Она заметно ускорила шаг. Прямо на наших глазах у нее стали удлиняться голени и предплечья. Она шла к гаражу чуточку неуверенно, но очень целенаправленно. Когда она подошла к Эль-Марко почти вплотную, то уже заметно возвышалась над ним, а волосы ее

подметали дорожную пыль.

Эль-Марко задрал голову, смотря на нее, но она на него не смотрела. Ее целью был Роман, который, как я ему и сказал, укрывался в гараже.

— Эль-Марко, блин, ты что задумал? — закричал я, подбегая. — Она же сейчас!..

— Тихо, — оборвал меня Кападастер. — Смотри.

Девушка с непропорционально длинными ногами, похожими теперь больше на задние лапы животного и такими же уродливо-длинными руками пыталась улыбаться Ромке. Она на самом деле пыталась приветливо улыбнуться мальчику, вот только это я понимал, что это у нее такая улыбка, а видел ли это Роман — еще вопрос, потому как по-звериному вытянулось и ее лицо, а улыбка обнажала теперь ряд острых желтоватых зубов.

— Ромочка, — различил я за невнятным полурыком и ужаснулся. Что же она такое? Может, это сам Роман призывает этих монстров? Неудачные попытки начинающего чародея создать... идеальную девушку?.. Бред!

— Я тебе не Ромочка, — угрюмо и зло ответил мальчик, отводя протянутую к нему длинную жилистую руку с желтыми неровными когтями.

Они недвижно стояли друг напротив друга в холодной темноте гаража, и пока никто не решался двинуться, откуда-то сверху раздался оглушительный рев мотора. Я инстинктивно повернулся на шум: Никола в прыжке преодолела лестницу на своем стальном "коне" и, тормозя, развернула его полукругом.

Дальше все происходило даже как-то слишком быстро, как во сне.

Плечи и так уже мало похожей на человека блондинки стали дергаться и морфироваться, из нее полезли дополнительные руки и шипы, позвоночник оцетинился острым гребнем и вытянулся в длинный узкий хвост. Она снова потянула все еще меняющуюся руку к Ромке, и в этот же миг со звуком выстрела ее откинуло вглубь гаража. Над ее левой грудью дымилась дыра от насквозь прошедшей пули. Не медля, Эль-Марко разрядил в нее еще половину обоймы. Я, повинувшись инстинкту, схватил опешившего Ромку и вытащил на улицу, и мы вместе с ним тут же закрыли двери гаража снаружи на большой железный засов.

Через две секунды тварь стала колотить в двери изнутри так, что казалось, все здание трясется.

— Мйар, она вырвется оттуда очень скоро, так что нам нужно срочно зажать тебе струну, — Эль-Марко небрежно сунул 'парабеллум' за пояс сзади.

— Понял, — кивнул я. — Значит, я с ней. А вы?..

— Мы с Ромкой и Николой рванем, как и намеревались, к маяку. Камориль звонил. Там и встретимся.

— Ждите меня, если что, — попросил я перед тем, как Эль-Марко запечатлел у меня на лбу свой особенный поцелуй, открывающий во мне ранее сокрытые таланты. Я почувствовал, как его рука входит мне в живот где-то в районе солнечного сплетения, легко, как тесто, перестраивая что-то там, внутри. Затем он поцеловал меня в закрытые веки, прикасаясь очень легко, едва ощутимо.

— Достаточно, — порешил он, сграбастал в охапку пацана и усадил на свой мотоцикл.

И пока моторы ревели, никто не слышал моих криков. Потому что я, похоже, от той странной твари мало чем отличаюсь. Или она от меня. По крайней мере, по ней не скажешь, что ей больно... А вот меня трансформация скручивает так, что сознание затуманивается, и я забываю, как дышать. И это хорошо, да, очень хорошо, что Ромка уехал и не увидит меня

таким, в моей "боевой" форме.

Я меняюсь не так значительно, как эти странные чудовища, но на себя обычного я мало похожу. У меня тоже искажаются пропорции, становятся не совсем человеческими. У меня отрастают прочные острые когти, я начинаю хотеть мяса и крови, все мышцы выступают рельефно и остро. Камориль говорит, что я похож на большую дикую кошку, которую не кормили с месяц, но он горазд приукрашивать. Голые кошки на редкость уродливы, а я при трансформации шерстью не обрастаю. Но все это — внешне. Главное — внутри. И это не только нестерпимое желание свежего мяса, сейчас же и побольше, нет. Меня самого более всего удивляет, что в таком измененном состоянии я воспринимаю любую поверхность как горизонтальную, людей — медлительными и мягкими, а время и пространство — растяжимыми и не линейными. Пребывание с "зажатой струной" — это ни с чем несравнимый опыт. И это Эль-Марко еще меня пощадил. Или ту тварь пощадил... Потому как сейчас все эти эффекты не так остры, как могли бы быть, и мир, который я вижу, все еще более-менее похож на привычную реальность. Да и я более-менее похож на себя самого. И я все еще помню, что можно, а что нельзя.

И когда волшебство отпустило меня, будто бы собранного заново, мощный толчок выгнул металлические двери гаража, а следующие два вынесли их напрочь.

Разгоряченная и обезумевшая тварь смотрела на меня и теперь уже, кажется, видела. Хотя нет. Она не видела меня, но, наверное, научилась различать, где нет ничего вообще (там, стало быть, я), и где все существует. Да, так и есть. Я понял это отчетливо.

И она, не разбирая пути, набросилась на эту пустоту, которой я ей виделся, со всей своей бесстрастной яростью и бездумной покорностью силам, которые ею руководят.

И я понял, что в этот раз мне незачем бежать, и что тут, хочешь или нет, а нужно... убить ее. И я не испытывал к ней ни ненависти, ни жалости, мне только было чуточку горько от того, что в мире есть такие чудовища, явно живые и наверняка уж сколько-нибудь разумные, которые не нужны никому, вообще никому.

И пока я думал о вечном, тварь нанесла удар. Я вовремя заблокировал его рукой.

И — о чудо! — на моем предплечье не осталось ни следа от удара. А била тварь явно не слабо. Она тут же набросилась снова, а ее вытянутые челюсти щелкнули прямо у меня перед носом. Пахло гнилью и, почему-то, больницей. Я наотмашь ударил когтями, и по ее туловищу прошли полосы, начав сочиться алым. Тварь дернулась. Но ежели ее пулевые ранения не смутили, то что ей те мои царапины? Она отпрянула, прогнулась, повела головой и, присев, прыгнула на меня, оцетинив все свои неслитанные руки, ручки, когти, шипы и зубы. И я бы мог ступить в сторону, но я решил встретить ее удар.

Она промахнулась. Как будто бы скользнула по мне, как по льду, не задев меня вовсе.

И вот тогда меня затрясло.

Меня что, не существует? Только для нее или... вообще?

Пока тварь вертела головой, разбирая, где же я теперь, я стоял недвижно и думал. Потом нагнулся и подобрал полутораметровый металлический засов, оторванный от дверей гаража. В таком состоянии я поднял его, как пушинку, но инерция никуда не делась, и меня слегка повело, когда я размахивался им для удара. Металл вгрызся в плоть. Жуткое существо отшвырнуло к стене, и, судя по звуку, удар переломал ей пару костей. Пока она вставала, явно путаясь во множестве своих рук, я ударил с разбега еще раз. Тупой кусок железа в кровь калечил и так больное уродливое существо, а я бил и бил. Раз пять, а то и десять. У меня все руки уже были в крови, и меня все еще яростно трясло, но я остановился только когда тварь

затихла.

Смотря на кровавое месиво, отвратно бликующее на полуденном солнце, я подумал, что где-то уже видел такое... много, много раз я видел такое. А когда я выпустил железный засов из рук и тот упал в дорожную пыль, капли чужой крови на моей коже стали дымиться. Они стали нагреваться и жечь меня! Они как будто бы вонзались мне в кожу, в мясо, в кости, а тварь, размазанная на дороге, стала собираться в целое, она стала регенерировать прямо на глазах.

— Да что ж ты за жесть такая, — тихо взмолился я, отступая на пару шагов. Так быстро никто на моей памяти не регенерировал. Даже в руках у целителя.

Все, куда попала кровь существа, было у меня теперь в болезненных ожогах, а собравшаяся воедино тварь стала еще меньше походить на человека, чем раньше. Это было что-то отдаленно напоминающее морского ската, только собранное из почти что людских рук и ног разных размеров, покрытое кровавой коркой вперемешку с изодранной кожей. Оно вспучилось, стало из плоского выпячиваться куда-то вверх, силясь, кажется, сложиться в человеческую фигуру. Это фантазмагорическое зрелище лишило меня способности соображать и двигаться. Что это вообще? Это надо убивать? Как это убивать? Как?

На, предположительно, голове существа открылось множество звериных зеленых глаз, из плеч снова полезли руки, многосуставчатые, с разным количеством пальцев, отовсюду стали расти волосы. Существо было похоже на бурлящий суп: из него все росло, очень быстро, и, кажется, совершенно хаотически.

А я стал чувствовать, как на меня наваливается холодная, отупляющая усталость, совсем не характерная состоянию "зажатой струны". Я посмотрел на свои руки в ожогах — и это были руки дряхлого старика.

— Да что ты такое вообще?! — уже громко прокричал я, снова хватаясь за железный засов.

Ответа мне не было, засов показался неподъемным, а бурлящая масса, видом своим повергающая меня в ужас, медленно двигалась ко мне, отрачивая новые конечности одну за одной и как будто желая обнять меня.

И тут я услышал стук ее сердца. До этого сердца не было, — но вот оно появилось. Аритмичное, многокамерное, неясно как вообще работающее, оно звучало внутри головы этого существа, и именно поэтому каждый животный зеленый глаз ее слезоточил кровью. Вот оно что. Сердце — в голове. Нарочно не придумаешь!

Зачем тебе сердце в голове, чудовище? Это же так... непрактично.

И я собрал все силы вместе и прыгнул, налету вцепившись когтями в эту самую голову, стал резать тысячу ее глаз, рвать артерии и вены, а потом резким рывком сломал позвоночный столб и отпрыгнул, пока сотня ее когтей не вонзилась в меня.

Голова чудовища оторвалась и покатила по дороге, зловонная масса стала оседать и дергаться в агонии.

Я оглянулся на дергающуюся бардовую массу.

— Мага бы... сюда... элементалиста, — прошептал я, дрожа, — сжег бы все это... напрочь.

Но мага не было. Мне же не хотелось трогать эту массу больше ни одним пальцем. Мне

даже смотреть на нее не хотелось. Я, пошатываясь, прошел пару шагов, а потом меня все-таки вырвало.

Потом... весь мир, как в тумане, хотя светит яркое солнце. Я иду, и я все еще не похож на себя самого, у меня все еще длинные острые когти и слишком широкие плечи, мое тело постепенно наполняется силой, которую дает, кажется, сама земля и воздух, но разум мой закрыт, я почти ничего перед собой не вижу. Я сажусь на камень, и постепенно начинаю видеть. Передо мной — море, что есть глаз, синее, хрустальное. Во всей физической силе этого тела я остаюсь маленьким испуганным зверьком. Я так боюсь того, чего не понимаю.

— Ну Мйар, ну полно те, ну ты же победил ее, — говорю я сам себе.

— Кого — ее? — спрашиваю сам у себя.

— Ну, эту... кровососущую тварь... кем бы она ни была. Все враги, в конечном итоге — мясо на костях, так какая разница, которое резать? Все равно, что курицу разделывать.

— Ты не понимаешь, — ответил я, — я слишком долго жил там, где не было никаких потрясений, и я открыл себя для того, чтобы лучше чувствовать эту тишину и различать оттенки этого покоя. И эта кровь — как острый перец, имбирный чай — она меня обожгла.

— Не ной, — приказал я себе и замолк.

Посмотрел на руки. Ожогов не было — уже затянулись. Но костяшки белели отчетливо, и очень явственно проступали вены на обтянутых кожей костях. Ничего... Когда музыка перестанет играть... когда мир успокоится... меня отпустит, и я снова стану таким, как был. Пара тортов с вишней и пирогов с рыбой — и я есть я, никто не заметит подмены.

Я заставил себя встать и потащился по пыльной дороге на север. В двадцати минутах ходьбы ждет автобусная остановка, с которой я смогу уехать на маяк. А пока я иду по обочине, она пылит, меня обдает воздухом от проезжающих мимо фур, надо мной летают чайки и ласточки.

Я не уверен, убил ли я тварь во второй раз, ведь я не знаю точно, на что она способна. Может быть, она трижды оживет. А может быть, это та же самая, что и той ночью. Тогда — не страшно. Если мы с ней встретимся третий раз, быть может, я уже привыкну ее убивать.

Через двадцать минут Мйар и правда дошел до остановки, одиноко притаившейся среди песка и солончаков. Он сел на металлическую лавочку и стал ждать. Автобуса все не было и не было. Мимо остановки прошел старик с вяленой рыбой на проволочных кольцах, и в меру своей сердобольности сообщил Мйару, что на дворе выходной день, а это значит, что последний автобус на маяк был с час назад. Вероятно, симпатию старика Мйар заслужил крайне потрепанным видом и крайне печальным взглядом, а может, просто человек хороший попался.

Мйар, вздохнув, слез с лавки и поплелся пешком дальше. Так он шел часа два, по привычке размышляя о все том же пресловутом 'вечном', а так же о том, как забавно мозг интерпретирует любые выходящие за рамки обыденности инциденты, превращая их в простые сновидения. Ведь не раз и не два люди видели и его собственные сверхъестественные проявления, и никак не стереть из памяти человеческой былые времена, когда магов и чудовищ было куда как больше, а вот на тебе — все живут спокойно, и в ус не дуют. Толерантный век. Люди как будто бы не хотят видеть и вспоминать. Открещиваются от всего этого, как от бездомных, нищих и умалишенных. А если инаковость все же напомнит о себе, проявившись слишком ярко, то... Кто-то забывает об ужасе столкновения с необъяснимым тут же, кто-то воспринимает это как сон и шутки воображения, кто-то пишет

об этом романы. И в то же время вера в чудеса присуща человеческим детенышам с самого рождения и лет этак до десяти. Она, бывало, и после остается, невероятно тесно сплетенная с тоской по несуществующему и страхом избавления от этой тоски. Только вот тем, кто раскопал истину — правдивую историю и действительное настоящее, — пожалуй, не позавидуешь.

Мимо идущего по обочине Мйара несколько раз проезжали легковые автомобили, обдав его мелкой пылью, дорогу ему перешло уже не одно стадо кудлатых рыжих коров, а однажды мимо него, обогнув по бокам, с возгласами и улюлюканьем проскакали двое ребят на лоснящихся от пота гнедых лошадях. Ребята были тоже лоснящиеся, тощие, загорелые и на вид оба еще не разменяли и десяти.

Всю дорогу по правую руку дышало море, а солнце немилосердно припекало плечи и голову.

Когда на самом пределе зрения Мйар различил белое марево маяка, его обогнал раздолбанный автобус с пыльными мутными окнами, бывший некогда лазурным, а теперь — грязно-голубой. Он проехал немного вперед и зарулил на обочину. Мйар поравнялся с транспортным средством, даже не надеясь, что владелец оногo как-то поможет ему добраться до места назначения.

— Ну, чего смотришь, залезай! — окрикнул Мйара водитель с пышными усами.

Мйар забрался на ступеньку и уточнил:

— До маяка довезете?

— Довезет, довезет, — послышался знакомый голос.

Мйар с удивлением опознал в самом конце автобуса рассеявшегося на целых два сидения Камориль.

— Мйар, не тупи, заходи, мы и так человеку выходной испортили!

— Деньги — они в выходной день особенно не лишние, — не согласился водитель. — Счас вас с ветерком довезу! Я туда, на маяк, часто парапланеристов вожу, там же обрыв, гора и ветры хорошие, подходящие!

Подойдя к Камориль, Мйар рухнул на сидение впереди него и, обернувшись, произнес с нескрываемой радостью и изумлением:

— А я думал, такого не бывает! Ну, чтобы вот так...

— Я тоже рад, что мы с тобою снова встретились, — кивнул Камориль.

— Камориль, ты не поверишь...

— Да уж куда я денусь. Рассказывай. У меня тоже новости есть кое-какие.

— А как ты так быстро успел?..

— Чего это быстро? Сейчас уже почти вечер, вон, часа через два солнце сядет. Пить хочешь?

Мйар отхлебнул предложенного лимонада и... его наконец совсем отпустило. Чувство реальности вернулось. Вот он — Камориль, его немного покачивает, когда автобус подпрыгивает на неровностях дороги, все живы и здоровы, а лимонад — сладкий.

И так это было хорошо, что Мйару захотелось это как-то выразить, вот только разборчиво он не смог.

— Эх! — сказал он. — Ух!.. Как же... Все-таки... ох, как же, а!

Камориль рассмеялся, забрал у Мйара лимонад и углубился в чтение состава, пытаясь найти там запрещенные вещества.

— Ну, чего там у тебя? — спросил он ласково.

— Мне пришлось бороться с похожей тварью снова, — со вздохом ответил Мйар. — Если в прошлый раз она как-то сама издохла, то в этот раз мне пришлось ее два раза самому убить, вот этими руками. И будь я проклят, если мне это хоть каплю понравилось! Вот уж не хотел бы я повторения такого опыта!

— А я... — медленно протянул Камориль, глядя куда-то вниз, — ездил к сестре. И она сказала, что некая 'Богиня' во сне приказала ей меня убить.

— У тебя есть сестра? — удивился Мйар.

Камориль посмотрел на него тяжело и молча, как обычно он смотрит на людей, задающих глупые вопросы, но все-таки ответил:

— Вообще-то, у меня есть два брата, но один из них сменил себе пол хирургически.

— О-о, — Мйар поднял брови, — вот оно как... Так это, значит, у вас семейное...

— Порою ты охренительно нетактичен, — серьезно сказал Камориль. — Но я не могу тебе чего-либо не прощать. Будь добр, пожалуйста, не шути об этом. Хотя бы при мне.

— Да я... ладно, ладно, — Мйар почесал лоб. — Прости.

— И как тебе удалось убить ту тварь? — поинтересовался некромант, меняя тему. — Струну зажимали?

— Угу. Чуть-чуть. Как Эль-Марко это делает, понять не могу... Но не суть. В общем, эта меняющаяся субстанция обрызгала меня своей кровью и, видимо, через нее выжрала у меня силы, а потом собрала себя снова из каши, в которую я ее размазал. И собралась она в нечто настолько мерзкое, что я даже описать не могу. Но у нее сердце было в голове, и я ее оторвал.

— М-да, — протянул Камориль. — И что, все это мясо теперь там, на улице, валяется?..

Мйар скривился, как будто лимон съел.

— Угу. Если не ожило и не убежало.

— Понятно, — Камориль уставился в мутное окно. Через мгновение перевел взгляд на Мйара, выждал пару секунд и спросил задумчиво: — А вот скажи мне, Мйар... Ты в бога-то веришь?

— В Утраченного? — переспросил Мйар.

— В Потерянного...

— Ну, тогда уж в Потерявшегося, — он немного подумал и просто ответил: — Да, пожалуй. А почему бы и нет, а? Ну, ходит где-то по суше парнишка, который не может умереть и потенциально способен творить чудеса, и сам не в курсе, и никто больше. А может, он где-то там живет, где никто о нем и не знает? Где нет никаких храмов с пламенем самоубийц. Ходит и, например, даже писать не умеет. А ты веришь?

— Не очень, — признался некромант, — я же и так нашел себе 'солнце в щели'. Кто ж им, верующим, виноват, что они его не знают.

— Ты о чем?..

— Ну, в смысле, последователям Потерявшегося бога нужно что-то, во что верить и для чего жить, а мне ничего такого не надо извне. Но я не о том. А в 'двоих' ты веришь?

— Двое? Это которые Ключник и Затворница, Путь и Цель...

— Ага, и тысяча остальных диад, все из которых не упомнишь. Так как насчет них?

— Ну, Йер, насчет них я объективно считаю, что это — просто такие местные сказки, традиционные, что ли... Мифы и легенды, в общем. И, думаю, вряд ли у них были какие-нибудь по-настоящему серьезные прототипы... То есть, ты что узнать хочешь? Могут ли они представлять собой реально существующие сверхъестественные силы, вот прямо сейчас и

здесь существующие, которым есть дело до жалких людишек и сочувствующих?..

— Типа того.

— Думаю, это архетипы, не более. Да, славные у нас с тобой темы для беседы в транспорте.

Некромант хмыкнул.

— Как всегда. Знаешь, я просто не могу понять, выдумала ли моя сестрица ту 'Богиню', или, может, и правда что к ней пришло... Может, это было вовсе не сверхъестественное существо, а чья-нибудь вполне себе логически объяснимая уловка. Шутка какого-нибудь мага из этих... Которым подвластны сны. Ведь 'Богиня' являлась к ней именно во сне. Роман тоже страдал от страшных снов. А ты, когда пришел ко мне тогда, в тех своих светло-голубых стрейч-джинсах, рассказывал про свой собственный страшный сон, где ты был бесперспективно влюблен в какое-то невообразимое чудовище женского пола. Что-то мне подсказывает, что все это — звенья одной цепи, клянусь твоей аппетитной...

— А-а, вот еще что! — спохватился Мйар. — Та тварь, с которой я дрался, меня не видела! Как и первая.

— А в том твоём сне чудовище тоже было слепым?

— У него были глаза, похожие на красные яблоки, а видело или нет... — Мйар замер. — У меня мурашки по коже побежали, Йер. Вот прямо сейчас. В том моём сне монстр тоже меня не видел!

— Отлично, — Камориль откинулся на сидении. — То есть, к тебе наяву приходят существа из кошмаров?

— Выходит... что так. Но... проклятье. Это разве возможно?

— Ты это спрашиваешь у меня? Ты, внимание, у меня? — Камориль захохотал. — Нет ничего невозможного, Вирамайна Мйар!

— Ага, есть только ключ от всех дверей, кроме одной, — Мйар не разделял его веселья.

— Кстати, о ключах, — Камориль вытащил из кармана телефон и стал там что-то проворно набирать. Потом замер, читая, покивал чему-то и с грустью резюмировал: — Итак, мне пришел ответ из гильдии некромантов. В архивах гильдии такого артефакта как 'ключ от всех дверей, кроме одной' не значится. То есть, там его наверняка нет, и упоминаний в базе тоже нет.

Мйар скептически хмыкнул.

— Ну, надеюсь, Эль-Марко больше повезет.

Мы прибыли к маяку, когда солнце уже почти нырнуло в морские объятия. Скрипящий старый автобус, кренясь, развернулся и поплыл в закат, оставляя за собой шлейф потревоженной пыли.

Сам маяк располагался на невысоком каменистом мысе, в основании которого вальяжно почивали острые на сколах, массивные темные бульжники, поросшие водорослями и мидиями. Вокруг нарезали крутые виражи чайки и жирные, породистые голуби. Снизу к маяку тулился небольшой белый домик, возле которого, бесстыже сверкая на солнце полированными боками, были пришвартованы мотоциклы Эль-Марко и Николы. На фоне всего этого высилась одна из множества старых гор, свойственных этой местности. Гора как будто бы стремилась окунуться в море поглубже, и так уже похожая на собравшуюся полакать молока кошку.

Мы здраво рассудили, что искать Эль-Марко и ребят нужно внутри этого белого домика, а потому именно туда и направились.

Камориль что-то замешкался, а потом и вовсе остановился, уставившись на море и на закат.

— До ужаса романтическое место, — заметил он.

— Ага, — согласился я. — Сюда бы Мари как-нибудь вытащить, на камнях посидеть...

Камориль ничего не ответил. Не то чтобы с ним нельзя было поговорить о женщинах — обычно это вполне возможно, без проблем, но тут он чего-то решил не поддерживать тему.

— Пойдем, — позвал я.

Камориль снова смолчал и последовал за мной.

Дверь в дом при маяке была деревянной и побелена известкой. Я на всякий случай постучал и потянул ее на себя.

Батарей знакомой обуви на пороге меня крайне успокоила: вот кеды Эль-Марко, кроссовки Ромки и, кажется, мягкие бежевые ботинки Николы, ну и чьи-то еще башмаки, вероятно, хозяйина (хозяйки?) дома.

Мы тоже разулись и, нырнув в тесный темный тамбур, вынырнули в такой же тесной, по-холостяцки аскетичной кухоньке, где Эль-Марко, к нашему удивлению, употреблял высокоградусный алкоголь в компании очень древнего на вид старика, движения которого, однако, были весьма бойкими.

— Таки и что это мы тут делаем?... — осведомился Камориль.

— Пьем за встречу, — совершенно четко и по делу ответил Эль-Марко. — Ребята, знакомьтесь, это Павел Фруслов, здешний смотритель.

— Очень приятно и добро пожаловать, — Павел приглашающим жестом обвел кухоньку. — Присаживайтесь, отведайте с нами водочки!

— И нам приятно, Мйар, — я пожал Павлу сухонькую руку. — Эль-Марко, а где Роман?

— Они с Николой пошли по берегу гулять.

— Босиком, видимо, — заметил Камориль.

— Да Мйар, не волнуйся ты, — Эль-Марко привстал, взял меня за локоть и принялся усаживать на деревянную лавку. — Вот, с нами сядь, успокойся, все в порядке.

— Да я, как бы, не уверен, — хмуро ответил я. — Видать, потому как этих тварей

крошить приходится мне, ты не осознаешь, насколько это все... омерзительно, омерзительно и плохо.

Эль-Марко поднес палец к губам, мол, 'тшш' и одновременно покосился на зрителя маяка.

— А ты все равно не волнуйся, — Эль-Марко подмигнул мне. — Там же Никола.

— Эль-Марко, я, как никто другой, представляю себе, насколько Роману не поможет девочка ее возраста, если за ним снова явится... то самое.

— Кажется, Эль-Марко нам чего-то не договаривает, — подал голос Камориль. — Ну-ка давай начистоту, а.

— Секундочку, — Эль-Марко поднялся из-за стола и стал выбираться к нам. — Пойдемте тогда, времени не теряя, их поищем. Заодно сверим часы. То есть, обмозгуем, что и как.

Он исчез вместе со зрителем где-то в других комнатах дома, а потом появился, уже один, неся в руках охапку шерстяных одеял, которую вручил мне. Потом Эль-Марко снова на мгновение исчез и вернулся, держа перед собой пакет с какой-то едой и подозрительно позвякивающим стеклом.

— Пойдемте, — скомандовал он. Прокричал куда-то вглубь дома: — Павел Игнатьич, мы не прощаемся, мы еще вернемся, так что уговор в силе!

Старик ответил ему что-то неразборчиво-утвердительное, и мы вышли в сгущающиеся сумерки.

— Эль-Марко, — начал я из-за охапки пледов, — ну слушай, ситуация правда серьезная, зачем ты отпустил...

— Мйар, успокойся, — повторил Кападастер. — Я при старике говорить не хотел, но ты, в общем, забыл, что ли? Никола же — огонек.

— Кто? Что? — не понял я.

— Эль-Марко как бы намекает тебе, что девочка — юный элементарист из пирокинетиков, — разъяснил Камориль.

— Ох ты ж, да что ж такое-то! — возмутился я. — Вокруг меня что, нормальных простых людей нет? Откуда вы их берете, всех этих колдунов и волшебников? Где вообще нормальные обыкновенные люди?..

— Ну вот тебе Павел Игнатьевич, — он просто... старик, — пожал плечами Эль-Марко.

— И тем не менее, — продолжал я, — девочка очень уж юная, самоуверенная, конечно, но, Эль-Марко, ты же видел ту жуткую тварь, чего же ты Ромку от себя отпустил?..

— Мйар, я не могу его заставить рядом с собой быть постоянно, — немного обиженно заметил Марко. — Это он от тебя не отходит, а сюда мы как приехали — он очень живо выразил желание исследовать прилежащую местность, и Никола его поддержала. Они же дети, Мйар.

Я вздохнул.

— Ну ладно. Но сейчас я тебе расскажу, что потом стало с той блондинкой в бикини, когда вы уехали — ты поймешь, чего это я негоуюю.

Тут из-за камней показались, собственно, виновники нашей мелкой размолвки — Роман с Николой. Ромка был без футболки, в одной пайте на голое тело, а в красной тряпке, ранее служившей футболкой, он что-то тащил.

— Зубоскал! — радостно воскликнул мальчишка. — Смотри, а мы мидий надрали! Давайте их жарить! И рапанов вот чуть-чуть!

У меня от сердца отлегло.

Через четверть часа в бухточке, защищенной от ветра, горел небольшой костерок, в котором на найденной кем-то железной пластине весело шкварчали и открывались одна за одной крупные черные мидии. Мы расположились вокруг. Ромка, я и Эль-Марко кутались в пледы, а Никола и Камориль, казалось, холода не замечают вообще. Я хотел было согнать Николу с холодного песка хотя бы на погнутую корягу, но девчонка наотрез отказалась, а я решил, что ей виднее.

— Ну, так когда будут известия из гильдии целителей? — спросил я животрепещущее.

— Голубь вернется минимум на рассвете, — Эль-Марко отпил вина из горла. — Тут такое дело. А у вас какие новости?

Камориль отобрал у Кападастера бутылку и передал ее мне.

— Опять ты меня спаиваешь! — возмутился я.

— Захотел бы — спойл бы, — как-то бесцветно ответил Тар-Йер и принялся рассказывать Эль-Марко о видениях своей 'сестры'. А потом он и про исход моего боя с той тварью рассказал, и хоть он пересказывал с моих слов не совсем точно, я был благодарен ему за это, ведь в его устах история звучала куда как менее обреченно, а я из живодера превратился в благородную жертву неправомерной агрессии.

— Из этого всего я делаю очевидный вывод, что на мальчика нападут снова, причем в ближайшее время, — наконец подытожил Камориль. — Но врасплох нас теперь не застать. Не знаю, насколько эти наши враги разумны. В целом нам известно мало. А значит, нам надо узнать больше.

— Совершенно согласен, — кивнул Эль-Марко.

— И у тебя уже есть идея, как нам это сделать? — обратился я к некроманту.

— Ну, не без того, — улыбнулся он. — Значит так, смотри сюда. Оба раза, когда тварь нападала, она сначала была нормальной человеческой девушкой, так?

— Так, — согласился я. — Ну, нормальной или нет не знаю, но выглядели они, эти барышни, вполне себе по-людски.

— Вероятно, — продолжал Камориль, — существует какой-то 'спусковой крючок', момент или событие, после которого тварь начинает морфировать. Может, это происходит тогда, когда она видит Ромку? В любом случае, изменившаяся тварь весьма агрессивна, и, полагаю, толку от нее будет немного. Таким образом, нам надо поймать ее до того, как она превратится.

— Поймать? — уточнил я. — Поймать и что?..

— И узнать, что это, в конце концов, такое. Оба раза, что ты с ними дрался, меня рядом не было. Так бы я хоть в момент смерти смог какие мысли считать. Ну так вот. В следующий раз мы должны добыть столько информации, сколько сможем. В идеале — мы должны заполучить тварь еще в образе девушки. Может быть, эти дамы теряют разум при трансформации. От боли, например.

— Или от шока, — предположил Эль-Марко.

— Или от болевого шока. Собственно, как ты предлагаешь действовать? — серьезно спросил я.

Камориль немного помолчал, потом продолжил:

— Тут есть два варианта. Или даже несколько. Первый: при встрече с существом (а это не обязательно будет девушка, мне кажется) мы с тобой будем ее удерживать, а Эль-Марко вколет ей чего-нибудь феерически-седативного.

— Даже если я не успею ей чего вколоть, мне достаточно коснуться ее, — добавил Кападастер, — чтобы быстренько провести диагностику, что там у нее внутри.

— Страшный ты человек, — покачал головой Камориль.

— Почему страшный? — это спросил Ромка, до сего внимательно слушавший нашу беседу.

— Потому что целитель-целитель, а смертоносен как шаровая молния, — Камориль поцокал языком. — Практически, если брать в расчет нормального живого человека, Эль-Марко может убить его в два счета одни прикосновением.

— Эй-эй, ну полно тебе, — Эль-Марко замахал руками, — такие ужасы рассказываешь! Я бы такого никогда не сделал!

— Человек — очень сложная машина, и местами хрупкая. Радостно выросшая лишняя перегородка в трахее скосит кого угодно в течение пары минут, — беспощадно продолжал Камориль. — Так что, Эль-Марко, если ты прикоснешься к ней, и что-то пойдет не так, например, ты не успеешь вколоть седативное или еще что, — не раздумывай, убивай.

— Скажешь тоже, — Эль-Марко сконфуженно отвернулся, пытаясь представить дело так, как будто бы он просто на море смотрит.

— Таким образом, так или иначе, мы наконец узнаем, против чего боремся, — продолжил Камориль. — Мы и так знаем немало о самом монстре: тварь морфирует; тварь не видит Мйара; тварь охотится за Ромкой; тварь не хочет Ромку убивать, скорее всего, она хочет его украсть; тварь способна регенерировать, вытягивая жизненные силы у оппонента. И, — но тут уж я могу только предполагать, — тварь эта является лишь инструментом в чьих-то руках, ибо заменима себе подобными несчастными существами.

— Вампирами запахло, — поежился я. — Камориль, помнишь, как на тебе кровь высохла тогда, у креста?

— Ну.

— А что это такое было? Это ты тоже жизненные силы впитал?

— Я-то? Это была кровь мертвеца, так что я впитал... нечто другое. Но, по сути, ты прав. Отличие лишь в том, что я впитал непосредственно то, что было в крови. А тварь наша, судя по всему, через свою кровь установила с тобой, Мйар, связь, и пила силы из самого тебя, вполне еще живого.

— Жесть какая-то, — поежился я, припоминая дневные события. — Так это не может быть связано с вампирами?

— Мне кажется, нет, но если хочешь, можно заехать завтра к главе клана, узнать, так сказать, из первых уст, — Камориль пожал плечами. — Кстати, это вполне даже можно устроить, ибо глава нашего местного клана вампиров торчит мне коньяк.

— Сколько можно пить?.. — возмутился я. — Спиртное разрушает мозг!

Камориль рассмеялся. Видимо, с бутылкой вина в руках мне не стоило так категорично высказываться.

— Ну чего ты ржешь? А? — спросил я негодуя. — Ни капли в тебе серьезности, Камориль Тар-Йер!

Впрочем, негодовал я совершенно безрезультатно — 'смешинку' съели теперь и остальные. В общем, серьезное обсуждение дел пришлось прекратить и заняться плотной поеданием мидий.

Над морем потихоньку загорелась луна, а ветер стих.

— Никола, а ты сможешь, если что, сообразить нам заморозку? — спросил Камориль у

девчонки.

— Эх вы загнули, будто не шарите вообще, — буркнула она. — Жарка и заморозка — это совсем разные вещи! Если я элементалист, это не значит, что я управляю тучками и могу собрать силу солнышка в средний палец!

— Полно те, — Камориль отмахнулся, — принцип же один и тот же! Только наоборот, разве нет?

Никола насупилась, обдумывая.

— Нет, — сказала она. — Это как если бы поглощающий маг стал энергию отдавать. Типа, вкачивать. Совсем другое. Так не делают. Если я — огонек, то и все! Точка.

— Хм.

Видно было, что Камориль не согласен. Ромка удивленным не выглядел — вестимо, Никола уже рассказала ему, кем является, а то и показала пару фокусов с огнем.

Я пошерудил в костре веткой.

— Камориль, а зачем нам заморозка?

— Это если снотворное не подействует на твоего очаровательного монстрика, — пояснил он. — Ну, нет так нет. Хотя я уверен, что через пару десятков лет ты, Никола, вспомнишь эти наши посиделки, виртуозно сочиняя лед для коктейля в форме рогатой наковальни.

— Еще чего! — фыркнула девочка.

— Таки примерный план на завтра ясен, — подытожил Камориль. — Эль-Марко, а когда нам ждать вестей от целителей?

— На рассвете, — ответил Кападастер, пробуя пальцем, не обожжет ли его печеная сосиска на палке, — Я ж говорил уже.

— Ага, — Камориль, наклонив голову, смотрел, как Эль-Марко пытается есть сосиску так, чтобы жир не капал на штаны. — Хорошо... Допустим, у целителей тоже нет информации касательно ключа от всех дверей. У нас остаются элементалисты и чтецы. Николе сведений, скорее всего, не выдадут, мала еще.

— Эй! — не преминула возмутиться та.

— Что 'эй'? Это даже не критика, а констатация факта, — Камориль набрал в ладони песка и стал пересыпать его из руки в руку. — Значит, надо искать помощи извне нашей теплой компании. У меня много знакомых магов.

— Вот к кому тебе надо было обращаться, — кивнул я Ромке, который тоже ел сосиску. — Когда ты хотел узнать о местных чародеях и прочей нечисти. Камориль у нас светская персона, говорят, у него харизма льется из ушей.

— В твоих устах, Мйар, этот комплимент звучит как-то... не очень, — Камориль соорудил унылую физиономию. — За что ты так со мной?..

— Ай! Камориль! Лучше рассказывай, что там за маги! Считай, я ничего не говорил!

— Но я все запомнил, — покивал некромант. — Так вот, собственно, кандидатов на прошение о помощи не так уж мало, мне даже как-то сложно выбрать...

— Это должен быть старец в очках, — предположил Ромка, — по телевизору таких всегда показывают как самых умных, мудрых и знающих все-все-все. Да, в балахоне и с седой бородой. Бородой — лопатой.

Никола захихикала:

— И с совой, да!

— Ну, можно еще с вороном, — добавил Ромка. — С живностью какой-то, в общем. И в

библиотеке чтоб.

Камориль помолчал, задумавшись. Видать, перебирал в уме знакомых чародеев.

— А ведь и правда, — медленно проговорил он, — знаю я один экземпляр с заявленными характеристиками. Правда, сдается мне, он немного... того.

— Сумасшедший? — уточнил я.

— Ну... скорее, рассеянный, — пожал плечом Камориль. Посмотрел на Романа внимательней. — Ромка, а где, собственно, пластырь? И тебе что, сияющий мир более не мешает?

— Ой, — мальчишка хлопнул себя рукой по лбу. — Не-ет... Не вижу ничего такого. А пластырь... Ну, наверное, смылся, когда я купался.

— Ты купался в такой холодной воде? — испугался я.

— Да не волнуйся, дядька Зубоскал, меня Никола потом высушила и прогрела!

— Я нагрела песок, никаких проблем, — довольная собой, заявила девочка. — Очень удобно. Почти не напряжно. Я себя сама всегда так сушу.

— Роман, иди сюда, новый прилепим на всякий случай, — скомандовал Камориль.

Пока он доставал упаковку пластырей из кармана и шуршал ею, Ромка осведомился:

— А что это за пластырь такой, кстати? Я все хотел спросить. Как он мне 'волшбу прикручивает'?

— Это подарочек поглощающих, — ответил Камориль, — считай, что он двусторонний. Ни твоя магия, ни магия извне не проходит через твою голову. Конечно, оттяпать ногу призрачным лезвием тебе можно, но раскроить им голову — нет.

— Так может, мне целиком этим обклеиться? — задорно предложил мальчик.

Камориль покачал головой.

— У меня эта упаковка совершенно случайно оказалась. Это ж их стратегические запасы. Может, стоит оно и не дорого, но достать это трудно. Так что, будь добр, последи, чтобы нам их реже менять пришлось, хорошо?

— Ну ладно, — Ромка кивнул, — попробую. Хотя, мне кажется, что оно мне не надо уже, но вам видней, могу пока и поносить.

— Будь так добр, — улыбнулся Камориль.

— Так что, идем завтра к местному, как ты там сказал, главе вампиров? Или куда-то за седативным? Или к этому мудрому бородачу? — спросил я, отхлебывая еще вина.

— За успокоительным — это ко мне, у меня есть. Можно, конечно, рассредоточиться и послать тебя, Мйар, к бородачу, а Эль-Марко к вампирам, но этого нам, я считаю, категорически нельзя. Иначе же будет как в лучших образчиках жанрового кино.

— Сначала надо к тебе за препаратом, — порешил я, — чтобы при себе его иметь. А там — как пойдет.

— Отлично, — отвечивал Камориль.

А пока я глядел на луну и добывал остатки красного сладкого, ребята стали потихоньку собираться. Спать мы должны были в том самом крохотном домике при маяке. Там в самой большой комнате от стены до стены сооружена лежанка, упирающаяся прямо в стену с печью. Не совсем, конечно, удобно, и, несомненно, очень рискованно для некоторых из нас, — но терпимо. Как оказалось, именно о ночлеге договаривался Эль-Марко со зрителем маяка.

Никола сказала, что будет спать на кухне, на диванчике.

Эль-Марко сетовал, что Павел Игнатьевич будет храпеть, и раздумывал, а не подлечить

ли старика ненароком, хоть и не известно еще, будет ли с этого какой прок.

Я слушал их, как в полусне.

Вот уже Эль-Марко, Ромка и Никола отправились к маяку, прихватив с собой пакет с мусором. А я, сидя на песке, смотрел на море и вспоминал о том, как скучал по нему, когда был на Севере. Там, конечно, тоже попадались выдающиеся водоемы и даже другие моря. Но у этого — свой особенный, непростой характер, этакая соленая сладость. Оно — как карамельный соус с белой рыбой или как соленые кальмары с горячим шоколадом. Мне почему-то кажется, что если я и умру когда-нибудь, то ни за что не утону.

А Камориль засыпал костерок песком, и от поленьев, все еще раскаленных, летели искры-бабочки — ярко-красные махаоны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мйар был пьяненький и тепленький, как разомлевший на солнце кот, а вокруг шумела ночь, лунная, звездная и совершенно невероятная, прозрачная и глубокая, как прибой.

— Что-то вдалеке тучи какие-то собираются, — заметил Камориль, покончив с костром. — Это молния там сверкнула, да?

Он присел на песок рядом с Мйаром, задев его слегка правым плечом.

— Угу, красиво так. Облака в фиолетовый красятся и в красный, но оно очень далеко. Может, и стороной обойдет.

— Ну да, это же по радио, кажется, передавали ухудшение погоды, — Камориль чуть подтолкнул Мйара в бок локтем. — Ну, что сидишь? Спать пойдем.

— Сейчас, погоди секунду, — Мйар, казалось, и не думал никуда идти. — Смотри, Камориль, в каком месте мы живем. Я вот, сколько смотрю — мне не надоедает, и восхищаться не устаю. Простор, свобода от края до края, и не холодно, и вообще.

— Ну вообще-то довольно промозгло сегодня, если ты не заметил, — хмыкнул Камориль. — По крайней мере, вечером.

И они замолчали. Камориль было, что сказать Мйару, и этот сдержанный диалог о погоде никак не задевал интересующих его тем.

— Мне хочется, чтобы все это поскорей закончилось, — вдруг признался Мйар. — Хочу разобраться с этими Ромкиными проблемами, потому что мне нужно время и спокойствие. Я хочу еще раз к Мари в гости. Как думаешь, Йер, я же ей понравился, да?

Он повернул лицо к Камориль, слегка наклонив голову, и посмотрел на некроманта глазами алчущего ласки кота.

— Завидую тебе немного, — вздохнул Камориль.

— Чего это? То есть, чему это? — Мйар потешно нахмурился. — И ты мне не ответил!

— Ну, ты не теряешь надежды на лучшее. Я же помню, как минимум, трех твоих последних девочек, Мйар. А ты как будто бы не взрослеешь.

— Наверное, беда была в том, что они не были волшебницами, — Мйар снова уставился на море, подтянул колени к себе и положил на них подбородок.

— Но расставались-то вы не потому, что у тебя острые уши или клыкастая пасть.

— Не поэтому.

— Ну, скажи это, давай, Мйар.

— Ни я их не любил, ни они меня.

— И вот ты все еще веришь в успех этого безнадежного предприятия?..

Мйар помолчал, потом ответил тихо:

— Да я ж и не ищу себе никого для разбавления моего густого одиночества, я ж бросил.

Но тут-то оно как-то само все получается, может, и выйдет что. Если стараться. Сейчас разберемся с врагами, а там я к ней снова зайду с конфетами и цветов полевых нарву, весна же...

— Романтично до ужаса.

Мйар хохотнул:

— Ты так говоришь, что не понятно, нравится тебе это или нет!

— Да я и сам не знаю. Но, пожалуй, скорее нравится, чем нет. Есть в этом некий эстетизм. Рыжий ты, твои голубые стрейч-джинсы, облака чтобы белые в синем небе и охапка цветов разнокалиберных, перемежаемых изредка пшеничными колосками. Нравится, Мйар, нравится.

— Ну и вот. А там начнется опасная, сложная игра, и да, это минное поле, но я пойду. Ведь интересно же. Ну и пускай опять подорвусь. Ну что мне уже, честное слово, терять?

— Это ты сейчас такой смелый, потому что пьяный, — улыбнулся Камориль, — а как протрезвеешь, мигом задумаешься, а надо ли оно тебе.

Они снова замолчали. Каждый думал о своем.

— Спасибо, — вдруг сказал Мйар, в свою очередь подтолкнув некроманта плечом.

— Это за что еще? — хмыкнул Камориль, поворачиваясь к Мйару и встречая уже вовсе серьезный и осмысленный взгляд. Видать, за эти несколько минут на холодке опьянение совсем прошло.

— За то, что ты не начинаешь рассказывать мне о том, что такое любовь на самом деле, и как я, например, не прав.

— Тем, кто рассказывает, как ты не прав, обычно нечего противопоставить твоим ошибочным планам, если дело касается отношений и прочих тонких материй, — Камориль положил Мйару голову на плечо. — Ничего, что я?..

— Да ладно уже, лежи, — Мйар вздохнул. — И еще хорошо, что с тобой можно об этом поговорить, и ты меня понимаешь, и утешаешь как-то по-особенному, не жалея, но и не порицая.

— Да вообще я такой офигенный, просто сил нет, — протянул Камориль устало.

— Ты настоящий друг, Камориль.

Некромант тянул воздух сквозь зубы, стараясь смирить сердцебиение и учащающееся дыхание, разрываемый изнутри драгоценными эмоциями, столь для него несвойственными и оттого столь желанными. Наконец ему удалось успокоить бурную реакцию организма на длительное статическое прикосновение к Мйару, и в застывшей над побережьем тишине он услышал свой собственный, но какой-то незнакомый, чужой голос:

— Можно, я тебя обниму?

— Ну обнимай.

— Что, правда можно?..

— Ну да, ведь я сейчас как будто бы ничего не понимаю, — улыбнулся Мйар. — Если бы не шокирующие обстоятельства дня — я бы обязательно от тебя отбивался. Но мне-то что, жалко, что ли? Ну нравится тебе меня обнимать — ну обнимай. Ну, в конце концов, это же хорошо, что я тебе нравлюсь, правда? Это значит, что я — хороший!

— И это значит, что я тоже вполне себе ничего, — Камориль ухмыльнулся, обнимая Мйара одной рукой, — раз выступаю мериллом. Эх, Мйар, — он вздохнул, — а ведь немного для счастья надо. Надо чтоб было легко, чтобы какое-никакое взаимопонимание и... теплота. Да, это самое главное.

— Ну кто ж тебе виноват, что ты пойкилотермная тварь, — Мйар повернул голову, желая, видимо, посмотреть некроманту в глаза, и тут, естественно, уперся ему носом в волосы.

Камориль тоже повернул голову, и получилось так, что лица их оказались в опасной близости друг от друга.

— Ты виноват, что так долго не можешь понять, что я — это все, что нужно тебе, а не какая-то там миленькая малолетка, да к тому же еще и блондинка.

— Какой же ты самоуверенный и самовлюбленный сукин сын, — беззлобно проворчал Мйар, упираясь в лоб Камориль своим лбом.

Камориль улыбнулся. А потом поцеловал Мйара. Легко, нежно, внутренне готовый тут же получить по щам за такое нахальство. Но губы, горячие и все еще сладкие от вина, не сжались в тонкую полоску и не остались застывшими и неподвижными. Мйар ответил ему, так же мягко и ненавязчиво, очень ладно и очень так, как надо.

Казалось, этого не может быть, и то, что происходит, — чудовищная ошибка мироздания, проглядевшего нечаянно проскользнувшее в реальность счастье, неположенный смертным кусочек высшего волшебства.

Это обжигало. Это испепеляло сердце в тонкий серый прах. И пускай он длился всего несколько секунд, — но поцелуй был, свершился, как отправная точка, как станция метро, как вежа, верстовой столб, конец главы или выстрел в упор, — и отрицать его нельзя.

Мйар отстранился, смотря куда-то вниз. Потом поднял взгляд на Камориль.

— Это я так очень бодренько про 'победить врагов' сказал, конечно. Но что-то нехорошее у меня предчувствие насчет завтра. Вот поэтому я и...

— Я понимаю, — Камориль сглотнул. — Да, пожалуй, я понимаю, что это значит и почему ты...

— Пойдем, — Мйар встал с песка сам и протянул Камориль руку. — Ветер поднимается. И, кажется, он все-таки принесет грозу.

Камориль принял помощь, в которой сейчас и правда нуждался в связи с переполняющим его волнением, встал на ноги и стал хлопать себя по карманам брюк.

— Эх, да где же мои сигареты? Выронил я их, что ли...

— Могли пачку в песок загоптать, — предположил Мйар. — Какой у них запах был? Айвовый? Хочешь, я поискать попробую?

— Да ладно, фиг с ними, пойдем уже.

Теперь нужно было вести себя как ни в чем не бывало, и с другими девочками и мальчиками это было обычно так просто, и непонятно, почему именно с Мйаром — так сложно. И весь путь к маяку Камориль шел чуть дальше, чем следовало бы, и, кажется, потом всю ночь не спал, хоть и место на той большой лежанке ему досталось между Эль-Марко и Ромкой, а никак не возле Мйара. А если бы и вышло не так, то вряд ли бы Камориль попытался снова притронуться к Мйару в эту ночь. Ему казалось даже, что он больше вообще никогда не сможет коснуться Мйара, и что одно из объяснений сегодняшней взаимной близости состоит в том, что этот поцелуй — прощальный. Мол, точка в этих неопределенных отношениях, долгих, как героический эпос, и непонятных, как восточная мудрость.

В небольшие мутные окошки застучал дождь, что называется, 'как из ведра'. Гулко зарокотал гром. Камориль смотрел прямо перед собой, ничего не видя, и, словно девчонка пятнадцати лет, в пятидесятый раз прокручивал в уме произошедший 'пустяк'.

Лежащий слева Эль-Марко приоткрыл один глаз, моргнул, смотря на Камориль, и сказал тихо, коротко и отдельно:

— Не. Думай.

Через несколько долгих минут Камориль уснул.

Я проснулся от холода. Вокруг царил полумрак. В комнатке с лежанкой больше никого не было, и, что греха таить, поначалу я испугался. Но тихий звон посуды и скомканные обрывки фраз, доносящиеся из кухни, мигом заставили все мои опасения исчезнуть.

За окном накрапывал мелкий дождь, мерзкий и промозглый, такой, при котором утро не отличить от полдня. Я натянул носки и пошлепал на кухню, чтобы присоединиться к ритуальному испитию кофе, которому уже предавались Никола, Эль-Марко и Роман.

— А где Камориль и Павел Игнатьевич? — спросил я у ребят.

— Камориль трагически страдает, гуляя под дождем, — сообщил Эль-Марко. — Правда, немного неудачно... вон, смотри, его из окна видно.

Я выглянул в окно: и правда, тоненькая фигурка некроманта очень драматично чернела на фоне серого беспокойного моря, композиционно уравновешивая своей строгой вертикальностью произвольно-хаотичные контуры больших гранитных валунов.

— Кстати, чего это он? — это спросил Ромка, жуя пряник.

Я почесал нос. Что ответить, я не знал. Ну, я, конечно, предполагал, что не стоит мне (никогда-никогда!) идти навстречу странным желаниям Камориль, но я и думать не мог, что, получив искомое, некромант внезапно загрустит.

— Может, опять русалок высматривает, — наконец ответил я. — Так, а Павел Игнатьич?..

— А он убирается в голубятне, — сообщил Эль-Марко. — И, предвосхищая твой вопрос, — да, голубь с ответом гильдии целителей прилетел.

— По дождю?.. — на автомате осведомился я, накладывая в чашку с кофе сахар и одним глазом поглядывая в окно.

— Угу, — Эль-Марко передал Николе бутерброд, который намазывал паштетом.

— Спасибочки! — ответила девочка и принялась оный бутерброд уплетать.

— Так и что там? — переспросил я. — Я так понимаю, если б все было хорошо, ты бы мне сразу рассказал.

— Так точно, — Эль-Марко намазывал второй бутерброд, видимо, себе. — Собственно, артефактов таких, как 'ключ от всех дверей, кроме одной', в анналах гильдии не значится. Более того, мне пошли навстречу и сообщили, что у чтецов та же фигня.

Эль-Марко протянул бутерброд, который намазывал, мне. Я, обрадовавшись неожиданной заботе, поблагодарил его и принялся жевать на удивление свежий хлеб.

— А Камориль не простудится? — спросила Никола.

— А разве такие, как он, болеют? — скорчил недоверчивую гримасу Ромка.

— В любом случае, поесть ему бы не помешало, — заметил Эль-Марко. — Продолжаю открывать секреты: вылечить толстяка гораздо проще, чем такой суповой набор, как Камориль.

— Это почему это? — насторожился Роман.

— Я когда кого-то лечу, я ж не свои ресурсы использую, а того, на ком рана, — начал пояснять Эль-Марко. — То есть, я выступаю, так сказать... катализатором регенерации. Кое-какая трата энергии с моей стороны, конечно, идет, но она ничтожна по сравнению с теми ресурсами, которые задействует организм пациента.

И пока Эль-Марко ударялся в детали и живописал, как и на чем изучал строение человеческого тела (отчего глаза Романа лезли на лоб, а Никола, явно слышавшая уже эту историю, просто радовалась реакции мальчика и хихикала), я хлебал растворимый кофе и смотрел в окно, на неподвижную спину Камориль, который, зараза, явно торчал там не просто так, а, конечно же, для пушного эффекта.

Уйти и погрустить так, чтобы этого никто не заметил, некромант не мог. Вот уж... социальное животное!..

Надо мною навис испепеляющий и густой (до зубовного скрежета) стыд.

Ведь тогда, ночью, у меня был выбор: оттолкнуть его или ответить. И я не горжусь этой минутой слабости, когда нежность, которая во мне определенно есть, выплеснулась не на того и не тогда. Это же так просто и так естественно — обнимать того, кто приятен, и... поцеловать того, кто приятен. И я не скрою, да, что за многие годы успел привязаться к нему, и мне порою весьма импонируют его рациональные идеи, дерганые и одновременно плавные жесты, тембр голоса и странноватые шутки, и даже эта холодная наигранность и желчность иногда бывают прелесть, как хороши. Но... Мы же можем не видеться по году, а то и больше. И когда по прошествии времени я снова его вижу — я как бы со стороны объективно осознаю, что он такое. И мне кажется, я позволил этот миг близости только лишь потому, что снова привык к Камориль и забыл, кто он такой и кто такой я, а так же о специфике нашего... товарищества. Я забыл, что он — определенно мужчина (несмотря на жеманность) и, к тому же, хладнокровный убийца, извращенец и та еще злопамятная мстительная тварь. А тогда, на берегу, он виделся мне почему-то просто очень близким, родным существом, рядом с которым хорошо, спокойно, тепло и безопасно.

Кажется, размышляющего так человека можно смело называть 'тряпкой', а? А может, вру я все. Не знаю. Пока я был 'в своем уме', еще до драки с той морфирующей штукой и до бутылки красного сладкого, — меня тянуло к Мари, и это притяжение казалось мне сильнее гравитации. Но когда меня немного трянуло, стукнуло по башке — я вспыхнул безотчетной нежностью к своим старым проверенным друзьям. Что в этом плохого? Вот только, вероятно, Камориль истолковал эту мою слабость совсем не так, как мне бы того хотелось.

Впрочем, пустое это все. Зря я так. Какую бы оторопь не вызвала у меня перспектива взять и поговорить с Камориль по душам и все ему разъяснить, — это не есть дело первостепенной важности. И, пускай это — малодушие, но я все еще всем сердцем надеюсь, что ошибаюсь, и грустит Камориль не из-за меня.

Тем временем еда на столе стремительно убывала, а чашки пустели. Я вызвался мыть посуду. Пока я возился у раковины, Никола успела поругаться с Эль-Марко по поводу своего грядущего времяпрепровождения: Марко настаивал на том, чтобы она ехала домой, а Никола хотела отправиться с нами, куда бы там наш путь ни лежал. Ей явно хотелось приключений, а перспектива оставить своего стального коня здесь, в сарае у маяка, ее на удивление не смущала. Ромка первое время хранил нейтралитет, а потом высказался в защиту Николы, мол, огненный маг — это основа основ, без него никуда, пускай сам он потенциала Николы в полной мере еще не видал.

— К тому же, — Никола подняла вверх указательный палец, — если мы пойдем к вампирам, то это же круто! Я еще ни одного не видела! Я только книжки читала...

— А это ты напрасно, — бодро прозвучал голос Камориль, наконец изволившего перестать мокнуть на улице. — Что за книжки хоть? Про любовь, небось?

— Ну, — замялась Никола, — не без того, но вы не подумайте что плохого...

— Уже подумал. В таком случае, повидать настоящих вампиров тебе необходимо, — важно кивнул Камориль, стягивая с себя насквозь мокрую рубашку. Подошел ко мне (точнее, к раковине, конечно же), в глаза не смотрел, начал выжимать рубашку. Потом стал выжимать волосы. Потом все-таки поднял на меня свои сияющие очи и заявил: — А мне тут, кстати, прислали добро на использование кое-каких низкоуровневых артефактов. Не фонтан, конечно, я на большее рассчитывал... но тоже ничего. Так что, будем у меня, — прихватим пару игрушек на всякий случай. С ними тебе всяко спокойней будет.

— Вот уж спасибо, — хмыкнул я. — В смысле, правда спасибо.

— Отлично, — некромант ловко своровал со стола оставшийся пряник. — Тогда выдвигаемся.

Выехать мы успели довольно рано, так что примерно к полудню добрались до особняка Тар-Йер. От маяка нас прокатил с ветерком такой же раздолбанный автобус, как накануне, только лишь обогащенный местными жителями и пресквернейшей музыкой типа 'дорожный романс'. Но даже это не смогло омрачить нашего пути, ведь небо снова расчистилось и ласковое солнце снова взглянуло приветливо на прибрежный край.

В центре города мы пересели на веселый и не менее раздолбанный трамвай, прокативший нас по старинной брусчатке а затем по плохой асфальтовой дороге наверх, к окраинам, где мы вышли возле городского водохранилища. Перейдя арочный мост и поблуждав немного среди бурной местной флоры, мы чудесным образом очутились в саду, прилежащем к дому Камориль. Видимо, некромант провел нас каким-то тайным коротким путем, которым я сам еще ни разу к нему не ходил.

Мы расположились в просторной гостиной, а Камориль ушел искать требующиеся для его коварных планов вещи к себе в подвал.

Встретившая нас в дверях Кристина произвела фурор.

— Как бы мне хотелось узнать, каким образом это все получается! — приговаривал Ромка, осматривая суставы скелета, пронзенные тонкой темной проволокой, золотистой на сломках. — Дядька Зубоскал, а как оно работает? Как она двигается и почему не падет? Проволока же не удержит ей равновесия, так как оно?..

— Это магия, — я сделал большие глаза. — У Эль-Марко спроси, я не в курсе, честное слово. Может, проволока золотунная?

— Так и есть, — Кападастер подошел к скелету и, закатив Кристине рукав, обратил внимание мальчишки на проволочный клубок у костяного плеча: — Видишь вот здесь узел? Тут золатунь, а остальная проволока — что-то уже подешевле. И вот тут видишь сочленение и небольшой штырек, и тут вот петлю? И вот здесь... смотри, специальное покрытие, и вот тут вот, на сгибе, поршень... Это все позволяет скелету быть долговечным и уменьшает затраты сил создавшего его мага. При этом внутри себя ему не обязательно иметь гневный дух, но любой дух удерживается золатунью очень крепко.

— То есть, без золатуни она бы рассыпалась? — переспросил Роман.

— Угу, со временем, без подпитки, — кивнул Эль-Марко. — Многие подобные чародейства так работают. Я, впрочем, всех деталей не знаю, так, поверху кое-что могу рассказать. Но принципы-то везде похожи.

— Может, кофейку? — предложил я, начав маяться от безделья. Так бы угощением занялась Кристина, но она работала сейчас наглядным пособием по продвинутой некромантии, и ей такое пристальное внимание незнакомцев определенно нравилось.

Никола в это время, открыв рот, осматривала жилище Камориль, и, судя по выражению лица, девочка была в восторге.

И ее, наверное, можно понять. Кроме прочего, Камориль питает слабость к спорной ценности искусства, так что по стенам здесь в великом множестве развешаны картины в тонких, не отвлекающих на себя внимания рамах. Сами полотна насыщены в основном деталями и бессюжетностью и исполнены преимущественно в темных, густых тонах. Я никогда их особо не разглядывал, боясь обнаружить там что-нибудь слишком откровенное, да и эстетика 'печальной красоты' меня особо не прельщает. Собственно, на созерцании одной крайне выдающейся размерами и детальностью картины Никола и зависла, все больше наклоняя голову вбок, чтобы лучше понять, что там изображено.

Так как на мое предложение никто не отозвался, я вздохнул и двинулся на кухню, соображать кофе для себя и заодно посмотреть, что есть у Камориль в холодильнике годного на 'пожевать'.

Кстати говоря, содержимое холодильника многое может рассказать о своем владельце. Как правило. Было бы, конечно, забавно, если бы у Камориль в холодильнике стояли баночки с кровью, какие-нибудь фаршированные морковкой мозги и фигурно нарезанное сырое мясо, однако же это было не так. Вполне возможно, что обнаруженные мной залежи сладостей и нужны ему для каких-нибудь коварных целей, но более вероятно, что никакого смысла в этом прянично-пироженом изобилии нет. Кроме недоеденного торта и батареи пудингов, я, к счастью, обнаружил ломоть сала, банку сметаны, сливочное масло и сдобный белый хлеб, который бы стоило уже выкинуть, но, видимо, Кристина не доглядела. Кусок жирной красной рыбы оказался тоже очень кстати, так что я быстренько сообразил себе несколько бутербродов, и, радостный, принялся их употреблять.

— Ай-яй, Мйар, ну рыба же к рису была, — Камориль явился в проеме кухонной двери, прошел внутрь и сел за стол напротив меня. Я, жуя, не имел возможности оправдаться. — В общем, я все, что нужно, собрал, доедай и пойдем ко мне, посмотришь, что можно взять с собой или чем давно хотелось побаловаться.

— Я ж не всю, — наконец произнес я, — там осталось еще. Слушай, Йер, а зачем тебе столько сладкого? Ты что, только им одним и питаешься?

Камориль загадочно улыбнулся.

— У некромантов свои зловещие секреты. А что?

— Да так. В кафешках же ты обычно пироженки активно не заказываешь. А тут!.. Такое разнообразие!.. У меня аж глаза разбежались.

— Ну, — Камориль отпил из моей чашки, — видишь ли... Сладости и прочая калорийная пища позволяют мне быть в форме.

Мне подумалось, что это очень странное объяснение, но я жевал и потому не смог этого сообщить, только брови перегнул недоверчиво.

— Как ты мог заметить, с тех пор, как мы с тобой познакомились, я не слишком изменился, — Камориль поставил локоть на стол и подпер ладонью голову.

— Угу, — кивнул я. — Только волосы отросли.

— Ну и вот. Если ты — сам по себе всегда огурцом, фиг тебя знает, почему (и именно это я бы хотел о тебе узнать, кроме прочего), то мне с этим сложнее. Я тебе как-нибудь потом объясню всю коварную схему, при помощи которой достигается неземная свежесть данного мне при рождении тела, но, коротко говоря, пирожные мне нужны именно для этого. Чтобы быть огурцом.

— Ты ими что, обмазываешься? — удивленно спросил я. — Но они же... сладкие и липкие...

— Доедай скорей и пошли, — Камориль очевидно развеселился. — Эх, Мйар, какой же ты бываешь... милый и... изобретательный.

— А?

— С пирожными, говорю, это ты интересно придумал. Ну что, пойдём?

Я наскоро проглотил последний бутерброд, и мы с Камориль прошествовали на второй этаж, в его спальню, ту самую, с дурацкой лепниной из гробиков и черепков.

Некромант присел возле кровати и, взявшись за ручку, выдвинул из-под нее что-то типа большого продолговатого ящика. Провел рукой по краю, смахивая пыль, чем-то шелкнул и открыл крышку. Там, на ярком красном бархате, лежали штуки средней опасности и важности, но достаточно функциональные для того, чтобы хранить их поближе к телу.

— Итак, Мйар, что на тебя смотрит? — поинтересовался Камориль.

— Да я в первый раз вижу это все! — отвечивал я. — Эти все штуки, что ли, первого уровня?

— Ну, холодное оружие — да, остальное, в принципе, тоже. Все заколдовано по минимуму, то бишь, по сути, это все лишь чуть опаснее твоих 'клинков ярости'. Кстати, я что-то не заметил, чтобы твои железки тебе какие-то бонусы давали, или это я что-то пропустил?

— Да не дают они ничего почти, — отмахнулся я, — это я их для красоты так называю, шутя наполовину. Ну знаешь, как сковорода свободы там или...

— ...Стринги сопротивления элементам, — кивнул Камориль. — Или двухместный саркофаг верности. Понял тебя. Ну, а тут у нас довольно серьезные штуки лежат. Вот, например... хорошая вещь. Да, ее мы в тебя и всадим.

— Что сделаем?.. — не понял я.

Камориль, не поворачиваясь ко мне, совершил какое-то едва заметное движение рукой. Что правда, мои рефлексы сработали быстрее, и я ухватил его за запястье за секунду до того, как в бедро мне вонзилось костяное лезвие.

— Ты чего делаешь? — возмутился я. — Камориль, ты совсем с ума сошел? Ты мне мстить, что ли, собрался? Но это же идиотизм!..

— За что мне тебе мстить? — моргнул некромант, спокойно глядя на меня. Потом на его лице отобразилось понимание. — А-а... Нет, Мйар, ну что ты. Руку мою отпусти. И дай мне завершить удар. Все будет хорошо. Доверься мне.

— Этому сложно довериться! — я аж поднялся на ноги, — у меня инстинкт самосохранения бунтует, не только я сам!

— Иди сюда, — некромант тоже поднялся и стал подходить ко мне. — Иди сюда и не бойся. Да я же еще давным-давно клятву тебе принес, ну, помнишь? Там, в том месте... ну что же ты, забыл, что ли...

Я глубоко вдохнул.

— Ладно. Давай. Но... смотри мне!

Камориль улыбнулся, сделал два шага вперед и с размаху вонзил нож мне в бедро, сбоку, слева. Я даже предварительно зажмурился, но боли почти не почувствовал. Когда я открыл глаза, костяного ножа в руках Камориль уже не было.

— Ну вот, — сказал некромант, — пока что он поживет в тебе. В случае необходимости он сможет выйти из любой твоей кости. Ранка там небольшая осталась, но скоро ее не

станет.

— Ты уверен, что он мне понадобится? — я потер бедро, слегка зудящее.

— Нет, — Камориль пожал плечами. — Но кто ж знает, что там может с нами приключиться? Я не люблю рисковать... а тут, сдаётся мне, избежать риска практически невозможно. Так давай, хотя бы припрячем пару козырей в рукаве.

— Далее... — некромант достал из ящика небольшую шкатулку и вынул из нее золотистые серьги-полумесяцы.

— А что это? — заинтересованно спросил я.

— Это может наделать шороху, — пояснил некромант, надевая украшения. — Короче, срываешь, бросаешь — та-дам! — световая и шумовая бомба в дополнение к дымовой завесе, а, казалось бы, какие изящные штучки. Кажется, мне идет, а?..

Я оценивающе глянул на красующегося в опасных сережках Камориль и ничего не сказал. Сережки сидели на нем, как родные, и в их дополнительную функциональность мне вовсе не верилось.

— Были б у тебя дырки в ушах, я бы тебе тоже чего подобрал, — посетовал Камориль. — Ага! Вот еще, отличная вещь! Помоги застегнуть вот тут, на запястьях.

Он подал мне два странных резных браслета, отлитых из тяжелого темно-желтого металла, очень похожего на драгоценную золатунь. Но не могут низкоуровневые артефакты полностью состоять из золатуни, а значит, это всего лишь какой-то сплав.

— И что это? — поинтересовался я.

— Это на всякий случай, раз уж Никола не подсобит нам с заморозкой. В общем, в каждом браслете спрятана емкость, а в ней — три заряда синтетической обездвиживающей паутины. Браслеты отлично скрываются под рукавами! Надел — и как супер-герой! И еще я вот эту трость возьму, — Камориль вынул из ящика изящный предмет, давно вышедший из моды и обихода. — В ней, естественно, шпага, но это не основное ее достоинство.

— А какое основное? — заинтересовался я.

— Она невероятно прекрасна! — пояснил Камориль.

Я прикрыл лицо рукой.

— На самом деле, — сжалился надо мной некромант, — шпага слегка гипнотизирует противника, а при касании вызывает у живых неконтролируемый страх. Подарочек чтецов. Кстати, вот еще от них же — свисток для успокоения и очарования животных!

— Для собак? — уточнил я.

— Не, я тестировал, почти все неразумное ведётся.

— А почему он на браслете?

— А потому, что браслет на ногу.

— Эм, прости, что?..

— Иначе не работает, — Камориль, пожав плечами, толкнул меня на кровать. — Давай надену!

Я, позорно не удержав равновесия, плюхнулся на шелковые простыни.

— Камориль, ты вообще страх и совесть потерял!

Некромант поймал меня за лодыжку и ловко защелкнул на ней 'браслет'.

— И как в это свистеть? — негодуя, осведомился я.

— Ты гибкий, у тебя получится! — заверил меня некромант.

— Вот уж бредовый артефакт!

Камориль ногой задвинул ящик под кровать и оперся коленом на край матраса.

Я попытался встать, но он мягко надавил мне ладонью на грудь так, что я снова откинулся на спину.

Потом он беззастенчиво оседлал меня сверху и стал перебирать пальцами край моей майки.

— Мйар, а почему ты не ругаешь меня, на чем свет стоит?.. — осведомился он, уже поглаживая мои бока.

— Торможу.

— А по-моему, тебе нравится, разве нет?

Я молчал. Но, не будучи любителем врать, все же ответил:

— Видишь ли, не ругаюсь я потому, что в этой пикантной ситуации виноват не ты один, а значит, я не имею права слишком-то возмущаться. Но ты, конечно, лучше слезь. В смысле, немедленно слезь с меня!

— Чего это, — хмыкнул Камориль, производя бедрами совершенно однозначные поступательные движения.

— Ты ведешь себя, как женщина, — фыркнул я.

— А ты думаешь, если бы я был женщиной, нам было бы проще?..

Тут мое терпение лопнуло, и я толкнул его набок, оперативно спрыгивая с кровати и перебираясь поближе к окну.

— Вот уж не думаю, — выдохнул я. — В общем... это... Камориль... давай больше не будем так шутить, а? И меня это все смущает, и нам обоим ясно, что ни к чему оно.

— ... Хорошему не приведет? — горько улыбнулся некромант, вставая с кровати.

— Ты ставишь меня в очень неловкое положение, — признался я опять же прямо и без иносказаний. — Камориль, я не могу оттолкнуть тебя достаточно мягко, чтобы не обидеть, но в то же время ты нужен мне. Но не так, понимаешь?.. Это что-то неправильное, все эти... нетрадиционные нежности. Это слишком для дружбы, я бы даже сказал, чересчур.

Лицо Камориль приобрело вид фарфоровой маски. Нет, ну а что он хотел?..

— Нас там ждут, — проговорил он тихо и безэмоционально. — Считаю, что не было ничего.

— Да вроде бы сегодня ты и не перегнул своего обычного...

— Ну вот и славно. А что будет, ежели перегну, ты уже решил?..

Он, не дожидаясь ответа, пошел вперед, позабыв трость и оставив меня в полном смятении и с начинающим вскипать негодованием.

Вот уж, как будто бы мне других проблем мало...

— Вовремя смылся, — процедил я ему вслед. Постоял немного, успокаиваясь, и тоже двинулся вниз.

В гостиной разворачивалось эпическое действо: Кристина упаковывалась в большую спортивную сумку. Конечности скелета сгибались под невероятными углами так, что в итоге Кристина стала занимать минимум места.

— А это зачем? — спросил я у Камориль, как раз застегивающего сумку на молнию.

— А мало ли что, — некромант повел плечом, — может статься так, что вокруг будут только живые, которых убивать нельзя. Так что, Кристина нам не мешает. Да и легонькая она, я сам понесу.

— Камориль такой предусмотрительный, — протянул Ромка.

Мне показалось, или в его интонациях проскользнуло обожание?..

— Значит, сейчас идем к тому умному магу? — спросил я как бы у всех.

— Его зовут Абеляр Никитович, — ответил Камориль. — Его рабочий кабинет находится в часовой башне, что на центральной площади, на последнем этаже, под часами.

— А он какой маг? — спросил Ромка.

— Хороший вопрос, — похвалил Камориль. — Но... я не знаю. Очень уж загадочный господин этот Абеляр. Ходят слухи, что он де владеет всем спектром возможностей элементалистов. Это слухи. А сказки и байки ходят еще более занятные: мол, он сведущ и в некромантии, и в науке чтецов, и, говорят, даже тайны целителей ему известны.

— Типа, маг-универсал? — хмыкнул Эль-Марко. — Это, конечно, теоретически возможно, хоть и крайне... невероятно. Это у него в роду должны были такие люди быть... одни маги, причем невероятных сочетаний. И даже если так, то его познания, а следовательно, и возможности, во всех заявленных областях крайне малы.

— Это если ему не больше ста лет, — заметил Камориль. — Если ему лет триста, то уж кое-какой уровень по всем дисциплинам он вытянуть мог.

— Не соглашусь, — Эль-Марко покачал головой. — Сам же знаешь, если долго ничего не колдовать, потом тяжело вернуться к ремеслу. Или ты думаешь, что он каждый день создает волшеббу всех возможных типов?..

— Ну, я не буду ничего наверняка утверждать, ибо достаточно близко с Абеляром не знаком, — Камориль стал рыться в одном из карманов сумки с Кристиной. — На него мое очарование почему-то совсем не действует, вот вообще. О, нашел, — он протянул Кападастеру три разноцветные колбочки.

— Это что? Тот самый препарат? — спросил Эль-Марко. — А почему не в шприце?

— Да я обмозговал это дело и решил, что со шприцами многовато возни, — Камориль почесал затылок. — А тут — просто пробку вынь и вылей, ну или об лоб неприятелю разбей. То, что оно цветов разных, ты не смотри, это оно просто на разных стадиях своей зельевой 'жизни'.

— Не буду, — кивнул Эль-Марко.

— И еще, — Камориль, поднимаясь, закинул сумку на плечо. — Если вдруг случится какая неожиданность, ты, Эль-Марко, первым делом зажимай струну мне, а не Мйару. Он-то и так достаточно быстр и силен, а вот я в спокойном состоянии для штурма амбразур не слишком годен.

— Без проблем, — снова кивнул Кападастер, пряча колбы в карман пиджака.

Потом Ромка спрашивал, всем ли Кападастер может 'зажать струну', на что тот отвечал, что да, но только струну еще надо найти, а это совсем не просто и порою даже невозможно.

Никола все это время пропадала на кухне, так что, когда мы ее позвали на выход, она притащила с собой пакетик с бутербродами, подозрительно похожими на те, что делал для себя я. 'Прощай, моя красная рыбка', - печально сказал Камориль и махнул рукой.

Мы выбрались из особняка Тар-Йер примерно в два часа пополудни, насквозь пересекли прилежащий тенистый парк, вышли из него через главные ворота (темные, высокие и наверняка чугунные) и, протопав еще чуток, сели на автобус до центральной части города. Оккупировав пять задних сидений, мы приговорили запасенную Николой снедь, нахваливая и рыбку, и заботливую Ник, и щедрого Камориль.

Центр города сверкал, нежась в лучах по-весеннему робкого солнца. Бесчисленные алые крыши бликовали и переливались позолотой ветряков и внимательными зенками телеантенн.

Мйар, Эль-Марко, Ромка, Никола и Камориль прогулочным шагом двигались по направлению к центральной площади, порою вклиниваясь в толпу спешащих пешеходов, а порой проходя по практически пустынным дворикам и скверам.

Наконец они вышли к южной оконечности площади, просторной и светлой, ярусами нисходящей к северу, где расположился большой фонтан с причудливыми медными скульптурами, позеленевшими от времени и воды, и здание с высокой часовой башней, анфиладой белых колонн и древним развесистым дубом, растущим ближе к правому крылу. Переход между ярусами площади осуществлялся при помощи длинных пологих лестниц, ослепительно белых, обрамленных тонкими золочеными перилами.

— Красиво тут у вас, — одобрила Никола.

— Почему это 'у нас'? — спросил Роман.

— Да я редко в центре бываю, не осознаю его особо 'своим', - пояснила девочка. — И что это за дом с часами? Нам туда?

— Раньше это был университет, — пояснил Камориль, — а сейчас, по большому счету, правительственное здание. Но там есть отличнейшая общественная библиотека, дешевая столовая и, собственно, наша ближайшая цель — личный кабинет Абеяра Никитовича.

Они начали спускаться по первой лестнице, когда поднявшийся ветер стал снова нагонять облака. На третьей черед ступеней белый мрамор и вовсе перестал сиять, как и вся площадь, укрытая от солнца слоем низких тучевых облаков. Ветер все нарастал, неся обрывки бумажек и изредка листву.

— А ну-ка всем стоять, — Камориль приподнял ладонь. — Скажи-ка мне, Мйар, тебе ничего не кажется странным?

Мйар сделал пару шагов, оборачиваясь вокруг. Прикрыл глаза, втянул воздух.

Ветер трепал его распущенные волосы и так, и сяк.

— Да вроде нет, ничего. Озоном пахнет. Опять дождь будет.

— Да, недолго нам природа дала погреться, — протянул Эль-Марко. — А что, Йер, ты чувствуешь что-то еще?

— Я, кажется, понимаю, о чем он, — подал голос Ромка. — Я людей, кроме нас, не вижу.

— Мы когда на площадь вышли, их уже не было, — заметила Никола. — Я думала, ничего такого, будний день же, полдень, работать надо...

— Лоботрясов тут в любое время в достатке, хотя бы школьников на роликах, — кивнул Эль-Марко. — Правда, странно как-то.

— Эль-Марко, прислушайся, — Камориль подошел к Кападастеру и указал ему в какую-то точку на западе. — Там. Ну, давай. Ты должен учуять.

Тот присмотрелся. Потом тоже, как Мйар, закрыл глаза.

— Заклятье. Это обширное заклинье типа 'чаша', настолько большое, что неравномерное, а потому местами менее плотное. Поэтому нас не пропесочило при спонтанном росте его радиуса.

— То-то я думаю, что я его сразу не почувал, — Камориль был серьезен и немного раздосадован. — Эль-Марко, держи 'парабеллум' наготове. Сколько там, патрона три еще есть?

— Есть, — кивнул Кападастер.

— А что это за заклинание — 'чаша'? — спросил Ромка.

— Чаша — это его форма, а что за заклинание, я не знаю, — признался Камориль. —

Может, оно погодное (судя по таким скорым тучам), а может — еще что, но колдовал его явно кто-то не из мякины деланный. Совсем... совсем кто-то не простой его колдовал, я чую присутствие древнего волшебства...

— Может, им как раз людей убрали? — предположил Мйар.

— Возможно. А ты, Мйар, будь наготове. Давай сразу точи когти, чтобы если что, не мешкать.

— Да я уже, — Мйар перебрал коггистой пятерней. — Что я, дурак, что ли?

— Ромка, Никола, держитесь за нами, — Камориль перекинул ремень спортивной сумки через плечо. — А теперь идемте, как шли. У нас все еще есть шанс добраться до университета.

Они успели спуститься еще на два яруса и выйти к фонтану с бронзовыми скульптурами.

Ромку очевидно трясло, то ли от холода, то ли от нервов. Никола сосредоточенно терла ладони друг об друга. Эль-Макро держал пистолет наготове, скрытый отворотом пиджака.

Ветер становился по силе равным прибрежному. Захлопали незакрытые окна и форточки университетского здания. Шумно вздохнул древний развесистый дуб.

Минутная стрелка часов перешагнула верхнюю отметину, знаменуя начало пятого, и в этот момент из-за здания университета стали выходить фигуры в черном.

— Театрально-то как, — прошипел Камориль, оглядываясь по сторонам.

Сзади и сверху, на расстоянии в два метра друг от друга как будто бы нарочито медленно спускались такие же смутные силуэты, замотанные в черное тряпье, бешено треплющееся на ветру.

— Эль-Марко! — крикнул Камориль.

Тот метнулся к некроманту, намереваясь срочно зажать его струну.

— Стой, Камориль! — пророкотал, перекрикивая ветер, грубый женский голос. — Не рыпайся, некромант! Силы очевидно не равны.

Камориль и все остальные оборачивались по сторонам, пытаясь понять, откуда доносится голос, и только Эль-Марко стоял недвижно, держа некроманта за руку. Через мгновение он ее отпустил, успев всего лишь уменьшить восприимчивость Камориль к боли. Для того чтобы зажать струну, нужно было предпринять еще некоторые манипуляции, но Эль-Марко не знал, как может на это отреагировать неприятель, а потому не стал рисковать.

Вокруг компании неспешно сжималось достаточно плотное кольцо из одетых в темные тряпки существ, лиц которых было не разобрать. Мйар насчитал примерно пятьдесят человек, если это, конечно, были люди.

Вперед вышел один из них, тот, кто уже говорил.

— Вера? — то ли спросил, то ли воскликнул некромант.

— Ничего личного, Камориль, — был ответ.

— Ты за мальчишкой пришла? — просто и без обиняков осведомился он.

Казалось, говорившая замешкалась.

— Мальчишка пускай идет, — наконец ответила та, кого Камориль назвал Верой.

— Ромка, гони отсюда, — Камориль грозно зыркнул на пацана. — Ну!

Тот неуверенно попятился. Никола схватила его за руку и потащила прочь.

— И девчонка пускай идет, — Вера кивнула своим.

Мйар и Эль-Марко смотрели, как нерешительно уходят ребята, пройдя мимо расступившихся и разорвавших кольцо в одном месте темных фигур. Камориль неотрывно

смотрел на говорившую с ним женщину в черном, лица которой по-прежнему было не разобрать.

— Но-но, Камориль, погоди отращивать хелицеры, — проговорила она. — Давай, сдавайся без фокусов, и у тебя будут кости целы. У тебя и у твоих дружков.

— Камориль, кто это? Ты ее знаешь? — беспокойно переспросил Мйар. — Что это такое вообще?

— Это, Мйар, клан местных вампиров и его лучшие представители, — с нервным смешком произнес Камориль. — А с нами говорит их глава, Вера. Или уже не вампиров, а упырей, а?

Несколько темных фигур справа и слева от Веры дернулись, но она предостерегающе подняла руку.

— Ты не в том положении, чтобы острить, — сказала она.

— Зачем я тебе сдался? — с наигранным недоумением спросил некромант. — Ладно, Эль-Марко — это я могу понять, такие, как он, вам нужны позарез. Ладно, Мйар — он симпатичный. Но я-то тебе зачем? К тому же, ты все еще должна мне коньяк!

Все, что было дальше, казалось сумасшедшей фантазмагорией.

Какой-то вампир, вестимо, посчитал последнее заявление Камориль оскорблением достоинства Веры. А потому дернулся. Дернулся и успел проделать три прыжка, которые обычным зрением воспринялись бы как неясное смазанное движение. Но Эль-Марко успел всадить ему пулю в лоб.

Тело вампира, прокатившись, упало прямо к ногам Камориль. Некромант быстро наклонился и, не медля боле, подчинил себе его умирающий дух, тут же создав горячего зомби.

С поднявшегося тела вампира слетел капюшон, и его собратья увидели развороченное кровавое месиво на месте лица.

И тогда, несмотря на крики Веры 'Стоять! Отставить!' дикие звери сорвались с привязи.

Эль-Марко точными выстрелами уложил еще двух, которых Камориль тут же подчинил и поднял одновременно, разом коснувшись обоих правой и левой руками.

Пятеро накиннулись на Мйара, но он сумел их раскидать, порвав заодно пару плотов. Разбежавшись, он сам набросился на кого-то из вампиров и вцепился зубами ему в горло, вырывая с мерзким треском черную ткань, а так же пищевод и трахею.

Вера что-то устрашающе орала, но уже, видимо, не пыталась приструнить подчиненных, а только лишь хотела как-то систематизировать их атаку. Тщетно.

Горячие зомби, оказавшиеся на стороне Камориль, активных действий не предпринимали, но выступали 'живой стеной' для Эль-Марко.

И все-таки вампиров было больше, намного больше.

Около десяти кровопийц набросились на Мйара, как раз расправляющегося с одним из них, и упырям наконец удалось скрутить его по рукам и ногам. Кто-то начал избивать его по животу и месить кулаками лицо. Камориль попытался сбить держащих Мйара упырей парализующей паутиной, но было уже поздно. Вера подала знак, и бессознательное тело Мйара, похожее на кровоточащий мешок, водрузили на плечи и понесли в неизвестном направлении двое вампиров.

— Я же говорила тебе, сдавайся, — сказала Вера, перехватывая руку Камориль с "призрачным лезвием", которое некромант призвал при помощи вырванной у кого-то из кровососов лучевой кости.

— Женщина, ты вконец свихнулась?.. — вознегодовал некромант.

— Привыкай, — процедила Вера.

К Камориль тут же подскочили несколько упырей и вцепились ему в руки и ноги, надежно фиксируя пытающегося вырваться некроманта.

Вера сделала два шага по направлению к Камориль. Подняла вверх руку и согнула два пальца. Держащие Камориль упыри сначала заставили его опуститься на колени, а потом стали заламывать некроманту руки до хруста, пока наконец не раздался щелчок выходящего из правильного положения сустава. Там, где в обычной ситуации человек бы уже заорал, как роженица, Камориль лишь болезненно скривился.

— Разминаешь мой привычный вывих? За что?

— Это ты их друзьям скажи! — рывкнула Вера и смачно заехала Камориль по лицу с ноги. Некромант дернулся, что-то громко хрустнуло. Он скривился и выплюнул на асфальт темно-синюю кровь. — И матерям их скажи, которые им еду цедили с локтей по утрам!

Вера подошла к Камориль и сомкнула ладони у того на шее.

— Прямо сейчас бы тебя разделала по кусочку, — прошипела она, сдавливая худыми бледными пальцами его холодную плоть.

Некромант не сопротивлялся, только уголок его губ самопроизвольно подергивался, да играли желваки под тонкой кожей. Мгновения мчались одновременно стремительно и мучительно, издевательски медленно. Из приоткрытого рта Камориль потекла голубоватая кровь, а сам он провалился в глубокий обморок.

— Слабак, — сплюнула Вера. — Но это с самого начала было предрешено, — произнесла она, отнимая руки от шеи некроманта и переводя взгляд на Эль-Марко. Окружавшие его горячие зомби давно валялись внизу — им подрезали ноги, так что прятаться за ними стало крайне проблематично.

— Понял-понял, — Эль-Марко поднял ладони вверх. — Сдаюсь.

Никола тянула Ромку за собой, больно вцепившись в руку, и прикосновение ее было очень, очень горячим.

Они сначала хотели сунуться в здание университета, но двери его были закрыты, потому ребята побежали вдоль колоннады на восток.

— Никс! — крикнул Ромка, пригибаясь.

Над ним пролетела черная туша, сбивая Николу навзничь.

У Ромки душа в пятки упала. Туша в черном тряпье движениями напоминала бешеного пса, и из-за тряпок не видно было, что она делает с Николой, казалось только, что тварь вцепилась девочке в горло и рвет его. Ромка беспомощно оглядывался в поисках чего-то, похожего на оружие, или палки хотя бы, но на голых мраморных плитах не было ничего. Поэтому он, скрепя сердце, разбежался и хотел было столкнуть чудовище с Никс, но не успел, потому как что-то отбросило черную тушу прочь от Николы и без его помощи. В тот же миг Ромку 'пропесочило', как выражаются друзья Мйара об ощущении магии, так, что он сам пребольно шлепнулся на пятую точку.

— А у тебя ресницы обгорели, — сказала Никс с напускным весельем, протягивая ему руку, чтобы помочь встать. Сама она тоже была порядком обожжена, и даже ее растрепанные темно-рыжие волосы кое-где тлели.

— Сама ты паленая кошка! — произнес Ромка со смесью восторга и беспокойства в голосе.

При помощи Никс Ромка поднялся и, пока они не сорвались дальше, бросил взгляд на нападавшую тварь: на ее месте был лишь обожженный остов, скорчившийся в неестественной позе.

— Да ты опасная вообще! — крикнул он несущейся впереди Никс.

Наконец они завернули за угол здания.

— Я маг... элементалист, — уточнила Никс, останавливаясь и тяжело дыша. — Конечно же я опасна! Фух, не могу больше. Все силы на ту тварь потратила. Это были вампиры, Ром! Но почему они напали на Камориль? И что нам теперь делать? А вдруг они не справятся без нас?..

— Я не знаю, Никс, — честно ответил Ромка.

Они стояли за углом университета, и еще большую тревогу приносила звенящая тишина вокруг.

— Смотри, — Ромка указал пальцем куда-то вбок, — это... люди идут!

Никс распрямилась и пригляделась.

— Точно.

Через две минуты звенящая тишина сменилась привычным шумом улиц, а мимо стали проходить обыкновенные горожане, изредка поглядывающие на обгорелых Ромку и Николу, как на беспризорных хулиганов, но действий никто никаких не предпринимал.

— Магия прошла, — сказала Никс. — Может, пойдем глянем... что там?.. Вдруг все кончилось?

Ромка поежился.

— Не знаю... Мне как-то все равно немного страшно.

— Да ладно. Может, Эль-Марко и его друзья справились. Я надеюсь на это, — она, крадучись, подошла к краю стены и заглянула туда. — Не вижу никого. Не... А, там ничего нет, просто люди, просто ходят. Как будто и не было ничего.

Ромка подошел к ней и тоже глянул за угол.

— И правда.

— Что будем делать, Ром? — Никс смотрела на него немного свысока (ввиду роста), но ясно было, что девочке страшно.

— А кем тебе приходится Эль-Марко? — решил уточнить Роман.

— Он мой... опекун, — ответила Никс не сразу. — Но это... не важно. Блин. Я не знаю, что нам делать. Ясно, что надо их спасать. Но как? Я вообще не представляю.

— Но ты же 'огонек'! Ты же волшебница! Разве у тебя нет друзей-волшебников?

— Да как-то... не срослось... — Ромке показалось, что Никола вот-вот заплачет.

— Ну, тогда... тогда не будем вешать нос раньше времени. Это вампиры были, мы это теперь знаем. И они не хотели их убивать. А я... Я тоже не знаю никого из магов, но есть же куча путей... Можно голубя послать тоже в гильдию целителей, мы теперь знаем как, или к Мари пойти... Или... Никс, я же судьбоплет, — Ромка, стесняясь сделать что-то иное, положил Николе руку на плечо. — Ну, посмотри на меня. Говорят, что я — самый сильный из живущих ныне пророков. По идее, я знаю все. Так? Наверное. Может, я как-то смогу открыть свою силу, как банку с газировкой. И тогда даже мы с тобой вдвоем сможем выручить Эль-Марко, Мйара и Камориль. Если мы будем знать все! Знать все... понимаешь, наперед!

Никола шмыгнула носом, так и не заплакав. Она смотрела на Ромку из-под паленой челки и молчала, думая о том, что он сказал.

— Судьбоплет? — переспросила она.

— Угу.

— Никогда о таком не слышала. А ты не врешь?

— Прости, доказать никак не могу. Ну, разве что, ты же видела ту тварь в гаражах — так вот она была за мной, ну и Мйар с Камориль вокруг меня именно поэтому носятся, судя по всему.

— А. Ну, тогда...

Ромка стоял спиной к площади и смотрел на Николу. А вот она увидела что-то такое за его плечом, что заставило ее замолчать и сжать зубы.

— А это еще кто? — агрессивно спросила Никс. Ромка обернулся и увидел против солнца силуэт женщины в темно-алом. Когда глаза привыкли к свету, он различил длинные волнистые волосы цвета воронова крыла, красивое скуластое лицо и фигуру, которую отец бы с легкостью мог назвать 'шикарной'.

— Никс... Ты не поверишь, но, кажется, я ее знаю, — проговорил Ромка.

— И?..

— Здравствуй, девочка, — произнесла женщина мягким, глубоким голосом. — Я — бабушка Ромы, меня зовут Варамира.

— Ничего себе бабушка! — воскликнула Никс. — Ромка, правда, что ли?

— Я не уверен, но на свои фотографии она очень похожа, — ответил Роман.

— Да, Рома, это я и есть. Наконец мы с тобой встретились. Ты не представляешь себе, как мне хотелось увидеть своего внука. Все эти годы... это же для любого счастье.

— Честно говоря, я даже не знаю, что сказать и что делать, — произнес Роман. — Я как бы в шоке. Я думал, что вы мертвы уже лет тридцать.

— Мне многое нужно тебе рассказать, — ответила Варамира. — И я смогу научить тебя пользоваться твоей силой.

— Очень... интересно, — Ромка колебался. — А может, вы — призрак?

Варамира протянула руку.

— Потрогай.

— Ром, я не знаю, как выглядела твоя бабка, но она мне не нравится! — заявила Никс. — По-моему, она хочет увести тебя от меня!

— Ну-ну, не ревнуй, девочка, — Варамира не опускала протянутую руку. — Незачем это. Рома и правда пойдет со мной. Должен пойти со мной. А ты должна возвращаться домой, потому что теперь тебе слишком опасно здесь находиться.

— То есть, вы предлагаете мне не лезть в то, что творится с Эль-Марко? — вспыхнула Никс. — Может, мне еще и одеться поженственной?!

Варамира проигнорировала этот ее выпад и устремила взгляд на Ромку.

Мальчик колебался. Он смотрел на ожившую фотографию бабки, и его трясло от напряжения. Казалось, что в этот момент решается что-то очень важное, хотя казалось так же, что все уже давным-давно решено.

— Вы научите меня пользоваться моей силой? — наконец спросил он у женщины, назвавшейся Варамирой.

— Да, — ответила она.

— А как же Мйар?

— Сейчас ты не сможешь никому помочь.

— Но с ним же творится какая-то жесьть! А он меня спасал! Несколько раз! Что мне,

прямо вот так брать и с вами уходить?

— Тебе нужно обрести власть над своими способностями, Ром. Это на самом деле важно. Ты же чувствуешь, что стал сосудом для мощи, которая больше тебя? В твоих руках сила, способная изменить мир. И я научу тебя, как это сделать.

Ромка сжал кулаки, посмотрел на Варамиру, оглянулся на Никс.

— Ладно. Тогда я пойду с вами.

И он принял предложенную руку.

Уходя следом за Варамирой, Ромка оборачивался и видел, как удаляется здание университета и одиноко стоящая под ним Никола, нехарактерно обхватившая себя руками, как будто бы ей холодно. Обычно ведь Никс всегда тепло... Их взгляды встретились в последний раз, и Ромка увидел в ее глазах отчаяние.

— Никс, удачи тебе! — крикнул он, свободной рукой смахнув челку. — Тебе же везет, как проклятой! Всю жизнь!

Женщина, назвавшаяся Варамирой, немного крепче сжала его руку, позволяя понять, что сейчас не время для слезных прощаний.

И правда. Решение было принято. Сила важнее.

Никола стояла на том же месте еще минут десять. Она думала о том, что произошло и что же ей теперь делать. Можно было, как и сказала эта женщина, вернуться домой и не рыпаться. Но для человека действия, коим Никола, конечно же, являлась, — такой вариант означал участь хуже смерти. Если бы она бросила все на самотек, досада и сожаление отравили бы ее существование, а если бы из-за ее бездействия кто-то пострадал, Никс бы себя вовек не простила.

Еще это Ромкино 'Удачи тебе!' и '...везет как проклятой'... Чем думал этот дурной пацан, говоря такое на прощание? И ладно, даже не так важен смысл этих слов, но голос... Так желания загадывают падающим звездам.

Вот уж... дела.

И тогда Никола приняла единственно верное решение, раз уж больше этого сделать было некому.

Она развернулась и пошла к парадному входу в университет, надеясь все-таки попасть на аудиенцию к загадочному магу по имени Абеляр Никитович, и сделать это она намеревалась во что бы то ни стало.

Никола оказалась лишь на полголовы выше, чем стойка ресепшена, так что ей пришлось привстать на цыпочки, чтобы обратить на себя внимание женщины, увлеченно болтающей по телефону.

— Чего тебе, девочка? — спросила та на удивление участливо, прикрыв ладошкой трубку.

Никола не стала поправлять ее, просто вздохнула глубоко и ответила:

— Мне нужен Абеляр Никитович. Срочно. Очень, очень нужен.

— К нему нельзя, у него сейчас... — начала было отвечать женщина, но вдруг ее приятное круглое личико застыло, и даже улыбка на нем как-то странно замерла. Никола вздрогнула, когда правый глаз секретарши на мгновение сверкнул светло-голубым. Тут же лицо женщины оттаяло, и она, вздернув брови, сказала:

— Что ж, Абеляр Никитович ждет тебя в библиотеке, это вот за этой дверью, дальше по коридору и направо. Не забудь надеть бахилы.

— Х-хорошо, — кивнула Никс, опасливо косясь на секретаршу. Что это, во имя Потерянного, было?..

— Вон там бахилы, на полке возьми, — женщина указала Никс пальцем, куда смотреть.

Никола послушно взяла с полки означенную обувную одежду и, наклонившись, нацепила на ботинки. Оглянулась на просторный, ярко освещенный коридор с арочным потолком в три ее роста высотой. Внутреннее убранство здания располагало к умиротворению и созерцательности. Никс еще раз, для храбрости, вздохнула и потянула на себя большую деревянную дверь, сопротивлявшуюся поначалу, а потом все-таки поддавшуюся.

Еще один длинный коридор, но теперь уже совсем без окон и намного уже. А вот и означенная дверь в библиотеку, из проема которой струится теплый оранжевый свет.

Никс с опаской зашла внутрь, разом попав из прохлады университетских коридоров в

яркое марево комнаты с высокими потолками и стрельчатými окнами. Тут было много теплее, как будто бы она из воды вынырнула на солнышко. Книжные полки являли собой образец нетривиальных интерьерных решений и образовывали странную систему, более всего похожую на лабиринт так, что Никола не сразу поняла, куда идти дальше и где искать Абеляра. Порою даже мелкое несоответствие привычному порядку выбивает из колеи похлеще чего-то объективно странного. Так, поставленные под острыми углами друг к другу, а иногда и вовсе расположенные полукругом стеллажи ошеломили юную волшебницу.

Но Никс плутала недолго. За лестницей, нашедшейся в дальнем углу библиотеки, она обнаружила что-то типа потаенного алькова, сформированного книжными полками, посредине которого разместились рабочий стол и большое удобное кресло. Еще там было окно. В него, собственно, и смотрел стоящий к Никс спиной мужчина довольно-таки крупных габаритов. На плече у него сидела летучая собака и жевала авокадо.

Мужчина обернулся.

— Ну здравствуй, — произнес он. — Ты все же лучше того, чего я жду.

— А? — не поняла Никс. — Эм, а это вы — Абеляр Никитович?

— Я.

Абеляр Никитович казался пятидесятилетним, и, возможно, таким и был. Так же он являлся обладателем аккуратной седой бороды с бакенбардами, серого костюма-тройки и маленьких, глубоко посаженных глаз неопределенного цвета. Летучая собака спрыгнула с его плеча на дубовую столешницу, а потом на пол, где и принялась возиться, догрызая свой экзотический овощ.

— Меня зовут Никола Рэбел, здравствуйте, — представилась Никс. — Я... в общем, я к вам по... вроде как... странному делу.

Никс вдруг поняла, что совсем забыла подумать о том, как она будет рассказывать этому магу о своих делах и бедах, и не приготовила для этого вообще никаких слов. Что, вот этому серьезному, на вид безумно педантичному старцу просто так все взять и рассказать? Но с чего начать? Тут же ей подумалось, а какое дело этому магу до всех ее бед? С чего вообще они решили просить у него помощи? Она смотрела на крепкого старика и молчала, собираясь с мыслями. Вот-вот что-то разумное и адекватное должно было прийти к ней на ум, но с языка сорвалось иное:

— А... — Никс кивнула на крылана, — зверушке здесь не холодно? Я читала о таких. Они же южнее водятся.

— Да уж как-то два года живет, жива-здоровая, — мужчина едва заметно склонил голову вперед и вбок. — Я чтец, Никола.

Никс сглотнула.

— Вот как... — она не знала, как реагировать, и с чего это вдруг маг решил вот так вот запросто открыть ей свою специализацию.

— У меня не так уж много времени, но, мне кажется, наша с тобой встреча — звено цепи, крепче которой только мои убеждения. Женщина, которая встретила тебя на входе — мой секретарь, и позволять мне видеть своими глазами — часть ее оплачиваемой работы. Именно поэтому ее глаза сверкали: тогда через нее смотрел на тебя я.

— Страшные вы люди, и правда, — проговорила Никс.

— Садись сюда, уж минут двадцать у нас с тобой еще точно есть... — Абеляр Никитович отодвинул для Никс кресло. Никола не стала спорить и устроилась на мягком кожаном сидении прямо с ногами, оставив ботинки с бахилами на полу.

— Чтобы сэкономить время — открой мне свою память, — просто и без обиняков предложил старый маг. — Раз уж ты все равно хотела мне все рассказать.

— А это... безопасно? — Никс было, мягко говоря, не по себе.

— Вполне. Не волнуйся. Представь себе, что я — врач.

— Легко вам говорить, — Никс потупилась. — А я, между прочим, если вы еще не заметили, девушка молодая! Но, и правда, чего мне стесняться. Девушка я самая обыкновенная, вы, наверное, и не таких читали. И вы, в конце концов, были нашей надеждой. Не зря же, наверное, мы к вам шли.

Маг подошел к Никс, протянул руку и осторожно коснулся ее лба указательным и средним пальцами. Никс ничего не почувствовала, успев распознать лишь слабый запах имбиря.

Маг отнял руку. Взгляд его, и без того нерадостный, стал еще тяжелее.

— Так вот оно что, — проговорил он.

— Что? — встревоженно переспросила Никс.

Маг даже немного ссутулился на вид, как будто бы то, что он сумел волшебным образом узнать, стало давить ему на плечи. Он оперся об край стола одной рукой, а другой стал тереть и массировать лоб, как будто бы пытался прогнать мигрень.

— Несоввершеннолетний, необученный огненный элементалист в библиотеке университета — это, конечно, тот еще анекдот, — маг, взглянув на Николу, улыбнулся исподлобья (впрочем, вовсе не злобно), — но это ладно. И друзья твои — отрекшийся целитель в компании с отставным некромантом... неслыханные дела, толерантный век! Но что уж тут... так, вестимо, сложилось, виновата ты, что ли... А я, вот прямо сию минуту, жду отряд поглощающих магов, который ворвется сюда под вой сирен, соображая образцово-показательное задержание предполагаемого отступника Заповеди. Но, как я уже говорил, еще пятнадцать минут у нас с тобой есть.

— Вы знаете, я уже перестала что-либо понимать, — призналась Никс. — Страшные вещи вы какие-то говорите... А Камориль же сказал, что вы очень мудрый и сильный маг! Тогда почему вас будут задерживать? Я же... думала, что вы сумеете мне помочь, у меня же... У меня опекун мой пропал, а он мне — как отец, и больше у нас никого нет! Это значит, что кроме меня его никто не спасет!

— Знаю, — голос мага был тихим. Он подошел к сидящей на кресле Никс и, подтянув брючины, присел рядом, перенеся вес на одно колено. — Так вот, слушай... все, что я могу сделать — это дать тебе информацию. Но ты, Никс, больше никого из чтецов к своей голове не подпускай. Хорошо?

Никола кивнула.

— Так вот... Полчаса назад город накрыло заклятие 'Оторопь' — это я точно знаю. Хоть чтецы, как по мне, и калеки от магии, но кое-что мы умеем. Я, например, знаю по чуть-чуть теорию всех школ волшебства, причем даже кое-что из того, что давно позабыто истинными апологетами. Таланта, правда, ни к одной из прочих дисциплин у меня нет, и я ни разу не способен на шедевральные, безмолвные, многомерные чародейства типа тех, которыми вас развлекает ваш друг-некромант. Могу лишь так, сообразить кое-что элементарное, но совсем без огонька, если ты понимаешь, о чем я. Так вот. Это знание теории тем не менее помогает мне в определении чар. И я точно знаю, что сегодня была прочитана "Оторопь", — одно из заклинаний, производимых только при помощи речи и никак иначе, и последний раз его использовали в Войне Причин. Это же заклятие было кружевным, то есть очень сложным,

вычурно-персонифицированным. И сотворил его чтец. А я — единственный зарегистрированный чтец в этой части города.

— Но это не ваше заклятие?

— Не мое. Слишком оно сильно, и я бы отчаянно польстил себе, если бы предположил, что способен на такое. Я даже не знаю, кто ныне может такое прочесть... ведь исключительные чародеи давно перевелись. Но поглощающие уже в пути. Мои старые кости чувствуют сталь, с которой им придется иметь дело в скором времени. Но это неплохо, на самом деле. Я понял по тому, что ты видела, кто напал на твоих друзей. И я расскажу об этом поглощающим. И, уж поверь мне, они только рады будут расквитаться с оккупантами нижнего города. Они давно ищут повод.

— Расквитаться?.. — Никс заерзала на кресле. — То есть, как это? Поглощающие будут кого-то убивать? Прямо вот насмерть убивать? А они освободят Эль-Марко?

— Не знаю, — Абеляр покачал головой. — Я слышал о нем. Судя по всему, твой Эль-Марко — это тот самый целитель, отрекшийся от Пути, причем презрел свое предназначение он в самом детстве, что для целителя странно и неправильно. Не знаю, как поступят с ним поглощающие. Учитывая несанкционированную, практически нереальную "Оторопь" и такое вольное поведение вампиров... поглощающие будут жестоки. Я бы на месте Эль-Марко лишних встреч с ними избегал.

— Вот уж... — Никс засопела. — Увижу — поколочу! Мне он никогда не рассказывал ничего такого!

— И есть еще кое-что, что я должен тебе сказать, — Абеляр снова устремил на Николу тяжелый взгляд, от которого у девушки мурашки по спине побежали. — Не могу определить точно, откуда у меня это знание, ведь мой разум хранит в себе отпечатки многих чужих... Но я знаю кое-что такое, что должна знать ты: ключ от всех дверей, кроме одной — это не только вещь. Это еще и понятие.

— Понятие? — Никс недоуменно моргнула.

— Концепция, если угодно. Это все, что мне о нем известно.

— И на том спасибо, — пробормотала Никола. — А когда... поглощающие придут... что делать мне?..

— Ничего не делай. Особенно не делай ничего такого, что выдаст в тебе элементалиста. Ну, понимаешь, о чем я, да? Не поджигай библиотеку.

Никс хохотнула.

— Вы так серьезно это сказали, что я даже на секундочку представила себе, как бы я это сделала. Но... а они... им вас обязательно забирать? Ну то есть... вы уверены, что они прямо вот ворвутся и вас под стражу возьмут?

- 'Под стражу', - маг вздохнул. — Романов ты начиталась, при этом известно, каких. Сейчас это называется 'конвой'. Но да. Я почти уверен, что церемониться со мной не будут. Такова природа этих наших 'коллег', - Абеляр поднялся и подошел к невысокой деревянной лестнице на колесиках, используемой, очевидно, для того, чтобы доставать книги с верхних полок. Щелкнул чем-то и неожиданно сложил лестницу в скамейку. Сел, подперев голову ладонью. — Знаешь, Никс, бывает так, что тебе просто кажется, будто кто-то завидует тебе черной завистью. Но здесь — нет, не кажется. Все поглощающие, которых я знал, были исполнены злобы, как незрело бы это ни звучало, и мне казалось даже, что в эту самую черную дыру в их сердце и утекает любая направленная на них магия.

— А раз... вы считали мою память... — Никола замялась, — вас разве не смутил... ну,

Ромка. Мальчик. Судьбоплет.

Маг задумчиво глянул куда-то мимо Никс, будто бы в пустоту за ее плечом.

— Ты плохо знаешь историю, так? — спросил он у девочки.

— История? Ну скукота же, — пожалала плечами Никс. — А истории гильдий я не знаю, меня некому было учить, а до совершеннолетия время еще есть...

Абеляр Никитович вздохнул.

— Я слышал это слово — "судьбоплет" — всего лишь несколько раз в своей жизни, и было это давно. Да и разговор был из разряда шутливых обсуждений содержания желтых газет, непроверенных слухов, домыслов толпы. В общем, я сейчас буду пересказывать тебе сомнительную информацию... что будет довольно скучным, но больше тебе это все неоткуда узнать — ты слишком молода.

— Ладно уж, валяйте, — благодушно разрешила Никс. — Раз в двести лет я могу и послушать историю-другую!

Абеляр улыбнулся и, вернувшись из своего умозрительного путешествия по прошлому, заговорил:

— Как ты знаешь, тридцать четыре года назад окончилась Война Причин, длившаяся шесть лет. А что было до нее? До нее царила эпоха промышленных революций, последних королей, страшных массовых смертей и больших надежд. Это был век перенаселения, век открытий, век авантур и грандиозных строителей... Сейчас нам живется куда спокойней, да. Но ты не подумай, в то время, о котором я говорю, я был еще очень юн и сам пору эту помню плохо. Но ввиду моей профессии мне многое известно о тех временах. Так вот, тогда, до войны, маги умели творить заклинания при помощи слов. Не знаю, говорили ли они языком, хотя бы отдаленно напоминающим современный, или, может, использовали слова более древние, чем камни в фундаменте этого здания, но эффект той магии не сравнить с тем, что даже самый талантливый профессиональный чародей может сделать сейчас. В основном маги прошлого пользовались готовыми цельными фразами-формулами. Само произнесение формулы уже отнимало силы, и слишком слабый маг, попытавшись осилить заклятие, превышающее его возможности, мог упасть замертво.

И вот, случилась Война Причин, последняя глобальная война в истории континента. Представь себе, если можешь, что там творилось, учитывая бомбежки, отравляющий газ и на фоне всего этого — еще более яркие, чем взрывы, соцветия смертоносных заклятий. Натуральный кошмар наяву.

Так вот, старые чтецы говорят, что войну закончил судьбоплет.

Не было официальных объявлений, никому не вручали медалей или каких-либо миротворческих премий. Легенда родилась сама по себе и была пересказана из уст в уста: судьбоплет, судьбоплет!

Кабы кто помнил, как он это сделал.

Но я точно знаю одно: с тех пор никто не использует речь, колдуя. Вся нынешняя магия зиждется на прикосновении. Все нынешние маги черпают силу из глубин своего естества, отдавая взамен жизненные силы, энергию самого себя, — ну да это тебе известно, чай у тебя все еще пепел в волосах. Но маги прошлого умели зачерпывать волшебство из источников, сокрытых в их собственных душах; яркость и глубина тех чудес нам и не снилась.

Чью судьбу изменил тот судьбоплет? Одного человека? Всего мира? Был ли он вообще, где он сейчас? Способен ли судьбоплет на такие свершения? И если да — то разве он не подобен богу? Все это звучит слишком невероятно, чтобы быть правдой. Я подозреваю, что

если судьбоплеты на самом деле могут что-то поделать с твоей или моей судьбой, то это будут разве что какие-то незначительные перемены, которые, в свою очередь, и запустят эффект лавины. И эта лавина событий, как мне кажется, и стала причиной окончания войны. Поэтому, а не только из-за специфики последовавшей гражданской войны, образ "героя" в памяти народа так блекл — что ты за герой без превозмогания и фотографии со взрывом за спиной.

Никс хмыкнула.

— М-да, ваш рассказ явно не для моих ушей. Но суть я уловила. Судьбоплет покончил с войной, и при этом произошло что-то такое, из-за чего маги замолчали.

— Так и есть, — Абеляр развел руками.

— А с крыланом что будет? — внезапно спросила Никс.

— Ее зовут Сильва. Она, на самом деле, сама по себе.

'Как и я теперь', - подумала Никс и тут же будто бы очнулась от какого-то странного оцепенения. Оглянулась по сторонам. В библиотеке давно уже не было светло и жарко. За время их с Абеляром беседы солнце успело сместиться так, что лучи его перестали напрямую попадать в зал.

— Вы знаете, — Никс встала с кресла, — я, пожалуй, не буду вместе с вами дожидаться поглощающих. Я пойду. Все равно я вас от них не спасу... а так, может, мы с ними разминемся.

— Что ж, не самое плохое решение.

— Я понимаю. Вам, наверное, все-таки немного страшно. Я слышала, что чем дольше живешь, тем страшнее умирать.

— И это верно, — маг хмыкнул.

— Но и вы не можете помочь мне так... как мне это нужно. Вы не знаете, что мне делать. И я не знаю. Но мне нужно делать хоть что-то, ведь Эль-Марко в беде.

— Иди, девочка. Может, встретимся еще.

Маг поднял руку в прощальном жесте. Никс уже подошла к двери, но потом обернулась, подбежала к магу и коротко обняла.

— Пускай вам тоже везет, как проклятому, — сказала она на прощание.

Помнишь ли ты тонкую улыбку алого щербатого месяца, что поднимался над островами разрушенных башен там, где многоликий океан вгрызается в мягкое тело земли? Там, наступая ненароком на черепа покойников, добровольно отдавшихся волнам, можно пройти по мокрым камням к гроту, где бушующий океан затихает, где горят зеленоватым светом стеклянные бутоны фонарей, где у кострища, которое много веков назад было языческим капищем, я заплетал твои волосы в косы.

Долгие шелковистые пряди, яркие, как струны слепого дождя; кожа — как отполированная бронза, и узлы мышц под ней напрягаются, когда я ненароком делаю тебе больно.

Мне так хочется прикоснуться к тебе, почувствовать жар твоего тела. Тебе покажется, что это всего лишь холодный бриз, — и ты вздрогнешь, но это буду я. Пробежаться бы пальцами по тонкой излучине ключиц, провести черту по плечу, другой рукой касаясь губ, запрокидывая твою голову. И зубами, лунными звериными клыками впиться бы в твою шею справа, снизу, так, чтобы пошла кровь, и чтобы ты почувствовал, что именно я — тот, кто может подарить тебе равнозначную этой боли нежность.

Но я не стал.

Право же, касаться тебя — все равно, что плавить свечной воск в горниле кузничных печей. Мне страшно. Я боюсь сгореть, как мотылек, прельщенный отсветами пламени. А ты...

О чем ты думал, мой яркоглазый демон, когда сказал мне: "Найди свое солнце".

Мир вспыхнул, разлетелся на осколки плавящихся зеркал, вылился в глаза дождем из звезд.

— До тех пор, пока мы оба живы, ты будешь хранить меня, а я — охранять тебя, — произнес окончание древней клятвы сияющий демон.

Пальцами он зарылся мне в волосы, и я не знаю, как я выдерживал прямой взгляд его огненных глаз.

— Но какова цена? — спросил я.

— Ты будешь любить меня, — сказал он.

О, дыхание лета, языки костра, сияние живого золота, кто же может удержаться и не полюбить тебя, стоит тебе только пожелать?

— Ты будешь любить меня, — сказал он, — потому что иначе быть рядом со мной невозможно для человека.

Мари резко села на кровати. Она тяжело дышала, по лбу ее стекал пот.

— Осознанные сновидения, а? — произнесла она.

Вокруг ее кровати, на тумбочке и на шкафу, и даже на полу были расставлены горящие свечи, уже наполовину оплавившиеся.

Ступив на пол босыми ногами, она стала ходить по комнате и задувать пляшущие огоньки.

Комната погрузилась во тьму.

Мари снова присела на кровать, забралась на нее с ногами и стала смотреть прямо перед собой.

Она была близка.

Очень близка к тому, чтобы найти человека во сне и чтобы войти в его сон.

Но она вошла в чей-то чужой сон. И это оказалось для нее слишком тяжело. Видимо, психика спящего не была психикой обычного человека. Если обычные сны были похожи на компот в банке, тот этот сон был засахарившимся медом.

В нем было жарко и душно, и он заполнял легкие и все ее естество своей сутью пылающей, всепоглощающе жаркой любви, спрятанной где-то глубоко, под слоями земли, как воспаление легких, которого не заметил врач, как отступившая на мгновение головная боль, как зима, которая настанет рано или поздно, или как цунами, перед которым, хоть плачь, все равно малы и бессильны.

— Это же кого так плющит... — Мари сдавила руками виски, в которые бешено стучала кровь. Потом, опустив руки, склонила голову набок. — Я всего-то хотела узнать, думает ли он обо мне... А оно... Вон, как у людей бывает. Я как будто... и не жила, в сравнении с этим... чувством.

Я очнулся, кажется, лишь для того, чтобы снова шлепнуться в обморок: перед моим лицом висела настолько пугающая рожа, что я даже не сразу ощутил, что связан по рукам и ногам, и что тело мое болит — все, от головы до пят. Рожа была по-настоящему... странная.

Это определенно было лицо, огромное, размером примерно с две мои головы. В прозрачном зеленоватом желе его мясистой плоти смутно виднелся светящийся череп странной формы. Плоть пронизывали непрозрачные вены и артерии. Несколько дюжин маленьких черных глазок обрамляли два основных больших глаза, тоже черных и как будто бы неподвижных. Вниз от этой чудовищной головы шла такая же желеино-прозрачная шея. Пытаясь проследить, чем все это захватывающее великолепие заканчивается, я обнаружил, что подвешен над полом на расстоянии в полметра. Так же я немало удивился тому факту, что тварь, заглядывающая мне в душу, еще и держит в маленькой прозрачной ручке ложку с какой-то едой. Я принял: это было жаркое из говядины.

Существо издало странный утробный стон и тыкнуло мне ложкой с жарким в губы. Я все еще ничего не понимал, поэтому рта не открыл, так что содержимое ложки полилось мне по подбородку.

Странная тварь зачерпнула еще еды и снова ткнула ее мне в рот. Тут я не стал сопротивляться и покорно вкусил недурную, на самом деле, снедь. Конечно, от одного вида моего 'кормильца' меня бы стошнило (в нормальном состоянии), но тут мой организм явно алкал подпитки извне. Так всегда бывает, когда мне приходится регенерировать. А пока существо кормило меня, жутковато постанывая, я старался оглядеться и разобраться в ситуации.

Итак, я был привязан к деревянной конструкции в форме буквы 'Т' при помощи скотча. Привязали меня хорошо, отдельно каждую руку и ногу, так, что пошевелить чем-либо кроме головы я не мог. Даже пальцы приклеили по одному. Тюремной камерой мне, судя по всему, служил довольно просторный и темный отсек городской канализации. Сырость и запах ощущались соответствующие. Окон особо не наблюдалось, а свет шел от тусклой лампочки под самым потолком.

Наконец миска опустела, и странное существо отодвинулось от меня, повернулось и медленно поползло куда-то прочь. Я смог оценить его настоящие масштабы и увидеть, так сказать, всю картину целиком: тварь была чем-то вроде огромной гусеницы с множеством рук, головой, похожей на человеческую и со светящимся скелетом внутри. Так же с уродливой головы свисали похожие на водоросли отростки (волосы?), путаясь в ворохе обвислых крыльев разных размеров и форм, таких же прозрачно-белесых, как и остальное тело.

Оторвавшись от гипнотизирующе-жуткого зрелища уползающего чудовища я наконец различил прямо перед собой другого пленника, которому явно досталось больше, чем мне.

По черным космам, выглядывающим из-под маски и по общему абрису фигуры я понял, что это Камориль. Он был так же, как я, на высоте полуметра привязан к деревянной конструкции, скорее, похожей на стоящий на боку крест с дополнительной вертикальной балкой посередине, причем зафиксирован некромант был не только скотчем, но и кожаными ремнями. Голова его, к тому же, оказалась прикреплена к срединной балке ремнем, а сверху на нее была надета маска, оставляющая открытым только кончик носа. Маска прилегалась плотно, очевидно лишая его возможности видеть и говорить. Он был раздет по пояс, и по исполосованной лентами скотча груди причудливо разлилось жаркое, которым его, очевидно, тоже уже 'покармили', не догадавшись освободить хотя бы рот.

Я хотел было позвать его, но услышал, как скрипнула железная дверь, и решил погодить.

В свет лампы вышла высокая, невероятно тощая женщина в кожаных трусах.

Я к тому моменту уже не мог удивляться, а потому отметил это для себя так, фоном,

мол, 'странная какая-то, и не холодно ей?'. Кроме кожаных трусов на ней были агрессивного вида сапоги на высокой платформе (ага, значит сама она не такая уж высокая), кожаные перчатки без пальцев и черная короткая маечка в обтяжку, подчеркивающая почти полное отсутствие груди. Так же сия барышня имела на голове растрепанную короткую стрижку с ажурно выбритыми висками и множество металлических сережек в ушах, носу, губах и бровях. А худая она была, кстати, невероятно. Я-то думал, что Камориль — тощий, но эта цыпочка давала ему о-го-го какую фору.

На меня она внимания особо не обратила, зато, увидев живописно размазанное по Камориль жаркое, пришла в бешенство.

— Ах ты ж отродье, Лунь! Я же говорила, что можно маску снять! Сука мертворожденная, откуда ты такой придурочный взялся!.. А, ладно...

Я наблюдал, как она, стоя ко мне спиной, стягивает майку и, встав на шатающийся стул, вытирает грудь и подбородок Камориль. Под майкой на спине у нее обнаружилась некая завязочка, оказавшаяся частью кожаного лифа бикини.

Камориль застонал, очевидно, приходя в себя. Первые несколько секунд он метался в ужасе. Я себе представляю, каково ему было: проснуться слепым и обездвиженным на самом деле страшно. Затем он успокоился. Девушка следила за его судорогами молча и, что-то мне подсказывало, даже с удовольствием.

Когда некромант затих, барышня стала распускать шнуровку у него на рту.

— И снова здравствуй, Камориль, — проговорила девушка, и тут я наконец узнал давешний голос загадочной незнакомки в черном. Да, это была она.

— Вера, — прохрипел Камориль.

— Ну вот, теперь ты не станешь убивать никого из нас, — довольно проговорила она. — Ну что, как самочувствие? Как плечики, болят? Что еще болит? Есть хочешь?

Камориль не ответил ничего.

— Эй, Йер, паршиво выглядишь, — хотел сказать я, но у меня получилось как-то тихо и тоже полускрипом.

— Мйар... слышишься ты не лучше, — отвечивал Камориль и тут же раскашлялся.

— Эй, тебе никто не давал права голоса! — возмутилась Вера, переставляя стул поближе ко мне. Передо мной возникла ее скуластая голова и недовольное лицо, покрытое тонкой сеткой шрамов.

— Йер, она меня сейчас заткнет, но я тут, напротив тебя! — успел я сообщить первое попавшееся, что показалось мне важным, пока Вера не затянула на моем затылке ремень от кляпа, всунув полый шар с дырками для дыхания прямо мне в рот.

Итак, я мог все видеть, но не мог говорить, а Камориль мог разговаривать, но глаза его были закрыты плотной материей.

— Так-то лучше, — и Вера снова обратила свой взор на Камориль. Перетащила стул. Встала на него, взяв в руки кружку с водой, и стала поить Камориль. Он сделал пару жадных глотков. Вера отдала кружку от его губ и, подняв ее повыше, вылила содержимое Камориль на голову. Вода мелкими струйками потекла вниз по его волосам и груди.

— Ты объяснишь мне, зачем тебе все это? — произнес Камориль тихим, почти что нежным голосом.

— Проблемы с гильдией некромантов, ты имеешь в виду? — спросила Вера. — Это уже не имеет значения.

— Что я тебе сделал, Вера?

— Я же сказала, Камориль, ничего личного! — она отодвинула стул и уселась на него. — Хочешь, я тебе прямо сейчас твой коньяк отдам. Прямо в горло тебе волью, чтобы у тебя там сжарилось все. Или на голову тебе вылью в качестве контрастного душа.

— Это называется теперь 'ничего личного'? — бледная тень улыбки скользнула по губам некроманта.

— А вот нечего было моих ребят убивать! — Вера вскочила на ноги, подняла стул и швырнула его в стену. Тот, будучи и так латанным-перелатанным, рассыпался деревянной трухой.

Я вздрогнул. перевел взгляд на Камориль — он улыбался чуть шире.

— Вот потому что меня окружают такие славные женщины, Мйар, вот именно поэтому, — сказал он.

Вера отошла куда-то, но вскоре вернулась, неся второй стул. Села на него, положив ноги на стоящий рядом стол.

— Я не хотел убивать твоих ребят, — проговорил Камориль. — Правда. Да, Мйар, вампиры так же немертвы, как я. Чтобы ты не удивлялся. У них что-то вроде бешенства — это их 'проклятье'. Пока пьют кровь — сохраняют рассудок...

— А ну заткнись! — взревела Вера, хватаясь за нож. Но в этот раз довольно быстро остыла. Ножа, правда, не опустила. Пододвинула стул снова к Камориль, забралась на него и стала водить некроманту по груди тускло поблескивающим острием. — Кстати, тебе будет полезно знать, что мне велено вас не убивать. Но калечить можно. Тебя.

Когда вампирша сказала это, у меня внутри все похолодело. Я и представить себе не мог, что чувствует Камориль, по груди и верху живота которого гуляет нож.

— И кто же теперь стоит над тобой, глава клана? — все так же тихо и бесцветно осведомился Камориль. — Что же нужно было тебе пообещать, чтобы ты?..

— Ты, как никто другой, знаешь, что мне нужно, — Вера перестала водить ножичком по его груди, зато теперь начала ласково скрести его тощими пальцами с длинными желтыми когтями. — И я-то — ладно, но это нужно моим братьям. Правда, нужно. И никто кроме Нее не сможет нам этого дать.

— Кого 'нее'? — спросил Камориль.

— Никто кроме Богини не способен на то, чтобы избавить нас от проклятия крови, — торжественно проговорила Вера, и в глазах ее сверкнула чуть ли не религиозная одержимость.

Камориль замолк. Я насторожился, вспоминая: ведь сестра Камориль тоже говорила что-то про какую-то богиню! Неужели это его темное прошлое вырывается из гроба, чтобы мстить?.. А я думал, что эти все беды за мной...

— Богиня... — полупшепотом протянул Камориль. — Затворница и Цель?

Вера истерически расхохоталась, как это любят делать эксцентричные злодеи в кино. Потом она стала смеяться искреннее, почти до слез. Потерла глаза рукой.

— Ой, я не могу, Йер, — сказала она. — Вот уж не думала, что ты язычник.

Потом она стала серьезной.

— Это новая Богиня, Йер, и ты ее не знаешь. Мы все думали, что живем в век, когда чудеса закончились, и когда великих войн больше не будет. Готова поспорить, что многие думают, будто бы наша планета — конечно, и ее можно изучить.

— О чем ты, Вера?.. — слабо спросил некромант. — Я теряю нить...

— Естественно, тебе меня не понять, — Вера хмыкнула. — Ты же даже пальцем Ее не

касался.

— Так как твоя 'Богиня' собирается избавлять вас от проклятия крови?..

Я не видел, что там происходит именно, потому как Вера стояла ко мне спиной. Я видел только часть лица Камориль, свободную от маски и то, что Вера что-то делает на уровне своего лица. Потом она, все еще стоя на стуле, наклонилась к груди Камориль, и через мгновение губы некроманта коротко скривились.

Мне хотелось спросить, что происходит, но кляп во рту не давал.

Вера стала что-то делать руками уже на уровне груди Камориль.

— Вот так хорошо, — заключила она удовлетворенно. — Теперь это касается и тебя, некромант. Теперь она будет избавлять от проклятия крови нас с тобой.

Губы Камориль сложились в сдержанную улыбку. Я узнал ее — так он улыбается, если его собеседник говорит очевидную глупость. У меня от сердца отлегло, потому как я успел себе представить уже много чего ужасного.

— Чего лыбишься? — спросила Вера. — Лучше подумай о том, как угодить Богине, иначе после первой смерти не видать тебе второй жизни.

— Не то чтобы я так уж боялся умирать, — произнес Камориль, — но разве это обязательное условие для того, чтобы нравиться Богине?

— Ты ей не понравишься, она не любит женоподобных уродцев вроде тебя, — фыркнула Вера. — А я — люблю. Собственно... Мне велено держать вас здесь. Не знаю сколько. Сколько понадобится. Месяц, два.

Когда она это сказала, мне поплохело. Нет, очевидно, что барышня не в себе, но почему-то этим ее словам о сроках я поверил. И тут она перестала мозолить взглядом Камориль и оглянулась на меня.

— Что, испугался? Правильно.

Она слезла со стула и направилась ко мне. Я глянул на Камориль и увидел свежую струйку голубоватой крови, текущую по его груди. Перевел взгляд выше и сглотнул: те манипуляции — это Вера прокусила Камориль сосок и вставила в него одну из своих сережек. Видимо, так она рассчитывала заразить Камориль 'проклятием крови' — очевидно, вампиризмом. И я, в принципе, понимаю, почему Камориль улыбался — возможно, гемоцианин в его крови защитит его от этого. Только бы этой чокнутой вампирше не пришла в голову мысль сообразить такой же пирсинг мне!

Кажется, Камориль испугался того же.

— Эй, Вера, — позвал он. — То есть, ты будешь кормить нас с ложечки два месяца? Меня, уродца, надругавшегося над трупами твоих братьев, и его, порвавшего с десятков молодых глоток, которым бы еще лакать и лакать свежую кровь? А вместо этого они сами поперхнулись своей жидкой, проклятой кровью, сдохли, еще не рехнувшись, как подстреленные псы!

Да, у Камориль получилось привести Веру в бешенство, если только это было его целью. Но ежели он хотел просто отвлечь ее внимание на себя, то мог бы и помягче выразиться!

Вампиршу затрясло.

— Ты за это ответишь!

Она бросилась к столу и стала перебирать лежащие на нем инструменты. Выбрала плоскогубцы, затем бросила. Потом взяла в руки ножницы и залезла на стул возле Камориль. Не шибко церемонясь, намотала на кулак прядь его спутанных волос.

— Вера, — необыкновенно нежно прозвучал голос Камориль.

Она замерла.

— Но это ведь ничто в сравнении с тем, что тебе пришлось пережить из-за меня. Бей меня и кусай — а толку-то, Вера? Да хоть ножиком режь. Ну а если Богиня все равно пророчит им вторую жизнь, тем, кто умер за нее, — то разве я все еще виноват? Тем скорее они избавятся от проклятия крови, разве не так?

Вера молча отпустила его волосы.

— Ты выводешь меня из себя, — сухо сказала она. — Я поняла, ты делаешь это специально. Чтобы я не обращала внимания на твоего друга. Ты, несомненно, хорош, но этого недостаточно.

Она опять слезла на пол, но ко мне идти не спешила.

— У меня для вас уже приготовлена развлекательная программа, — проворковала Вера. — Мне сказали вас не убивать, но о психической неприкасаемости речи не шло. У нас тут, знаешь, не так уж много развлечений внизу.

— Телевизор не смотрите? — хмыкнул Камориль.

— Напротив! — Вера душещипательно улыбнулась, обнажив клыки. — Именно оттуда идеи и черпаем! Видал пятый "Топор"?

Камориль промолчал, хотя Вера явно ждала ответа.

— Собственно, — продолжила вампирша, — сверху мне предельно ясно намекнули, что если кто-то из вас в итоге свихнется, то это будет только кстати. Вы ей не нужны в здравом рассудке. И эту сложную задачу — свести вас с ума — она предоставила мне. И я задумалась: что может сломить такого, как ты?

Вера подошла ко мне, все еще держа в руках ножницы, но вопрос явно предназначался Камориль.

— Телесные муки вот этой нежной фиалки? Не думаю. Тебя, бледная тварь, вообще мало что колышет, сдается мне. Уж кровь и кишки тебя точно не смутят. Но... есть у меня одна идея...

Вера замолкла, прикусив губу.

— Ну и каков же твой гениальный план?.. — спросил Камориль. И в этом вопросе я, к своему удивлению, услышал беспокойство.

— План? — Вера повела плечом. — Плана нет. Разве неопределенность — не худший твой кошмар? Будем веселиться. Будем... пробовать. Может, что-то и найдем. Времени-то в достатке. А вы оба, кажется, отлично регенерируете.

Она снова забралась на стул возле Камориль и подцепила ножницами свежевставленную серьгу. Резко рванула на себя. Губы Камориль снова скривились.

Серьга отлетела куда-то в темный угол.

Вера обмакнула палец в струйку крови, возобновившую свой путь по коже Камориль.

— Для начала, например, у нас тут есть камера, где на полу всегда воды по щиколотку, — она стала размазывать кровь некрманта ему по груди. — Я заставлю вас иметь друг друга по очереди, а если вы не будете этого делать, то получите разряд.

Вера поднесла окровавленный палец к губам Камориль и провела по ним.

— О, я вижу, тебе нравится эта идея, — захохотала она. — Ну, если хорошо пойдет, то этим зрелищем можно развлечь куда больше народу. Можно организовать прозрачный теплый душ. И крепкий переменный ток. А потом кто-то сможет к вам присоединиться.

— А ты не боишься, что этому кому-то, — тихо прошипел Камориль, — я оторву голову

еще до того, как он успеет снять штаны, а потом удовлетворю свою страсть именно при помощи новообразовавшихся в нем отверстий? Это достаточно развлечет твоих собратьев?

Вера наотмашь ударила Камориль. Я думал, она дала ему пощечину, но нет. Судя по начинающим кровоточить бороздам, рассекшим некроманту щеку и губы, Вера использовала когти. Потом она, не церемонясь, туго зашнуровала маску у него на лице.

— Достаточно, — процедила она сквозь зубы. — Следующую пару суток посидите без еды. Может, станете стоворчивей.

И, толкнув ногой многострадальный стул, глава клана вампиров ушла, хлопнув железной дверью.

Я пребывал под глубоким впечатлением от ее разговора с Камориль. Что за дела!..

Какая-то Богиня, надобность оставить нас в живых, но заставить сойти с ума... Вот уж бред. Может быть, она сама сумасшедшая? Навскидку, Вера страдает целым букетом личностных расстройств, и хотя бы житейской смекалки за этой инсталляцией не проглядывает. Как же она стала главой клана? Может, по наследству? Или... случайно? Вариантов уйма, в самом деле.

Одно я понял отчетливо: оставаться тут означенный срок — не наш вариант. Нужно суметь выбраться отсюда как можно скорее.

Я, вообще, мало знал о вампирах, и эта дамочка, даже в купе со своими кожаными трусами, никак не поспособствовала формированию у меня хорошего об их братии мнения. Камориль, видать, знал намного больше. Но теперь и он не мог говорить. Что же делать...

Еще это странное чудовище по имени 'Лунь' — что оно такое?.. Может, в такое превращаются вампиры? Да ну, бред!

И это ее 'Я вижу, тебе нравится эта идея' — с чего она это взяла? Неужели?..

Я скосил взгляд на Камориль. Его серьги-полумесяцы были все еще на нем — видимо, их не удосужились сорвать, а значит, у нас есть кое-что неожиданное для наших тюремщиков. А кроме прочего, где-то во мне все еще сидит костяной нож. Вот только, как его достать?

Я запоздало понял, что не спросил у некроманта, каким образом этот нож извлекается из костей носителя. Выходит, нож во мне, а как его достать, знает только Камориль. А Камориль не может говорить, да и я ничего не могу спросить у него.

Что же делать?

Пошевелиться я не мог. Вообще. Только голову мог поворачивать. Проклятый пластмассовый кляп у меня во рту был явно куплен в каком-нибудь секс-шопе и придавал моему положению толику горькой ироничности. Стоп. Пластмассовый?..

Я сделал то, чего раньше не пытался: попробовал применить силу и как бы разжевать кляп. Все-таки не зря же я всю жизнь вынужден подавлять свою улыбчивость и прятать от посторонних глаз мои желтые клыки. Мне пришлось изрядно напрячься и даже опереть нижнюю челюсть о плечо, повернув голову, и вот, при помощи такой импровизированной точки опоры, я смог раздавить пластмассу. Под напором моих зубов кляп треснул, и через некоторое время я радостно плевался его разжеванными кусками.

К сожалению, дотянуться ртом до связывающего меня скотча я не мог.

— Эй, Камориль, — позвал я. — А я разжевал кляп!

Камориль издал непонятный звук, похожий на хмык. Наверное, маска не дала ему изречь какую-нибудь колкость по поводу моей сообразительности, но это и к лучшему.

— Йер, как мне вытащить нож? — все-таки попытался я. — Что-то не нравится мне тут!

Надо выбираться!

Камориль промычал что-то невнятное.

— Не понимаю, — грустно сообщил я.

Ну, что же делать дальше? Попробовать выработать какой-то шифр, чтобы Камориль по буквам намычал мне, как вытащить нож? Можно, но долго. Что же делать? Очень актуальный вопрос в таком положении.

Я стал осматривать нашу камеру на предмет чего-либо, что может мне помочь или натолкнуть на идею. Вот стол, на нем строительные и слесарные инструменты, мотки скотча, которым нас привязывали, какой-то мусор. Лампочка под потолком, опять же. Камориль, распятый на кресте, его черные кожаные штаны в какой-то белой пыли, как будто бы его тащили по побеленной известкой стенке...

Лунь придет кормить нас не раньше чем через двое суток. Ну хорошо. Если он придет, то что я смогу сделать? Украсить у него губами ложку? А вдруг это чудовище разозлится? Нет, не вариант.

Может, закричать? И тоже поймет увлекательную беседу с Верой и ее извращенческими наклонностями? Ну уж, нет. Я, пожалуй, этого удовольствия себя лишу.

Как же быть?

Я снова посмотрел на Камориль:

— Ну и попали мы с тобой, а. Кажется, в таком положении мы впервые.

Камориль ничего не ответил, только вздохнул.

— Довольно неприятно быть настолько беспомощным, — признался я. — А эта барышня... Интересно, откуда ты ее знаешь? А впрочем, нет, не говори, даже думать об этом не хочу. Ее кожаные трусы и твои кожаные штаны... Что-то у вас есть, знаешь, похожее, мне даже удивительно как-то, чего это вы не нашли с ней общий язык.

Камориль, естественно, снова промолчал.

— Она же это... как называется... вуайеристка, да? Иначе б зачем ей такое всякое предлагать. Эх, чем бы дитя не тешилось...

И тут у меня произошел, как это нынче называется, инсайт. То бишь озарение ко мне пришло. Я еще точно не знал, как это сделать, но... Я кое-что вспомнил о Камориль. Кое-что такое, что не делает ему чести в обычной ситуации, но может помочь нам сейчас.

Я сглотнул. Похоже, мне предстоит недюжинное испытание. Мне придется делать то, чего я делать не привык и не очень-то умею. Косвенно выражаясь, сейчас я должен буду поработать языком. Насколько странно бы это ни звучало.

И я начал.

— Эй, Камориль, — мой голос подвел меня поначалу, поэтому мне пришлось повторить: — Камориль Тар-Йер. Знаешь, я вот что подумал... А может, нам стоило принять ее предложение?.. Не подумай чего хорошего. Я имею в виду душ. Ну, она же была вполне серьезна, так? Мало ли, по пути туда или обратно нам бы выдался шанс сбежать. Они же нас всяко развяжут, чтобы мы могли... доставить им это их нездоровое удовольствие наблюдать за мокрыми, разгоряченными телами. Я же... Я же все понимаю. Одно дело — личные отношения, но совсем другое — вопрос жизни и смерти, и здравого рассудка тоже. Ну, в общем, если она еще раз предложит... ты не будь так категоричен. Тем более, я же знаю, что ты этого хочешь. Гадкий ты, кстати говоря, извращенец. Ну, а потом... сделаем вид, что ничего не было. Да и какая кому разница. Это же только... между тобой и мной. К тому же, я уже начинаю чувствовать запах грязного тела... И не только своего. А так... Я бы мог взять

тебя... и хорошенько отмыть.

Я сглотнул. Пока что вроде ожидаемого эффекта не было. Градус недостаточен? Ну что ж. Деваться некуда. Надо продолжать.

— Представь себе. Теплая вода струится по моей спине. Волосы тоже мокрые, свиваются спиральками, тяжелые, прилипают к плечам. Ты чувствуешь, что моя кожа горячее воды. Прижимаешься ко мне, ощущая телом все рельефные места. И ты вправе это делать. Можно. Мне приятно. Ты можешь касаться меня всюду. И я целую тебя сразу глубоко и жестко, так, как некоторые девушки не любят. Но тебе нравится, да? Эти сладостные ощущения, так похожие на боль... Твои руки скользят по моим бедрам, плечам и груди. И мое тело отвечает тебе, ведь я чувствителен, как шестнадцатилетка. Я прикусываю мочку твоего уха, прижимая тебя к себе за талию. Спускаюсь к шее и целую ее так, чтобы оставить след. Он будет напоминать тебе об этом, даже когда все кончится. Но до этого еще далеко. Я прижимаю тебя к холодной стене, наваливаясь теплой приятной тяжестью, и ты чувствуешь, как мои прикосновения обжигают тебя, проникают под кожу, заставляют ластиться и желать большего. И ты получишь все, чего хотел, в полном объеме, и это будет в тысячу раз лучше, чем ты мог представить. Ведь ты уже представлял себе, как это будет, а? Так вот, это будет глубоко, долго и горячо. Я буду истязать тебя, пока ты не станешь просить пощады, изгибаясь в моих руках молодой лозой, постанывая от растекающегося внутри тебя удовольствия...

Сработало.

Примерно на высоте пятых ребер у Камориль стремительно выросли еще четыре руки, по две с каждой стороны. Они вырастают у него каждый раз, когда он по-настоящему возбужден. И отпадают пустыми хитиновыми оболочками после. Это не настоящие руки, они только выглядят человеческими. В них, по сути, даже костей нет.

Камориль тут же стал расшнуровывать свою маску одной парой рук, а другой расстегивать ремни у горла и за головой.

Когда маска полетела куда-то вниз, и он смог говорить и смотреть на меня, первым, что он сказал, было:

— Ах ты, сукин сын, ты думай вообще, что говоришь! Если я сейчас освобожусь первым, то ты рискуешь быть изнасилованным прямо не слезая с креста!

— Я знаю, что ты знаешь, что я никогда тебе этого не прощу, — с усмешкой проговорил я.

Камориль попытался дотянуться дополнительными руками до ремней на основных руках, но не смог.

— Еще б чуть-чуть! — заскрежетал зубами он.

— Ты лучше скажи мне, как вызвать костяной нож? — поторопил его я. — Если, например, я его из запястья вызову, то у меня рука освободится, и я смогу себя развязать и потом тебя.

— Мне надо тебя коснуться для этого, — расстроено сказал Камориль. — Такая вот... накладочка получилась. Ну ничего. Мне чуть-чуть осталось... А ну, Мйар, давай... поработай еще немного. Раз теперь я тебя вижу... оближи губы.

Как-то мне стало совсем уж обжигающе стыдно. Но, что делать. Подчинился.

— А теперь медленно... оближи плечо... я верю, ты сможешь... Да, так, хорошо... О-о... Очень хорошо... Отлично.

Дополнительные руки Камориль смогли дотянуться к запястьям основных и развязать

на них ремни, а потом и отодрать скотч.

Через пару минут Камориль был уже на свободе. Потирая ноющие суставы, он присел на стул Веры и глянул на все еще связанного меня снизу вверх.

— Какие недюжинные таланты сокрыты в тебе, друг мой, глубоко и надежно! Какая страсть!..

— Камориль, развязывай меня давай! — зарычал я. — Не будь свиньей!

— Сейчас-сейчас. Успокоюсь. Не хочешь же ты и правда...

— Камориль!

— Ладно-ладно. Считаю, уже.

Никс, гуляя по не слишком знакомому ей городу, тщетно пыталась придумать план, как же ей вызволить Эль-Марко и, если получится, остальных, и при том не пропасть самой. Она не знала, где именно искать тех вампиров, что похитили ее друзей, но помнила, как легко загорелся напавший на нее упырь, как он вспыхнул, будто бы бензином облитый. Мясо так не горит.

Тем временем над городом сгущались сумерки, и вот-вот должны были загореться фонари. Похолодало. Люди с удивлением косились на девчонку, гуляющую в такую погоду с коротким рукавом, но Николе снова не было холодно.

Она купила себе в ларьке два пирожка с повидлом и чай и устроилась на ступеньках под массивным бронзовым памятником, изображающим трех коней на горящем шаре. Символизм скульптуры остался для Никс неразгаданным.

Фонари наконец включились, но странный памятник почему-то остался в тени. Никс покончила с пирожками, а чай решила растянуть на подольше, ведь всем известно, что под чаек думается лучше всего.

Итак, ключ от всех дверей, кроме одной — не вещь, а понятие. Но когда Никс начинала об этом думать, в ее мозгу как будто бы кто-то дергал стоп-кран. Мысли упирались в стерильную белую стену из гладкого пластика.

— Ну хорошо, предположим, этот ключ — ну, например, любовь. Хорошо, — Никс решила проговорить вслух свои мысли, в надежде их собрать. — То есть, с необычным даром Ромки справится любовь? И он должен ее найти. Нет, они все должны ее найти. Слишком просто и слишком сложно, как по мне.

В трех метрах от ступенек памятника нарисовалась темная фигура. Судя по очертаниям, это был мужчина в какой-то мешковатой мятой одежде. Двигался он как-то неуверенно, расхлябанно, а когда он подошел совсем близко, Никс по запаху определила обыкновенного горожанина навеселе.

— Эй, детка, куришь? — спросил потрепанный жизнью мужчина с мутным взглядом.

Никс, смотря на него снизу вверх, спокойно ответила:

— Ну.

Мужчина вынул откуда-то суровую папироску и протянул характерным жестом, выпрашивая огня. Никс подняла руку и щелкнула пальцами. Третью фалангу указательного обвилось живое пламя, не причиняя никакого вреда своей владелице, однако, соприкоснувшись с сигаретой, огонек будто бы взбесился: он поглотил бумагу и пахучую траву разом, как 'слизал'. Мужик, охнув, отдернул руку, попятился, споткнулся, упал, прополз немного, потом снова поднялся на ноги и спешно скрылся за поворотом, выкрикивая от испуга мерзкие в своей вульгарности оскорбления и проклятья.

Никс хохотнула ему вслед, допивая чай, подогретый прямо в стаканчике ее же ладонями.

В этот момент откуда-то с другой стороны, из самой густой темноты вышел кто-то еще.

Никс дернулась, расплескивая остатки чая — больно уж внезапно этот некто проявился. Она могла бы поклясться, что секунду назад там, в темноте, никого не было.

— При-ивет, — нараспев произнес молодой человек, проводя пальцами по волосам.

Между недлинных русых прядей сверкнули маленькие фиолетоватые молнии, и волосы парня поднялись вслед за его пальцами. — Ты чего цивилизов пугаешь? И кого здесь ждешь?

— Охренеть, — произнесла Никола. В этом ее возгласе смешалось на самом деле очень много чувств. — Ты... это... чего такой дерзкий?.. И откуда взялся? Ты что, наблюдал за мной?

Никс поднялась на ноги. Парень тем временем остановился в двух метрах от нее и дальше не шел.

Пахло дождем.

— Я тут ребят жду, чтобы провести в 'Колбасу' через черный ход, у нас там выступление скоро, — молодой человек улыбнулся, пытаясь сгладить конфликт. — Ну чего ты как дикий бурундук? Я прям даже испугался. Испепелишь же!

— Испепелю, можешь не сомневаться, — пообещала Никс. — И сам ты — бурундук! И ты... что ли... что это за молнии у тебя между пальцев бегают? Неужели ты...

— Ну да, я — как ты, только... немного не так, — парень растопырил пятерню, демонстрируя свой 'талант', и снова сжал в кулак. — Такие дела. Но ты бы, на самом деле, не показывала это на людях... не принято это, как бы.

— Знаю, — фыркнула Никс. — У меня просто настрой мерзкий, а тут этот мужик пьяный еще...

— Чего настрой мерзкий? — осведомился незнакомый элементарист, стремительно превращаясь в знакомого.

— История длинная, и я не вру, — вздохнула Никола.

— Что, парень бросил?..

Вот этого ему лучше было не говорить. В точку он, конечно, не попал, но Никс разъярить сумел. И если ее обычная злость бывала яркой и быстрой, то глубокие эмоции обычно никак не отражались у нее на лице, зато все, что вокруг, горело синим пламенем, и никаких иносказаний.

Никс положила руку на металлический шар, на котором стояли гарцующие кони. Металл зарозовел.

Парень присвистнул.

— Все ясно, — сказал он, как будто бы и правда все понял. — Ну, значит, тебе Потерянным велено было со мной встретиться! Пойдем, фрик-клуб 'Колбаса' как раз для таких, как мы!

— То есть? — Никс отняла руку от статуи, побоявшись, что та совсем расплавится.

— Придем, поймешь, — подмигнул элементарист. — Да не бойся ты! Ты ж вон чего творить умеешь, чего тебе бояться? А там послушаешь песенки, дернешь чего покрепче, потанцуешь, развеешься. Глядишь, к утру тоска пройдет. Возможно, оставив кратковременную головную боль, но то пустое. А? Ну, чего? Не ломайся, пошли.

Вот это хорошо ему говорить такое девушке, еще и в темной подворотне. О чем он только думает... хоть бы вспомнил, во что одет: широкие джинсы, толстовка, жилетка с цепочками, баф на шее черный и внезапно зеленый галстук, — итого получается достаточно хулиганский вид, если не брать в расчет тот самый галстук. Однако же лицо у парня было простым и открытым, и еще на нем примечательно выделялись широкие черные брови.

Никс поджала губы, подумав, что парнишка вроде как искренне ей добра желает. Наверное, и правда подумал, что ее 'парень бросил'. Это ж кого из 'бросивших' парнем считать...

Щеки Никс стремительно порозовели. Она попыталась взять себя в руки так оперативно, как только можно.

— А звать-то тебя как? — спросила Никс у элементалиста, который терпеливо ждал, пока она решит, что делать.

— Я — Ари, это сокращенное от Аристарх. Мой папаня — оригинал и упрямец, каких поискать, так что мама не смогла его никак переубедить и назвать по-своему. Она, впрочем, предлагала имя Модест, так что я, порою, даже рад тому, что батя настоял на 'Аристархе'.

— То есть, — голос Николы стал тихим, — тебя отец... учил...

— Ну да, — Ари кивнул. — А тебя как зовут?

— Никола.

Аристарх широко улыбнулся.

— Со всеми бывает! То есть, будем знакомы! Ну что, пошли?

— Но у меня денег нет...

— Ничего, все в порядке, я тебя так проведу!

— А как же друзья, которых ты ждешь?

— Ничего, сами дойдут, а у входа просто мне позвонят!

— А как же...

— Что?..

Ари смотрел на нее вопросительно, не понимая, какие еще тут могут быть отговорки.

Никс зажмурилась и выпалила, стиснув кулаки:

— Моих друзей похитили вампиры!

Когда она открыла глаза, Ари уже подошел к ней чуть ближе и немного наклонился, чтобы заглянуть в лицо.

— Смотрю, не врешь, — констатировал он. — Ну, саму к вампирам я тебя не отпущу. Это раз. Тем более, ночью. Это два. Значит, планы никак не меняются, идем в 'Колбасу', а после выступления поговорим о твоих друзьях.

— Ты что, хочешь мне... помочь? — Никс не верилось.

— Знаешь, как называется наша группа? — подмигнул ей Ари.

— Нет.

— Наш фронтмэн — книжный червь, так вот он начитался всякого, и решил назвать группу 'Дух огня', — это прозвище таинственного и знаменитого исключительного чародея прошлого, и мы все думаем, что он был элементалист! Но мы с ним не согласились и назвали группу 'Негорюй', потому что, во-первых, играем соответствующую музыку, а во-вторых, наш фронтмэн, ко всему прочему, элементалист льда, чуешь, какая игра слов получается?

— Я совсем запуталась, — призналась Никс.

— А то! Немудрено! Но ты верь мне, она есть, хоть сразу ее можно и не заметить. Это я все к чему. К тому, что ты не сомневайся, однопильдейцы — это хорошо, потому, что вместе мы — сила, мы непобедимы! И ты не думай, мы не из тех, кто пафосно называется, но при этом ни разу названию не соответствует! Все совсем не так! Именно потому, что мы соответствуем своему названию и постулируемым тезисам, мы просто обязаны хотя бы выслушать твою проблему, ведь всегда остается небольшая вероятность, что про вампиров — это тебе показалось, в любом случае...

Никс поняла, что Ари просто-напросто очень общительный, если не сказать — болтливый, и именно поэтому заговорил с ней. Или просто он 'сел на любимого конька', и на

самом деле любит свою 'Негорюй'. Страх отступил.

— Ладно, пойдём, уломал, — махнула рукой Никс. — Ох, как же я устала, на самом-то деле.

Ари радостно сжал кулаки.

— Да! Ура! Я сделал это! Теперь у нас есть ещё один фанат!

— Эй! Какой это я ещё фанат? Я же даже не слышала, что вы там играете!

— Тебе обязательно понравится! — заверил её Ари. — Разрази меня гром!

И в его распростёртых ладонях проскользнуло несколько фиолетовых молний, как бы подтверждая серьёзность заявлений.

Чудовище явно было слишком большим, чтобы пролезть в дверь. Да и сама дверь не была рассчитана на такие размеры. Но все-таки кое-как, практически уподобясь упрямой кошке, нашедшей способ просочиться в щель забора, существо проникло внутрь камеры, даже умудрившись не расплескать нечто съедобное из оловянной миски.

Камера служила раньше, судя по всему, медицинским кабинетом, и в ней даже имелась подранная лежанка на колесиках, правда, намертво приколоченная одной стороной к стене.

Очевидно, упыри решили, что Эль-Марко не доставит им особых хлопот, а потому не стали его связывать: просто закрыли на замок, отобрав телефон, 'парабеллум' и почему-то даже любимый цилиндр.

Со времени внезапной облавы прошли сутки, и Эль-Марко успел хорошенько изучить место своего заключения и вдоволь подумать о приключившейся ситуации.

В его камере можно было отыскать пару предметов, годных на то, чтобы приспособить их под оружие. Да вот хоть ножку от стола отломать. Но он знал, что это бесполезно: любой из больных вампиризмом сильнее и быстрее него более чем в три раза, а значит, справиться с этими тварями вручную практически невозможно. Пускай Камориль и поражался "убийственности" его дара, но в ситуации, когда времени нет, а "пациент" не зафиксирован, фокусы с изменением структуры тела трудноприменимы и практически бесполезны. Это для диагностики достаточно прикосновения, а для изменения нужно время... и такое прикосновение, которое не назвать "мимолетным".

Эль-Марко не спешил впадать в тоску, ведь его нынешнее положение не было таким уж бедственным, и, кроме прочего, он считал себя отчасти виноватым в произошедшем, а жалеть себя за последствия своих же ошибок он не привык. Если бы в той стычке он не выстрелил... Кто знает, может, Камориль бы как-то блокировал нападение упыря, не убивая его. А если бы тот сумасшедший вампир причинил вред целостности тела некроманта? Ну что ж... просто добавилось бы работы.

Чуть менее двенадцати часов назад, почти сразу после давешней резни, Эль-Марко проводили в комнату, где содержались Камориль и Мйар, пребывавшие в отключке и в отвратительнейшем состоянии.

Упыри (около пяти мужчин и одна женщина) внимательно следили за всеми его движениями. Было ощущение, что они не верят в то, что он — целитель. Это понятно: мало кто может в самом деле так вольно обращаться с физиологией живых существ, меняя её относительно быстро и достаточно заметно. Обычно целители низких уровней долго шаманят над телами больных, и выглядит это все, как сложный ритуал с наложением рук и песнопениями. Без наложения рук, что правда, никому не обойтись, ни новичку, ни гуру от сей непростой профессии. Но чем выше уровень мага-целителя, тем скорее срastaются кости

и ткани, повинуюсь его умелым рукам, и тем более сложные беды он может отвести от драгоценных потрохов пациента.

Эль-Марко работал тогда четко и с полной отдачей, не разрешая себе проявить и толики чувств. Вампиры должны были видеть его бесстрастное лицо — и только. Ни одна мышца на нем не дрогнула, когда Эль-Марко со страхом осматривал то, что эти бедные, злые, зараженные смертельным вирусом существа сотворили с телом Камориль. Они были глупы, и, конечно же, не могли оценить того, что тело некроманта — своего рода произведение искусства. Но жизни в Камориль было больше, чем в иных коллегах-целителях, с которыми Эль-Марко имел удовольствие вести беседы о смысле бытия в целом и смертности индивида в частности. И тело некроманта охотно откликалось рукам, привыкшим к нему и знающим о нем если не все, то многое.

Упыри были в восторге.

А Мйар почти полностью регенерировал сам.

Затем Эль-Марко отвели обратно в камеру.

Во время этой занятой прогулки он успел заметить несколько приклеенных к стенам планов эвакуации, вот только рассмотреть на них что-либо не сумел. Из плохо освещенных углов подземного комплекса на него все время глядели фосфорицирующие красным глаза вампиров, и оказалось их гораздо больше, чем пятьдесят.

Коридоры, по которым вели Эль-Марко, были большим счетом просто гулками бетонными трубами, но иногда из-за бетона начинала проступать старинная складка, порою похожая на кирпичную, а порою напоминающая монументальную. Иногда путь пролегал через трещину в сплошном слое известняка и даже через небольшие пещеры, похожие на мраморные.

Предположив, что это — только малая часть подземелий, имеющих место быть под городом, Эль-Марко подивился размаху. Тут же должны быть еще и этажи, полностью затопленные грунтовыми водами... море-то... всегда берет свое.

И вот теперь к нему прислали это странное уродливое существо.

Оно возвышалось над Кападастером, и кости внутри зеленоватой плоти слабо мерцали. Эль-Марко сидел перед ним на кушетке, инстинктивно замерев. Существо склонило голову и то, что было его грудной клеткой, и поднесло тарелку с едой близко к лицу Эль-Марко. Одной из своих нескольких до конца сформированных рук (а кроме них существо имело еще с десятков этих конечностей, остановившихся на разных стадиях эмбрионального развития) чудовище набрало в столовую ложку жаркого и поднесло эту ложку ко рту Эль-Марко.

Кападастер медленно, осторожно поднял руки и мягко забрал ложку и миску у существа, случайно коснувшись его кожи почти вскользь.

Кожа оказалась теплой, несмотря на прозрачность и зеленоватый цвет. Но это было не важно.

Важно было все остальное — те десятки сбоев и аномалий, вопреки которым существо оставалось живым. Утроенный, а то и учетверенный код. Разрывы. Мутации. Искусственно ускоренное, наверняка невозможное естественным путем развитие.

Эль-Марко испытал настоящий шок. Так бывает, когда ты видишь что-то, к чему не был готов. В такой ситуации люди со здоровой психикой обычно смеются. Или плачут. Надо же как-то приспособить для своего мозга то, что калечит твое привычное видение мира, как пьяный маньяк-хирург.

То, что сделали с телом этого существа, нынешним трибуналом целителей было бы

осуждено единогласно, а людей, творивших изменения, осудили бы на срок больший, чем они могли бы прожить в здравии.

И даже филигранность работы и ее ценность для гильдии этих людей бы не спасла. И даже то, что факт существования такого монстра — почти что чудо. Чудовищное чудо.

Эль-Марко не спеша ел свое жаркое, глядя на существо. Оно же беззастенчиво смотрело на него и тоже как будто бы изучало. Вероятно, ждало миску и ложку обратно.

Эль-Марко знал, что монстр совершенно безвреден и абсолютно неагрессивен. Все, что у этого чудовища есть, — его большой размер, слабый, ограниченный разум и упыри, зачем-то содержащие его как прислугу или как живой движущийся экспонат. Может, тут у них какой-нибудь цирк уродов имеется?

Доев, Эль-Марко поставил миску на пол.

Существо безропотно наклонилось, чтобы ее поднять. Эль-Марко обеими руками ухватился за голову чудовища и, наплевав на принципы, стал менять.

Силы внутри существа было много. Казалось бы, конечно, работает — не трогай, тем более, такую странную и извращенную систему, иррациональную чуть менее чем полностью — но Эль-Марко нутром чуял, что должен действовать.

— Может, ты меня всю жизнь ждала, — поговорил он ласково, исправляя врожденный дефект развития мозга, бывшего на удивление человеческим.

Видимых изменений с существом не происходило, но по спине Эль-Марко от напряжения струился пот, а костяшки пальцев побелели. Когда его руки стали дрожать, он отнял их от существа, потому как больше не мог гарантировать точность работы. Чудовище, замотав головой, заревело. Потом с размаху врезалось в стену, потом, снова застонав, попыталось протаранить другую. Оно буйствовало недолго, но яростно, и это было очень похоже на агонию. Оно отчасти и правда умирало для того, чтобы возродиться чем-то другим... возможно, чем-то более... правильным.

— Ничего, — мягко проговорил Эль-Марко, когда существо замерло в углу бесформенной тушей. — Ничего... Все будет хорошо.

Однако тварь наделала много шума. Упыри с минуты на минуту точно придут проверить Эль-Марко. Ну, что уж тут поделаешь.

Кападастер снял промокшую телогрейку. Ему было жарко, даже несмотря на холодные стены камеры. Рассевшись на кушетке, он попытался расслабиться и успокоиться. Думать о том, кто и зачем сделал такое с этой странной тварью, было бесполезно. Может статься, что через некоторое время... она сама расскажет. Если только он все сделал верно.

Вскоре, и правда послышались шаги и возня с ключами. Металлическая дверь отворилась, и внутрь вошла та самая вампирша, что наблюдала за исцелением Камориль.

Кожа одежды на ней — говяжья, кости и плоть ее — человечесьи, а сеточка-маечка — полиэстр. И вирус, который, кажется, уже полностью поглотил ее, смотрит ее глазами, сияя алым, живет в ней, в каждом ее органе, в каждой ее кости и даже в каждом ее волосе. Он с ней давно. Очень давно. Навскидку возраст этой вампирши — около пятидесяти лет притом, что выглядит она как девчонка-панк, едва разменявшая двадцатку. И сложно сказать, сколько крови она выпила, чтобы сохранять разум все эти годы. Если, конечно... сохранила.

На чудовище, валяющееся в углу неподвижной тушей, вампирша глянула мельком и ничего не сказала. Закрыла за собой дверь на ключ, ключ сунула в задний карман шорт. Прошла напрямик к Эль-Марко.

— В общем, так, — поговорила Вера, ставя тяжелый сапог на край кушетки прямо

между колен целителя. — Не буду размазывать кровь по стенке. Ты будешь искать лекарство от вируса.

Эль-Марко молчал. Ему было что сказать, но это было бы слишком комплексно. Вряд ли вампирша хочет слышать сейчас длинные тирады о том, почему излечить вампиризм нельзя.

— У тебя будет два месяца и все, что тебе может понадобиться, — продолжала Вера. — С нашими нынешними связями добыть любые медикаменты, любые реагенты — как младенца прирезать. В общем, все, что хочешь. Даже можешь убивать. Трех наших тебе хватит? Кого-нибудь... старого, кого-нибудь средних лет и только-только зараженного новичка, например?

— А если у меня не выйдет? — все же осведомился Эль-Марко.

— Ты неправильно ставишь вопрос, целитель. Ты должен спросить: "А что, если у меня выйдет?" Так вот, если у тебя получится, я обещаю, что мы не отдадим тебя Богине, даже если придется идти против нее с клыками.

— Вот как...

— Ох уж не нравится мне твоя самодовольная рожа, — Вера ухватила Эль-Марко за подбородок. — Не то чтобы сама по себе. Самодовольство не нравится. Может, — она провела тыльной стороной ладони по его щеке, — мне тебя заразить, чтобы у тебя был дополнительный стимул?..

— А как же первые две недели перестройки? И частичная потеря памяти? — осторожно спросил Эль-Марко.

— Это ты прав... время потеряем. А время сейчас важно...

— Могу я задать вопрос?

— Валяй.

— Чем вас не устраивают результаты прошлых исследований целителей?

— Кроме того, что все эти тесты говорят, что вирус из наших тел не прогнать? Что его даже огнем не вытравить? Да ничем, что ты! — Вера рассмеялась, оттолкнулась от кушетки и стала наворачивать круги по комнате. — Да как же! Мне же нравится надламывать шеи, как будто бы это кожа банана! Я ведь забыла уже, есть ли цена у кого-нибудь, я ведь уже труп от человека не отличу! И правда, зачем мне что-то еще, кроме вечной жажды и гребаной, гребаной, гребаной вечной жизни?! И только попробуй сказать мне, чтобы я успокоилась!

— Да бушуй на здоровье, — Эль-Марко пожал плечами. — Кто я такой, чтобы что-то говорить? Разве что... не вижу ничего такого уж катастрофического в том, чтобы жить долго. Мир большой. Уж лет триста я бы, например, пожил, если бы мог, посмотрел бы все...

— Так а что тебе стоит?.. — Вера остановилась и уставилась на него, наклонив вбок голову, как сова.

— Не могу.

— Почему не можешь? Ты же целитель!

— Это да. Но есть... кое-какие правила. Коротко говоря, я не имею права изменять естественный ход событий. Я не могу омолаживать себя и кого-либо еще. Иначе мне светит трибунал и всяческие... неприятные вещи. У целителей... с этим все непросто. То есть, если бы не чтецы... Возможно, все было бы иначе, но из песни слов не выкинешь, а из Заповеди Неугомонного Сердца параграфа не убережешь. Моралисты, — Эль-Марко снова пожал

плечами, мол, что тут сделаешь.

В глазах Веры мелькнула жалость, такая же внезапная и наполовину случайная, как и ее ярость. Она подошла к Эль-Марко и обняла худыми, но сильными руками.

— Бедненький, — заворковала она, — как я тебя понимаю... Иметь такую силу... и не мочь ею воспользоваться... мы все так живем, прячемся по углам, и нас убивают, но нас не убить, мы вечны, мы останемся навсегда, пока они рождаются, взрослеют и растянут нам наши ужины, обеды и завтраки. Теплые, мягкие люди. Живые, куда более живые, чем мы, хотя что есть смерть?

— Небытие?

— Смерть — это отсутствие жизни, — Вера ткнула носом в шею Эль-Марко, вдыхая его запах. — Смерти нет.

Она смотрела ему прямо в глаза, пока ее холодные руки шарили по его голой груди, все еще горячей от изматывающего волшебства.

Радужка глаз вампирши оказалась скорее желтой, чем красной, а ресницы — слипшимися от дешевой туши. Она двинулась вперед, прогибаясь, чтобы коснуться губ Эль-Марко своими, но он остановил ее указательным пальцем.

— Тише, — прошептал он, — вирус...

— Для этого мы используем латекс, — улыбнулась Вера. — Если очень хочется, но нельзя. Полная изоляция.

Эль-Марко провел пальцами по ее острой скуле и ниже, по уголку челюсти.

— Но через сухую кожу вирус не передается, так?

— Ага.

— Ты еще более худая, чем Камориль.

— Пробуй еще. Ты не заметишь разницы. Вот здесь.

Эль-Марко не отводил взгляда от бездонных, сумасшедших глаз Веры, касаясь ее выпирающих ребер, тугого живота и затем твердого выступа подвздошной кости.

Вера прикрыла дрожащие веки, и видно было, что глазные яблоки под ними вращаются совершенно произвольно.

Эль-Марко знал теперь, сколько раз она ломала кости и где именно. Знал доподлинно, какие ее органы откажут первыми, если она не выпьет чьей-либо крови в срок. Эль-Марко чувствовал, какой расы были ее отец и мать, и знал, сколько раз из нее извлекали нерожденных детенышей, которым так и эдак не судьба была родиться из-за проклятия крови.

— И правда, разницы никакой, — сказал он шепотом, укладывая Веру на кушетку. — Ты прекрасна той же красотой скелетированного листа и той же пугающей пустотой.

— Так заполни меня, — на грани шепота и дыхания произнесла Вера, худые запястья которой Эль-Марко обхватил одной ладонью. Другой рукой он проводил между ее бедер, не стремясь, впрочем, разводить их в стороны.

— Всенепременно, — произнес Эль-Марко, с улыбкой зажимая Вере рот пятерней.

Вера дергалась и мычала. Она даже упала с кушетки, и наверняка преболела, но Эль-Марко не трогала ее боль. Его вообще ничья физическая боль не задевала, и именно это отчасти роднило его с Камориль. В конце концов, он легко поднял Веру с пола и уложил обратно на кушетку, проводя пальцами между ее локтями и талией, предварительно плотно прижав их друг к другу. Так, он закрепил ей еще и руки — на всякий случай.

Вера глядела на него глазами, полными ярости, ненависти и всего того, за чем там прятался внезапно заполнивший ее страх. Запястья Веры плотно приросли друг к другу, как

и бедра, которые срослись кожей и мясом. Более того, она не могла разомкнуть губ, ибо круговая мышца рта была 'склеена' воедино.

Настолько беспомощной Вера не чувствовала себя никогда.

Пока вампирша дергалась, тщетно пытаясь оторвать запястья друг от друга или разомкнуть сросшиеся ноги, Эль-Марко подошел к валяющейся в углу туше полупрозрачного чудовища и коснулся ее пальцами, проверяя, все ли с ним в порядке.

Чудовище оказалось спящим.

Вера перестала дергаться, когда Эль-Марко снова подошел к ней. В ее глазах, к удивлению Кападастера, теперь читалось неуместное и странное в такой ситуации... уважение.

— Ты не вини себя, — сказал ей Эль-Марко, — ты не могла знать, на что способны целители. То, что я с тобой сделал, — запрещено. А нам обычно проще руки на себя наложить, чем пойти против Заповеди.

Он вытащил ключ от камеры из кармана ее шорт.

— Но, я так понимаю, сейчас не то время и место, чтобы чтить правила. В общем, так. Мне нужно выбраться отсюда, и заодно захватить с собой Камориль и Мйара. Вряд ли ты будешь помогать мне, а?

Вера, естественно, молчала, но теперь по ее взгляду было невозможно определить, о чем она думает.

— Эх, если бы ты боялась смерти... было бы немного проще. Впрочем, знают ли об этом твоим бесстрашии твои подчиненные? Или какая у вас тут система?.. Может, главой считается самый сильный вампир? Или все подчиняются тому, кто всех заразил? — Эль-Марко задумчиво нахмурился. — Пожалуй, мне стоило навести о вас справки заранее, но кто ж знал... В любом случае, грозить мне тебе нечем. Так что расслабься — я тебя не убью.

Он помолчал немного, что-то обдумывая. Потом глянул на Веру из-за плеча и произнес с усмешкой:

— А? Клятва целителя 'не навреди'? Нет, не слышал.

— Камориль, а ты теперь... заражен?

— Нет, — некромант покачал головой.

— А я?

Камориль нахмурился. Потом отвернулся от меня так, как будто не хочет смотреть мне в глаза. Потом снова на меня посмотрел и поджал губы. Глубоко вдохнул. Опять покачал головой. Он вроде как захотел было что-то сказать, но осекся.

— Камориль, ты можешь мне просто и ясно ответить, да или нет?! — не выдержав, прорычал я, вцепившись некроманту в предплечье.

— Нет, — улыбнулся Камориль, сооротив физиономию номер 'милашка'.

— Это потому, что я?..

Некромант стал серьезным.

— Ты хоть и контактировал с их когтями в той заварушке, однако ж... ты помнишь, что произошло, когда ты отрезал себе кончики ушей?

Я почесал затылок. Вот уж... не самые приятные воспоминания. Хоть и из новейших. Случилась у меня как-то раз депрессия особых масштабов, дисморфофобия и прочие прелести личностного кризиса. Ну, и я попробовал... устранить некоторые свои физические дефекты. Тщетно. Отрезанная плоть отросла в течение следующих двух дней.

— Ну так вот, — Камориль понял, что до меня дошло. — Твой невероятный организм вирусу не по зубам. Может даже случиться, что ты — их единственная надежда на спасение. Но ты же не собираешься жертвовать собой ради этой, бесспорно, благородной цели?

Я поперхнулся. Я бы, наверное, и пожертвовал бы. Если бы наверняка. Но не сейчас.

— А ты почему не заразился? — все же уточнил я. — Значит, ты тоже мог бы?..

— Долго объяснять, в чем тут дело. И да, давай ты отпустишь мою руку, чтобы я смог вызвать Кристину. Ну или давай уже, бери вторую, дай волю своей страсти! Ну, в смысле, гневу! А ты о чем подумал?

Я, опомнившись, отпустил его предплечье.

— Вампиризм же, как бешенство, только не как бешенство. Получить вакцину тем же путем не выйдет, так как единственный вид, подверженный вирусу — человек, — все же соизволил объяснить Камориль. Говоря это, он одновременно потирал пальцы друг об друга, готовясь колдовать. — Так, а теперь замри, мне нужно сконцентрироваться, без шуток.

Я замер. Автоматически вслушался. Где-то далеко скрипело что-то ржавое, и работали какие-то большие вентили.

Время тянулось, как сироп. Камориль не двигался, смотрел строго вперед. Наконец его пальцы зашевелились, но не надолго. Потом по всему телу некроманта прошла судорожная волна. Его медовые глаза закрылись ровно в тот момент, как на лбу один за другим открылись шесть дополнительных глаз: пять золотых и один голубоватый. Руки Камориль сжались в кулаки, и тогда посреди его лба открылся последний глаз, завертелся и уставился на меня.

Меня слегка передернуло. Никак не могу привыкнуть к этим его особенностям.

Мы все еще находились в камере. После того, как нам удалось освободиться, Камориль долго искал место, где 'достает' до Кристины. И вот наконец нашел.

Наверное, где-то там, в какой-нибудь мрачной коморке сейчас открывается спортивная сумка и из нее вылезает скелет, посверкивая золотунными деталями.

Велик шанс, что Кристина не сможет до нас добраться. Впрочем, я точно не знаю, как все это работает. Будет ли Кристина сама решать, что делать и как нас спасти? Или же Камориль руководит ею напрямую, ощущая ее кости как свое собственное тело?

Глаз, что у некроманта между бровей, больше не пялился на меня, а просто бегал туда-сюда, но не слишком быстро, так, вполне осознанно на вид. Я тихонько прошел к двери и еще раз осмотрел замок. Вот что-что, а взламывать замки я не умею, и ничего о них не знаю. Но я, вообще-то, и не собирался никогда попадать в передрыги... В смысле, во все передрыги, в которые я попадал, меня втягивало не по моему желанию. Ну что уж тут поделаешь, видать, судьба такая.

Камориль тем временем стал покачиваться и время от времени странно дергаться. Но мешать я ему не решался, все ж таки сейчас он работает на стыке двух чародейских школ. Такое не каждому по плечу. Простые, не хватающие звезд с неба некроманты, вроде как вселяться в своих кукол не умеют, и управлять ими достаточно точно — тоже.

Хотелось есть. Хотелось спать. Ко всему прочему меня пробирав озноб — то ли от волнения, то ли от того, что в помещении было сыро и холодно. В любом случае, тревога витала в воздухе. Только бы связь Камориль с Кристиной не прервалась. Пускай они сумеют найти способ нас отсюда вытащить.

А если нет... не хочу убивать. Но, возможно, придется расправиться с Верой, ведь она обязательно к нам еще заглянет. Это как пить дать.

Следующие полчаса тянулись неизмеримо долго, а Камориль все сидел в одной позе, изредка шевелясь, но так, едва заметно. Когда я уже готов был на стенку лезть от тревоги и беспомощности, вдалеке послышались шаги. Судя по звуку, к дверям направлялось несколько человек, и шаги были тяжелыми. Вероятно, это были мужчины. Глухо зазвенела связка ключей, металлически простонал замок. Дверь отворилась вовнутрь и настежь, и то, что я увидел, было для меня снова... довольно неожиданным.

В прямоугольный проем протиснулось давешнее полупрозрачное существо, само по себе вызывающее у меня оторопь и отвращение. Но в этот раз в нем, внутри, что-то плавало. Я не сразу сообразил, что это, но потом четко осознал, что глаза меня не подводят.

В полупрозрачном животе чудовища плавала Вера, таращась на меня широко раскрытыми глазами, которые изредка моргали. Она скрючилась в странной позе и иногда дергалась, так же неестественно.

Безэмоциональное лицо твари, возвышавшейся надо мной, было чуть наклонено вбок.

— Мйар, — я внезапно услышал голос Эль-Марко, — ну что ты, как не родной?

Я оторвался от заворожившего меня кошмарного зрелища и вернулся в реальность, которая, стоит признать, наконец начала становиться не столь ужасающей.

— Эль-Марко, что это? Потерянный тебя забери, я рад тебя снова видеть, но что это вообще такое? А эта вампирша — она там жива или что? Почему она внутри этой штуки?

— Я тоже рад тебя видеть, — Эль-Марко потрепал меня по плечу. — Не паникуй, но и не радуйся чересчур. Сейчас нельзя расслабляться. Мы с Лунью прошли через два этажа, и вампиров там особо не было. Парочка была, но я прятался за Лунью, и они меня не засекли. Но это пока. Наверное, сейчас конец дня и большинство упырей еще спит. Но скоро они могут проснуться. Так что надо бы валить отсюда, пока нам не пришлось прорываться с боем.

— А как ты нас нашел?

— Лунь знала, где вы, и смогла понять, что мне нужно. А по пути мы встретили Кристину.

Я посмотрел на некроманта: он самозабвенно играл в гляделки с Верой, заточенной внутри полупрозрачного существа.

— Хорошо придумано, — заметил Камориль. Перестав оживленно двигать бровями, он обратился к Эль-Марко: — Вера там вполне комфортно себя ощущает, не так ли?

— Судя по всему, такие, как Лунь, предполагались как симбионты, помогающие человеку передвигаться, — пояснил Эль-Марко. — Лунь создана искусственно на основе биологического материала нескольких видов. Она своего рода... шедевр. Можно сказать, вечная, многоликая мать.

— Ужас какой, — меня передернуло. — Так, ладно, это все хорошо, но нам и правда пора выбираться отсюда.

Кажется, Эль-Марко решил взять Лунь с собой наверх, и Веру — тоже. У меня было не то настроение, чтобы как-то оспаривать эту идею, а Камориль так и вовсе не возражал. Что ему, и правда.

Мы, не мешкая, нырнули из нашей просторной тюрьмы в зев подземных тоннелей. Я все еще не осознавал до конца все здесь произошедшее, воспринимая наш плен как страшный сон.

И у страшного сна этого еще было несколько карт в рукаве, и эти карты были черными и с краями-клыками острыми, но дело шло к пробуждению, а мы, двигаясь так быстро, как

только можно, пробирались узкими лазами, крутыми лестницами и просторными залами к поверхности, к выходу, доверившись удаче на добрых две трети.

У подземного города с городом наземным, конечно же, крепкая связь, и далеко не один ход ведет на поверхность. Куда бы мы ни шли, двигаясь вверх, рано или поздно мы выберемся из-под земли, так или иначе.

В заведении, означенном как 'фрик-клуб' было людно, душно, темно и даже, пожалуй, мрачно. Синий и красный неон создавали ощущение нереальности происходящего, а ритмичная музыка терялась в разговорах, которые, в свою очередь, терялись в ней. В клубе было полно молодых девушек с явственно лишним весом, одетых на удивление откровенно и ярко. Кроме них аудитория 'Негорюй' была представлена лохматыми школьниками, небритыми потрепанными мужчинами неопределенного возраста, субкультурными фриками всех мастей и другими странными личностями, охарактеризовать идеологическую и культурную предрасположенность которых представлялось задачей не из простых.

Посадив Николу за стойку бара и заказав ей какой-то девичий ликер, Ари смылся готовиться к выступлению. Никс осталась одна среди пестрой толпы, выделяясь в ней своей простой практичной одеждой и отсутствием макияжа как такового.

Она успела несколько раз пожалеть о том, что согласилась сюда прийти. Но ликер был вкусный, да и Ари его сразу оплатил... Теперь сваливать (да еще и не попрощавшись!) попросту невежливо. За сим Никс смирилась с ситуацией и принялась терпеливо ждать, когда же 'Негорюй' изволит явить собравшимся свое музыкальное творчество.

Время тянулось, как ему это свойственно, народ галдел, бокал опустел довольно скоро. С Никс никто не заговорил, когда она сидела у стойки, так что она решила встать и пройтись ближе к невысокой сцене, тем более что там уже началось какое-то шевеление. Оказавшись в тесном скоплении людей посреди зала, Никс вспомнила о своем росте (о котором обычно предпочитала не думать), и поняла, что придется проталкиваться еще ближе, иначе она попросту ничего не увидит.

Кроме прочего ей было не понятно, откуда здесь столько людей. Неужели 'Негорюй' так хорошо играют?.. Или это просто клуб маленький? Или это единственный клуб, где могут собираться, например, маги?

Никс пригляделась к окружавшим ее барышням (она как раз протолкнулась в первые ряды у сцены) и подумала о том, что опознать бездействующего мага ей не под силу. Ну, разве что полнота для чародеев не слишком-то характерна, но тут тоже не без исключений. Да и разве может быть в этом городе так много одаренных?..

Но Ари сказал, что в группе все — элементаристы.

Никс впервые должна была увидеть столько своих коллег в одном месте.

Тем временем возня на сцене прекратилась и мужчина в синих спортивных штанах, проверявший аппаратуру, удалился. Из-за шторы сбоку вышел Ари и приветственно помахал толпе, всю улыбаясь и подмигивая то одной, то другой барышне. Барышни встретили его радостным гулом, кто-то даже выкрикнул его имя.

Никс фыркнула.

Идея популярности была ей непонятна и не близка.

Ари, зажав в зубах медиатор, перекинул через голову гитарный ремень. Микрофоны отчаянно зафонили, но вскоре как-то успокоились, как будто бы сами по себе. Интересно, как именно природа Ари влияет на технику? Как часто ломается при нем электроника? И

есть ли у него вообще телефон?

Следом на сцену выбрались барабанщик и клавишник, ребята с экстравагантными прическами искусственных цветов, одетые во что-то намеренно агрессивное и эпатажное. На вид они были практически преступно юны и крайне развязны. Зал принял их с радушием и улюлюканьем. Правда, заняв свои места за инструментами, ребята чутка угомонились и перестали вытворять непотребности, оголять, например, животы и все такое прочее.

'Фронтмэн' не появлялся еще минуты три. Барышни, обступившие Никс, принялись скандировать 'Рин! Рин! Рин!' и теснить ее своими обширными бюстами назад. Поэтому когда зал внезапно затих и замер (а свет кто-то приглушил), Никола воспользовалась моментом и безнаказанно протиснулась вперед. Теперь ей было отлично видно все-все. И особенно вышедшего к микрофону молодого человека, ярко подсвеченного сверху прожектором. Он настроил под себя высоту стойки, приблизил губы к микрофонной решетке и произнес в зал:

— Доброй ночи, мои волшебные.

Зал взревел. Никола еще никогда не видела такого неистовства, такой звериной экзальтированности. Тем более, в таком небольшом, казалось бы, помещении! Как эти девицы могут создавать столько шума?..

Грянули первые аккорды, вступили ударные и синтезатор. Света стало больше, а вот радости аудитории не убавилось: Рин, которого Ари назвал 'книжным червем', двигаясь в такт музыке, расстегивал золоченые пуговицы бархатного бордового сюртука. В момент, когда, судя по логике произведения, надо было вступать, Рин полностью распахнул сюртук.

Первые слова песни потерялись в высокочастотном женском визге. Никс и после не особо вслушивалась, ибо звук в клубе оставлял желать лучшего. Она смотрела на этого Рина пристально, отчетливо понимая, что девочки в нем нашли, и с удивлением обнаруживая у себя на спине мурашки, а в сердце — пустоту.

У мальчика были волосы цвета снега и кожа цвета слоновой кости; он не был альбиносом в обыкновенном понимании этого слова; его полутона стремились к синеве. Природа наделила его тонким, острым, как будто бы птичьим лицом, а судьба распорядилась так, что именно сейчас такие лица кажутся людям красивыми; так же мироздание не поскупилось на ширину плеч и глубину голоса, который был бархатным чуть более, чем сюртук, низким, но пластичным, красивым и нечеловечески завораживающим.

Этот голос взял время в оборот и сказал ему, чтобы пошевеливалось. Время подчинилось с той же охотой, с какой любая из поклонниц в зале сделала бы ради Рина что угодно. Первая песня прошла, словно весенняя гроза отгремела, заставив девушек вспотеть и в то же время продрогнуть до костей.

А потом Рин стал петь, не дожидаясь музыки, но музыка вплелась в голос. Он пел что-то о крыльях и боли, о судьбе, начертанной на крови и об огне, который страстно ласкает кожу, но не может согреть ни разу еще не любившего сердца. В его песне нашлось место также слезам и одиночеству, и, естественно, дуэту смерти и любви.

Никс никогда еще не чувствовала себя настолько чужой в толпе, настолько маленькой, незащищенной и... одинокой. Этот свет... Эта музыка... Все это похоже на чужой сон. Или на ее собственный кошмар. И у кошмара этого нет ни конца, ни начала, и сам он, конечно же, сладостно-мучителен, невыносим и ровно настолько же извращенно-прекрасен.

Не стоит, пожалуй, 'огоньку' иметь с этим парнем никаких дел.

Никогда. Никаких. Дел.

Последний упырь застал меня в том расположении духа, когда мне было уже все равно, нужен ли он кому-то и расстроится ли этот кто-то, если найдет бездыханное тело товарища по несчастью здесь, на грязном полу, заваленном мусором и пустыми бутылками. Вот лучше бы кровосос, право слово, бежал не глядя. И да, конечно, умом-то я понимаю, что упырек, возможно, уже сбрендил, а если нет, то видит перед собой просто изрядно потрепанного человека в рваной одежде к тому же, кровью от которого несет за километр. Своей, чужой — вперемешку. И для упыря естественно подумать, что я — подарок судьбы, сочный, мягкий, теплый контейнер с едой, который просто-напросто сам просится к упырю в зубы и ни в коем разе не будет особо сопротивляться.

А может, ничего упырь и не думал, а просто повиновался инстинктам, и поэтому прыгнул на меня, шипя нечеловечески, раззявив уродливую пасть, как пристало одним лишь змеям, подставляя при этом свое нежное человечье брюхо и тонкую мальчишечью шею.

Я ничего не сказал, вытирая руки об выдавшие виды джинсы, просто кивнул своим, мол, идите за мной. Камориль брезгливо перешагнул через труп вампира, ведя за собой Кристину, которую держал за руку. Зрелище было, конечно, то еще, но, очевидно, так ему проще было поддерживать ее на ходу. Камориль тоже устал, и это не удивительно. Здесь я его отлично понимал. Эль-Марко все пекся о своем чудовище, которое, по его словам, было вовсе для драк не приспособлено, а потому они с Лунью замыкали нашу процессию, совершившую паломничество, как оказалось, аж с девятого подземного уровня.

Определенно, компания более чем специфическая.

Из-под земли мы выбрались в районе 'старого города'. Подземный коридор кончался в одном из подвалов дома-колодца, из которого мы вышли на улицу через сквозной проезд. По пути нам встретилось несколько кровососущих тварей, и мне неприятно об этом вспоминать, потому что твари встречались поодиночке, как это ни прискорбно. Для них, конечно.

Над городом плыла тревожная, ранняя ночь, и где-то вдалеке, не на шутку меня тревожа, что-то громыхало. То ли петарды, то ли стреляют — определить я не мог. Остальные этого не слышали, и я не стал им об этом говорить. И так забот полно.

Мы старались двигаться так, чтобы быть по возможности в тени и на свет фонарей не высываться, дабы не попасться на глаза горожанам. Мы ж были мало того, что грязные, как бродяги, так еще и в компании ходячего скелета и огромного полупрозрачного чудища с женщиной внутри. Я бы сам испугался, если бы такое увидел.

Но нам везло — прохожих на улице не было вообще, как будто бы властями объявлен комендантский час. Совсем скоро Камориль понял, в какой части города мы находимся, и предложил передохнуть в некоем 'проверенном месте', которое, как он знал, находилось поблизости. Тут спорить тем более никто не стал.

Мы свернули еще пару раз, спускаясь по старой мощеной дороге куда-то в сторону парка, шум которого уже был отчетливо слышен, смешанный с ароматом листвы и застоявшейся озерной воды. Свыкшись вроде бы со странной ночной тишиной, я совсем для себя неожиданно расслышал неподалеку характерный звон велосипедного колокольчика. Кто-то мчался с горки прямо следом за нами на велосипеде, и этот, судя по звуку, выдавший виды агрегат подбрасывало на мощенке нещадно. Я обернулся и охнул, сразу узнав в 'преследователе' Мари.

Она не успела доехать до нас. Ее тяжелый велосипед с зеленой рамой повело, и

девушка, не справившись с управлением, полетела на дорогу.

Я был слишком медлителен. Моя реакция притупилась. Я не успел ее поймать. Я не успел даже подбежать к ней достаточно близко, хоть и попытался. Проклятая усталость! Чтоб ей пусто было!

— Мари! — я бросился рядом с ней на колени и помог ей сесть. — Ты жива? Как ты тут очутилась?

Девушка скривилась от боли.

— Что болит? — тревожно спросил я. Тем временем к нам уже подбежали Камориль и Эль-Марко.

— Все... все в порядке, — выдохнула Мари. — То есть... совсем не в порядке, но я... я жива, со мной все хорошо. Мйар, — она смотрела на меня, молча качая головой. Ее губы дрожали и что-то безмолвно шептали, а веки были опухшими и какими-то тяжелыми, как будто бы она очень сильно хотела спать. Наконец Мари проговорила, всхлипнув: — Как хорошо, что я вас нашла.

Она снова скривилась, потянувшись к щиколотке.

— Вывих? — Эль-Марко присел рядом. — Ну-ка, дай, я посмотрю, — он прикоснулся к ее ноге на секунду. — Точно, вывих. Ничего, сейчас...

Пока Эль-Марко ворожил, Мари крепко держала меня за руку. Я понимаю, что нельзя так говорить, но это было ни с чем не сравнимое ощущение.

— Как ты нас нашла, Мари? — снова спросил я, чтобы отвлечь ее внимание девушки от травмы.

Она, закусив губу, просто смотрела на меня, и в глазах ее я увидел страх и отчаяние. Это меня миготом отрезвило. Усталость как рукой сняло. Я весь подобрался, готовый отражать атаку любого неприятеля, только бы суметь ее защитить.

— Они... — все же сумела произнести Мари, — они ее украли...

— Кого?

— Бабушку украли. Я в лесу была. После того как вы пришли... Мйар, это было мое первое настоящее колдовство. Знаешь, как будто бы кто-то открыл крышку... как будто бы меня светом пронзило или иглой... Я эти два дня только и делала, что пробовала снова и снова. Разное. Но бабушка сказала прекратить. А я не хотела прекращать, я хотела узнать, на что я способна. Ну и я пошла... На обрыв пошла. Возвращаюсь домой, а там — никого, и только открытые окна, вынесенная дверь и запах... такой мерзкий нестерпимый запах...

Мари стала натуральным образом плакать. Мне и самому тогда плакать хотелось — от осознания того, что это я навел на ее дом беду, — но я не мог.

— Тише, тише, успокойся, — я обнял ее, и она уткнулась мне в грудь ладошками. Ее плечи тряслись, девушка рыдала в голос. Вот же... Как же... Что же с ней такой делать! Все, что я мог — это молча гладить ее по плечу, покачиваясь, как будто убаюкивая. Камориль предпочитал на нас не смотреть, демонстративно отвернувшись в сторону темного парка.

Мари вроде как стала успокаиваться. Она протянула руку к моему лицу, но, не успев сделать ничего конкретного, как-то вдруг вся обмякла. Я стал ее тормошить, но девушка как будто бы заснула и просыпаться не желала.

— Мйар, успокойся, хватит ее трясти! — долетели до меня слова Эль-Марко. — Она в обмороке. Сердце не в ритм стукнуло, понимаешь? Судя по всему, чтобы нас найти, она всю дорогу колдовала что-то свое, ведьминское, вероятностное.

Я перестал.

Эль-Марко положил мне руку на плечо.

— Слушай, сам-то тоже успокойся. Все пока что живы, все хорошо, у Мари, очевидно, просто-напросто нервное истощение, но скоро она придет в себя самостоятельно. Нам всем надо зализать раны. Ты, слабый и голодный, сию минуту никого не спасешь.

Я уставился на него, с трудом понимая смысл его слов. Но все-таки понял.

— Ты прав.

Я аккуратно поднял Мари на руки. Веса ее я не чувствовал вообще. Не то чтобы она ничего не весила, — просто состояние у меня было такое, пограничное, как будто бы между сном и явью, между усталостью и адреналиновым приливом сил.

— Пошли, — коротко бросил Камориль, кивнув в сторону парка.

Фрик-клуб со странным названием практически опустел. Впрочем, около двадцати особенно рьяных поклонниц 'Негорюй' оккупировали со всех сторон столик, за которым Рин Даблкнот раздавал автографы направо, налево, на постеры, в блокноты, на спины, груди, животы и прочие пригодные для письма места.

Никс сидела за стойкой бара, то и дело поглядывая на часы и изредка притрагиваясь к фруктовому чаю, неожиданно выданному ей барменшей как 'комплимент от заведения'. Барменша была колоритная: молодая на вид женщина, пышущая здоровьем, с пухлыми красными губами, сильным румянцем, фигуристая такая — и притом волосы, что в две косы по плечам, серо-седые, явно не крашенные, очень натурально-седые. Еще у нее были на руках татуировки-'рукава' из роз, черепов, револьверов и многозначительных вычурных надписей.

К Никс слева подсел Ари.

— Ну что, как тебе?.. — спросил он с интересом.

— А я уж думала, ты обо мне забыл, — хмыкнула Никола, — как это часто бывает у публичных личностей.

— Да я что, я так, — Ари пожал плечами. — Я ж не Рин, и голым, например, не фотографируюсь. Да и не надо оно мне, зачем?.. Так как тебе...

Никс аж ложку на пол уронила, ту, которой помещивала чай.

В двери фрик-клуба вошел не кто иной, как Камориль Тар-Йер. Он держался подчеркнуто элегантно, движения его были уверенными и плавными. А выглядел он так, как будто бы его искупали в помоях, как минимум. Только это удержало Никс от того, чтобы немедленно накинуться на него с объятиями и расспросами.

Но Камориль ее не замечал, пока не дошел до, собственно, стойки бара. Уже возле он глянул на Никс, улыбнулся и подмигнул. И тут же обратился к барменше:

— Здравствуй, дорогая.

Женщина явно узнала Камориль, но была порядочно удивлена его внешним видом.

— Сколько лет, — проговорила она тягучим низким голосом. — Тебе чего покрепче или сразу в душ?..

Камориль, опершись на стойку, поманил женщину к себе. Она чуть наклонилась к нему.

— Рут, пожалуйста, препроводи в стойло моего коня.

— Коня? — недоверчиво переспросила женщина.

— Коня, — уверенно кивнул Камориль.

— Значит, коня. Хорошо. Что-то еще?

— Да, пожалуйста, ключ от комнаты, где можно разместить голых женщин в

ассортименте, потом туда еды человек на шесть, и телефон на позвонить.

Барменша без вопросов положила на столешницу ключ. Вытерла руки полотенцем, кивнула официанту и скрылась в проходе за полками со спиртным.

— Где пацан? — без обиняков спросил Камориль у Никс, усевшись на высокий табурет. Никола поджала губы.

— Ну хоть с кавалером меня своим познакомь! — некромант всплеснул руками. — Что за дела! Все по парам! Стоило только на секундочку отвернуться!

— Меня зовут Ари, — сам представился Аристарх, не дожидаясь, пока Никола найдется, что ответить. — Ой, какие у вас пальцы интересные! — заметил он, пожимая Камориль руку. — Это от чего такое бывает? Удобно, наверное? Или нет?

— Жить можно, — ответил Камориль сдержанно.

— Я тут случайно оказалась, — произнесла Никс. — Я хотела что-то сделать, чтобы вас спасти, но я не знала что. А Ари — он электрический. И остальные тоже. Ну, в смысле...

— Я думаю, если бы мы были чуть менее расторопными, твоя помощь бы нам пригодилась, — благодушно кивнул Камориль. — И мне даже кажется, что у тебя бы все получилось. Не то чтобы расклад был особо хорош, но почему-то мне в тебя верится.

— Так вы все выбрались? — оживилась Никола. — А Эль-Марко где? С ним все в порядке?

— Да. Жив, цел, орел. Скоро увидите. Только он там... зверушку припас. А то и двух.

— В смысле?

— Увидишь. А увидишь, не пугайся.

— Там все настолько страшно? — нахмурилась Никс.

Камориль, поразмыслив, кивнул.

— Сейчас мы здесь недолго посидим, чуток умоемся, скушаем чего горяченького, и я вызову нам фургончик. Без фургончика — никак. Домой хочу — сил нет, — признался некромант.

Никс скосила взгляд на Ари. Тот смотрел на Камориль пристально, как будто бы пытался что-то вспомнить. Камориль же глядел прямо перед собой.

Тем временем толпа поклонниц рассосалась, и к барной стойке внезапно подошла давешняя звезда собственной персоной.

— Ари? Идем? — тихим, тусклым голосом осведомился Рин Даблкнот, поглядывая на Никс как-то смущенно, искоса. Поведение его вне сцены разительно контрастировало с недавним бурным эпатажем.

Камориль повернул голову на голос. Рин вздрогнул.

— Ай, не в настроении я решать эти проблемы! — Камориль махнул рукой. — Идите, мальчишки! Все, больше не надо никого спасать. Разве что... — он осекся. Глянул на пацанов, сверкая в темноте нечеловеческими глазами, — будьте осторожны и не ходите по одному. Сейчас в городе неспокойно. И вы можете мне поверить. Я бы по своей воле в таком виде сюда не явился, если вы понимаете, о чем я.

— Ну ладно, — Ари пожал плечами. — Еще увидимся! Никс, приходи к нам еще! Тебе же все-таки понравилось, да? Ну, не томи, скажи мне, что я прав! И вот Рин тоже ждет! Поверь, нам важно мнение каждого нашего поклонника!

Никс усмехнулась, сначала чуточку цинично, а потом уже и искренне.

— Потенциал у вас определенно есть, — кивнула она, — электромагнитный.

Ари улыбнулся от уха до уха, помахал рукой и, приобняв Рина за плечи, двинул куда-то

к сцене, вероятно, помогать собирать оборудование.

— Какие интересные молодые люди, — вздохнул Камориль, провожая взглядом парочку музыкантов. — Что ж я так безобразно сегодня выгляжу. Но ничего не попишешь. Пойдем, Никола. Остальные, наверное, уже в гостевой комнате. Тут же не только клуб, но и подпольная гостиница. А ты не знала? А почему бы и нет. Можешь мне пока что ничего не рассказывать, чтобы по пять раз не повторяться. Тебе же наверняка есть, чем поделиться, а?

— Алло, мам? Да, со мной все в порядке. Не волнуйся, пожалуйста. Нет, мам, не надо вызывать никого. Ну правду говорю, все хорошо. Нет, никто меня не украл и на органы распилить не хочет. Ну поверь мне, а. Ну вот, смотри. Если бы меня украли не на органы, то потребовали бы выкуп, да? А если бы украли на органы или в какое-нибудь рабство, то не дали бы тебе звонить, правда?.. Мам. Помнишь, два года назад ты отпускала меня с ребятами в поход, тоже неожиданно? Было. Просто ты забыла, наверное. И тогда все было хорошо, никаких клещей, никаких маньяков, я вернулся цел и невредим, ну, разве что слегка обгорел... Ну вот, и в этот раз все тоже будет хорошо.

Ромка сунул мобильный в карман. Машина летела по трассе с той опасной скоростью, с которой ездят пьяные молодые смертники. За тонированным стеклами с трудом различался только-только пробудившийся рассвет. Его узенькая полоска была голубовато-фиолетовой, а море под ним казалось огромной, серой, гранитной глыбой.

— О маме ты тоже не волнуйся, — сказала Варамира не оборачиваясь. 'Бабка', а название это молодой женщине, ехавшей на переднем сидении дорогой иномарки, подходило слабо, — устало потеряла переносицу. — М-м, скорей бы лечь и проспать часов двенадцать. Ну или хотя бы часов пять. Ты уж не обессудь, что сразу не начнем, но мне правда нужно отдохнуть.

— Ага.

Ромка уставился в окно. События вчерашнего дня были похожи на ломкие ледяные осколки, они дробились в голове и сверкали гранями эмоций, тех, что всего острее. Понятно, что решение пойти с бабкой было весьма опрометчивым. Но он-то думал почему-то, что она, максимум, заведет его за угол, или прямо через пару метров вынет из него сверкающий волшебный меч, или коснется как-нибудь по-особенному, и он тут же обретет знания, предназначенные для самого сильного в мире пророка. Отчего-то было именно такое предчувствие. Иначе зачем 'бабке' пропадать на столько лет, а потом возвращаться? Это значит, она — вместилище древнего знания, и никак иначе. Но когда Ромка спросил у Варамиры, когда же она его научит (а было это за квартал от городской площади, где упыри скрутили Зубоскала и компанию), 'бабка' недоуменно посмотрела на него и пожалала плечами.

— Ну, поживем чуток у меня, не спеша тебе все и расскажу, что к чему.

— То есть, как это?.. — опешив, спросил тогда Роман, выдергивая из рук женщины свою ладонь. — Вы же сказали, что я смогу спасти Мйара!

— Нет, не говорила... я только сказала, что ты никому не сможешь пока помочь.

Ромка не нашелся, что ответить. И от этого словесного бессилия его заполонил гнев. Ромка сжал кулаки и выпалил:

— Да как это так?.. А как же 'сила, способная изменить мир'?! Вы мне наврали все! И что вы — моя бабушка, тоже наврали, выходит?..

Варамира подошла чуть ближе. Сцепила руки в замок перед собой. Потом заправила за ухо вьющуюся черную прядь.

— Доказательств у меня нет, в этом ты прав, — сказала она тихо, — но... насчет этого человека, которого ты хочешь спасти. Тебе не нужно этого делать, он справится сам. Даньслав ведь наказывал тебе искать у него помощи, а не самому помогать ему, так? Такова

твоя и его судьбы.

— Не по-человечески это! — Ромка фыркнул. — Судьба — это мой собственный выбор!

— Да я сейчас не о том, Ром, — Варамира поджала губы. Вновь протянула Ромке руку. — Я — не судьбоплет, но я тоже вижу 'изнанку бытия' и, в отличие от тебя, многое о ней знаю. Так вот, тот человек, которого ты хочешь спасти, — не 'стержень' облавы. Если бы ты мог не только видеть изнанку, но и понимать, что к чему, ты бы не волновался за него. Он просто дружит не с теми...

— Вы имеете в виду некроманта? — сказал Ромка прежде, чем успел подумать о том, что, может быть, стоит что-то от этой женщины скрыть. Но скрывать было поздно.

— Да, его. Это старое существо с нелегкой судьбой, закрученной, как пружина, шитой-перештопанной. Да, более всего его душа похожа на душу некроманта... Но, впрочем, столько связей с реальностью — это, скорее, хорошо, чем плохо, такие в воде не тонут.

Варамира опустила руку, которую Ромка во второй раз так и не принял.

— Хорошо, — вздохнула она. — Просто дай мне шанс и я докажу тебе, что мне можно доверять и что я — та, кем являюсь.

— Моя бабка?

Варамира усмехнулась.

— Нет, как именно это доказать, я не знаю. Я покажу тебе, что я кое-что понимаю в судьбах.

Тогда Ромка просто кивнул. Варамира огляделась по сторонам, что-то выискивая. Они стояли посреди людной улицы, возле лавочки и цветочной клумбы. Ромке было немного тревожно из-за того, что вокруг ходят люди и могут их разговор ненароком подслушать, но Варамире, очевидно, было все равно. Она наконец нашла, что искала. Или то, что она искала, нашло ее? К парадному входу какого-то ресторана подъехала машина красного цвета. Варамира, подмигнув Ромке, быстро к ней подошла и провела рукой по лакированному капоту. Задняя дверца машины открылась, и из нее выбрался мужчина в деловом костюме, держа под мышкой барсетку. Он хотел вроде как что-то Варамире сказать, но как будто бы забыл, что. А потом он словно и о самой Варамире забыл.

'Бабка' кивнула Ромке, мол, иди сюда.

— И что это было такое? — спросил мальчик. — Вы это заранее приготовили, что ли?

— Ты должен научиться верить не своим глазам, а изнанке, — произнесла Варамира. — Что там произошло, ты чувствуешь?..

— Что-то странное... яркость увеличилась, как будто бы всплеск... Нити стали двигаться еще быстрее, чем раньше.

— Им стало легче, — кивнула Варамира. — К тому же, судьба любит таких, как мы с тобой.

Ромка недоверчиво покосился на машину.

— И что теперь?

— Залезай. Поедем ко мне, а оттуда двинемся непосредственно туда, где мне будет проще всего научить тебя всему, что я знаю.

Зря Ромка не спросил, куда это — 'ко мне' — именно.

Машина оказалась собственностью компании по перевозке, соответственно, водителю было все равно, куда ехать. Лишь бы платили. А ему, видимо, уже заплатили, из кармана того самого неудачливого бизнесмена.

Когда автомобиль вырвался за чертоги города, Ромка запаниковал. На вопросы типа

'куда мы едем?' Варамира спокойно отвечала, что к ней. 'Мой дом находится в небольшом прибрежном поселке здесь, неподалеку, — говорила она. — Там мы сможем отдохнуть. Сначала заедем кое-куда, но ты спи-спи... А к утру будем на месте. Я тебе сама приготовлю чего-нибудь вкусного. Может, пирог испечь? Бабушки ведь пекут пироги. Да, пирог — это будет самое то, я знаю'.

Но успокоиться Ромка не мог, потому как его изнутри раздирали вопросы, которых было не счесть. Но почему-то при водителе задавать их не хотелось. Ромке казалось даже, что ежели он сейчас начнет бабку спрашивать, а она начнет ему отвечать, — то эти ответы и вопросы еще больше изменят судьбу ни в чем не повинного мужчины, оказавшегося не в том месте и не в то время. Мйар бы такого не одобрил.

Несмотря на нервное возбуждение, мальчик чувствовал себя уставшим. Так бывает, если долго ждешь чего-то, на что-то надеешься, а потом раз — и перегораешь. Он смотрел на то, как за окном плывут холмы, укрытые вечерним туманом, как на небе разгораются одна за другой звезды, а под небом, как будто бы ему вторя, начинают светиться окна редко разбросанных по равнине домов.

Ромка думал о Никс, оставленной под зданием университета, и о том, что в этом мире даже огненному магу не просто, хотя, казалось бы... Казалось бы, играть с огнем — мечта! А вон оно как, на самом деле. И ладно, странный Камориль, но все остальные маги — просто люди, и их, почти всех, можно понять. Не просто 'можно', их, пожалуй, даже легко понять...

Усталость брала свое, и вскоре Ромка провалился в зыбкое забытие. Ему снился сон, обыкновенный, из тех, где причудливо смешивается быль и небыль, и где ты бессилен что-либо изменить. Это был уже не тот кошмар, который преследовал его, пока он не нашел Мйара. Но все же искорки в глазах цвета весенней листвы тревожили душу, как это бывает только с душами молодыми и, в общем-то, неспроста.

Проснулся Ромка от маминого звонка, быстро пришел в себя и придумал подобающую 'отмазку'. Благо, это у него получалось естественно и достоверно — ценный навык, наработанный годами практики. Тем временем за тонированными стеклами как раз и начал наблюдаться ранний рассвет, обещающий быть красивым, хоть и прохладным по-весеннему.

Через пятнадцать минут машина притормозила у обочины, и пассажиры выбрались на свежий воздух. Поселков или деревень вокруг не наблюдалось, — только широкая тропинка, рассекая высокое разнотравье, убегала куда-то в сторону моря и лесополосы.

— А где поселок? — спросил Ромка у Варамиры. Здесь, среди деревьев, пыли и травы, нарядное платье 'бабки' смотрелось как-то совсем некстати.

— Пойдем, тут до него еще полтора-два километра пешком, — ответила Варамира. — Там, за деревьями, пойдет спуск, так что идти легко будет. Поселок сразу увидишь, а вот дом мой немного дальше, он на мысе, за Оливковой бухтой.

— Ага, — протянул Роман, двигаясь по тропинке следом за 'бабкой'. — Ну... я уже могу задавать вам все накопившиеся вопросы, да?

— Что, всю ночь ждал?..

— Нет, ночью я, выходит, спал...

— Ну, а я вот — не спала всю ночь, потому пощади меня и погоди с расспросами...

— Ой, а чего это вы не спали?..

— Надо же было следить за тем, чтобы водитель не уснул, — ответила Варамира.

— А как же судьба?.. — недоверчиво переспросил Роман.

Женщина улыбнулась.

— На судьбу надейся — а сам не плошай! Разве не так говорят?..

— Так...

— Ну и вот. Давай лучше ты расскажи мне про свою жизнь. Что да как. Мне, знаешь, правда интересно, чем ты живешь, ну, и чем сейчас вообще живут дети. Мир полон чудес, и чем дольше живу, тем больше люблю жить! Так что давай, рассказывай.

Ромка, хмыкнув, почесал затылок. Не так-то просто рассказать 'что да как', особенно, ежели с тобой последнее время творятся всяческие невероятности. А уж про то, что настоящему волнует, рассказывать практически незнакомому человеку... ну уж нет.

— Да мне нечего особо рассказывать, — наконец произнес он. — Живу, как все, в школу хожу, потом в кружок моделирования. Мы там самолетик клеим и фигурки разные. На концерты еще хожу с сестрой. Без Али мама меня на концерты не отпускает. Что еще...

Додумать Ромке не пришлось, потому как в этот момент они выбрались, собственно, к деревьям, что росли на краю возвышения, по которому проходила дорога. Далее тропка полого бежала вниз, к морю. С этой точки был прекрасно виден поселок, расположившийся на длинном остром мысе, и множество бухт с обеих сторон от него.

У Ромки захватило дух от распростертого внизу пейзажа, озаренного половинкой вынырнувшего из воды солнца, и от вида поселка, похожего сейчас на странную рукотворную драгоценность из маминой шкатулки, обрамленную рваными перьевыми облаками сверху и звонкой, медной гладью моря понизу. В небе реяли чайки, планируя на ветру, а в море чернели лодки рыбаков, выбравшихся на свой промысел ни свет ни заря.

— Нравится? — спросила Варамира.

— Хочу здесь жить! — выпалил мальчик с восхищением.

— Вот и я так подумала.

Это было ожидаемо и неожиданно одновременно. Ну, то есть, не то чтобы я ликовал по поводу своей предусмотрительности, как не прогадавший параноик. Однако же мои смутные опасения оказались оправданны. В этом доме, как я уже говорил, мне расслабляться опасно, и вот она — кара небес за незапертую дверь ванной комнаты.

Камориль стоял, опершись об дверной косяк, и молча смотрел на меня ясным немигающим взглядом. Ну, не то чтобы просто смотрел — рассматривал.

— Ну и что ты здесь делаешь? — спокойно спросил я, даже не думая прикрываться. Чего мне стесняться, и правда. Ну, то есть, я бы постеснялся, однако же именно это, пожалуй, порадовало бы некроманта пуше любого другого действия.

— Да вот, мимо проходил, услышал шум воды, тут же вспомнил кое-какой твой монолог, показавшийся мне тогда очень прочувствованным и, как бы это так поточнее выразиться, — Камориль постучал указательным пальцем по подбородку, — многообещающим. Видишь ли, мне подумалось, что, не имея к оному предрасположенности, вряд ли бы ты смог так красочно...

— Красота в глазах смотрящего, Камориль, — отвечивал я, снова включая воду и отворачиваясь.

Я не слышал, ответил ли он мне что-то, но чувствовал, что он не ушел. Стоит, смотрит. Что ж с ним таким делать, а...

— А они и правда спиральками свиваются, — заявил некромант, усевшись на кафельный пол слева от ванной.

Я снова выключил воду. Повернулся к нему.

— Ты что, так и будешь смотреть на меня и мешать мне нормально мыться?..

— Да разве ж я тебе мешаю?

— Да!

— Ну так, разве ж я виноват, что я тебе мешаю...

— Да!

— Тогда давай я тебе помогу?..

Следующий мой поступок был необдуманным и спонтанным. Я направил струю воды на Камориль и одновременно выкрутил вентиль до упора. Камориль пытался защититься руками, но тут уж он сам себе 'вырыл могилу', образно выражаясь, тем, что так близко ко мне подошел.

Некромант в мокрой рубашке, сдержанно сквернословящий, фыркаящий и трущий раздраженные хлоркой глаза все-таки достаточно меня развеселил, ибо в такой ситуации он никак не мог сохранить ни пафос, ни даже эту свою фирменную жеманность.

Размазав по щекам тушь (тушь?..), Камориль стянул с себя рубашку, вытер ею лицо и поднялся на ноги. Выглядел он несколько устрашающе и очень, очень решительно.

— Не-не-не-не-не, — я стал грозить ему душем. — Вот это руки-то у тебя чего полезли? Вот это руки-то ты спрячь! Камориль!

Я снова открыл воду, прежде чем Камориль оказался в ванной рядом со мной, как был, в брюках. Но струя воды его не смутила на этот раз. Пока я пытался спешно достать с вешалки полотенце, некромант основными руками обхватил меня за плечи.

— Мйар... Будь моя! Отринь сомненья! Давай сольемся в...

— Да ты совсем ополоумел, — я бросил душ и стал с усилием отводить его руки от себя.

— Ну давай я тебе хотя бы спинку потру, — Камориль пытался сохранить хорошее лицо при плохой игре, что меня лично пугало. Потому что взгляд у него был немного того... нездоровый.

— Какую, напрочь, спинку! Знаю я тебя! Облапаешь всего, а потом отмывайся три недели от ощущения собственной оскверненности!

— Ни разу не было такого!

— Ну вот и не надо пробовать! Руки убрал, да! Камориль! И эти руки тоже!

Вот уж дурная ему в голову идея пришла — в мышечной силе со мной соревноваться! Стоя в ванной! К чести некроманта стоит отметить, что, несмотря на видимую хрупкость тощих конечностей, сила в нем была, и так просто справиться с ним, юрким и настойчивым, у меня не получалось. Еще ж дополнительные руки, две пары, ни больше, ни меньше! Совсем жестким я быть не мог, ибо ломать ему эти руки, пускай и ложные, дело неблагодарное (жалко мне их, жалко!), но мои полумеры на нем принципиально не работали. Я уже отчаялся отлепить от себя это любвеобильное животное, как дверь ванной комнаты приоткрылась, и к нам заглянул Эль-Марко.

— Это не то, что ты думаешь! — прокричал я, одной рукой придерживая полотенце, а другой упираясь в челюсть Камориль.

— Присоединяйся! — весело предложил некромант, не прекращая попыток заключить меня в смертельные объятия.

— Э-э, — протянул Кападастер, — заманчиво, конечно, но я вообще-то хотел вам

сказать, особенно тебе, Мйар, что Мари скоро проснется. Как раз фаза быстрого сна пошла, думаю, если сама не встанет, можно смело будить. Потому что ее срочно надо кормить, уровень глюкозы повышать... Такие дела. Я — на кухню.

Кападастер аккуратно прикрыл дверь за собой.

Камориль прекратил бурную активность и сполз в воду, хихикая.

— Ты чего ржешь, провокатор хренов? — буркнул я, выбираясь из воды на холодный кафель. Стал прям на мокрое тело натягивать белье и джинсы. — Ну что?..

— А представь, что было бы, если б к нам сюда, собственно, барышня твоя наведалась?

— С чего бы ей сюда заходить?

— Ну, услышала бы твои яростные крики и пришла, — улыбнулся некромант.

— Ага. Вот прям без стука. В душ. К мужчине, — фыркнул я. — Разве только, если б она решила, что ты меня убиваешь...

— Это ты меня убиваешь, но мы не об этом, — некромант откуда-то раздобыл желтого резинового утенка и теперь пускал его по воде. — Эх, Мйар! Странная девица! И что ты в ней нашел?..

— Пойду внимательнее это рассмотрю, — сообщил я и вышел. И свет ему в ванной выключил мстительно. Вот же!..

Вообще, радужные настроения Камориль я не разделял. Ну, то есть, его-то понять можно, ибо сегодня впервые за долгое время в его доме собралось столько народу, что можно вечеринку устраивать, а это дело некромант любит. Людей и вправду достаточно: Мари почивает в гостевой комнате на высоких белых перинах, похожая на спящую принцессу; Никола что-то 'выжигает' на заднем дворе из остова засохшего дуба, Потерянный ведает, чего это она вдруг; Эль-Марко возится в гостиной с Лунью, у которой внезапно прорезался голос — тоненький и нежный, каким говорила бы девочка лет пяти; где-то в подвале томится Вера, организм которой стал самопроизвольно перестраиваться обратно в нормальное состояние, а потому глава клана вампиров не только посажена под замок, но за ней так же наблюдают две костяные собаки Камориль; что касается самого некроманта, то он вроде как что-то там особенное колдовал на кухне, пока ему, стало быть, не приспичило проведать меня. Я же занимался тем, что ходил из комнаты в комнату и пытался собраться с мыслями, ждал, когда проснется Мари и пытался воскресить в своем сознании, не прибегая к бусинам памяти, события и обстоятельства своего прошлого.

Никола сказала, что Ромку забрала Варамира. Кто-то похитил бабушку Мари. И, кроме этого всего, я, как проснулся, позвонил в департамент исключительных дел, намереваясь поговорить с Элви. Мой звонок был автоматически перенаправлен в столичный отдел, где мне сообщили, что в нашем городе отделение департамента расформировано на неопределенный срок. Причин расформирования мне не поведали, хоть я и перезвонил и переспросил.

Значит, у нас имеются воскресшие столетние старухи, похожие на двадцатилетних; выстрелы в ночи; похищенная баба Паша (кому могла понадобиться пожилая женщина, живущая особняком посреди леса? Ну да, она колдунья вероятностей, но разве ж крадут просто так гадалок?); ключ, являющийся понятием; заклятие, которое никто не мог произнести; Богиня, которая раздаёт обещания вечной жизни истеричным дамочкам; чудовища, которые не видят меня, регенерируют, как проклятые, и охотятся на мальчика, который теперь, на минуточку, с некоей воскресшей столетней старухой, похожей на двадцатилетнюю... и это не считая мутантов в бункере.

Эх, зря меня Камориль от пламенного просвещения отговорил тогда! Может, иначе бы все получилось... Но...

Что это за театр абсурда? И это все имеет отношение ко мне, потому что помочь Мари я должен, а Варамира была женой Даньслава, моего друга из той, полузабытой жизни... Я не эгоцентричен. Я не хочу ошибаться, испуганный или окрыленный тем, что оказался замешан во всем этом, — но мне кажется, что я как раз таки являюсь недостающим звеном... Тем, что может связать все это воедино. Не тот я, что есть сейчас. А тот я, которым был до того, как лишился воспоминаний.

— А может быть, я и есть — ключ?..

В комнате больше никого не было, так что, естественно, никто меня не услышал и мне не ответил. Но нет. Ключ — сказано же, вещь и понятие. Я же, являясь живым существом, соответственно не могу быть ключом. Но это, конечно, было бы довольно логично, если бы для решения всех проблем я должен был бы найти себя самого. Так... жанрово, так... лирически. Прелесть было бы, а не решение.

Я стал подниматься по лестнице на второй этаж. Там, в угловой гостевой комнате, самой светлой и теплой в этом доме, спит Мари. Интересно, кто жил в этом доме до некроманта, кто выбирал все эти небесно-голубые комоды, как будто бы кукольные шкафчики и нежные, воздушно-кружевные шторы? Когда Камориль затеял в усадьбе ремонт, переделывая внутреннее убранство под свой нетривиальный вкус, эту комнату на втором этаже он трогать не стал. Что сейчас оказалось очень кстати, вне зависимости от причин.

Одолев лестничный пролет, я замер, услышав тихий разговор, доносящийся из приоткрытой двери светлой гостевой комнаты. Почему-то в тот самый миг, как моих ушей достиг голос Мари, сердце стукнуло не в такт, а к рукам и спине прилил жар. Наверняка у меня еще и щеки зарделись, но я себя не видел, так что, может быть, и пронесло. Да что ж такое со мной творится?.. Неужели я настолько влюбчивый?..

В любом случае я решил слегка поостыть и только потом идти навещать нашу падкую до обмороков барышню. И, замерев, ненароком прислушался, как это мне свойственно, и, конечно же, различил, о чем идет речь.

— Это Камориль готовил, — говорил Эль-Марко. — Он во многом талантлив, и, как видишь, стряпня у него тоже неплохо получается.

— А можно я странный вопрос задам? — это голос Мари.

— Какой 'странный'? — уточняет Эль-Марко.

— Ну, нетактичный.

— Хм. Попробую ответить наиболее корректно и адекватно, а так же ни в коем разе не изменить о тебе своего мнения, если ты этого опасешься.

Мари не отвечала секунд десять, а потом все же спросила:

— А Мйар и Камориль — они вместе, да?

О, Потерянный, откуда она это взяла?.. Я ухватился за голову, сдержав порыв тотчас же убежать куда-нибудь далеко. Кровь бешено застучала в виски. И хотя этот набат практически заглушил тихий приватный разговор, нечаянным свидетелем которого я стал, я все же расслышал ответ Эль-Марко:

— Если Мйар примет некроманта со всеми его потрохами, то я буду должен Камориль сотню. Более того, если это случится, на радостях напьется половина города, а может быть, и весь. Но это все шутки, конечно. Печальная история.

— Почему печальная?.. Неужели ты... тоже...

— Я? Нет, я не по этим делам.

— Фух, ну слава богу, — выдохнула Мари.

— Хотя не скрою, чисто эстетически мне нравится строение мужского тела, — продолжил Эль-Марко, — своей, знаешь ли, эргономичностью, хотя кое-что я бы и изменил, чтобы, понимаешь ли, аэродинамика...

Но я не стал дальше слушать. Мое сердце упало в пятки или куда-то туда, где темно, холодно и все время идет дождь. И ноги несли меня тоже вниз. Вниз по лестнице, прочь по коридору, подальше от этого белого солнечного марева, от заполняющих все, выжигающих сознание чувств. Сначала, значит, только лишь от звука ее голоса моя кровь разогналась, как ветер у берега ближе к вечеру; потом соленой горечью глубины меня накрыла волна стыда за то, в чем я виноват не был; а потом дыхание вечной мерзлоты сковало всего меня, и я разбился на тысячу черных зеркальных осколков, брошенный на мокрые острые глыбы, затянутые сине-зелеными водорослями. И все — только лишь от ее слов. От слов, которые, может, нужно понимать совсем иначе, или вовсе не стоит понимать.

Но нет, нет, это все-таки чересчур. Эти чувства слишком сильны. Они опасны. Они уничтожают и надламывают. Почему слова этой девушки так значимы для меня?.. Почему я не могу с собой справиться и подавить это все в зародыше? Почему я воспринимаю их — легкие перышки, — как воткнутые в подушечки пальцев ножи? Да, перышки разноцветные: и белые, и красные, и темно-зеленые, — но те, что чуть темнее золотых, пронзают меня насквозь, как будто бы уголек прожигает лед. И, не становясь ни чуточку холоднее, уголек этот тлеет, отдается глухой болью где-то в области солнечного сплетения, пульсируя, как живой, готовый вот-вот обратиться птицей с такими же острыми, как ножи, перьями.

И, стало быть, тем самым разорвать меня на куски.

Мйар обнаружил себя забившимся в угол в какой-то темной захлавленной комнате. Пахло сыростью, плесенью, гниющим деревом.

Он, как это бывает с существами чрезмерно эмоциональными, не помнил, как оказался здесь. Отнял руки от лица. Посмотрел на свои ладони и усилием воли заставил их прекратить трястись.

— Привет, панический припадок и шизофрения, — вслух проговорил он. — Ежели ты, родная, уже со мной, так чего мне бояться?..

Эха здесь не было, так что ему снова никто не ответил.

Мйар прикрыл глаза, не желая больше видеть мир вокруг себя. Иррациональный страх и ни с чем не сравнимая горечь никак не хотели его отпускать. А сердце... сердце болело, и Мйар не знал, что с этим поделать.

Он сидел так, подтянув к себе колени и руки, около получаса, пока нервная дрожь, утихнув, не сменилась другой, вызванной холодом.

Мйар, шмыгнув носом, поднялся, потирая озябшие предплечья. В голове звенела пустота, как будто бы между 'сейчас' и 'тогда' возникла плотина. Высокая, белая, каменная. Хрупкая до полупрозрачности.

Иногда, чтобы уберечься, стоит перестать думать, и тот, кто умеет вовремя остановить

поток своих мыслей, может обрести таким образом необходимую передышку, будто бы искусственно заморозить время. С решениями торопиться рано. Мнения не изменить необдуманно действиями, а вести себя следует достойно. И, раз уж время есть, нужно все обдумать, все понять и ни в коем случае не показывать никому своей слабости. И так уже... напоказывался. Достаточно.

Мйар осмотрелся по сторонам. В этой просторной комнате некромант зачем-то держит старую зачехленную мебель, от которой по-хорошему пора бы уже избавиться. Значит, Мйара угораздило забраться довольно глубоко в недра усадьбы, туда, где жизни нет совсем: ни простой, изначальной, ни призванной. Или же здесь, в пустоте, тишине и покое, и начинается настоящая жизнь? Мыши же здесь должны быть... еще клопы, мох и плесень... Святая простота, невинная тем, что не осознает себя и просто... выживает.

Мйару подумалось, что до того, как к нему пришел Ромка, он сам был чем-то вроде этого мха. Он был камнем, лежащим на дне пруда.

И если всем известно, что от брошенных в пруд камней идут по воде круги, пересекаясь множество раз, то что же бывает, если камень кто-то со дна поднимет? Холодный песок и забвение — это не конец пути для того, кто сделан из материала достаточно прочного, достаточно долговечного. Да что там, вечного практически, если позабыть, например, сказки о драконьем пламени и об уровне развития современной науки и техники.

А ежели ты еще и камень, к примеру, драгоценный, то что тогда? Может, эта байка (про судьбу и все такое прочее) и вовсе может обратиться занимательной сказкой? Со счастливым концом.

— Надо верить в себя, — вздохнул Мйар, отряхивая пыль со штанов. — Хотя в гробу я видал все эти ваши 'катарсисы', но надо в себя верить, и, по возможности, любить. И ныть поменьше надо.

Он еще ничего окончательно не решил. Только разве что подумал, что пора брать себя в руки и делать то, что должно. Во-первых, нужно вернуться наверх и таки поговорить с Мари. Может, она подробнее расскажет, что и как случилось с Пелагеей. И что Мари такое колдовала, чтобы разыскать их в видящем беспокойные сны городе.

Мйар вышел из временного пристанища отжившей свое мебели и направился по маленькой узкой лестнице наверх, выбравшись прямо в условный тупик коридора на первом этаже. По другую сторону от этой лестницы был вход в подвалы, и он почему-то оказался не заперт.

Мйар насторожился, а потому прислушался и принялся получше. Было тихо, смутные знакомые голоса едва слышались вдалеке, вероятно, на втором этаже, а еще где-то поблизости капала вода. Запахов незнакомых тоже не было, и Мйар подумал, что напрягся зря. Опять. Ну что ж ты будешь делать...

И все же он решил зайти в подвалы и проверить, как там Вера. Мало ли. Вдруг не зря. Ну и, кроме прочего, ему было интересно, как Камориль ее закрепил, и не отплатил ли он ей той же монетой, а, точнее, скотчем.

Подвалы некромантского дома все-таки казались Мйару самым неудобным местом на свете, и даже та камера, где их держала Вера, была как-то более... обжита, что ли. Ну, она хотя бы изначально предполагалась помещением, сделанным для людей... Здесь же все стены были выкрашены черным, здесь вообще все было черным, а что черным не было — было красным. А что не было красным, было темно-зеленым, и это убийственное сочетание нервировало. Очень.

Вера отыскалась в одной из больших клеток, стоящих на полу. Вампирша сидела, привалившись спиной к дальней стенке клетки и смотрела на Мйара немигающим бездумным взором оглушенного зверя. В клетках, что покачивались на цепях над ее 'обиталищем', Мйар узрел засохшие, как будто бы мумифицированные останки. Кому они принадлежали — он определить не мог, только смутно догадывался, что кто-то из этих покойников — сравнительно недавний 'пациент' Камориль, — тот самый серийный насильник Виталий.

Костяные псы Камориль тоже были тут — они недвижно следили за Верой из темных углов помещения, похожие на обыкновенные чучела.

Мйар присел на корточки напротив клетки Веры.

— Есть хочешь? — спросил он.

Взгляд Веры стал чуть более осмысленным, но она смолчала.

— Нас ты все-таки кормила, — Мйар с сомнением огляделся по сторонам и снова обернулся к Вере. — А Камориль тебя кормит? Или ты долго можешь обходиться без крови? Или ты не только кровью питаешься?

Вера все так же молча смотрела на Мйара из своего угла, только разве что как будто бы вся подобралась и напряглась, не меняя при этом положения тела.

— Камориль сказал, что я мог бы как-то помочь вам с проклятием крови, — проговорил Мйар, глядя на свое запястье. Встал с корточек, оглянулся по сторонам. Подошел к столу, на котором нашлась красная металлическая миска. Глянул на Веру. Вампирша не шелохнулась. Мйар снова посмотрел на свое запястье. Вдохнул. Как будто бы странно улыбнулся, — и прокусил лучевую артерию у самого запястья левым нижним клыком. Чуток повел головой, удлиняя разрыв.

Кровь, пульсируя, заструилась в миску, но вскоре как будто бы иссякла — разрыв начал заживать почти сразу, и кровотечение прекратилось. Такую пустяковую рану странный Мйаров организм излечил практически мгновенно.

Мйар взял миску в руки. Кровь как кровь. Вроде бы. На вид — ничего особенного, вкус и запах тоже самые обыкновенные.

Вера уже не сидела на месте, — она держалась руками за передние прутья клетки и облизывала губы, но молча. Она почему-то ничего не просила словами, только алчно смотрела на руки Мйара (и на миску с кровью).

Мйар вложил тару в подрагивающие ладони вампирши, нечаянно коснувшись ее. Кожа была холодной. А миска была слишком широкой, чтобы пройти между прутьев, и потому Вера приникла к ее содержимому, плотно прижавшись щеками к металлическим штырям.

Крови там было явно недостаточно, чтобы утолить ее голод. Вера пила быстро и жадно. Миску на пол она поставила бережно, и Мйару в этом жесте почудилось даже что-то типа благодарности, которую вампирша не могла выразить никак иначе.

А потом Вера устремила на Мйара взгляд страшных своей болезненностью глаз, которые начали едва заметно поблескивать алым, и сказала буквально следующее:

— Я... знаю тебя. Я... уже пила твою кровь.

Мйар наклонил голову вбок, усаживаясь напротив Вериной клетки.

— Под городом?..

— Нет... Дальше. Там, где мы были, ты, я и Лунь. Дома. Мне... уже... давали эту кровь. И, наверное, со мной... сработало. У них получилось. Почему, почему... Именно по тебе — смерти нет.

Мйар замер. Слова Веры, — на первый взгляд, нескладные и странные, — были

правдой. Да, он, она и Лунь уже знакомы, каким-то непостижимым образом, а может быть, даже связаны, так или иначе.

— Ты тоже... — Мйар говорил медленно, — выросла там?.. Где высокие сосны, и море серое, и белые металлические стены, стонущие на ветру?

— Я выросла в темноте, но вкус твоей крови мне не забыть никогда. И там была только луна, но ты был... ты горел. Ты пылал, и внутри меня сейчас горишь, как будто бы солнце добралось до моих потрохов. Но то была только лишь кровь из пальца. И я почувствовала, как бывает. А кровь, сама по себе, ничего не значит. Но ты уже сам обо всем догадался, мальчик. И мир вращается вокруг нас адреналиновым забвением.

— Вера, а если без аллегорий? Ты помнишь Даньслава?

— Коготь — не коготь, — ответила Вера, — а вот ты — оголенный провод, человек без кожи. Был. Тогда. Я жила в темноте, потому что это была моя перемена. А мы же слепнем и глохнем, когда становимся проклятыми.

— Но как же я тогда 'сиял'?..

— Я пила твою кровь три раза, и каждый раз она была другой. И сияние было разное, черное, белое, переменчивое. Это была твоя любовь-просьба, любовь-жажда, твой крючок, твоя спичка, твоя причина. Без этого бы ты не горел.

— Я... был тогда влюблен?.. — медленно проговорил Мйар. — Но как же я тогда... зачем я тогда сбежал из лагеря? И почему — один? Или это была... невзаимная любовь?

Вера помолчала немного, будто бы раздумывая.

— В твоём меде не было горечи. А кровь неудачников — терпкая.

И она замолчала словно сказала все, что нужно было сказать. По крайней мере, выглядела она настолько довольной собой, что казалось, будто бы она решила этими словами какую-то очень сложную задачу.

— А может, ты совсем сумасшедшая?.. — проговорил Мйар, хмурясь.

— Если ты будешь давать мне свою кровь, то я буду служить тебе, — ответила Вера. — Пускай остальным помогает судьба. А мне будет достаточно этого жара внутри. Он лучше чего бы то ни было, лучше мужчины, да. И я не боюсь жизни.

Мйар молчал. Ему подумалось, что он зря вот это проделал, — нет, не кормежку Веры произвел, с этим-то все как раз в порядке, — зря он ее слушал и о чем-то спрашивал. Вампирша не в себе. Хоть она, возможно, и не врет, но память ее так же ненадежна, как и его. И что же с ней потом делать... не отпускать же умалишенную с садистскими наклонностями просто так?.. И не кормить же ее с рук всю ее... вечность. Вот уж, и правда, непростая ситуация.

А впрочем... разбираться с ней должен Камориль. Это, в конце концов, его знакомая, и пускай делает с ней, что хочет. Это у него с ней счеты... хотя нет. Сюда Веру привел Эль-Марко — на нем теперь и ответственность.

Мйар молча развернулся и пошел прочь, к выходу. Вздрыгнул, когда Вера, вцепившись в прутья клетки, стала трясти ее и кричать ему вслед:

— Шикарная женщина, это был ты! Я буду тебе служить, как хочешь! Я даже умру, если хочешь! Вот увидишь, я разнесу тут все в прах! Пускай все пропадает! Это судьба, солнышко! Это судьба!

Мйар только покачал головой. Поплутав немного подвалами, он вышел в коридор и закрыл за собой дверь на засов. На всякий случай.

А перед тем, как дверь захлопнулась, он расслышал Верино тихое:

— Прикурить бы дал...

Проходя мимо гостиной, я заметил Николу, читающую что-то с мобильного.

— Вы чего весь в пыли? — спросила девочка.

— А ты чего в саже? Камориль тебя не похвалит за сидение на его диване в таком виде.

— Ромка сообщение прислал, — сказала Никс, — длинное. Только что.

— Что пишет? — оживился я. — А ты пробовала ему звонить до этого?

Никс замялась:

— Ну, нет. Просто... у меня его номера не было. Он мой спросил, а я сделала вид, что мне его номер не нужен. Ну это тогда, у моря было. Кто ж знал...

— Так и что он пишет? — я прошел внутрь гостиной и сел в кресло напротив Никс.

— А вот, почитайте, — Никола передала мне свой тяжеленький телефонный аппарат, закованный в титановый корпус.

'Привет, Никс! В общем, Варамира привезла меня в свой дом, он возле какого-то поселка (если ехать по западной трассе, там еще у памятника в виде чайки поворот), на мысе у Оливковой бухты. Она живет хорошо. Просто замечательно. Учить меня пользоваться силой она собирается долго, и пока что ничего не рассказала, только показала немного. Она что-то меняет в Изнанке, но я еще не понял как. Пока что я научился только грести на веслах (тут есть лодка). Честно говоря, мне кажется, что я теряю время, а она кормит меня домашними пирогами, а о Зубоскале и компании говорить не хочет вообще. Как они там? Есть какие-то новости? Если так и дальше пойдет, я отсюда сбегу. Не знаю, правда, как. Странно тут все, и еще она не отвечает на многие вопросы, мол, ей тяжело это вспоминать. Зря я, в общем, сорвался. Прости, пожалуйста. Я думал, что она меня быстро научит, и я сразу смогу всем помочь. Жду ответа, Рома'.

Я отдал мобильный обратно Николе.

— Ты ему ответила? — спросил я.

— Угу, — сказала Никс.

— А что так невесело?

— Да вот... Мне та женщина, знаете, не понравилась. А тут — пироги.

— Судя по тексту, он более-менее в безопасности, — хмыкнул я.

— И вот, казалось бы, дядька Зубоскал, — поговорила Никола, и от этого обращения я вздрогнул, — вроде как все хорошо, относительно, но мне почему-то тревожно и даже... как-то страшно за Ромку. Она его не учит, чему обещала, а живет с ним, как с сыном, и пироги печет. Идиллия прям такая. А она же мертвая женщина.

Я нахмурился.

— Но я ведь живой, — ответил я. — Хотя мне тоже как бы лет гораздо больше, чем положено.

— Но вы-то не умирали, так?

— Да вроде нет, — согласился я. — Вообще, хорошо, что он написал. Мы теперь знаем, где он.

— Дядька Зубоскал, нам нужно туда поехать и убедиться, что все хорошо. Если эта Варамира — и правда его бабка, то она не станет желать ему зла. Если у нее дом на берегу моря, в котором 'все хорошо', то она не будет против гостей. А если она будет против

гостей...

— Значит, все отнюдь не хорошо, — кивнул я. — Так, что-то я совсем потерялся... где все? Может быть, в комнате Мари?

— Наверное, — Никс повела плечом.

— А что такое? А ты почему не там?

— Да мы ж с ней не знакомы, — Никс посмотрела на меня исподлобья. — Я стесняюсь.

— Ох ты ж, — хохотнул я, — нашла причину! Пойдем знакомиться. Если у Ромки все более-менее хорошо, судя по письму, то у Мари — нет. У нее кто-то бабку украл.

— Да уж, скучать вам не приходится, — сдержанно улыбнулась Никс. — Просто...

— М-м?..

— Она вся такая леди... А я рядом с красивыми девушками себя неудобно чувствую.

— Ох! Ты так говоришь, как будто бы...

— Да, я — лягушонок, — Никс забралась на кресло с ногами и внезапно заплакала.

Я не успел даже опомниться. Плачущие женщины — это страшно. Внезапно плачущие женщины — это... в общем, это что-то, не поддающееся ничему! Ни описанию, ни уговорам... разве что...

Я сел на диван рядом с Никс и обнял ее за плечи.

— Ну-ну, не реви, никакой ты не лягушонок. Ну что ты вдруг, Никс?

— Ну он же ушел с этой своей бабкой, — сквозь слезы, проговорила Никола, — и меня оставил!

— Никола, он же мальчишка младше тебя, — я заглянул ей в глаза, — там, у него в голове, такое творится — у-у! Ты можешь мне поверить. Он, наверное, вообще о красоте-то и не думает. Так бывает, что людям до какого-то возраста — все равно. Да и вообще, это все фигня. Он же тебе сообщение прислал, так?

Никс неохотно согласилась:

— Так.

— Не мне. Не Камориль. Тебе. Понимаешь? А у него ведь был номер Камориль наверняка!

— Ну он-то думал, что вы в плену, — и Никола снова заревела. Да уж, если плачущая девушка не лишена логики — с ней вдвойне сложнее!

— Слушай, а что ты ему ответила?

Я решил, что надо Николу от беды ее отвлечь, — это же вроде как самый верный способ развеять приступ жалости к себе, которая бурные рыдания и провоцирует.

Девочка, шмыгнув носом, буркнула:

— Сказала, что все хорошо и что мы у Камориль.

— Ну так... и ладно. Может, напиши еще, что мы к нему приедем?

— А вы думаете, можно что-то еще написать?.. — засомневалась Никс.

— А почему нет? — хмыкнул я. — Ты, конечно, можешь мне не верить, но я бы правда хотел повидаться лицом к лицу с этой Варамирой. Есть, конечно, такое прошлое, с которым лучше бы не встречаться, а есть такое, на которое поглядеть весьма любопытно. Ну, и мне хотелось бы у нее спросить, как так получилось, что официально ее разодрали росомахи в лесу, а фактически она жива-здоровая и молода. Как я.

— Да я не о том, — Никс потупилась. — Я... Ну, я ему написала, что все хорошо, хотя с ним было бы лучше... веселее, понимаете?.. а он ничего не ответил. И вот, разве я могу написать два сообщения подряд...

И она уставилась на меня зелеными своими глазницами, и я впервые понял, что мы с этой девахой похожи. Не только цветом волос и глаз. Вот уж, правда, откровение — осознать, что ты сочувствуешь девчонке шестнадцати лет. Зато не так одиноко сразу стает, что уж там. Чувствуется некая связь с социумом. Своя, стало быть, нормальность... относительная.

— Как же я тебя понимаю, — честно ответил я. И добавил серьезно: — Пиши давай. Нечего тут. Слушай меня, я в этих делах собаку съел!

Никс хихикнула, покачала головой (мне показалось, что у нее на языке какая-то колкость вертится, но она ее не озвучивает) и принялась строчить что-то в свой телефонный аппарат.

Мы с Никс не стали подниматься вверх, в комнату Мари, как мне сначала придумалось, потому что я явственно различил шум со стороны кухни.

— Они там, наверное, все, — кивнул я. — Пойдем, кофейку дернем, сообщим общественности о Ромкиных вестях и наших планах касательно них. Надо еще, конечно, обмозговать, что делать с бедой, которая с Мари приключилась. А там, как все решим, заодно придумаем, когда съездить к Ромке и его любезной "бабушке".

— Как скажете, — хмуро ответствовала Никс.

— Что ты такая никакая? — я снова приобнял ее за плечо. — Совсем ты не похожа на ту Николу, которую я встретил возле дома Эль-Марко!

— Печально мне и тревожно, — сообщила Никс. — Такое, знаете, бывает с девушками.

— Эх, ты...

Мы с Никс прошли по коридору до холла (там, забившись в угол, спала Лунь), затем свернули в западное крыло особняка и наконец добрались до кухни, где и обнаружили Камориль, Эль-Марко и Мари. Все трое высматривали что-то в окнах.

Когда я хотел было спросить, что они там увидели, закипел чайник. Я пошел выключать огонь, а Никс забралась на угловой диванчик возле стола.

Камориль обернулся через пару секунд после того, как я уже достал из кухонного шкафа чашки себе и Никс.

— Мйарчик, — проговорил некромант тихо и медленно. В глазах его мне почудилась еще более перченная сумасшедшинка, чем накануне, в ванной, и в этот момент мне стало не по себе. — Ты очень, очень вовремя.

— Ты меня так не пугай, — заявил я. — Что вы там увидели?..

— Пока что ничего, — ответил Камориль, — и это плохо.

— То есть?

— Минуту назад я узнал, что внешние границы сада были нарушены с девяти разных сторон практически одновременно.

— Как узнал?

— Слушай. Если будут нарушены внутренние границы, — это те, что по ручейку идут, — значит, лезвия гуманности не сработали, а значит, к нам сюда пробирается что-то невообразимое.

— Что невообразимое? — я напрягся. — Ты хочешь сказать...

— Вполне возможно, — Камориль кивнул. Потом сделал большие глаза. — Вот я и увижу, что за чудеса так тебя напугали ночью и потом, при свете дня.

— Ничего не видно пока, — сказал Кападастер, отлипая от окна. — Камориль, нам

надо...

— Сначала зажимай струну Николе, — ответил некромант голосом, не терпящим возражений, — потом мне, потом...

— Я не буду зажимать струну Никс! Необученному 'огоньку'...

— Ты нашел время проявлять характер! — Камориль был явно взволнован. Обычно он голоса не повышает. — Никс, потом я, потом Мйар, потом бери Мари и Лунь и идите в подвал к Вере. А там ты зажмешь струну Мари. Давай!

— Мари? — тихо переспросил Эль-Марко.

— Мне... что? — хором с ним удивилась девушка.

— Ох, только не говори мне, что ты ее не нашел! Да ты же уже играешь на ней что-то нежное, тихое, мягкое! Я же вижу, Эль-Марко! Делай, что должно, и не перечь!

Они уставились друг на друга яростно, и я впервые, пожалуй, увидел на лице Эль-Марко столько эмоций сразу.

— Эй-ей, стойте-стойте, — решил вмешаться я. — Камориль, ты уверен, что все это оправданно? Мы же не знаем еще даже...

— Да, Мйар, — Камориль обернулся ко мне, — внутренние границы нарушены, лезвия не сработали, с девяти сторон сюда прет Потерянный знает что, и если это что-то разорвет нас на сувениры, я не уверен, что даже ты выживешь. Хотя у тебя, конечно, шансов побольше, чем у нас всех. Именно поэтому, Мйар. И нам еще повезло, как никому, что мы сейчас здесь. Если б эта зараза настигла нас в открытом поле, не знаю, помог бы нам ежик.

— Какой, напроць, ежик? — я взялся за голову. — Что ты несешь?..

И пока Камориль искал слова, бранные в меру, но подходящие для объяснений, а я пытался его понять, Никс выбралась из-за стола и подошла к Кападастеру.

— Эль-Марко, я давно этого ждала, — твердо и просто сказала она. — Давай. Я буду держать себя в руках, я обещаю. Ты знаешь, что я никогда никому об этом не скажу. Зажимай.

Эль-Марко вздохнул. Опустился рядом с Николой на одно колено, посмотрел ей в глаза.

— Да ты ж вся дрожишь, — очень тихо проговорил он, но я услышал.

Затем Эль-Марко просто обнял Никс за плечи, крепко-крепко, а она обняла его в ответ.

Ну да, точно. Струны — они ж разные все, ни разу не одни и те же. И к каждому у Эль-Марко свой подход. Причем каждый раз. Ну, основа обычно та же самая, и все как всегда, на прикосновениях, но тем не менее каждое такое действие чем-то да отличается. Мне подумалось, что ежели Эль-Марко называет это "струнами", то, может быть, он правда слышит, как они... звучат? А если слышит, то наверняка знает, какие песни они поют...

Эль-Марко, поднимаясь, приподнял и Николу тоже, а потом усадил ее на тот самый угловой диван. Глаза у Никс были каждый с медный пятак, и еще она была бледная, почти белая, почти как та столешница, на которую девочка опиралась локтем.

Эль-Марко снова вздохнул и сделал шаг в сторону Камориль. Некромант вытянулся по стойке смирно: руки по швам, подбородок вперед, губы — в тонкую полосу. Я видел, как будто в замедленной съемке, как Кападастер прикрывает веки, затем смотрит Камориль в глаза и, не отрывая взгляда от медовых очей некроманта, заряжает тому смачную пощечину, от которой Камориль теряет равновесие, кренится вбок, но все-таки не падает. Справляется.

Потом Эль-Марко делает еще шаг вперед и хватает Камориль за шею обеими руками, держит так некоторое время, с прищуром глядя в глаза некроманта, и потом плавно, будто нехотя, отпускает.

— Х-хорошо-о, — хриплый шепот вырывается из уст Камориль, трущего шею там, где отпечатались пятерня Эль-Марко, — лучше, чем в прошлый раз. Давай еще Мйара — и бегом в подвалы.

Я видел краем глаза, как на все это смотрит Мари. Вероятно, девушке кажется, что мы все тут с ума посходили. Эх, что ж она подумает, когда Кападастер поцелует меня в лоб?..

— Иди сюда, — проговорил Эль-Марко, и я сделал шаг ему навстречу.

— Ты только быстрее ее уводи, — шепнул я ему, когда он касался губами моих век, — чтобы она не видела, понимаешь?..

— А ты смотри, не милосердствуй, — ответил мне Кападастер на выдохе, прежде чем запустить руки мне в солнечное сплетение.

И мир пошатнулся, поплыл, заплясал вокруг, и мне почему-то это понравилось. Отчего-то в этот раз меня в первый же миг трансформации наполнила звонкая, искристая радость. И она звенела и пылала даже через удушливую боль, и подсвечивала все карминным золотом, — кто ж знает почему. Магия — привередлива, своенравна и, как по мне, вовсе неуправляема.

Запахи расцвели вокруг непрерывно изменяющимися бутонами, пульсирующими, яркими. Густой аромат шоколада окутал Камориль, темный бархат свежей золы трепетал в волосах Никс. У Николы глаза как были, так и остались — широко открытыми, а столешница под ее ладошкой стала чернеть, пластик, покрывающий ее, булькать и плавиться. Никола медленно отняла руку от стола и поднялась.

Я скользнул взглядом по Камориль. К моему удивлению, некромант еще держался. Держался себя, — если можно так сказать.

А потом я перевел взгляд на окно, и увидел то, о чем предупреждал Камориль.

Я не был шокирован, ведь я уже встречался с таким. Но я совру, если скажу, что эта новая встреча меня хоть чуть-чуть обрадовала. Будь моя воля — я б этих тварей больше в жизни не видел. Но кто ж меня будет спрашивать.

На кухонный пол полетели осколки стекла, тонкая оконная перегородка запуталась в занавесках. Черно-красная когтистая лапа, униженная пульсирующими венами, схватилась за подоконник и подтянула к окну голову существа — продолговатую, конусообразную, покрытую гладкой черной лоснящейся кожей, как будто бы цельную, — безглазую и немую. Но в следующий миг голова разинула пасть и явила нам свое темно-фиолетовое нутро, обрамленное частоколом острых акульих зубов, желтоватых, двухъярусных, острых.

Моя трансформация почти подошла к концу, поэтому, только ощутив прилившую в тело нечеловеческую силу, я прыгнул прямо на эту уродливую голову, схватился за две ее челюсти и, одновременно отталкиваясь от стены, стал разводить их в стороны.

От боли, вероятно, тварь отпустила подоконник, и мне удалось вытолкнуть ее из окна так, что мы вместе покатались по газону. Она была больше меня и такой, жирно расплывшейся посередине, а потому я от нее отцепился и по инерции прокатился чуть дальше по траве. Я успел обернуться, оценить ситуацию и сгруппироваться для прыжка, который отшвырнул бы меня подальше от возможной зоны поражения, потому что в разбитом окне стояла Никс, держа в руках огненный шар.

Это, конечно, не шар был, а воспламененный кухонный табурет, но огонь, его охвативший, был особенным. Никс с силой швырнула бедную мебель в черно-красное зубастое существо, прямо в его конусовидную голову, которую мне не хватило сил разорвать пополам.

Табурет попал твари аккурат в пасть, которую та не могла закрыть. Взрывом ей разорвало голову, Никс отбросило обратно в кухню, а меня хорошенько встряхнуло так, что я крутанулся вокруг дерева, на которое прыгнул.

Ну, ничего ж себе! Вот они какие, огненные элементаристы...

На молодую зеленую траву стал оседать пепел. Все будто бы застыло на мгновение. Я тоже замер и прислушался. Камориль сказал, что существ девять, так где же еще восемь? И где сам некромант?

Следующая напасть не заставила себя долго ждать.

Меня перемкнуло на мгновение. Я будто бы внутри себя увидел траекторию полета врага, как будто бы это я пикировал к многолетней сосне, а не он. И потому, когда мое сознание снова стало только моим и ничьим больше, я метнулся в сторону и вверх, точно наперерез массивному крылатому уродцу.

Мы рухнули наземь и закружились в жестокой пляске, исполненной немотивированной агрессии. Существо было юрким, скользким, черным, как деготь, и многолапым, как Камориль в минуты особой чувственности. Или, пожалуй, даже многокрылым, — и все это разнообразие когтистых конечностей пыталось расцарапать мне спину, живот и шею. Отчасти ему это удавалось. Я же, в свою очередь, пытался свернуть чудищу голову или вцепиться в глотку зубами, — но тщетно. Оно было скользким, толстошеим и отчаянным, как будто бы безумным.

Тварь перестала так яростно отбиваться. Более того, она трепыхалась все меньше и меньше с каждой секундой.

Сквозь невысокую газонную траву, прямо из рыхлой клумбовой земли одна за другой вырвались костяные руки и стали хватать тварь за все ее многочисленные конечности. Костяные пальцы в итоге полностью зафиксировали существо так, что оно стало напоминать готовую к препарированию лягушку.

Прежде, чем провести когтями поперек шеи чудовища (что, полагаю, пришлось бы повторить не единожды), я пристально взгляделся в черные маслянистые точки его глаз. К тому моменту уже отчаялся спрашивать у этих существ, что они такое, а потому в этот раз не стал.

Но я все равно медлил. Что-то мешало мне вот так вот запросто прикончить надежно зафиксированную тварь. Будь проклята моя нерешительность!

Сзади ко мне подошла Никола и заглянула из-за моего плеча на распластанную на зеленой траве бестию, похожую на огромную черную бабочку-переростка с неправильными, рваными контурами крыльев и массивной гладкой тушей. Такое, в общем-то, не летает. Не должно такое летать.

— Пылай, — сказала Никс и бросила в сторону существа щепоть рыхлой земли. Я едва успел убраться с дороги этих земляных крошек, которые прямо в полете начали искрить, а потом внезапно вспыхнули маленькими солнышками. Коснувшись лоснящейся шкуры черной бабочки, искры пропалили в ней дыры с медный пятак и утонули в плоти, протапливая сквозные отверстия до самой земли.

Тварь задергалась, выплеснула литра полтора фиолетовой крови, просипела что-то напоследок и скоропостижно издохла, изрешеченная дымящимися ранами, как дуршлаг.

Я глянул на Николу. Она смотрела на свою ладонь, медленно ее поворачивая, как будто бы это была не ее рука. Перевела взгляд на меня.

— А зря я вот это... про солнце в пальцах говорила... мол, такое невозможно. Это...

очень похоже на то.

Я услышал хруст веток слева и стремглав обернулся на звук. Ну же! Нам слишком легко дались две первые бестии, но это потому, что нападали они поодиночке. Если так и дальше будет продолжаться, возможно, мы управимся с ними даже без особых кровопотерь с нашей стороны. По крайней мере, на мне было к тому времени всего несколько мелких царапин, что, по сути, пустяк. Хотя толстокожесть тварей меня немного беспокоила, я видел, что они, в принципе, убиваемы, — а потому не считал наше положение особо бедственным.

Из-за плотной зеленой изгороди быстро, практически молниеносно, выпрыгнуло очередное существо, на этот раз — четырехлапое, высокое, стройное даже, похожее на помесь пса и оленя, и широкая шея его разверзлась, как молния на сапоге, до самого основания, явив нам красный языкатый цветок чудовищного рта, окруженный характерными для их братии зубами, на вид острыми, как скол стеклянной бутылки. Тварь ринулась в сторону Николы, которая замерла, вероятно, шокированная этим неординарным зрелищем.

Я бросился наперерыв существу и, оттолкнувшись от земли, всей массой навалился на него, выправляя его траекторию так, чтобы оно не рухнуло на Николу, заодно смещая ему ось равновесия. Тварь вывернулась, дернулась, вонзила зубы мне в плечо и попыталась его оторвать. Но четыре тонкие ножки не выдержали нашего суммарного веса, и я все-таки смог опрокинуть чудище на траву. Я нащупал пальцами место, где у него бьется особо крупная артерия, и сделал когтями разрез. Тварь выпустила мое плечо из зубов для того, чтобы издать душераздирающе мерзкий вой, от которого у меня в груди завибрировало, а окружающий нас сад вздрогнул молодой листвой. Опомившись, я сам вонзил зубы твари в глотку, и это было отвратительно, но выбора у меня тогда не было никакого. Только так. Только рвать, вгрызаясь в живую теплую плоть, испытывая отвращение, страх, муки совести и одновременно эйфорию борьбы, от которой горит внутри что-то наподобие доменной печи и колотится, словно барабан. Будь она, эта борьба, проклята тысячу тысяч раз.

Краем глаза я заметил, что из-за деревьев выскакивает еще один монстр, точно такой же, как тот, шею которого я раздирал в тот момент на лоскуты, и который тем не менее продолжал брыкаться и бить копытами, иногда попадая в меня, и оставляя на моем теле кровоточащие вмятины.

Я хотел оттолкнуть ту тварь, которую пытался прикончить прямо сейчас, чтобы защитить Николу, ведь девочка все еще двигалась как-то медленно и неуверенно, как будто под водой. Никс подняла ладони вперед и вверх. Но разве ее тонкие ручки смогут остановить существо, несущееся к ней на всем скаку? Веса в этих тварях было под центнер в каждой — так что затоптать девчонку они могли только так. Но я не сумел вовремя освободиться от первой копытной туши, — она, полузадранная, ухитрилась снова вцепиться мне в плечо и, извернувшись, придавить меня крупом к земле. Я напрягся, чтобы ее оттолкнуть, а Никола в это время кульком свалилась на траву.

Оказалось, скелетная рука дернула девочку наземь. Как раз вовремя — вторая копытная нечисть пролетела в сантиметре над ней и сейчас разворачивалась для нового скачка.

Тварь, которая прижимала меня к земле, оказалась на удивление живучей. У нее из горла ручьем текла кровь, а она, казалось, и не собирается помирать. Она отпустила мое плечо, но теперь не давала мне встать, для чего цеплялась за землю острыми копытами, прям-таки впиваясь ими в рыхлую почву, и ее туша придавливала меня к земле, как надгробная плита. Я пытался оттолкнуть ее куда-нибудь вбок, но мне не хватало сил

отцепить ее копыта-буры от земли. Мне не хватало сил даже в состоянии зажатой струны — это было удивительно и практически невыносимо. Мне стало немного страшно, хотя страх этот скользнул едва заметным отблеском на цветастой поверхности бытия, ибо все остальное было заполнено ощущениями, запахами и эмоциями, куда более сильными и яркими.

И в этот момент на крыше особняка Камориль Тар-Йер возникла третья тварь, и была она никем иным, как хозяином, собственно, особняка.

Солнце кренилось к западу, отчего светило под углом в сорок пять градусов, безжалостно подчеркивая ребристую фактуру шестнадцати педипальп, на концах острых и похожих по форме на вычурные восточные алебарды. Да, в состоянии зажатой струны Камориль меняется существенно, и изменение это глубинное, и оно создает из некроманта самого настоящего монстра. Ни разу не прекрасного, как по мне. Может, и остается в нем толика некой эстетичности и утонченности. Может, существует ритм во всем этом многообразии тонких паучьих лап, и ритм этот гармоничен. Но в целом обращенный Камориль все же кажется мне ужасным. Этот хребет, похожий на ребро шестеренки; эти толстые у основания и тонкие на концах, острые, как бритвы, паучьи лапы, на которых его тело передвигается так, что оставшиеся человеческими ноги не достают земли; еще несколько пар глаз, открывшихся в выемках ключиц и на шее; все шесть рук, которыми он любит творить непотребное, теперь тоже больше, длиннее, и, пожалуй, уродливей — они обросли странными, неестественно закрученными мышцами и хитином, образовавшим длинные черные шипы. И он распростер эти руки, словно хочет объять ими весь мир. И он спустился с крыши плавно, но как будто бы временными скачками, и тут же одной из педипальп пригвоздил копытную тварь к земле, вонзив лезвие ей в шею, и потом выпотрошил монстру брюхо еще парой своих острых, как бритвы, конечностей.

Никола села на корточки и, обхватив себя руками, спрятала голову. Видимо, для нее это все было уже чересчур.

Тварь, которая придавливала меня к земле, на момент появления Камориль странно замерла, заморозилась, одеревенела. Но тут она снова ожила и с удвоенной прытью принялась со мной бороться. Мне это совсем надоело, и я вырвал ей одну из лап. Верхние лапы, руки, крылья — все это обычно держится у живых существ на "честном слове", то бишь не на костяных соединениях, а на одном мясе и сухожилиях. И верхние конечности, если проделать надрезы в нужных местах, вполне реально оторвать. И да, это отвратительно. Но кому уж тут до моральной и эстетической красоты. Я с усилием скинул прочь тушу, которая явно перестала себя контролировать, и отпрыгнул в сторону, тяжело дыша.

Что ж такое-то. Почему я настолько неэффективен в борьбе с этими существами. Их надо убивать как-то слишком... дотошно. Напрочь. Насквозь. Отрывать конечности, перегрызать артерии, вырывать сердца, отрубать головы — и что-то одно, как будто бы не прокатит, мол, хочешь убить — постарайся. Они живучие, как хрен знает что. Триумф жизни. Венец выживаемости как таковой. Мои когти для них, — как перочинный ножик столетнему дубу. Неприятно, — но не смертельно.

А у Камориль в измененной форме неплохо получается их шинковать, то ли из-за размеров лезвий, которые он понаотращивал, то ли из-за лучшего сцепления с землей. А я, выходит, для этих существ мелковат. Или все дело в том, что мне самому не хочется действовать этими жестокими путями... но это же еще не конец.

Камориль пригвоздил к земле ту копытную бестию, с которой я так и не смог

расправиться. Тварь дергалась, пытаюсь встать, но у нее не выходило. Камориль провел рукой в воздухе, и тварь была пронзена враз вырывшимися из-под земли костями, кажется, реберными, — огромными, изогнутыми, белыми и острыми. Даже не представляю, кому они могли принадлежать до того, как были зарыты здесь, на лужайке перед особняком.

Камориль уставился на меня всем своим арсеналом глаз и сказал замогильным голосом, многократно резонирующим где-то в глубинах его разросшейся грудной клетки:

— Когда одна двигается, остальные замирают, но это происходит очень быстро. Надо это как-то использовать. Это их слабое место.

— Да блин, как это использовать? Что-то они какие-то слабо убиваемые! Регенерируют?..

— Не знаю, — некромант повел несколькими плечами сразу, — где-то ходят еще пять. Растолкай Николу.

Я поднялся на ноги. Заодно осмотрел себя на предмет ранений и обнаружил лишь множественные царапины и кровоточащие следы от зубов на плечах и локтях, а так же пару сломанных ребер. Регенерировать теперь есть чего, но я все еще в форме. Относительно, конечно. А вот выглядел я, наверное, не самым лучшим образом, — измененный, облитый фиолетовой вязкой кровью почти с ног до головы... Вот уж и правда — есть чего испугаться. А если растолкать Никс не получится, то надо бы ее в какое-нибудь более безопасное место дислоцировать — а то ж твари эти вряд ли правильно поймут ее позу 'я в домике'!

Я подошел к Никс, присел рядом с ней и потряс за плечи. В это время позади меня Камориль опустил на землю, причудливо сложив педипальпы, и стал водить по зеленой траве шестью уродливыми руками, как будто бы он кошку гладит.

— Никс, — попытался сказать я ласково, но понял, что из моего рта, ставшего пастью, вырывается что-то больше похожее на рык. — Никола, ты слышишь меня? Ты ж вроде бы хотела выжигать их, как напалмом, так что ж ты? Давай тогда, может...

А потом я разглядел. Никола ничего мне не ответила — просто посмотрела мне в глаза, и я все понял. Ну, то есть, я, конечно, успел испугаться и поначалу понял ее неверно. Но потом до меня дошло.

— Держись, — сказал я.

Поднявшись и оглядевшись, я обнаружил, что лужайка перед домом Камориль изрыта множеством ям, а вокруг некроманта, поднявшегося обратно на ноги, топчутся скелеты — штук шесть, не все полностью человеческие, но все высокие и ширококостные. У двух из них были головы быков, один мог похвастаться рабочими челюстями аллигатора на обоих плечах и такой же крокодильей головой, а остальные три были тоже причудливо-уродливы — каждый по-своему.

— Ну даешь, — протянул я. — Милашки вообще!

— Сам горжусь, — отвечивал Камориль, и от такого его голоса нормальные люди должны, как мне кажется, сесть мгновенно.

Над садом у дома некроманта, который все так же тяготел к запущенности, повисла на мгновение тяжелая, напряженная тишина. Где-то по этому саду гуляют еще пятеро тварей, не похожих ни на что живое, этаких гротескных химер, созданных для того, чтобы убивать. А для чего ж еще? Если не так это, то почему они почти полностью лишены глаз?

И если первые четыре дались нам с трудом, хоть и не причинили больших потерь, то кто знает, каковы эти оставшиеся пять и почему они не нападают. Может статья, они умней? Может, первых четырех бросили в нас, как мясо, на убой, — чтобы только проверить, на что

мы способны? Чтобы, значит, вытащить из нас нашу суть и увидеть, каковы мы во всей красе, в расцвете сил, наших неестественных, пугающих способностей... Кто знает.

Я не мог больше учуять тварей по запаху, ибо нюх мой был забит напрочь ужасающим смрадом уже убитых чудовищ. Окружающий нас сад был тих, нигде не шелестел ни один лист, и ни одна сломанная ветка не выдавала поступи врага.

И только земля как будто бы пела... да, земля кричала, стенала и кашляла, разрываема изнутри черными зубастыми червями, которые вырвались на поверхность, извиваясь, походя на ожившие деревья, черные, как смоль, гладкие, как лед, и огромные, как фонарные столбы.

Два червезмея без промедления бросились на нас, один — на меня, другой — на Камориль. И когда меня завертело в этой лихорадке, кажется, на самом деле неравной борьбы, а некромант пытался вспороть брюхо своего змея, которого удерживали призванные Камориль скелеты, из темной садовой арки, образованной сплетшимися ветвями ежевики, вышло человеческое существо черного цвета, размером напоминающее ребенка, абсолютно голое, лишенное волос и каких-либо признаков пола. По обе стороны от него на почтительном расстоянии в два шага грациозно ступали еще двое тварей, похожих на огромных черных кошек, только обгорелых и облитых смолой. У кошек этих были красные зубастые рты, широкие, длинные хвосты, похожие на плети, что оканчиваются гроздьями загнутых шипов, и рога, как у горных козлов, спирально уходящие назад, к изящно выгнутому спином.

Я вцепился в змею, скрутившую меня, зубами в шею — или в тело, кто ж его разберет, где у него что... И в этот момент "ребенок" вздрогнул.

Ага. Вот как, значит.

Я принялся рвать плоть змея, как сумасшедший. Тупо вгрызался в него и отрывал куски, стремясь проникнуть куда-нибудь вглубь его туши и нащупать там хоть что-нибудь жизненно-важное. Змей сдавливал меня все сильнее, а вот укусить не мог — я ухитрился с самого начала сжать руками его морду так, чтобы он не смог ее распахнуть. Проверенный способ. По крайней мере, раньше это работало со всеми хищниками, с которыми я имел дело.

И тут я почувствовал, как в мою шею входят клыки. Это была одна из "кошек". Кошки — они такие. Они умерщвляют птиц именно так. А твари были посланы убивать. Просто убивать, — теперь и я это понял.

Почему ж я не поверил Камориль сразу и до конца. Почему я еще о чем-то размышлял, не решаясь прикончить того обездвиженного черного мотылька.

Это было отличное мгновение, абсолютно годное для того, чтобы вспомнить всю свою жизнь.

Если б я только мог.

— Выпусти меня, — Вера истошно орала одно и то же, трясла прутья клетки и брызгала слюной, — выпусти! Выпусти меня немедленно! Они идут! Богиня пришла за мной!

— Эль-Марко, так что это за струны? Что происходит? Что ты будешь со мной делать? Я не хочу, — тихо лепетала Мари.

— Мар-р-р-р-р-р, — нежно потягивала Лунь Красавка, тычась Кападастеру в бок огромной белесой головой.

— Тихо все! — рывкнул Эль-Марко, чем немало ошарашил разномастных барышень. Но

тем не менее своего добился: барышни замолчали. Только Вера начала снова трясти клетку почти сразу, с невиданным остервенением канюча: "Выпусти меня. Выпусти меня. Ты должен выпустить меня".

Мари замерла в углу, обхватив себя руками. Она дрожала и глядела на Эль-Марко загнанным зверем. Но молчала. Лунь улеглась на пол и спокойно сложила несколько лап под собой, как это свойственно котам и тем искусственным созданиям, которые имеют к котам отношение. Видимо, Лунь частично имела.

Эль-Марко подошел к столу, на котором, кроме красной миски, валялось много прочего хлама. Поворошил хлам. Сдвинул вбок какие-то бумаги, исписанные не самым ровным почерком Камориль, и нашел плоскую шкатулку. Открыл. Вытащил ключ. Подошел к клетке Веры и вставил ключ в замок.

— Давай, иди на все четыре стороны, — тихо и твердо сказал он, отпирая дверь, — и хватит быть такой беспечной. Ты же старый вампир. Не играй с едой.

Вера поднялась с внезапно проявившейся грацией, нагнувшись, вышла из клетки, сверкнула на Мари красным зрачком, потом прильнула к Эль-Марко и, оскалив зубы, зарычала. Вроде как этот рык предполагался быть эротичным, а не устрашающим, но вышло у нее, скорее, второе. Таким образом, кажется, Вера обещала вернуться.

Когда вампирша скрылась за воротами подвалов, Эль-Марко устало вздохнул.

— Так, теперь ты, Мари.

Девушка неуверенно поежилась.

— А что это такое? Это точно надо?

Эль-Марко с секунду смотрел на нее, подбирая слова.

— Не знаю. Камориль говорит, что надо. Я привык ему доверять.

— Но что со мной будет? — Мари поджала губы. — Что такое "зажать струну"?

Эль-Марко подошел к ней чуть ближе и провел по ее щеке пальцами. Мари головы не отдернула, но заглянула ему в глаза.

— Это умение у меня не с рождения, — сказал Кападастер. — Это пришло извне и полностью меня изменило. Когда я "зажимаю струну", я даю человеку доступ к резервам его души. Это как будто бы мы... обманываем мироздание. Или само время. Мы становимся на несколько минут (или на час, или даже больше) чародеями древности. Теми, кого так ненавидел народ, теми, кто чуть не погубил этот мир.

— То есть... — проговорила Мари и замолкла.

Эль-Марко был слишком близко.

— То есть, душа твоя запоет, как будто бы ты стоишь на краю обрыва, держа за руку всем сердцем любимого человека. Твой талант расцветет, как будто бы ты наносишь на холст один за другим самые верные и правильные мазки, те, которые оживляют твою картину и вдохнут в нее искру, и ни один из них не ложится плохо. А потом, когда это пройдет, ты захочешь почувствовать это еще раз. Но без меня уже не сможешь.

— Ты демон.

— Нет, не я, — улыбнулся Эль-Марко, приближая свое лицо к лицу Мари. — Демон — тот, кто силу эту мне дал.

Мари облизнула засохшие губы и внезапно сама поцеловала Эль-Марко, приподнявшись на цыпочки. Он ответил ей, приобнял и чуть запрокинул назад, поддерживая девушку своими широкими ладонями за тонкую талию.

И Эль-Марко знал, что девушка была чиста, что сердце ее билось так быстро, как ему и

положено в такой момент, хотя и было больным с рождения; что все ее восемнадцать лет она страдает от вывихов и мозолей, и от того, как быстро сгорает на солнце ее тонкая, светлая кожа. И еще эта поврежденная слегка правая височная доля... а в остальном девушка была здорова, испугана, встревожена, влюблена и возбуждена. Пожалуй, она была готова на все — хоть мир спасать, прям вот сейчас. Но одного Эль-Марко знать не мог — а именно, какова суть ее души, какова ее освобожденная, лишенная оков сила, и не переменится ли Мари после этого всего, как такое иногда бывает; останется ли она той, кем была.

Внезапно змей, который меня душил, замер, как будто замерз изнутри. Челюсти, которые вот-вот вырвут мне позвоночник, тоже застыли, остановившись точно перед этим последним, смертельным для меня рывком.

А потом я услышал громкий ураганный вой чего-то очень человеческого, очень механического. Быстрая худая тень с чем-то тяжелым и бешено вибрирующим наперевес проскользнула за мной. Что это — я видеть не мог, ибо зубы огромной мутантной кошки фиксировали мою голову. Но я четко чувствовал вибрацию. И потом до меня дошло. Я сложил два плюс два: запах бензина и этот звук... кто-то, воспользовавшись моментом, пилит шею гигантской кошки садовой бензопилой!

Не знаю, сколько это продолжалось. Мне казалось — вечность. Этот кто-то уперся ногой мне в спину, и пилил, пилил, пилил. По мне ручьем стекала кровь. Кошка не шевелилась. Змея не шевелилась. И только кто-то усердно работал расчленителем, тем самым, спасая меня.

Когда эти долгие полторы минуты прошли, я почувствовал некоторую свободу и, отпустив голову змеи, отцепил от себя отпиленную голову кошки.

— Ну что, Зубоскал, я же говорила, что помогу, — подмигнула мне Вера, отпинывая ногой обезглавленное черное тело. Вампирша была замотана в штору так, что наружу торчал только нос, ну, и можно было еще различить ее красноватые глаза в тени, и то смутно. — Змея — твоя, а Камориль — мой.

— Эй-ей! Что ты собралась с ним делать? — закричал я, пытаюсь выбраться из сковавших меня колец огромной змеиной туши. Даже при том, что тварь отчего-то не двигалась вообще, это было не просто.

— Вот так встреча, — это уже говорил Камориль.

Я сумел немного вывернуться так, чтобы разглядеть, что там происходит.

— Что ты сделала с моими портьерами, женщина?... — гневно спросил некромант. — И не надо мне ничего обрубывать, эти лишние руки-ноги сами потом отпадут, и я снова стану, как был, прекрасен.

— Да чернодыры с тобой, — ответствовала Вера, снова заводя бензопилу. Лезвия замелькали, ускоряясь, и Вера деловито принялась отпиливать голову гигантской кошке, зафиксированной четырьмя из шести призванных Камориль скелетами.

Я к тому моменту умудрился немного расшатать кольца удерживающего меня змея и, хоть и с трудом и ценой вывихнутой лодыжки, выбрался на волю.

— Почему они замерли? — спросил я, оглядывая мерзких тварей.

— С этим потом разберемся, — Камориль стал методично шинковать кольцами змею, которая успела подобраться к нему достаточно близко и даже сжать в объятиях несколько его паучьих ног. — Они могут оттаять в любой момент. Эй, Вера, — крикнул он, — а ну, снеси голову тому малышу, что более всех похож на человека, будь так добра.

— Ты мне не указ, — печально и чуть-чуть игриво ответила вампирша. — Я вернула Мйару одну жизнь — его, и пожаловала вторую — твою, так что он теперь должен мне, как я была должна ему.

— Ах ты корыстная! — Камориль финальным взмахом отрезал голову своему змею.

— Я к тебе еще вернусь, — сказала Вера, глянув на меня издалека, переложив остановленную бензопилу на плечо и, послав мне же воздушный поцелуй, завернула за угол дома Камориль.

И стоило ей уйти, оцепенение оставило монстров, и те из них, кто был обезглавлен, запоздало забились в агонии. Живыми остались только моя змея и тот черный "ребенок", выглядевший наименее устрашающе. Но я-то знаю. Так оно обычно и бывает же. Ему бы еще оказаться маленькой светловолосой девочкой, для полноты картины.

Рассудив так, я оставил змея Камориль и его скелетам, а сам ринулся к маленькой твари, наверняка самой опасной из всех, которые за нами пришли. В измененной форме я могу бежать, опираясь на все четыре конечности, что позволяет сохранить маневренность, даже если одна из них повреждена. Это позволило мне не обращать внимания на вывихнутую лодыжку, но... когда я сделал первые два прыжка по направлению к "ребенку", меня рвануло вперед мощным потоком воздуха. Инстинктивно я уцепился за землю и какие-то вовремя подвернувшиеся корни. Обернувшись в сторону маленького чудовища, я обомлел: тела мертвых тварей, которых мы так ожесточенно резали и рвали, устремились к черному человечку. Они гнулись и текли, как воск, как фигуры в лавовой лампе, через реальность, меняя форму, не подчиняясь обычной гравитации и прочим законам физики. А касаясь "ребенка", они вращались в него, собирая, как пазл, что-то огромное, жуткое, невообразимое.

Я аж засмотрелся на этот чудовищный и в то же время на удивление естественный процесс. А Камориль в это время заставил скелетов врыться в землю наполовину и держать его, в то время как сам он придерживал за плечи Николу, которая так и не поменяла позы, все так же сидя на земле и свернувшись в клубок.

Существо закончило сборку примерно за пять секунд, показавшихся мне неделей. Чудовище оказалось таким большим, что придавило собой кое-какие изыски ландшафтного дизайна. Оно имело тысячу глаз, огромную пасть, четыре змееподобные лапы, крылья, состоящие из плетей-щупалец, и оно теперь медленно поднималось на ноги, руководимое все еще различимым человекоподобным существом, вросшим в чудовище примерно на уровне груди.

— Ох, — вырвалось у меня. — Это, что ли, босс?

А потом существо издало рык, ор, крик, стон, сотканный из голосов всех тех тварей, которых мы уже убили. И меня отбросило назад, потому что цеплялся я когтями, а когти разрезали корни...

И в этот момент произошло то, что и должно было произойти. То, почему страх не проникал глубоко в мое сердце, и почему этой твари не довелось видеть отчаяния в наших глазах.

— Давай, зверек, — сказал Камориль. — Пора.

Никола открыла глаза, и сияли они расплавленным золотом. Золото это было, как будто бы порталом, ведущим в бескрайнее озеро живого огня, в жерло проснувшегося вулкана. И девочка встала на ноги, все еще придерживая что-то руками. А потом она расправила руки, будто распахнула объятия, направила их на тварь, и из пальцев ее, из тоненьких ладошек, и из глаз, и из ее тела там, где у людей обычно находится сердце, заструилось невиданное

огненное волшебство, переплелось, хлестнуло и сложилось в сияющую плеть, в широкий пламенный луч, ослепительно-белый настолько, что ежели на него смотреть, в глазах потом останется черная полоса.

Луч взрезал чудовище, как нож — масло. А когда в периметр поражения попал тот черный человечек, что рос у чудища на груди, он некоторое время как будто бы впитывал направленную на него энергию, но, не справляясь, стал краснеть и нагреваться, точно сделанный из металла.

Луч померк так же внезапно, как загорелся. Никс успела улыбнуться перед тем, как свалиться в обморок. Камориль подхватил ее обмякшее тело и, прижав к груди, закрыл собой.

А потом был взрыв, комки земли, раскаленный воздух, какие-то острые органические ошметки, свистящие вокруг, как пули, и все, что я о том моменте помню, — это четкое осознание того, что именно в юных волшебницах сокрыты невероятные чудеса, и об этом стоит помнить каждому, кто имеет с ними дело; а кроме этого я понял, что не успею увернуться от летящей на меня железобетонной плиты, которая представляла собой выкорчеванную из земли основу одной из садовых беседок, и этот поистине болезненный удар наконец-то выбил из меня сознание.

— Нам нужно действовать быстро, — шептал Камориль, морщась. — Пока они не навыващивали еще выводок чего-то подобного.

Потом лицо некроманта вытянулось, и он проговорил замогильным голосом:

— Катх. Зорья Катх, как пить дать, это он. Теперь я понял. Все встало на свои места. Это точно он!

Мари держала голову некроманта у себя на коленях, пока Эль-Марко колдовал над телом Камориль.

Мари слушала этот нечленораздельный бред и никак не могла определиться со своим отношением к некроманту. С одной стороны, он был ужасным чудовищем. Особенно сейчас, когда от него по одной отсыхали и отваливались его лже-конечности. Он, к тому же, был перепачкан землей, золой и чем-то синим. В этом чем-то Мари вскоре опознала собственную кровь некроманта, и это было... неприятно. Кроме самопроизвольно отходящих паучьих лап и отпадающих влажными тряпками лишних мышц, Камориль красовался наполовину отрезанной основной рукой. И, пока Эль-Марко врачевал его раны, Камориль непрерывно говорил:

— А, Кападастер? Зря мы тогда с тобой так, зря-зря-зря. Вот, казалось бы, если врагов убивать сразу, то потом как-то скучно, а если не убивать — то больно. Ай, полегче ты! У меня же зажим прошел, я же чувствую все твои извращенные манипуляции!

— Кто бы говорил, — сдержанно хмыкнул Эль-Марко, не прекращая колдовства.

— Что там с Мйаром? Ты его нашел? Э-эй, Никола, я хочу тебя видеть, звере-ок, мне страсть как понравился тот твой фокус, я тоже хочу так уметь, — не унимался некромант, и по лицу его гуляли то улыбка, то стардальчески-болезненная гримаса.

Когда прозвучал взрыв, Мари, Эль-Марко и Лунь находились в подвале. К тому моменту состояние "зажатой струны" у Мари уже прошло. И ее состояние тогда было неопишваемым. Неопишлемо-неопределенным. Слишком много всего нового. Слишком много.

Сначала, значит, эта беготня по дому некроманта и горячая рука Эль-Марко, сжимавшая ее ладошку. А Эль-Марко — он же большой, его много. Он теплый и светлый, и, кажется, внутри, за бесстрастным и благородным лицом, добрый — чересчур. И если вовне этой доброты просачивается немного, так это просто от того, что жизнь такая. И потом — красные глаза Веры, ее худые руки и ноги, которые, кажется, можно перепутать с прутьями клетки, в которой ее держали. И ее фиолетоватые бескровные губы, кривящиеся в зверином оскале. А потом разговор о судьбе, любви и волшебстве, — или о чем там, — об обрыве, о перемене, — словом, вся эта романтическая чушь, призванная смутить разум девушки ее возраста. И, стоит признать, сработало превосходно.

Природа. Судьба. Волшебство.

А потом — после того, как этот большой, теплый и сильный будто бы пообещал ей защиту и любовь, и даже не на мгновение, а навсегда (а чего еще можно хотеть?) — случилось что-то еще более невероятное.

Сноходец может проникнуть в сон выбранного человека, только ежели до этого касался его хоть плечом, хоть пальцем. Очевидно, сноходец с зажатой струной способен погружать в сон тех, кого ни разу не видел и ни разу не трогал. Но так как Эль-Марко Мари пощадил —

для первого раза, — откупоренная сила раскрылась не полностью, и уснули только те, кто оказался ментально слабее сноходца.

Слово-то какое.

— Да ты же сноходец, — это сказал Камориль, когда Мари с Эль-Марко выбрались из подвалов во двор и разыскали его, истерзанного, под поваленным деревом, обнимающего свернувшуюся клубком Николу.

Так и вышло, что Камориль потрепало знатно, а Никс оказалась невредима и даже в сознании.

Она сидела рядом и покачивалась, как будто бы медитировала.

— Никс, — обратился к ней Эль-Марко, — может, поищешь Мйара?

Никола не ответила.

Эль-Марко вздохнул и вернулся к своему делу. Он водил пальцами по плечу некроманта нежно, быстро, уверенно. Ткани срастались, кровотечение остановилось, некромант кривился все реже.

— Жрать теперь всякого не пережрать, — говорил он, — я уже ощущаю что мне брюки велики... по крайней мере, те тряпки, которые от них остались. А это же были мои любимые...

— Запах, — произнесла Мари, внезапно осознав кое-что.

Точно. Пыль улеглась, солнце сжалось в красный эллипс, готовое спрятаться за горизонт, а мерзкий запах остался, стал критически различим. Вонь, не трупная, не болотная, какая-то неопишуемая, особая, — повисла над садом Камориль, как черный туман.

— Это тот же запах, что остался в нашем доме в лесу, когда кто-то украл баб Пашу, — уверенно произнесла Мари.

— Ну что ж, моя дорогая, значит, я могу тебя поздравить: мы теперь все в одной лодке, — некромант растянул синеватые губы в оскале, — и скажи за это 'спасибо' нашему...

— Спасибо, — не дослушав, улыбнулась Мари. — Разве ж лодка виновата в том, что на нее обрушился шторм? Нет, нисколечко.

Камориль не стал договаривать, хмыкнул. А потом, скосив на Мари правый глаз, спросил:

— Ну и каково это — впервые прикоснуться к себе?

— Да я-то что, — снова улыбнулась Мари. Некромант моргнул нечеловечьим глазом, которым на нее глядел, и с грустной улыбкой покачал головой. Он тоже что-то для себя уразумел, и это могло бы его обрадовать, но не обрадовало, потому, верно, что он вполне мог умозрительно заглядывать в будущее чуть дальше собственного носа.

— Ну все, — сказал Эль-Марко, — самые жуткие дыры заштопаны. Очень бы не хотелось, чтобы сейчас что-то еще приключалось. Ведь второго зажима струны в один день ты не выдержишь, а в своей обычной форме...

— Ближайшую ночь, скорее всего, будет тихо, — сказал Камориль, садясь и потирая виски. — Я ж говорю, что вроде как понял все.

— Вот прям все? — недоверчиво переспросил Эль-Марко.

— Кое-что — наверняка. Мйар где?

— Пойдем, поищем, — Эль-Марко встал с земли, — должен быть где-то здесь.

Но искать не пришлось. Из серебристого тумана, решившего, по случаю сумерек, укрыть собой разруху разоренного сада, проявился Мйар, прихрамывая на обе ноги. Впрочем, он

опознавался скорее по общему силуэту и пластике, чем в лицо, потому как был практически полностью измазан кровью. Тело, в основном, покрывала засохшая, темно-фиолетовая, бурлившая ранее в черных монстрах, а лицо — красная, своя, все еще чуть сочась откуда-то из-под волос. И сверху, как пирожок сахарной пудрой, Мйар был присыпан землей, травой и сухими ветками.

— Вот... да... смотрите, как он прекрасен, — прошептал с придыханием Камориль, — вот именно такой он мне больше всего нравится. Какая ярость! Какая страсть! Что-то такое звериное, исконное, сотканное из неумолимого хаоса и простого, человеческого желания жить, яркого, пылкого и смертельно опасного...

Мйар наконец дохромал до дерева, под которым расположились выжившие участники прошедшей битвы, оперся об низкую толстую ветку локтем и спросил:

— Ну что, что? Что вы смотрите на меня? На Николу вон смотрите, без нее нам бы всем сейчас удобрять Камориль огород.

Никс повернула голову в сторону Мйара.

— Мне бы на колеса бы, — сказала она.

— Ты как? — спросил Мйара Эль-Марко. — Может, что-где помочь, подлечить?

— Не стоит, — Мйар покачал головой, — давайте, идите в дом, раз уж он цел. Закажите пиццу, что ли. Или нет. Закажите мне пирог с рисом и рыбой, да. А я... Мне надо поговорить с Камориль.

Некромант широко распахнул веки и очевидно напрягся.

— Мйар, это звучит так, как будто стоит им только уйти, ты мне чего-нибудь сломаешь. Или оторвешь. Может, не надо, а?

— Ничего я тебе не сломаю, — устало сказал Мйар, садясь на землю рядом с Камориль. — Этим и без меня есть, кому заняться. Ребята, не обижайтесь, но мне правда нужно кое-что у нашего друга узнать с глазу на глаз.

— Но вы потом нам все расскажите обязательно, если это будет важно! — это сказала Никс, поднимаясь. Заглянула Мйару в лицо, дождалась улыбки и кивка, потом взглянула на Эль-Марко, потом на Мари, молчавшую все это время. — Ну. Чего стоите, идемте.

И они ушли. Мари оглядывалась на Мйара и Камориль, но если Камориль смотрел ей вслед, то Мйар — нет. Уставшему некроманту было немного не по себе, он с видимой опаской повернулся к Мйару и произнес:

— Итак?..

— Расслабься, — ответил Мйар, тяжело опираясь спиной о дерево.

— Да нехарактерно как-то для тебя о таком просить, — Камориль пожал плечами. — Мало ли, с какими результатами и чем там тебя приложило...

— Вот здесь ты ткнул пальцем в небо, — хмыкнул Мйар, — и попал. Меня приложило бетонной плитой, — он улыбнулся Камориль и постучал пальцем чуть выше виска. — Вот сюда.

— О, Потерянный, тебе же могло проломить кости и задеть мозг, и инфекция могла...

— Проломило слегонца, — кивнул Мйар. — Трещина наверняка была. Но оно уже заканчивает регенерировать. Чешется, знаешь ли. Чудовищно. Но я терплю.

— Герой! — некромант хохотнул нервно.

— Камориль. Успокойся. Я не обвиняю тебя ни в чем.

— Мйар, когда ты такой спокойный, нервничаю я! Потому что кто-то должен нервничать!

— Отставить поведенческие паттерны. Перейдем к сути, — Мйар замолк на пару секунд. Как раз в этот момент в нескольких комнатах дома Камориль загорелся свет, в частности, на кухне. Через разбитое окно без шторы было видно, как Эль-Марко ставит на огонь чайник, Никола умывает лицо водой из-под крана над кухонной мойкой, а Мари где-то нет. Мйар снова заговорил: — Итак, Камориль Тар-Йер, ты отнюдь не так хорош в науке чтецов, как тебе казалось. Или — как ты нам рассказывал. Ты сказал мне (и повторял не единожды) что мои воспоминания находятся в бусинах памяти, в том ожерелье из золатуни, что лежит у тебя в сейфе, в обсидиановой шкатулке. Оказалось, это не так. Я... вспомнил кое-что. А это значит, что память — читай, информация, — все еще у меня в голове. Вся. Да-да. Вся. Та. Нежелательная. Информация.

Камориль молчал. Потом медленно вздохнул, прикрыл веки на секунду, пристально глянул на Мйара и спросил:

— Что ты вспомнил?

Мйар же смотрел на дом. Еще не до конца запекшаяся кровь на его лице бликовала в отсветах далеких окон. Он вытащил из волос заплутавшую там веточку, выкинул. Потом вытер правую щеку тыльной стороной ладони и наконец заговорил:

— Не так чтобы совсем много. Кое-что. Кое-что о той ночи, когда мы встретились. Да, теперь я куда отчетливее помню тебя... Ты был тогда с короткими волосами и в камуфляжной форме. Тебе шло, — Мйар хохотнул. — Ты был моложе.

— Мйар, давай ближе к делу, — Камориль все еще было не по себе, даже, пожалуй, пуще прежнего. — Ну хорошо, я был моложе, — это и все? Ты вспомнил меня той ночью?

— Не только. Тебя-то я и так помнил... Более-менее. Но теперь я помню и себя. Того, — Мйар повернулся к Камориль и заглянул в глаза. — Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать в ужасе, Йер. Поэтому я смеюсь. Я у тебя этому научился?..

— Да ты и сам по себе достаточно глубок для того, чтобы выудить это из своих, стало быть, глубин... — Камориль попытался улыбнуться, но не смог. — Проклятье, Мйар, не мучь меня, что именно ты вспомнил?..

— Ничего конкретного. Но мое знание о себе поменялось. Если раньше я понимал себя... потенциально способным на убийство, то теперь я знаю, что я убивал.

— Потерянный, я думаю, радовался бы, услышав, насколько ты можешь быть объективен, — некромант обвел рукой сад. — А это что было, по-твоему? И вампиры? А мутанты? Ты хочешь сказать, что до того, как тебя приложило бетоном, ты думал о себе, как о невинном дитя? Может быть, ты еще радовался в душе, что ты — не такой, как мы? Может, до сегодняшнего вечера именно осознание собственной чистоты не давало тебе снизойти до нас, простых смертных?..

— Ну что ж ты не даешь мне договорить. Не дослушал, но уже столько всего наотвечал, — сдержанно улыбнулся Мйар. — Я не о факте обращения живого в мертвое. Понимаешь... В большинстве случаев мы — всего лишь пуля, нашедшая свою жертву, лезвие, пришедшее ко времени. Мы — просто орудие судьбы. Мы касаемся когтями тех, кто сам выбрал смерть. Убийцей же становится тот, кто принес смерть непрошенную, нежеланную, не предсказанную, которая, знаешь ли, не по участи.

— В Заповеди Неугомонного Сердца это напиши, — фыркнул некромант. — Там четко прописано, что есть что и кто есть кто.

Потом Камориль ухватился за голову.

— Ох ты ж, Мйар, что ты заставил меня говорить, а! Я, потомственный некромант,

рассказываю тебе о том, что есть в жизни правила!..

— Может, ты мне еще расскажешь о том, что вызывающе одетая барышня, прогуливаясь ночью по спальному району, ни разу не предполагает, что этой самой ночью попадет в неприятности?

— Насилие и убийство — разные вещи, но что-то эти твои размышления больно симптоматичны...

— Так, ладно, оставим эту тему, потомственный ты наш некромант, пока ты не обвинил меня в латентной виктимности, — сказал Мйар, вынимая из волос еще одну веточку. — Я, знаешь, не о том совсем. Видишь ли, когда я вспомнил то, старое понимание себя, и ощущение того, что я — в прошлом — шел поперек судьбы, своей и чужих, — я понял, что сейчас бы так жить не смог. И еще кое-что... Но об этом немного потом, после того, как ты объяснишь мне, как так оказалось, что информация, которой в моей голове быть не должно, все равно там.

— А может, ты сначала в душик? — предложил Камориль.

— Нет. После душика и пирога я тут же усну.

— Спать сегодня в подвале будем, не уснешь! — бодро пообещал некромант.

— Прелестно. И все же, Камориль. Почему я вспомнил то, что не должен был?..

Настало время Камориль молчать, собираясь с мыслями. Наконец некромант вздохнул и произнес:

— Мы не... Я не то что бы обманул тебя. Но я кое-чего тебе не рассказывал. Я не знал — можно ли?.. Ведь ты хотел забыть и это все тоже, наверное. Или... нет. Откуда я мог знать, Мйар, что именно ты забыл и что ты помнишь? Если б ритуал проводил я — мне кажется, я бы все равно не знал, что там и как. Или... знал бы. Чай не чтец я... и, на самом деле, могу только то, что идет в спайке с магией некромантов. Оно там, понимаешь, подцепляет заклятье другой школы, как окуня на крючок, и производит как бы прицепом... Но ритуал проводил не я. Ритуал проводил Зорея Катх, и ты сейчас спросишь...

— Почему я слышу это имя впервые? — предсказуемо спросил Мйар.

— Потому, что я не знаю, по чьей воле ты его забыл — по своей ли...

— ...или это он сделал так, чтобы я не помнил его. А у него были причины хотеть, чтобы я его не помнил? Мы давно были с ним знакомы?

— На момент проведения ритуала ты знал меня, Зорею и Эль-Марко одинаковое количество времени. Причины... да, пожалуй. Зорея мог сделать что-то по-своему. Более того, сдается мне, сейчас мы снова имеем дело именно с ним. Ты мне, Мйар, вот что скажи... теперь, когда это имя произнесено, что ты... ты вспомнил что-нибудь еще? Что-то в тебе изменилось?

— Нет, ничего такого вроде бы, — Мйар почесал лоб. — А должно?

— Раз никаких изменений не происходит, значит, твое прошлое можно рассказать тебе, как историю, — кивнул сам себе Камориль. — Я боялся эту теорию проверять вживую, суеверно почти. Мало ли, вдруг, и правда, сказка — ложь, и история может стать ключом... Но, раз так... Пойдем к ребятам на кухню. Там я тебе (и им всем) расскажу, наконец, правдивую историю о том, как я встретил Вирамайна Мйара.

Камориль разрезал длинным тонким ножом еще теплый пирог. Обычно ему доставляло недюжинное удовольствие пугать своим видом курьеров, привозящих разнообразную готовую снедь к поистине устрашающему (особенно в сумерках) дому. Но в эту нелегкую

ночь одутловатый испуганный мальчишка-развозчик некроманта не развеселил.

Камориль положил большой кусок пирога на тарелку и пододвинул Мйару. Больше никто пирога почему-то не захотел. Поэтому некромант извлек из холодильника все свои стратегические запасы пирожных, кексов, пахлавы и целых два торта: песочный с масляным кремом и слоеный, со сметанным, украшенный цветочками из белого шоколада.

— Кушайте-кушайте, барышни, не мешкайте, — Камориль подбодрил девушек, которые, как будто бы стеснялись брать сладкое. — Конечно, не последнюю ночь живем, но сейчас явно не то время, чтобы думать о фигуре. Мйарчик, и ты кушай.

Мйар и так уже самозабвенно жевал.

— М-да, меня б сейчас от мяса вывернуло, — произнесла Никс, рассматривая укушенный кекс, — а дядьке Зубоскалу хоть бы хны.

— А можно мне сливок подлить в кофе? Больно крепкий, — попросила Мари, слегка тронув за рукав Эль-Марко. Тот потянулся за сливками.

— Ну так, Камориль, ты будешь рассказывать, или тебе доставляет удовольствие наблюдать грязных, окровавленных нас в своей полуразрушенной кухне? — это, дожевав, спросил Мйар.

— Поиграем в декаданс? — Камориль, широко улыбнувшись, откупорил бутылку абсента и вылил немного зеленой вязкой жидкости себе в фарфоровую чайную чашку. — Кому еще? Мари? Не ожидал. Вот прямо в кофе? Хорошо, как скажешь... Ага! Эль-Марко, подставляй! Отличненько. А вот теперь — слушайте!

Камориль отхлебнул абсента, скривился, вздохнул и начал:

— Сегодня все встало на свои места — у меня в голове, по крайней мере. Я никак не мог соединить воедино все происходящее... Хотя догадывался, что все беды, обрушившиеся на голову домоседа Мйара, как-то между собой связаны. Итак, первой ласточкой была попавшая под "Око Мастера" брюнеточка в кафе, которая отвела нас к кресту; затем, как поведал Николе Абеляр, кто-то прочел "Оторопь" — вслух. Впервые за долгое время некий чтец каким-то неведомым образом сумел (успешно, заметим!) произнести заклятие времен Причинной Войны! Кроме того, видения Веры и Эрраты, эта их "Богиня", являвшаяся им в снах — ну разве не пахнет тут чтецами-извращенцами? Прости, Мари, я не думаю, что все сноходцы — извращенцы, (учитывая, что чтецы практикуют снохождение) но представлять себя в чужом сне обнаженной монстроподобной женщиной гигантского размера — это как-то... хм, ну... как бы символизирует, в общем. И вот теперь эти странные кошмарные твари, которыми управляли откуда-то издалека, и управляли по одному. Мйар, ты заметил это тоже, да? Пусть мы и не смогли эту особенность тварей обратить на пользу себе тогда, в бою, но можем теперь. Эти их заминки, быстрые, но все же ощутимые — точный признак того, что девятью тварями руководит один человек в реальном времени. Очевидно, гениальный, очевидно, очень быстрый, — но все-таки несовершенный. Ах, да. Еще я забыл мутантов в том бункере. Я не знаю, откуда они взялись, но предполагаю, что этот самый чтец, задумавший свою серую месть, овладел разумами тамошнего руководства и использовал песиков в своих целях. Коротко говоря, — на Мйара (и на нас всех заодно) точит зуб чтец, очень сильный, достаточно разумный и, притом престапующий правила, как дохлых кошек.

— Мне кажется, кое-что ты притянул за уши, — произнес Эль-Марко, стирая с губ заварной крем. — Вот бункер, например. Связи с чтецами я здесь особо не наблюдаю. Но в целом, полагаю, ты прав. Мне тоже кажется, что это не кто иной как...

— Зорея Катх, — кивнул Камориль.

— И кто такой этот Зорея? — спросила Мари.

— И почему у него такое странное имя? — спросила Никс. — Оно значит что-нибудь этакое?

Камориль поднял ладонь, останавливая вопросы.

— Сейчас, погодите, я еще не закончил. Природа тварей, которые на нас напали, мне непонятна, но они очевидно искусственные. Я был бы счастлив послушать мнение Эль-Марко на их счет...

— Им пять дней от роду, — хмыкнул Кападастер. — Потрогал я одну. Думал, после Луни ничему не удивлюсь. Ан нет.

— Я могу предположить, — продолжил Камориль, — что твари были посланы расправиться с нами без всяких пленений и допросов. Может статься, что у Зореи есть еще таких же двадцать, и они прямо сейчас идут к нам сюда. Тогда, ежели границы будут пересечены, нам останется только бежать, сломя голову. Второго такого побоища нам прямо сейчас не сдюжить. Ежели у Зореи личной армии химер нет, то у нас есть несколько дней передышки перед тем, как он вырастит следующую партию.

— А может, нам стоит бежать прямо сейчас? — предположила Мари. — Пока, стало быть... очередная партия не приползла.

— Предложение актуальное, — кивнул Камориль. — Но. Тут у меня — подвал, он укреплен и в нем есть еда для десятерых на трое суток, а так же два подземных хода в нижний город. Я ж артефакты гильдии храню, мой дом — крепость почти.

— А почему ж мы вышли тогда в чисто поле, сражаться с тварями вне этой крепости? — спросил Мйар, отвлекшись от пирога.

Камориль развел руками:

— Какой бы ты хотел получить ответ? Так вышло, — все, что я могу тебе сказать. А куда бежать, если бежать... Не хотелось бы подвергать еще большей опасности заведение Рут. Да и вообще, идея побега меня сейчас не прельщает. Мне кажется, нам надо разработать план и ударить первыми. Покончить с этим чтецом раз и навсегда.

— А где мы его найдем? — спросила Никс, отпивая у Эль-Марко из чашки, — Этого Катха?

— Отправимся в центральный офис чтецов, — предположил Кападастер.

Камориль захохотал.

— Ладно-ладно, фигню сморозил, — Эль-Марко поправил очки. — Твой абсент ядерн!

— Я могла бы попробовать найти этого Зорею во сне, — произнесла Мари. — Или по множественным вероятностям...

— Но ты же не касалась его, — напомнил некромант.

— Может... с полностью зажатой струной у меня получится, — тихо предположила девушка, зачем-то пряча лицо в ладошках.

— Так, стоп, — это снова подал голос Мйар, расправившийся наконец со вторым куском пирога. — Мне кто-нибудь уже объяснит, кто такой этот Зорея Катх и зачем мы ему сдались? Камориль, раз уж мы тут сидим, чаевничаем, как будто бы вчера был конец света, а мы выжили, — то давай уже, не томи. Попрут твари — побежим в подвалы, а оттуда — куда глаза глядят. Такой план. А теперь — рассказывай.

Некромант вздохнул.

— Ну что ж. Лучше такой, чем никакого... Ладно, о чем это я... начнем. Я постараюсь

быть краток, хотя история, сама по себе, достаточно длинная. Вы меня не подгоняйте. Уж расскажу, как расскажу. Эль-Марко, а ты меня, если что, поправь.

Итак, это было непростое время. Мир зализывал раны. Ровно четыре года назад кончилась Война Причин, — всеобщим поражением, стоит заметить. Два года назад завершилась гражданская война, в ходе которой, напомним, положение гильдий пошатнулось чуть более чем полностью, и власть "проклятых" сменилась властью народной, так сказать. Когда эхо войн постепенно затихло... Страны стали по мере сил восстанавливать изуродованную экономику, пути сообщения и прочие разрушенные и изувеченные отрасли. Много приходилось создавать заново, ведь мощности и возможности были уже далеко не те. Общество заколачивало социальные дыры. Одной из обязанностей поверженных гильдий стало создание групп зачистки, которые должны были расправляться с оставшимися в живых чудовищами, разбредшимися по континенту. Чудовища, изначально разработанные для войны и выращенные в закрытых правительственных лабораториях, гуляли вольно по стране, принося немало вреда: жрали детей, людей, скотину... Ну понятно, в общем. Проект был назван вычурно — "Романтицид". Группы в основном состояли из поглощающих чародеев, — тогда они оставались, считай, самыми сильными из нас, и тогда же, а не в войну, они заслужили большую часть своей нынешней репутации. Люди прозвали их "чернодырыми" — и неспроста. Конечно, на этой работе ребята отрывались по полной, и история их настолько же увлекательна, насколько ужасна — но, что там творилось наверняка, никто не знает.

Мне тогда исполнилась пятая часть века, и, несмотря на столь юный возраст (каким теперь он мне кажется) я кое-что уже успел повидать. Я тогда многое для себя решил, в частности, как жить и кем теперь быть. Быть некромантом в составе гильдии я не хотел. Членство в гильдии хоть и давало кое-какие преимущества (поставка свежего материала без риска быть осужденным за несанкционированное умерщвление; доступ к уникальной аналоговой библиотеке; покровительство главы гильдии в случае спорных вопросов или дел, не подпадающих под определения в Заповеди; и многие, многие другие заветные для юных магов вещи), но так же было... слишком эмоционально утомительным. И я предчувствовал, что ничем хорошим мне все это не грозит. Ну и еще раз напомним: вот уже четыре года как никто из чародеев не мог промолвить волшебного слова. Эта убийственная беспомощность многих подкосила, многих свела с ума. Еще и гражданка... В общем, к тому времени главы гильдий еще кое-как удерживали свои позиции, но для хоть сколько-нибудь пронизательного человека власть их, если визуально представлять, уже походила на сверкающий мыльный пузырь. Но среди выживших магов все большую значимость обретали те, кого раньше считали недостойными, те, кто молчал, и молча творил свое ручное, ограниченное волшебство. И мне, юному, но уже достаточно разумному, отчего-то очень не хотелось находиться сколько-нибудь близко к этим гильдейским разборкам, которые, как я знал, грядут. Но членом гильдии я стал еще в десять лет (чем очень в то время гордился), за год до начала Войны Причин и за год до того, как в этой войне поучаствовал... И мне удалось в ней выжить, чему я все еще иногда удивляюсь, не сойти с ума — что удивительно вдвойне, но что та война... Война снаружи, а магия — внутри. И чтобы из гильдии некромантов выйти, мне нужно было придумать что-то еще. Что-то... особенное. Ведь, знаете ли, членство в гильдии некромантов — пожизненное.

— Так вы, что ли, правда — пережили Войну Причин? — перебила Камориль Никола, охнув. — Так это сколько ж вам лет...

— Потом считаешь, — улыбнулся некромант. — Ну так вот...

Время шло, оказии стать вольным все никак не предоставлялось, а градус конфликта внутри гильдии (а, стоит заметить, было нас тогда не в пример больше, чем сейчас, даже учитывая тот факт, что ряды наши поредели за время войн) все рос, и даже случилась первая кровь. Тогда был озвучен проект "Романтицид", но нас это никоим образом не касалось — умерщвлять тварей, все еще гуляющих по лесам и наводящих ужас на города, предоставлялось отрядам поглощающих.

И вот однажды "Романтицид", если его сравнивать с косой, нашел свой камень. В лесах, что опоясывают горы на юге, у самого моря, объявился зверь, который стоил поглощающим двадцати человек, то есть, двух оперативных групп. Его по-всякому называли: и "Чудь", и "Драконий Бог", и "Мертварь", и даже ласково, но матерно, как именно — не скажу. Первая группа поглощающих, что полегла в тех лесах, состояла из крепких, вполне себе сносно обученных парней, переживших обе войны. Они не хватали с неба звезд, но и не были слабаками или тупицами. Руководство решило все же, что им попросту не повезло. Так, чтобы расправиться с чудовищем раз и навсегда, во второй раз на Мертварь отправили охотиться элитный отряд чернодырых, где каждый боец был увешан почетными орденами, как юная барышня — бижутерией разве что поглощающие своими "украшениями" на людях не светили. Суровые, в общем, они были ребята, знающие толк в драке и смертоубийстве, — и все тоже полегли на тех, стало быть, лесистых склонах. Все как один. Никто не выжил и не вернулся.

И я этому факту невероятно рад, ведь иначе бы не случилось внепланового совета гильдий, и на расправу с Драконьим Богом не был бы объявлен набор чародеев всех существующих школ волшебства. Все знали, что, подписавшись добровольно на это дело, ты, практически, подписываешь себе смертный приговор. Никто из выживших в гражданской войне и в Войне Причин не хотел более своей жизнью рисковать (как мне тогда думалось), а это значило, что добровольцами в этот новый отряд пойдут юные глупцы, желающие или славы, или смерти. Ну, и заключенные, на смерть эту самую и так обреченные. И я, конечно же, ни разу не думал, что необученная солянка из безбашенных чародеев, половина из которых падает в обморок от одного вида крови, сможет обуздать ту тварь, которая подчистую выкосила два отряда чернодырых, которые, на минуточку, на этом всем сожрали упыря. Нет, так, конечно, бывает в фильмах, в книгах, да и то, только в таких, приключенческих. Но что-то мне тогда моя жизнь казалась, скорее, чернушной драмой. И никаких тебе любовных линий. Я, собственно, рассудил тогда, что если пойду на эту верную смерть, — но выживу, — то смогу избавиться от членства в гильдии. Я обговорил это дело с моим учителем...

— У вас был учитель? — это снова перебила Никола, в этот раз — с восхищением.

Камориль блаженно кивнул.

— Был, был. Его звали...

— Камориль, а как же Зорея Катх? — вмешался Мйар. — Это все, конечно, занимательно, но...

— Ну вот, я почти к нему подошел, Мйар, — Камориль отхлебнул абсента прямо из горла. — Точнее, он ко мне. Худой такой, чуть ли не кашляющий, человек серого цвета. Точнее, не то чтоб совсем серого. Одежда на нем была сдержанная: пиджак какой-то средней цены, светлый, брюки светлые, туфли бежевые с перфорированным верхом. На голове у него с одной стороны были заплетены мелкие длинные косы, а с другой он был

подстрижен под пять миллиметров. Или оба виска у него были выбриты... А, да, точно, оба, просто косы эти он на одну сторону носил. Сами волосы были серыми, то ли седыми, то ли крашеными — не поймешь. Еще глаза у него были странными, — и да, я осознаю, как это звучит в моих устах, — но тем не менее зрачки его казались абсолютно черными, — из-за нереально светлых радужек, наверное, и еще... я ему в глаза смотреть не мог, — это было как-то... неприятно. Этот рваный край радужки, сросшийся треугольными спайками...

— Болели глаза у него, — добавил Эль-Марко. — Помню, трогал. Врожденный дефект, носителю особо не мешающий, но выглядит это, конечно, специфически.

— Ну так вот, если этот человек хотел своей серой одеждой от себя взгляды отвести — не вышло у него. Надо было косы сбривать и очки носить, и черного побольше. Возраст... Не скажу точно, сколько бы лет я ему тогда дал, — такой, не молодой и не старый, среднего какого-то смазанного возраста. Ну так вот, он, помню, в фойе университета подошел ко мне и хотел меня за локоть тронуть, что-то спросить по заполнению бланка, но когда я на него внимательно поглядел, он руку опустил. У меня тогда паранойя та еще была — по поводу прикосновений. Я как раз только понял, насколько они теперь важны и опасны, и боялся их невероятно.

— Да уж, представляю, — хохотнул Мйар, — как ты сверху вниз смотришь "ласково" на тщедушного юношу, а у него — шок!

— Ну нет, не маленький он был, вполне высокий. Горбился слегка. Из-за этого на нем его серый пиджак сидел отвратительно. Ну, собственно, в следующий раз я увидел его уже при параде, в вертолете. Там же и Эль-Марко был — такой... одуванчик. И еще... и еще...

И тут Камориль замолчал минуты на две. Он уставился на свою тарелку с пирожными, оперев подбородок о сложенные замком руки, и ничего не говорил. Даже не моргал.

— Ну, раз Камориль молчит, я продолжу, что ли, — произнес Эль-Марко, оглядываясь на собравшихся за столом. — Заранее прошу прощения за возможную косноязычность.

— Да давай уже! — взмолился Мйар. — Ты-то что там делал? И... сколько тебе лет-то было?

— Семь, — улыбнулся Эль-Марко. — Где-то так. Может, меньше.

— Отлично, вертолет, двадцатилетний Камориль, зеленый, как огурец, первоклашка Эль-Марко и наш загадочный Зорея Катх, описание внешности которого мне мало что прояснило, — кивнул Мйар. — Идут на Чудь-Мертварь. Просто красота.

— Не так немного, — Эль-Марко покачал головой, — нас было больше. Целителей было тогда мало. Я был там... потому что взрослые, обученные целители — они же на вес золота, а еще потому, что из пирокинетиков полетел Константин Рэбел, мой приемный отец.

— О, опять эта история про папашку, — мрачно проговорила Никс.

— О как, — Мйар, судя по его виду, искренне удивился и весь обратился во внимание.

Эль-Марко продолжил:

— Я плохо помню то время — все же, было это давно. Плохо помню даже вертолет, так что лучше бы Камориль рассказывал... Но, в общем, было нас много, около пятнадцати. Я от целителей, Зорея Катх — от чтецов, Камориль от некромантов, от элементалистов — четверо: Константин Рэбел — "огонек", ледяной Форс Амальта, электрический Руди, и девушка из тех, босых, которые по земле... не помню имени. Остальные — две ведьмы и шестеро поглощающих.

— Ведьмы? — это спросила Мари. — Как я, вероятностные?

— Нет, это были две дикие ведьмы, из окрестных, собственно, лесов. Они отлично

знали те места, и не столько хотели избавиться от Чуди, сколько желали быть принятыми в какую-нибудь гильдию. Куда возьмут, хоть формально. Дикае ведьмы — это вообще отдельная история, но суть в том, что их магия еще более интуитивная и спонтанная, чем мы можем себе представить, и, в отличие от гильдийцев, дикие ведьмы в легкую соображают телекинез, то бишь, беспардонно прут против гравитации без каких-либо дополнительных уловок, и у них это получается лучше, чем у кого-либо. Опасные женщины вообще.

— То есть, предположение Камориль о том, что на смерть пойдут одни юнцы, не подтвердилось? — уточнил Мйар.

— Да, пожалуй, — Эль-Марко кивнул, — насколько я помню, люди, собравшиеся идти на Драконьего Бога, были достаточно зрелыми и опытными. Ну, кроме меня.

— И меня, двадцатилетнего придурка, считающего себя о семи пядей во лбу, — заговорил Камориль. — Рассказывай, Эль-Марко, рассказывай. Не обращай внимания, это я так, к слову...

— А что мне дальше-то рассказывать? — Эль-Марко пожал плечами. — Вы же с Константином приказали мне сидеть в том дереве и не рыпаться, пока отряд не уйдет, а потом идти в пещеру на холме и уходить через сутки на юг, если никто за мной не вернется. И я не то чтобы на вас злился по этому поводу. Мне тогда, в темноте, было так страшно, как после никогда не было. А если б я с вами ту тварь выслеживал, по лесам-то...

— И все равно тебе удалось на тварь посмотреть, вопреки нашим стараниям тебя уберечь. Пряма судьба, — хмыкнул Камориль. — Ладно, дальше снова я.

— И все-таки я пока что ни разу не понимаю, причем тут я, — пробурчал Мйар.

— И правда, — Камориль вздернул брови. — Причем же здесь ты, Мйар Вирамайна. Ну тебе станет немного понятней, что к чему, если я назову четвертое имя твари.

— Да уж наверное!

— Зубоскал.

— Вот как, — Мйар глубоко втянул воздух.

— Да, мы охотились на тебя. Или — не на тебя. Я даже не знаю... что тут можно считать правдой. Хотя, мне кажется, что поначалу моего рассказа ты уже вполне мог догадаться, что было дальше.

— Нет-нет, ты давай, рассказывай, — Мйар, облачиваясь на спинку стула, сделал характерный жест рукой, мол, продолжай. — Я хочу... узнать все наверняка, испить, так сказать, эту чашу до дна. Я сдюжу. Не сомневайся. Размахнулся — бей.

— Как знаешь.

И Камориль стал рассказывать, и в этот раз его уже никто не перебивал. Он, будто бы гипнотизируя себя своими же словами, окунулся в прошлое — самое яркое свое прошлое, переносясь умозрительно в судьбоносную свою точку невозвращения.

— Где мальчишка? — спросил Генрих Робертович, поглощающий, номинальный командир отряда. Большой, крепкий мужчина в камуфляже был бледен, как утопленник. По его перепачканному кровавыми разводами лицу блуждали быстро сменяющие друг друга страх, ненависть и оторопь.

— В этой ситуации, боюсь, наш целитель нам не поможет, — ответил Камориль, не отводя взгляда. — И даже я не помогу. Точней, я не смогу это поднять. Я даже не смогу заставить это ползать.

— Это только что было парнем двадцати лет! — рявкнул Генрих. Затем он вроде бы как справился с собой, и, хотя ясно было, что он хочет сказать что-то еще, Генрих Робертович сжал губы в тонкую полосу и смолчал.

Вот уже третий час отряд двигался по лесным тропам, медленно поднимаясь в гору. Они шли, растянувшись недлинной цепочкой, оцетинившейся черными блестящими дулами разнокалиберного оружия. Дикие ведьмы (молодая толстушка Марта из рыбацкой деревни у подножия горы и тощая, пожилая Нина из горного села на западе) идти первыми отказывались, потому замыкали отряд, и Камориль, оглядываясь, видел, как женщины то и дело осеняют себя знаменем пламенным — проводят руками по лбу, губам, скрещивают ладони напротив сердца и затем снова целуют их. Некромант до сегодняшней ночи никогда не видел диких ведьм, и уж тем более ни разу не ходил в церковь Потерянного, а оттого странные, и на вид бесполезные манипуляции пожилых женщин приводили его в замешательство. Впрочем, это была всего лишь капля в море всего того, что мешало ему наслаждаться летней ночью, яркими звездами и дыханием близкого, уже вдоволь нагретого моря.

Камориль сжимал в правой руке тяжелый, кажущийся полностью бесполезным пистолет, выданный ему Генрихом после того, как отряд десантировался в десяти километрах от намеченной цели. Камориль ни разу еще не держал в руках огнестрельного оружия, пользоваться им не умел и только боялся, как бы не вывихнуть себе пару нежных длинных пальцев из-за отдачи, ежели вдруг ему на самом деле придется стрелять.

Переход уже несколько утомил непривычных к физической нагрузке магов, но никто не жаловался. Никто вообще ничего не говорил, хотя соблюдать тишину при таком ветре казалось бессмысленным. Лес, густея, принялся дышать громче, и шелест листьев, переплетаясь с журчанием множества мелких ручьев, сбегających к морю, начинал все больше напоминать странную песню, исполняемую хором неупокоенных призраков. Деревья становились выше, подлесок редел. Кроны застлали звезды, и стало совсем темно.

Камориль казалось, что он спускается по морскому дну в какую-то безымянную впадину, или, что примерно равноценно, снисходит в некую подложку мира, в исконную тьму, туда, где рождаются все самые страшные человеческие кошмары и откуда в мир прорываются монстры, рожденные израненной фантазией спящих сумасшедших. И тот факт, что для того, чтобы в эту дыру спуститься, отряду приходится подниматься вверх, нисколько не умалял ощущения "сошествия". Наоборот, чем выше вводили их горные тропы и чем прохладней становился воздух, тем четче Камориль осознавал, что это никакая не операция по зачистке территории. Это пятнадцать глупцов, поставивших на кон само свое

существование, проживают, возможно, самые пронзающе-значимые часы своей жизни. Что правда, последние. Прямо сейчас их всех затягивает в водоворот, из которого им не выплыть.

Осознавая это, Камориль тем не менее не поддавался панике, которая тем временем овладевала отрядом, оставляя на лицах, как след своих липких прикосновений, выражения растерянности и тоски.

Еще Камориль раздражал тот факт, что в этой дурацкой форме — черное с синим, — все, кроме поглощающих, выглядели на удивление нелепо. Дикие ведьмы, производящие пламенные знамена, — особенно. Константину Рэбелу, высокому и худощавому, форма была явно мала, отчего натянулась на зашивке. Руди, — электрический элементалист, — все время прищелкивал пальцами, высекая из воздуха искру, очевидно, он больше всех полагался на свою магию, а оттого винтовку нес на ремне, перекинутой через плечо. Из-за этого его камуфляжная куртка топорщилась самым неподобающим образом.

Камориль шел седьмым — почти в самом центре отряда, а потому имел возможность наблюдать за спинами Константина, что шел сразу перед ним, и еще пятерых поглощающих. Тонкие летние куртки мужчин пропитались потом. У одного из поглощающих дрожали локти — и это было очень странно, ведь говорили же, в этот раз от чернодырых — профессионалы из профессионалов!.. Очевидно, профессионалы тоже хотят жить. А ощущение смерти вокруг такое, что, кажется, хоть на хлеб намазывай.

Но это была какая-то другая смерть, не та, с которой Камориль привык иметь дело. Как будто бы старая знакомая надела вуаль, закрыв глаза, нарисовала губы алым и улыбается, давая понять, что это не она теперь другая, а это он, идиот, думал раньше, что знает ее, настоящую.

Некромант пытался услышать зов костей — но почему-то не мог. Хотя, казалось бы, хоть мертвые животные-то тут должны были быть, — но на этот счет лес молчал, затаившись, сокрыв палой листвой остовы лис, спрятав косточки мелких птиц, белок и зайцев, как будто старый скряга, что не хочет делиться с пришельцем из внешнего мира своими маленькими, бесполезными для большинства сокровищами.

— Отлично. Я не чувствую вокруг мертвых, и меня окружают поглощающие, — тихо, практически себе под нос, проговорил Камориль. — Ну, я знал, на что шел.

— Земля стенает, — послышался женский голос слева, из-за плеча. — Поверь, мне хуже.

Камориль коротко обернулся, чтобы глянуть в лицо Лие, элементалистке земли. Девушка, смуглая и кучерявая, натянуто улыбалась. "Что же тебя сюда привело, хрупкая ты фигурка из стекла? — подумал некромант. — Тебе-то это все зачем?" Но вслух спрашивать не стал. Прошел еще два шага и наткнулся на спину Константина. Тот обернулся к Камориль и так же тихо, на пределе слуха, вымолвил:

— Они нашли труп. Зверь близко.

Камориль, ничего не отвечая, сразу обошел Константина и направился к Генриху, с которым о чем-то шептался другой поглощающий, который, очевидно, и нашел мертвеца.

— Дайте посмотреть, — Камориль даже закусил от нетерпения губу. — Где?..

Поглощающие замолчали. Генрих кивнул чернодырому, с которым говорил, и тот юркнул куда-то во тьму между двух деревьев. Камориль, рассудив, что все понял правильно, пошел следом за ним. Метров через сто они оказались возле поваленного дерева, ствол которого украшала гирлянда из рваных потрохов. Камориль не сразу опознал, что потроха человеческие, а когда понял, какая именно часть организма это была изначально, негромко

выругался.

— Ну? Что скажешь? — спросил чернодырый. — Пригодится?

Камориль вздохнул и вместо ответа ухватился за надломленное ребро. Но тут его внимание привлекло кое-что еще.

На древесной коре, окрашенной в черный давно свернувшейся кровью, сверкали три маленькие звездочки. Конечно, не звезды это были, да и не слишком они светились, но из-за контраста казалось, что это именно так. Камориль опустился на одно колено и ногтем подцепил одну из капелек. Растер ее между пальцами.

— Вот это уже интересно... медная... нет, бронзовая кровь. Или, может... жидкая золатунь? Возможно, это то, что течет в жилах у нашего зверя.

— Возвращаемся к отряду, — поторопил поглощающий.

— Сейчас, отпилю этот кусок деревяшки, — сказал Камориль, доставая нож.

— Смысла нет. Когда мы найдем Мертварь, ты в этой крови искупаешься. Говорят, зверь огромен. Больше дома.

— Ладно, не буду спорить. Идем.

И когда до места, где они оставили отряд, оставалось метров тридцать, лес пронзил истошный женский крик. Потом послышался взрыв и мокрые шлепки.

— Отставить панику! — раздался голос Генриха Робертовича. — Кто рыпнется — получит пулю в лоб, и вас не спасет то, что вы избранные, ребята! Помните, зачем вы сюда пришли! Зачем каждый из вас сюда пришел! Вы знали, на что шли! Я ясно выразился? Отставить панику!

— Эй-эй, командир, хватит орать. Все взрослые люди, — это говорил Константин Рэбел, когда Камориль с сопровождавшим его поглощающим наконец выбрались к месту происшествия. — Такое не часто увидишь. В кино увидишь, и то...

— А, вот и некромант. Полагаю, сейчас вы должны зайти в профессиональном экстазе? — спросил Генрих.

Камориль тупо смотрел на него и не знал, что ответить. Что этот человек хочет от него? Шаманских плясок и(или) злодейского смеха?

— Что случилось? — наконец произнес Камориль. — Я так понимаю, один из ваших ребят... взорвался?.. Как это произошло?

Вот тогда Генрих и отвел Камориль на несколько шагов назад, туда, где по земле и окружающим деревьям разметалось парящее мясо.

Форс Амальта, ледяной элементарист, обнимал за плечи Лию, которую трясло. Рядом с ними неподвижно стоял Зорей Катх, давешний университетский чтец с излишне проворными пальцами. Дикие ведьмы, разойдясь по обе стороны тропики, лепетали заклятья, ритуально покачиваясь. Но заклятья больше не работали.

— Это один их поглощающих, — произнес Руди, прищелкивая пальцами. — Вообще ни с чего. Он стоял-стоял, потом в одно дерево его кинуло, как будто бы он убежать хотел, потом в другое бросился, а потом на землю свалился, выгнулся и... Я такое один раз до этого видел — когда чтец-психопат пытался наживую пролезть в бдящего человека. Ну, в смысле, кроме взрыва.

— Чтец? — Камориль хмыкнул. — Психопат? А ты, вестимо, повидал на своем веку магии и волшебства.

Генрих зыркнул на Руди грозно.

— Что?.. — протянул тот. — Все равно мы все умрем, какие тут могут быть тайны?

— Живы будем — не умрем, — отрезал Генрих. Обернулся к Зорее, Амальте и Лие. — Кто-нибудь из вас может объяснить, что это было?

Камориль знал, что у каждого члена отряда на шее висят защитные амулеты, созданные по специальному заказу после внепланового совета гильдий. В этом они все были равны. А поглощающие, к тому же, под униформой были замотаны своими фирменными бинтами, пропитанными особым золотунным раствором чернодырых, который обеспечивал дополнительную защиту от магии. Кроме того, вероятно, каждый маг подготовился к охоте, как мог, так что от присутствующих можно ждать сюрпризов. Камориль и сам спрятал пару карт в рукаве, типа мешочка с костяной дробью, о котором никому не рассказывал. Очевидно, и взорвавшийся парнишка был защищен от магии хорошо. Если не идеально. Кроме того, он сам был поглощающим.

Такой смерти ему бы не предсказала ни одна гадалка. Даже та, в которой текла бы кровь пророков. Ибо нонсенс.

Один из чернодырых несмело произнес:

— А может он... переполнился?

— Чем? Магией? — хмыкнул Генрих. — Об этом кто-нибудь где-нибудь писал? На войне такое было? На войне такого не было!

— А на войне, кажется, бывало такое, чего быть не может, — протянул Камориль. — Значит, мы имеем дело с чем-то поистине невероятным.

— Его не зря прозвали "Драконьим Богом", — вмещалась одна из ведьм, Нина. — Я вам говорю, это его работа. Жалко парнишку. Но если мы хотим зверя убить, то надо затолкать ему в пасть вот эти зерна, — она показала в ладошке что-то похожее на черный чеснок. — Только дайте мне на него посмотреть. Вмиг уснет зверь зверей!

Генрих, сплюнув, ушел от останков прочь, а через минуту подал отряду знак двигаться.

Камориль, ощущая, как жжет пальцы, которыми он трогал светящуюся звереву кровь, двинулся вместе со всеми. Когда мимо него проходил Зорея Катх, Камориль не выдержал и спросил:

— Как тебе удастся сохранять ледяное спокойствие? Я бы хотел научиться этому фокусу!

Зорея наградил Камориль безэмоциональным и, казалось, даже бессмысленным взглядом.

— А тебе? — спросил чтец.

— Я солгу, если скажу, что мне не страшно. Мне страшно до дрожи в коленках. Но у меня сапоги выше колен, и у них плотная шнуровка.

Зорея ничего не ответил, — прибавил шагу и пошел вперед.

Камориль заинтересовало такое развитие событий, и он тоже поднажал, и вскоре нагнал Зорею.

— Эй, ты, чтец, погоди. А правда, что чтецы...

— Заткнись и больше не трогай меня, — тихо, полусшепотом огрызнулся Катх. — Я тебе никто, и ты мне — никто. Меня от таких, как ты, тошнит.

— От некромантов или от очаровательных молодых лю...

— Отстань.

— О, может быть, ты кое о чем особенном? Так я ж не...

— Сдохни следующим, будь так добр, — вежливо попросил некроманта Зорея и больше на провокации не отвечал.

— Вот и поговорили, — Камориль вздохнул.

— Тяжко ему, наверное, с нами управляться, — это негромко произнес Константин Рэбел, поравнявшись с Камориль.

Некромант глянул на идущего рядом мужчину: лицо тоже непроницаемое, как гипсокартон, и по нему кровавые разводы. Это он о Генрихе сказал — про "тяжело". И то верно... у всех, кроме чернодырых, никакой субординации и подготовка сугубо гильдейская. Ими можно командовать только лишь на харизме. А какая харизма в такой ситуации? Это надо быть сверхчеловеком. А Генрих Робертович — просто хороший солдат, пускай и поглощающий чародей.

— Все так и было, как Руди описал? — спросил Камориль у "огонька".

— Точно так, я тоже видел, — кивнул Константин. — Вот так эти ребята спереди и идут, понимая, что в любой момент могут... кончиться. И от них это никак не зависит. Вот вообще.

— Ты полагаешь, нам это не грозит?

— Я полагаю, что мы — довольно грозная сила, несмотря на отсутствие командного духа. И в какой-нибудь ситуации пообыденной мы бы порвали в клочья кого угодно.

— Ну да, ну да... Привыкшие чувствовать превосходство ощущают себя котятками, — Камориль невесело усмехнулся. — И этим котяткам приходится тащиться через лес с такими же до смерти перепуганными псами. Предприятие уже не кажется той отличной идеей, которой казалось раньше, а?

— Мне уже все равно, — сказал Константин. — Я уже здесь и сделаю то, что должно. От этого... Это, в общем, мой выбор, и все уже решено.

Камориль хмыкнул и ничего не сказал.

Над головой мелькнуло небо, полное звезд, первый, второй раз, а потом деревья и вовсе расступились, открыв широкую каменистую поляну с протекающим посередке бурным ручьем. Земля здесь шла под углом, но под небольшим, тут и там были разбросаны причудливых форм гранитные валуны, здоровые, порой даже в человеческий рост, поросшие мхом и пышными кустами волчьей ягоды. Двое поглощающих, почти сливаясь по цвету с окружающей темнотой, шмыгнули куда-то вверх и вниз вдоль ручья, а остальные маги остались стоять на выходе из леса, среди густого подлеска, остановленные знаком, поданным Генрихом.

За ручьем, довольно далеко на западе, высилась выпуклая, причудливая скала, выступая из земли, как локоть великана. Каменная глыба чернела на фоне неба, застилая собой звезды, но еще черней казался лес, который эту глыбу подпоясывал.

— Сестрицын Зуб, — опознала скалу Марта.

Камориль все вглядывался в контуры каменного исполина и пытался понять, что же с ними не так. В темноте он тогда видел не намного лучше обычного человека, но, может, именно благодаря этому первым заметил черное пятно, которое наполовину сливалось с темнотой естественной пещеры, что разверзлась под скалой. Вскоре некромант совершенно четко определил для себя, что черное пятно под камнем — штука инородная, и, более того, органическая.

Существо, — а это было именно то существо, за которым они пришли сюда, — было по-настоящему огромным, и оно дышало, — тихо, быстро, почти не заметно.

— Это он, — дикая ведьма Марта уставилась снизу вверх на Генриха Робертовича. — Ну, как вы будете его убивать?

— Мы не будем проверять, живо ли оно, — ответил Генрих. — Прямо так, сразу, и убьем.

Генрих подождал, пока двое поглощающих вернутся и приказал остальным магам оставаться здесь, на выходе из леса, и готовить свое "дрянное волшебство" на случай, если команда чернодырых не справится. А до тех пор маги должны были сидеть и не рыпаться.

Константин Рэбел подошел к Генриху и сказал тому что-то на ухо. Командир поглощающих глянул на "огонька" пристально, а потом кивнул.

И сказал на прощание:

— Так и сделаем.

Камориль присел рядом с одним из больших валунов и стал наблюдать, как пять фигурок поглощающих, прячась за такими же, достаточно большими камнями, подбираются к огромной туше Драконьего Бога. Ребята работали слаженно. Камориль перебирал пальцами костяшки в одном из своих мешочков, и в голове у него сама собой проявилась детская считалочка из тех, садистских, где в конце никого не осталось. Цинизм собственного подсознания даже немного развеселил некроманта. Но вскоре улыбка исчезла с его лица.

Трое из поглощающих, подобравшихся к монстру не более чем на двести метров, взорвались один за другим. Они даже не успели выпустить ни одной пули. Оставшиеся двое открыли огонь. В сумасшедших вспышках от выстрелов Камориль сумел разглядеть зверя немного лучше. Зверь был огромен, но весь изрешечен дырами от пуль. Вот несколько новых ран прошло его массивную тушу, и из нее полилась кровь, — сияющая, золотая.

Зверь взревел. Один из выживших поглощающих, прежде чем взорваться, кинул в него гранату. И тогда зверь, собравшись, прыгнул. Но прыгнул он не физически. Он как будто бы вылинял из реальности, просочился куда-то в невидимость и в следующий же миг возник посередине ручья. Вода, бурля, вспенивалась слева от него, обдавая бока твари брызгами. Вода справа убегала окрашенной в сияющее золото. За спиной монстра раздался взрыв — это гроыхнула граната.

Камориль отвернулся от монстра и попытался компактнее уместиться за своим камнем. Ситуация была патовая. Мертвые, которых так запросто организовала Мертварь, на подъем никак не годились. Выломанные ребра, годные на призыв призрачного лезвия, некромант решил оставить на самый крайний случай, если он представится. А что еще остается? Пистолет? Поглощающие, размазанные по камням и земле, надеялись на свои черные, хищные винтовки зря. Камориль понял, что здесь и сейчас нечего выеживаться. Надо выживать. Разве что кости... кости.

Камориль попробовал отмежеваться от реальности. За ним (и за камнем) стало происходить что-то, озаменованное разноцветными вспышками, криками, хаосом. За спиной некроманта тряслась земля и гроыхало так, как будто бы прямо за этим камнем — сердце бури. Ветер метался из стороны в сторону, не зная, куда ему дуть. Искры сыпались на землю и прожигали ее.

Камориль, сосредоточившись на движениях своих рук, расчистил от камушков небольшой пятючок земли перед собой и высыпал туда несколько костей из бархатного фиолетового мешочка.

И кости легли кольцом.

Некромант собрал косточки одну за другой, и все это время за его спиной что-то взрывалось, ломалось, тряслось. Собрав все костяшки в мешок, Камориль обернулся назад,

для того, чтобы увидеть своими глазами, как, должно быть, будет выглядеть последний день мироздания.

Раньше мирный пейзаж был изрыт ямами и вспахан высокими щербатыми пиками, спаянными из земли и камня. Лес на фоне горел. Горела земля. Горели даже камни, — а такого некромант не видел давно, с войны. Это была работа очень сильного и талантливого "огонька".

Посреди всего этого хаоса возвышался Драконий Бог или Мертварь, — существо огромное, все еще живое, хоть и раненное. В отсветах горящего леса Камориль смог хорошенько рассмотреть зверя. И на дракона он все же похож не был. Зверь был некрасив, — потому как привычному был слишком чужд и ни на что живое или мертвое не похож. Шкура у него была черная, и оттого стекающее по ней золото казалось причудливым узором из светящихся виноградных лоз. Зверь был, кажется, крылат, — но Камориль не смог бы поклясться, что именно это он видел на самом деле. Некроманту казалось даже, что это его собственная версия Чуди, и вполне вероятно, что те, кто уже умер в бесплодной попытке покончить со зверем, видели его совсем иначе.

Тварь замерцала, чуть двинулась, издала крик, пронизывающий, судя по ощущениям, весь мир до самой сердцевины, и снова вылиняла в никуда. Как в воду канула.

Остались земляные шипы, горящий лес, земля и камни.

Золотая вода быстро утекала куда-то к подножию гор, как и не было ее. А огню тут еще долго пылать...

Тварь будто бы совсем пропала. По крайней мере, Камориль не видел, чтобы она где-то воплотилась заново.

Некромант, сглотнув, выдохнул, потом закрыл лицо руками и посидел так около минуты. Ему нужно было перестроиться. Принять изменившуюся ситуацию и хоть немного наметить у себя в голове план дальнейших действий. Камориль открыл лицо, утер нос рукавом и, дернувшись было встать, снова сел. Снова высыпал в кружок очищенной земли кости.

И они опять сложились в круг.

— Судьба, говорите? — спросил некромант у костей, оставшихся безмолвными.

Камориль собрал костяшки в мешок. Выбрался из-за камня. Пистолет он спрятал в кобуру и взамен взялся за реберную кость, готовый чуть что надломить ее и вызвать призрачное лезвие. Все же... если уж умирать — то верным себе. В конце концов, взорвавшимся поглощающим их огнестрельное оружие не особо помогло. Оглядываясь по сторонам, Камориль двинулся к ручью с целью таки набрать там немного крови зверя, которая должна была остаться в какой-нибудь ложбинке. Инстинкт самосохранения, конечно, командовал ему срочно бежать. Но куда? В лес? Противореча себе, инстинкт так же советовал держаться поближе к огню и свету. Потому некромант, собравшись, все же пошел к ручью.

Кровь Драконьего Бога. Если хоть ее удастся отсюда вынести — уже что-то. Если удастся найти кого-то живым — хорошо. А если нет, то... Для начала, Камориль хотел попробовать выбраться отсюда сам, а там уже решить, как быть: сгинуть ли в никуда, плюнув на свой героический план, или сдать совету гильдий и рассказать, как все было. И пускай сами решают, что делать дальше. Убивать Мертварь или не убивать. Точнее... посылать на верную смерть еще чародеев или нет. А может, они там чего согласуют и пошлют уж сюда бомбардировщики. И сравнивают эту гору с прочим ландшафтом.

Но что-то подсказывало некроманту, что даже если так будет, это вовсе не гарантирует смерти Драконьего Бога. Это существо не было одной из тех тварей, что вывели в своих лабораториях целители, работая вместе с элементалистами и чтецами. Подход к ее устранению был в корне неверный. Изначально. Камориль даже подумалось, что такая тварь должна уйти сама. Если того пожелает. И никто ей не указ, ведь она могущественнее и древней... чего бы то ни было.

Предки нынешнего человека, наверное, благоговели бы перед этой сущностью и почитали бы ее, как божество. А сейчас? Отряд зачистки в рамках проекта "Романтицид"? Если бы тварь умела не только реветь, но и смеяться, она бы, наверное, не упустила свой шанс сотрясти мироздание до самых основ своим божественным смехом. И хотя Камориль был до костей своих неверующим скептиком, то, что он этой ночью успел повидать, заставило его усомниться и, кроме прочего, пересмотреть свою позицию касательно употребления слова "божественный".

У ручья некромант и правда обнаружил небольшую заводь, наполненную светящимся золотом. Он достал из-за пазухи флягу с коньяком (к которому за всю вылазку так и не притронулся), вылил содержимое на траву, ополоснул емкость в ручье и, вернувшись к заводи, окунул флягу в золотую кровь, придерживая емкость за краешек так, чтобы крови не касаться. Флягу потянуло вниз.

— Что за... — вымолвил некромант, когда фляга, выскользнув из пальцев, нырнула в золото целиком. Камориль вздохнул и, решившись, сунул в золото руку. Кровь Чуди не оказалась кислотой (почему-то Камориль именно этого опасался) и лишь чуть щипала кожу, но ее вес и плотность были намного больше, чем у воды, так что вынутая на поверхность фляга оказалась весьма тяжелой. Не удивительно, что она выскользнула у Камориль из пальцев. Некромант, обтерев флягу об рукав куртки, сунул ее в один их широких карманов на поясе.

Обозрел творящийся вокруг хаос. Приметил невдалеке камень повыше. Подумал сначала на него забраться, — может, смог бы увидеть, есть ли кто еще живой, — но передумал. Искалеченный (скорее всего, стараниями Лии) ландшафт представлялся плохим местом для прогулок, но все же Камориль двинулся в пешую экскурсию по полю битвы — искать раненных или, может, выживших. Хотя бы... кого-нибудь.

Камни и земля постепенно "догорали" — заканчивала свое действие поджегшая их магия. Пейзаж стал еще более сюрреалистичным от того, что прогорающий пепел летел вверх, как этакий неправильный снег, рассыпаясь порою снопами алых искр.

Тлеющий мир.

Камориль брел по выжженной земле, прижимая к себе готовые к колдовству реберные кости, и пытался услышать смерть, — но слышал только треск горящего леса и его же усталые вздохи в те моменты, когда ветер менял направление в очередной раз.

За одним из камней Камориль обнаружил первое мертвое тело. Это была одна из диких ведьм, Марта.

Она лежала на земле, глаза ее были открыты, а изо рта у нее росло молодое дерево. Зеленые нежные листья трепетали в восходящих потоках горячего воздуха.

Камориль обошел мертвую ведьму стороной. Он сразу отбросил идею поднять ее, как зомби: это пришлось бы чем-то отпиливать ей голову, ведь проросшее в ней дерево намертво прикрепило череп к земле корнями. Ножом? Можно, конечно, но это будет долго, кроваво и совсем непочтительно по отношению к женщине.

Камориль двинулся дальше, блуждая между камней, в сторону скалы Сестрицын Зуб. Вторым он нашел Константина — и понял, что сегодня, видать, обойдется без ходячих мертвецов. Хотя с ними и было бы как-то спокойнее, но... смерть обошлась с "огоньком" достаточно милосердно. Он был запаян в лед. Камориль попытался, но так и не смог представить, как такое могло случиться, как вода из ручья полилась вверх и застыла таким причудливым кружевным веером, заключив в своих ажурных ледяных объятиях тело элементалиста огня. Лед, окутавший Константина, и не думал таять, распространяя вокруг себя могильный холод и не подпуская к элементалисту пламя с горящих рядом кустов. Камориль тоже не стал подходить слишком близко. Все же, холода некромант опасался больше всего остального, в виду особенностей функционирования организма.

Камориль подумалось, что вместо ведьм или вместо целителя нужно было брать в отряд хотя бы одного служителя Потерянного. Было бы кому сказать приличествующие случаю слова, раз уж почивших магов не увести отсюда в качестве зомби туда, где можно было бы их достойно похоронить.

И все это время, пробираясь дальше, к Сестрицыному Зубу, некромант гнал от себя самую главную и самую опасную мысль, а именно — "Почему я не умер?" Ему казалось, что если он сейчас додумается до какого-нибудь более-менее логичного ответа, то тут же схлопочет от судьбы оплеуху. Мол, чтоб не зазнавался.

Подобравшись достаточно близко к скале, Камориль понял, что дальше к ней идти бессмысленно: окружающий скалу подлесок горел, почти половина деревьев уже была охвачена пламенем. Некромант обернулся и пошел обратно, через поле битвы наискось, к ручью. Он решил больше не искать выживших целенаправленно. Найдет — хорошо. Не найдет — и ладно. Где-то там, гораздо ниже, в означенном месте все еще ждет мальчишка-целитель. Если, конечно, малец не испугался взрывов, не сбежал в лес и не сгинул в каком овраге.

Больше мертвых Камориль не нашел. Впрочем, как и живых. Он хотел было крикнуть, — может, отзовется кто? — но не стал. Ему почему-то стало страшно кричать. Он осознавал, что твари до его криков дела нет. Но он все равно боялся чего-то. Скорее всего, внезапной, недостойной смерти, с которой ему бы не удалось даже побороться напоследок.

Камориль решил спускаться дальше по ручью, а не той тропкой, которой они шли раньше. Потеряться некромант не боялся, ведь недалекое море было чудесным ориентиром. Да и если уж и было что-то, достойное опасений в эту ночь, так это точно не возможность заблудиться.

Камориль перескакивал с камня на камень и как будто бы вовсе не замечал усталости. Наоборот, что-то гнало его вниз все быстрее и быстрее, и это были не только инерция и сила тяжести. Вот уже зарево горящего леса осталось далеко за его спиной и стало тускнеть.

Лес, конечно, сгорит.

Но это будет потом.

Камориль успеет уйти, и уж наверняка успеет добраться до моря.

И еще — надо найти мальчишку.

Ручей внезапно нырнул в большой овраг между двух холмов, и Камориль не оставалось ничего, кроме как последовать за ним. Черный лес обступил некроманта со всех сторон. Тихий, неподвижный, обреченный. Тишину вспарывали пение ручья и изредка звук падающих камней, нечаянно задетых сапогом.

Они договорились с мальчиком, чтобы тот ждал в естественной пещере, что притаилась

в пологих выступах у одного из обрывов, который было видно еще с места посадки. Там, как подсказали дикие ведьмы, стоял домик лесника, и там начиналась тропка, что ведет к морскому берегу, минуя множество опасных, оползневых мест.

Сработано было четко. На полувзглядах. Что делать и куда идти пацану объяснил Константин, а Камориль устроил отвлекающий маневр еще в самом начале пути, попытавшись применить некромантию к одному из живых поглощающих. Естественно, ничего не случилось, но поглощающий почувствовал воздействие и взбеленился. Пока Генрих, тогда еще живой и целый, выяснял, что к чему и призывал магов копить силы на борьбу со зверем, а не проводить бесполезные эксперименты, Константин помог мальчишке спрятаться внутри выжженного молнией дуба.

Пропажу мальчика обнаружили только через четверть часа, но было решено двигаться дальше без него.

Камориль, ненадолго прервав свой спуск вниз, забрался на большой валун и обозрел простирающийся внизу прибрежный пейзаж. Ему казалось, что за его спиной, стоит ему обернуться, снова развернется хаос из огня и горящих камней, а потому он не оборачивался.

И правда. Что бы тот ребенок сделал с размазанными по земле трупами? С проросшим в колдунье деревом? С обледеневшим "огоньком"? Что мог бы поделать маленький целитель с тем, к чему не смог подступиться взрослый некромант?

— Ну, хоть одно верное решение за всю ночь, — хмыкнул Камориль. Слез с камня и стал спускаться дальше, заметив вдалеке возвышенность, весьма похожую на ту, где было уговорено встретиться с мальчиком.

Путь занял у некроманта час-полтора. Ручей давно остался позади. Камориль поплутал глубокими лесными тропками, один раз ошибся пригорком, но в итоге все же вышел к нужному месту.

Да, вот и домик лесника — покосившаяся хибара из посеревшего от дождей и солнца дерева. Где-то здесь... и должна быть та пещера... Очевидно, стоит спуститься немного ниже по тропке за домом, там, в скале, наверняка пещера и есть.

Но Камориль зачем-то решил заглянуть еще и в сам домик — на всякий случай. Что его дернуло — он сам не знал. Заглядывать ночью в мутные стекла заброшенных хибар — то еще занятие, но тут уже было не до логики. Захотелось — значит, надо, значит — чутье.

Камориль подошел к домику и дернул дверь на себя. Подергал еще туда-сюда. Дверь оказалась закрыта. Некромант переступил через ржавый металлический таз на земле и заглянул в окно дома через разбитое стекло.

В доме была всего одна комната, и мальчишка прятался под столом. Вероятно, залез в дом через какое-то другое окно. Вероятно, не нашел пещеры. Ну что ж, уже молодец.

— Эй, — тихо позвал Камориль, — зверек. Это я, твой приятель-некромант. Вылезай, пойдем.

Мальчишка дернулся. Чутка посидел еще под столом, потом медленно из-под него выбрался и настороженно подошел к окну.

— А дядя Костя где? — спросил у Камориль мальчишка.

— Дядя Костя дерется с драконом, — сказал некромант. — Прямо сейчас. И он сказал мне, чтобы я тебя отсюда забрал. Мало ли, вдруг ему не удастся убить дракона, — так мы с тобой хотя бы убежим.

Мальчишка подошел к окну, через которое с ним разговаривал Камориль.

— А мы пойдем помогать дяде Косте? — спросил он.

— Ты, главное, давай выбирайся оттуда. Как ты туда, кстати, залез? А потом — пойдём.

— Сейчас.

Мальчишка куда-то запропастился из виду Камориль, а потом выбежал с другой стороны дома.

— Там в досках дырка, — объяснил он, — а пещеру я нашёл, но мне там страшно было.

— А в доме — не страшно? — спросил Камориль с улыбкой.

— Чуть-чуть... меньше страшно, — ответил мальчик. — Мы теперь идем помогать дяде Косте?

Камориль присел на корточки, доставая из кармана флягу со зверевой кровью. Отвинтил крышку.

Подставил ладонь и капнул на нее одну капельку светящейся жидкости.

— Вот, смотри, — протянул он ладонь мальчику, — это — кровь дракона. Мы с тобой сейчас пойдём к морю, а потом ещё пойдём вдоль моря, пока не найдём в одном месте лодку. А потом поплывём домой. И отдадим эту кровь на экспертизу. Ну, то есть... дяди из гильдии ее изучат и решат, как мы можем помочь дяде Косте бороться с драконом.

Мальчишка пальцем ткнул в светящуюся капельку и размазал ее по ладони Камориль.

— Пахнет сладко так, — произнес мальчик, — это правда кровь?

Камориль понял, что вовсе не чует запахов сейчас. А так же то, что не знает, как зовут мальчика.

— Тебя как звать-то? — спросил он без обиняков.

— Мама Мариком зовет, — ответил мальчик. — Но на карточке в больнице у меня написано, что я Эль-Марко.

— Марик, стало быть, — хмыкнул некромант. Это человеческое дитя, которое не познало ещё настоящего страха, как будто бы разбудило Камориль одним фактом своего существования. События прошлых пяти часов тут же превратились в голове в отголоски страшного сна. Камориль на удивление быстро, даже для себя самого, смирился с фактом произошедших потерь. То ли сработала психологическая защита, то ли надобность позаботиться о ком-то слабом добавила ему душевных сил.

— Ну, пойдём, — Камориль встал с корточек и протянул ребенку руку.

И пока тот решался, брать ее или не брать, из-за деревьев вышел человек.

Камориль вмиг опознал в нем чтеца.

— Вот уж свела судьба, — широко улыбнулся некромант. — Как ты нас нашел? В любом слу...

— Я шел за тобой, — ответил чтец.

Камориль едва удержался, чтоб не обложить чтеца обценной лексикой за манеру перебивать на полуслове. Вместо этого спросил:

— Но как тебе... как нам удалось выжить?

Марик глянул на некроманта вопросительно, и тот понял, что проговорился.

— Я думаю, это кровь зверя, — ответил Катх. — Ты трогал ее там, в лесу, и я тоже ее там нашел. Зверь не учуял нас. Он думал что мы — части него.

— Ты бы так не шутил, а, — хмыкнул некромант. — Неужели зверь настолько тупой?

— Он могущественен. Он думает совсем иначе. Мы для него — как бактерии... или блохи. Ничего не стоим. И это его погубит.

— Так-так, погоди, — Камориль упер руки в бока. — Я не знаю, погубит ли его хоть что-нибудь, но это точно будем не мы-бактерии. В общем... приятно было пообщаться с

настоящим живым чтецом. Мы, пожалуй, двинем отсюда. Чего я и тебе советую. Можешь пойти с нами, если тебя, конечно, уже не вывора...

— Никуда вы не пойдете, — ответил Зорея Катх, целясь в Камориль из табельного пистолета. — Только попробуй дернуться, и тут же соединишься со своей обожаемой смертью. И мальчишка тебя не спасет, а вскоре к тебе присоединится.

— Ну, приехали! — Камориль сжал кулаки. — Не одно, так другое, да? Чего ты от меня хочешь, чтец?..

— Я хочу, чтобы ты заткнулся. А потом мы все вместе пойдём на восток и спустимся к морю. Я видел кровавый след, и по морю уже расплзается пятно... там лежит и подышает тварь. И мы ей в этом поможем.

— А оставить тварь в покое, пускай сама сдыхает — нет?

— Нет. Это наш долг. Мы должны пойти и убить Мертварь. Это должен сделать один из нас.

Камориль сделал шаг вперед, несмотря на предупреждающий щелчок предохранителя.

— Вы там что, все с умом не дружите, у себя в гильдии? — гневно спросил некромант. — Ты видел, что тварь делает с теми, кто намеревается ее убить? Ты видел Марту, Рэбела? Зачем тебе это надо вообще?

— О, поверь, у меня есть отлично сформулированные логические подоплеки и список достойных мотивов, специально для таких, как ты, чтобы зачитывать их перед тем, как таких, как ты, убивать, — ответил Зорея Катх. — А для твари... порешить Драконьего Бога — мой долг. И твой долг. Хотя тебе, лишенному веры во что бы то ни было, этого не понять. Именно за этот призрачный шанс умерли все остальные. Они привели нас к ней. К итогу, к тому необходимому, что нужно сделать, чтобы дальше быть.

— Слушай, а это не ты тот чтец-психопат, о котором говорил Руди? — задумчиво осведомился Камориль.

У Зореи дернулся глаз.

— Ага, — смекнул Камориль.

— Так. Вы — идите вперед. Держи пацана за руку, ты, бледное отродье.

— Кто бы говорил! — возмутился некромант.

— Давай, выполняй. Дернешься — получишь пулю меж лопаток. Я не шучу. Ни разу не шучу. Мне будет приятно это сделать. Ты бы знал как.

Камориль взял Марика за руку и быстро глянул тому в глаза. Ребенок был на удивление спокоен.

— Да уж догадываюсь, — ответил Камориль Зорее. — Куда идти-то?

— Туда, по тропе.

Камориль, ведя Марика за руку, пошел, куда сказано. Тропка была хоженная и достаточно широкая для того, чтобы идти по ней вдвоем с ребенком. Зорея ступал позади них, позвякивая чем-то.

— Слушай, чтец, — обратился к нему Камориль через некоторое время. — А чем ты собираешься убивать Мертварь в этот раз?

— Заткнись, — ответил Зорея Катх.

— Ну там... у меня вот есть три ребра, и я могу создать призрачные лезвия — отлично режут, но недолго горят. А у тебя что припасено за пазухой на этот счет?

— Закройся, ты, пожиратель трупов, — был ответ.

Камориль хмыкнул.

— Я не в первый раз встречаюсь с дискриминацией из-за моей профессии, но чтобы так...

— Наслаждайся, трупоед. У тебя на это теперь есть целая жизнь: время от сего момента и до того, как Мертварь оторвет тебе голову.

— Судя по почерку, Мертварь убьет меня как-то более изысканно, — ответил Камориль. Почувствовал, что мальчишка сжимает ладошку. Добавил: — Если убьет.

Через несколько минут, что они прошагали молча, Камориль почувствовал что-то... необъяснимое. Сначала у него нестерпимо заболела голова. Потом ему привиделся как будто бы след от топора — светящаяся белая щель в картинке мира. Камориль схватился за голову, с трудом удерживая равновесие. Странные ощущения отступили, как будто их не было, так же неожиданно.

— Что это было? — Камориль, тяжело дыша, обернулся к Зорее Катху.

— Я пытался проникнуть тебе в голову, — ответил чтец без каких-либо следов сожаления.

— И как?.. — опешив, спросил Камориль.

— Никак. У тебя слишком тугая башка и маленький мозг, чтобы вместить туда второй разум. Разум вообще, — поправился чтец.

— Не пугайся, — произнес Марик, дернув Камориль за край куртки. — Он просто не смог к тебе пробиться. Раз первый раз не смог, то больше не сможет.

— Успокоил, — сглотнул Камориль, — спасибо. Ну и... ну.

Зорей снова красноречиво наставил на некроманта пистолет. Тот обернулся и пошел дальше, потирая виски. Опыт был и правда... необычный. Вот, значит, как оно ощущается, когда чтец пытается пролезть в мозг бодрствующего человека... Он как будто бы вспарывает какую-то защиту, и в дыру эту и просачивается — если у него выходит. Вот же... Тварь. Точно. Этот чтец и есть самая настоящая тварь. Видать, что-то там в голове у этого Катха перемкнуло, раз его принципиальность и высокоморальность, которыми обязан обладать каждый чтец, обернулись таким боком. И, вероятно, именно поэтому его, как отброс, и швырнули на Мертварь. Может, он хочет доказать, что все еще достоин быть в гильдии? И именно поэтому пошел на верную смерть?

Да уж, чтецы не зря обучают свою молодежь иначе, чем все остальные маги. Камориль рассмеялся про себя. Ведь если подумать, проводя юность и детство в закрытых лицах за высокими стенами, тяжело отрастить себе нормальную, здоровую психику. Процент психов среди чтецов, вероятно, высок, как нигде.

Марик поглядывал на Камориль снизу вверх очень заинтересованно.

— Что?.. — спросил некромант.

— Ты странный такой, — ответил мальчишка. — И страшно, и интересно. У меня в книжках и в поликлинике люди другие внутри.

Камориль глубоко вздохнул, приняв наконец полностью тот факт, что этой ночью никого нормального на побережье нет. И этот мальчишка — не исключение. И его прикосновение, конечно же, так же опасно, как прикосновение любого другого мага. "Стоит начать носить перчатки", — подумал Камориль.

Они уже вышли из леса, в который было снова спустились, продвигаясь к берегу. Теперь их путь лежал вдоль высокого, потенциально опасного оползневого обрыва, тянувшегося вдоль широкой прибрежной полосы. Безлунную ночь то и дело пронизывали черные тени — то ли летучие мыши, то ли какие-то ночные птицы. Безумно громко стрекотали сверчки, не

боясь никого и ничего. Двигаясь по этой высокой тропе можно было разглядеть берег на много километров вперед, вплоть до того места, где он заворачивался в мыс, высокий, с естественной аркой в теле скалы, под которой смело могли бы проплыть и лодка, и небольшой катерок. Полоса песка у самой воды была широкой и пологой — метров сто в ширину, не меньше. Но спуститься к ней покуда не представлялось возможным. Только вдалеке, на полпути к мысу, можно было различить зигзагообразные тропки, соединяющие песчаный берег и многослойные, выщербленные уступы, по которым петляла пешеходная тропа.

С этой высоты было легко заметить черную дыру в реальности, темнеющую бесформенной кляксой ближе к мысу. Вокруг нее, подчеркивая ее черноту, расплзалось, мерцая, жидкое золото, стекая в море и бледнея по мере того, как смешивалось с соленой водой.

— ...Ты мне потом расскажи, о чем тоскует черный океан огромной синевой душой... — произнес Камориль тихо, практически про себя, и ветер унес его слова далеко. Некромант пожалел, что не может сейчас вспомнить всей песни целиком.

Зоря Катх ткнул его пистолетом в спину.

— Чего встал? Иди давай.

— Да вот, восхитился красотой природы, — хмыкнул некромант. — Кстати, ты можешь спрятать свою игрушку, я уже понял, что ты нас так просто не отпустишь и всячески убьешь, вдруг что.

— Еще чего, — ответил Зоря.

— Ну, ты же забрал у меня пистолет, что я тебе сделаю?

— От тебя можно ждать чего угодно. И именно ты пойдешь и отрубишь твари оставшиеся три головы.

Камориль не сразу ответил, замешкавшись. Но потом проговорил:

— Да, конечно. Пускай это буду именно я.

Никаких трех голов у твари не было.

Через некоторое время, уже на подходе к тропкам, по которым можно было спуститься вниз, Камориль спросил у чтеца, не надеясь, впрочем, на какой-либо адекватный ответ:

— То есть, ты предполагаешь никак не таиться и... прямо вот так, запросто, по берегу подойти к Драконьему Богу и... отрубить ему три его головы?

— Да.

— А если я не справлюсь? Что если я... — Камориль хотел сказать "взорвусь", но, глянув на Марику, решил сгладить угол, — так же точно закончу, как чернышеры?

— У меня два пистолета и пара гранат.

— На магию свою, стало быть, не надеешься? — хмыкнул некромант, начав спуск вниз.

Чтец долго молчал. Камориль показалось это странным: судя по прошлым диалогам, Зоря был горазд огрызаться самым примитивнейшим образом. Но Катх все же заговорил — минуты через две, когда они уже наполовину спустились к берегу:

— Тут кончается магия. Тут начинается мистика.

Здесь с Зореей было не поспорить. Происходило что-то и вправду странное.

Летняя ночь, кажущаяся бесконечной, пылала над головой тысячей тысяч звезд. Море вздымалось шумно, ласково, как будто бы признаваясь в том, что нет в нем ничего страшного, что самое опасное и ужасное, что могло бы в нем быть, сейчас лежит на берегу, похожее на выбросившегося кита, вздымаясь черными гладкими телесами над бархатным песком.

Трое магов — Камориль с Мариком впереди, а Зорья Катх сразу за ними — подошли к исполинской туше достаточно близко. Ближе, чем те из поглощающих, что не успели даже выстрелить там, у Сестрицына Зуба.

Камориль расстегнул куртку и вынул из-за пазухи замотанные в тряпье реберные кости, понукаемый тяжелым взглядом Зорьи и снятым с предохранителя оружием в руках чтеца. Некромант стащил с себя куртку и бросил на песок. Потом размотал тряпки, выбрал самую длинную кость (на ней еще оставалось мясо, но это делу не мешало), остальные тоже выбросил. По привычке, от которой стремился избавиться, начал читать заклятие, сбился, выругался. Сосредоточился, взял кость двумя руками и сломал посередине. Сложенные вместе две половины кости явили на сломе мягко мерцающее жало, похожее на пламя газовой горелки. Это было не слишком удачное и довольно жалкое призрачное лезвие — но уж, какое вышло.

Камориль обернулся глянуть на Марика и мельком на Зорью.

— Давай, иди, — отрывисто скомандовал чтец. — Я прослежу, чтобы ты выполнил свой долг и не сбежал, как в прошлый раз, дезертир. Помни: здесь тебя ждет только пуля в лоб. А там — твое наследие.

Камориль ничего не ответил, только цыкнул, покачав головой. Вздохнул. Опомнился, подмигнул мальчишке-одуванчику и, развернувшись и держа призрачный клинок наготове, двинулся к огромной туше, что теперь загораживала горизонт.

Идти по вязкому, сухому песку было сложно. Удобная, рифленая подошва сапог отлично помогала в горах, но здесь — нет. Камориль шел немного наискось относительно берега, решив проделать остаток пути по песку, смоченному водой — он должен был быть крепче.

Туша зверя становилась все ближе. Камориль смог отчетливо рассмотреть, как из множества отверстий в теле Драконьего Бога стекает золотая кровь. Сколько ж ее в нем? Сколько еще времени пройдет, прежде чем она вся вытечет?

Ветер дул прямо в лицо, принося иногда соленые, холодные брызги. Камориль видел, что тварь дышит и иногда дергается. Когда чудовище дергалось, его телеса тряслись, а золотая кровь начинала выходить толчками.

Камориль не видел у твари никакой головы.

Точнее, он видел гигантский зубастый рот, вросший прямо в тушу, и россыпь бугорков тут и там, которые, возможно, могли бы быть глазами, — но если и так, то сейчас они оказались закрыты.

До Мертвари оставалось десять метров. Камориль был все еще жив. Он быстро и неглубоко дышал, слышал, как бьется его собственное сердце, и ощущал, что жив, пожалуй, наиболее четко чем когда-либо за все свои двадцать лет, которые были не то чтоб самыми мирными и спокойными из возможных. Через пару шагов он наступил на песок, пропитанный сияющей кровью чудовища. И все еще остался жив.

Ветер трепал его серую форменную майку и пытался распутать завязки мешочков с костяной дробью и гадальными костяшками. Ветер охлаждал шею и затылок, ставя волосы дыбом.

Камориль перехватил реберные кости поудобней.

До гладкого черного бока, омытого жидким золотом, оставалось два метра. Или три широких шага.

И когда Камориль сделал два из них, все множество бугорков на туше чудовища раскрылось, расцвело сияющими золотыми глазами. Все они, как один, уставились на Камориль не моргая.

Некромант сглотнул. Потом, не выбрасывая костей, отозвал призрачное лезвие. Реберные кости, которыми его вызывал, заправил за ремень. Камориль понял, что он эту тварь не убьет. Ее никто не убьет. И сама она не умрет, даже если... даже если захочет умереть. Это существо совсем другого порядка. Такое два раза в жизни не встретить. Это что-то вовсе из ряда вон, и гадальные кости не вращали, возможно, единственный раз за всю историю своего существования.

Некромант, высоко подняв подбородок и, простившись мысленно со всем, что было ему дорого, сделал свой первый последний шаг, протянул руку и коснулся черного, гладкого бока твари.

А потом оказалось, что никакой твари нет. Как будто бы огромная черная туша была миражом или... зеркалом.

Перед некромантом раскинулся все тот же широкий, пологий берег и далекий мыс с естественной аркой в середине скалы, но твари здесь не было. Камориль стремглав обернулся — и не увидел за собой ни мальчика, ни чтеца. Но потом он посмотрел на небо и увидел, что над горизонтом поднимается алый щербатый месяц. Месяц плыл по небу быстро, как будто бы полчаса проходило для него за одну секунду. Месяц выбрался на середину неба и так же торопливо скрылся на западе, нырнув за острый мысов хребет. Звезды были неподвижны, ночь и не думала кончаться.

Камориль растерянно обернулся вокруг себя. Он не мог понять, что происходит. Где тварь? Где чтец и мальчик? Может быть, он уже... умер?

На востоке снова появился тот же самый алый месяц и стал забираться на небо еще быстрее. Он пролетел над головой некроманта стремительно, как комета. Снова нырнул за мыс на западе. Камориль обернулся на восток: красный серп теперь мелькал над морем быстро-быстро, как будто бы множество раз за секунду проходя одну и ту же точку. Как будто это кадр из кино. В конце концов, месяц повис в одной точке, подрагивая и слегка смазываясь, а потом застыл недвижно, как обычно и приличествует ночному светилу.

Камориль снова обернулся и увидел вдалеке, возле арки, какой-то свет. Присмотревшись, некромант различил человеческий силуэт.

Силуэт слегка расплывался, как оптическая иллюзия. Камориль, взглянув на месяц еще раз (он вовсе перестал дергаться, разве что был красным, как кровь), подумал, что делать нечего. Очевидно, он должен идти за этим... тем... тем существом золотого цвета, что стоит там, вдалеке, на темно-зеленых камнях.

Некромант сделал шаг вперед и тут же оказался на одном из огромных валунов. Справа от него вздымались скалы, на вершинах которых Камориль различил какие-то древние исполинские развалины. Мосты и арки, башни и зубчатые стены застыли черным кружевом между небом и землей, рваными своими силуэтами отбирая место у ярких звезд. Внизу, между камней, об которые разбивались черные, антрацитовые волны, плавали человеческие кости и множество грязных надтреснутых черепов. Чуть дальше на деревянном столбе покачивался фонарь, огонь в котором горел зловещим зеленым светом и чадил так, что вверх поднимался столб черного дыма. Дальше этих фонарей становилось все больше, они

сливались в одну светящуюся полосу, и там же на пределе зрения Камориль различил все ту же золотую фигуру. Некромант примерился и спрыгнул на другой покатый валун, а когда восстановил равновесие и глянул вперед, обнаружил себя стоящим на входе в грот. Обернулся. Сзади было море и какие-то совсем незнакомые горы, высокие и молодые. Альпийский месяц оказался на месте, застыв между двумя острыми горными вершинами, похожими на выгнутые воловьих рога. В гроте, перед входом в который очутился Камориль, было темно, и пройти туда по суше не представлялось возможным. Камориль вошел в воду прямо в сапогах, пожалев о том, что не прихватил с собой какой-нибудь череп. В гулкой пещере было ожидаемо холодно и темно, как в гробу, и он вступил в эту тьму, как в воду нырнул.

Похоже, шутки с перемещением кончились, потому как некроманту пришлось довольно долго идти, разыскивая путь наощупь, пока он, наконец, не вышел к огромному каменному колодцу внутри скалы, посреди которого возвышался полузатопленный остров-башня, сложенный из грубо отесанных валунов, покрытых мхом и едва заметными облупившимися письменами.

Дальнейшее Камориль помнил плохо, отрывками. Он помнил, как нашел в башне ступени с впаянными в них золотунными плитами и поднялся по ним. Как вышел наверх, и увидел того, кому принадлежал светящийся силуэт. Человек (а человек ли?) стоял к Камориль спиной, и до самого пола за ним стелились золотые светящиеся волосы, трепещущие на невидимом ветру, как приличествует лишь рваным призрачным саванам. Камориль знал, что эти волосы мягкие и теплые на ощупь, потому что ему казалось, что он их уже расчесывал, перебирал и заплетал, причем не как обычно, а удивительным множеством собственных рук. Когда это было — сейчас, в прошлом или в будущем — некромант не смог бы сказать.

Камориль не помнил, но знал, что человек обернулся к нему. Камориль не смог бы точно описать черты увиденного им лица, но кое-что врезалось в память крепко: глаза у золотого видения были нечеловеческие, зрачки горели слепящим белым, а кожа напоминала отполированную бронзу. Тем не менее светящийся человек не был похож на металлическое изваяние: все в нем было живым и дышащим, движущимся и пульсирующим. Одежды на нем не было, но его как будто бы окружало пламя, в которое он и сам превращался то целиком, то лишь какой-то своей частью.

Некромант пребывал в ощущении того, что сам рассыпается на множество разных сущностей, что он находится сразу в огромном числе миров. Вот частью себя он стоит в каменном колодце на вершине полуразрушенной башни, при этом пребывая сразу и здесь, и еще в триллионе незнакомых мест. Другой же частью своей сущности он плавится в мягких объятиях огня, которые почему-то не сжигают его, но дарят тепло и тягучую, до дрожи сладостную негу, пронизывая целиком его тело, и насквозь, как рентгеновский луч, просвечивая душу. Камориль чувствовал горячие поцелуи на своей шее, в то время как светящийся золотой демон смотрел ему прямо в глаза, стоя напротив недвижно и прямо. Человеческая оболочка демона мерцала, проявляясь то огромным золотым драконом, то маленький птичкой — соколом, то обращаясь женщиной с длинными волосами, то становясь высоким мужчиной-воином с луком и ростовым щитом.

— Отпусти меня, чудо... зверь, — произнес Камориль, не веря сам себе. Как же можно у этого существа такое просить? Куда же от него бежать? Зачем?..

Но ответа он не получил. Или получил, но не запомнил? А может быть, ответ был выгравирован, вытравлен этим огнем где-то на изнанке его души, — но кто ж, кроме

золотого демона, это ведает.

И демон сказал слова, и они изменили все. Спорить с ним никто бы не смог и даже не помыслил бы.

Последнее, что Камориль запомнил о той встрече — это слепящий взгляд белых светящихся глаз, ощущение осмысленности бытия, ценности себя самого, невероятный экстаз замершего во времени полета и... голос, не похожий ни на что, но воплощающий в себе одновременно шепот моря, рев бури и звон расколотых бронзовых колоколов.

И то, что голос этот сказал ему, было предостережением, повелением и пророчеством.

В следующий миг Камориль упал в воду. Было совсем не глубоко, воды оказалось по щиколотку, просто у некроманта подкосились ноги и он неуклюже шлепнулся на мелководе, успев подставить руки и оттого не повалившись на песчаное дно навзничь. Но вода была какая-то... Камориль моргнул. Да, вода была золотая и непрозрачная, и она светилась... светилась, как кровь Драконьего Бога.

Камориль поднялся с четверенек и увидел, как огромная туша Чуди тает, проливаясь в море золотой водой. Черная кожа, изрытая дырами от пуль, истончается, становясь прозрачной, а потом и вовсе опадает влажными рваными лоскутами и теряется в золотом потоке. По сияющей воде прошла волна, окатив Камориль кровью существа по пояс.

А потом Камориль увидел там, где раньше была Мертварь, зверя.

Нового зверя, невиданного. Что-то в нем было человеческое, но этого человеческого было сейчас мало, очень мало. Зверь стоял на четырех лапах и бил по золотой воде длинным гибким хвостом, производя тучу сияющих брызг. Зверь был высок в холке — метра полтора, не меньше. В отсветах золота Камориль разглядел, что кожи у зверя как будто бы нет — или то такой особый раскрас, но некроманту все равно казалось, будто бы тварь вся покрыта выпуклыми красно-фиолетово-черными мышцами, вздувшимися опасными буграми на широких плечах. Тварь повела головой и совсем по-человечески встряхнула плечами, делая шаг навстречу Камориль. Затем зверь издал рык, плотоядный, не предвещающий ничего хорошего любому, кто встанет на пути.

Камориль потянулся за реберными костями, которые, по идее, должны были быть заткнутыми за пояс. Кости там были, но в этот момент тварь прыгнула прямо на него, и некромант каким-то чудом сумел уклониться, хоть и упал от этого в воду, не удержав равновесия. Тварь вывернулась, ловко перегруппировалась и прыгнула снова, но тут случилось кое-что еще.

Плечо твари, устремившейся прямо на Камориль, пронзило что-то длинное, темное и острое. Камориль с ужасом обнаружил, что тварь напоролась на конец вытянутой, суставчатой паучьей ноги, подобный тонкому лезвию. Педипальпа росла откуда-то из его собственного туловища, стремительно, неудержимо. Ужасная боль прокатилась по всему телу некроманта, когда из другого его бока полезла вторая паучья лапа, а потом их оказалось еще несколько, и этот процесс поверг Камориль в настоящий шок.

Он видел себя как будто бы со стороны. Видел, как тварь, появившаяся на месте Чуди, отрывает с мясом ту его ногу, на которую напоролась. Как он сам встает, — но не на ноги, а на несколько из новоприобретенных паучьих конечностей, поднимаясь плавно и устрашающе, и оказывается выше этого обросшего мышцами хищного хвостатого существа более чем в половину. Как нападает на него самоотреченно, борется, давит, режет и рвет, пытается твари не уступать и не уступает. Тварь, юркая и сильная, разбегается, взмывает в воздух, отталкиваясь от песка, и с высоты набрасывается на преображенного Камориль,

пытаясь дотянуться своими острыми когтями до нежного незащищенного горла некроманта. Камориль блокирует этот бросок, отталкивает тварь, пригибается и производит тремя длинными паучьими ногами удар, похожий на то, как серп косит траву, но тройной, так, что второе и третье лезвия проходят в том же месте через долю секунды после первого, — и тем самым сбивает существо с ног. Тварь падает на спину, бьет по светящемуся золоту мощным хвостом, пробуя тут же встать, но Камориль делает рывок вперед, и лезвие на одной из педипальп снова пронзает твари плечо. Камориль устремляется вперед и протыкает второе плечо существа, и острия, войдя глубоко в песок, фиксируют зверя на мелководье.

Существо в руках-пальцах-паучьих ногах Камориль дергается, рычит и, кажется, иногда извергает проклятья на человеческом языке. Оно щелкает клыкастой пастью, смотрит яростно, брыкается, извивается, молотит по воде хвостом, как плетью.

Но паучьих ног больше. Они фиксируют тварь намертво, впиваясь в плечи, пронзая одно за другим запястья, голени и зафиксировав в итоге даже опасный гибкий хвост.

Камориль осознал, что смотрит на существо сверху вниз, скрутив его и обездвигив, и есть в этом что-то очень правильное для того, кем он является. Как будто бы он наконец делает то, для чего предназначен. Некроманта изнутри, бурля и пенясь, переполняло пьянящее торжество и дикая, совершенно ему незнакомая, сводящая с ума жажда, очень похожая на голод, или голод, неотличимый от жажды. В тот момент он с большим трудом удерживал себя от того, чтобы инстинктивно впиться твари в горло, в шею, в мягкое горячее мясо.

Плененное существо было сильным. Оно было невероятно живым, тяжелым, настоящим.

Камориль хотелось заполучить это все себе, сохранить внутри эту яростную красоту, обладать ею, лелеять ее и чувствовать биение этой жизни так долго, как только будет возможно. Некромант хотел попробовать руками, пальцами, каково существо наощупь, увидеть все, на что эта тварь способна, услышать каждый нюанс этого странного полужвериного голоса, будь то рык, крик, шепот или, может быть, стон.

В зверином оскале твари, что билась не унимаясь под Камориль, проступало что-то человеческое, а в рыке — что-то все больше похожее на отчаянный, дикий плач.

Камориль повернул голову вбок и увидел, что рядом стоит Зорея Катх и маленький светловолосый мальчик. Золотое море дышало им в щиколотки, накатываясь мелкими волнами. Эти же волны ласкали яростно дергающуюся тварь, которая все еще не смирилась со своей участью и продолжала попытки вырваться из смертельных объятий впервые в жизни обратившегося Камориль.

Зорея Катх смотрел на все это бесстрастным, блеклым взором утопленника.

— Давай. Делай, что должно, — сказал ему Камориль, и голос некроманта показался ему самому шипением змеи.

Зорея подошел к зафиксированной твари и положил той ладонь на лоб. Не сразу. Сразу у него не вышло, — тварь пыталась голову отдернуть. Но два острия, воткнутое в песок с обеих сторон от головы зверя, помогли.

Зорея положил на лоб существа обе руки и, прикрыв веки, стал читать заклятие.

Заклятие не должно было работать... Четыре года как не работало ни одно произносимое вслух волшебство. Но маг бы почувал это с ходу. А Зорея продолжал нараспев произносить древние слова, значения которых порою было не сыскать в самых ветхих словарях; он то монотонно бубнил что-то из одних согласных, то выдавал очередь шипящих и сонорных звуков, то затягивал низкую песню без слов.

Зверь дергался все меньше. Лицо его медленно, плавно, как тает догорая свеча, преображалось и становилось все более человеческим.

Камориль сверху вглядывался в это лицо, изучал причудливые черты, пытался понять — кто это или что это такое, хотя уже догадался, конечно, что на выходе из этого чудовища, скорее всего, получится человек, жалкий и голый.

Некроманта немного беспокоил только тот факт, что с обращением твари в человека его собственные странные желания почему-то никуда не исчезают. Даже, пожалуй, наоборот — и это было довольно... обескураживающе.

Через несколько долгих, как жизнь, секунд, на преображенном лице существа открылись глаза — дикие, зеленые, сумасшедшие. Зверь, ставший человеком, облизал сухие губы и произнес, глядя куда-то вверх, мимо Камориль:

— Я хочу забыть кое-что еще. Довольно много чего еще.

Некромант стал вытаскивать из него острые лезвия педипальп, одно за другим. На еще не до конца обратившемся теле оставались глубокие раны, из которых шла совершенно обыкновенная, красная человеческая кровь.

Зорья все так же держал ладони на его лбу. Камориль отступил на шаг.

Марик, до этого мявшийся в стороне, глянул на Камориль, все еще возвышающегося на своих паучьих ногах, вопросительно. Камориль развел руками, мол, — делай как знаешь.

Мальчишка подошел к голому человеку на песке (вода уже отступила, и остался только золотистый песок) и коснулся одной из ран у того на плече.

А потом Камориль стало выворачивать наизнанку. Было б чем. Тем не менее вышло так, что он отвлекся и некоторое время и не видел, что там происходит с человеческим ребенком Драконьего Бога (как он про себя успел окрестить зеленоглазого). Множество паучьих ног перестало слушаться некроманта. Чуждые суставчатые конечности начали подкашиваться и слабеть. Камориль коснулся земли ногами, которые тоже отказались нормально повиноваться, так что он упал на колени. Голова кружилась, что-то внутри переворачивалось, как маховик центрифуги, и некроманту казалось, что вот сейчас-то он и помрет, вот так вот глупо и некрасиво, будто бы от банальнейшего несварения желудка.

Постепенно мир перестал качаться и вальсировать. Обнаружив, что снова похож на человека, по крайней мере, количеством рук, Камориль в который раз заставил себя подняться. Ночь стала темней — золото почти полностью растворилось, впиталось в песок или ушло в море, — а того алого месяца как не было, так и нет.

Камориль подошел, прихрамывая, к телу на песке. Марик сидел рядом и держал обе ладони над правым плечом спящего человека. Левое плечо красовалось огромным уродливым шрамом. Камориль улыбнулся: видимо, юный целитель заштопал рану, как смог. Однако же для такого молодого мага у мальчишки выходило достаточно ловко и быстро. Пожалуй, даже слишком быстро. Видимо, Константин талант приемыша недооценил.

Зорья Катх никуда не ушел. Чтец что-то чинил на коленке, сидя на плоском камне неподалеку. Камориль снова повернулся к Марику и спросил:

— Ну? И что ты скажешь... о нем?

Мальчик, не убирая рук с правого плеча спящего, ответил задумчиво:

— Он тоже странный. И очень плотный. Внутри какой-то другой тоже, — потом мальчишка поднял глаза на Камориль. — А ты, выходит, паук? Ты убил дракона? Чтец сказал, что долг исполнен.

Камориль, прищурившись, глянул в сторону Зореи.

— Исполнен, говоришь? М-да. Ситуация, конечно... И, да. Я — паук. Частично. Правда оказалось, что я намного больше паук, чем казалось. А насчет дракона... Я не буду тебе врать: я не знаю, что вообще произошло. Но задание мы свое выполнили — это факт. Чуди, какой была, больше нет.

— Значит, мы сможем вернуться домой?

— Ну да, — Камориль присел рядом с Мариком, вглядываясь в лицо спящего. — И этого с собой возьмем. О, — Камориль обнаружил острые уши "потерпевшего", — это еще что такое?

— Я ж говорю — он странный, — повторил Марик. — У него там и мышцы есть, чтобы ими двигать. Я себе тоже такие хочу, — потом мальчик ловко ухватил верхнюю губу спящего и потянул вверх: — И вот еще, смотри, какие у него зубы.

Камориль оценил.

— Экий он... и как ты с ним... как с хомяком. Ну так... ты, значит, заштопаешь его?.. — уточнил Камориль неуверенно. — Все с ним... в порядке? В этом плане...

— Ну да, — ответил мальчик. — Сейчас, чуть-чуть там, и там, и все. Но потом он будет много спать.

— Сам, значит, не пойдет?

— Не знаю. Люди, которых я до него лечил, после похожего где-то с неделю лежали... а этот... ну, я не знаю, в общем.

Камориль поднялся и пошел к камню, на котором сидел Зорея. Некромант чуял, что так просто от чтеца не отделаться. Да и неплохо было бы узнать, что там "забывал" зверь...

Зорея Катх поднял взгляд на Камориль. Во взгляде, в котором некромант ожидал увидеть презрение и ненависть, оных почему-то не обнаружилось, и это было странно, даже учитывая общую безэмоциональность, присущую лицу чтеца. В руках у Зореи что-то тускло поблескивало.

Камориль молчал, глядя на чтеца, чтец — тоже.

— И... что это было? — спросил Камориль.

— Что?

— Все... это. Что ты видел? Когда я подошел к Мертвари...

— Ты воткнул ей в глаз свои кости, — ответил чтец, — и она зашлась в агонии. Ты упал — я думал, потонул. Другие две головы стали быстро гнить и как будто бы разлагаться. А потом она лопнула, как надувной шарик с водой. Только это была не вода. По всему берегу растеклись зловонные внутренности, похожие на вздутых змей кишки и полусгнившие ошметки, в общем, какая-то биологическая, мерзко воняющая каша.

— А этот? — Камориль кивнул в сторону тела на песке.

— Этот нашелся во вспоротом брюхе Чуди, еще живой.

— Вот как, — произнес Камориль. — А что ты с ним сделал?

— У парнишки был шок, — ответил Зорея, продолжая теревить в руках что-то блестящее. — Он помнил, как Мертварь его сожрала, и помнил, как он был внутри... не понимаю, как ему удалось выжить, но — тем не менее. Он попросил меня помочь ему забыть это все.

— И ты помог?

— Да, конечно. Это мой долг, как чтеца, — позволить человеку умереть спокойным и счастливым.

— Умереть? — Камориль еще раз, на всякий случай, оглянулся на Марика и ушастого на

песке.

— Ты ж некромант. Разве смерть не висит над ним бледным исполином? Очевидно — парень не жилец. Он же наполовину переваренный.

Камориль снова оглянулся. Повернулся к Зорее.

— А что это у тебя?

— Это? — Зорее поднял повыше то, что держал в руках. — Это ожерелье из бусин памяти. В древние времена такие штуки считались ценным атрибутом посвященного чтеца. Их осталось в мире не так уж много, и мне вот выдали один комплект — в числе прочих артефактов, на всякий случай. И, думаю, случай как раз настал, так что теперь каждая бусина хранит ненужные тому человеку воспоминания.

— А что станет с бусинами, если человек умрет? — поинтересовался Камориль.

— Они будут снова пригодны к использованию, — ответил Зорее. — Это вообще очень давнее колдовство. Его практиковали во время древних войн, когда нужно было надежно спрятать от врага информацию и не выдать ее ненароком. Так что — память ими хранится надежно... И вернуть ее, попросту уничтожив ожерелье, никто не сможет. Понимаешь меня?

— Отлично понимаю, — проговорил Камориль, тщательно следя за своими бровями, чтобы те не выдали другого его понимания.

Похоже, Зорее промыл ушастому мозг. Но это у них вышло... взаимно. Иначе, чего это он так легко все рассказывает? Где пистолет? И почему Зорее не пробует их с Мариком порешить?

Еще до того, как вызвать призрачное лезвие и направиться к Чуди, Камориль понял, что даже если вдруг он ее убьет, — ну, мало ли какие чудеса случаются, — останется еще Зорее со своим фанатизмом. И как с ним быть, Камориль не знал. Ведь Зорее пробовал прорваться в мозг неспящего Камориль без его на то согласия, — а это уже одно из тяжелейших преступлений для чтеца. И у Зорее нет оснований думать, что Камориль, вернувшись в гильдию, станет об этом молчать.

— Мне отпустят все грехи, — внезапно сказал Зорее Катх.

— Что, прости?.. — Камориль вернулся в реальность.

— Я говорю, что теперь, если я вернусь, и расскажу, как все было, наш верховный чтец отпустит мне все грехи.

— Вот как...

— Мертварь была предсказана задолго до войны, еще тогда, когда пророки были вхожи в нашу гильдию. Тот, кто убьет зверя — так или иначе — становится кем-то вроде избранного. Ему разрешено в убийстве Чуди использовать все, что угодно. Это сверхзадача. Даже... запрещенное Заповедью Неугомонного Сердца перестает быть наказуемым.

— А почему же сразу, вместо чернодырых, совет гильдий не послал на Мертварь двадцать-сорок чтецов? — не удержался Камориль.

— Так они еще тогда не знали, с чем имеют дело. И пророчества... Сам знаешь, какое к ним отношение у нынешней молодежи.

— Логично, — Камориль решил не спорить. — Так... стало быть, ты передумал меня убивать?

— Ты исполнил свой долг, — ответил Зорее.

— А как же твоя ненависть к некромантам?

— Ты более не некромант. Ты — мой меч, мое копьё. Инструмент, которым был уничтожен Дракони́й Бог. Тебе тоже прощен твой грех.

— Отлично, — Камориль невесело улыбнулся. — Слушай, а давай так... Твое "копье" сломалось в процессе убивания Мертвари. Я, видишь ли, совсем не жажду всемирной славы, особенно такой. Наоборот, хочу, по правде говоря, лечь на дно, зализать раны, создать парочку распутных зомби-девочек и как-то... развеяться. Раз тебе это так важно — будь героем. А ты, в общем-то, уже стал героем.

Зорея поглядел на Камориль как-то иначе. Разумно, что ли. Вменяемо.

— И никому на свете я ничего не должен, — отвечивал он с достоинством.

— Ну вот... Вот, возьми это, — Камориль достал из кармана на поясе флягу с кровью Чуди, — тут э-э... немного потрохов Мертвари. Я еще там, у Сестрицына Зуба, собрал. Предоставишь своим как доказательство смерти твари и потенциальный музейный экспонат. Бери, и... дай мне взамен это ожерелье... бусины памяти, так?

— Зачем тебе?

— Когда этот бедняга окочурится, — а он окочурится, вон уже бледная, скуластая, с волосами до пят над ним витает, ты разве не видишь, нет? — я похороню их вместе с ним. Вот прям пойду и закопаю. Все же, он тоже является частью легенды об убийстве Мертвари. Мы должны оказать ему эту последнюю честь.

— Ну что ж. Не вижу ничего в этом мерзкого, да и обмен справедлив. Держи, — Зорея протянул Камориль цепочку с бусинами и принял из рук некроманта флягу. — Я тебя не забуду, некромант. Когда Потерянный найдется и станет судить каждого по чистоте его души — тогда жди от него прощения, ведь ты помог очистить родную землю от мерзкого порождения порченных внешних миров.

— Да уж, — поджал губы Камориль, — я такой. Ну, я пойду, пожалуй. Ты же... не выстрелишь мне в спину, да? Может, ты вернешь мне и мой пистолет, заодно?

— Ты оскорбляешь меня своим неверием. Я мог тысячу раз изрешетить тебя пулями, пока ты там в грязной воде валялся без памяти, а я помогал пострадавшему...

— Хорошо-хорошо. Я все понял, — Камориль, неопределенно махнув рукой, развернулся и направился к Марику и "пострадавшему".

По пути он пару раз оглянулся, чтобы увидеть, как Зорея встает с камня, прячет флягу в карман камуфляжной куртки и не оборачиваясь отправляется прочь от мыса, на восток. Провожая Зорею взглядом, Камориль заметил, что небо светлеет. Зорея, выходит, уходил в рассвет.

Камориль понадеялся, что все так и станет: Зорея вернется к своим, будет прощен за все свои грехи, а о нем, Марике и таинственном ушастом "пострадавшем" забудет, и, может, примется исполнять какой еще святой долг.

С Камориль же долгов было достаточно.

Некромант подошел ближе к двум оставшимся на берегу очевидцам произошедшего. Марик заканчивал с раной на левой ноге абсолютно голого мужчины.

— Ну что? — спросил некромант.

— Он очень странный! — ответил мальчик. — Он почти уже здоровый! Это... ну очень быстро! А чтец ушел, да?

— И мы сейчас пойдем, — кивнул Камориль. — Только нам дольше идти придется: этот Зорея, будь он неладен, заберет, скорее всего, лодку.

— А там что, одна всего лодочка? А как бы мы все вместе на ней уместились?

— Так не с веслами же лодка, — улыбнулся Камориль. — Мы с тобой пойдем на запад... обогнем вот этот мыс, там будет подряд пять бухт, — пройдем поверху, и дальше

уже будет видно одно из прибрежных сел. А там к кому-нибудь пристанем из частников и, думаю, сумеем добраться до города.

— А с ним как? — спросил мальчик.

Камориль снял с себя порванную в нескольких местах серую майку, и, растянув ее в руках, произнес:

— В юбочке походит! Буди!

— Ах вот почему мне пришлось тащиться через всю ту деревню полуголым и ловить на себе удивленные взгляды краснеющих старушек, — протянул Мйар.

Камориль всплеснул руками.

— Как будто бы те старушки голых мужиков в жизни не видели! Стало быть, их что-то другое в тебе смутило... — потом осекся. — Стоп. Это все, что тебя заинтересовало в моем рассказе?..

Мйар не знал, что сказать. Подумав, все же вымолвил:

— Ну, мне кажется, что я должен... тебя... вас поблагодарить, ребята. Вы спасли меня от этой страшной Мертвари...

— Кажется, он не понял, — произнес Эль-Марко, лениво помешивая остывший чай. — Или делает вид, что не понял.

— Я тоже кое-чего не поняла, — произнесла Мари. — Я тут кое-что посчитала на салфетках... — Мари запнулась. — Ну...

— Смелей-смелей, что там ты насчитала? — подбодрил ее Камориль, глядя заинтересованно.

— В общем... — Мари справилась с собой. — Учитывая дату окончания войны, выходит... Что вам, Камориль, шестьдесят, а тебе, Эль-Марко, тридцать семь лет, — Мари говорила все более тихим голосом, и "семь лет" прозвучало почти не слышно. — Вот.

Эль-Марко вздохнул и сказал успокаивающе:

— Я тебе потом как-нибудь это все подробно объясню. Я же целитель... Это у меня в крови. А сейчас все в порядке, переходить на "вы" не надо, и... ну...

— Это все, что ты насчитала интересного? — осведомился Камориль.

— Нет, — ответила Мари. И спросила чуть более уверенно: — Еще... еще мне немного непонятно, как... то есть, если отец Николы погиб тогда, у пика Сестрицын Зуб, то как Никола могла родиться через четырнадцать лет после его смерти? Или ей тоже намного больше? Может, она в...

— Нет, мы не вампиры, — ответил Камориль, — никто из нас не вампир. Про Константина и Николу — это тоже отдельная история, я тебе как-нибудь расскажу, что знаю, хоть тут у нас опять все мутно и уверенности нет... Но если вкратце, то именно из-за этого Константин Рэбел сунулся на ту охоту, — Никола и ее мать были его причиной.

Никс же уже давно спала, свернувшись клубком в углу кухонного дивана.

Как и в давешнем рассказе Камориль, за разбитыми кухонными окнами едва-едва начинал просыпаться рассвет, все еще очень молодой. Чай наливали в пятый раз, а абсент давным-давно кончился и был заменен карамельным ликером.

— Ну, в общем, понятно, — произнес Мйар. — Этот Зорей проявился и решил, что налажал, и Камориль стоит все-таки найти и убить.

— Нет, не думаю, — некромант покачал головой. — То есть... меня он решил стукнуть заодно. Но если он что и понял, — так это то, что его Мертварь жива, и ходит по земле, и пьет с нами чай, вот прямо сейчас.

— То есть, ты хочешь сказать... — медленно поговорил Мйар, — что... Ну да, да, ты же так с самого начала и сказал... но я заслушался и перестал как-то себя ассоциировать с этим

монстром, которого ты описал... Но ведь... Ох ты ж... Мне кажется, мне надо пойти и немного все это обдумать, посидеть в душике одному, взвесить все "за" и "против"...

— Никуда ты не пойдешь, — устало, но твердо произнес Камориль. — По крайней мере, не сейчас.

— Но как же...

— Можешь истерить, бить посуду, калечить юных дев — твори, что хочешь, но потом, а сейчас мы должны сесть и решить, что нам делать дальше, как найти Зорею, убить его особенно извращенным способом и при этом убедить всех остальных в том, что это он — чокнутый психопат-извращенец, сошедший с ума на старости лет.

— А я вот тоже кое-чего не понял, — произнес Эль-Марко. — Что именно произошло там, в... Мертвари? Этот золотой демон... Что это были за миры, по которым ты гулял? И, кажется, ты о чем-то умолчал, я прав?..

— Мне кажется, это был мир снов или, как его еще называют, морок, — медленно поговорил Камориль. — Там места и события не связаны хронологически, и даже просто логически не связаны... это что-то такое... многомерное, тяжелое для восприятия и смутно годящееся для понимания.

— Мне даже страшно предполагать, о чем он мог умолчать, — Мйар отстраненно покачал головой.

— Когда ты так говоришь, — улыбнулся Камориль, — мне начинает очень нравиться ход твоих мыслей. И если я правильно понимаю, что может тебя пугать, то нет — не было этого. А я понимаю правильно.

Мйар ярсно глянул на Камориль. Некромант расплылся в еще более широкой улыбке.

— Так это вы уже тридцать лет... — проговорила Мари и запнулась.

— ...Знаем друг друга, — подсказал ей некрмант. — Да. Немалый срок. Целая жизнь, а? А как будто вчера было.

— Нет, мне определенно сложно это понять, — призналась девушка, — и в это поверить тоже.

— Ну, давай рассудим, раз уж заговорили, — Камориль все так же загадочно улыбался. — Вот у тебя есть друг или подруга, кого ты знаешь хотя бы десять лет?

— Ну, есть, — произнесла Мари после небольшой заминки.

— И за эти десять лет разве ты этого друга или подругу узнала до конца? Разве все темы обговорила, все истории услышала, обо всем поспорила? А сколько всякого вы пережили вместе? И вот теперь, все это неузнанное и необсужденное, невыраженное и непопробованное приплюсуй к пережитому, вместе съеденному, увиденному и выпитому. И ты получишь тридцать лет.

— Если так рассуждать, то этот срок уже не кажется таким... ужасающим, — согласилась Мари.

— Помню, в мои восемнадцать мне тридцатилетие казалось началом конца, — улыбнулся Эль-Марко.

Мари встрепенулась — вероятно, хотела спросить, откуда взялась цифра "восемнадцать", но передумала.

— Итак, мы отвлеклись, — Камориль оглядел неспящих, собравшихся на кухне. — На повестке дня... ну, все поняли чего на самом деле повестка, — у нас два вопроса: как найти Зорею и как его убить.

— Убить? — переспросила Мари.

— А что ты предлагаешь? — Камориль сделал удивленное лицо. — Может быть... отшлепать?

— Нет, ну... сдать властям каким-нибудь...

— Деточка, ты разве не понимаешь, что этот человек куда-то уволок твою бабушку только за то, что она имела счастье общаться с Мйаром? Тут полумеры не помогут. Ты бабушку найти хочешь или где?

Камориль вопросительно смотрел на Мари, не моргая, а девушка была к его взгляду пока что непривычная, оттого замялась.

— Хочу, — наконец сказала она. — И я попробую найти ее во сне, как только... смогу поспать и... и еще мне свечей надо несколько...

— Свечи я тебе дам, — кивнул Камориль, — но только ты сперва нам расскажи, как ты нас тогда нашла. Когда с велосипеда свалилась.

Мари устало улыбнулась.

— Ох... Это наше, девичье заклятье... называется "Суженого След", — простейшее и наполовину развлекательное... Но я тогда только его одно и колдовала на протяжении трех часов, раз сто подряд, наверное, потому меня в обморок и уложило, как мне теперь кажется. Иначе я вас найти бы не смогла.

— И как оно колдуется? — заинтересовался некромант. — Заметь, я не спрашиваю, на кого из нас ты ворожила!

— Спасибо, я ценю, — улыбнулась Мари. — Колдуется... колдунья вероятностей подбрасывает монетку особым образом. Куда монетка упадет (относительно колдующей) — строго туда надо идти, чтобы, значит, найти суженого. Если монетка падает решкой — надо оставаться на месте, суженый сам тебя найдет. Колдовать не обязательно на мужчину или женщину, к кому вас романтический интерес. Главное, чтобы этот человек был важен, значим и вызывал, соответственно, эмоции.

— Интересно, а кто-нибудь пытался "Следом Суженного" найти Потерянного бога? — задумчиво проговорил Эль-Марко.

— О, это самый веселый момент заклинания, — оживилась Мари. — Если колдунья вероятностей, это заклятие творящая, неверующая — то монетка встает на ребро — почти всегда. А если верующая, то монетка попросту пропадает. Как бы, теряется, — но вероятностные верят, что она на самом деле исчезает, как бы вслед Потерянному.

— А если монетка начинает вращаться волчком? — спросил Камориль.

— Это в любом случае плохой знак, — Мари покачала головой. — Это значит, что суженого лучше не искать — во избежание.

— И это правда работает? — усомнился Эль-Марко.

— Ну, вас же я нашла, — Мари отхлебнула остывшего чая. — Да, понимаю, эта магия очень простая в сравнении с тем, что обычно используете вы, но... она тоже имеет место быть.

— Точно! Все гениальное — просто! — Камориль аж встал со стула. — Значит, так! Мари! Кидай свой "След Суженного" на Зорею. Я пойду, карту поищу и линейку! А потом пойдем куда-нибудь на пару километров отойдем — и снова бросишь!

— Однако вариант, — девушка полезла руками в небольшую сумочку, что носила на ремешке, перекинутой через плечо. Но потом остановилась. — Может, правда, не сработать... Если честно... ну... мне этот Зорея — безразличен.

— После всего того, что ты услышала? — ахнул Камориль.

— Ну, если на каждого дурака обращать внимание — никаких нервов не хватит, — Мари повела плечом. — К тому же, я его не видела, и еще, даже несмотря на все аргументы, мы ведь как бы не уверены, что это именно он... Но я попробую. Может, и сработает. А может, и нет. Я к тому же что-то как-то... очень устала, знаете...

— Так, провозглашаю торжественный отбой, — это со своего стула встал доселе молчавший Мйар. — Разберемся с этим всем завтра. Ну, то есть, сегодня, но хотя бы часов через шесть. Если не сработает гениальный топографический план Камориль — придумаем что-нибудь еще. Я попробую взять след ползучих бестий. Или к секретарше Абеяра пойдем, заглянем ей в рабочий глаз, может, сумеем связаться с этим, судя по всему, лояльным к нам чтецом и у него что-то узнать... Или я пойду к этим вашим чтецам в этот их смешной офис, и пускай пеняют на себя...

— Они все психопаты, Мйар, они не сумеют расстроиться, даже если ты их всех загрызешь, — Камориль покачал головой.

— Ты, — Мйар устремил на некроманта тяжелый взгляд, — давай, устрой, как обещал, в подвале нормально Эль-Марко, Никс и Мари. — Потом Мйар перевел взгляд на Кападастера: — Николу донесешь, не будя?

— Донесу, — кивнул Эль-Марко.

Мйар снова обернулся к Камориль и сказал твердо:

— А потом возвращайся сюда.

— Так точно, — ответил некромант, и в этот раз не понятно было, смеется он или нет.

Ну вот, наконец мне удалось разогнать их всех с кухни.

Камориль — ладно, фиг с ним, паяца из него не выбить ничем, он даже на смертном одре, если такое вдруг произойдет, будет рассказывать басни, напевать лирические частушки и подмигивать особо симпатичным скорбящим обоим полов. Мог же вполне свою историю вместить в три фразы, без всех этих художественных аллегорий и описаний темноты леса, которые "для пущей атмосферности". И мог, на самом деле, при Мари все это не рассказывать. Мне даже кажется, что он, пожалуй, специально это все рассказал именно так, и именно при ней. Зачем?.. Чтобы она получше поняла, с чем и с кем имеет дело?.. И могла, получается, сама решать, нужна ли ей будет вся эта радость после того, как.

Ведь когда-нибудь это все прекратится, и жизнь станет снова спокойной и размеренной.

Хоть я и тот еще олух, но от меня не ускользнула та тонкая, едва заметная перемена, которая произошла в отношениях Эль-Марко и Мари. И, да, это очевидно — отношения. И снова прощай, Мйар.

Не увидеть этого невозможно. Не услышать — да, но когда все так очевидно... Эти прикосновения, которые как бы ненароком, но такие естественные и такие частые... Так юноши касаются девушек, которые им правда нравятся и которых они хотят касаться. Даже такие молчаливые и все из себя загадочные, как Эль-Марко. И все вроде бы логично, и все вроде бы хорошо, — он прикоснулся к ее душе, и что-то пошло так, и все оказалось просто, как и должно быть, когда любовь, стало быть, настоящая. А не такая, как все те эрзацы, которыми судьба потчует меня, как будто бы пробуя то так, то эдак сломить, доказать мне мою чуждость и ненужность. И мне не на что обижаться и нечего им предъявить. И я почему-то принимаю такое положение вещей на удивление спокойно. Может, расстроюсь еще как-нибудь потом. Может, психика сказала "хватит с тебя на эти сутки". А может, я

смогу и порадоваться за них чуть позже, когда станет проще думать, — ведь они оба добрые, хорошие и, в общем-то, не чужие мне люди... Если могут быть люди мне не чужими, в свете эпического повествования Камориль.

Я выплеснул в лицо еще воды и уставился на свое отражение в зеркале.

Пока Камориль презентовал нашим блондинкам один из укромных уголков своего подвала, неудачно стилизованный под пляжный домик, я все же дошел до душа и всячески предался омовению, но не горячей водой, как обычно, а чередуя ее с холодной. Контрастный душ — то, что я не люблю больше тушеных кабачков, — но сейчас он как раз кстати.

Я смотрел на себя — какой я есть, — в который уже раз, и понимал, что, в принципе, давно к себе привык, хоть мне и казалось раньше, что что-то мироздание напутало с душой и ее сосудом. Пожалуй, если б у меня рыжих волос этих не было — я б такие хотел. Это будучи из меня растущими они меня немного смущают, а так... хорошо же, как будто бы тепло всегда и везде с собой, недалеко.

И вот этот я — то ли плод, то ли суть огромной смутно убиваемой твари, способной взрывать мыслью поглощающих, создавать иллюзии и перемещаться скачками сквозь материю и время? Я? Ну нет. Это... в это сложно поверить. Даже учитывая, что Камориль незачем врать. Да, я не человек, но не настолько же... Если все так, как рассказал некромант, то я чужд не только людям, с которыми у меня так странно складываются отношения, но и самому миру... И что же мне с этим делать, если я не старею? Может быть, когда истекут нормальные человеческие лет сто и ничего не изменится, мне попробовать найти себе смерть? Ведь чтобы стать человеком, надо им быть... А что, если у меня, например, какая-нибудь специальная судьба, и это "бессмертие" дано мне не просто так? Ох, ну и мысли. В их свете непреодолимая человеческая смертность как раз и кажется благословением. Этаким последним даром мироздания, лишаящий тебя надобности испуленно решать, быть дальше или нет. Срок, в который все надо успеть. Окончание письма без постскриптума, где, поставив точку, ты можешь вздохнуть и оглядеть написанное как что-то цельное, завершенное, имеющее границы, и в этих границах гармоничное, композиционно уравновешенное.

А жить, не зная, сколько еще тебе мучиться — хотя бы примерно, — это ж ничто иное, как вечная молодость с ее душевными метаниями, неуверенностью и болью. А молодости положено проходить.

И все это замечательно, конечно, но лучше б я обо всем этом не думал.

Я стер остатки запекшейся крови со лба и еще минут пять потратил на то, чтобы отмыть шею и уши. Как-то все остальное легче далось.

И, кстати, в этот раз я отрегенировал скорее, чем обычно. Может, это от того, что в последнее время мне стало чаще прилетать по голове, — а организм взял да и адаптировался.

Конечно, спать после всех этих драк и треволнений хотелось безумно, но у меня был еще один нерешенный вопрос.

Я вернулся на кухню и сел ждать Камориль. Некроманта не было минут десять, потом еще десять, а потом я все же услышал звук шагов со стороны гостиной. Но до кухни шаги так и не добрались.

Я встал со стула, и сам прошел в гостиную, и обнаружил некроманта сидящим на его любимом красном бархатном диване, в этот раз — без сигареты и с видом крайней растерянности. Камориль поднял на меня удивленный взгляд и снова уставился куда-то в

пол.

— Эй, ты чего? — спросил я.

— Лунь, — ответил Камориль.

— Что "Лунь"? Она... м-м, я даже не могу предположить, что с ней могло...

— Пока мы чаевничали, и я глаголил увлекательную историю нашего с тобой знакомства, Лунь стянула портьеры, которые не забрала Вера, и утащила их наверх в одну из незапертых комнат. У меня там кровать под балдахином есть... еще одна, да. Ну и вот, она там свила гнездо и не хочет оттуда уходить.

Я улыбнулся.

— Но это не самое страшное, — продолжил Камориль. — Она... Мйар, она сожрала мою шубу.

Камориль уставился на меня растерянно, очевидно, ища поддержки.

— У тебя... есть шуба? — спросил я не менее удивленно.

— Проклятье, Мйар, почему тебя всегда удивляет какая-нибудь фигня? А ничего, что Лунь, — по сути, моль?

Я встряхнул головой. Присел рядом с Камориль на диван.

— Не расстраивайся, — сказал я. — Точнее... Ты уж, как знаешь, но я б на твоём месте не горевал. В свете более глобальных событий.

— Конечно, "не расстраивайся", — кривляясь, передразнил меня Камориль. — Ещё мне не хватало стойко сносить такие потери! Как эта твоя блондиночка: "...мне безразличен Зорья, ничего я не наколдую!" Мйар, этот мир болен безразличием, бесчувственностью, равнодушием. Мне даже кажется, — ну вот сейчас возьму я все артефакты, что у меня по сейфам распаханы, и пойду людей убивать — и что? Ну, найдут меня поглощающие через дня три, загребут, показательно осудят и показательно казнят, — и кто будет плакать? Кто обо мне вспомнит? Даже учитывая мою достаточно активную общественную жизнь и тот факт, что охочих до некромантского тела есть, — все равно, кто по-настоящему расстроится, Мйар? Разве что Эррата... какая-никакая, а семья. Мне, пожалуй, стоит пересмотреть свое к нему отношение и позвонить в лечебницу, попросить, чтобы ему режим чуть менее жесткий назначили...

— Не дави на жалость, — буркнул я. — Я тоже никому особо-то не нужен.

— Неправда твоя, ты нужен мне, — Камориль произнес это твердо и быстро, не замешкавшись ни на секунду, на меня при этом, правда, не глядя.

Я вздохнул. А потом рассмеялся. Потер лоб одной рукой, отводя упавшие на глаза волосы.

Камориль насторожился. На нем всегда так ярко проступают его эмоции, — ежели они у него случаются, — кожа его подвижное лицо совершенно нещадно, так, что это меня, пожалуй, даже умиляет.

Никак не могу поверить... поверить и осознать: неужели я правда имею над ним эту власть, которую не хочу принимать? Которой я не желал и не просил... А чего он от меня ждет в ответ? Хватит ли ему (в качестве платы за все труды его и заботу) простого телесного контакта? Или, может, он хочет добиться от меня, в конце концов, каких-нибудь возвышенных клятв типа тех, что дают друг другу юные влюбленные мальчики и девочки? Которые, значит, будут свидетельствовать о наличии глубоких и настоящих чувств... Мол, ежели мир безразличием болен, то, может быть, я, явившись откуда-то извне, не таков?

Чего же жизнь тебя ничему не учит, старый ты, глупый некромант, запутавшийся,

потерянный, как и я, не решающийся отбросить все и повзрослеть... Как же ты не понимаешь, что я твоей испепеляющей любви не достоин, не заслуживаю, не потяну, не смогу принять. Попросту не сумею. И не смогу ответить на нее так, как ты того хочешь. Даже если сам этого захочу.

— Я тебя обратно попросил прийти не просто так, — сказал я.

Камориль вздернул брови.

— Излагай.

— Видишь ли... — я помолчал немного, — меня заинтересовала кое-какая, на первый взгляд, малозначимая деталь твоего повествования.

— Ну, я все без утайки рассказал, — сообщил Камориль. — Разве что, лексикон Зореи слегка смягчил, но не думаю, что это может как-то...

Я приобнял его за плечи и потерся носом об его шею под самым ухом.

— Ох ты ж ежик, — вырвалось у вздрогнувшего Камориль.

Движения некроманта стали резкими.

— Расслабься, — сказал я, не отстраняясь, — драка плюс алкоголь, помнишь, да? Рецепт "Доступный Мйар", употреблять горячим, внутрь.

— Рецепт "Верните мне мою недотрогу, сволочи!" или "Кого же мне потом добиваться?", если уж мы шутим на эту тему, — проговорил некромант, таращась на меня искоса, как на больного. — С тобой точно все в порядке?.. Мйар?

Я немного надавил ему на плечи, укладывая на диван. Сам остался сидеть. Стал водить пальцами по его выпуклым острым ключицам, иногда проникая под ворот рубашки и оттягивая ткань вбок. Расстегнул верхнюю и следующую за ней пуговицы.

Сердце у некроманта билось так, что я его прекрасно слышал. Метаболизм ускорился востократ. Он потеплел, весь целиком и отдельными, особо чувствительными местами, и даже стал чуть менее бледным. Но фальшивые руки пока ниоткуда не лезли — ему страшно.

Я стал гладить бешено колотящуюся венку на его шее, а потом провел черту по скуле, сверху вниз. Камориль, как и много дней назад, совершенно по-кошачьи потянулся за моей рукой.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на кота? — спросил я.

— Я и есть кот, — ответил Камориль, запрокидывая подбородок и подставляя моим пальцам нежное горло. — Местами... Ты даже не представляешь, какими именно... Хотя... Хочешь, покажу?

— Пушистостью булок ты меня не удивишь, — я стал почесывать ему за ухом, раз уж такое дело.

— Да ну тебя, я ж вовсе не об этом-м, — произнес Камориль, и эта фраза таки закончилась сладостным полувздохом-полустоном.

— Так вот, о чем я хотел поговорить, — произнес я, продолжая ласкать некроманта правой рукой, впрочем, не опускаясь ниже ключиц и не задевая губ. — Хорошо, предположим, все так и было, а я и был той огромной черной тварью, и потом тоем бешеным хвостатым монстром тоже. Но... скажи мне, какой тогда был месяц?

Камориль посмотрел на меня из-под полуприкрытых век.

— Июль, — сказал он, — самая середина лета.

— Понятно, — проговорил я, проникая под его рубашку левой рукой снизу, нащупывая место слияния хитина и мягкой прохладной кожи. — Середина лета, говоришь...

Некромант выгнулся мне навстречу. Гибкий какой. И правда, частично — кот.

— Эй, Камориль, а что ты делаешь с моими пальцами? Зачем ты берешь их в рот? Я их, конечно, помыл, но облизывать...

Я провел большим пальцем по его влажной нижней губе.

— Ты что, решил поиздеваться надо мной? — спросил Камориль. — У тебя отлично выходит, продолжай.

Я склонился над ним, отнял руку от лица некроманта и провел ладонью по внутренней стороне его бедра.

— Значит, все, чего ты хотел эти тридцать лет, — я прикоснулся к нему там, где он уже стал ненормально горяч в сравнении с обычным своим состоянием, — это чтобы я полюбил тебя?

— Вполне нормальное желание, — Камориль попытался сохранить лицо, но губы его предательски задрожали. — Да что ж ты такое делаешь, демон! Другие вон... хотят приблизить конец мироздания, сообразить геноцид, стать всемирно известными, мира во всем мире и прочее... в сравнении с ними мое желание вполне адекватно и невинно, пожалуй, даже честно...

Я наклонился к нему еще ниже и прошептал на ухо, слегка задевая его губами:

— Ну вот, как раз тут у нас есть небольшая проблема. Видишь ли... Мне кажется, я убил свою прошлую любовь. Сам понимаешь, насмерть.

Камориль резко сел. Рубашка на нем была уже полностью расстегнута, так что он начал ее поспешно застегивать, смотря на меня со смесью недоверия и негодования.

— Я, конечно, люблю классические сюжеты, — сказал он, — но оказаться одним из персонажей средневековой пьесы о любви до гроба я отказываюсь. Если только любовь не на гробу, — уточнил некромант. — Гм. О чем это я. Мйар, о чем это ты! Опомнись, что ты делаешь? Это точно ты? А как же Мари?

— Пропала Мари, как это с ними, юными красивыми девочками, часто бывает, — ответил я. — А со мной все в порядке. Разве что за время пребывания в этом мире я заразился от него этим самым безразличием.

— Но, Мйар... Я ждал того, что не случится никогда... И вот, оно произошло, — и мне не верится. Скажи мне честно, что же с тобой должно было стать, чтобы ты... сам... своими руками... прикоснулся ко мне... так?..

— Просто я подумал, что, может быть, тебе будет приятно.

— А я ведь, между прочим, и обидеться могу, — заявил Камориль.

Я ничего ему не ответил.

— Так кого ты там любил-убил? — все-таки спросил некромант.

— Судя по датам, озвученным тобою и по той информации, что мне предоставила Элви, я... не знаю, в каком я был состоянии, и что было раньше, — убийство или мое обращение этим могущественным существом, на которого ты "охотился," — но что-то подсказывает мне, что это именно я убил Варамиру, бабушку Романа и жену Даньслава. И, исходя из этого, я понимаю, что, вероятно, единственное, что может мне... точнее, нам помочь в этом деле, — это моя память, которую настало время вернуть.

Я поглядел Камориль в глаза, и увидел в них яростное, отчаянное нежелание перемен.

— Я — это только я, — ответил я ему на невысказанный вопрос. — Каким бы ни был. Так что, ежели все те чувства, о которых ты заявлял мне не раз, настоящие — то... для тебя ничего не изменится.

— Ну ладно, ладно... что тебе рассказать про... этого человека? — сжалилась Варамира.

— Почему ты называешь его "этот человек"? — спросил Ромка первое, что пришло в голову.

— Видишь ли, я не умею запомнить его имени, — ответила женщина.

— Его зовут Мйар Вирамайна, — напомнил мальчик. — Мйар Вирамайна Зубоскал.

— Как-как? Можешь не повторять. Это имя просто не укладывается у меня в голове. Как только ты его произносишь — я его начисто забываю. Такие вот издержки... слепого узла.

— Того заклятия, которым дед отрезал тебя от него? — уточнил Роман.

— Нет... завязал. Судьбоплеты не умеют отрезать нитей, — они их только протягивают, перевязывают или, как в нашем случае, завязывают узлом так, чтобы у этой истории не случилось продолжения.

— То есть вы как бы все еще связаны, но между вами "слепой узел"?

— Ну ты же помнишь, что все это — аллегории, и что нужно это видеть, чтобы это понять.

— Угу, — Ромка помолчал. — Так что этот "слепой узел" означает именно? Ты не помнишь его имени...

— Не вижу его и не могу ему ничего сделать. Даже за щеку потрепать...

— Даже если руку твою кто-то к его щеке поднесет?

— Нет, тут произойдет подмена нитей, и моя рука перейдет в другой класс операнд. Но суть такова: это действие никак не зацепит его судьбы и участи напрямую. Может быть — как-то крайне косвенно, а чем более косвенно — тем меньше. По сути, "слепой узел" ограничил судьбу так, что даже возможность непрямого воздействия на этого человека стремится к нулю. То есть, теоретически, что-то придумать можно. Но практически — почти невозможно.

— Но почему при всем при этом ты помнишь о нем, пока он не убежал из лагеря?

— Точно не скажу... Но смотри: это было до "слепого узла" и до окончания войны. Мне даже кажется, что тот, кем он был и тот, кто вернулся с Севера, — разные люди.

— Ага... Ну и тогда, выходит, он тебе тоже ничего не может сделать?..

— Тут все немного сложнее, — ответила Варамира. — Как-то раз он... уже кое-что предпринял. Но я даже не знаю, как бы так тебе об этом рассказать, чтобы не соврать. Давай, кушай кашу. Мы, что ли, зря ни свет ни заря поднялись? Сейчас доешь и двинемся.

— Куда двинемся? — спросил Ромка, покончив с овсянкой. — Пешком?

— Нет, поплывем.

— Так, а куда?

— Увидишь.

— Баб Варя, ты, конечно, хорошая, но почему ты мне ничего не рассказываешь?

— Прости, привычка. Детство и юность у меня были тяжелые — расскажу как-нибудь, скрытность въелась мне в самую кость. А поплывем мы с тобой на Шелковичный остров.

— А там что? — тут же осведомился Ромка.

— Узнаешь, — улыбнулась Варамира.

Большого от нее добиться не удалось. Ромка встал с высокого табурета и отнес тарелку в мойку. Поставил. Задумался.

— Посуду мыть? — крикнул он вслед убежавшей куда-то в другие комнаты Варамире.

— Оставь так! — донесся ее ответ.

Ромка хмыкнул, потер запястьем нос и двинулся наружу.

Дом Варамиры стоял почти на самом берегу. Ромка не видал еще домов, стоящих так близко в воде (лодочные гаражи — не в счет), и ему казалось, что жить в таком — опасно. Здание тем не менее выглядело вполне надежным, в стенах его не наблюдалось трещин, разве что металлический настил крыш кое-где поела ржавчина. Флюгер в виде петуха проворачивался без скрипа. Тут и там у основания дома из песка проглядывали округлые стесанные глыбы, большие, серо-зеленые. Песок здесь был желтый, крупный, и, если посмотреть на просыпающееся солнце, то можно заметить, что песчинки сияют чуть ли не ярче моря, покрытого легкой рябью.

Несильный ветер трепал Ромке челку. А внутри у него рокотал самый настоящий девятый вал. Но он никак этого не показывал. Было нельзя.

Вскоре из дома вышла Варамира, одетая в чуть более практичную одежду, чем при их первой встрече, но все равно брюкам женщина предпочла юбку. За плечом у нее висел спортивный рюкзак. Она захлопнула дверь и повесила на нее навесной замок. Закрывает его. Ключ положила в карман.

— Ну, пошли, — сказала "бабка", обернувшись к Ромке.

Когда Роман поравнялся с ней, Варамира приобняла его за плечо.

— Герои романов уходят в закат, и на том их истории заканчиваются, — сказала она, — а мы с тобой идем в рассвет, а это значит, что наша история еще только начинается.

— Любите вы, взрослые, всю эту лабуду романтическую, — пробурчал Ромка, улыбаясь немного натянуто. — А чего, кстати, на рассвете надо идти?

— Потому что днем будет слишком жарко, — объяснила Варамира.

Они обошли дом со стороны моря, спустились по пологим камням к небольшой заводи. На волнах плавно покачивалась синяя весельная лодка компактных габаритов, то и дело ударяясь об автомобильные шины, прикрепленные к деревянной пристани. Привязана она была желтоватым ветхим канатом к толстой металлической скобе.

— Запрыгивай, — скомандовала Варамира.

Ромка, легко поймав ритм движения лодки, забрался внутрь. Варамира кинула в лодку рюкзак, отвязала трос и, толкнув суденышко в морские объятия, забралась туда сама, лишь слегка замочив подол. Первое время Варамира отталкивала лодку от песчаного дна одним из весел, а потом взяла второе весло, установила оба в крепления и стала грести, иногда оглядываясь и проверяя, происходит ли движение точно на восток.

— А долго до него, до этого Шелковичного острова? — спросил Ромка.

— Часа три, — ответила Варамира.

— Три часа грести? — удивился мальчик.

— Ничего, не заржавею.

Ромка покосился на нее подозрительно.

— Не волнуйся, все в порядке, — успокаивающе произнесла Варамира. — Все как надо.

— Так а... — Ромка замешкался, — может, раз есть время, ты мне таки расскажешь, что помнишь, о "том человеке"?

— Ты хочешь, чтобы я грела и рассказывала?.. — хмыкнула Варамира.

— Ну... Давай я погребу, а ты расскажешь. Пока буду грести — ты будешь рассказывать.

— Договорились, — улыбнулась "бабка". — Сейчас от берега чутка отойдем и поменяемся местами.

Так и сделали.

Варамира относительно долго смотрела куда-то в морскую даль, гнула тонкие пальцы на правой руке, теребила какое-то серебряное кольцо. Ветер дул сбоку, ни на секунду не оставляя в покое ее длинных вьющихся волос, постоянно норовя хлестнуть ими посильнее шею или лицо.

— Нам довелось жить в очень сложном и очень красивом мире, — начала она, — и ты об этом еще узнаешь. Поймешь, так сказать, всю глубину вопроса.

— Да я уже понял, что как-то все неспроста, — хмыкнул Ромка, не прекращая грести.

— Ну да, плохо начала. Стандартно. Не хватает мне смелости прямо взять и начать с важного, с фактов. Ну а чего. Попробуем так... Значит, мы жили в деревне — я и пять моих сестер. Учиться пошли, все дела. Я пошла на исторический факультет, — ничем мой выбор обоснован не был, просто вышло так. И там меня заметили. И тогда же началась война. Тогда... да и сейчас так порою происходит, — опасно было задавать вопросы, и уж тем более противиться приказам, пришедшим с таких, образно говоря, вершин. Я не знаю, чем они руководствовались при отборе, — но по итогам я оказалась транспортирована в некоторое помещение, выглядевшее стерильным, вместе с еще двадцати девятью девушками примерно моего возраста. Перевозили нас в закрытом транспорте, так что я не знала, где нахожусь разве что мне было понятно, что место это достаточно далеко от моего дома. Мы стали проходить какие-то письменные тесты...

— А тебе не страшно было? — спросил Ромка.

— Ну, разве что немного... Я к тому времени слышала о таком, мне думалось, что из нас будут готовить разведчиков, и мне тогда казалось, что послужить родине таким образом — не только увлекательно, но еще и достойно. Думала, что в другие страны поеду, а может, и на другой материк полечу... Тесты, что мы проходили сперва, были, скорее, психологическими. Мы определяли среди представленных мужчин потенциальных маньяков, нас оставляли на несколько часов под наблюдением общаться с детьми разных возрастов и со стариками, водили в морг на вскрытия. Операции на живых пациентах показывали тоже, разнообразные. Барышни падали в обмороки со стабильной периодичностью, срывались, зарабатывали психозы, дрались друг с другом в обреченных попытках установить иерархию в группе. Мне удалось как-то обойти все эти тревожения стороной. Не знаю, что мне помогло. Может, пять сестер (и три покойные к тому времени) или сам по себе характер стойкий, северный...

— Северный? — перебил Ромка. — А я думал, ты с юга...

— Все так думают, — улыбнулась Варамира. — Но это не так. В общем, к концу первой волны тестов нас осталось двадцать, вторая волна была жестче. Барышни не выдерживали. Никто из руководящих отбором на нас напрямую не давил — но как-то так все оборачивалось, что существование начало казаться невыносимым. Мне тоже было нелегко. Хотелось, знаешь, или этих куриц всех передушить, или на себя руки наложить. Так думала не я одна, и к концу третьей волны тестов нас осталось пять. А потом тесты и задания внезапно кончились. Мы ничего не делали, просто жили в ставшей внезапно очень просторной белой комнате, каждая в своем углу. Кто-то целыми днями тягал железо на тренажерах, а я читала книги по биологии и анатомии, — все, что нам предоставили на тот момент, — и мне, пожалуй, было даже интересно. А потом меня вызвали куда-то "на выход", и более своих соседок по "камере" я не видела никогда. Мужчина в белой плотной форме, скорее похожей на парадную морскую, чем на больничную, вел меня по длинным белым коридорам, ничего не говоря. Да и я не задавала вопросов. Мне тогда, если честно, более

всего хотелось вернуться домой, а мечты о служении родине я к тому моменту знатно пересмотрела. И, собственно... именно тогда... я думала, это еще один тест. Мне выдали романтическое шелковое платье, синее, с юбкой солнце-клеш и рукавами-фонариками, а потом в нем, в этом платье, я прошла процедуру дезинфекции (я так понимаю, какое-то облучение плюс тепловая обработка с паром). Потом было еще полкилометра коридоров, и вот уже надо мной разверзлось огромное звездное небо. Я поехала тогда от холода, помню, хотя радость моя от того, что я снова вижу небо, была невероятной. А небо я увидела потому, что то, для чего нас тестировали, находилось в отдельном, особенно тщательно укрепленном здании. И вот меня туда провели... внутри там все было таким же белым, — а потом провожатый оставил меня, так же не сказав ни слова, перед простой деревянной дверью с пластмассовой ручкой. За моей спиной тогда захлопнулись металлические створки толщиной с круп коня, — а тут, надо же, дверка.

Я открыла ее и очутилась в комнатке, в которой вполне можно было бы жить. Обои, шторы, все сдержанно, нежно, мило даже, сувениры и статуэтки на полках не забыты. В общем, помещение выглядело обжитым. В нем никого не было. Я обнаружила еще одну дверь и, рассудив, что все делаю верно, открыла ее и вошла в спальню (как оказалось). Там на большой кровати, запутавшись ногами в скомканном покрывале, лежал спиной ко мне рыжеволосый мужчина лет двадцати-тридцати на вид. Абсолютно... э-э, в общем, когда я вошла, он тут же проснулся, глянул на меня зеленым любопытным глазом, и я почти сразу поняла, что уровень его умственного развития соответствует разуму полуторагодовалого ребенка. Неприятное, знаешь, зрелище, когда взрослый человек... так себя ведет.

— Не знаю, — посчитал нужным ответить Роман. Он уже порядком устал грести, но пересиливал себя, понимая, что Варамира только-только подобралась к моменту встречи с Мйаром. — И это был "тот человек", да?

— Ага. Он был чем-то похож на пьяницу... знаешь, когда взрослый невнятно говорит, булькает, не может ходить и все такое прочее... единственное, что спасало меня от приступов совершенно нормального в такой ситуации отвращения — это, во-первых, подготовка, а, во-вторых, тот факт, что рыжий все-таки физически был очень красив. В общем, в кармане платья, выданного мне, обнаружилась инструкция, распечатанная на листе. Лист полагалось после прочтения сжечь, что я и сделала. В инструкции было указано, что моя обязанность — воспитывать его, как своего ребенка, при этом не обращая внимания на определенные странности. А странности были. Во-первых, он мог спонтанно поменяться... Когти черные отращивать, каким-то образом вздуть мускулатуру... Силищи в нем было на шестерых, — и при таком-то своем скудоумии он был невинен и опасен одновременно. Однажды мы вообще обнаружили его с длинными черными маслянистыми волосами и в глубокой депрессии. Это было, когда он осознал смертность всего живого. Как раз в тот день он нечаянно убил свою третью кошку. Мне вообще кажется, что убивать что-то дорогое для себя — это его любимое занятие... А, ну и, конечно, основная его странность была в том, что, будучи при первой нашей встрече умственно неполноценным, он, чем дальше, тем скорее — развивался. Умнел, что ли. Или вырослел. Он впитывал буквально все. С невероятной скоростью. Копировал меня, мои жесты, мои фразы. Делал их "своими".

— Ты говоришь — "мы обнаружили", — перебил ее Ромка. — Мы — это кто?

— Я и твой дед, — улыбнулась Варамира слегка мечтательно. — Да. Твоего деда тоже вроде как приставили к тому человеку для... Даже не знаю, как сказать-то. Чтобы Даньслав стал для него мужской поведенческой моделью?

— А из тех комнат вас выпускали?

— Сначала — нет, а когда у рыжего пошел пубертат, стали выпускать. Но тут уже... тут я уже точно ничего не расскажу. Его уводили от меня и Даньслава куда-то... в какие-то другие отсеки, и он возвращался оттуда молчаливым, подавленным и всегда очень чистым. На расспросы ничего не отвечал. А однажды сказал "Хватит этого с меня".

— А что потом? — спросил Ромка.

— Эй-эй, а грести ты чего перестал?

— Устал, — признался мальчик.

— Ну, отдохни тогда, тут, в принципе, недалеко уже.

— А почему не видно ничего? — Ромка стал оборачиваться и искать взглядом хоть какой-то признак близкой земли.

— Шелковичный остров — очень непростое место, — сказала Варамира. — Ты увидишь его скоро, но не ранее, чем следует.

— Ага... так и чем кончилась вся та история с тобой, моим дедом и рыжим?

— Боюсь, история еще не закончилась, — улыбнулась Варамира. — Но, что касается того ее отрезка... В общем, линия фронта сместилась, и лагерь был атакован. К нам туда прилетела пара бомб. Стена была разрушена, оттуда поперли солдаты и чужие твари... А ведь все там было из стали и бетона, охраны (читай — солдат) в лагере было чуть ли не втрое больше, чем содержащихся в клетках существ, и все равно враг наделал шороху более чем, посеял ту еще панику. А казалось бы, — солдаты видели совершенно невероятных и мерзких чудовищ, но все равно оказались не готовы... Не уверена, прав ли был Даньслав, заявляя, что вражеская атака в лоб имела целью захват проекта, над которым мы работали. Они же легко могли убить этого своего сверхценного рыжего, так?.. Но, очевидно, что так просто такое громадное и хорошо охраняемое учреждение брать бы не стали. Учитывая, что располагалось оно глубоко в горах, поросших сосняком... В общем, противник осознанно пошел на большие потери. А мы поняли, что нас спасти никто не станет. И предприняли меры, какие умели.

— Какие? — заинтересовался Ромка, снова начав грести.

Солнце поднялось над водой еще выше и стало светить ему прямо в глаза. Это раздражало, но подсвеченные этим самым солнцем волосы "бабки" выглядели очень красивыми. Ромка даже залюбовался.

— Ну, мы — руки в ноги и бежать, прям в том, в чем были: я — в платье, Даньслав — в домашней одежде. Мы спустились вниз через один из запечатанных люков, чудесно оказавшийся открытым, а потом, пробираясь через подвалы и камеры с биологическим мусором, оказались в подземной части бункера, а из нее, петляя железными кишками потайных ходов, выбрались в какие-то старинные руины, расположенные вокруг подземной реки. Пробираясь к ее истоку, мы, в конце концов, оказались на поверхности с другой стороны горной гряды. Даньслав откуда-то знал там все. Всю дорогу нам вообще невероятно везло. Мы успевали проскользнуть перед обвалами, которые загораживали путь нашим преследователям. В самом жутком месте — в стальном кармане смертельного тупика — обнаружилась потайная дверь, реагирующая на тепло. Узкие дыры, в которые мы протискивались, оказывались не настолько узкими, чтобы кто-то из нас застрял. А с беглыми экземплярами, встретившимися нам на пути, рыжий твой справлялся с хладнокровностью мясника и проворством циркача.

И вот, когда над нами загорелись звезды и зашумел черный ночной лес, Даньслав сказал

рыжему, чтобы тот уходил на далекий север — мол, только так рыжий сможет скрыться от погони и преследований. И чтобы шел так быстро, как умеет! И Данька предупреждал его, чтоб тот не возвращался. Дед твой знал, что охота на него не закончится никогда, — больно ценный он был лот, — и что искать его будут и свои, и чужие.

— А он тогда уже довольно сообразительный был, да? — уточнил Ромка.

— Тогда он был уже, пожалуй, даже умнее нас всех. В смысле, эрудированней. Чистый такой разум, абсорбированный интеллект. Ну, в смысле, мудрости в нем, по-моему, никакой не было — был пытливый, пластичный ум, плохо контролируемые эмоции, теоретические знания почти обо всем на свете и никакого житейского опыта. Он был... странный. А еще, кажется, он не смог преодолеть естественные при взрослении комплексы и не сумел, как планировалось, воспринимать меня... как мать.

— В смысле?

— Не делай такое невинное лицо. Ты прекрасно понимаешь, чего он от меня хотел.

— Э-э... — Ромка сосредоточенно нахмурился. — Любви-семьи-детей, что ли?

— Ну да. Того, о чем он читал в своих книгах, того, о чем люди с упоением мечтают и изливают эти свои мечты на авторские листы. Я его понимаю отчасти: он почти не видел тогда других женщин, и это была для него, наверное, на самом деле трагедия. Но жалеть я его не могу. Потому что с севера он однажды вернулся. Тогда, когда война закончилась и материк утопал в тиши.

— Он вернулся, а вы с моим дедом были уже женаты?

— Да, у меня на руках подрастал твой будущий отец. Я не знаю, как он нас нашел. Может быть, по запаху — с него станется. И тогда... и тогда...

Варамира замолкла.

— Баб Варя, а вот это что там такое? Шелковичный остров? — Ромка указал на запад, где в дымке над водой стал проступать массивный, но пока еще совсем бледный силуэт.

Ветер к тому времени уже стих, а вот туман, что окружал подножье приближающегося острова, стремительно густел, наступая, обволакивая и заполняя собой все вплоть до самого горизонта.

— Да, это он... Шелковичный остров. Место, где мир снов — морок — всегда соприкасается с реальностью.

— Ого какой, — проговорил Ромка.

Остров приближался, загораживая собой солнце и даже половину неба. Он оказался не столько большим по площади, сколько высоким — нагромождение скал, похожих на опрокинутые друг на друга игральные кости, сложенные под углом. Тут и там эти серые камни были покрыты, словно вышивкой, живыми, подвижными пятнами кольшущихся в мнимом безветрии деревьев. Листва их трепетала в восходящих потоках воздуха. Сам же остров производил впечатление чего-то очень чуждого миру и упорно напоминал о смерти. Может, такое впечатление производили все эти углы, из которых был соткан его силуэт, или черные птицы, остервенело кричащие в полете и никак не похожие на белых чаек, или — как Ромка сумел заметить, когда лодка подошла совсем близко, — эти темные, вытянувшиеся, как спущенные луки, кривые у корней и острые на верхушках ели, притаившиеся чуть глубже и много выше тех лиственных деревьев, что растут у самого берега.

— Вон туда правь, — Варамира указала налево, — между скал будет проход в бухту, там мы и высадимся.

Ромка, сцепив зубы, снова налег на весла, вкладывая уже, кажется, последние силы в этот итоговый рывок. Когда лодка уткнулась носом в песок, он сначала сидел несколько минут, глядя куда-то в днище, пытаясь отдышаться. А когда все же выбрался из лодки, ступив по колени в прохладную воду, обнаружил, что песок в заводи ярко-голубой.

— Что это? — спросил он у Варамиры, которая помогала ему затащить лодку на берег и перевернуть.

— Это... отголосок сердца острова, — сказала "бабка". — Сейчас... вон по тем ступеням каменным поднимемся, и ты все увидишь. Или, может, посидим, отдохнешь?

— Отдохну, — согласился Ромка, чувствуя, что совсем выжат. — Это тебе не за игрой сидеть.

Они, не боясь испачкать одежду, уселись прямо на перевернутую лодку. Солнце осталось где-то с другой стороны Шелковичного острова, так, что заводь с голубым песком была вся в тени. В щели между скал, в которую как раз и прошла лодка, виднелось синее море, чистое до краев. Черные птицы успокоились и перестали кричать, рассевшись по глубоким норам, выдолбленным в скалах.

— Это вулканический остров, да? — спросил Ромка.

— Типа того, — ответила Варамира.

— А почему я на карте ничего такого рядом с городом не находил раньше?

— Потому что на карте этого острова нет, — сказала "бабка".

— Ага. Ну ладно.

Ромка вздохнул. История, рассказанная Варамирой, в его голове отпечатывалась странно. Она говорила слова — и эти слова были как будто бы ключами к сундукам с настоящей историей. Кое-где настоящая история совпадала с рассказанной Варамирой, а кое-где — нет. Например, "бабка" умолчала о том, что все те тридцать женщин, отобранных для тестов, были колдуньями, и в борьбе за "иерархию" не обходилось без смертельного волшебства, жуткого и кровавого. Откуда это знание взялось и догадывается ли Варамира о том, что Ромка, просеивая ее слова через сито своего восприятия, ведает правду, мальчик не знал. Впрочем, врал "бабка" несущественно и, скорее, чего-то не договаривала. Но, так как она не договаривала, не было и "ключей", чтобы раскрыть истину, — а потому Ромка не мог никак собрать воедино картинку того, что произошло в прошлом. А может, Варамира и сама не понимала, что врет. Может, у нее в голове все так и записалось — кто знает. Мир-то у всех в голове свой.

— Все, я, кажется, отдохнул, — сказал Роман. — По крайней мере, теперь мне придется работать ногами, а не руками, так? Пойдем, куда там ты меня вела.

— Вверх, — сказала Варамира. — Пойдем.

Когда они поднялись чуть выше, голая скала нарядилась высокими травами, которые щекотали Ромке голени под закатанными джинсами. Но потом трава кончилась, землю устлала павшая листва, а над головой зашумел шелковичный сад.

— Сейчас самое начало лета, — сказала Варамира, — где-то через месяц тут все будет черным. В смысле, вся земля покроется упавшими ягодами и почернеет.

— Мы рановато, выходит, приехали? — спросил Ромка, вглядываясь в морской горизонт и защищая глаза от солнца рукой, приставленной ко лбу козырьком.

— Да нет, в самый раз, — ответила "бабка". — Скоро уже дойдем... А значит, я должна тебя предупредить о том, что там случится.

— Да ладно, можешь и не предупреждать, я уже привык, — ответил мальчик.

— И все же, — Варамира поставила рюкзак на камень и тоже оглянулась по сторонам.

Они поднимались вверх по тонкой тропинке, слева и справа от которой вниз уходили крутые скалистые спуски, ступенчатые, угловатые.

— Это хорошо, что ты спросил меня про "того человека". Так или иначе, я должна была рассказать тебе эту историю... ведь она нужна для того, чтобы ты понял, отчего я здесь, такая, как есть, и зачем здесь ты.

— М-м, так я мог не настаивать, — сдержанно улыбнулся Ромка.

— Пойдем, — позвала Варамира. — Еще чуть-чуть осталось.

Они снова двинулись вверх. Теперь уже они шли меж высоких валунов, поросших теми самыми темными узловатыми елями, которые Ромка видел вдалеке еще из лодки. Вблизи деревья оказались просто огромными. Массивные стволы были как будто бы скручены из чугуновых штырей. Верхушки елей слегка покачивались на ветру, размеренно, тихо, без всякого ритма, одна за другой. Ромка шел меж ними, задрав голову.

И вот они забрались на самую высокую точку острова, на этакий перевал — хоть он перевалом и не был. Перед ними разверзся широкий кратер неправильной формы, заполненный темно-синей субстанцией, — то ли водой, то ли грязью, то ли нефтью.

Ветер ударил в лицо, растрепал Ромке челку, расправил волосы Варамиры у той за плечами, как крылья.

— Что это? — спросил мальчик.

— Живая глина. Вещество, из которого древние боги слепили человека, — произнесла Варамира.

— Что-что?

— Не веришь? — хмыкнула "бабка".

— Скорее, не понимаю. Разве это не грязевой вулкан?

Варамира смотрела куда-то в центр кратера, не отвлекаясь. Медленно проговорила:

— Сейчас поймешь. Давай, как мы учили с тобой... закрой эти глаза и открой те, что видят изнанку.

Ромка подчинился. Он опустил веки и, укротив дыхание, повел головой сначала в одну, потом в другую сторону, сосредотачиваясь, призывая из небытия странную свою силу, боязливую, хрупкую, спонтанную и все еще почти неизведанную. Он почувствовал, что ветер слабеет. А когда Ромка открыл глаза, чтобы видеть изнанку бытия, ветер стих совсем.

Над кратером, заполненным теперь сияющей бурлящей синевой, разверзся яркий, солнечный водопад, сплетенный из тысячи тысяч нитей, уходящих в небо, в землю, по всем сторонам света, разветвляющихся и переплетающихся друг с другом и с самими собой.

— Что-то эти древние боги никудышные вышивальщицы, — хмыкнул мальчик. И моргнул. Ветер с былой силой, а то и еще более неистово ударил по нему. Моргнув, Ромка нечаянно смахнул видение изнанки и теперь снова наблюдал перед собой просто грязевой вулкан.

Когда солнце поднялось еще немного, тень на противоположной стороне кратера сместилась, и Ромка смог различить, что там, вдалеке, почти у самой синей "грязи", сидит человек.

— Кто это там? — спросил Ромка.

— Сейчас он к нам подойдет, — ответила "бабка". — Это один из тех, кто помог мне... вернуться.

Человек на той стороне и правда поднялся и двинулся к ним.

— То есть... — проговорил Ромка тихо, — ты утверждаешь, что смерти нет?

— Почему же, есть, — сказала Варамира, услышав его за ветром.

— Но вот же глина, из которой боги лепили жизнь, и ты вся такая... красивая такая, и живая. А все, что я до этого читал, все, что смотрел — везде постулируется, что, мол, нет лекарства от смерти. И, мол, даже не смейте заигрывать с этими всеми материями, что-то искать...

— И все же, я здесь, — Варамира глянула на Ромку и улыбнулась. — Даже несмотря на то, что твой обожаемый тот, кого я не могу запомнить ввиду "слепого узла", вернувшись с севера, убил меня.

— Убил? — Ромка посмотрел на Варамиру исподлобья. — Мйар?.. То есть... — мальчик помолчал, раздумывая. — Это он тебя убил, значит... из-за неразделенной, стало быть, любви?..

— Стало быть, — кивнула Варамира.

— Как это... банально, — Ромка хмыкнул.

— Мне кажется, слово "печально" больше подходит, — не согласилась "бабка". — И еще "больно". Нам обоим было больно, пожалуй, и телесно, и душевно.

— А деда, что ли, тоже он убил?

— Нет.

— Ну, хвала Потерянному, я уж думал...

— Что-то ты чернее тучи, — заметила Варамира.

— Ну а что мне радоваться, — вздохнул Ромка. — Так и... — он снова посмотрел на "бабку". — Почему ты здесь? То есть... как тебе удалось обойти бледную с волосами до пят?..

— Как ты знаешь, колдуньи никогда не умирают во сне, — повторила Варамира давнишние слова Пелагеи. — А я, так уж вышло, колдунья. И я никогда, никогда не хотела умирать. И если для всех остальных колдуний эта присказка — скорее попытка спастись эмоционально, этакая уловка, позволяющая умозрительно проникнуть в вечность, — то для меня она оказалась ни разу не сказкой, а тем, что на самом деле случилось. Когда он меня... убивал, — она сглотнула, — я сумела выпить кое-какое ядовитое вещество. Суть его в том, что яд, конечно же, убивает, но сначала человек засыпает. Почти мгновенно, — Варамира сунула руку в карман и достала оттуда прозрачный пузырек с фиолетоватой жидкостью: — Вот оно, собственно. Хватает трех капель.

— Зачем оно тебе сейчас? — спросил Ромка, покосившись на пузырек недоверчиво.

Варамира кивнула в сторону кратера. Человек, сидевший ранее на той его стороне, уже почти что дошел до них. Ромка разглядел, что это мужчина приличного уже возраста, сверкающий гладкой лысиной. Двигался он, однако, довольно бойко. На ветру развевались относительно длинные седые волосы, обрамляющие лысину, и полы странного серого халата, надетого поверх светлой сорочки свободного кроя. Еще на нем были закатанные по колено льняные штаны и пляжные сланцы.

Не добежав пары шагов до края кратера, на котором стояли Ромка и Варамира, человек остановился, опустил на одно колено и прижал руки к сердцу.

— Госпожа! — крикнул он, то ли прославляя Варамиру, то ли приветствуя.

— Ну полно те, полно, — она сделала два шага вперед, снизойдя до старика. — Поднимайся и доставай. Начнем прямо сейчас.

— Сейчас, секундочку, — произнес мужчина, засовывая руку куда-то под халат.

Варамира обернулась к Роману.

— Сейчас... сейчас ты увидишь, через что мне приходится проходить каждый раз, когда я встречаюсь с тем человеком. Это будет не очень красиво. Но ты должен посмотреть на то, что будет происходить при этом в изнанке.

Мальчик кивнул. Старик вытащил из-за пазухи тусклую, облупленную флягу, некогда бывшую, очевидно, зеркально-металлической. Фляга была в форме гроба, что показалось Ромке странным и слегка знакомым.

Варамира приняла флягу в руки. Открутила колпачок, понюхала, поведив перед собой. Обернулась к Ромке.

— Ну-ка, нюхни. Что это, по-твоему?

Ромка "поманил" воздух к себе, как учат на уроках химии.

— Это... ну... я ощущаю запах корицы. И еще... миндаля, пожалуй. И чуть-чуть ванили. И, пожалуй, карамель. И мед. Это какой-то... булочковый концентрат? — он посмотрел на Варамиру. — Что такое? Не так что-то?

Варамира невесело улыбнулась.

— Это кровь того человека, и для меня она пахнет совсем иначе. И на вкус, буду откровенна, — не фонтан.

Варамира сделала глоток из фляги. Скривилась. Отдала флягу обратно старику, который тут же спрятал ее туда, откуда достал.

— Так, а теперь... — Варамира скинула рюкзак на землю и снова достала из кармана пузырек с мгновенным снотворным. — Если вы позволите... Рома, стой здесь, и смотри на то, что будет происходить, через изнанку, ты понял меня?

— Понял, — ответил Роман.

— Хорошо, — сказала Варамира, начав расстегивать блузку. Она сделала пару шагов вниз, к темно-синей жиже, наполняющей кратер. На ходу сняла юбку, оставив ее на песке. Почти ступив в грязь, бросила за спину блузку. И вошла в эту черную синеву. Медленно, тяжело. Казалось, синь выталкивает ее назад.

Когда Варамира вошла в жижу по бедра, то остановилась. Внезапно в грязь упала ее левая рука, просто на просто оторвавшись от тела, как лист от дерева. Что там осталось на месте отрыва, Ромка не видел — мешали рассыпавшиеся по спине Варамиры волосы. Тут же, правой рукой она влила себе в рот мгновенный яд.

Осталась стоять. Пока ее левая рука тонула в синей грязи, правая стала деформироваться и расти, рассекаемая изнутри шипами, в которые превращались стремительно морфирующие кости. Варамиру перекосило на один бок. Из хребта ее тоже полезли шипы, больше похожие на спиральные рога. Она запрокинула голову и издала низкий, нечеловеческий стон.

Ромка сжал кулаки. Он знал, что ничем здесь не поможет, да и ни к чему оно. Но все-таки из-за этого стога ему самому стало больно.

А Варамира или по крайней мере то, во что она превращалась, все билось, изменялось, прорастало в небо странными биологическими конструкциями, дергалось, как желе, распадалось наполовину и нарастало снова. Но буйство плоти сходило на нет. Масса, уже совсем не похожая на красивую молодую женщину, которая зашла в воду, дергалась все меньше, и вот наконец будто бы полностью растворилась в темной вязкой синеве. На поверхность вышло несколько пузырьков, и грязевой вулкан затих.

— Ты смотрел через изнанку? — спросил у Ромки седой старик.

— Нет... — пробормотал Ромка тихо. — Я... З-забыл.

Старик вздохнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, она сможет это еще раз повторить, — произнес он. — Но не сразу, первое время новое тело будет слишком стабильно. То есть, мертвая кровь-то его, конечно, в любом случае разбалансирует, но умирать она будет дольше и тяжелей.

Ромка слегка оправился от шока и, отвернувшись от кратера, спросил старика:

— Что это было вообще?.. Она... умерла? Или она жива? И... как... что... я не понимаю!..

Старик поглядел на него из-под кустистых бровей неодобрительно.

— Смотрел бы изнанку, все бы понял. Теперь смотри, не проворонь, когда она будет возвращаться.

— А она вернется? — удивился мальчик.

— Конечно. И я в который раз помогу ей в этом. Это честь для меня — помогать ей.

— А когда она вернется? — спросил Ромка.

— Сегодня ночью, — ответил старик, — под красной луной, как и положено.

— А как вы ей поможете? — Ромка спросил это уже у спины старика, который принялся собирать по берегу кратера разбросанные Варамирой вещи.

Старик ответил, не оглядываясь:

— Ну, я тебе, конечно, не чета, но уж кое-что могу. По книжке если.

Старик собрал все вещи и подошел к мальчику.

— Ты уж, будь так добр, следи внимательно. Обеими парами глаз. Потому что тебе нужно будет повторить это же, только лучше, когда настанет срок, на вершине Сердца Мира.

— А? — совсем опешил мальчик. — Что? Повторить? Сердце Мира?

Старик тяжело вздохнул. Покрутился вокруг своей оси, как пытающаяся поудобней уместиться собака, а потом уставился куда-то на северо-запад.

— Там, — сказал он. — Отсюда не видно, конечно, да и ниоткуда не видно... Так вот где-то там, задевая корнями мертвый город Сол, возвышается гора Антарг, иначе говоря — Сердце Мира.

— Гора — сердце? А разве сердце не должно, хм... стучать? — спросил Ромка.

— Оно стучит, — ответил старик. — О, поверь мне, оно бьется и шепчет, это пламенное сердце. А ты разве не слышал легенды о Духе Огня, исключительном чародее прошлого?

— Н-нет, — ответил Ромка.

По правде говоря, он не мог понять, выдумывает старик все, что говорит, или нет. Выглядел он, конечно, бодро, но сутулился, отчего был похож на такого персонажа-повествователя из старого фильма-сказки, чей голос звучит на фоне, пока герои бредут через темный заколдованный лес.

— Ну, у нас с тобой времени до полуночи еще много, — старик кивнул как будто бы сам себе. — Давай сядем в теньке, и я тебе расскажу о том, как один смелый гордец вырвал из тверди земной ее сердце, и теперь оно плывет по реке времени, дрейфуя, как корабль без капитана.

— А чего вырвал-то? Обосновал он это как-то или нет? — спросил Ромка, следуя за стариком в тень от гигантских сосен.

— Конечно, — ответил старик, — он ведь не хотел этому миру зла, хотел как лучше... Тут же какое дело было. Дух Огня — он же глубок, как морок, и сущностей у него столько

же, сколько листьев на дереве. Причем не в один сезон, а за всю его древесную жизнь. И когда Дух Огня желал измениться, — он проскальзывал через Игольное Ушко — рукотворную арку, похожую на воловьи рога, что венчает Сердце Мира. И каждый раз, когда Дух Огня проходил через эту арку, от него отслаивался человек, которым он был, а из-под этой старой оболочки проступал новый. Их становилось двое, и каждый шел своей дорогой, но только один из них оставался настоящим Духом Огня.

Они подошли к подножию одной из елей и опустились на подстилку из сухих иголок. Ромка расстегнул рюкзак Варамиры и, к своей радости, обнаружил там еду: термос с чем-то сладким и липким (он немного протек), бадейку с уложенными в три слоя кусочками пирога и пакет с бутербродами.

Старик продолжал свой рассказ:

— Но вот однажды на гору Антарг сумел взобраться простой смертный. И когда он прошел через Игольное Ушко, то не разделился, потому что был слишком прост и недостаточно глубок для этого. Но вышло так, что, пройдя через арку на вершине Сердца Мира, простой смертный обрел способность вершить колдовство. Вернувшись домой, он рассказал об этом чудесном месте семье и друзьям, те — своим друзьям, а те — своим. Вскоре весть пришла и к Духу Огня, но было уже поздно: в мире появились маги.

— Так это, что ли, на заре времен было? — перебил старика Ромка. — А я думал, недавно где-то...

— Да, на заре времен, — кивнул старик, — дети чародеев все знают эту историю. Но раз уж тебе ее рассказываю я, и слышишь ты ее впервые, — будь добр, не перебивай.

— Конечно, — кивнул мальчик.

— Ну так вот. И тогда, прогневавшись, Дух Огня вырвал Сердце Мира из тверди земной и из самого времени. Легенда гласит, что никто и никогда больше не видел горы Антарг, что уж говорить о том, чтобы туда взобраться. Но я знаю, что сущность, подобная госпоже, способна найти путь к Сердцу Мира и, главное, пройти его, особенно с твоей и моей помощью.

— Как все непросто, — хмыкнул мальчик. — А зачем госпоже это Сердце Мира?

— Ты чем слушал? — вспыхнул старик. Но так же быстро отошел, успокоился и проговорил: — Ты и только ты сможешь провести ее через Игольное Ушко так, чтобы завязать узлы, как следует. Так, чтобы сшить все порванные нити и восстановить ее доступ к душе. Чтобы было — как у меня. А то я... понимаешь, я единственный на этом свете, кто умеет говорить.

И мне очень, очень одиноко одному.

Ромка уже почти на автомате прикрыл глаза и призвал к себе видение изнанки. И охнул, обнаружив, что в груди старика горит не обычный для всех людей бледный цветастый бутон, а что-то наподобие маленького, портативного солнца.

— Почему я сразу не заметил, когда у кратера стояли... — пробормотал Ромка.

— Это потому, что я спал, — улыбнулся старик. — И душа моя пребывала в мороке, где сейчас, все еще живая, томится душа госпожи.

— То есть... сейчас мы подождем ночи, и вы ее каким-то образом оживите?

— Что ты, что ты... я просто помогу ей вырваться из морока, как делал уже не раз. Она не умирала никогда, понимаешь?

— Да уж... более-менее начинаю понимать как, что и куда, — проговорил Ромка, щурясь.

Море, щекочась, холодило мне ноги, с каждой новой волной забирая из-под пяток песок.

Я смотрел туда, где, по идее, море должно становиться небом, но границы перехода не видел, как будто бы не было ее. На небе — ни облачка, деревья вдали от берега шумно вздыхают в руках у ветра, и все здесь, в общем-то, точно так же дышит покоем и тем особенным теплом, которое готово вот-вот превратиться в нестерпимую жару.

Я обернулся налево: оттуда по берегу ко мне шел Эль-Марко, и не скажу, что я счастлив по этому поводу. Сейчас этот загадочный молчун попробует говорить со мной разговор. И это, конечно, правильно, но это будет, скорее всего, крайне неловко, и от самого предчувствия этой беседы мне уже не по себе.

Оливковая бухта оказалась красивым местом. Проснувшись примерно в полдень Никола еще тогда, в доме у Камориль, перебудила всех, кого могла и стала активно настаивать на том, чтобы мы первым делом все вместе собрались и провели Ромку. Опоздаем, мол.

Опоздали.

Ромки в доме на мысе у Оливковой бухты не было.

Но приехали мы сюда далеко не сразу. Сначала Камориль попросил Мари таки бросить "След Суженого" на Зорею Катха, но тщетно. Монетка то падала решкой, мол, не ищите, сам найдет, то вертелась юлой, — мол, не стоит вам его искать. Камориль долго не мог поверить, что эта магия правда работает, потому заставил Мари бросать "След Суженого" пять раз подряд. Без какого-либо удовлетворительного результата.

Я попытался учуять след тварей, которые, по идее, должны были себе спокойно разлагаться в саду особняка, — но останков не обнаружилось. Причем, ладно бы их разметало взрывом на мелкие тряпочки — было бы хоть что-то. Но в саду не было ничего инородного. Даже запаха. Как будто бы за ночь они сумели распасться на пепел и росу, или просто превратились в грязь. Таким образом я оказался бессилён.

Оставалось одно — пойти в офис чтецов и попробовать разобраться с Зореей в лоб, но Камориль все-таки поведал мне, почему этот вариант плох и почему он смеялся, когда его предложил Эль-Марко.

Оказывается, после возвращения и "победы" над Мертварью Камориль таки угодил под трибунал поглощающих — за дезертирство. То есть, выходит, он только-только отделался от пожизненного членства в гильдии некромантов ("пожертвовав" собой, когда пошел на заведомо суицидальную операцию волонтером от гильдии), как поглощающие предъявили ему обвинение... в этом, конечно же, был виноват Зорея, который, очевидно, рассказал своим всю историю, ничего не тая. То есть, рассказ был документально зафиксирован, и если чтецы, в соответствии со своей загадочной моралью, простили все грехи и Зорее, и Камориль за компанию, то поглощающие — нет. Камориль предстал перед судом, где, в частности, давал показания и юный Эль-Марко, которому тогда исполнилось десять. Он уже тогда был себе на уме, и после первого же заседания объявил своим опекунам, что отказывается лечить людей и вступать в гильдию, аргументируя тем, что гильдии — зло. Мальчик твердо стоял на своем и готов был отречься от Пути (это какой-то их тамошний

целительский философско-бытовой термин). Камориль с судом все как-то решил — я не понял как — то ли все списали на состояние аффекта, то ли на инвалидность (а официально она у Камориль была, вот так), но, в общем, некромант ускользнул из цепких лап правосудия, вероятно, каким-то не совсем легальным способом. Надо будет его как-нибудь поподробней об этом расспросить, а то я вовсе не знаю, как такие дела решаются, и всегда, если честно, думал, что если ты попал к поглощающим раз, то от них уже не отделаться.

Позицию Эль-Марко тут же официально обвинили чтецы. Мало того, что страна управлялась от войны и целители были все так же нужны, так еще и талант же мальчику выпал невероятный... И, конечно же, всем хотелось его использовать вне зависимости от того, что думает сам обладатель выдающихся магических способностей. Но Эль-Марко был настолько тверд в своем убеждении оставить Путь, что никакие уговоры и выгодные предложения не трогали его вот совсем. Прощение грехов от чтецов оказалось одноразовым, и, устав биться головой об стену убеждений юного целителя, чтецы на горестях объявили, что считают, будто гильдия целителей лишилась такого перспективного мага из-за дурного влияния некроманта, с которым ребенок "спутался". В общем, Камориль говорит, что дальше была тотальная веселуха: обвинения в педофилии, поддельные фотоснимки провокационного характера, поклепы и что-то типа информационной войны. В итоге, отрекшемуся от Пути Эль-Марко еще и официально запретили колдовать, мол, раз не идешь причинять добро массово — так не причиняй же его в частном порядке тоже.

В общем, штопая раны Камориль и мои, Эль-Марко ходит по краю, но пока что ему удастся как-то не привлекать к себе внимания.

Поэтому, если уж кому и идти в офис чтецов — то мне одному, притом далеко не факт, что эти странные люди мне помогут, раз я тоже был замешан, хоть и косвенно, в той давней истории. И это все учитывая, что я практически полностью уверился в необходимости восстановления той своей утерянной памяти... А кто ж мне ее восстановит, если не чтецы? Учитывая, что, судя по рассказу Камориль, простое уничтожение золотунного ожерелья ничего не даст.

В общем, нам нужно было еще немного времени на подумать, а Никола как раз настаивала на том, чтобы мы съездили проведать Ромку.

Мы взяли с собой немного еды, Камориль обвесился под рубашкой какими-то колбами с зельями, выдал Мари газовый баллончик, а Эль-Марко — некий дамских размеров пистолет взамен конфискованного упырями, снова упаковал в сумку Кристину и вызвал такси. Мы утрамбовались в машинку, которая часа за три довезла нас в "село у моря, там, где памятник в виде чайки и есть еще Оливковая бухта". Таксист хорошо знал свое дело и местность, что оказалось очень кстати.

До самого дома, правда, пришлось идти пешком — дорога, не доходя до мыса, делала поворот и устремлялась к ближайшему прибрежному поселку.

Двухэтажный кирпичный дом с башенкой был выкрашен в желто-оранжевый цвет и огорожен невысоким (примерно мне по плечо), скорее декоративным забором, который обвил дикий виноград. Калитка оказалась заперта, что не помешало нам разглядеть на входной двери навесной замок. Никс перелезла через забор и позагадывала в окна. Сказала, что нет там никого.

Поняв таким образом, что мы опоздали, Никола не стала нас в этом обвинять, хоть и очень из-за этого расстроилась. Перебравшись назад, она села на песок и уткнулась в телефон.

Камориль, поначалу какой-то пассивный и сонный, бродя возле дома что-то учуял и тут же заявил, что ему надо прогуляться по берегу и чтобы мы за ним не ходили. То ли снова грустить решил в связи с моими над ним издевательствами, то ли и правда — надо.

Я тогда глянул на Мари и Эль-Марко: девушка сидела на деревянной качельке, свисающей на металлических цепях с выгнутой толстой ветви старого ореха, а Эль-Марко стоял под этим же деревом, опершись спиной об ствол, и рассматривал профиль Мари.

Я сначала не хотел ничего говорить, но потом кивнул в сторону моря.

— Пойду, ноги пополошу.

И ушел на берег.

Чтобы не думать о симпатичной парочке блондинов, пребывающей в растерянных непонятках, я размышлял о своей памяти. Очевидно, все это время я был жертвой игры смыслов, когда думал, что бусины золотунного ожерелья хранят мою память в себе, как этикие миниатюрные записные книжки. А они, оказывается, "хранят" в смысле "охраняют". И прилетевшая мне в голову бетонная плита вывела систему из строя. И я отрегенировал в три раза быстрее, чем обычно. Это тоже довольно странно, ведь я и до этого получал всяческие повреждения, плохо совместимые с жизнью... Но, стоит признать, именно по голове я до этого настолько внушительно не ловил.

Как бы так правильно постучать себя по голове еще, чтобы не пришлось искать окольных путей... Честно говоря, самому идти к чтецам тоже не хочется. Боюсь, я попросту впаду в ступор от их странной логики и вряд ли смогу убедить их в том, что мне необходима помощь. Конечно, кто не рискует, — тот не рискует. Но все равно, неприятное ощущение. У меня, выходит, кишка тонка к ним идти, и это меня гложет. А ведь если ничего другого не придумаю — придется.

Эль-Марко я издали приметил, боковым зрением.

Он подошел ко мне, недолго помялся молча рядом, в воду не заходил. Через некоторое время сказал:

— Мари этой ночью пыталась найти бабу Пашу через сны.

— Я так понимаю, тщетно? — я обернулся к нему. Эль-Марко смотрел вперед, точно так же разыскивая взглядом границу моря и неба, как я до этого.

— Не совсем. Нашла. И в сон вошла. Но сон этот был странный, черный, и все, что она из него запомнила — это рокочущий шум прибоя.

— Ну, хоть жива бабка, и то хорошо, — я выбрался из воды на сухой песок. — А на нее "След Суженого" не кидали?

— Кидали, тоже не работает, — ответил Эль-Марко. — Ни на Зорею, ни на баб Пашу.

— М-да, дела, — произнес я, усаживаясь на теплый песок.

Эль-Марко остался стоять.

— Еще Мари провела ритуал вероятностного пророчества, как для тебя тогда. Только на себя.

— И что же ответило ей мудрое мироздание? — спросил я.

Эль-Марко немного помолчал, а потом выдал для себя несвойственное, а оттого это получилось у него как-то смущенно:

— "Слушай сердце".

— Ого как, — я присвистнул. — Да у нее же бытие в жанре "девичий роман", получается!

— С элементами мистики, ага, — Кападастер хмыкнул. — Ну вот, в общем... Эм-м... Я

так понял, что ты... тебе...

— Да не мнись ты, как барышня из упомянутой беллетристики, — я глянул на него снизу вверх, щурясь. — Поверь мне, это — далеко не самая большая моя жизненная неудача. Мари и тебе нравится, да?

Кападастер молча кивнул.

— Взаимно? — спросил я.

— Ну, нам довольно легко общаться, но только когда мы наедине. Когда кто-то кругом ходит, — как-то и я в себе запираюсь, и она.

— Экие вы трепетные, — я улыбнулся. — Ну что ж, рад за вас. Желаю вам счастья, здоровья и всего того, что там в таких случаях желают. А, и баб Пашу найти и уже выбраться из этого всего безобразия, в которое я вас втянул.

— Мйар, я не собираюсь бросать тебя наедине с неясной бедой только потому, что внезапно нашел себе девушку, которую, вообще-то, ты нашел. Друзья первее девушек, я считаю.

— За заботу спасибо. А я, как друг, никуда не денусь, вот тебе мое честное слово. Ну, если только ты готов жить с мыслью, что иногда я буду думать о ней в определенном ключе.

— Я сам чуть ли не прямо сейчас этим занимаюсь, особенно, когда на нее смотрю. Никогда не предполагал даже, что меня так прельстят эти романтические рюши и хрупкая, не слишком женственная барышня в них. Столько нового в себе открыл.

Я хмыкнул, потом улыбнулся шире, а потом и вовсе рассмеялся.

— Идеал оказался бледнее восхитительной, живой реальности, а? — спросил я у Эль-Марко.

Тот, наконец, соизволил присесть на песок рядом со мной.

— Да, пожалуй, — проговорил он. Снял очки, потер глаза, опять надел. На меня глянул.

— Ну... Раз ты на меня не злишься, что похвально, и на нее не злишься, что странно, то я уж рискну, спрошу о том, что волнует нас обоих... Ты не подумай чего, но нам правда интересно.

— Я уже испугался, что это вас там такое интересует. Если вы не в курсе, чем заняться наедине, то это к Камориль — он порекомендует вам правильные, интересные фильмы на эту тему. С сюжетом! Может, даже со свадьбой в конце!

— Мйар, так ты все-таки злишься? — переспросил Эль-Марко, проигнорировав мои эвфемизмы.

— Ну, разве что чуть-чуть. Глубоко в душе. Вы — хорошие, да и какое право я имею?.. Но это — да, эмоции, и их надо проживать, и ничего с ними не поделать, — признался я.

— Ну так вот, собственно, о Камориль... — Эль-Марко собрался с духом и спросил: — Почему ты его не принимаешь? Красивый же мужик, хороший друг! На все ради тебя готов. Я думаю, по-настоящему на все.

Этот ожидаемый и в то же время неожиданный вопрос заставил меня надолго замолчать. Врать не хотелось. Себе — в том числе. Чувства, конечно, необъяснимы, как по мне, и логике не поддаются, но... Раз уж Эль-Марко спросил... Не думаю, что эти откровенности ему легко даются. Мы с ним как-то до этого всего так вот, совсем по душам, не разговаривали. Сначала он совсем ребенком был, потом вымахал, как будто бы за день, в себя нынешнего, и с тех пор он всегда где-то недалеко, но и недостаточно близко, чтобы я смог наше с ним общение назвать дружеским вовсе уж не кривя душой. Сейчас мне, конечно, ответить бы ему "Не твое дело, приятель", но я же уже сказал, что не злюсь. А это резковато

будет.

— Да, знаешь... это все как-то очень... не так, — выдавил я. Дальше проще пошло. — Понимаешь, впервые, когда я осознал, что на самом деле могу являться предметом интереса человека своего же пола... Знаешь, это как удар поддых, как неожиданное предательство. Почва уходит из-под ног. Некий массив живых душ, которые в перспективе могут быть моими друзьями, исчезает, стает чужим. Это как будто ты сошел с асфальта на песок. Это непонятно и страшно.

Я замолк, а Эль-Марко замер, переваривая услышанное.

— Хм. Я Камориль с самого детства знаю, так что привык к таким, как он, — ответил Кападастер через какое-то время, — и потому не до конца могу тебя понять.

— Ну, что уж тут... — я вздохнул. — Но это именно то, что я чувствую. Если б Камориль был просто другом мне, — мы бы с ним были вместе навсегда. Но он же... ох. Он же хочет любви. А любовь же хрупкая, как тонкий лед. Если мы станем... как это говорится?.. вместе — то это "вместе", в конце концов, разлучит нас безвозвратно.

Кападастер где-то с полминуты молчал, а я думал о своих же словах, понимая, что наконец-то смог вербализировать свое истинное отношение к Камориль.

— То есть, Мйар... ты бы все-таки хотел быть с ним?.. — задал Эль-Марко следующий свой откровенный и непростой вопрос.

— А это точно вам с Мари интересно, тебя не Камориль ли подослал? — поинтересовался я на всякий случай.

— Цилиндром клянусь! — Эль-Марко прижал руку к голове. — Хотя он и не со мной сегодня.

— Ну ладно, — я улыбнулся. — У меня, видишь ли, слишком широкая душа. Наверное. Я бы всех хотел согреть и осчастливить. Вот что.

— Ты уходишь от ответа с проворством полярного лиса, — попытался пристыдить меня Эль-Марко.

Я вздохнул. Еще немного помолчал, глядя на море и собираясь с мыслями. И произнес, решив и для себя тоже, чего я жду от этой жизни в ключе нашей непростой беседы:

— Я бы хотел быть с тем, кого люблю, но чтобы это было гарантировано навсегда.

А через пару секунд за нами, у закрытого дома на мысе, что-то упало, издав громкий металлический гул. Я подскочил с песка и в два прыжка забрался на крупный валун, разглядывая, что там произошло.

Издали я увидел, что Никола стоит рядом с калиткой, которая валяется на песке.

— Никс что-то творит! — сказал я Эль-Марко и бросился к дому.

Добежал я к нему как раз тогда, когда Никс рукой расплавляла навесной замок на двери в сам дом.

— Никола, может, не надо, а? — это говорила Мари.

— Что здесь происходит? — спросил я у барышень. — Никс?

Через минуту к нам подбежал и запыхавшийся Кападастер.

— Все... хорошо? — спросил он. — Никс, ты чего?

Никола отняла руку от покореженного навесного замка.

— Сейчас, остынет — сниму, и поглядим, что там в доме. Окна мне бить не хотелось, — призналась она.

— Никс, ты чего вообще? — Кападастер недоумевал. — Нельзя такое делать.

— Мари сказала, что, чтобы найти ее бабушку, нужно слушать сердце.

— И?..

— И я к нему прислушалась. Может, чтобы Ромку найти, мне тоже надо! Он ведь был тут, а теперь тут его нет. А на телефон он не отвечает. Значит, эта его Варамира — странная! Может, и телефон у него она забрала. Сейчас мы войдем в дом и все пойдем!

— Так не тебе ж надо было сердце слушать, — попытался вразумить ее Эль-Марко.

— Чего это? — Никола уперла руки в боки.

К этому моменту из-за высоких валунов позади дома вышел Камориль, и был он явно чем-то озадачен.

— Никола дело говорит, — сказал некромант, подойдя к валяющейся на песке калитке.

— Ты что-то нашел? — спросил я.

— Ага, — Камориль скрестил руки на груди. — Но вам не покажу. Ну, то есть, девочкам не покажу — вы-то можете сходить, глянуть, если хотите.

— Так что там такое? — поторопил я его.

Камориль ответил просто:

— Два трупа.

— Чьих?

— Молодые мужчина и женщина. Убиты около трех дней назад.

— Убиты? — переспросил я.

— Почти уверен. Закопаны не глубоко. Но далеко — потому ты их и не учуял. А я услышал смерть, но что-то подумал сначала, что не люди... А оно вон как.

— И... кто их... того? — спросил я. — И что нам с этого?

Камориль хмыкнул.

— Они не похоронены, а именно что зарыты — как попало, без гробов и надгробий. То есть — дело какое-то мутное. А убиты... их чем-то забили тяжелым, уж не веслом ли... Звучит, конечно, бредово, но на них на самом деле множество повреждений от какого-то тупого орудия, похожего на деревянный брус. Никакой остаточной жизни в них при этом нет — чисты, как голый булыжник. И к тому же... — Камориль подманил к себе Кападастера и что-то тому на ухо прошептал.

Кападастер побледнел. Никс с Мари шепота некроманта не услышали, в отличие от меня. А поведал Камориль дополнительно одну маленькую деталь: убитая женщина была в положении, примерно на третьем месяце.

Я присвистнул.

Камориль обратился к Николе:

— Так что да, давай, снимай замок. Осмотрим дом. Если ничего не найдем, — уйдем, а о покойниках властям анонимно сообщим, но потом слегонца. Может, конечно, пребывание Ромки в этом доме и два трупа за углом вместе никак не связаны, но мало ли.

Никола кивнула и вытащила из скоб покореженный замок.

— Так, — Камориль, переступив через решетку, подошел к девочке, — ты не обижайся, но подожди тут, хорошо? Я нижний этаж осмотрю, а Мйар... Эй, Мйар, — он помахал мне рукой, — ты навверх сходи, глянь, ага? Только осторожно, постарайся ничего особо не трогать. А вы, ребята-девчата, стойте на стреме.

— То есть, мне что, внутрь нельзя? — скуксилась Никс. — Но это же была моя идея!

— Береги репутацию смолоду, — назидательно произнес некромант. — Это мне уже беречь нечего. А тебе есть. Так что.

И Камориль нырнул внутрь, а я, стало быть, за ним.

Внутри было прохладно, сыровато и пахло едой. Кажется, ушли отсюда не так давно. По крайней мере, пылью все зарости не успело. Я поднялся по лестнице на второй этаж и обнаружил там коридор, санузел и две комнаты — обе спальни, а из правой еще куда-то вела дверца, наверное, в башенку.

Запахи в спальнях были смешанные, неоднозначные. В первой, что была побольше, понарядней и с двухместной кроватью, на одной из полок я обнаружил странную вещь — обугленную фоторамку, в которой от изображения остались только обожженные бумажные углы. Нетривиальный элемент декора, как по мне.

Я прошелся во вторую спальню, оглядел сдержанный, аскетичный интерьер. Попробовал открыть дверь в противоположной стене, но она не поддавалась. Я пригляделся к петлям и замку на ней. Понял, что справлюсь. Взял небольшой разбег, ударил плечом.

Дверь распахнулась внутрь темной пыльной комнаты, оказавшейся просто кладовкой. Там в основном лежала одежда, ласты, какой-то мусор, стояли ящики и два велосипеда — большой спортивный синий с перекладиной по мужскому типу и красненький, попроще, явно дамский.

Мне в голову стали закрадываться определенные подозрения по поводу всего происходящего.

Я вышел из кладовки, еще раз оглядел спальни, заглянул в санузел (больше я нигде ничего подозрительного не нашел) и спустился обратно вниз. Сразу выходить не стал — решил первый этаж тоже осмотреть. Прошел через гостиную на кухню, где обнаружил Камориль, роющегося в недрах холодильника.

— Ну что? — спросил я его.

Некромант захлопнул белую дверцу.

— Тут есть еда... Остатки пирогов. Но ингредиентов нет никаких. То есть, ни тебе масла или сметаны, ни тебе банки с вареньем или кадки прогнившей ежевики.

— Может, они приезжали сюда раз в неделю или в месяц, привозя все готовое с собой, — предположил я.

— Кто — они? — спросил Камориль.

— Владельцы велосипедов, что я обнаружил в кладовке на втором этаже. И еще там фоторамка обугленная была с выгоревшей фотографией.

— Надо спросить у Никс, умеет ли она отзывать огонь, — проговорил Камориль. — Хотя какое там. Наверняка не умеет еще.

— А если б умела, могла бы восстановить изображение? — удивился я.

— А то. Не такие уж эти элементаристы и бесполезные.

— Еще что-нибудь нашел?

Камориль покачал головой.

— Дом как дом, — сказал он, — новый довольно. Смертью, опять же, нигде не несет.

— И все-таки мне кажется, что твои влюбленные покойники вполне могли быть прошлыми здешними хозяевами.

— То есть, ты полагаешь, что эта женщина, представившаяся Варамирой, привезла мальчишку в чужой дом, владельцев которого заблаговременно отправила на тот свет? Так?

Я поразмыслил немного и кивнул. Спросил:

— Камориль, а одежда на них была, на покойниках-то? Ты случаем размерчик не запомнил? Ну, хотя бы обуви...

— Туфли на мужчине были дорогие, брендовые. Я даже почувствовал мимолетное

желание снять их и себе забрать — но у меня лапы чутка поменьше. Так что — запомнил, — Камориль криво улыбнулся. — Сорок шестой размер. Большой был мужик.

— А барышня?

— Вот ее не помню.

— Ну, я там, наверху, в кладовке, еще одежду нашел и ящики с обувью. Размерчик подходит.

— Раз так, — Камориль помахал рукой над грязной посудой в мойке, разгоняя стайку мошкеры, — то вполне может стать, волшебный мой, что Варамиру свою ты убил не зря.

И он уставился на меня молча, с довольно-таки постной физиономией. Мол, и зачем ты мне нервы трепал, раз так? Не уверен, что интерпретировал его выражение верно, но, по моему, рот Камориль сложился в линию, символизирующую примерно это.

И тут я услышал кое-что странное.

— Камориль, а откуда здесь электричество? — спросил я некроманта. — Холодильник же работает, так?

Тот кивнул. Тоже прислушался.

— К дому же, вроде никаких проводов не шло, по крайней мере, по воздуху. И столбов никаких не видать, — продолжил я. — Ты слышишь этот... утробный ритмичный рык на самом пределе слуха?

— Нет, ничего такого, — ответил некромант.

— Ну как же! — воскликнул я. — Ну вот это вот... посторонний рокочущий звук, но не прибор ни разу... Где-то... откуда-то... Ну-ка, присядь!

Я сам присел на корточки и наострил уши. Камориль нагнулся.

— Слышишь теперь?

— Нет, Мйар, ничего... хотя... постой... а, нет.

Некромант разогнулся.

— Что тут ни делай, но у меня не такой чуткий слух, как у тебя. Я только прибор слышу, и как качелька скрипит.

Я махнул на него рукой и стал оборачиваться вокруг своей оси, пытаюсь понять, откуда звук доносится. Явно откуда-то снизу. Да, точно, пол слегка — самую чуть — вибрирует.

Я стал ходить по кухоньке, пытаюсь определить, что это за урчание такое и где тут может быть зарыт огромный довольный кот. Даже вышел из самой кухни в коридор, но там звук оказался тише. Может, потому что тут пол каменный, а на кухоньке — деревянный... Что же это может быть? И где? Где-то внизу... наверняка.

Я вернулся к замершему на кухне (на всякий случай) Камориль и снова прислушался.

— Ну?.. — спросил некромант.

— Тут где-то наверняка должен быть... — проговорил я, примечая кое-что слева, снизу, под холодильником, — ...потайной ход.

Я двинулся к агрегату и, упершись ногами в пол, стал двигать его вбок.

— Помочь? — спросил Камориль, легонько и как-то нерешительно касаясь стенки холодильника ближе кверху.

— Пальцы побереги, — ответил я, кряхтя.

Впрочем, не так уж это было и тяжело. Просто ножки агрегата прилипли к полу, и оттого самый первый рывок дался мне с трудом.

Я отодвинул холодильник на полтора шага вбок. В деревянном полу и правда была такая вставка из досок, покрашенных чуть более темной краской. Я опустил на корточки

и провел рукой по этим доскам, ощущая все ту же вибрацию, но уже чуть более сильную. Ну и загадочный рокот, ранее мешавшийся с шумом приборя, тоже стал слышен куда более отчетливо.

Я выпустил когти и подцепил ими край досок, которые довольно-таки плотно сидели в полу. Потянул. Отбросил поддавшуюся крышку от потайного хода в бок.

Передо мной разверзлась черная дыра, ведущая в гулкую, сырую тьму, обрамленную пористым камнем. Вглубь вела ржавая металлическая лестенка, приваренная к штырям, вдолбленным в камень.

— Вот теперь и я слышу это, — сказал Камориль.

— Смертью пахнет? — спросил я.

— Нет, — ответил некромант. — Но лезть бы я туда не стал.

— Ты и не полезешь. Я полезу.

— А оно нам надо?..

— Чтоб потом локти не кусать, — расплывчато аргументировал я.

— Спички вот возьми хотя бы, — Камориль протянул мне коробок.

Я не стал отказываться — сунул спички в карман джинсов и, развернувшись поудобнее, стал спускаться в кромешную тьму.

Света мне хватит на первое время. Лестенка, хоть и ржавая, крепкая вполне — держит. Рокочущий звук все ближе, а квадрат выхода все меньше и тусклей.

Спускался я секунд десять. Дырка в полу кухни смотрела сверху, как небольшое квадратное солнышко. Колодец, по которому я спустился, оканчивался небольшой каменной камерой с расположенными по стенам пустыми пыльными полками из темного дерева. В одной из стен я разглядел железную дверь, оказавшуюся довольно-таки большой — с меня ростом. Звук, уже почти осязаемый, доносился как раз откуда-то оттуда. На двери был штурвал, что символизировало, что она, скорее всего, закрывается герметично.

— А что, если там, за ней, море? — спросил я сам себя.

Это казалось мне вполне возможным. Вот только звук, доносящийся оттуда, шепотом приборя ни разу не был. Ну, откручу я этот штурвал, хлынет на меня волна... чай не сплющит в аккуратный блинчик. Да и, будь здесь совсем уж опасное давление, пористый камень давно бы не сдюжил удерживать мощь стихии. Посему, пожалуй, бояться нечего. Относительно.

Я ухватился за штурвал и начал его крутить. Сначала попробовал по часовой стрелке, и даже провернул разок — но по характеру движения понял, что кручу не туда. Стал крутить против часовой. Штурвал поддавался на удивление легко, как будто бы он не в каменном кармане под домом у моря находится, а ведет в какой-нибудь банковский сейф с золотыми слитками.

После пяти поворотов крутить стало некуда, и я потянул дверь на себя. Передо мной распростерлась еще более черная тьма, непроглядная, как пьяная тоска. Рокочущий, рычащий звук окутал меня с головой, заставил вибрировать воздух в легких. Я понял, что это работает что-то механическое. Наверное, какой-то двигатель... Явственно дунуло азотом и еще какой-то смутной, неразличимой мерзостью. Я сделал пару шагов внутрь кромешной темноты, касаясь руками стен. Стены тут были металлические, ржавые.

Может, тут где-то можно включить свет?

Жечь спички, выданные Камориль, мне почему-то не хотелось. Что же делать?

Я сделал еще пару шагов и понял, чем воняет: человеком. Этот запах был заглушен сыростью и резкими нотами каких-то машинных масел, но это был именно он.

— Эй... — произнес я тихо. Потом погромче: — Есть здесь кто?

Ответа не было. Судя по звуку, работающий двигатель где-то совсем рядом. Судя по запаху, человек здесь уже довольно давно.

Я вздохнул и полез в карман за спичками. Была не была.

Чиркнул.

В трепещущем свете, вспыхнувшем на короткие три секунды, я различил большой дизельный генератор, стоящий на каменном постаменте. От генератора вверх, прямо в металлический потолок, идут трубы разного цвета и диаметра. Наверное, вентиляция и провода. Рядом с постаментом стоят накрытые брезентом канистры немалого литража — запас топлива впрок. Сама металлическая коробка помещения, которая коробкой, оказывается, не является, простирается куда-то вглубь скалы еще метров на девять, плавно сужаясь, ритмично перемежаемая покатыми ребрами прочности. Что это было такое раньше? Корабль, что ли?.. Корабль, замурованный в скалу?.. Откуда только берутся эти интерьерные изыски...

Я понял, что все это — не важно, когда увидел, что возле постамента с генератором, кроме канистр, стоит еще железная кровать без матраса, с металлическим пружинным каркасом и на колесиках. А на кровати лежит, сложив на груди руки, седая старуха и смотрит на меня блеклыми водянистыми глазами не моргая.

Спичка погасла. Я не смел шевельнуться. Первые секунды две. А потом все стало на свои места: и шум прибоя, и темнота, и сердце, которое надо слушать — горячее, пылкое сердце работающего дизельного генератора, производящего для дома электричество.

Я рискованно зажег еще одну спичку и, охраняя огонь от сквозняка ладонью, сделал три шага по направлению к кровати. Бабка следила за мной красноватыми жуткими глазами, не поворачивая головы и ни слова не говоря.

Ну хоть что-то. Ну хоть не мертвая.

— Баб Паша? — позвал я.

Она молчала. Молча глядела на меня. А я на нее.

— Баб Паша? Это я, Мйар. Сейчас мы вас отсюда... вытащу сейчас я вас отсюда. Вы только... Только...

Я забыл о спичке, и огонь обжег мне пальцы. Я бросил огарок наземь. По памяти нащупал спинку кровати и покатил ее к выходу.

Я выкатил кровать с бабкой в каменный карман с лестницей наверх.

— Камориль! — позвал я.

В квадрат света наверху тут же сунулась голова.

— Спускайся сюда! Я тут... человека нашел! Надо ее отсюда вытащить!

— Сейчас, Эль-Марко с улицы позову, — ответила голова голосом некроманта и скрылась.

Я глянул на бабку.

— Баб Паш, вы понимаете меня? Вы меня помните? — спросил я.

Но старуха молчала. Тупо смотрела на меня, теперь все же моргая иногда.

Да что же это... да что же это такое происходит, а?

Мари ревела, обнимая бабу Пашу, и никак не хотела от нее отходить. Бабка все так же молчала, глядя куда-то перед собой. Мйар ее кое-как вытащил на себе из подвала, благо, была она не то чтоб особо тяжелая.

Совсем безвольное тело нести было непросто. Но Мйар справился.

Бабку прямо из Мйаровых рук принял Кападастер и передислоцировал ее на второй этаж, в одну из спален. Уложил на большую двухместную кровать и стал что-то колдовать над ней.

— Состояние у нее стабильное, но прежде, чем приступить к работе, мне надо кое-что обдумать, — сообщил он.

— Что с ней? Что с ней такое? Почему она не двигается? — спрашивала Мари. Руки у девушки дрожали. Она явно не знала, что делать. — Может... скорую... скорую вызвать?..

— Мари, успокойся, — Эль-Марко протянул руку чтобы, может, положить ее девушке на плечо, но передумал. — Состояние у нее стабильное было и без меня. Она в какой-то... медитации, что ли. Все процессы приглушены. Но она определенно жива. Но что-то... как-то все... как-то все странно. Мне нужно... — он замолк.

Мари держала старуху за руку. Слезы градом катились по щекам девушки. Она то и дело хлюпала покрасневшим носом и иногда вытирала глаза свободной ладонью.

Камориль, Мйар и Никола столпились возле двери, молча наблюдая за происходящим в комнате.

— Так, — Эль-Марко поднялся. — Ребята, не обессудьте, но мне нужно сосредоточиться. С вами за спиной я работать не смогу.

— Намек ясен, — ответил Мйар.

— Мари, — Эль-Марко обернулся к девушке, — ты тоже... не могла бы ты... нас оставить ненадолго?

Мари бросилась к старухе на шею, заревев в голос.

— Я ее уже и так один раз оставила, — причитала она, — больше не оставлю!

— Мари, — Эль-Марко все-таки взял ее за плечи и заставил посмотреть на себя, — я, в конце концов, не какой-то там хрен с горы. Я позабочусь о ней лучше этих ваших традиционных врачей. Поверь мне, а?

Мари, шмыгнув носом, замолчала. Молча встала, сцепила руки на груди и, не глядя ни на кого из стоящих у двери, вышла. Не оборачиваясь.

Мйар, Никола и Камориль тоже вышли вон. Камориль, прикрывая за собой дверь, что-то усиленно пытался втолковать Мйару без слов, подмигивая и кивая куда-то в сторону.

Наконец дверь захлопнулась, и Эль-Марко остался один на один с пациентом.

— Значит, ожег гортани четвертой степени, которому уже десять лет? — спросил он у старухи, которая, судя по всему, и не намеревалась отвечать. — И язык. И еще органический паралич инфекционной этиологии. Что ж вы себя не берегли, бабушка? Впервые вижу такую неосторожную пожилую женщину, если не считать таковой одну одиозную вампиршу.

Эль-Марко сжал правой рукой челюсть старухи.

— Язык отращивать будем до или после того, как паралич уберем?.. Будет неприятно. В любом случае.

Вот уж выбрала она место, чтобы реветь, а.

Я стоял в полутемном коридоре, а прямо на пороге входной двери сидела Мари и, очевидно, плакала, используя подол платья совсем не по назначению.

К ней, на пороге сидящей, даже не подойти никак, чтобы как надо. Чтобы сесть рядом и обнять, например. Знаю, знаю, что это обычаем не помогает, а слез только больше становится — но это кажется мне самым естественным, что можно сделать. Но в дверном

проеме я рядом с ней попросту не помещусь. Поэтому я спросил:

— Мари, чай будешь?

Она обернулась, продолжая вытирать нос подолом.

— Пойдем на кухню, — предложил я. — А то на пороге сидеть... простынешь еще.

Сейчас вроде бы как и тепло уже, но погода — опасная.

— Эль-Марко меня вылечит, — буркнула Мари.

Такой тон ей вовсе не шел и был, по-моему, чем-то новеньким в ее репертуаре.

— А он тебе не говорил разве, что с вирусами и инфекциями не работает? — спросил я.

— Нет, — ответила Мари.

— А вот. Ну... в общем... я думаю, что ты напрасно ревешь. Надо же радоваться — мы нашли баб Пашу.

Мари отвернулась от меня и замерла. Потом вздохнула (ее плечики опустились), подобралась и встала. Обернулась.

— Ты знать не знаешь, о чем я плачу, — сказала она.

— Куда уж мне, — хмыкнул я. — Тогда, может, ты мне расскажешь, о чем?..

Мари смотрела куда-то в пол. Потом подняла на меня заплаканные глаза и ответила:

— В тебе совсем нет того, на чем люди вместе держатся.

Я опешил. На секунду. Мало того, что я не понял, что она имела в виду, так еще и сказано это было... довольно жестко. Агрессивно даже, пожалуй.

— В смысле?.. — тупо переспросил я.

— В тебе нет понятия "мы", — ответила Мари. — Ты... я... подумай об этом. Это тебе мешает жить. Именно это.

— Вот как...

Я был в растерянности.

Мари перестала смотреть на меня и скосила взгляд куда-то вбок. Было видно, что она хочет сказать что-то еще, но не решается. Наконец она произнесла, теребя многострадальный подол:

— А у... а у него... есть.

Слова прозвучали глухо, почти неслышно, очень как-то несмело.

— Что есть? — спросил я, ничего уже не понимая. — У Эль-Марко, что ли?

— Он сейчас... он сейчас все решит, нам поможет, но он... он потом... он потом с тобой останется. Потому что ты и я — мы в разных весовых категориях, — продолжала Мари, — девушка и друг. Я, что ли, не понимаю. Понимаю я все. Тридцать лет и три дня. Никаких шансов. Против тебя — ни-ка-ких.

Она смотрела на меня своими голубыми глазами, — какие, на мой взгляд, вовсе не предназначены для слез, — и во взгляде этом девичьем, яростном, плескались ревность и отчаяние, перемешанные напополам со смертельным страхом.

— Так ты об этом, что ли, плакала? — спросил я просто.

Мари ничего не ответила, — отвернулась.

— Ну, тогда ты зря это, — сказал я. — Во-первых, все будет хорошо. Во-вторых, Эль-Марко на самом деле тот, кем кажется. Он не играет — не его это. И с тобой не играет. Я чем угодно могу поклясться в том, что он с тобой искренен.

— Это ты так думаешь, — ответила Мари, не оборачиваясь.

— Слушай... Мужчины — не такие уж другие, — попытался объяснить я. Нет, я понимал, конечно, что говорю не слишком связанные друг с другом вещи, но тогда мне это

казалось правильным. — Совсем такие же, по сути. У каждого есть сердце. И хочется им точно того же. И мы Эль-Марко одиночества не разбавляем. И ты же понимаешь, что он, вообще-то, может... довольно легко... ну... — я замялся.

Мари даже обернулась.

— Может что? — спросила она.

— Ну, он — не я, — я поджал губы, — он — нормальный. Человек. Сдержанный, уверенный в себе. Взрослый он. Я видел, как Эль-Марко взрослеет своими глазами. И как принимает жизненные уроки. Достоинно. Достоинно он их принимает, короче. Ну так вот, он, теоретически, мог бы снять свою тельняшку, волосы состричь, и даже зрение себе вылечить — но он почему-то предпочитает оставаться молодым... И точно так же он мог бы давно уже быть с кем-то. Но он все кого-то ждал. Может быть, тебя?..

Мари улыбнулась. Улыбка ее была грустной и тусклой.

— Ты еще больший... романтик, Мйар, чем я могла бы предположить, — сказала она.

Я смолчал. Она хотела сказать "дурак?" Я смотрел на нее и пытался понять, о чем она думает. Мари как будто бы хотела что-то еще мне поведать, но снова не решалась. Потом все-таки произнесла:

— Ну хорошо. Представим. А как же все те женщины, что были до?..

— Я где-то слышал, что опытный мужчина — алмаз в пыли, — я решил блеснуть цитатой из читанного на досуге глянцевого журнала. — Ну и, судя по тому, что я слышал, разобраться, кто там был прав, а кто виноват, довольно затруднительно... И вообще, с чего ты взяла, что кто-то с кем-то останется?..

— Ну как же. Камориль хочет убить этого своего Зорею. Ты хочешь вернуть память. Никс хочет найти Ромку. А я ничего этого не хочу. Ты нашел бабу Пашу и теперь все, чего я хочу — это добратся с ней вместе до городской квартиры, и чтобы нас никто больше не трогал.

— Не могу осуждать тебя за это желание, — ответил я. — История с этим всем, конечно, малоприятная. Но, даже если наши пути здесь разойдутся — это же не значит, что мы больше никогда не увидимся, так?..

— Как знать, — проговорила Мари.

Я вздохнул. Ну, она хотя бы больше не плачет. А тоска у нее на сердце оказалась черней, чем я думал. Когда такая юная девушка успела настолько разочароваться во всех и вся? И они что — все одного и того же боятся? Никола, помнится, ревела примерно по тому же поводу... Страх не быть выбранным. Не стать избранным... Даже если ты уже и так, по сути, совсем не прост.

И самым удивительным в этом всем был тот факт, что меня самого отпустило. Я стал чист и спокоен. По крайней мере, в отношении Мари. Я еще точно не понял, как к этому всему относиться, тем более что сейчас есть темы для беспокойства и поважней личных треволнений. Но в глубине души я знал — ее сказка не про меня, хоть я и сыграл в ней небольшую роль. Что ж, уже хорошо. Как там было? Главное — участие, да?.. И будь оно все неладно, но... неужели я всегда это знал? Ну, про то, то все это — не обо мне... Знал с самого начала, но верить отказывался... накрутил себе всякого. Размечтался. Напланировал чего ни попадя.

Какой же я олух, а.

— Пойдем, Мари, к остальным, — позвал я ее, кивнув в сторону кухни, — чтобы Эль-Марко не пришлось нас потом по дому искать, когда он закончит.

— И еще мне не нравится твой некромант, — неожиданно заявила девушка. — Просто, чтобы ты знал.

— Да уж, раз у нас сегодня день откровений... буду знать, — я улыбнулся. — А чего не нравится-то? Худоват? Хамоват?

— Выделяется, — ответила она, поведя плечом. — И еще я рядом с ним себя какой-то глупой ощущаю. А я к такому не привыкла, знаешь ли. И мне не нравится чувствовать себя глупой.

— Ты не поверишь, кем я себя ощущаю при нем, — поделился я.

— Кем?.. — внезапно заинтересовалась Мари.

— Печеной индюшкой с яблоками. Особенно, когда у него настроение лирическое.

— А тортиком с ванильной помадкой?

— Или тортиком с помадкой, да, — кивнул я.

На душе моей стало чуть теплее. Мне подумалось, что, несмотря на немало резких слов, прозвучавших в этом коридоре, этакий ранящий, но правдивый разговор сблизил нас с ней намного больше, чем все те окольные милые заигрывания, что имели место быть до. Может даже, это знак к тому, что, когда жизнь снова станет поспокойней, мы сможем быть друзьями... настоящими, правильными, без всякого.

Я был бы счастлив, если бы это оказалось возможным.

Когда Мйар и Мари пришли на кухню, то обнаружили, что ожидавшие их Никс и Камориль уже всю гоняют чай, найденный на одной из полок.

— Дрянной чай, — пожаловался Камориль, отхлебывая из кружки, — совсем... не годный.

— Не нравится — не пей, — предложил ему Мйар. — Мне отдай.

Камориль вцепился в чашку, как будто Мйар ее у него отбирает.

— Не дам.

— Эль-Марко еще не спускался? — это спросила Мари.

— Нет, — ответила ей Никс. — Слушай, а ведь твоя магия и правда работает. Раз мы твою баб Пашу нашли общими усилиями. Значит, и про ключ от всех дверей — тоже правда. Только мы не понимаем пока, что бы это могло значить.

— С пророчествами оно всегда так, — ответила Мари. — Но они коварны в этом плане. Могут и эвфемизмом быть, а могут и значить то, что значат. Никогда не знаешь, на какое напорешься.

— Да мы тут вообще хрен знает на что напоролись, — проговорил Мйар, наливая кипятка и себе тоже. — Трупы за домом, баб Паша в подвале... Все на замке. Зачем кому-то было ее красть, а потом оставлять под землей?.. И почему она молчит?

— Это некорректный вопрос, Мйар, — произнесла Мари, взглянув на него осуждающе.

Мйар нахмурился.

— Почему это? — спросил он.

— Потому, что некрасиво о таком спрашивать. Это — горе. Странно, что ты этого не понимаешь.

— Ну ладно, — медленно проговорил Мйар. — Я этого и правда... не понимаю.

— Женщины, — протянул Камориль, спешно запивая произнесенное слово чаем.

В дверях кухни появился Эль-Марко.

— Чай без меня гоняете? — осведомился он.

— Это выглядит намного лучше, чем есть на самом деле, — ответил ему Камориль.

— Ну что там? — напряженно спросила Мари. — К ней можно?

Эль-Марко помолчал секунду, собираясь с мыслями. Выдал наконец:

— Можно. Даже всем, пожалуй, можно. Она у тебя оказалась крайне крепкой старухой.

— Так а что с ней было-то? — это спросила Никс, когда компания начала подниматься вверх.

Эль-Марко поправил очки.

— Это она сама нам расскажет. Если расскажет.

— Да не "что произошло" я спрашиваю. Здоровье-то как?

— Здоровье у нее чудесное. В смысле, это чудо, что она вообще жива, а уж то, что там с ней творилось... я давно столько разнообразных патологий в одном организме не встречал... Хотя снова вру, Вера же... м-да.

Эль-Марко открыл дверь в спальню, где на двухместной кровати полусидела-полулежала баб Паша.

— Маришка, — произнесла старуха, — Маришка, иди сюда, дай я тебя по голове поглажу, волосы приглажу, — и приподняла руку.

Мари отчего-то замерла на пороге, как вкопанная.

— Ну, — произнесла баб Паша, улыбаясь.

Мари моргнула. Покачивая головой, она подошла к кровати и села с краю.

— Как... — произнесла девушка, — как такое может быть? Баб Паша... ты говоришь! Вслух! Поверить не могу!..

— Теперь буду много разговаривать, — ответила та, — гораздо больше, чем раньше. И деньги пойдут.

— Что здесь происходит? — строго, возможно, даже чересчур, спросил Камориль.

— Маришка, — баб Паша обратилась к внучке, — ты ж мне этого мужчину представь — я ж его не знаю, а он вон какой бойкий.

— Это Камориль, — сказала Мари, — он некромант. А, и вот — Никола, она элементалист огня. Они с нами. Остальных ты знаешь.

Никс произнесла скомканное "здрасьте". Старуха кивнула ей и улыбнулась.

— А что происходит... — баб Паша вздохнула. — Дела. Дела... намного более страшные, чем вы можете себе представить. Ваш друг Эль-Марко только что вылечил меня... он отрастил мне заново язык, который мне удалили пятнадцать лет назад. И этот, новый, прекрасно работает. Я думала, будет сложнее... а оно — как на велосипеде ездить.

— Но как же так, — проговорил Мйар, — я ведь помню, что мы с вами прекрасно общались... мы с вами разговаривали, буквально пару дней назад!.. Как такое может быть?

— Я тоже помню, что мы с вами говорили, — добавил Эль-Марко. — Вслух. Помню совершенно четко.

— Этого быть не может, — возразила Мари. — Баб Паша, сколько помню, — в жизни ни слова не произнесла.

— А тут произнесешь, при выжженной плотке-то, — хмыкнул Эль-Марко. — Это мы тоже поправили.

— Ничего не понимаю, — признался Мйар.

Вмешался Камориль.

— Все нормально, — произнес он, успокаивающе подняв вверх ладони. — Вы все правы одновременно. Если мы имеем дело с Зореей, как я и предполагал, то все объяснимо. Зорей

просто перекроил память кому-то... из нас. Прямо вот так, на живую. Скорее всего — тебе, Мари, и вам, Пелагея.

— Но, Камориль, — возразил Эль-Марко, — этим ожогам, и правда, не сутки и не двое. Ожогу гортани — десять лет. А языка у нее не было на самом деле лет пятнадцать. Состояние зубов не даст соврать, да и вообще... Самое новое у нее — паралич, случившийся в результате развития инфекции при общих неблагоприятных условиях...

Старуха кашлянула. Все замолкли и тревожно уставились на нее.

— Дайте мне сказать, молодежь. Я скажу — и все. И больше вы меня не увидите. Маришка меня домой отвезет, да, деточка?

— Конечно, — кивнула та.

— Так вот... поудобней как-нибудь устройтесь, — обратилась баб Паша ко всем. — А то, что стоять... Я сейчас все расскажу. Все, что знаю и что поняла.

Камориль остался стоять у дверного косяка. Эль-Марко оперся об подоконник, Никола присела у стены. Мйар, помаявшись было, опустился на бежевый цилиндрический пуфик рядом с кроватью.

— Во-первых, я должна вас поблагодарить за то, что вы меня нашли, — сказала баб Паша, когда все затихли. — Чую, смерть бы меня отыскала в той дыре скорее рано, чем поздно, и это была бы очень глупая смерть... Но, слава Потерянному, который помогает нам найти тех, кто нам дорог, вместо себя... Так вот, когда все это закончится — приходите к нам с Маришкой в гости, я вам пирогов напеку.

Мари сжала кулачки, но ничего не сказала.

— Придем обязательно, — произнес Камориль.

Баб Паша еще немного помолчала. А потом стала говорить, тяжело, тускло и страшно:

— Я не знаю, кто она такая... или что она такое. Я не помню, как я жила до этого всего, но знаю, что как-то не так. Как-то иначе. Вот вы говорите — я могла говорить. А в моей голове все так, будто бы я молчу уже двадцать лет. И там же — смутные воспоминания о том, как меня держали пленником в одной из тюрем умирающего города... И как я там болтала что ни попадя и за это поплатилась — горлом и языком. И я не могу понять — было это со мной или не было. Может, это все сон был? Или я там и правда была, но мне как-то... больше везло, что ли. А все, что сверху, — воплотившийся в реальность страшный сон... не знаю. Но ладно — я. Я здесь, живая, да и здоровая вполне. Чувствую себя так хорошо, как давно не чувствовала. Никогда не была в руках целителя... такого талантливого и сильного. Не смущайся, парень. Я говорю правду, не льшу, да ты и сам знаешь. Ну так вот... та женщина... она... у нее волосы... черные, вьющиеся, не путались.

И баб Паша замолчала на долгие полторы минуты, и никто не смел нарушать тишины. Наконец она продолжила, покачав головой:

— Ее длинные черные волосы не путались. А на платье не липла грязь. Крапива не хлестала ее по ногам. Она ничего не привыкла делать сама — может, кроме каких-то банальных жизненных мелочей. Мир вокруг нее вертится так, что ей ничего не надо делать. И тем не менее она любит жизнь, и стремится познать ее как можно глубже, как можно лучше. И боится смерти — панически. До припадков. Настолько, что готова несколько раз умирать, лишь бы убить в себе этот страх.

Когда баб Паша говорила это, Камориль явно косился на Эль-Марко с выражением лица "А с ней точно все в порядке?.." Эль-Марко повел плечом, мол "отстань, сам не знаю".

— Это все звучит странно, я понимаю, — баб Паша заметила их бессловесный

диалог, — но она — это то, с чем мы имеем дело и с чем вам придется столкнуться гораздо ближе, чем стоило бы. Если вы мальчику-то помочь хотите.

— Мальчику? — встрепенулась Никс. — Ромке?.. Вы его видели?

— Глазами колдуний вероятностей, через тонкий слой изнанки — видела, да, — кинула баб Паша. — Его поди не заметь... Так вот, эта женщина взяла меня из дому для того, чтобы я делала за нее то, что она делать не может. Я пекла для нее пироги там, внизу. А она кормила ими мальчишку. Может быть, я ей была и еще зачем-то нужна — не знаю. Может, она держала меня, как козырь, на случай, если что-то пойдет не так и мальчишка взерепенится и не станет ей помогать. Как последний, стало быть, патрон... или — один из. И когда она ушла из дому — меня охватило это оцепенение... Внезапно, как запоздалая кара небес, настигшая провинившегося перед древними богами. Там, внизу, в темноте, было страшно и пусто, и если бы я смерти боялась — то наверняка сошла бы с ума. А так — что... темница своего тела... так мы же и так все в ней, если только не видим сны... А мальчишка... он... то ли ничего не заметил, то ли он куда умней и проницательней, чем думает она, и чем думали мы с вами. Он делал все, как она ему говорила, в ненужные стороны не смотрел, отворачивался, когда надо, и даже помог ей подвинуть холодильник без лишних вопросов. Молчал он. Чуял что-то. Кожей. Нутром. Сердцем. Чуял, с чем имеет дело и не рыпался.

— И эта женщина... — проговорил Мйар, — ее Варамира зовут, так?

— Так, — кивнула баб Паша. — И если смотреть на нее через изнанку, как никто из вас не умеет, — то можно увидеть, что она такое на самом деле.

— Я могу немного, — заметил Камориль. — Верхним левым глазом.

— Экий ты непростой, — хмыкнула старуха.

— А вы тоже не так просты. Не знал, что колдуньи вероятностей могут смотреть в изнанку без заклинаний...

— А будто бы ты с нами дело имел, хороший мой. Ну, а ежели с Варамирой лицом к лицу столкнешься — сам посмотри. Такого ты больше не встретишь и не увидишь.

— Так и где она сейчас? — спросил Мйар. — И мальчик где?.. Вы не знаете?..

Старуха покачала головой.

— Откуда ж мне знать. Я все это время была там, внизу...

— А может, вы можете что-нибудь такое наколдовать, чтобы узнать, где они? — настойчиво перебила Никс. — Какое-нибудь пророчество сообразить? Ведь у Мари — получилось!

— Предвидеть — значит всего лишь ясно видеть настоящее и прошлое в их движении, — спокойно ответила старуха. — А я сейчас не вижу. Более того, на старости лет мне стало казаться, что прошлое вариативно, точно так же, как будущее...

— Ох ты ж надо же, — сказала Никс и ухватила за голову руками.

— Никс? — Эль-Марко встал с подоконника и быстро подошел к девчонке, присел рядом. — Никс, с тобой все в порядке? Что... дай я...

Никола свернулась клубком, все так же держась за голову. Эль-Марко накрыл своими ладонями ее, но тут же отпустил.

— Никс? — он положил ей руку на плечо, легонько сжал, — Никс, с тобой все в порядке... но... что?.. Что не так?..

Девочка чуть расслабилась, моргнула, а потом уставилась на Эль-Марко дурным взглядом:

— Она сказала "прошное вариативно" и меня скрутило. Как будто бы спица в голову вошла! Вот тут, во лбу, — Никс коснулась кожи лба пальцами. — Раскаленная спица! Белая! Никогда, никому не позволю стрелять из лука в яблоко у себя на голове!

— Очевидно, я, сама того не ведая, произнесла слово-ключ, — спокойно сказала баба Паша. — Это мне знакомо... Видела я такое уже и слышала. Девочка, ты имела дело с чтецами?..

— Да вроде того, — Никс все еще терла лоб. — С одним... Но он показался мне вполне нормальным...

— "Нормальный чтец" это оксюморон, — заявил Камориль, и тут же спросил, обращаясь к Никс: — Что тебе открыло это слово-ключ?

Все уставились на Николу. Та молчала и смотрела куда-то в пол, сурово нахмуриив брови. Потом выдала наконец:

— Это бред какой-то. "Прошное вариативно"... Я бы не принимала такое на веру — опасно оно... Но... Кажется... кажется, Абеляр Никитович использовал меня. Фу, какая дурацкая роль. Но ему, видимо, было больше некого, или он воспользовался последним шансом...

— Никс, так а что..? — это произнес Мйар. — Ты, может, поведай, что вспомнила, а то мы все, как дураки, не понимаем же ничего.

— У Абеяра Никитовича есть родственник, — ответила Никс медленно. — Наверное, он мне о нем навнушал, чтобы я его нашла и ему рассказала о том, что случилось с Абеяром... или чтоб спасла его... родственника? Или Абеяра? Или чтобы родственник спас Абеяра?..

— А зачем это знание на слово-ключ закрывать? — спросил Камориль.

— Чтецы, — пожал плечами Эль-Марко.

— Не знаю, не в том дело... — Никс помотала головой. — Хотя, может, в этом и есть смысл. Но, в общем, этот родственник — тоже чтец, но с ним надо быть осторожней. И нам надо с ним встретиться, да. Но быть с ним надо еще осторожней, чем с любым другим чтецом.

— А не Зорея ли этот родственник? — спросил Мйар, решив, что обо всем догадался.

— Нет, — ответила Никс. — Его зовут Родн Кой, или — Родион Сизый. Это кому как удобнее.

— Хм, какое же из имен настоящее, интересно, — протянул Камориль.

— В общем... — продолжила Никс. — Я теперь знаю, как его найти. А он — спрятан. Найти его не так-то просто. А я знаю, как. Это где-то в старом городе, что на холмах. Вообще мало кто знает, как его найти. Но зачем это знать мне?..

— Чтец, говоришь? — переспросил Мйар. — Думаю, неспроста все это. Раз, как ты рассказывала, Абеляр считал твою память — он многое о нас узнал. И, мне кажется, спрятал в тебе память об этом "Сизом" — тоже не просто так. Может быть, этот Родн Кой поможет нам... поможет мне вернуть мою память?.. Раз он спрятан — может быть, он вне закона.

— А если он вне закона, то он, скорее всего, пришибленный на всю голову изгой и фрикс, прячущийся от собственной гильдии и от поглощающих, — улыбнулся Камориль. — Все, как я люблю!

— Значит, следующий пункт программы — найти этого Родиона, или как его там, — порешил Мйар. — Отличный вариант, я считаю.

— Я не согласен, — произнес Камориль холодно. — Я вообще не согласен с твоим

решением вернуть память. Даже несмотря на все "за".

Мйар и Камориль уставились друг на друга, ничего более не говоря. Вероятно, каждый понимал, что от перечисления аргументов мнение другого не изменится, а потому они просто молчали и сверлили друг друга взглядами.

— Все будет хорошо, — тихо проговорила баб Паша. — Это... Все что я могу вам... пообещать. Опасность была... раньше. Теперь ее нет. Если ты, рыжий, вернешь свою память — теперь... Теперь ты справишься. Я верю в это. Нет... я почти что уверена, что знаю это.

— Правда? — глуповато переспросил Мйар.

— Да. И, кроме того, если ты встретишься с ней... то должен знать, что такой, как сейчас, ты ей не чета.

— Варамире? — уточнил Мйар.

— Да. И никто из вас не чета. Пойдете на нее с пулями — сами себя покалечите. С ножами — тоже. С магией... кабы не случилось беды. Не знаю, может ли она обратить против колдующего его собственное волшебство, но я бы рисковать не стала. Эта женщина — очень опасна, и это не пустые слова. Я бы предпочла с ней в жизни не встречаться.

— Но я же как-то раз уже... имел с ней дело, — сказал Мйар, — давно... И я этого не помню, но... она один раз уже... умирала. Как же она тогда... Откуда же она?..

— Знать не знаю, — отрезала старуха.

— Я... В прошлый раз я с ней встретился до того, как избавился от памяти, — проговорил Мйар, ни на кого в комнате не глядя. — Значит, чтобы снова с ней... разобраться, я должен стать тем, кем был. Все сходится. Я полностью уверился в том, что должен вернуть память. Чем бы это для меня ни обернулось.

— Раз уж ты хоть чего-то в этой жизни определенного захотел, кроме еды и женщин, то я тебе помогу в достижении этого, — произнес Камориль, скрестив руки на груди. — А если вдруг из тебя снова попрут невиданное волшебство и раздует до размера трехэтажки — ничего, справимся. Один раз же справились.

— Я тоже буду рядом, на всякий случай, — сказал Эль-Марко.

— И я! — воскликнула Никс. — Надо Ромку от этой бабищи спасать, я просто уверена в этом!

Мари ничего не сказала.

— Тут из этого поселка, что южнее, в город вроде бы автобусы ходят, — сказал Камориль. — Я так понимаю, потерпевшая наша самостоятельно ходить не сможет ближайшее время?

— Особо — нет, — ответил Эль-Марко. — Вообще сможет, конечно, но далеко не сразу.

— Ну, значит, Мйар дотащит вас, Пелагея, до поселка, там мы посадим вас с Мари в такси и вы поедете в свою городскую квартиру или в поликлинику — это уж как вам правильнее кажется. А мы вплотную займемся поисками Родн Кои, или Родиона Сизого. Мари, — некромант прямо посмотрел на девушку, — если что, мы же сможем снова обратиться к тебе за помощью?..

— Д-да, конечно, — тихо сказала та.

— А то ведь, где искать Зорею Катха, а теперь и Варамиру — все еще непонятно, — пояснил Камориль, — Так что, ежели мы опять отчаемся, попробуем снова поэксплуатировать "След Суженого". Благо, не любить Варамиру тебе теперь есть за что.

— Да уж, — вздохнула Мари.

Так уж вышло, что я опять подслушал разговор Эль-Марко и Мари.

Мы расположились на обочине у дороги. За побеленными приземистыми домиками виднелось спокойное море, бабки-торговки предлагали приобрести у них груши, яблоки, мед и семки в ассортименте.

Я погрузил баб Пашу, что безропотно ехала у меня на закорках весь путь от Оливковой бухты до поселка, в подъехавшую машину такси, на заднее сидение. Мари села возле водителя. Я пожелал им удачи и отошел на пару метров, ближе к Камориль и Николе.

Эль-Марко наклонился к сидящей уже в машине Мари и сказал:

— У нас бывало и хуже. Увидимся еще, только на телефон отвечай, хорошо?.. Надо ведь столько всего обсудить.

— Я нормальная, — сказала ему Мари. — Просто мне страшно все это. И я ничем не могу помочь. Баба Паша — это вся семья, что у меня есть.

— Я понимаю. Осторожней там.

— Ты тоже.

И он захлопнул дверь.

Эль-Марко махал вслед отъезжающей машине рукой — просто, не долго. Потом руку опустил и повернулся к нам.

Вот как оно бывает у людей.

Да уж. Это правда удивительно — то, как мы наши баб Пашу. Как странно судьба складывается порой... Мне было немного грустно. Но совсем грустить не получалось — то ли ветер с моря прогонял печали, то ли нетерпение, которое начинало закипать во мне тем яростней, чем ближе становилось свершение моих планов.

Мы отправились на остановку, на которой как раз уже поджидал пассажиров маршрутный автобус.

— А мы не заедем на Лунь посмотреть? — спрашивала Никс у Эль-Марко, поднимаясь по ступенькам внутрь.

— А что на нее смотреть, — отвечал он, — ей там еще долго сидеть.

— Вот же мерзость, — шипел Камориль, сжимая и разжимая пальцы в брезгливой ярости.

Мы уселись, как всегда, в дальней части автобуса и принялись ждать отправления.

— Да ладно тебе, — попытался успокоить некроманта Эль-Марко. — Ну, сожрала она твою шубу и верблюжье покрывало...

— И два шерстяных пледа! — напомнил некромант. — Два! Натуральных! Шерстяных! Пледа! Я уже молчу о старых свитерах!

— Ну, они же были старые... ты их носил хотя бы?

— Нет! Но черный мне, между прочим, Мйар подарил! Я им дорожил!

— Ну, она же не разумная... То есть, разумная, конечно, но разве что как какой-нибудь подвальный тролль, — нашла и съела, тем более что ей было нужно подкрепиться перед оукливанием.

— Вот именно поэтому я и не завожу дома живых кошек или собак — мало ли, вдруг в них тролля кровь? — Камориль никак не мог успокоиться.

— Ну, если все же какой-нибудь котенок или щенок тебя соблазнит, ты зови меня, я тебе определю, есть в нем тролля кровь или нет, — посоветовал Эль-Марко.

Камориль расцвел.

— Да ты, я вижу, успел познать толк в...

— Эй-ей, — перебил его я, — Эль-Марко, а что с Лунью-то? Я что-то пропустил? Она... окуклилась?

— Так точно, — кивнул Кападастер. — Удивительное существо — эта Лунь. Жду не дожусь, чтобы посмотреть, что из нее в итоге получится! Это должно быть что-то невероятное!

Автобус тронулся, в нашу сторону двинулась женщина-кондуктор.

— А разве... если она станет бабочкой, она же тут же умрет! — горячо забеспокоилась Никс. — Может, отменить ей это все? Это возможно? Ну, как же так...

— Да не умрет она, — успокоил девочку Эль-Марко. — Ну, быстро, то есть, не умрет. Она — не бабочка, а нечто совсем иное. Скорее всего, после обращения в имаго она проживет еще долгую удивительную жизнь... Ну, в любом случае, мы сможем это определить наверняка, когда она вылупится, по состоянию ее пищеварительной и репродуктивной систем.

Эль-Марко с Николаем стали обсуждать, что может выйти из окуклившейся Луни и будет ли это существо летать, а я уставился в мутное окно.

— Не переживаешь, что мы их одних отпустили?.. — спросил Камориль, сидевший рядом.

Я задумчиво хмыкнул. Это он о Мари и бабе Паше, вестимо.

— Немного, — ответил я. — Ну, а что, с собой их тащить, что ли?..

— И правда.

— Если Варамира оставила Пелагею одну в том подвале... поспособствовав тому, чтобы бабка больше не встала... думаешь, она планировала вернуться?

— Почему тогда просто не убила?

— Может, какая-нибудь солидарность колдуний? — предположил я. — В архивах у Элви, помнится, было написано, что Варамира — из их числа.

— Судя по тому, что рассказала старуха, эта твоя дамочка — что-то из ряда вон. Ни разу она не простая колдунья.

— Может, эта... как их, помнишь, ты рассказывал? Дикая?

— Дикие, конечно, разные бывают, — согласился некромант, — но таких спецэффектов, как те, о которых нам поведала старуха вроде бы не творят. Маги же... порою они могут создавать очень эффектные, величественные вещи, играть со стихиями, жизнью, смертью и всем таким прочим. Но на уровне быта многие (почти все) мало чем отличаются от обычного человека. Потому что для того, чтобы сотворить волшебство, надо подумать, напрячься, не ошибиться, сделать все нужное должным образом... свершившееся колдовство — особенно безмолвное — это итог множества принятых магом решений и совокупности совершенно определенных действий, даже если выглядит оно снаружи так, как будто бы вершится играючи. Это все поверху. А вот так, запросто, чтобы она в быту мешала, распространяют вокруг себя примитивную магию только элементалисты.

— Ну, может, Варамира — элементалист э-э... — я замялся, — ...материи? Гравитации? Если волосы у нее не путаются...

— Элементалист волос? — хмыкнул Камориль. — Грязи и крапивы?

Я ничего ему не ответил. Нам не надо было обсуждать то, что и так было понятно: если бабу Мари украли, используя тех же существ, что напали на нас в доме Камориль — значит, тот сильный чтец (предположительно, Зорея) работает вместе с внезапно ожившей и принявшейся что-то странное мутить Варамирой. А значит, теперь мы в спайке не только по старой дружбе. Наши цели сходятся. Вот только ежели Камориль уверен, что хочет избавиться от Зореи самым радикальным путем, то я, в случае с Варамирой, уверен не до конца. Как это мне, что уж там, свойственно.

Убила ли Варамира тех людей из дома в Оливковой бухте? Желает ли она Ромке зла? Она ли виновата в параличе, поразившем бабу Пашу? Да и она ли это вообще?

Та ли это женщина, которую я знал, которая была женой Даньслава и которую я, судя по всему, однажды убил? Судя по описанию — похожа, но мне бы в глаза ей посмотреть, что ли. Хотя бы раз. Вдруг я чудесным образом все пойму?..

— Камориль, а что, если... — задумчиво проговорил я, — если Варамира не умирала?

— Ты имеешь в виду фиктивную смерть? — осведомился некромант. — Как я тогда, в заводной моей славной юности?..

— Типа того. Может, я ее и не... того-этого. Может, мы с ней подстроили что.

— А зачем, в таком случае, тебе было все это забывать?

— Ну, чтобы не проболтаться или, в случае особенных обстоятельств, на самом деле ничего не знать.

— Значат ли эти твои рассуждения, что ты готов пересмотреть свое решение по поводу восстановления памяти?..

— Нет. Наоборот. Только истина поможет мне разобраться со всем этим.

— Вот же упрямец, а. Слова-то какие. Не похоже на тебя.

— В любом случае, эта женщина, что называет себя Варамирой, уже неплохо так натворила дел. Может, она сумасшедшая. И она с Ромкой. И с ней Зорея. Встречи с ней мне теперь ну никак не избежать.

— Осталось только понять, как нам их всех найти. Проклятье, ненавижу быть беспомощным, — признался Камориль тоскливо.

— Ну, может, этот Родн Кой нам подсобит чем. Я же, кстати, вот что предполагаю: если случится так, что ему не под силу будет разобраться с моей памятью, то пускай он хоть с Зореей нам поможет. Вдруг подскажет что путное.

— Номер телефончика, — усмехнулся Камориль. — А что? Было бы здорово и логично.

К нам обернулся Эль-Марко с лицом, активно выражающим его стремление раскрыть кому-нибудь пару-тройку вселенских тайн.

— Чтецы не пользуются мобильными, — сообщил он. — Они во время инициации все прикасаются друг к другу и тем самым образуют телепатическую сеть. Именно это позволяет им (с переменным успехом) контролировать моральный облик друг друга, влияя изнутри.

— И куда они смотрели, когда Зорея нас с тобой на мушке держал?.. — поморщился Камориль.

— Вот за это я их и не люблю, — вздохнул Кападастер, отворачиваясь.

За окном мелькали пасторальные пейзажи, свойственные здешней местности поздней весной. В город мы приедем к вечеру, а это значит, что до старой его части доберемся уже ближе к закату... Еще бы зайти куда и поесть чего. Мой организм, не обращая внимания на эмоциональное состояние хозяина, функционирует, как часы, и недвусмысленно намекает

на то, что пора бы подбросить в топку немного белков с липидами и углеводами. И, конечно же, желательно, чтобы эти питательные вещества были оформлены во что-нибудь повкусней и погорячее. Супчика бы навернуть. И мяса бы. И салата.

Вот так вот, думая попеременно то о судьбе, жизни и смерти, то о еде, помидорах и кофе, я и ехал, разглядывая пейзажи, да читая забавные названия мелькающих за окнами сел.

— Камориль, руку убери, да, — устало вздохнул я, поворачиваясь к некроманту.

— Это двойные стандарты, Мйар, — обиженно проговорил тот, руку с моего колена не убирая. — Тебе, значит, можно провокации разные устраивать, а я...

— Или ты уберешь руку, или я отсыду к вон той рыжей женщине в громоздкой шляпе.

— Убедил, — поджал губы Камориль. Ладонь с колена убрал, руки на груди скрестил и уставился куда-то вперед, выражая всем собой оскорбленную добродетель.

Я цыкнул языком и снова обратил свой взгляд на мелькающий за окнами пейзаж.

Сидения были близко, а мы с Камориль оба — отнюдь не самых маленьких габаритов. Естественно, всю оставшуюся дорогу мы касались друг друга плечами. Этого я ему запретить не мог, как не мог почему-то и абстрагироваться. От того места, где кожа моя соприкасалась с прохладной тканью рубашки Камориль, по телу распространялось тягучее, вязкое тепло, похожее на ломоту в пальцах или на утреннюю негу, что окутывает тебя всего, как одеяло, после сладкого сна. Вроде бы все как обычно, но, с другой стороны, — как-то не так. Но понять и уловить, что именно было иначе, оказалось для меня тогда невозможным.

До города мы добрались без проблем. Загрузившись на маленький скрипящий трамвайчик, доехали до центра, откуда, петляя переулками, можно легко добраться до так называемого старого города — района, который красив настолько же, насколько запутан, окутан сплетнями, наговорами, тайнами и городскими легендами. Дома в старом городе невысокие — максимум два этажа, а улочки узкие и кривые, исполненные тупиков и странных самодельных развязок, мостиков, лестниц, подземных и наземных переходов. Так как на машине туда не проехать, а условия проживания оставляют желать лучшего, обитают там, в основном, старики и бедняки, эмигранты, студенты, наркоманы да распутные женщины.

Старый город ждал нас, но мы не спешили нырять в его запутанный лабиринт. Мы поспешили в одно из котируемых Камориль местечек, где можно было бы наполнить желудок чем-то, более-менее похожим на еду. Заведение располагалось на втором этаже старинного здания на углу, и в основной зал вела роскошная винтовая лестница, сработанная из белого мрамора. Я даже испугался сначала, что эта ресторация будет слишком шикарной и претенциозной для нашей разношерстной компании, но мраморная лестница оказалась в итоге просто остатком былой роскоши, а настроение заведения — вполне уютным и демократичным.

Я долго и пристально изучал меню, но буквы и слова перед моим взором плясали и пугались. Я никак не мог сосредоточиться. Эль-Марко, Никс и Камориль уже все выбрали и даже продиктовали официанту, чего бы им хотелось, а я все смотрел в меню, как будто бы оно было составлено на неизвестном мне языке.

— Ему — сырный суп и куриные крылышки в кисло-сладком соусе, — наконец сообщил официанту Камориль, решив за меня, чего я хочу. Вот всегда он так.

— И пасту, — все же добавил я.

— Что-нибудь еще? — осведомился молодой человек в клетчатом фартуке.

— И мороженое с фруктами, — добавила Никс, — и если можно, сразу его принесите!

Официант, кивнув, ушел. Камориль обернулся ко мне.

— Ты чего? Есть, что ли, не хочешь? Но — поздно уже, если не справишься, я тебе помогу.

— Да все в порядке, — отмахнулся я. — Думаю просто о всяком.

— Не будь женщиной, расскажи нам прямо, что тревожит и тяготит твое благородное сердце! И всякие "да нет, ничего" не принимаются, — отрезал некромант.

— Сам напросился, — вздохнул я, складывая что-то непонятное из красной бумажной салфетки. — Я размышляю о том, что будет, если сюда, в это заведение, вот прям сейчас полезет сам понимаешь что. Через окна или через вон тот люк в потолке, или по лестнице... Окажется ли у посетителей оружие? Может, среди них попадется какой-нибудь элементарист? Куда они побегут, если что? Скольких я смогу и успею спасти?

— Если сюда полезут твари, — проговорил Камориль спокойно и твердо, — мы первым же делом сиганем в одно из этих прекрасных окон. Ты — с Николой на плече.

— Согласен, — кивнул Эль-Марко.

— Жечь в центре города — потом проблем не оберешься, — важно заметила Никс.

— И струну не зажмешь, — добавил Эль-Марко. — Слишком большой риск.

Я не понял, боился ли он внезапного поглощающего за соседним столиком или того эффекта, который произведу на общественность преобразенный я.

— Понятно, — я невесело кивнул. — Ну тогда давайте, что ли, долго здесь не задерживаться. Поедим скоренько — и в старый город.

— Да расслабься, — Камориль откинулся на спинку стула. — Я думаю, сюда Зорья своих питомцев не пошлет. Лишнее внимание ему зачем?

— А как же тогда, на площади? — усомнился я. — Помнишь, перед нападением Веры со товарищи, он сотворил то заклятие? Никс, как там было?..

— Оторопь, — подсказала Никола.

— Что-то кажется мне, что это было ни разу не простое заклятие, — медленно проговорил Эль-Марко.

— Ну, ясен пень, не безмолвное же! — воскликнул я. Понял, что зря раскричался и ссутулил плечи, стараясь показаться меньше, чем я есть.

— Не в том дело, — Эль-Марко покачал головой. — Я, конечно, в заклятиях чтецов не спец, но у меня такое ощущение, будто эта "Оторопь" — что-то... как бы так выразиться... чуть более крутое, чем даже просто одно из заклятий старой школы.

— Ну допустим, — кивнул я, — так а что мешает Зорье снова эту "Оторопь" применить? Здесь, сейчас — разогнать людей, а потом раздать нам на орехи?..

— Однажды произнесенное заклятие могут списать на ошибку наблюдателей, тем более что факт его прочтения невероятен сам по себе, — произнес Камориль. Потом замолчал ровно на тот промежуток времени, что официант ставил перед Никс мороженное и раскладывал перед нами приборы, и продолжил, когда тот ушел: — Тем более что никто не говорил таких слов уже тридцать пять лет. Но заклятие, прозвучавшее два раза за неделю... незамеченным не пройдет. Чернодырые насторожатся. Если уже не насторожились. А оно вот это надо Зорье, думаешь?

— А кто его знает, — я пожал плечами. — Судя по твоим рассказам, он тот еще шизопрямик.

— Он-то, может, и беспечен, но твоя дамочка, думаю, нет.

— Да ну, — я улыбнулся. — Клад за домом в бухте помнишь? Мне кажется, они с

Зореей стоят друг друга. На все сто.

И тут нам внезапно быстро принесли большую часть заказа, а потом донесли и оставшуюся. Даже не пришлось размышлять о том, не ждут ли повара вылупления яиц и последующего взросления тех кур, из которых они собираются приготовить нам еду. Я вылакал сырный суп почти что залпом (Камориль, стоит отдать ему должное, на самом деле разбирается в моих вкусах касательно съестного), а потом с удовольствием, чуть ли от онога не постанывая, впился в удивительные, сочные, сладкие жареные крылышки, не лишенные пикантной бодрящей кислинки.

— Это обалденно, — решил я поделиться с друзьями своим отношением к стремительно исчезающему из тарелки яству.

— Кушай-кушай, — протянул Камориль, наворачивая йогуртовый тортик. Видимо, он решил отойти от традиции питаться в общественных местах нормально, потому заказал пять кусов различных тортов и горшочек печеного сала с луком и специями.

— Приятного, — улыбнулся нам Эль-Марко, перекладывая Николе в тарелку с салатом кусок свинины с кровью. — Тебе надо, ешь. Половина клетчатки, половина белка, помнишь?..

Девочка сначала посмотрела на него яростно. Потом обреченно вздохнула. А потом, даже вздрогнув чутка, налегла на горячее, мягкое мясо.

— Никому не рассказывайте, что я это ем, — Камориль погрозил нам пальцем, отправляя в рот полупрозрачный квадратик сала, с которого капал золотистый жир с мелкими крупинками специй в нем. — Это все для вашего же блага! Сытый посредник между жизнью и смертью — залог крепкого здоровья, успеха и долголетия!

— Ну, пахнет оно ничего так, — заметил я, — твое, не побоюсь этого слова, сало.

— Ну да, да, давай, смейся, скажи еще что-нибудь про суповой набор и про то, что мы с этим горшочком бурлящего жира созданы друг для друга, — проворчал некромант тем не менее не прекращая хрустеть луковым колечком.

— Заметь, не я это вслух произнес, — рассмеявшись, уточнил я, продолжая наматывать пасту на вилку. — И вообще, я нахожу крайне забавным тот факт, что женские серьги ты носишь и ничего, а кушать сало стесняешься.

— Знаешь присказку про наглую рыжую морду? — обворожительно улыбнулся Камориль.

— Ой, а у вас там петрушинка застряла, — весело заметила Никс.

— Где?! — всполошился некромант, резко подскакивая из-за стола и убегая куда-то за угол, вероятно, в поисках уборной и, соответственно, зеркала.

— Эк ты его, — протянул я, откидываясь на спинку стула. — Никс, да ты талант!

— Да уж, как ляпну, бывает, — огорчилась девочка. — Оно мне, знаете, в жизни не очень-то помогает.

— Я клубнику вот эту у тебя украду? — поинтересовался Эль-Марко, подцепляя ягоду из мороженого Никс на вилку.

— Э-эй! — возмутилась Никола, но было поздно — Эль-Марко с довольным видом уже жевал. — Я ж ее специально напоследок оставила! Ты должен будешь мне теперь две клубники! Нет, три клубники! Три килограмма клубники! И это в плюс к тем трем бананам, что ты мне проспорил!

— Было же два банана, — недоверчиво заметил Кападастер. — А три килограмма клубники — легко, июнь не за горами, там-то ты у меня никуда от трех килограмм не

отвертишься... еще умолять будешь, чтобы эти пять килограмм поскорее кончились.

— А где это вы собрались клубникой давиться? — осведомился вернувшийся Камориль. — Если прям с грядки, то возьмите меня с собой, я с грядки люблю.

— А у вас в саду что-нибудь съедобное растет? — спросила Никс.

— Ежевика и черная смородина, — кивнул Камориль, — шелковица, черника и две сливы.

— А почему сливы? — не понял я.

— Чтобы делать из них чернослив, — пояснил Камориль зловещим голосом и демонически расхохотался. Потом резко перестал и сказал задумчиво: — Еще — паслен, но его я бы не рекомендовал никому есть. Хоть он и похож на маленькие черные помидорки.

— Так, — я залпом выпил оставшийся сок, — рассчитываемся и идем.

— А как же черный кофе? — Камориль посмотрел на меня жалостливо.

— По дороге в ларьке купишь, — сказал я.

Так и вышло, благо, как раз на пути к старому городу, в одной из подворотен, на весну установили палатку с разнообразным кофе. Я не выдержал и раскошелился на стаканчик с пушистыми сливками и шоколадным сиропом на дне.

Солнце, стремясь спрятаться на ночь за зубчатым краем города, краснело, вырисовывая на дорогах, лестницах и площадях четкие, иссиня-черные силуэты крыш, труб и белья, рядами развешанного на веревках в частных домах. Наши тени тоже нещадно ломались о неровные стены, перетекали одна в другую, когда мы шли все в один ряд, покуда это позволяла ширина улицы.

— Мйар, дай свой кофе попробовать, а ты — мой, — предложил Камориль.

— Вот еще, — фыркнул я, — твой горький черный кофе? Сам его пей.

— Не горький он совсем, он сладкий, даже очень, — возразил некромант. — С корицей и карамелью, между прочим!

— Ну не зна-ю, — продолжал ломаться я. — Разве что из-за корицы...

— Я хочу попробовать! — вызвалась Никс.

— А у тебя что? — спросил Камориль.

— Гренадин и перец, — гордо ответствовала Никола.

— Эль-Марко, а у тебя? — обратился Камориль к целителю.

— Горячее молоко с медом у меня, — сообщил тот.

В итоге мы все попробовали кофе (и молоко у Эль-Марко) друг у друга, и из-за того, что кто-то, очевидно, пробовал особенно жадно, кофе стремительно кончился. Урн по пути нам не попадалось, поэтому Никс, воровато оглядываясь, составила все бумажные стаканчики в один и быстро-быстро сожгла их, не выпуская из рук.

Мы как раз забрались на один из довольно высоких холмов, окружающих центр города, и подошли к просвету между домами, через который можно было обозреть пейзаж. Внизу, под ногами, простирался обрыв, долго и широко, потом — полоса деревьев, не дающая оползню разрастаться, потом — дорога, и уже за ней тысячей окон сверкал, возвращая обратно отраженный свет, купающийся в лучах заката город. Отсюда можно было разглядеть море, светящееся на горизонте изогнутой зеленой дугой, и неровный гребень волнорезов справа, у скал, и широкую белую полосу набережной, что вращается в морскую гладь длинными прямыми стрелами двухэтажных пирсов.

Мы смотрели на город, и солнце грело нам спины и затылки. Никс подняла ладошки к лицу и, открыв их, сдула пепел от сожженных стаканчиков. Ветер, треплющий нам волосы и

одежду, тут же подхватил его и развеял, разметав по округе, растворив, как соль в воде, в прозрачном весеннем воздухе.

Все здесь светилось ожиданием лета и полной, абсолютной готовностью к его приходу.

Никс отряхнула руки и вытерла их об комбинезон.

— Так как мы будем искать этого Родиона Сизого? — спросил я у нее, когда мы отошли от обрыва, оказавшись в тени трехэтажного дома, последнего нового здания на пути в старый город.

— Точно я вам не скажу, — честно ответила Никс. — Но я четко помню место, где нужно встать, и там нужно ждать. А потом нужно проследовать за проводником.

— А до темноты-то успеем? — усомнился я.

— Не знаю, — Никс пожала плечами.

— А что за проводник? — спросил Камориль.

Никс погрузилась.

— Тоже не знаешь? — догадался некромант.

Никс кивнула.

— Ладно, мы уже здесь, значит, попробуем положиться на удачу, — сказал я. — Пойдем искать то твое нужное место.

— Тут уже недалеко, — улыбнулась Никс с вернувшимся энтузиазмом. Потом снова погрузилась и проговорила задумчиво: — Кажется.

Старый город окружил нас незаметно. Я не успел даже понять, когда улочки стали настолько узкими, что даже вдвоем по ним идти не слишком-то удобно. Над нами нависли крыши с прорезами и мостики над дорогой из окна в окно, а под ногами разлилась застывшими полупрозрачными каплями особенная здешняя мощенка, — не каменная, но стеклянная, — своего рода отличительная черта старого города. Тысячи покатых мутноватых булыжников образовывали внизу причудливый, ни на что не похожий узор. Их поверхность была неоднородной, кое-где — матовой, кое-где — гладкой и опасно острой на сколах, а кое-где зернистой или выщербленной.

Не знаю, откуда в здешних местах эта традиция — мостить улочки стеклом. Может, дело в песчаных пляжах? Может, раньше где-нибудь здесь был большой стекольный завод? Кто знает.

А еще здесь пахнет сыростью, плесенью, мхом и бездомными — животными и людьми. И кислым сыром. И рыбным супом. И много чем еще, — но это уже мои личные проблемы, раз я такой чувствительный.

Прохожих по пути нам встретилось крайне мало — несколько старушек, молодая парочка навеселе да один привязанный к забору мопед.

На нужное место мы вышли довольно скоро, Никс не ошиблась. Это была вроде бы площадь, если можно ее так назвать — пяточок размером пять на пять метров с высаженным посередине деревцем (яблоней) и тремя лавочками, составленными вокруг него треугольником. В узоре мощенки смутно угадывалось линейное изображение соцветия синей розы — но я могу и ошибаться, и это не роза вовсе, а, например, рапунцель, или тюльпан.

— Здесь, — сказала Никс. — Ждем.

Девчонка уселась на одну из лавочек, подобрав под себя пятки, как она это обычно делала. Эль-Марко сел на вторую лавочку, я — на третью, а Камориль остался стоять и вглядываться в тени, что начали сгущаться между домов.

— Чуешь что? — спросил я у него, оглянувшись.

— Ничего сверхважного, — ответил он. — А как насчет тебя?

— Тут живет очень много котов, — сказал я. — То есть, вот эти девятёро, что тут на площади, и те пять на крыше — это малая толика популяции.

А коты здесь и правда водились в достатке. Вот только... коты ли? Насколько я знаю, местные тролли, когда их кровь чиста, мало походят на животных. У них голая, лишенная шерсти кожа, они носят что-то похожее на одежду и бегло лопочут что-то на своем тролльем наречии, вставляя в него изредка человеческие ругательства, позаимствованные из множества языков. Тролли предпочитают не попадаться людям на глаза и живут в тени. И там же, в тени, легко вступают в союз с обыкновенными кошками и собаками, порождая вполне способных к размножению гибридов. Рожденных от кошек полутроллей называют ашами, а от собак — арами. И чем больше в гибриде животной крови, тем он менее разумен, более шерстист и похож на кота или пса. Некоторых из них от кошек вообще не отличишь. Да и разница всего лишь в том, что эти зверьки куда более сообразительны, чем их чистокровные собратья.

Думается мне, в старом городе троллям и их гибридам — полное раздолье. И эти усатые, полосатые, черные, рыжие и черепаховые, что собрались здесь, на вымощенном пяточке с лавочками, вполне возможно, наблюдают за нами с куда большим интересом, чем кажется.

— Кыс-кыс, — позвал Эль-Марко, похлопав себя по коленке.

Кошки никак не отреагировали на его призыв. Но одна подошла чуть поближе и уселась вылизываться буквально в шаге от его ноги.

— Хочешь, поймаю тебе одну? — предложил ему я.

— Да не надо, я сам, — Эль-Марко наклонился и ловко сцапал вылизывавшуюся кошку, черную с белым. Усадил на колени и стал гладить.

Кошка поначалу была совсем не в восторге от такого с собой обращения, но потом поддалась нежным пальцам Эль-Марко, вытянулась, расслабилась и заурчала.

— Мошенник, — протянул Камориль.

Эль-Марко гладил кошку, света становилось все меньше, а мы сидели и ждали. Вот уже у ног Кападастера собралось трое ластящихся животных. Они терлись об его колени и тоже мурлыкали.

— Ты им что, валерьянкой намазанный? — возмутился Камориль. — Почему они к тебе идут, а ко мне не идут? А ведь должны!

— А ты помяучь, — провокационно предложил ему я. — Умеешь, кстати?

Камориль глянул на меня косо, а потом улыбнулся:

— Готов продемонстрировать наедине, — и подмигнул.

Я фыркнул и закатил глаза.

— Если б я им был валерьянкой намазанный, — проговорил Эль-Марко, — они бы меня облизывали, а не терлись бы... а так я просто простимулировал одной из них мозговые центры, отвечающие за получение удовольствия. Ну, то есть, за ушком я ей почесал по-особенному, как только я умею. Ты, Камориль, думаешь, за что меня девушки любят?

— Уж не за твою коллекцию пошлых анекдотов, — проворчал некромант. — Понял я все, понял.

А вот я понял далеко не все, но и кошек к Эль-Марко ни разу не ревновал.

А их возле него собралось уже штук десять: трое на коленках, пять у ног, две рядом, на

лавочке. Хоровое урчание показалось мне эхом давешнего дизельного генератора. Никс, заметив, что творится, перебралась на лавочку к Эль-Марко и тоже стала гладить собравшихся там котов.

— Меня бы кто погладил, — стал канючить Камориль, — знаете, как завидно? Я прям готов убивать и прилюдно раздеваться, только бы кое-кто обратил на меня внимание.

— Пожалуйста, Йер, давай обойдемся без обоих вариантов, — я сделал вид, что повелся. — Хотя... если бы ты убивал, одновременно раздеваясь, — признаюсь, я б на это глянул.

— И я, — хихикнула Никс. — А вы могли бы при этом петь?

— Я-то? — хмыкнул Камориль и улыбнулся — сдержанно, мечтательно, редкой для него улыбкой, немного смущенной и искренней. — Я бы смог.

И он не врал — но это тоже длинная, запутанная и совершенно другая история. Когда Камориль говорит о беспутной и лихой своей молодости, — они имеет в виду десять лет после нашей встречи. Он тогда успел стать кумиром молодежи, распевая по городам свои провокационные песни, полные незамысловатой лирики о несчастливой любви и всяческих откровенных подробностей. Кровь, смерть, грязь, лишение девственности, алкоголь, мазохизм, садизм, самоубийства, эмоции и чувства, глубокие, как плотки вторящей ему толпы. Но потом он решил, что такая слава — обманка, пустышка. Сказал, что не добился, чего хотел. Но мне куда более правдивой кажется та версия событий, где на него наехали поглощающие, мол, если вы откусываете воробьям головы на сцене — это нормально, но если эти воробьи потом со сцены сами улетают — то это уже чересчур. Массы, мол, волнуются, информация растекается, дети плачут и плохо кушают. Сам же Камориль говорит, что его не услышали, как он ни старался. И что бы именно он ни имел в виду, в конечном итоге ему пришлось сфальсифицировать свою смерть.

Я видел его фотографии в гробу — эти все темно-зеленые розы, глицериновые капли, черная вуаль, синий атлас. И видео — где он не выдерживает и ржет, как конь на случке, а розы с вуали рассыпаются на пол, и он, поднимаясь из гроба, их топчет.

— Эх, Камориль-Камориль, — проговорил я.

— Чего? — не понял он.

— Да так.

— Извините, пожалуйста, — вдруг сказал Эль-Марко тоном вежливым и ласковым, обращаясь, правда, не ясно к кому. — Вы тут самый старый и, наверняка, самый умный. Мы ищем Родиона Сизого, он же — Родн Кои. Вы не знаете, кто бы мог нам помочь?..

Когда Эль-Марко только произнес имя "Родион", кот, которого он как раз гладил, зашипел и выгнулся дугой, забился и закричал. Почти по-человечески. Но Эль-Марко держал его крепко.

— Ну-ну, — примирительно произнес Кападастер, — не вырывайтесь. Я же... Я же как бы могу причинить равнозначную тому наслаждению боль... как бы угрожающе это ни звучало. И вам лучше бы мне поверить.

Кот или все-таки аша перестал вырываться и стал просто зыркать по сторонам, грозно размахивая хвостом вправо-влево. Издал kloкочущее шипение — и кошки, собравшиеся вокруг Кападастера, мгновенно разбежались по темным углам. Но далеко не ушли — затаились, наблюдая за нами светящимися блюдцами глаз.

— Отпус-сти, — шипя, проговорил кот.

Пока Кападастер раздумывал над предложением, Никс спрыгнула с лавки и опустилась

на корточках перед "котом".

— Мы от Абеяра Амберовича, — сказала она. — Нам надо.

— С-разу бы с-сказали, — нервно мяукнул аша.

— Вот прямо так сразу, прийти сюда и заявить о своих намерениях надо было? — удивилась Никс.

— С-слиш-шком с-смыш-шленные, — проворчал кот.

— Так ты отведешь нас к нему?.. — спросила Никс.

— А что мне за это будет? — деловито осведомился аша.

— А чего бы тебе хотелось? — подключился к разговору Камориль. — Мешок кошачьего корма?.. Может быть, слабосоленой форельки? Валерьяночки литра два?

Кот негодуяще зашипел.

— Мое предложение такое, — спокойно проговорил Эль-Марко, — ты отводишь нас к Родн Кой, а я избавляю тебя от камней в почках, и ты живешь на десять лет дольше.

— Ш-топальщ-щик? — удивленно переспросил аша.

— Чего? — не поняла Никс.

— Так иносказательно нас иногда называют, — пояснил Эль-Марко.

— Ш-штопальщ-щик пос-слан с-самой с-судьбой, — промяукал аша. — Хорош-шо. Отпусти меня и идите за мной, но не отс-ставайте! И почини меня прямо сейчас-с.

— А какие у меня гарантии, что ты не заведешь нас в какой-нибудь слепой тупик и не скроешься?

— Никаких, — ответил аша просто и почти без "кошачьего" акцента. — Тебе... с-сложно, что ли?..

— Этот вопрос в тех или иных вариациях преследует меня всю мою жизнь, — вздохнул Эль-Марко. — Ладно, раз не умеешь по-хорошему... Одну почку — сейчас, одну — потом, плюс заращу ухо, хочешь?

— Да ты у нас прямо торговец органами, — хихикнул я. — Да уж.

— Хочу, — ответил аша, — идет. Ш-штопай.

Эль-Марко ослабил хватку — и "кот" с его колен не убежал. Кападастер запустил руки в меховой живот аши. "Кот" взвыл. Пока эхо его отчаянного плача все еще звучало у меня в голове, все было кончено.

— Все выйдет в ближайшие пару дней, — Эль-Марко поставил ашу на мощенку. — Веди.

У только что вылеченной помеси кота и тролля первое время заплетались лапы. Но вскоре он как будто бы оклемался. Оглянулся на нас, шикнул "Пш-шли" и двинул куда-то вглубь подворотен старого города.

Масти аша был, кстати говоря, забавной — наполовину черный, а наполовину какой-то рябой, так, что граница двух расцветок проходила ему прямо посередине мордочки. И из-за этой своей странной пятнистости с окружающим пространством он сливался только так.

Я аккуратно отодвинул с пути Эль-Марко: мол, я первым за ашей пойду. Тот не возражал, зная, что, в случае чего, шансы поймать животное будут только у меня.

Усатый проводник сначала благоразумно вел нас по мощеной матовым стеклом дорожке меж домов, ступая по бугристой поверхности изящно и мягко. А потом, как и следовало ожидать от такого, как он, свернул в какой-то темный узкий лаз, составленный из больших деревянных ящиков без днищ. Но я смог пролезть за ним — значит, и другие смогут, ведь я самый крупный из нашей компании.

Ящиков было шпук двадцать, и Камориль, завершающий процессию, успел проклясть каждый третий.

Мы выбрались на какой-то совсем незнакомый переулок, снова прошли свободно метров двадцать, а потом опять свернули в темный ход меж высоких стен, из-за которых сверху тянулись, изгибаясь, побеги садовой ежевики, покрытые мелкими шипами.

Аша был никудышным проводником: он ни разу не остановился подождать нас, как бы намекая, что слабакам пути в обитель Родн Кои нет. Я уверился в этом тогда, когда "кот" стал забираться по наклонным широким доскам в какой-то недостроенный дом (или сарай?). Чтобы не сбавлять темп, я усадил Никс к себе на закорки и приказал крепко держаться, и, выпустив когти, продолжил свой путь. Так оно как-то сподручнее — и тормозить, и заворачивать, и карабкаться. Камориль и Эль-Марко следовали за нами достаточно ловко и споро, но уже начинали немного отставать. Мы выбрались из недостроенного дома в какой-то широкий двор, полностью заросший высокими подсолнухами, сомкнувшимися на ночь свои соцветья. Аша юркнул в эти заросли. Я пригнулся, тоже ломанулся вперед и выбрался на узкую тропинку между подсолнухов, которая привела нас к невысокому забору из грубо отесанного песчаника, который надо было перемахнуть, чтобы снова оказаться на вымощенной стеклом улочке.

И тогда я понял, что не так уж секретен адрес Родн Кои — это просто аша не знает туда нормальных, человеческих путей.

"Кот" заставил нас проявить еще чуть-чуть чудес эквилибристики — пройти по трубе теплопровода между домами, и я мельком успел обозреть с высоты затаившийся в сумерках старый город, неровный и фактурный, как нутро обсидиана на сколе, с тонким серпом луны, зависшим на востоке, и множеством мутных, слабо светящихся окон.

Хорошо, что никто из нас не боится высоты.

Аша спрыгнул с трубы на лестницу — я последовал за ним. Лестница привела нас на заброшенную станцию электропоездов. Но аша даже мельком там не остановился — соскочил на рельсы, что шли по высокому железному мосту над оврагом, и, ловко балансируя, посеменил вдаль.

Я, решительно выдохнув, отправился за ним. Обернулся: Камориль и Эль-Марко шли за нами, не отставая, хотя и видно было, что Камориль устал, а Эль-Марко вообще почти что совсем выдохся. Но, шествуя по высоким рельсам, аша все же немного сбавил скорость, так что они смогут слегка отдышаться.

Перейдя по рельсам овраг, аша спрыгнул на дорогу, сбегаящую полого вниз, в сторону от холма и от моря. Мы спускались по вымощенному синим стеклом пути куда-то во влажную теплую темноту. В этой части старого города не горел ни один фонарь, а все окна, в которых свет все-таки теплился, были плотно зашторены. Луна тоже сияла как-то приглушенно, размыто, спрятавшись под аркой железного моста, по которому мы только что прошли и который теперь возвышался над нами, отбрасывая на дорогу ажурную, изогнутую тень.

Остальной путь мы проделали по этой самой дороге в тени моста, пока наконец не спустились к узенькой речке, поросшей камышом и плакучими ивами, чтобы, перейдя ее по мостику из досок, прибитых гвоздями к поваленному дереву, оказаться у крыльца заброшенного на вид дома с заколоченными изнутри окнами. Дом стоял прямо под крутым откосом и не было рядом ни забора, ни сада. Возле крыльца имелись только стол, лавка и колесо на веревке, привязанное к толстой ветке одной из больших ив, что вздыхала мерно,

покачивая над речушкой пышной серебристой листвой.

— Здес-сь, — сказал аша, запрыгивая на стол.

Я опустил Никс на лавочку.

— Не очень-то вы лошадка, — поделилась она впечатлениями. — У меня все болит, как будто бы это я вас несла.

— Ну, уж какая есть, — я развел руками. — А болит, наверное, потому, что тебе пришлось все это время крепко держаться. Мышцы перенапряглись.

— Наверное, — согласилась она.

К нам из камышей выбрались Эль-Марко и Камориль.

— Ничего себе кросс, — сообщил некромант. — Давно я так не бегал. Значит, мы на месте?

— Ш-штопай, — прошипел "кот", нервно ударяя хвостом по столу.

Эль-Марко тяжело опустился на лавочку рядом с Никс. Отдышавшись, он, ничего не говоря, запустил руки аше в шерсть. Прикрыл глаза и стал что-то там пальцами вытворять. В этот раз он работал дольше. Пока Эль-Марко колдовал над нашим проводником, я спросил у Камориль:

— Ну?

— А вот здесь смертью воняет будь здоров, — сообщил он. — Но... не насильственной. Тут, в этой дыре, умирали счастливо.

Я покосился на него, силясь в темноте правильно прочесть выражение его лица. И, к моему удивлению, некромант не шутил.

Я оглянулся на старый облупленный дом.

Да уж. Запах чувствуется. Так пахнет гниющая плоть — и это, честно говоря, не воодушевляло меня ни разу. И Камориль, ясное дело, не о самом запахе, — но это тоже ситуации никак не красит.

Я глянул на Эль-Марко — тот сидел, положив ладонь аше на мордочку и сосредоточенно на нее глядя. Потом отнял руку и произнес:

— А вот с паразитами я тебе не помогу, извиняй. Ты сам этим как-нибудь озаботься — мой тебе совет.

— Благодарс-ствую, — протянул аша. Кивнул (совсем по-человечьи) в сторону облупленного дома: — С-сизый живет здесь. Приятного вам знакомс-ства.

— Надеюсь, это именно тот Сизый, который нам нужен, — проговорил я.

Аша что-то невразумительное муркнул и спрыгнул со стола, а потом, зачем-то оглядываясь на нас, скрылся в камышах.

— Эль-Марко, а как элементалистов называют иносказательно? — спросила Никс.

— К каждой гильдии много разных прозвищ прилепилось за годы существования, — негромко ответил Кападастер. — Но ваша — единственная, что общего прозвища не имеет. А как конкретно огненных прозывают, я не знаю.

— Жаль, — погрустнела Никс.

— Так, ну что? — спросил я с напускным задором. — Пойдемте? Что ли...

— Пошли уже, — вздохнул Камориль, направляясь к дому первым.

Да уж. Что-то мне не по себе. Аж в дрожь бросает!

Я нагнал Камориль и мы вместе поднялись по широким ступенькам на крыльцо дома, выглядевшего запущенным и напрочь заброшенным.

— Везет же нам на поздние походы в гости, — заметил я, разыскивая дверной звонок.

Не нашел. Постучал. Сначала — негромко и коротко, а потом, когда никакого шевеления внутри не расслышал — посильнее и подольше.

В доме таки что-то зашевелилось. Шаркающие шаги подобрались ближе и замерли у двери. В щели между досками я разглядел глаз с расширившимся зрачком, внимательно на нас уставившийся.

— Кто? — спросил хриплым женским голосом обладатель любопытного глаза.

Я, удержавшись от известного афоризма про лошадей, не удержался от совсем уж банального:

— Свои.

— Уходите.

Голос прозвучал решительно. Глаз из щели пропал, но я слышал, что разговаривавшая с нами женщина отошла от двери недалеко.

— Вы нас немного не поняли, — это сказал Камориль. — Мы к Родиону Сизому.

Женщина молчала, но опять же никуда не уходила.

— От Абеяра Амберовича, — добавил Камориль, — его брата.

И опять — тишина в ответ.

Я глубоко вздохнул.

— Вы нас опять же немного не поняли, — сказал я тихо и грустно. — Мы к Родиону Сизому и намерены встретиться с ним во что бы то ни стало.

К тому времени к нам подошли Эль-Марко и Никола.

Камориль обернулся к Эль-Марко.

— Мутно здесь так, что мама не горюй.

Никс, оглядываясь по сторонам, поежилась.

— А чего здесь темно так? — спросила она.

— Мы у вас тут до утра стоять будем, — сообщил я барышне за дверью. — Не хотелось бы нагнетать, но, пожалуйста, поймите, нам правда надо, и было бы крайне здорово, если бы...

За моей спиной откуда-то появился свет. Сначала я подумал, что это Камориль закурил, но, оглянувшись, понял, что это Никс щелкнула пальцами и сообразила нам немного огненной иллюминации.

А потом я услышал скрип открывающейся двери.

На нас смотрела женщина — тощая, в сером халате из рваной вискозы, с длинными волнистыми нечесаными волосами, кажется, седыми, или просто грязно-серыми. Под глазами у нее залегли глубокие фиолетоватые тени, а сами глаза были полупрозрачными, белесыми, и, кажется, больными.

— Не надо жечь, — сказала она. — Нам все понятно. Мы будем говорить.

— Ага! — воскликнул Камориль. — Дайте-ка, я угадаю! Вы, барышня, и есть Родион Сизый, но обычно говорите с посетителями, как его ассистент? Вроде бы как и нежелательных клиентов послать не совестно, да и вообще удобно, хорошо... А Родион — это как Мириам там, или Эланор?..

— Нет, — сказала женщина, — Мы — Тайра и Родн.

Никс сдула с пальцев свой магический огонек, как пыль с ногтей. Все снова погрузилось в синеватую влажную тьму.

— Так мы можем увидеться с Родн Кой? — спросил я.

Женщина перевела на меня взгляд своих жутковатых зрачков.

— Вы уже решили, и теперь мы видим, что нам вас не остановить. Идите за Тайрой. Но кочерга ваша пускай подождет снаружи.

— Кочерга? — переспросил я, недоуменно нахмурившись.

— А вот тебе и прозвище, — Камориль обернулся к Никс.

Та скривилась.

— Чего это?

— Мы настаиваем, — ответила женщина.

— Ну и ладно, — Никс надулась, — и подожду. Только долго там не возитесь, хорошо?

Тут темно и страшно. Я костер разведу! Придумала!

— Постараемся, — пообещал ей я.

— Кричи, если что, — сказал Эль-Марко.

— А может, ты с ней останешься? — спросил я у него.

— Вы идете, или нет? — поторопила нас Тайра Кои.

Я посмотрел на Никс, на Эль-Марко и на Камориль.

— Так, — сказал я, — Камориль, Эль-Марко — оба оставайтесь с Никс. Я сам пойду. В конце концов, у каждого воина есть такое дело, которое он должен сделать, и должен сделать сам. Пойдемте, Тайра. Друзья подождут меня снаружи.

Камориль явно хотел что-то сказать, но не сказал: махнул рукой и отпустил с миром, сошел с крыльца и щелкнул зажигалкой, закуривая.

Я же двинулся вглубь темного, пропахшего гнилью и сыростью дома следом за тощей женщиной в сером, волосы которой были так длинны, что доставали ей до середины бедра и стелились за ее спиной, как тонкая, почти невесомая тюль.

Мы прошли насквозь три комнаты, заполненные каким-то невнятным хламом вроде совиных чучел и пустых картинных рам, и вышли в четвертую — такую же темную и пыльную, как все остальные, но чуть менее захлавленную, побольше размером и с маленьким окошком под самым потолком.

Нормальный человек бы ничего здесь не разглядел — в такой-то атмосфере. Но мне света хватило.

Я увидел инвалидное кресло, стоящее посреди комнаты на старом выцветшем ковре. В кресле сидел толстый обнаженный мужчина с кожей мучнистого оттенка. По его туловищу, деформированному множеством жировых складок, на кресло спускались такие же седые, как у Тайры, волосы, и такие же длинные.

Еще у него не было ни рук, ни ног, и культы терялись в этих блеклых волосах и нависающем сверху сале.

Он смотрел на меня бесстрастными, усталыми глазами, едва заметными за тяжелыми веками, и по его круглому лицу блуждала ласковая улыбка.

И я не смог заставить себя что-либо сказать.

Я даже поздороваться не смог.

— Чем будешь платить? — прошелестел он алчным полусшепотом.

Я вздрогнул.

Тайра стояла справа от меня. Она как-то даже расправила плечи, и, когда Родн произнес свои слова, торжественно задрала вверх острый подбородок.

Я снова посмотрел на Родн Кои и проговорил, стараясь, чтобы по голосу моему нельзя было ничего прочесть:

— А чем вы обычно берете?..

Родн Кои ответил не сразу. Очевидно, ему просто понравилось меня разглядывать. Или он пытался... прицениться?..

— Памятью, — наконец ответил он.

— Вот как, — кивнул я.

Памятью он берет. Надо же. Он что... забирает, выпитывает в себя память просящих? А что он дает взамен? Чем торгует? Весь тот хлам в трех комнатах — не его ли наторгованное имущество? Мол, если память кончилась — тащите вещи... Но зачем ему такая цена? Ну, очевидно же, — затем, чтобы задним числом проживать чужие жизни. Своя-то, наверное, не сладка. Горька, как лекарство, или пресна, как парафин. Ну, до определенной степени. То, что забрало у него руки по середину плеча и ноги по середину бедер, оставило ему хотя бы его мужское начало.

Какое мерзкое существо, а. Хотя и человеческое — до кости. Вроде бы. Как бы.

Камориль бы он, наверное, понравился. Своей дикой извращенностью — как экспонат цирка уродов хотя бы. А Николу Тайра правильно сюда не пускала — рано ей голых седых толстяков-инвалидов наблюдать, ой, рано. Даже мне, пожалуй, не как раз. Я бы, честно, мог бы — не смотрел.

Все эти мысли пронеслись в моей голове секунды за три. Прерывать моих рассуждений Кои не стали — Тайра чинно стояла справа, Родн молча смотрел на меня со своего импровизированного трона.

Я заметил, что на его щеке осталась крупца овсяной каши.

Беда с этими чтецами. Беда.

— И что я могу получить, если, например, предложу вам воспоминания тридцати лет? — спросил я.

Родн моргнул.

Хм. Я что-то не то сказал?..

Тайра вздрогнула и быстро зашептала:

— Вы, конечно, можете отдать нам тридцать лет, но взамен нам придется обеспечить вам три дюжины дней наслаждения. Я бы не рекомендовала вам начинать с такой глубокой дозы, ваше тело может не выдержать. Предложите, согласно ритуалу, для начала хотя бы полгода или год, проверьте, как вы это перенесете. Может быть, вам захочется растянуть удовольствие на подольше...

Я посмотрел на нее хмуро и тяжело.

— Вы, стало быть, торгуете забвением? — спросил я.

— Мы продаем мечты, — прошептал Родн Кои, хотя смотрел я на Тайру.

Я обернулся к нему.

Он предлагает совсем не то, что мне от него нужно. Но попробовать все-таки стоит.

Я вынул из-за пазухи золотунное ожерелье — "вместилище" моей памяти. Бусины тускло блеснули в свете луны, так удачно заглянувшей в маленькое окошко.

— Мне нужен человек, который сможет сломать в моей голове те замки, на которые это ожерелье заперло мою память. Иначе говоря, я здесь затем, чтобы память вернуть, а не чтобы ее потерять.

Оба Кои молчали.

— Мы не сможем вам помочь, — сказал Родн.

— Почему? — спросил я настойчиво.

— Идите к нам, — произнес Родн, — встаньте перед нами на колени и мы прикоснемся

к вашему лбу и все вам расскажем.

— Словами мне расскажите, — фыркнул я. — Чай, язык не отвалится!

— Язык — самое ценное, что у нас есть, языком мы вам все и расскажем...

Ну да, ну да. Магия на прикосновении... А чем ему еще меня касаться, ежели не языком?..

И когда я представил себе эту фантасмагорию — как я буду становиться на колени перед этим человеческим существом, а оно будет облизывать мне лоб — во мне взвырала нечеловеческая ярость и иступленная, обычно молчащая гордость.

— Хорошо, — проговорил я тихо, оборачиваясь к Тайре. — Что, вы говорите, я должен сделать?..

— Идите к нам, — стала повторять она, — встаньте перед нами на колени и мы...

И в этот момент я размахнулся и отвесил ей правым кулаком в лицо, быстро, сильно, практически моментально. Тщедушная женщина повалилась на пол мешком, скорее всего, оглушенная болью. Вероятно, я сломал или вывихнул ей челюсть. Не важно. Сейчас это все не важно.

Родн дрожал всеми своими необъятными телесами и шипел, как змея. Я сделал два шага по направлению к нему, когда перед моими глазами вдруг разверзлась белая бездна, и я потерял всяческую ориентацию в пространстве. Я, кажется, даже свалился на пол, сжимая виски, в которые набатом стучалась боль. Раскаленные белые молотки колотились мне в череп, тонкие лезвия полосовали что-то внутри. Казалось, все мое тело горит, скручивается, растет и гниет одновременно. Это была мигрень чудовищной силы, похмелье богов, отчаяние людей, сжигаемых в печах живьем.

Через всполохи белого пламени на белом фоне страдания, что длилось, казалось, целую бесконечность, ко мне пришли простые слова "Не пугайся".

И потом, еще через одну вечность, исполненную опустошающей боли, я расслышал продолжение этих слов: "Он просто не сможет к тебе пробиться. Если первый раз не смог".

И свет рассеялся, и наступила тьма.

Я понял, что ладони мои упираются в шершавый ковер. Я почувствовал всего себя, и понял, что цел. Я встал, сначала на четвереньки, а потом с трудом, но все-таки поднялся на ноги. Голова кружилась и болела, но уже не так. Эта легкая боль казалась теперь комариным укусом по сравнению с болью выдираемого наживо зуба. Я сфокусировал взгляд на Родн Кои: тот все еще дрожал, но уже не шипел.

— Вы, значит, с сестрицей — одно, — проговорил я, не спрашивая, но утверждая, — и, когда я коснулся ее, я коснулся тебя. Но тебя просто ударом не вырубить. Вон сколько в тебе всего. И ты попытался проникнуть в мою голову. Но зачем тогда, скажи мне, весь этот цирк с коленями и языком, если сестрица вполне может быть твоими руками?..

— Тебе не понять, — злобно прошипел Родн Кои.

Я сделал еще один шаг по направлению к нему.

— Стой, где стоишь!

— А то что? — спросил я.

— Я твоя последняя надежда на то, чтобы вернуть память! — Родн Кои повысил голос, и он оказался свистящим и как будто простуженным.

— Ага, — улыбнулся я невесело. — Поверь мне, даже это — далеко не самая большая моя жизненная неудача. Кроме того, — я подошел совсем близко к его креслу, а потом обошел его сзади, — ты еще этого не понял, но это я — твоя последняя надежда. Или,

думаешь, ты и в таком состоянии своему брату помочь сможешь? Ну так вот я, в отличие от тебя, нормальная, хорошая, добрая и теплая надежда, та самая, которая придает сил в трудный момент.

— Ты что делаешь?! — запаниковал Родн, когда я взялся за ручки кресла.

— Ну, не на себе же мне тебя тащить, пирожок, — ответил я, прилагая усилие, чтобы сдвинуть кресло с места.

Очевидно, в последний раз это делали давно. Да и ковер мешался. Я, что уж там таить, после нападения чтеца на свою психику был малость слабоват, но мне все-таки хватило сил, чтобы сдвинуть его коляску с места. А дальше дело и того веселее пошло.

— Не смей! — кричал Родн Кой. — У меня агорафобия! Я должен оставаться здесь! Рабы наслаждения уже идут сюда! Они порвут тебя на розовых карасей!

— О, как заговорил, — умилился я, — надо будет запомнить метафору. А вообще — не дергайся. Мы с тобой, веришь ли, не такие уж и разные. Я даже не знаю, кому из нас больше повезло — мне или тебе. Честно — не знаю.

— Ты за это еще поплатишься! — рычал Родн Кой, но сделать ничего не мог. На кресле его удерживали ремни, протянутые между складок жира и промеж ног — так что, извиваясь, он даже с кресла не соскользнул бы.

Я докатил плюющегося словесным ядом чтеца до самой входной двери и открыл ее с ноги. Оказалось, она открывалась вовнутрь. Раньше открывалась. Ну бывает. Что уж мне после того, как я ударил тщедушную женщину. Пару выбитых дверей я себе, так уж и быть, как-нибудь прощу.

Прежде, чем выкатывать Родн Кой под свет луны, я вышел туда сам, чтобы проверить, как там без меня Камориль, Эль-Марко и Никола.

Увиденное слегка меня озадачило: Никс и Эль-Марко сидели на лавочке, Камориль вольготно развалился прямо на крышке стола, смоля сигаретку и поглядывая в синие небеса. В нескольких метрах от стола вповалку лежало человек пять бомжеватого вида без каких-либо признаков жизни. А, нет. Оборванцы все же дышали, а один еще и сопел.

— Это что? — спросил я.

— А, фиг их знает, — ответил Камориль. — Выползли из окрестных канав. Пытались прорваться в дом.

— А вы?

— А мы уложили их обратно спать, — поведал Эль-Марко. — Чтобы тебе не мешали.

— Людишечки, — протянула Никс презрительно.

— О, — смекнул я.

— Никс, — проговорил Эль-Марко наставительно, — Зря-зря-зря ты так. Мы не так уж от них отличаемся, не надо так говорить...

— Так, Камориль, — я не стал дослушивать, — дай мне свою рубашку.

— Это зачем это? — удивился некромант. — Мне медленно снимать ее, убивать спящих бомжей и петь?

— А, ну тебя, — я махнул рукой и развернулся, на ходу стягивая с себя майку.

— Во дает, — протянул мне в спину некромант.

Я вернулся во тьму ветхого домика и обнаружил Родн Кой там же, где его оставил. Чтец, разве что, материться перестал. Я набросил свою майку ему на стратегически опасные для восприятия Никс места и, снова поднажав, выкатил кресло наружу.

Родн Кой весь аж съежился.

Я подкатил инвалидное кресло к столику, на котором теперь уже сидели Камориль и Никс. Эль-Марко стоял рядом, закатывая рукава.

— Ребята, знакомимся, — произнес я. — Это — Родн Кои, он же — Родион Сизый, брат Тайры Кои и одно из вместилищ их единого на двоих сознания. Ну, и родственник Абеяра Никитовича, как я понимаю. Вот такие пироги с гипсокартоном. Чтец, лжец, и, вероятно... хотя кто его знает.

— Сейчас мы все узнаем, — заулыбался Эль-Марко, характерно шевеля пальцами обеих рук. — К гадалке не ходи.

Я указал на целителя.

— Эль-Марко Кападастер. Штопальщик и... как там вас еще называют? Коновал.

— Камориль Тар-Йер, — сам представился некромант, — кондуктор и трупоед, раз уж у нас сегодня ночь нетривиальных прозвищ.

— А почему кондуктор? — спросила Никс. — Кто это все вообще придумывает?

— Потому что, как бы, проводник душ на тот свет, — проговорил Камориль замогильным полусшепотом. — У-у!

— Ой, — вздрогнула Никс.

— А это — Никола Рэбел, огонек, — завершил я представление своих друзей.

Родн Кои молчал. Ему, очевидно, было страшно. Он, что ли, правду про агорафобию сказал?.. Да ну.

Камориль обратился ко мне:

— Так, ну и что этот молчаливый юноша, он тебе помог?

— Не совсем, — замялся я. — Полагаю, этих ваших оборванцев он призвал себе на помощь. Он довольно сильный чтец, торгующий забвением типа наркотического. Очевидно, в обход Заповеди.

— Да уж, — протянул Камориль.

— Я вырубил его сестрицу. Надо было для этого что-нибудь вещественное использовать, но я об этом запоздало подумал. В общем, он попытался через нее проникнуть мне в голову — так что я теперь знаю, чего ты натерпелся от Зореи.

Я поглядел на Родн Кои — не покажет ли он чем-нибудь, что имя "Зорея" ему знакомо. Но нет, чтец не шелохнулся. Я продолжил:

— Имя Абеяра Никитовича его, очевидно, никак не трогает, и зачем именно Абеяра нас к нему послал тоже не ясно. И если Абеяра хотел, чтобы Родн Кои ему помог, то... как?.. В его-то состоянии. В общем, я предлагаю не думать, а довериться чутью и интуиции. Итого у нас есть только два варианта.

И я слегка приподнял правую бровь. Камориль сначала нахмурился, а потом, поняв, чего я от него хочу, широко улыбнулся:

— А-а, ты предлагаешь убить и его, и сестрицу? — проговорил он радостно. — Так сказать, избавить от напрасных мук унылой жизненной тщеты? Или поглощающим сдать? Если убьем — то это будет весело. Они ж наверняка боль друг друга чувствуют. Я таких еще ни разу не пытал! А если сдадим, то могут какой артефакт в награду дать, чернодырые, небось, давно на этого толкача зубы точат...

— Ну нет, — отмахнулся я. — На самом деле я предлагаю его вылечить и с сестрицей в покое оставить, мы же не звери какие. Я и так уже им неприятностей причинил, а ведь за помощью пришел. Что мы, изверги, что ли? Врываться вот это, уклад менять... Мы же добрые.

— Хватит разыгрывать свое дрянное шапито, — злобно прошипел Родн Кои. Он смотрел куда-то вниз и говорил, брызжа слюной: — Нас никому не вылечить. Только протезы. Деревянные обрубки. Целители — шайка бездарей. Сначала у нас не было только кистей и стоп. И что дало их лечение? Тела становилось все меньше и меньше. Они наращивали конечности, а те не приживались и отпадали. Сгнивали. Воспалялись. Пять раз. Пять гребанных раз мы прошли эту кровавую баню! А потом у нас кончились деньги и нас вышвырнули вон. И кто вы такие, чтобы приходить и врывать в нашу жизнь?

— Слушай, ты, — тихо и спокойно проговорил Эль-Марко. — Я сам не в восторге от гильдии целителей. А знаешь, почему? Знаешь, зачем маги собираются в гильдии? За тем же, зачем собаки собираются в стаи. От того, что сам по себе, в одиночку, целитель беспомощен, наг и слаб. Как ты сейчас, только хуже. Целитель — как смазливая девчушка в расцвете лет, гуляющая по опасному району с декольте до пупа. У них есть то, что нужно всем. Но даже эта красотка, имея ножичек, может покалечить или убить. И то, что в гильдии тебе не помогли, еще раз подтверждает мое убеждение: не каждому суждено исцелиться, как и не каждый достоин того, чтобы быть исцеленным.

— Говори-говори, — проворчал Родн Кои себе под нос.

Эль-Марко вздохнул. Глянул на меня.

— Мйар, помоги мне уложить эту тушу на стол.

— Вот прям на этот деревянный? — удивился я.

— Да.

— Ты правда собрался..?

— А куда он от меня теперь денется?

— Ну, уж точно не убежит, — гнусно захохотал Камориль.

— А те неудачные попытки, о которых он говорит? — все-таки спросил я у Эль-Марко.

Тот улыбнулся мне немного грустно.

— Мйар, ты не бойся. Просто поверь в меня. Мир — это волна. Душа — это струна. Думаешь, себе я ее не зажму?

— Ни разу не видел, чтобы ты это делал, — сознался я.

— Надобности не было, — ответил он. — Ну, поможешь?

Я почесал лоб, думая, как бы нам водрузить на деревянный стол хмурые и злобные полтора центнера живого веса.

— Так, давай не будем отвязывать его от коляски... — придумал Эль-Марко, — берись за подножку, а я — за спинку, и погнали.

Я сделал, как он сказал, и вдвоем мы почти без проблем уложили кресло с Родн Кои на стол так, что чтец оказался как бы лежащим на спине.

Эль-Марко потянулся рукой, чтобы коснуться чтеца для первичной диагностики, но Камориль его остановил.

— погоди, — сказал, приобнял за плечо и вперил взгляд в Родн Кои. — Ты, ватрушечка, только попробуй Марику изнутри боль причинить. Не успеешь сообразить, как я вырву тебе голову из тушки вместе с позвоночным столбом. Как только мне покажется, что с Эль-Марко что-то не так. Уяснил?

Эль-Марко глянул на Камориль косо и тяжело, мол, ну что ж ты человека обманываешь, ведь претворить в жизнь подобную угрозу у тебя все равно не получится.

— Делайте, что хотите, — обреченно прошептал Родн Кои. — Вам же хуже.

— Ох, там же в доме его сестра еще, — спохватился я. — Может очнуться и сотворить

чего. Пойду, принесу на видное место!

Заходя в дом, я расслышал, как Эль-Марко зачем-то просит Камориль найти где-нибудь в округе несколько костей побольше.

Тайру я обнаружил на том же месте, все еще в отключке. Взял на руки и отнес наружу, уложив под ивой прямо на землю.

— Эль-Марко, ты еще не приступил? — спросил я целителя. — Ее еще глянь, а? А то, боюсь, я ей сломал чего — челюсть или нос. Вон, смотри, крови сколько.

Эль-Марко отошел от стола с коляской и присел рядом с женщиной, коснулся ее щеки: — Нет, ничего ты ей не сломал. Челюсть вывихнул — да. Сейчас поправим.

Пока Эль-Марко возился с Тайрой, из камышей показался Камориль с охапкой хвороста, как мне сначала показалось. На самом деле некромант нес в руках несколько длинных грязных костей, кажется, даже человеческих.

— Столько хватит? — спросил он у Эль-Марко, складывая кости на землю возле стола.

— Вполне, — ответил тот. — Никс?

— Я здесь, — отозвалась девчонка. — Если что, я к этому существу прикасаться не собираюсь! Ни разу! Даже и не проси!

— Никс, сожги эти кости, — попросил Эль-Марко.

— А! — обрадовалась она. — Это легко! Сейчас!

— И прах их чтобы там остался, не размажь его по земле случайно, — наставительно проговорил Эль-Марко. Поднялся. — Здесь — все. Ну, пора начинать.

Он подошел к Родн Кои и прикоснулся к плечу чтеца. Закрыв глаза. Замер. Потом глаза открыл и произнес:

— Ну и ну. Да вы ведь тоже не молоды. Очень не молоды. Но ваши клетки регенерируют и отмирают хаотически. Вы — просто бурлящий суп. Но ваших ресурсов хватит, чтобы все исправить. Так что расслабьтесь.

— Я — все! — сообщила Никс, стоя у тлеющего "костерка".

Эль-Марко благодарно кивнул ей. Потом глянул на меня с улыбкой.

— Спецэффектов не жди, струна уже зажата.

Я вздернул брови.

— Ну отлично. Тогда желаю тебе... хм, плодотворно поработать.

— Спасибо, — улыбнулся целитель и положил обе руки на плечо Родн Кои.

Камориль внимательно наблюдал за ними, а Никола направлялась к иве с колесом на веревке, намереваясь, очевидно, покататься.

— Эй, Никс, — позвал я.

— М-м? — она остановилась и повернулась ко мне.

— А можешь мне тоже помочь?

— А что вы хотите сжечь? — спросила она заинтересованно.

— Их дом, — просто ответил я.

— Хм, — она на секунду замешкалась. — Хорошо.

Она подошла ближе к крыльцу и снова обернулась ко мне.

— Пойдемте со мной, сзади зайдём и начнем, как бы, с конца. И надо еще следить, чтобы огонь на деревья не перешел.

— А ты умеешь отзывать огонь? — спросил я.

— Я слышала, что это возможно, — серьезно проговорила Никс, — но еще не пробовала ни разу. Вот и потренируюсь.

Я смотрел, как девчонка прижимает ладошку к деревянной стене, и та воспламеняется ровно по контуру ее пальцев. Огонь начинает стремительно разрастаться, сжирая дерево, как бумагу. Никс отошла от стены и подошла к другой, метра через четыре, и снова прикоснулась к белой облупленной поверхности и та вспыхнула от ее прикосновения необычайно ярким, живым, кроваво-красным огнем.

Вскоре весь дом Тайры и Родн Кои, который, конечно же, не был их по праву, пылал. Дым от пожарища поднимался вертикально вверх толстым, клубящимся столбом, еще более черным, чем беззвездное небо. Мы с Никс вернулись к Камориль и Эль-Марко, колдующему у стола. Горящее здание источало жар и резкий, контурный свет, красный, тревожный. Шум костра почти заглушил крики лежащего на столе Родн Кои.

И к лучшему оно.

— Ты можешь мне как-то логически объяснить, зачем вы это сделали? — спросил у меня Камориль.

— Нет, — честно ответил я. — Но я знаю, что этот огонь очистит это место. Так оно лучше будет.

— И много светлее! — поддержала Никс. — И теплее!

Камориль покачал головой, скрестив на груди руки.

— Ребята, это — поджог, — сказал он слегка растерянно.

— В старом городе много заброшенных домов, — ответил я. — Пока мы сюда бежали, я успел заметить. Найдут себе новый. А сюда можно подбросить чужих костей — пускай Тайра и Родн Кои, какими были, исчезнут.

— Ох, не думаю я, что этих людей можно так просто спасти, — проговорил Камориль.

Была глубокая ночь. Погорелые останки дома тлели, еще до конца не обрушившись. Каждый раз, когда в пепелище падала прогоревшая балка, вверх вздымался сноп ярких красных искр.

Я не мог предположить, что дом сгорит так быстро. Мне казалось, что он будет гореть часа два — сыро ведь, рядом — река, да и не то чтоб уж очень жарко. Но пламя, как оголодавший зверь, поглотило ветхий домик за каких-то полчаса.

Так что, остаток работы Эль-Марко творил почти в темноте, если не считать света луны и отблесков тлеющего кострища. Кападастер справился с этим вызовом своему мастерству через час, показавшийся мне, смотрящему на огонь, коротким, а вот Родн Кои, наверное, наоборот, успел пережить за это время не только свою, но и все подсмотренные им ранее жизни...

Теперь на столе перед Эль-Марко, уже без кресла, лежало тело, совсем не похожее на то, что мы туда водрузили.

Вокруг в беспорядке валялись ошметки какой-то органики, что не мудрено. У молодого на вид мужчины, представшего перед нами, наличествовали все недостающие ранее конечности, а количество жира, как, впрочем, и мышц, было минимальным. Новые руки и ноги были красноватыми, на вид немного скользкими. Рот мужчины был измазан сажей — я так понимаю, Эль-Марко зачем-то всыпал в него сожженные Николой кости. Наверное, это было необходимо для того, чтобы новым рукам и ногам было, из чего строиться.

У Родн Кои были открыты глаза, и он смотрел в темное ночное небо вообще не шевелясь.

— Ну... как оно? — несмело спросил я у Эль-Марко.

— Жить будет, — ответил тот. — Не знаю, долго ли и счастливо ли — это уж полностью в его ведомстве, — но я лично все, что мог, сделал. И даже стабилизировал ему регенерацию и метаболизм.

— И что с ним было? — осведомился Камориль.

— С ним все было относительно хорошо, — проговорил Эль-Марко задумчиво. — Не понимаю, почему несколькими целителям, что им занимались, не удавалось с ним справиться столько раз подряд. Мне даже кажется, что его "чинили" неправильно нарочно.

— А почему просто не убили? — Камориль задал свой коронный вопрос.

— Кто знает, — Эль-Марко пожал плечами. — Или и правда денег хотели, или — насолил чем, и добрейшие штопальщики пошли против клятв для того, чтоб он подольше мучился. Очевидно, история, кроющаяся за этим всем, не так проста и, боюсь, весьма неприглядна.

— Может, ему просто не повезло, — предположил я.

— А ничего так юноша, — задумчиво протянул Камориль. — Задатки... гм. Ну, в смысле... толщина ключиц у него такая... То есть...

Я ухмыльнулся.

— Знал, что он тебе понравится! Но это все худоба и волосы, Камориль.

Некромант хотел что-то возразить, но осекся.

— В любом случае, дальше это все — не про нас, — сказал я. — Пойдемте... выбиратья отсюда.

— А как же то, зачем нас сюда Абельяр Никитович послал? — спросила Никола.

— Мы сделали, что могли, — сказал я. — И даже больше, чем мог бы кто-нибудь другой.

— Я бы сейчас поспал бы с удовольствием, — Эль-Марко потянулся. — Сначала баб Паша, потом тот мелкий тролль, теперь вот этот чтец...

— Что бы мы без тебя делали, — ответил я ему без доли сарказма.

— Так мы их что, тут так и оставим? — спросила Никс.

— Угу. Теперь у них есть все, чтобы жить припеваючи, — сказал я.

— То есть мы им, получается, добро причинили? Насильно? — уточнила Никола.

Я пожал плечами.

— Теперь полностью от них зависит, что делать и куда деваться.

Мы двинулись прочь, сначала — к мостику через речку. Я оглянулся посмотреть в последний раз на то, что мы натворили: на тлеющие останки кострища, на исцеленного чтеца, что лежит на столе неподвижно, на тела его "рабов наслаждения". И еще Тайра, прислоненная к иве.

Да уж. Похоже на поле боя из какого-нибудь низкобюджетного фильма. И ни одного мертвеца, что самое главное. Если оным, и правда, не считать мою надежду касательно восстановления памяти при помощи Родиона Сизого, оказавшегося таким удивительным крошечным ужасом.

И когда Камориль, Эль-Марко и Никс уже скрылись за камышами, а я все еще оглядывался на произведенный нами погром, Родн Кои приподнялся на локте. Чтец посмотрел на меня исподлобья так, что влажные тяжелые космы свесились ему на лицо, и произнес дрожащим полупшепотом, злым, но честным:

— Я помню только это: "Чтобы порвать связь, проследи путь — солнце в щели. Спой его. Море всегда поймет".

Говорил Родн Кои тихо, но я уверен, что ни слова не напутал. И тут дело было даже не в моем остром слухе. Это как будто бы какая-то связь между нами все-таки установилась, хоть он и не смог проникнуть в мой разум.

Я кивнул ему, мол, и на том спасибо и отвернулся. Его же тяжелый взгляд преследовал меня до тех пор, пока я не скрылся за стеной камышей.

Вот так. И все-таки он дал мне ответ.

Подкинул, стало быть, надежду — призрачную, как никогда.

И я теперь понимал, почему он не смог мне сразу помочь. Родн Кои и сам, скорее всего, не знал, что бы значили эти слова и что именно нужно делать с бусинами памяти. А я... А я что натворил.

Но моя голова была как будто бы какой-то хмельной: мне совсем не хотелось думать о том, что я, возможно, искалечил человеку жизнь, и так не самую радостную. Ну, как искалечил... выбил его из зоны комфорта. И это — насилие, да. Пускай и во благо, как мне кажется, но все же, все же...

— Он тебе что-то сказал? — тревожно спросил Камориль, когда я перешел мостик через речку.

— Угу, — я кивнул, — загадку загадал. Мол, выкручивайся, как хочешь.

И я повторил для Камориль и насторожившихся Никс с Эль-Марко слова Родн Кои.

— Просто красота, — произнес Камориль. — Я так понимаю, ключ к шифру — последняя фраза про море. Собираешься устраивать мозговой штурм и пытаться яростно разгадать все это?

— Сейчас я собираюсь вместе с вами выбраться из этой дыры куда-нибудь в цивилизацию, и начать предлагаю с той заброшенной станции. Эль-Марко надо бы поскорей уложить спать.

— Чувствую, мне и лавочка в парке подойдет, — Эль-Марко зевнул и снова потянулся. — А если мы не найдем ее в течение двух часов, то и любая горизонтальная поверхность.

До заброшенной станции электропоездов мы добрались без труда. Я нашел там, в облупленном здании, полном проржавевшей арматуры, старую схему путей и, свершившись с ней, определил, что если мы пойдем на восток, то наверняка выйдем к городскому железнодорожному вокзалу. Так, двигаясь по втопленным в землю шпалам, под оборванными во многих местах электрическими проводами, через тихий, не выказывающий никаких признаков жизни старый город, мы достигли вагонных депо — темных, высоких ангаров, в которых ночуют "обезглавленные" поезда, а оттуда добрались уже и до пассажирских перронов, и до самого здания городского вокзала, в котором каждый из нас бывал.

Какое бы время суток ни стояло, вокзалы всегда остаются одинаково оживленными. Здесь можно присесть на одну из массивных деревянных скамей и слиться с толпой, которой ты целиком и полностью безразличен, и крепко подумать о том, что делать дальше и куда идти.

Да, пожалуй, на вокзалах толпа смущает меня меньше всего.

Было два часа пополудни, у меня не было сна ни в одном глазу, а вот Эль-Марко, сказав "О, лавочка!" немедленно на нее прилег, устроив голову на коленках Никс. Никола же казалась какой-то подавленной и грустной, что, в принципе, немудрено. Даже Камориль помалкивал — а это для него крайне несвойственно.

Я перебирал в руках бусины памяти, а в голове — подсказку чтеца, пытаюсь ее понять. Мне казалось даже, что ответ невероятно прост, — уж не чета расшифровке того пророчества Мари, что о ключе, — но прост для того, кто знает. Знает больше, чем я. Разбирается во всем этом символизме. Владеет, стало быть, контекстом. И это своего рода замкнутый круг: я, какой есть, не знаю ответа, а чтобы стать тем, кто, возможно, знает не один ответ — мне надо решить эту задачу, имея лишь себя самого, такого, какой я есть здесь и сейчас.

— Сегодняшняя ночь напоминает мне о молодости, — сказал Камориль. — А потому я предлагаю сесть на трамвай и кататься кругами.

— Ну нет, — ответил я.

— Тогда давайте пойдем в ближайшую церковь Потерянного, — предложил некромант. — Исповедуемся! Я, кстати, ни разу еще не пробовал. Говорят — занимательно.

— Никаких церквей, — я отмахнулся.

— Может, тогда в бар — напьемся с горя? — хмыкнул Камориль.

— С какого горя? — встрепнулся я.

— Не знаю, с какого именно, но, судя по твоему виду, оно имеет место быть. Хотя, казалось бы, — все живы.

— Я спать хочу, — сказала Никс, — но не настолько, чтобы как Эль-Марко, на лавочке заснуть. Там жестко очень.

— Ну, тогда чего сидим? — спросил некромант. — Ловим такси и ко мне?

— Я не могу, — сказал я твердо. — Я не могу сейчас спать, и куда-либо деваться мне нельзя. Я должен решить эту задачу. Сейчас. Сегодня.

— Ну, так кто ж заставляет тебя спать, — Камориль пожал плечами.

— Мне к морю надо, — сказал я. — Раз ты говоришь, что это — подсказка. Я, на самом деле, ни разу бусины в море не макал. А вдруг поможет?

— Ну, какой-то смысл в этом проглядывается, — неуверенно согласился Камориль. — Все же ритуал давешний тоже был проведен на берегу. Кто знает, какая именно связь у этого всего с морем. Значит, идем купаться...

— А Эль-Марко куда? — спросила Никс. — Он же спит!

— Я не сплю, — пробормотал целитель, поворочавшись. — С вами уснешь.

— Ребята, едьте в поместье, отоспитесь, — предложил я. — А я к морю пойду. Сам. Ничего со мной не случится. Там чутка побуду — и тоже к вам приеду. Если разгадки там не найду, то успокоюсь. Правда.

— Вот уж нет, — фыркнул Камориль. Ему мой план явно не понравился. — Разделяться нам нельзя. Чую нутром. Как пить дать — отпустим тебя одного к морю — и поминай как звали. Без телефона-то. Ночью. После всего, что было. Да и вообще.

Эль-Марко сел на лавке, освободив коленки Никс. Потер глаза пальцами правой руки, приподняв очки. Сказал сонно:

— Если тебе, Мйар, так хочется к морю, то... я как-нибудь дотащусь. Но уж не обессудь, если я буду зевать, нудеть и проклинать все живое.

— А может, все же, к Камориль? — повторил я, уже не особо надеясь на согласие.

Эль-Марко глянул на меня мрачно и сказал со вздохом:

— К морю — так к морю. Давайте только двигать уже.

Он встал с лавки и поплелся вперед, к арке, ограничивающей территорию вокзала. В сторону моря, получается.

А до моря отсюда добираться далеко — почти через весь город придется идти. Поймать какое-нибудь такси будет очень кстати, но ловить его стоит подальше от вокзала — факт.

Мы было последовали за Эль-Марко на выход, когда кто-то окликнул Никс.

Я обернулся и увидел мальчишку лет двадцати, что смотрел на Никс с улыбкой и оживленно махал рукой. За плечом у него была гитара в чехле, а еще на нем были, кроме прочего, зеленый галстук, жилетка черная и широкие босаяцкие джинсы. Я узнал по описанию Ари, который привел Никс в памятный фрик-клуб "Колбаса". Юный элементалист уже подбежал к нам и, улыбаясь во всю пасть, вдохновенно вещал о том, что он только-только прибыл с выступления в другом городе и вот-вот поедет на другое выступление в какое-то кафе на берегу.

Он держал смущенную Никс за руку и, оглядываясь то на меня, то на Камориль, спрашивал, можем ли мы ее с ним отпустить, так как она самый большой фанат их группы. По Николе, что правда, этого особо заметно не было. Эль-Марко наблюдал за перфомансом немного со стороны, склонив голову на бок.

Да уж, Ари стоило отпрашивать Никс у него, а не у нас. Но, видать, Ари не просек, кто именно из нас троих наиболее ответственен за честь и здоровье девушки, а потому изображал щенячьи глазки и лепетал "Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!" мне и

Камориль.

Наконец Никс удалось спросить у этого весьма настойчивого и крайне болтливого юноши следующее:

— Ари, а что за кафе и на чем ты туда едешь?

— Меня брат забирает на машине, вон стоит, — Ари махнул рукой куда-то вбок. — А кафе называется "Моя скумбрия", и печеная барабулька там прелесть, как хороша! Или оно называется "Плыла камбала"... или... а-а! "Осетр Петр!" Точно! Столько концертов случилось с тех пор, как с тобой встретился, все в голове перемешалось совсем! Но ничего, брат знает, куда везти, так что все пучком!

— Но оно точно у моря? — уточнила Никс.

— Совершенно точно! — кивнул Ари.

Никс глянула на меня, потом на Камориль. Некромант улыбнулся.

— А что, Мйару — море, мне — бар, тебе — сияющая юность, а Марика уложим в уголок потемнее на какой диванчик, — некромант обратился к Ари: — Диванчики в этом твоём "Осетре" есть?

— Были в прошлый раз, — кивнул тот. — О, а вы тоже наши фанаты будете? Да-да-да, чем больше людей, тем лучше! Публика! Аудитория! Аудитория артиста — это его капитал!

— Дело говоришь, — Камориль улыбнулся.

— А вы случайно не?... — Ари подозрительно уставился на Камориль, как будто бы запоздало кого-то в нем узнал.

— Не-не. Это все имидж, — Камориль сделал большие глаза.

— Так, мы едем или нет? — вмешался Эль-Марко, которому надоело ждать.

Ари отвлекся, неожиданно молча махнул рукой, мол, за мной, и зашагал под арку.

Мы двинулись следом.

Оказалось, что брат Ари приехал забирать его на стареньком черном минивэне. Машина, будучи чем-то средним между легковушкой и микроавтобусом, отлично годилась для того, чтобы развозить не слишком большие компании. Еще на ней имелась задорная аэрография — языки стилизованного пламени, превращающиеся, конечно же, в оскаленную драконью морду. Остались, значит, в этом мире какие-то непреходящие ценности, и одна из них — вот этот вот, казалось бы, банальный пафос молодых, чуряющийся излишнего шика и лишенный какой-либо застенчивости. Старый черный минивэн в огне. Учитывая начало ночи — символично.

Мы забрались внутрь, расположившись очень даже комфортно. Я поймал в зеркале взгляд с прищуром — вестимо, братец Ари, которого нам юный гитарист еще не представил.

— Поклонники творчества? — осведомился он с усмешкой.

— Типа того, — ответил я за всех.

Тем временем Ари уселся на переднее сиденье рядом с водителем и, вывернув шею, обратился к нам:

— Все влезли? — перевел взгляд на брата. — Ну, Тиха, погнали! — и снова к нам обернулся. — А это мой брат — Тихомир!

— Экие у вас родители затейники, — заметил Камориль.

Это он зря. Всю дорогу, до самого бара, Ари рассказывал, какие еще странные имена случались у них в роду, а так же о некоторых курьезных случаях вроде тех, когда бедные девочки-секретарши разнообразно и отчаянно путались в написании непривычных имен в каких-нибудь важных официальных документах. Тихомир же поглядывал на нас в зеркало

заднего вида и помалкивал. Но парень этот тоже, пожалуй, не так-то прост или хочет таким казаться: волосы выкрашены в ярко-зеленый цвет, а уши испещрены проколами и серебристыми серьгами.

Эк люди любят себя по-всякому украшать.

Никс всю дорогу смотрела в окно, а Эль-Марко наконец уснул, устроившись на самом дальнем широком сидении.

Бар, к которому мы в итоге добрались, не назывался ни одним из упомянутых Ари имен. Заведение красовалось большой светящейся вывеской с фигурной надписью "Ремора", подчеркнутой снизу стилизованной рыбкой из неоновых контуров. Название это о чем-то мне напомнило, но — смутно, и не совсем понятно, о чем.

"Ремора" стояла в некотором отдалении от городской набережной, возведенная на толстых бетонных плитах, поддерживаемых сваями, что терялись в черной, беспокойной воде. Слева от входа в бар была широкая каменная лестница, ведущая на пологий песчаный пляж, ограниченный спереди — морем, а сзади — собственно, набережной. Дальше и правее возвышался один из больших двухэтажных пирсов, которые мы наблюдали давеча, на закате, направляясь в недра старого города.

Эль-Марко мы решили оставить досыпать прямо в машине — тем более, что Тиха тоже собирался поспать внутри своего минивэна. Ему надо было еще отвезить Ари домой после концерта, а идти в бар и слушать творчество брата в тысячный раз ему не хотелось.

Я стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей к морю.

Камориль, задержавшись рядом, произнес:

— Ты, замерзнешь если, внутрь к нам иди, да?

Я кивнул, ничего не сказав.

Некромант, покачав головой, последовал внутрь "Реморы" следом за Никс и Ари.

Да уж. Мы, конечно, немного рассредоточиваемся. Но вроде бы не так, чтобы уж совсем. Если что — я успею. Надеюсь, что успею. Куда уж я денусь.

И вот передо мной море — опять и снова. Черное шумное, с небольшими вихрастыми волнами, дышит, бьется, живет, снова поет мне о чем-то. Над нами — синее небо, на котором на удивление мало звезд. Линялый светоч луны уплыл за двухэтажный пирс, запутавшись в его ажурных металлических арках. Ветер треплет мне безрукавку, и волосы, связанные в хвост, бьется в лоб, остужая мне голову. Это он молодец.

Я сделал пять шагов вниз, к песку. Присел на лестнице, не доходя до песка, разулся. Посидел немного, вглядываясь вдаль. Достал ожерелье из золотунных бусин и внимательно посмотрел на него.

— Чтобы порвать связь, проследи путь — солнце в щели. Спой его. Море всегда поймет, — повторил я слова чтеца вслух. Негромко, так, чтобы слышал только я сам. Да и некому меня здесь слушать: пляж совершенно пуст. А, нет. Там, на втором этаже пирса, сидит какая-то компания и, очевидно, яростно употребляет алкоголь — судя по силуэтам, что мерещатся мне на фоне еще не до конца округлившейся луны, похожей на серебряный пятак с обломленным краем.

Порвать связь. Порвать нить? Нет же, не может все быть так просто. Иначе зачем все это, зачем сами бусины? Из рассказа Камориль следует, что Зорья тогда специально подчеркнул, что, попросту уничтожив ожерелье, памяти не вернуть. Мол, защитный механизм такой, — то ли от вандалов, то ли от вражеских шпионов.

Проследи путь. Какой путь? Может быть, свой путь? Может, надо постараться

вспомнить всю свою жизнь — какую можешь и... и что? Сочинить о ней песню и спеть? Ну, я бы мог, конечно, вот только, не знаю точно, о чем бы эта песня была... Наверное, это был бы смешной "неудачник блюз" или, скорее, просто мелодия без слов. Но это тоже не шибко похоже на верный ответ. Это досужие мысли недалекого глупца, возомнившего, что жизнь, чуть более долгая, чем положено, может сделать его умнее.

Нет. Не может.

И не сделала.

Я провел пальцами по песку. Холодный. Море, наверное, тоже не слишком-то похоже сейчас на парное молоко. Ну, что уж тут поделаешь.

Я расстегнул застежку золотунных бус и, обернув нить вокруг шеи, снова застегнул. Стянул через голову безрукавку и майку, сложил ровненько и положил рядом с обувью. Ветер, торжествуя, тут же обнял меня прохладными юркими пальцами, пробежавшись по плечам и животу. Я расстегнул ремень и, замешкавшись ненадолго, стянул с себя джинсы. Их бросил как попало и двинулся к воде.

Холодное море. Что я ему, еще не согревшемуся. Поглотит и не заметит. Не хватит моего тепла никак, чтобы его согреть.

Я вошел в ледяную воду по щиколотки, когда расслышал со стороны "Реморы" первые приглушенные аккорды. К своему удивлению, песню я узнал. Почти сразу причем. Это была одна из тех, давних, сочиненных Камориль в приступе отчаянной нежности, когда он все еще надеялся на что-то. Да нет же, верил, что сможет меня сломить и очаровать. Вот же упрямец, а. Отобрал у Ари гитару, что ли?

Я смотрел в сторону "Реморы", чувствуя, как холодные волны тычутся мне в ноги ледяными влажными языками. Слова песни всплывали у меня в голове, хоть в реальности их и не звучало:

"В эту ночь золотой океан сладок медом и тепел весной. Ты раздет, не умыт и босой. Ты в разрезе придуманных стран. Ты в извечном полночном пути, околдованный взглядом судьбы. И судьбе от твоей ворожбы — не уйти".

Океан — тепел, говоришь? Ну что ж. Пусть будет так. Самый яростный холод почти неотличим от огня, который оставит ожег. Так и это холодное море, может быть, просто кажется мне таким.

Я сделал несколько шагов вперед, войдя теперь уже в волны по пояс. На руках и загривке мелкие волоски встали дыбом. Я обнял себя руками, но потом этот инстинктивный жест остановил. Выдохнул, решился и нырнул, быстро, сразу — далеко и вглубь. Открыл глаза под водой для того лишь, чтобы увидеть крошечную тьму. Руками развел, вонзаясь в холодную толщ, скользя в черной ледяной пустоте ниоткуда и в никуда. Ногами оттолкнулся от песка и вырвался из воды наверх, жадно глотая прозрачный ночной воздух.

Холод сковывал меня, и, чтобы противостоять ему, я стал двигаться. Я плыл, загребая ладонями упругую волну, то и дело скрываясь в воде с головой, лишь раз в три-четыре взмаха руки поворачиваясь, чтобы вдохнуть. Это длилось недолго — время всегда бежит для меня быстрее, если и я куда-то бегу. Или плыву — так быстро, как умею.

Я развернулся в воде, оглядываясь на побережье, на набережную, пирсы, на усеянную огнями "Ремору", возле входа которой, как я отсюда заметил, начал толпиться люд. Наверное, подходят настоящие поклонники творчества Ари и компании, которым не лень плестись на набережную глубокой ночью.

Остановка была напрасной — мне снова стало пронзительно холодно. Я вывернулся и,

вопреки всякой логике, нырнул на глубину, стараясь ввинтиться так далеко в черную темень, как только сумею. Может, достану дна. Наберу в ладони песка — чтобы самому верилось, что я до этого дна доплыл. Жидкий лед заполонил все вокруг, объял меня, всепрощающий, ласковый и жестокий. Я, рискуя уже не вернуться, выдохнул немного воздуха, чтобы, может быть, стать тяжелей — но дна так и не достиг. Легкие стало жечь и я, развернувшись, поплыл снова наверх. А потом, гонимый не разумом и не чувствами, но инстинктами, стал грести к берегу.

Скорее, скорее. Вылезти и согреться.

Но в этом еще одно коварство моря — в нем всегда теплее, чем снаружи, когда ты выходишь на воздух, и тебя начинает обдувать прибрежный ветер. Я шлепал по мелководью к берегу, и меня охватила дрожь. С волос по спине стекала ледяная вода, лишая меня даже надежды на то, что высушенному ветром телу станет теплей. Зуб на зуб не попадал. Я, растирая себе плечи, выбрался на холодный песок. И тут мой взгляд снова привлек ближайший двухэтажный пирс. К нему как раз пришвартовывалась лодка — небольшая, черного цвета. Из нее вышел некий пожилой мужчина с окладистой бородой, одетый в спортивные штаны, дутую куртку и кепку с козырьком. Он ловко закрутил канат вокруг фигурного держателя и направился куда-то в сторону набережной.

Я проводил мужчину взглядом, а потом снова уставился на его лодку. Я даже дрожать перестал.

Кажется... кажется море приняло меня, не понимая, — слишком уж оно велико, — но я... я понял его. Кажется. Понял.

Я аж бегом бросился к месту, где оставил свою одежду. Натянул джинсы, сунул ноги в кроссовки. Майку и ветровку перекинул через плечо и быстро взбежал по лестнице, а потом, на ходу расстегивая золотунное ожерелье, стрелой преодолел расстояние от выхода на берег до входа в "Ремору".

У самого входа в бар терлись какие-то мутные личности и разглядывали меня без всякого стеснения. А я как раз там и притормозил, прямо под яркой неоновой вывеской, вцепившись взглядом в свое ожерелье, пристально изучая его так, как будто бы вижу в первый раз.

А так бывает. Так всегда и бывает, — когда ты видишь что-то бессчетное количество раз, глаз "замыливается". Ты перестаешь понимать, помнить детали, перестаешь обращать на них внимание.

А семнадцать золотунных бусин были нанизаны на шнурок, бывший, наверное, белым когда-то, а от времени ставший бурым. И они не болтались на нем свободно, нет. Их нельзя было перебирать, как четки. Они были строго зафиксированы — каждая на своем месте, при помощи двух маленьких узелков с обеих сторон каждой бусины.

И я только сейчас понял, заметил и осознал, что узелки все — разные. Нет, не так. Некоторые узелки были одинаковыми, например — ближайšie к застежке на одном и другом конце, и следующие за ними... Некоторые повторялись и посередине тоже.

Это же, очевидно, — шифр. Осталось его разгадать.

И чтецы дали потомкам на самом деле невероятно прозрачную и понятную подсказку. "Море всегда поймет". Конечно, поймет... А может, там в оригинале было "моряк поймет"? Не суть. Суть в том, что это, наверное, морские узлы. Нет, не наверное, — я почти уверен в этом.

Но я, так уж вышло, не знаю морских узлов. Надо... найти моряка?

Я беспрепятственно вошел внутрь "Реморы". Там, на удивление, оказалось довольно темно, по крайней мере, в том коридоре, что находился сразу за парадным входом. Почему-то никто не спрашивал у меня билета и не пытался меня остановить. Ну, оно и к лучшему.

Я прошел мимо гардероба, мельком глянув на себя в большое зеркало: полуголый, с мокрыми волосами и сумасшедшим взглядом. Красавчик!

Но это все не важно. Люди, что смотрят на меня из темноты испуганными и заинтересованными глазами — не важны. Где, будь он неладен, Камориль, когда он нужен? Может, у него есть знакомые моряки?

Я вошел в основной зал "Реморы", — тоже полутемный, но подсвеченный по углам цветастым неоном. Зачем они смешивают неон и антураж рыбацкой хижины? Дерево, спасательные круги, канаты, сети — и мигающий электрический свет. Экая эклектика.

Я огляделся по сторонам. Ага. Вон, за столиком, балбес Ари наливает Никс в бокал что-то красное, не переставая болтать, естественно. У Никс довольно отсутствующее выражение лица. Она то ли не понимает, кто она, где находится и что вообще творится, то ли это уже не первый бокал. А Камориль как будто бы и нет нигде.

Так, что за дела? Это ж неслыханно вообще — чтобы наш некромант да слился с толпой! Обычно ж его за версту по блеску штанов опознать можно...

Я еще немного пооглядывался, потом таки подошел к Ари и Никс, спросил:

— Ребята, Камориль не видали?

Никс тоже начала оглядываться. Ари ответил:

— Вроде у стойки был, нет его там? Может, в уборную пошел?

Я цыкнул. Сказал:

— Ладно, пойду дальше искать.

Я еще немного порасхаживал по клубу, пугая своим видом аудиторию "Негорюй", даже на второй этаж пробежался, а когда спустился снова, то наконец углядел некроманта. Он чинно восседал у барной стойки, облокотившись на нее полубоком, смолил свежезакуренную сигаретку и что-то вещал какому-то беловолосому юноше в очках, крайне молоденькому на вид. Вот же!

Я, пробираясь мимо слоняющихся по помещению без дела людей, подошел к некроманту и, не придумав ничего лучшего, выпалил самое для меня важное на тот момент:

— Камориль! Мне надо найти моряка!

Парнишка — обладатель белоснежной волнистой гривы — вздрогнул. Камориль медленно повернулся ко мне, глядя на меня из-под фирменно выгнутых бровей.

— Мйар, ты в баре у моря. Тут, наверное, повсюду моряки.

— Не думаю, — сказал я. — Как мне, по-твоему, опознать моряка?..

— Ты мне лучше скажи, зачем тебе моряк, — терпеливо произнес некромант.

— Мне нужен человек, разбирающийся в морских узлах, — сказал я.

— Ага, — кивнул Камориль, начиная что-то понимать. — А что, если... может, мне поискать эти морские узлы в сети?

Я отмахнулся:

— Да ну. Мы же их не знаем, времени уйдет слишком много. Мне нужен живой, говорящий человек, знающий названия морских узлов и как они выглядят. И бумажка. И ручка!

Я обнаружил, что на меня внимательно смотрит бармен. Это был характерный ширококостный мужчина с квадратным подбородком и рельефными высокими скулами,

одетый в форменную матроску "Реморы". Большими шерстистыми ручищами он ловко жонглировал металлическим шейкером, не сводя с меня взгляда глубоко посаженных, темных глаз.

— Э-э, чего? — глупо спросил я. — Майку сейчас надену, если что. Если нельзя...

— Заказывать будешь? — спросил бармен, не отреагировав никак на мою реплику. — Бери ром.

— Да-да, Мйарчик, бери ром! — поддакнул Камориль.

— Да хоть что, — я забрался на стул возле стойки, слева от Камориль, и наклонился чуть ближе к бармену: — Рома мне! И им тоже рома! — я указал на Камориль и молчаливого юношу. — Побольше! И темного, пожалуйста, чтобы карамелью аж несло!

— Мйар, ты меня пугаешь, — заметил некромант.

— Камориль, я близок к разгадке, как никогда.

И тут прямо передо мной материализовались клочок бумаги, ручка, а так же глиняная кружка с настолько ароматной жидкостью, что от запаха этого я чуть не прослезился.

— Ну, где узлы? — спросил бармен, упираясь в стойку кулаком.

Я протянул ему золотунное ожерелье, что сжимал до этого в ладони.

Бармен принял украшение из моих рук. В его толстых узловатых пальцах бусины памяти казались чуть ли не бисером. Он, хмуря широкие брови, долго вглядывался в ожерелье, а потом важно кивнул.

— Да, это все узлы для утолщения троса.

— Вы знаете, как они называются? — спросил я.

— Записывай, — протянул мужчина благодушно и даже, пожалуй, как-то радостно.

Он разложил расстегнутую нитку бус вдоль листка и, указывая квадратным пальцем на узелки, стал диктовать мне их названия. Я послушно записывал. В итоге оказалось, что узлы одной половины бус в точности повторяли другую, только были как будто бы отзеркалены. Почти в самой середине, между восьмой и девятой бусинами, обнаружился, правда, дополнительный узел. В общем и целом, у нас получился этакий узловой палиндром.

Я пробормотал бармену "спасибо" и уставился на листок. Попробовал прочесть для начала первые буквы названий каждого узла. Выходила бессмыслица. Я попытался прочесть последние буквы — то же самое. И тогда я выписал средние буквы всех названий, если число букв там было нечетное, и две срединные буквы, если четное. Я корпел над этим листком, наверное, минут тридцать, полностью отмежевавшись от всего вокруг. Мозг вскипал, с трудом просчитывая варианты. Про ром я забыл. Про Камориль забыл, про майку тоже. Про все забыл. Сопоставлял буквы и так и эдак, пока наконец у меня не получилась фраза, более-менее осмысленная, хоть и весьма странная:

"Не видно яром у дорог и город у моря. Он дивен".

Я отложил ручку. Это оно. Да. Это именно оно. Не могло там этого просто так оказаться. Эти слова — прослеженный путь. Да? Так и есть. Это, правда, мало похоже на то, что мог бы выдумать фанатик-чтец, склонный к шизофрении... Это, скорее, бред кого-то, отчаянно влюбленного в наш береговой ландшафт. Или этот Зорья, кроме того, что чтец, в душе еще и поэт? И эту фразу мне теперь надо "спеть". Спеть? Просто вот взять и спеть? А если проговорить?

Я, не мешкая, произнес тихо, себе под нос, глядя на золотунное ожерелье:

— Не видно яром у дорог и город у моря. Он дивен.

Ничего не произошло.

Тут же раздался пронзительный визг микрофона откуда-то со сцены. А, это на нее вышли Ари, еще двое парней и давешний светловолосый собеседник Камориль. "Доброй ночи, мои волшебные", — произнес он торжественно и бойко. Грянули аккорды, забилося сердце ритм-секции. Пел юноша на нездешнем языке, и этот язык я знал. Это мешало немного, но я все же смог абстрагироваться и снова сосредоточиться на ожерелье.

Ну, спеть, так спеть. Пускай думают, что я подпеваю "Негорюй", если услышат.

Я, подстраиваясь под мелодику чужой песни, затянул свою странную фразу-перевертыш. Терять было нечего, останавливаться — бессмысленно, и потому я продолжал с настойчивостью, достойной, наверное, какого-нибудь лучшего применения. И когда я "спел" палиндром в восемнадцатый раз, шнур, на который были нанизаны бусины памяти, осыпался на деревянную столешницу легким пеплом, перед этим вспыхнув — коротко и тускло.

На бумажке, испещренной моим корявым почерком, остались лежать семнадцать золотунных бусин, золотунная же застежка и немного мельчайшего пепла, похожего, скорее, на пыль.

Я собрал бусины в пригоршню и сунул их в карман джинсов. Звуки "Реморы" хлынули на меня безудержной волной. Вот так, просто и обыденно, сгорбившись над барной стойкой в одних лишь кроссовках и джинсах, я переменял течение своей жизни, кардинально все поменял. Как бы и в толпе, и сам. И сложно, и просто, почти играючи.

Я не мог осознать, что теперь будет. Я просто сделал то, что должно, и то, что мне хотелось сделать. То, что сделать было нужно.

Никаких перемен я не ощущал. Все было, как было. "Ремора". Рыболовные сети на стенах, приглушенный свет, юноша — Рин Даблкнот, двадцатипятилетний элементалист льда, что выглядит на восемнадцать, — поет на сцене о любви и смерти, хотя сам, я точно знаю, ни разу себе не верит. Да и как он может верить себе, если даже имя его — подделка, ширма, заиндевелое стекло спасительной лжи?

Я поднимаюсь и бреду прочь от барной стойки, на выход. Камориль давит сигарету в пепельнице, обжигается, облизывает обожженный палец, спешно бросает бармену купюру, в два раза более ценную, чем стоило бы, и идет за мной. Он настигает меня возле гардероба, смотрит на себя в большое зеркало, поправляет выбившуюся прядь, упавшую на лицо, но ни коснуться меня, ни заговорить со мной не решается. Идет следом, на расстоянии в шаг.

Я выхожу наружу. Меня обволакивает ночная прохлада. Небо — высокое, как никогда, кружится. Я иду прямо и оказываюсь снова по колени в воде. Как я добрался до моря? Не понимаю.

Вода теплая. Море любит меня. Этот мир любит меня. Он прекрасен.

И все, что в нем — тоже. Пожалуй.

Почти все.

Я оборачиваюсь и вижу Камориль. Некромант не решается зайти в воду. На его лице играют отблески этой воды — яркие, золотые.

Может быть, это все — ром? Похоже на то.

Я понял, что некрмант за мной в воду не пойдет — а его оставлять одного нельзя. Я сам вышел к нему, на берег, и взял его за руку. Рука его была холодной и дрожала.

Я, не отпуская руки, притянул его к себе и обнял. Надо его согреть. Он холодный и, на самом-то деле, такой хрупкий. Как все в этом мире.

И, как и все в этом мире, он любит меня. Прямо сейчас. До глубины души.

И этого никак не изменить, этого не превозмочь, это не плохо и не хорошо.

Это за гранью добра и зла.

Я могу только принять эту любовь и быть благодарным. И, в свою очередь, я тоже должен беречь его, и все, что вокруг, потому что этот мир — мой. И этот человек, эта беспокойная душа, это удивительное чудо бытия — не что иное, как последний подарок судьбы, что от меня отвернулась, мое спасение, мое благословение, моя смертельная удача и мой нелегкий рок.

Я прижимал его к себе, гладил по голове, по плечам и спине. Мне хотелось спасти его от тревожного прошлого, от ранящего настоящего и от будущего, исполненного боли и слез. Но желание оберегать стремительно и неудержимо превращалось в желание обладать — стоило мне провести рукой по его щеке и коснуться губ. Я вдохнул его запах, зарывшись пальцами в шелковистые волосы, я прижал его за талию к себе еще крепче, потянулся и поцеловал в шею. Он не отвечал мне, — понятно, конечно же, он этого от меня не ждал, — но и не отстранялся. Я прикусил мочку уха, пронзенную тонкой дужкой серьги, провел языком по ее внешней стороне. Некромант почти не дышал, смотрел куда-то вниз, не решаясь будто бы обратить на меня свой взор. Я опустил руку ниже, настойчиво поглаживая упругие мышцы под блестящей черной материей.левой рукой я легонько потянул его за волосы так, что он запрокинул голову назад и приоткрыл рот. И тогда я поцеловал его — глубоко, страстно и горячо, проникая в него языком, встречая его податливый язык, кусая и терзая его тонкие губы.

Вот она, цена поцелуя, и вот он, вкус его крови — солоноватый, слегка отдающий медью и ромом.

Я почувствовал его ладонь у себя на плече — некромант начал отвечать мне. Он обнял меня обеими руками, крепко-крепко, вжался в меня весь, как будто бы не хотел никуда отпускать, но поцелуй прервал, превратив его в почти что целомудренные объятия.

— Мйар, — произнес Камориль тихо и глубоко.

И это имя прекратило сумасшедшее вращение небес.

Я сидел на песке. Звезды были яркие. Какие звезды? Откуда звезды? Не было же их тусклые же были... Камориль держал меня за руку, смотрел на меня пристально, сидя рядом на этом же холодном песке.

— Мйар, — повторил он.

Я посмотрел на него и все понял. В который раз я понял очередное свое "все".

Я чувствовал, как сжимается и щемит в груди сердце. Я взял в свою правую ладонь его вторую руку и заставил посмотреть на себя.

— Камориль, — произнес я, и мне было совсем не до смеха, — прости.

Некромант кивнул, ничего не отвечая. Запястьем потер глаз. Неужели он... плачет?..

— Ну что ты как маленький, Камориль? — спросил я. — Все будет хорошо.

— Да не реву я, — огрызнулся некромант. — "Хорошо" — скажешь тоже. Целует, как ни в чем не бывало, извиняется, а мне вот это благоразумие проявлять. Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Ладно, я. Тебе-то что — ты вон, магическое явление какое-то необъяснимое, а я-то — просто ошибка природы! Но ты... Ты море согрел, понимаешь? А ты ведь ни разу не маг. Был. И ты снова... вылинял. Соскочил с наших рельсов, как никто никогда не мог. Даже в войну. Прочь из реальности. Я... Почему я тебя не остановил с этим всем? Что ты такое, Мйар Вирамайна?

Я глянул ему в глаза и сказал правду, какую ведал:

— Я — это он, но он — это не я. Ты, главное, помни об этом.

Некромант поджал губы, вздохнул, покачал головой. Мы сидели на песке рядом друг с другом. Камориль опустил взгляд на свои руки, которые я сжимал в ладонях.

Потом он снова посмотрел мне в глаза — печально и тепло.

Этот взгляд я вряд ли когда-нибудь забуду.

Потому что в это мгновение я, каким был, умер.

Бешеный хоровод теней кружился над синей бездной, пронзенной тысячей светящихся нитей. Кем были эти тени Ромка не знал. Они казались какими-то вовсе потусторонними сущностями, пришедшими откуда-то извне, проявившимися на пределе восприятия, на пределе даже видения изнанки. Может, это были тени истинно мертвых, а может, призраки спящих в иных мирах.

Силуэты становились все более материальными. В них смутно угадывались юные обнаженные девушки, укрытые вместо одежды длинными распущенными волосами, что переливаются в потоках цветного ветра, выются виноградными лозами, трепещут крыльями, мешая разглядеть их лица.

Двигались силуэты в такт речи старика-чтеца, который не то чтоб говорил — скорее, пел. Голос у него был глубокий, сильный. И управлял он им ловко, играя на обертонах. Что именно он вещал — Ромка не понимал тоже, но видел, что эти слова — всего лишь подспорье, этаким вербальный костыль, без которого чтец не свершит того, что нужно. И в свершении этого чтецу помогает, кажется, само мироздание: нити пронзают его, грозя вот-вот оторвать от земли, наполняют невидимым для простого глаза сиянием кончики его пальцев, ниспадают на плечи и под ноги, свиваясь кольцами. А проходя через душу его — сверкающий полупрозрачный бутон, похожий одновременно на неограниченный драгоценный камень, — нити становятся еще ярче, еще толще, свиваются канатами, уходят в темное небо синусоидальными векторами.

Кратер, наполненный сияющей синевой, бурлил. Из него горящими протуберанцами вздымались, тут же опадая, фигуры, похожие то на каких-то неведомых зверей, то на уродливых людей, а иногда почему-то на корабли.

Ромка не знал языка, на котором чтец "поет", но каждое произнесенное чтецом слово оставалось у мальчика в памяти и приобретало смысл. Так, он даже начал кое-что понимать. И самым странным в этом понимании было то, что заклятие это — не заклятие, а, скорее, молитва. Обращение к неким высшим силам, которые почему-то обязаны исполнить просьбу. Как будто бы у них нет иного выбора. Будто бы они созданы для этого. Будто бы слова заклинания — код, дающий власть над ними, и это — именно то, как все и должно быть. Мол, так вот оно все работает.

И в этой сияющей синеве, бурлящей, как суп, как котел колдуньи в представлении слушающих сказку детей, проявилась наконец фигура, к которой, как только она сформировалась, устремились все те сияющие нематериальные нити, что вились вокруг.

Танцующие призрачные силуэты разом опали, опустившись на колени и склонив головы. Лишь один из них остался стоять. А потом этот силуэт как будто бы совместился с фигурой из светящейся синевы — рывком, нырком, сбоем программы, сдвигом реальности. Как моргнувшая голограмма.

Тысячи нитей тут же окружили фигуру, впитавшую в себя тень. Они прошили искристую синеву, прострочили, завязали миллионом узлов. Все это не прекращало светиться и пульсировать, переливаться, звенеть и петь. Голос чтеца совсем потерялся в атональном гуле потустороннего хора.

Но старик все равно читал, пел, тянул, держа в руках древнюю на вид книгу,

перелистывая ее желтые истрепанные страницы, он сверялся с ними и, не запинаясь и не останавливаясь, зывал к древним богам и тем силам, на которых зиждется мир.

Маги старины и правда могли. Имели власть.

Как мир вообще выжил? При таких делах... Ромка подумал, что таким силам наверняка должен быть какой-то противовес. Ведь если до войны маги могли такое (и не такое, — он был в этом теперь уверен), то должно было быть что-то, сдерживающее их. Или, может быть, что-то уравнивающее. Ведь иначе — как?.. Никак иначе.

А реальность изнанки тем временем успокаивалась — будто бы сама собой. Музыка волшебства тревожно замерла, затаилась, приглушила фанфары, звуча теперь тонким, нежным голосом ксилофона или цимбал.

Фигура, стоявшая среди притихшего кратера, сделала первый шаг к берегу. Уверенный, спокойный шаг. Она все еще походила на статую из светящейся синевы, но теперь эта статуя ожила. Контуры ее утончались, приобретая знакомые очертания. И когда фигура прошла свои десять шагов к краю, сияние схлынуло с нее, как вода, явив в ореоле мерцающих брызг человеческую кожу — смуглую, оливковую — и волосы до самых бедер — черные, вьющиеся, скручивающиеся тугими тяжелыми кольцами.

Сияющий мир померк — это Ромка прикрыл ладонью глаза, устыдившись того, что стал невольно разглядывать обнаженную женщину. Ее саму это вроде бы никак не смущало, но все же, все же... Какие бы великие вещи ни случились в эту ночь — есть такое, что существует этому величию совершенно параллельно. Вот, например, — смущение. И в самом смущении ничего постыдного нет. Даже если ты — судьбоплет.

По крайней мере, так Ромка сам себя успокаивал.

— Лет через десять тебя будет трудно удивить голой женщиной, — послышался голос Варамиры. — Вот же, дитя человеческое, а... Какие же мы все все-таки люди...

— Смотреть уже можно? — спросил Ромка, не отнимая ладоней от глаз. — Я к этому привыкну когда-нибудь, обещаю. Но не сразу.

— Надеюсь, тебе не придется к этому привыкать, — сказала Варамира. — Открывай глаза, я уже.

Ромка несмело глянул сначала сквозь пальцы, а потом и вправду убрал руки от лица.

— Ты увидел, что происходит, когда Зорея читает "Возвращение"? — спросила "бабка", застегивая последнюю пуговицу на блузке.

— Да, — кивнул Ромка. — Пожалуй, увидел. И понял. Но эта связь... она....

— Что она? — Варамира насторожилась, ловя каждое слово мальчика.

— Эта связь, кроме того, что требует больших затрат и очень сложна, — она... распутывается, если потянуть за ниточку. Она как бантик против морского узла. Ненадежная.

— Вот я о том же, — кивнула Варамира. — Это именно то, что я хотела тебе показать.

— Но с этой ненадежностью тоже не все просто, — задумчиво проговорил Ромка.

— Ты не видишь нужной нити, — кивнула Варамира.

— И именно эта ненадежность связи не дает тебе доступа к резервам души, кроме прочего.

— Прочего — чего?

Ромка, задумчиво потеряв подбородок, стал излагать, как ему все это увиделось:

— К тебе будто бы по умолчанию привязан "слепой узел". То есть — сколько ни перевязывай, он все равно с тобой. А накладываясь на общечеловеческое ограничение, он

существенно снижает все твои способности. Наверное... наверное, если все это развязать, узел удалить, снять "глушитель", укрепить связь, то... — Ромка замялся. Варамира смотрела на него пристально. Мальчик сглотнул. — То ты станешь очень могущественной.

Он хотел сказать "опасной". Но это было бы опасно само по себе. Рискованно.

— И здесь, — продолжил мысль Ромка, — тебе нужен тот, кто умеет плести нити, у кого к этому дар. Я так понимаю, этот кто-то — я.

— Так и есть, — кивнула Варамира удовлетворенно. — Ты поможешь мне.

— Но, — произнес Ромка осторожно, — мне кажется, что, хоть я и могу, но я... не сумею. Мало того, что я не знаю, как... так ведь и мои собственные силы ограничены общечеловеческим "глушителем". Из нас троих только Зорья имеет доступ к душе. Но, не будучи судьбоплетом, дать этот доступ кому-то еще он не может. Разве что какое заклятие...

— Тут у нас два пути, — сказала "бабка". — Первый — освободить все человечество от Оков Тишины. Но от этого слишком несет человеколюбием, как по мне. Или... наоборот. Да и, кроме прочего, для этого нам понадобится Исключительный Чародей — а я видала такого только один раз в жизни. И то, это мне чуть было ее не стоило. И второй вариант: мы должны достичь горы Антарг, Сердца Мира. Игольное Ушко — само по себе заклинание. И если его настроить, как надо, и активировать мощью судьбоплета, — то у нас все получится. Оно послужит катализатором. Я стану полноценной. Целой. Я перестану мучительно умирать.

Варамира наклонилась к Роману и заглянула в глаза.

— Ты ведь поможешь мне, правда?

Ромка знал, что медлить с ответом нельзя. Ведь иначе она не поверит. Все прочтет по глазам. Все поймет. И потому он сказал:

— Конечно. Мы ведь... как это говорится? Семья?

Варамира улыбнулась — вполне искренне, как показалось Ромке.

— Семья, — кивнула она. Приобняла мальчика за плечо. — Пойдем. Мы не будем мешкать — надо отправляться в путь прямо сейчас.

Ромка послушно двинулся рядом с ней.

Старик-чтец, которого Варамира назвала Зореей и который помог ей возродиться этой ночью, шел сразу за ними на расстоянии в пару шагов.

Ромка, на самом деле, не понимал, как Варамира может надеяться на его помощь, не рассчитывая дать хоть что-то взамен. Ничего не предлагая. Не пытаясь прельстить его хоть чем-то. Все, что она обещала, — это научить пользоваться силой. Что ж. Теперь он видит изнанку и понимает ее. Теперь проще. Теперь можно даже полагаться на себя самого. Главное ведь тут не столько практика, сколько восприятие и понимание. А они поменялись. Качественно. И это первый и самый главный шаг к обретению власти над своими способностями.

Ромке подумалось даже, что "бабка" так наивно надеется на помощь потому, что мыслит иначе. Она просто... другая. Для нее и он, и все остальные люди — части нее. Как рука или ухо. И она искренне не понимает, как ее воле можно противиться. И правда, что за нонсенс — восставшая против хозяина рука? Ухо, выражающее несогласие?

Бред.

Но Ромке не хотелось ошибаться, — а ошибка тут вполне могла быть. Может, он все не так понял и просто оправдывает Варамиру, как умеет, как понимает. Может, не стоит этого делать.

И совсем не известно, что будет, если он ей воспротивится.

Не захочет ли она отрубить взбунтовавшуюся "часть тела"?

Ромка понимал, что ждать от этой женщины можно чего угодно. И что никакая она не "семья".

Знал он теперь и кое-что еще. И даже подобрал для этого слово, — вроде как емкое и передающее суть. Когда тысячи сияющих нитей привязали к новому, практически рукотворному телу душу Варамиры, проявившуюся в реальность из морока, Ромка почувал, какова она. Он осознал, какой силой обладает Варамира, что она за колдунья. И представил себе чем эта сила обернется, если Варамира станет окончательно живой и с его помощью обретет доступ к резервам души.

Это будет эпическая ошибка. Это будет неконтролируемая беда. Это будет самый темный, жгучий, ласковый, кровавый хаос, который можно себе представить.

И если от нее убежать — она найдет его во сне. И наяву найдет. Наплодит подобных себе тварей и пошлет по следу.

И будет снова пытаться убить его друзей — это наверняка.

Она затеяла фарс, заранее обреченный быть раскрытым. Как будто бы иначе попросту не умеет.

Но — все это ни в коем случае нельзя произносить вслух.

Пока Ромка молчит — Варамира играет пьесу под названием "Семья". Плохо играет. Не достоверно. Мальчик знал, — стоит ему раскрыть рот и озвучить все это... сюжет представления останется тем же, а вот декорации сменятся враз.

А потому пока — не стоит. Надо молчать и изображать дурачка, пока нет четкого плана. И пока есть время его придумать.

Ну и гнилое нутро оказалось у этой истории. Кто б знал.

Как это дед с ней жил? Неужели здесь и правда замешано родство? Может, врет она все?

Ромка поднял взгляд вверх, обратив внимание на россыпь звезд, ставших в одно мгновение особенно яркими — а потом потускневшими до обычного состояния.

Что за шутки шутит с ним зрение? Со всей этой магией недолго и с катушек съехать — вон уже, мерещится всякое.

Варамира на странное поведение звездного света внимания не обратила, продвигаясь вперед очень даже целенаправленно. Теперь она вела Ромку на другую сторону Шелковичного острова. Очевидно, где-то там и начнется путь к Сердцу Мира... каким бы он ни был.

По аналогии с тем именем, что назвала ему баба Паша в памятном домике в лесу, Ромка придумал слово для Варамиры:

"Судьбод".

— Ну... и... как оно? — спросил Камориль. — Мйар? Тебя уже отпустил приступ божественного великолепия?

Они все так же сидели на берегу, очень близко к воде, вот только молча, и уже, наверное, полчаса как. Некромант наконец решился спросить у Мйара, что это такое было вообще. Но тот, как это у него частенько случалось, будто бы ничего не понял.

— А? — Мйар моргнул. — В смысле?

— Ну, глаза у тебя больше не светятся, сожрать меня ты тоже вроде бы не пытаешься —

вот я и подумал, может, с тобой все снова, как было, — проговорил Камориль, откидываясь назад и опираясь на песок ладонями. — Ты ж, выходит, вспомнил все. Ну и... каково оно? Что ты вспомнил?

Мйар молчал. Хмурился. Поглядел в обе стороны от себя, потом уставился на Камориль как-то растерянно.

— Ну... Да, я... я все вспомнил. Но...

— Что "но"?

— Но я... не могу это все объять. То есть, сейчас мне кажется, что весь этот массив информации гораздо больше меня. Больше того, что я могу понять и осознать за раз.

— Ага. Вот как.

— Как-то так, да.

— Ну, попробуй как-нибудь в этот свой массив запросы целенаправленно слать. Может, поможет.

— Боюсь, — доверительно сообщил Мйар. Вздохнул. — Но делаю. В общем... Мне нужно пойти домой и забрать ключ.

— Ключ? — Камориль склонил голову набок. — Уж не тот ли, что от всех дверей, кроме одной? Ты хочешь сказать, что, следуя всем законам жанра, он валяется где-то у тебя дома, просто ты об этом забыл?

— Типа того, — Мйар улыбнулся криво. — Этот ключ нужен мне, чтобы вернуть мою силу, понимаешь ли.

— А это вот шоу, что ты мне устроил только что, — не она?

— Она, отчасти, — кивнул Мйар. — Но это что-то типа остаточного эффекта. Полагаю, больше во мне запаса сюрпризов не предусмотрено. Хотя кто его знает, конечно... Но без ключа нельзя просто так взять и начать вершить нужного качества волшебство.

— Нужного качества волшебство... — Камориль удивленно приподнял брови. — Нужного для чего качества?..

— Для того, чтобы убить наконец эту суку, — произнес Мйар жестко. — Полностью. До конца. А это задача далеко не из легких, Йер.

Мйар решительно поднялся на ноги, отряхивая с джинсов песок.

— Пойдем, — сказал он.

— Куда? К тебе? — Камориль тоже поднялся. — А как же Никс и Эль-Марко?

— Пускай развлекаются. Ну, в смысле, отдыхают. Когда солнце встанет, мы снова встретимся все вместе. Это тоже нужно будет для дела, так бы я их уже отпустил с миром.

Некромант поглядел на Мйара искоса.

— То есть — отпустил бы? А как же те морфирующие твари, которых хрен убьешь?

— Она больше не будет на нас их натравливать. Ей теперь важнее добраться до Игольного Ушка и занять былую мощь. И тогда она будет способна избавиться от меня. Ну, по крайней мере, ей так кажется. На самом деле все, конечно же, не так-то просто. И если эта тварь все свои жизни искала власти и наслаждений, то мне как-то раз посчастливилось обрести знание. Я знаю, как порешить такую, как она. Теперь знаю. И в этот раз у меня получится. Варамира должна умереть — раз и навсегда, раз и навсегда. И я ей в этом помогу.

— Какая страсть, — Камориль покачал головой, улыбаясь. — Тебя тот чтец сферический не кусал случайно, нет?

Мйар промолчал, разумно проигнорировав риторический вопрос.

— Тебе стоит поподробнее рассказать мне обо всем, — произнес Камориль наставительно. — Мне было бы крайне интересно узнать, что именно она тебе сделала. Ежели ты единожды убил ее и хочешь убить вновь... я-то — ладно, мне-то — можно, но вот от тебя я такой готовности кого-то порешить никак не ждал.

Мйар провел рукой по волосам, развязывая удерживающий их шнурок. Ветер тут же подхватил легкие пряди красновато-медового цвета и затрепал, путая. Мйар смотрел на море, и слова, которые он произнес, заставили Камориль вздрогнуть:

— Она и правда богиня, Камориль. Что-то типа того. Она им ни разу не врала — этим своим адептам, по крайней мере, по поводу себя не врала. Она на самом деле многое может, или могла бы, — если только к ней вернуться все ее силы. А сил она лишена неспроста. Думаешь, зря боролись все те, кто раньше нас умер? Нет. Так или иначе, им удалось ослабить ее, очень сильно сковать ее силы... А мне удалось даже убить ее — как я тогда думал, — но я ошибся. Так просто ее не уничтожить. Но, раз уж я нашел ключ (или он нашел меня), я могу надеяться на то, что в этот раз все получится.

Камориль тяжело вздохнул. Произнес:

— Я слишком стар для всего этого.

Мйар улыбнулся ему.

— Да ладно!

— Нет, правда. Я не видел этой твоей Варамиры в лицо, — только слышал твой рассказ и то, что говорили Эррата и Вера, читал предсмертные мысли тех странных гибридов в катакомбах, да фотографию мельком глянул... Я хорошо помню тех тварей, которых, как ты говоришь, она на нас натравила. Но в моей голове все равно никак не могут уместиться ты и твое желание эту Варамиру убить. Я почему-то думал, что, когда ты все вспомнишь, ты придумаешь что-нибудь еще...

— Тут без вариантов, — Мйар сказал как отрезал.

— Что такого она тебе сделала? Что ты не в силах простить?

Мйар помолчал.

— Я знаю, ты не привык от меня слышать такие слова, — все же произнес он, не глядя на Камориль. — Ты привык иметь дело со мной в состоянии, когда у меня нет ни целей, ни желаний. Когда я все встречаю фразой "А почему бы и нет?" Ты помогал мне с работой, с выбором музыки, с техникой этой самой... Ты пытался найти мне смысл и радость или хотя бы помочь найти их самому. Но знаешь... Это все за меня не цеплялось, потому что было истинно не моим. И я гораздо счастливее теперь, когда, наконец, вспомнил о том, каков мой долг и предназначение.

— Долг перед кем? — спросил Камориль.

— Перед самим собой, — ответил Мйар, твердо взглянув на некроманта. — Этого достаточно.

— Но ты... ты все-таки расскажешь мне, что там такое произошло? Отчего ты теперь так смертельно ненавидишь эту женщину, если сам говоришь, что любил ее, а потом убил?

Камориль хотел еще добавить, что это все пахнет то ли мелодрамой, то ли скорым визитом к психотерапевту, но не стал.

— Ну, видишь ли, — Мйар неопределенно повел плечом, — я ж из тех, кто сначала рвет и мечет, позабыв себя самого, а потом горько плачет над телами поверженных. Дурацкая привычка, на самом-то деле. Собственно, чего стоим? Пойдем.

Камориль не сдвинулся с места.

— Мйар, я хочу знать все. Все, что было до того, как я тебя нашел. То есть, до того, как мы встретились. Кто ты и что ты? Я считаю, что я имею право знать.

— Пожалуй, — кивнул Мйар, обернувшись. — Пожалуй, если ты все узнаешь, то ничего не изменится.

— Ты уже говорил как-то раз что-то похожее... И все равно. Расскажи мне. Может быть, я пойму тебя.

— Может быть. Но меня не нужно понимать, Йер.

— Но я хочу.

— Пойдем, — повторил Мйар. — Ночь впереди долгая. В самом деле, сильные желания стоит ценить. Зная тебя... ты же не успокоишься, пока своего не получишь, а? Запасайся терпением. История длинная и не то чтоб особо увлекательная.

Когда они добрались до жилища Мйара, что в подвале четырнадцатого дома, некромант понял, что очень устал. Усталость, как рессора, сгладила все те эмоции, что нахлынули на него, когда Мйар рассказал ему событийную часть своей жизни, имевшую место быть до их встречи у пика Сестрицын Зуб.

От набережной они добирались около двух часов: часть пути одолели пешком, часть — до поворота на маяк — проехали на нулевом маршруте попутного троллейбуса. Когда они шли по полю, а до спального района, в котором Мйар жил, оставалось всего километра два, к ним из темноты, фыркая, выбежал черный неоседланный конь. Животное было большим, холеным, своенравным на вид. Оно ласково терлось мордой Мйару об плечо, пытаясь зажевать бархатными губами волосы. Конь, как пришел, так и ушел, — поведя ухом, умчался рысью куда-то в ночь, оставив путников в недоумении. Камориль предположил, что животное сбежало из какого-нибудь конезавода в окрестностях.

Мйар тогда, после паузы, продолжил рассказ, и финальное свое "...а потом я увидел тебя, и об выражение твоего лица можно было орехи колоть. Кедровые", — произнес с усмешкой. Камориль вспомнил, что именно тогда он старался скрыть свои эмоции от непредсказуемо психованного Зореи (хоть тот и ушел уже, когда Мйар очнулся), а оттого, и правда, усиленно изображал на лице выражение типа "кирпич". Видимо, оно застыло на нем аж до Мйарового пробуждения.

Они наконец зашли вдвоем внутрь полутемной холостяцкой берлоги. Там все оставалось нетронутым, только разве что пылью слегка поросло. Мйар сказал, мол, теперь все в порядке и можно расслабиться, и Камориль присел на большое удобное кресло посреди комнаты. Кресло приняло его, как родного, и в полусне, накатившим теплой волной, мелькали перед ним образы и видения из Мйарового рассказа. Слишком уж все это впечатлило Камориль. Не потому, что он такого не ожидал. Наоборот, слушая рассказ Мйара, Камориль отмечал про себя, что всегда догадывался о чем-то таком. Мол, а что же еще может быть в прошлом у такого, как Мйар, если не это? Разволновался некромант и близко к сердцу все принял, скорее, потому, что ждал этой правды давно, и правда эта была о том, кто являл собой центр его мироздания последние три десятка лет.

Не разволнуешься тут, как же.

И в нахлынувшем на него полусне-полубреде виделись ему картины чужого прошлого, может быть, измененные его собственным восприятием, приукрашенные, преувеличенные, а может, и наоборот, куда менее величественные и пугающие, чем те события, что имели место быть в реальности.

Камориль не мог наверняка отличить сон, навеянный рассказами Мйара, от своих собственных воспоминаний о войне. Он видел, как падают с высокой скалы, поросшей черными, тонкими, изогнутыми соснами, каменные башни замка-тюрьмы, как над ними кружат огромные черные птицы, ревущие, как гром. Этот замок-тюрьма был лагерем, где создали и вырастили Мйара — человека без юности. Существо, лишенное детства как такового. Тело, изготовленное с одной лишь целью — принять в себя душу исключительного чародея прошлого, того, кому суждено было преломить ход войны.

И лагерь подвергся нападению, и были взорваны вмурованные в стены предохранители. Огромный секретный комплекс взлетел на воздух за полторы секунды. Это место всегда было особенным. Оно постоянно касалось своим краешком морока, а оттого здесь были возможны эксперименты с самой жизнью. И когда лагерь был атакован и разрушен, вся та диковинная живность, что сумела выжить, разбрелась по миру, не контролируемая ничем и никем.

Камориль снились отрывки операции "Романтицид" и бескрайние поля, над которыми гулял ветер, перебирая склоненные травы, вызывая из небытия волны, словно это не высокая рожь, а подвижная морская гладь.

Некромант видел в своем сне цепочку следов, наискось пересекающую белую простыню снежной пустыни. Вдалеке он заметил скорченный силуэт огромного дерева.

Ветер стих, снежный туман выкристаллизовался, осел, сделав воздух прозрачным и звонким. Камориль увидел, что дерево, выросшее среди снегов, — велико. Его ветви задевали низко летящие облака. Его корни уходили глубоко под землю, разыскивая и находя там недостающее тепло тогда, когда на эти края спускается долгая снежная ночь.

И когда каждая рана, которую получает Мйар, заживает, на этом древе прорастает новая ветвь.

Камориль видел маленькую фигурку с рыжей копной волос, что стоит под этим деревом и смотрит на него снизу вверх.

Мйар касался шершавой коры руками.

Он исходил множество дорог, и вот наконец нашел этот величественный древний кедр, укрытый зеленой пушистой хвоей даже в самый смертельный мороз.

А потом Камориль увидел лицо древнего старика, лежащего под капельницей в пропахшей лекарствами полутемной палате. Обшарпанные стены, гул аппаратуры, отдаленные шаги медсестер.

Мйаровы пальцы — сильные, крепкие, красивые, а в них — старческая рука, увитая вздутыми венами, усыпанная коричневыми пигментными пятнами. Рука дрожит. Старик похож на сморщенный овощ, оставленный гнить на солнечном подоконнике. У него глаза синие, и взгляд этих глаз пронзителен, как рентген.

Старик ни о чем не жалеет. Он сделал все, что мог и что должен был.

И вдруг — жаркое дыхание, полные, гладкие, теплые груди, упирающиеся Мйару куда-то в плечо. Красные влажные губы шепчут что-то на ухо, женщина трется скулой о Мйарову шею.

А потом — кровь.

То ли это ее платье скользнуло на черный мраморный пол.

То ли кишки разметались по рыхлой черной земле.

Фиолетовый яд стекает прозрачными тугими каплями с тонкого лепестка крапчатого гладиолуса.

Луна стала красной, каменные ладоши хлопают, и с высокой скалы, усыпанной кривыми тонкими соснами, летят в бездну обрушившиеся башни замка-тюрьмы, превращаясь в черных и белых птиц.

Камориль резко сел. Первые две секунды он не мог понять, где находится. Потом он обнаружил, что спал, укрытый пуховым одеялом, на кровати, у Мйара в спальне. Он глянул по сторонам — все как всегда, стены насыщенного персикового цвета, ближе даже к темно-оранжевому; полки с милыми декоративными мелочами; в окошко под самым потолком пробивается свет, на вид почти осязаемый, и в нем трепещут пылинки и какая-то совсем беззвучная мошкара. Тепло.

Как будто бы это тот редкий случай, когда Мйар пригласил Камориль к себе, и они отчаянно наглотались вдвоем какого-то убийственного пойла, и Мйар разрешил некроманту остаться, а сам ушел спать на диванчике в соседней комнате, там, где у него плита, сервант, комод, столик и, собственно, диван с креслом.

Было бы так.

Камориль почти уже сам себе поверил, что так оно и есть, и что все эти мистические неприятности — просто сон.

Он сел на кровати, стараясь не скрипеть. Пятерней закинул волосы назад, раз уж они сбились за ночь и разметались по плечам, как попало. Уставился прямо перед собой.

На стене висела картина — темный морской пейзаж, изображающий ненастье, написанный широкими свободными мазками. Камориль задержал взгляд на переливах нарисованных маслом волн. В его голову, откуда еще не выветрились остатки странного сновидения, стали стучаться слова и фразы, так похожие на воспоминания о далеком прошлом, которое случилось с ним самим. Но прошлое это было не его.

И он не мог видеть этого прошлого, но ему все равно казалось, что он видел. Что был там.

В этом лагере, который Мйар описывал скорее как лабораторию по созданию разнообразных гибридов и химер.

На далеком севере.

Стало быть, Мйар — по крайней мере, его тело — искусственное. Выращенное, вылепленное некими сугубо талантливыми целителями и чтецами, гениями в своем роде. Давно погибшими, вестимо. Мйар никогда не был рожден женщиной. А как же пупок? А что пупок — делали не идиоты. И создан он был для того, чтобы вместить в себя душу исключительного чародея прошлого, умершего много веков назад.

Мйар не назвал имени этого чародея — может, сам не знал. Камориль читывал когда-то в юности несколько приключенческих интерпретаций деяний великих древних чародеев, да пару учебников истории. Но его эта тема никогда особо не интересовала. Его интересовали способы колдовства, действующие формулы, заклинания, когда они еще были доступны — словом, практика. А умершие давным-давно "вершители судеб" ему были безразличны, ведь он сам не стремился стать одним из них.

И каково же это — узнать однажды, что ты — лишь инструмент в руках властимущих? И не идиоты ли они, если думают, что ты им не воспротивишься и будешь починяться во всем?

Расчет должен быть очень тонок. Даньслав Никанорович Заболотницкий, он же "Белый Коготь" — последний из династии личных пророков на службе у последнего же монарха

ныне покойной державы — пользовался доверием, в общем-то, параноидального правителя. Отчего пользовался-то? Кто знает. Может, человек был хороший. А, вероятно, был. И вот этот самый Даньслав предложил своему королю рискованное мероприятие и вызвался сам исполнять в нем одну из главных ролей. Знал ли кто, что Даньслав — не пророк, а самый настоящий судьбоплет? Кровь предков "загустела" в нем до нужной кондиции, явив миру судьбоплета, и тот решил использовать свою силу самым страшным и опасным способом.

Поиграл, стало быть, в "дочки-матери".

И выиграл.

Мйар рассказывал, что на протяжении всего периода его "взросления" — а именно, те четыре года, что он провел в лагере, ему, так или иначе, внушалась идея о том, что он должен преломить ход войны, сделать так, чтобы "наши" победили. А "чужие", соответственно, проиграли.

Но наличие в нем души исключительного чародея не гарантировало стране победы. Наличие души — это как наличие резерва, этакий запас мощи, позволяющий при правильном с собой обращении творить немислимые дела. И для того, чтобы осуществить то, для чего предназначен, Мйар должен был сначала найти свою суть, а потом — узнать "слова".

И Даньслав почему-то верил, что Мйару это удастся. И говорил ему, мол, если не сможешь сделать так, чтобы мы выиграли, — сделай так, чтобы проиграли все.

Но это все ладно, это же не лирика, а факты... Факты пресны. А история без лирики не обошлась.

Возможно, как раз эта ее часть и является основой, костяком, камнем преткновения. То есть, что та война существу юному и совершенному, каким Мйар был тогда? Ну да, да, было ему от "рождения" четыре года. И потому совсем не удивительно, как он воспринял то, что случилось.

Камориль отвлекся от мыслей о Мйаровом прошлом, задумавшись, как он сам попал на кровать, если заснул вроде бы в кресле. Неужели Мйар перетащил? С чего бы ему проявлять такую заботливость... И где он сам, в таком случае?

Некромант прислушался: никто нигде не шумел. Значит, Мйар или спит еще, или его в доме нет.

И всю эту историю — с походом на Север, с рассказом о том, как на руках его умирала, захлебываясь кровью и ядом, любимая женщина — Мйар вещал спокойно, на диво мирно, чуть ли не с отсутствующим выражением лица. Его все эти страсти более не трогали. Он, что ли... вырос?..

Но, в то же время, он был решительно настроен убить Варамиру еще раз.

Стало жарко. Камориль откинул одеяло вбок. Сел на кровати, нащупав пятками прохладный деревянный пол.

Ему подумалось, что в Мйаровом жилище все же довольно уютно, хоть и просто, и дешево.

Значит, при разгроме лагеря-лаборатории Мйару, Даньславу и Варамире удалось сбежать. Притом, что, по идее, в случае проникновения врага внутрь, все живое там должно было погибнуть. Такая вот вроде перестраховка — чтобы наработки ученых и магов не достались врагу. Но убежать удалось не только Мйару и его "опекунам", но еще и многим другим тварям — вот, например, Вере, которая прихватила с собой Лунь, эту мерзкую моль-переросток.

И Даньслав, прежде, чем отправиться на юг и найти себе новый дом в городе у моря, сказал Мйару, чтобы тот отправлялся на далекий север, искать "слово" и свою суть.

Мйар говорит, что сутью его оказалось огромное дерево — северный золотистый кедр. Такие деревья в высоту достигают шестидесяти метров, а диаметр ствола бывает от метра до трех. Именно этот кедр в свое время и посадил тот исключительный чародей, вместилищем чьей души Мйар оказался. И кедр этот был его сутью... нет, основным и главным вместилищем, таким сосудом для силы, которая томилась там, скованная, разделенная все то время, что чародей был мертв.

Выходит, дерево и было душой? Или душа была как-то привязана к этому дереву? Мйар говорит, что дерево оберегало утраченные душой связи и было как бы "якорем" того чародея, — и понимай его, как знаешь.

А еще Мйар сказал, что этот кедр стал и его "якорем" из-за действий судьбоплета.

Этот момент Камориль понял не до конца. Вроде как Мйар сказал, что Даньслав "привязал" его к этому дереву. Не его самого, а как бы его судьбу. И что Мйара будет очень непросто убить, пока дерево стоит. А что будет, если дерево умрет? Сколько живут такие деревья?

Камориль обнаружил на тумбочке у кровати свой телефон. Вышел в сеть, нашел информацию о золотистых кедрах. Значит, шестьсот-восемьсот лет.

Очень даже немало. Хороший целитель — и тот, если ему позволят, себя до такого возраста не "дотянет".

А что же будет, если кедр срубят? Мйар ответа не знал, но подозревал, что это может значить и его собственную смерть. Тогда, ночью, когда они шли по полю и Мйар рассказывал о том, что вспомнил, он глянул на Камориль с кривой усмешкой и произнес: "Когда мне это все начисто надоест, я знаю, как мне следует поступить".

Мйар рассказывал свою историю не по порядку. Он все кружил вокруг да около, выхватывая из нее куски, то пускаясь в описания мелких деталей — будь то узор на платье северной колдуньи или снежный закат у неких безымянных гор, — то говорил просто, скупо и в общем — о том, например, как вершил свое справедливое возмездие и по одной резал глотки парламентариям неприятельской стороны.

И о том, как вернул свое знание, впитал суть, перетянул на себя нити судьбы и выучил Слово. И как прочел его...

Камориль снова откинулся на простыни, разглядывая белый потолок в трещинах и сырых потеках: очевидно, соседи сверху не раз заливали Мйарову берлогу. В штукатурке при таких делах образуется грибок, и его надо бы травить, но, очевидно, Мйару было не до этого или просто лень.

Трудно поверить в то, что человек, живущий здесь, однажды произнес Слово, остановившее войну. Ну, как остановившее.

Камориль помнил тот день отчетливо. Ему было шестнадцать. Веритас и Эррата спали, обнявшись, укрытые каким-то тряпьем и брезентом. Грязные, чумадые, тощие... Они тогда были похожи друг на друга, почти как зеркальные отражения. Разница между ними еще почти не проявилась.

Над осажденным городом брезжил рассвет. Снег, вальсируя, опускался на полуразрушенные дома, укрывал тонким слоем следы крови на камнях, кутал в белые саваны мертвых солдат, валяющихся, коченяя, в оврагах и посреди улиц.

Был черед Камориль сторожить сон братьев. Охранять их надо было и от "своих" тоже.

Мало ли, какой чтец или целитель съедет с катушек и припомнит древнюю вражду. И их не испугает обилие мертвецов вокруг. Они могут успеть убить.

Потому Камориль сидел не на земле, а на сваленных друг на друга трупах. Они с братьями притащили в свою нору пятерых мертвецов, "законсервировали" тела и предприняли все нужные меры, чтобы, в случае чего, поднять их мгновенно.

А люди были озлоблены, люди были опасны. Люди верили, что некроманты и вправду могут есть покойников. А правда была в том, что поедать падших собратьев мог кто угодно, вот только трупный яд и болезни не давали насладиться "пищей" никому, а остальных магов и ополчение от этого удерживали еще и моральные принципы.

Самые слабые уходили доказывать, что они — боги. Сильные пытались, проникая в стан врага по подземным тоннелям, использовать диверсионную тактику, чтобы ослабить осаду. А такие, как братья Тар-Йер, попросту выживали.

И вот в один из дней, особенно холодный (Камориль запомнил это, потому как на холоде он становился медлительным, апатичным и рассеянным), мир замолчал.

Камориль не сразу понял, что произошло. Он сам не мог вымолвить и слова. Проснувшиеся Эррата и Веритас тоже молчали. Нет, они пытались говорить, но из глоток их, как бы они ни напрягались, не вылетало и звука.

Братья, не отходя друг от друга слишком далеко, но и вместе не собираясь, выбрались из своего убежища, чтобы понять, что происходит.

Город был погружен в молчание. Даже снег не скрипел. Собаки разевали рты и пытались лаять, — но ни звука не вырывалось из их глоток. Люди бродили вокруг молчаливыми черными призраками. Молча тащили мертвых на костер ответственные за это рабочие.

Так же тихо, вовсе беззвучно, пролетали над городом черные вражеские самолеты. И так же тихо полыхали взрывы вдалеке, освещая серые облака тусклым рыжим огнем.

Этот день прошел, и настал следующий. Голос вернулся. Но маги (в том числе и братья Тар-Йер) обнаружили, что больше не могут читать заклинаний. Ну, читать-то могут, — но толку от этого никакого. Слова стали просто словами. Они перестали быть ключами, что открывают путь силе. Это было последней каплей. Осажденный город вконец обезумел. И тогда братья Тар-Йер подняли столько мертвецов, сколько смогли (ведь для этого им не нужно было слов) и, укрывшись за этой стеной, глубокой ночью выбрались из города. Молчаливую колонну заметили, остановили, расстреляли. Окоченелые тела тормозили пули. И хотя мертвецам это было нипочем, братья скомандовали телам падать и "умирать", выплескивая из ртов "кровь" — заранее набранную туда красную краску. Братья Тар-Йер затерялись среди горы трупов, а потом начался снежный буран, и тут уже Камориль ничего не помнил, потому как потерял сознание из-за холода. Эррата и Веритас вытащили его, и, видимо, какое-то время по очереди несли на себе.

Потом было много чего еще.

Но после того дня, когда никто не мог вымолвить и слова, война закончилась. До близнецов, направляющихся на юг, докатились слухи о том, что кто-то вырезал правление вражеской стороны. Всех, подчистую. А последний монарх державы погиб от остановки сердца.

Камориль и предположить не мог, что вся его жизнь, выходит, прошита такими взаимосвязями. Что это именно он нашел дитя Драконьего Бога и привязался к тому, кто, по сути, остановил войну. Как там Мйар сказал? Это было великое заклятие "Тишина".

Предполагалось, что Мйар найдет и прочтет "Погибель", — и вражеская армия испустит последний вздох в один момент.

Но это, видимо, Даньслав монарху так вещал, мол, не волнуйтесь, дражайший, — все будет в лучшем виде. Мол, стоит воспитать это существо, как человека, как родного ребенка, — и он, чтобы не лишиться родительской любви, сделает все, что угодно.

Все. Что. Угодно.

Так, собственно, и стало. Мйар, судя по его рассказу, и правда любил Даньслава и Варамиру. Очень. Сильно. Может быть, даже чересчур.

Но, выходит, не как родителей, что ли? Выходит, хоть и было ему четыре года от роду, когда он свершил все эти свои эпические подвиги, — но Варамиру он любил иначе, чем было задумано. Он любил ее, как женщину, любовью страстной и неразумной, наполовину животной и очень болезненной.

И здесь тоже было не все понятно.

Мйар сказал Камориль так: "Она была предназначена мне. Эта женщина. Она попала в лагерь случайно — читай, это была судьба. Она скрывала свою суть очень долго, совершенно невероятным образом. Она обвела вокруг пальца всех, и Даньслава тоже. А уж меня-то — наверняка. Но суть в том, что она, в самом деле, была моим предназначением. Мы с ней были связаны судьбой. Но Даньслав отвязал нити моей судьбы от ее, а ее — от моей, и через кедровое зернышко привязал меня к тому дереву, и сказал, мол, иди, ищи свою судьбу и исполняй свой долг. А Варамиру привязал к себе. Но мы оба тогда не знали, кто она такая".

А может, Даньслав и ведал. Сразу. И "пожертвовал" собой, — как это было свойственно людям той эпохи, — ради великой цели.

Камориль фыркнул.

Да всем он, чем мог, тем и пожертвовал. Вот уж дурацкая история. Почему они все, обладая такими силами, не смогли разрешить дело так, чтобы жить долго и счастливо? Почему им всем так хотелось поскорей умереть?..

Снова сев на кровати, Камориль услышал звук открывающейся входной двери и шаги. Через некоторое время он увидел в дверном проеме мужской силуэт. Мйар принес с собой полный пакет (с едой, судя по всему) и теперь что-то творил, повернувшись лицом к плите. Из-за стены и дверного косяка Камориль видел только фрагмент его силуэта — левое плечо, половину головы, завязочку фартука на уровне пояса и верхнюю часть штанов.

Какие-то новые, темно-фиолетовые. Замшевые, что ли? А еще в утреннем свете волосы Мйара казались какими-то другими. Он, очевидно, собрал их в неаккуратный пучок, чтоб не мешались, а оттого Камориль не мог понять, что с ними. То ли все как всегда, то ли, и правда, цвет какой-то другой.

Некромант продолжал, не двигаясь, смотреть, как Мйар колдует над едой. Послышалось шкварчание масла на сковороде. Следом подтянулся запах жареного лука и помидор. Мйар ловко, одно за другим, разбил в сковороду четыре яйца. Посолил, поперчил. Накрыл яичницу крышкой, снял фартук и развязал волосы, оборачиваясь.

Он сделал пару шагов по направлению к некроманту, — а тот, как сидел, так и остался, только глядел на Мйара удивленно, глупо приоткрыв рот.

— Ты... — наконец произнес он, когда Мйар зашел в спальню и оперся плечом о дверной косяк. — Ты, что ли, волосы выпрямил и покрасил?..

— Нет, блин, брови выщипал, — фыркнул Мйар. — Ну, а вообще, теперь будет так, да. Мне с красными как-то привычнее. Всегда так носил раньше.

— Погоди, ты что... ты... То есть... — Камориль нахмурился. — Ночью их покрасил, что ли?..

Лицо Мйара стало непроницаемым.

— То есть рыжие кудряшки мне, по-твоему, больше шли?

— Нет-нет, — Камориль отрицательно покачал головой. Потом всполошился: — Ну, в смысле... Нет, не так! Я имел в виду...

— Яичницу будешь? — спросил Мйар, подобрев.

— Буду, — кивнул Камориль.

— Хорошо, — Мйар развернулся и вышел.

Камориль потер лоб. Это что ж такое... что ж такое творится. Он во второй раз за утро откинулся на кровать, распластав руки в обе стороны. Это выходит, что Мйар... пускай и не совсем такой, как обычно... готовит ему яичницу! Нет, не так... Мйар готовит им завтрак! Прелесть какая. Радость какая! Это же что-то невероятное.

Что происходит вообще? Камориль никогда даже и не мечтал о таком. Ну, то есть, он, конечно, ждал чего-нибудь в этом роде, но никогда не думал, что это будет так. Тут вроде не было ничего такого уж особенного, — но все равно сердце некроманта стало биться сильнее и чаще, исполнилось легкой, звенящей радостью, теплой, искрящейся. Сердце просто напросто трепетало, дыхание тоже.

Камориль сграбастал одеяло в охапку и заключил его в крепкие объятия, широко улыбаясь и пряча эту улыбку в белых хлопковых складках. А потом отпустил одеяло, разлегся на кровати "звездой" и негромко рассмеялся вслух.

— Ты чего? — спросил вернувшийся от плиты Мйар, высунувшись в комнату наполовину. — А, предвкушаешь завтрак?.. Точно, ты ж со вчера ничего не ел, как пришел, так сразу и уснул. Или?..

Камориль замер на кровати в позе, чересчур открытой и беззащитной, как ему показалось. Но шелохнуться он не смел. Собственно, потому, что Мйар сделал два медленных расслабленных шага к кровати и поставил на ее край колено.

Сердце Камориль тут же закатилось куда-то в пятки. На Мйаре были только одни эти замшевые штаны с широкими кожаными вставками — и все, никаких тебе маек. Бытовая такая, получается, эротика. Ну, то есть, Мйар-то не понимает, что эротика, но видел бы он себя!

Пуговицы и клепки на темно-лиловой замше блестят тусклым серебром. Мйару на плечи, ключицы и голую грудь свешиваются ярко-красные прямые пряди, лишь чуть волнистые. У него глаза спокойные, внимательные, какие-то даже лукавые, и в них бликует свет из окна над кроватью, делая взгляд еще более глубоким и звонким, ярким и каким-то остро-густым. И губами своими мягкими, чуть улыбаясь, он произносит жуткое:

— А ты знаешь, как это трудно — держать себя в узде? Насколько это тяжело и страшно, — когда ты думаешь о ком-то так, как не стоило бы?

Камориль позволил себе ничего не отвечать. Он только чуть голову повернул набок и ноги вместе собрал.

Мйар поставил на кровать второе колено, а потом встал на нее на четвереньки и стал медленно приближаться к Камориль, нависая сверху. Кончики волос Мйара щекотали некроманту плечи. Он попытался отползти назад, отстраниться, вжаться в подушки — инстинктивно.

Мйар был все ближе, и отступать было некуда. Камориль видел перед собой его лицо, и

плечи, и голую спину, и лукавую улыбку, и даже ресницы — густые, темно-красные. Но никакого возбуждения он не испытывал. Как-то все это было неправильно. Неверно. Не так. Мйар был какой-то... совсем другой, и дело не только в цвете волос и нехарактерной одежде.

— Бу, — произнес этот "другой", потянувшись куда-то вверх и что-то оттуда достав. Потом оттолкнулся от спинки кровати и уселся на край, держа в руках буковое веретено.

— А вот и ключ, — сказал он. Глянул на Камориль весело. — Ты чего, как в воду опущенный? Расслабься. Вот, смотри лучше. Это — ключ от всех дверей.

Камориль выдохнул. Сел. Сглотнул.

— Веретено? — спросил некромант.

— Да, — кивнул Мйар. — Видишь, как оно бывает... Порою трудно понять, которая именно вещь — главная твоя драгоценность. Как и непросто бывает решить, кто в истории — главный герой.

Он глядел на Камориль искоса, продолжая улыбаться.

— И даже непонятно бывает, о тебе ли эта история вообще, — произнес некромант.

— Моя сила не разделилась, — сказал Мйар доверительно, отвернувшись и уставившись куда-то в пустоту. — Она была дублирована — если хочешь, — на тебя, на мальчика, на не рожденную девочку, и чтецу, конечно, тоже досталось. Но ты не волнуйся. Я никуда ее не заберу, ни у тебя, ни у Марика, ни у девочки-огонька. В прошлый раз себе я ее стер, да. Потому что так было нужно. Но вам ее стирать не обязательно. Я просто заново дублирую ее на себя, при помощи вот этого, — он держал веретено между двумя указательными пальцами. — Вот он, мой наиценнейший артефакт. Дерево здесь только сверху, сердцевина, придающая ему вес и баланс — чистая золатунь. Это веретено — ключ.

— Так в чем же был ответ? — спросил Камориль. Сел на кровати. Любопытство заставило его забыть нахлынувшее было недоверие. — В чем секрет? Это все-таки вещь, получается? Абеляр врал? Или нет? Каково понимание этой загадки — про "от всех дверей"?..

— Веретено позволит мне взять все, что угодно, — ответил Мйар, — сделать моим. Открыть для себя. Подчинить. Кроме того, что мне открыть не судьба. Может быть, когда-нибудь ты догадаешься, что именно я имею в виду.

— Сейчас мне кажется, что... Ты, по сути, решил бороться с судьбой, — проговорил некромант, потирая висок. — Это так? Имея все, что возможно иметь, ты хочешь добиться того, чего иметь нельзя? Ты хочешь доказать, что ты... сильнее судьбы?

Камориль сам не верил, что произнес это. Слова казались ему патетичными и глупыми, исполненными истового фатализма, — но он их уже сказал. Дергаться поздно.

— Нет, — Мйар вздохнул. — Я ничего не хочу доказать. Но я должен кое-что сделать. Кое-что закончить. И вообще. Ты говоришь об этом так, как будто бы это что-то плохое.

— Просто... мне сложно это все понять.

— Ну я же так и сказал тебе. Это не нужно понимать. По сути, нам даже не стоит об этом говорить. Я все равно сделаю то, что должен, так, как знаю.

— А жив-то ты останешься после этого? — спросил Камориль.

Этот вопрос очень его волновал. Несмотря ни на что.

— А не ты ли говорил, что ждешь моей смерти? — улыбнулся Мйар.

Камориль решил смолчать. Мог бы ответить что-нибудь насчет того, что убежать Мйару таким образом не удастся, что это не то, чем стоит испытывать привязанность некроманта;

или сдаться уже, перестать лукавить, смеяться и объяснить, что все его разговорчики про смерть — всего лишь эвфемизмы для неуместных, глупых клятв. Но этот вот новый Мйар — обладатель огненной гривы и странной, лукавой улыбки, похожей из-за клыков на оскал — казался опасным. Он был... ну, словно нож, словно высота без перил. Он знал и помнил все, о чем Камориль с ним разговаривал раньше, но реагировал совсем не так, как обычно. И эти вот поползновения... Камориль знал и умел вести себя, когда его отвергали, но он совершенно терялся, когда с ним заигрывали. Точнее, когда это делал Мйар. Остальные-то что... Остальные не имеют значения, они не важны.

А здесь...

— Пойду, разложу по тарелкам яичницу, пока не сгорела, — сообщил Мйар, сунув буковое веретено в карман. — Тебе гречку к ней насыпать? Кофе уже на столе, кстати. Стынет.

Он встал с кровати и вышел.

Камориль закрыл лицо руками. Вздохнул. Принял все, как есть. И решил, что, покуда этот новый Мйар в настроении (а оно почему-то казалось некроманту в перспективе непостоянным), нужно спросить у него все, что кажется непонятным. И пускай это будет неэтично. Пусть. Пускай это будет навязчиво и невовремя.

Но ведь... Судя по тому, что Мйар рассказал... Камориль уже избранный. Это существо, которое до поры скрывалось в мозгу у его рыжеволосого друга, эта эпическая нереальная тварь, решившая бороться с самой судьбой, — она выбрала Камориль сама. А это значит, что бояться не стать избранным уже поздно. Все. Выбор сделан.

Камориль взял в руки телефон и набрал Эль-Марко.

— Привет. Спишь? — хохотнул. — Да, знаю, отличный вопрос. Уже нет? Еще лучше! Значит, у нас такие дела... Мйар вернул себе память и нашел ключ от всех дверей, кроме одной. К тому же, он говорит, что мои превращения, твои умения касательно зажимания струн и живой огонь Никс — это все составные части его былой силы, которую он на нас как-то спроецировал тогда, у Сестрицына Зуба. Сейчас мы позавтракаем, и я узнаю, что он планирует делать дальше. А вы как?

Оказалось, что Эль-Марко вместе с Никс сидят дома у Тихомира, брата Ари, и рассматривают его коллекцию корабельных моделей. Камориль продолжил:

— Никс, наверное, ты от этих ошеломляющих интриг и открытого всего, что было скрыто, побереги. Ну и сам не волнуйся, пожалуй. Мйар сказал, что, дублируя силу обратно, у нас ее не отберет. Представляешь, как чудесно? Вот и я о том же.

Эль-Марко в ответ почему-то молчал. Больше ничего не спрашивал, но и не прощался. Камориль тоже молчал и не вешал трубку. Произнес наконец:

— Он, выходит, рукотворное воплощение какого-то исключительного чародея древности. Ага. Живут же люди. Ну... я еще позвоню.

Камориль поднялся с кровати и прошел в соседнюю комнату. Мйар сидел на диванчике и деловито уплетал завтрак прямо со сковороды. Отвлёкся:

— Садись вот на кресло! Присоединяйся. Я решил на тарелки не раскладывать, а сразу все в сковороду высыпать. Вот тут помидорки тоже, обязательно бери.

Камориль сел на кресло.

— Это, что ли, вино столовое? — спросил он, приподняв за ножку тонкий бокал с красной жидкостью. — Чего это ты вдруг?

Мйар жевал, а потому молчал. Дожевав, сказал, жестикулируя вилкой:

— Есть вариант напоить тебя до невменяемости для того, чтобы ты со мной не пошел.

— Интересный поворот событий, — Камориль нахмурился. — Игры, в которые играют нелюди? Я теперь должен стать жертвой? А, нет, нет. Не так. Я должен спросить: куда не пошел?

Мйар наколол на вилку ломтик поджаренного хлеба.

— Ну как, куда. К Сердцу Мира. На вершину горы Антарг, где высится Игольное Ушко, и где Варамира будет пытаться вернуть себе былое могущество.

— Насколько я знаю, Антарг — гора мифическая, в реальности не существующая.

Камориль взял в руки вилку, предназначавшуюся ему. Ковырнул яичницу. Продолжил, раз Мйар молчал:

— Но, с другой стороны, я в жизни многое повидал, так что утверждать, что этой горы не существует, не стану. Раз ты говоришь, что пойдешь туда, значит, она есть.

— Более чем, — кивнул Мйар. — Правда, последние, кто там был — это северная колдунья и менестрель-шаман. Кажется, я тебе рассказывал эту историю вкратце? Ну так вот, взамен на ключ от всех дверей, кроме одной, который оказался веретенном, я помог им найти путь к Сердцу Мира. И там они смогли воспользоваться Игольным Ушком, чтобы стать иными.

— Какими — иными? — спросил Камориль.

Мйар пожал плечами.

— Не знаю. Может, смертными.

Камориль наколол на вилку две помидорные дольки и кусочек хлеба. Отправил в рот. Вкуса он не чувствовал.

— Сейчас поедим, соберемся и пойдём к морю. Куда-нибудь, где людей поменьше, — сообщил Мйар. — Ты Эль-Марко и Николе позвони, скажи. Мне нужно с ними встретиться прежде, чем отправляться в путь.

— Опять к морю? — спросил Камориль.

— Ну, а куда еще?

— И правда.

— Ешь давай, а то я скоро сам со всем справлюсь.

— Я... не голоден.

— Да ладно.

— Правда, — Камориль оставил вилку в сковороде. Откинулся на кресло. — Видишь ли, ни в коем разе не хочется жаловаться, но, похоже, твоя история меня... по-настоящему впечатлила, — он подпер подбородок ладонью. — А ты так просто об этом всем говоришь.

— Ну, а как мне еще говорить? — Мйар развел руками. — Какой мне прок страдать из-за событий, имевших место быть более тридцати лет назад?

— И с этой твоей горой, — задумчиво продолжал некромант, — ты же не ответил мне, вернешься ли оттуда живым. Ты знаешь, что будешь делать там? Знаешь, как будешь убивать женщину, которой было предназначено погубить тебя, как ты говоришь, самой судьбой?

— Камориль. Я не знаю, как оно все сложится, — Мйар, не глядя на некроманта, вытер руки об кухонное полотенце. Потом посмотрел все же, и взгляд этот был тяжелым и очень решительным: — Но я знаю, что я должен делать. У меня в голове есть примерный план, и он кажется мне вполне годным. Более того, я уверен, что в этот раз у меня есть все шансы сделать так, чтобы удача была на моей стороне, окончательно и бесповоротно. Зря я, что ли, столько лет ждал.

Камориль встрепенулся. Догадка поразила его: неужели?.. Неужели все, что произошло, было не просто так? Возможно ли, что все это спланировано с самого начала?..

— Так ты... — проговорил некромант и запнулся. Он так и не решился высказать свою гипотезу вслух.

— Ешь, — наставительно сказал Мйар, не дождавшись вопроса. — Не хочешь есть — кофе пей. То есть, не так. Не вынуждай меня кормить тебя с ложечки. Мне, знаешь ли, не лень. И это не угроза, — я просто предупреждаю тебя о том, что собираюсь сделать. И нет, мило это не будет.

— Ну и дела, — протянул Камориль, послушно берясь за вилку.

На этот раз "к морю" оказалось поездкой на один из городских пляжей, ставший диким из-за обвалов. На неширокой полосе песка, обрамленной с торца высоким каменистым склоном, практически перпендикулярным линии горизонта, все же сохранилось несколько больших шиферных навесов, защищающих от солнца в ясную погоду.

Но погода выдалась хмурой. С неба, затянутого блеклым, сероватым тучевым полотном, срывались мелкие холодные капли, покрывая песок темной рябью.

Камориль с Мйаром спустились сюда по лесенке в ущелье, собранной вручную местными из камней и темных деревянных балок.

Навесы, под которыми они прятались от мелкой мороси, покоились на железных столбиках, окрашенных в синий. Справа вдаль уходил узкий песчаный берег, ограниченный высоким обрывом, а слева в море выступал мыс, в основании которого громоздились огромные темно-серые валуны. Их то и дело омывали волны, разбиваясь налету, рассеиваясь тысячами белых брызг и снова оседая бурлящей пеной.

Камориль сидел на металлической лавочке возле такого же металлического столика, что был впаян в поддерживающие шиферную крышу столбы. Так, некромант мог наблюдать за Мйаром, который, в свою очередь, вглядывался в пустынную морскую гладь, опершись об один из столбов плечом.

Ветер трепал темно-красные пряди, спутывающиеся в толстые тяжелые жгуты. Точно, сыро же. Оттого и цвет такой темный, а пряди тяжелые.

Эль-Марко с Николой опаздывали. Они обещали быть минут через двадцать, и Камориль предпочел им верить.

И правда, куда они денутся.

Некромант вздохнул. Он понимал, что не должен как бы печалиться о чужой судьбе — но как-то не получалось в этот раз. Чужое горе обычно его не трогало. А тут... Да и Мйар вроде бы не горевал совсем. Пока они сюда добирались, Камориль все же задал вопросы, уточняющие самую суть. Вопросы о том, откуда взялся Драконий Бог, а так же зачем и почему Мйар убил Варамиру.

И Мйар ответил, что в Мертварь его обратила сила, вышедшая из-под контроля. Силу же заставила кипеть и неистовствовать ярость, смертельная, разрушительная. Ярость, порожденная чудовищным по сути своей предательством, — как это ему тогда показалось.

Мйар был молод. Нет, он был крайне юн и доподлинно несмышлен, хоть и проницателен, и начитан. Ему было всего четыре года, — но это были его, особенные четыре года. Здоровая психика тоже здесь близко не ночевала. И вот, всемогущий ребенок в теле взрослого мужчины... Душа исключительного чародея прошлого, выражающаяся через искусственно возвращенный интеллект. И чувства — человеческие, естественные, сильные. Неконтролируемые.

Или же, наоборот, — контролируемые слишком легко. Ежели умеючи к ним подойти. И этот его друг — светловолосый, красивый, умный... Этот его последний пророк и, неожиданно, судьбоплет — взял и перевязал нити Мйаровой судьбы. Уничтожил связь Мйара и Варамиры. Перевязал ее на себя. И стала она его предназначением, а не Мйара.

И этот удар судьбы Мйар принял на удивление стойко. Да, он ее любил. Как мать, как

женщину, — одна беда, любил и все тут. Любил, как мог и как умел. Хоть не умел и не мог, строго говоря.

Мйар говорит, что Даньслав тогда смотрел ему прямо в глаза, терзая ледяным взглядом самую душу, и говорил, мол, что у каждого есть предназначение. А у тех, кто избран, кто сильнее толпы и лучше, предназначение страшнее, опасней и выше. И что Мйар должен следовать своему пути, иначе жизнь его окажется пустой и бессмысленной. Что путь его лежит на далекий Север, не к женщине, не к любви, но к самой судьбе.

И Мйар бежал. Он не шел навстречу своей судьбе — а правда несся, стремился, убегал от того, что ему было не суждено познать. И клятвы старые он сдержал, и смерть обходила его стороной. Нашел кедр. Впитал суть. Встретил северную колдунью. Прочитал "Тишину" и свершил свою "мечь", омыв кровью врага свои чистые детские сны.

А когда Мйар вернулся и разыскал город у моря, желая найти своего первого (и единственного) друга, то нашел древнего старика, высохшего, слабого, похожего на тень себя прошлого. Даньслав Заболотницкий был размещен в одиночной палате в военном госпитале. Когда Мйар пришел к нему, Даньслав был в сознании, но под капельницей.

С того момента, как они расстались, прошло четыре года. За четыре года здоровый человек не мог так постареть. И тем не менее судьбоплет был выжат, как лимон. Официальный диагноз был таков: "прогерия взрослых", то есть — преждевременное старение, со всеми его "дарами" — сединой, катарактой и склерозом.

Даньслав сказал Мйару, что такова была цена "любви". Мол, это не болезнь, — раз с ней не могут справиться самые талантливые из целителей, но судьба. Женщина, которую они оба любили, оказалась "судьбоедом" — странным и страшным воплощением колдовства, существом, которое, кроме всего прочего, выпивает жизненные силы тех, с кем рядом находится. "Судьбоед" перетягивал на себя людскую удачу и все то хорошее, что было человеку предназначено. А так как Даньслав еще и "завязал" ее на себя, то ему досталось по полной. Он отдал ей себя самого целиком, без остатка. И если бы он этого не сделал, такая же участь ожидала бы Мйара.

Мйар не выпускал из рук ладони Белого Когтя до тех пор, пока сердце старика билось. Умер Даньслав спокойно и тихо.

Камориль, слушавший эту историю, мог только представить себе, какие чувства переполняли Мйара тогда. Он, наверное, яростно ненавидел Даньслава. И не мог не понимать, что судьбоплет избавил его самого от скорой смерти, беспощадной и неотвратимой. Каково было ему осознавать, что женщина, которую он любил, "выпила" его друга, его названного отца до дна? Женщина, бывшая ему названной матерью, пускай и его чувства к ней были не самыми правильными.

И тогда Мйар допустил ошибку. Он не смог перебороть себя и избавиться от желания увидеться с ней снова. Он хотел поглядеть на нее в последний раз прежде, чем уйти навсегда. Куда угодно. Хоть бы опять на север.

И они встретились, и она не выглядела ни расстроенной, ни подавленной. Эта женщина очень любила жизнь. Пускай и жила "взаймы". Мйар сказал ей, что сделал все, что должен был. И спросил, правда ли то, что Даньслав умер из-за нее. Варамира ему ничего не ответила. Она тогда скинула наземь красный струящийся шелк, подошла к Мйару близко-близко и, прижавшись к нему жарким молодым телом, поцеловала.

Она обещала ему всю свою страсть и свой огонь. Она обещала быть с ним, как он того хотел. Навсегда, до конца времен.

Но Мйар не смог этого вынести.

Все это было слишком.

Сила Варамиры, доселе спасавшая ее от всех житейских невзгод, отводящая от нее пули, дарящая ей вторые, третьи и пятые шансы, хозяйку свою подвела. Видно, не только она пила жизненные силы у Даньслава. На протяжении всех тех лет, что они жили вместе, судьбоплет работал над тем, чтобы ослабить ее могущество. И ее ничто не спасло.

Мйар убил ее быстро и милосердно. Первые раза три. Он съехал с катушек напрочь и не мог контролировать себя. Зверь внутри него не успокаивался, покуда от тела женщины не осталось кровавого месива. Потом он бежал в горы, в лес, скитаясь между вековых деревьев и медленно теряя рассудок. Чем меньше оставалось в нем разума, тем чудовищней становился он сам, изменяясь и внешне, и изнутри. Лишенная контроля сила исключительного чародея обратила Мйара в того огромного черного зверя, которого местные прозвали Драконьим Богом. Мйар не знал, сколько он так бродил и скольких он так убил, потому что в один прекрасный миг сила поглотила его разум целиком. Его самого не стало. И все, что было дальше, он не помнил.

До того момента, как открыл глаза на берегу.

Тогда он понял, что все, что пережил, хочет забыть. И забыл.

До поры.

И у него на самом деле были все шансы снова сойти с ума, если бы память вернулась раньше, чем нужно. Но все прошло хорошо. За тридцать лет он вырос и возмужал, разум его окреп, чувства, может быть, притупились, — но это его и спасло.

"Надо же, хоть кого-то время лечит", — подумал Камориль.

И вот теперь Мйар хочет вернуть себе ту свою невероятную силу и обуздать ее. Стать в этот раз ее единственным господином и никаких "но". Ему осталось всего ничего — дожждаться Эль-Марко с Николой, а потом еще добраться к Сердцу Мира и забрать последнюю часть сил у чтеца. Чтец, конечно же, вряд ли будет рад Мйару ее предоставить. Но некроманту казалось, что Мйару может вполне хватить и того, что у него к тому моменту будет.

А потом Мйар намерен убить Варамиру снова, и в этот раз — навсегда.

Раз уж в прошлом ей удалось уснуть, пока он ее убивал. Она выпила некий яд, и Мйар разрывал ее в клочья спящую. И это, наверное, бесило зверя внутри него еще пуще.

Ну, какая же это месть, если тот, кто должен страдать, — спит?

Камориль понял, что забыл выкурить зажженную сигарету. Она снова чуть было не обожгла ему пальцы, но он вовремя опомнился и выронил окурочек. Затер его подошвой.

Мйар, хоть и слышал возню, не обернулся — все так же смотрел на серое беспокойное море, и ветер трепал его волосы цвета спекшейся крови, к которым Камориль, к своему удивлению, уже начал привыкать.

— А что будет потом? — спросил некромант.

Он знал, что Мйар услышит, даже сквозь ветер и если говорить тихо.

Мйар обернулся. На его лице была улыбка — то ли грустная, то ли саркастичная.

— Экий ты смелый, — произнес он. перевел взгляд куда-то за спину Камориль. — О, а вот и ребята. И года не прошло.

По ступенькам между скал спускались Эль-Марко с Николой. А за ними, переговариваясь и смеясь, шли Ари, Тиха и Рин.

Никола соскочила с последней ступеньки, и, подбежав по песку к навесу, проговорила

быстро:

— Простите-простите, я не смогла от них отделаться!

— Все в порядке, — ответил Мйар. — Мне они не помешают.

— Ой, — сказала Никс, заметив внешние его перемены. — А это что это с вами?

— Со мной все как надо, — улыбнулся Мйар.

Тем временем до беседки добрался Эль-Марко и трое парнишек, у которых с собой были пакеты с чем-то звенящим. Наверняка, пива с собой притащили.

— Всем привет, — воскликнул Ари, ставя свой пакет на бетонную ступеньку. — Как здорово, что все мы здесь...

— Это у тебя пиво там? — спросил Камориль. — Здравствуй-здравствуй. Что за пиво?

— Темное! Будете? — Ари протянул некроманту непрозрачную черную бутылку.

— Благодарю, но вынужден отказаться.

— Ну, как хотите, — Ари обернулся назад: — Эй, парни, чего жметесь? Под навес давайте, а то намокнете же!

Тихомир с Рином и правда что-то не спешили прятаться от дождя, прохаживаясь по берегу невдалеке.

— Мйар, ты как? — спросил Эль-Марко.

Вместо ответа Мйар протянул ему руку. Кападастер коротко коснулся его запястья и отпустил.

Тихомир с Рином все-таки добрались до навеса и поздоровались с собравшимися.

Камориль заметил, что молодые люди даже не пытаются, как это раньше бывало, приветствовать никого "по-мужски". Из-за событий тридцатилетней давности маги стали опасаться лишних прикосновений, и сначала по этой странной брезгливости можно было отличить колдующего от нормального человека. А теперь отказ от рукопожатий так распространился, что это кажется вполне... нормальным? Как же они теперь здороваются и прощаются? Очевидно, просто словами.

Рин, Тихомир и Ари устроились под навесом, усевшись на стол и поставив ноги на лавочку перед ним. Призывать их к порядку никто не стал.

Ари поднял повыше откупоренную бутылку пива.

— Ну, за удачное завершение невыполнимого предприятия!

— А что вы завершили? — спросил Камориль, все так же поглядывая на Мйара одним глазом.

— У нас на следующей неделе вроде как выпускной, — сообщил Ари, — у нас с Рином. И аттестация.

— В каком учебном заведении или в гильдии? — уточнил некромант.

— В гильдии, конечно же, — ответил Ари. — Вот только Рину оттуда свалить не светит.

— Чего так? — спросил Камориль, переводя взгляд на беловолосого юношу.

— Работать останусь, — ответил Рин. — Отрабатывать.

Камориль еще раз подивился про себя отличию этого Рина и того, что блистал на сцене. Учитывая количество ненормальных на квадратный метр, вполне можно предположить, что у парнишки какое-нибудь там раздвоение личности.

Тем временем Никс вышла из-под навеса на мокрый песок босиком. Камориль не мог различить с такого расстояния, что именно с ней происходит, но ему почему-то казалось, что редкие капли дождя, попадая ей на кожу, волосы или одежду, тут же испаряются.

Впрочем, с ней такое вполне может быть.

Мйар оттолкнулся от столба, который все это время подпираал, тоже вышел под дождь и направился к Никс. Они остановились, не доходя до моря нескольких шагов, и Мйар положил ладонь Николе на плечо.

Камориль смотрел на них издалека, слушая параллельно беззаботную болтовню юных балбесов из "Негорюй".

Эль-Марко присел рядом с некромантом.

— Ну что, выспался? — спросил у него Камориль.

— Да, вполне. А ты?

— Снилось всякое.

— Это все правда? — осведомился Эль-Марко, имея в виду то, что некромант рассказал ему по телефону с утра.

— Вестимо.

— И что он будет делать дальше?

Камориль не сразу ответил, потому как нужно было переждать, пока отгремит раскат грома вдалеке. Потом уже произнес:

— Мйар говорит, что пойдет к Сердцу Мира, оно же — гора Антарг.

— Помню, что-то такое читал...

— И там он схлестнется в последней битве с Варамирой.

— Вот как. Прямо схлестнется?

Камориль неопределенно повел плечом.

— Не знаю. Это у меня в голове он "схлестывается". А как там оно на самом деле будет... Да, я склонен ему верить, но пока что я не видел никаких подтверждений его слов о том, что он возвращает себе былую силу и мощь. Должны же мы что-то чувствовать, а?

— Не обязательно. Он же не колдует, — возразил Эль-Марко.

— А у нас тут еще и вино есть, — Ари спрыгнул со своего насеста и подошел к Камориль и Эль-Марко, гордо неся в руках откупоренную бутылку. — Может, вы к нам все-таки присоединитесь? Расскажите какую-нибудь байку. Я уверен, у вас есть, и не одна!

— А Тихомиру разве будет интересно? — спросил Камориль.

Ари замер, а потом, расслабившись, выдохнул:

— Все в порядке, если б что-то было плохо, он бы с нами не тусил.

Камориль глянул из-за плеча на высокого тощего юношу с относительно короткими волосами, выкрашенными в холодный зеленый. Густая рваная челка падала ему на глаза, мешая разглядеть их цвет. Из-за зеленых прядей, когда он откидывал голову назад, чтобы волосы с глаз убрать, показывались уши, исколотые блестящими серебристыми кольцами. Он что-то негромко рассказывал Рину и посмеивался, то сдержанно, в кулак, а то и открыто, так, что аж жмурился и бил себя ладонью по лбу.

Камориль нравились юные мальчики. Они казались ему чистыми и... перспективными. У них наверняка было будущее, и они, кроме прочего, это будущее заслуживали. А этот был еще и обыкновенным человеком.

И Камориль подумал, что, наверное, быть нормальным — все-таки лучше. Ибо все, что произошло с ним, с Мйаром и Эль-Марко — повязано на магии. Хотя, с другой стороны, не будь ее, не было бы Мйара, не было бы Николе, да и самого Камориль Тар-Йер не было бы.

А Эль-Марко тем временем соблазнился предложением Ари и ушел ближе к "Негорюй", так что Камориль остался смотреть на море и на силуэты Мйара с Никс в одиночку.

Дождь застучал по шиферному навесу вдвое громче. Серая пелена укрыла берег и море, будто плотный темный туман. Под навес забежали вымокшие Мйар с Николой.

От Никс шел пар — она, похоже, тут же начала сушиться. Предупредила строго:

— Никто меня не трогайте сейчас. Обожжетесь.

Мйар, судя по всему, не так уж и вымок. Не успел как будто бы. Он улыбался краешком рта, и, принимая в руки пластмассовый стаканчик с алкоголем, то и дело оглядывался на море. Зачем-то.

Эль-Марко снял свой пиджак и протянул Рину, вздернув брови, когда тот первым делом отказался.

— Тебе же крайне холодно, я знаю, — произнес целитель. — Ты же поэтому сюда переехал. Почему, кстати, дальше на юг не поедешь?

— Мы его никуда не отпустим, — решительно заявил Ари, — у нас только продвижения намечались! В такой момент голосами разбрасываться — слишком рискованно!

Потом они еще что-то говорили про музыку, альбомы, альтерацию и компрессию — Камориль не слушал. Он вертел в пальцах сигаретку, но закуривать не спешил. Смотрел на то, как на фоне дождя движутся людские силуэты, как сверху ручейками бежит вода, стекая по желобам шифера, как клубится над песком смешанная с водяной взвесью пыль.

А потом он понял, что теперь Мйар смотрит на него. Взгляд ярких зеленых глаз был прямым, тяжелым, неподвижным.

Камориль сломал сигарету в пальцах.

Потом он вслушался в беседу и понял, что говорят о предстоящем путешествии к Сердцу Мира. Неужели Мйар не стал об этом молчать? Неужели ему все равно, и это все — не секрет?

— А как же Ромка? — спрашивала Никола. — С ним все будет в порядке?

— У него есть все шансы выйти из этой передрыги самым целым во всех смыслах этого слова, — кивнул Мйар. — Я обещаю тебе, Никола Рэбел, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вы еще раз встретились.

— Встретились?.. — повторила за ним Никс.

— Большого я не могу тебе обещать, — Мйар покачал головой.

— А у нас есть такая песня — про Сердце Мира! — воскликнул Ари. — А оно, правда есть? А можно нам с вами туда пойти?

— Я пойду один, — сказал Мйар. — Это достаточно... своеобразное место, и путь туда тоже... не слишком похож на обыкновенную горную тропку.

— Так ведь тем интересней! — Ари не унимался.

— Ты когда-нибудь сам найдешь дорогу туда, если будешь искать, — сказал ему Мйар. — Но я надеюсь, что тебе не придется этого делать. Вообще, вот что я хотел сказать перед тем, как отправиться в путь...

Все насторожились. Камориль тоже встал и подошел к Мйару, остановившись у того за спиной. Вслушался, ловя каждое слово.

— Есть вероятность, что я не справлюсь. Исконное зло останется не просто живым, но полным сил.

— Погодите чуть-чуть, вы сказали, "исконное зло"? — перебил Тихомир. — А... я прошу прощения, но... не слишком ли это?..

Мйар улыбнулся и вздохнул.

— Понимаю, — произнес он. — Осознаю вполне, как это звучит. И тем не менее.

Варамира — судьбод, а судьбод — это природное воплощение хаоса как такового. Она, вероятно, сама не осознает, кем и чем является. Она просто живет. И очень, знаешь ли, любит жить. У меня с ней, скорее, личные счеты, вы же должны знать, с кем имеете дело вообще. Если я не справлюсь, — держитесь вместе. Мы с вами были знакомы, а потому, — если я проиграю, — она может добраться до вас, потому что захочет устранить все мои связи с миром. И ей это не поможет, конечно же, но она все равно будет пробовать, а значит, вам угрожает опасность.

— Мйар, — Камориль решил вмешаться. — Ты мог бы не говорить фразами из кинофильмов?

— Почему нет? — ответил тот, криво улыбаясь. — Сейчас как раз подходящий момент.

— Так и... как бороться с этим судьбодом? — спросила Никс.

— Никак, — ответил Мйар. — Для этого существуют судьбоплеты. Это их основная задача. Вам же, если вы ее увидите, стоит бежать так быстро, как только хватит сил.

— То есть мы, по сути, будем перед ней беззащитны? — уточнил Тихомир.

Мйар помолчал. Потом ответил, кивнув:

— Да. Единственное, что может помочь — удача. Только удача поможет бороться с судьбой. Именно поэтому я и говорю вам: запомните друг друга и держитесь вместе. И берегите Никс — у нее, скажу я вам, удачливости на троих.

— Да ну, не может быть! — воскликнула Никола. — Что-то я за собой такого не замечала!

— Такие дела, — сказал Мйар, допивая вино.

Поставил стаканчик на стол и поднял руку прощаясь.

— Только не смей линять! — рявкнул Камориль.

Молния ударила где-то совсем близко, осветив всех на мгновение контрастным белым. Гром последовал в ту же секунду, а потому заглушил слова Камориль.

Когда гром отзвенел, Мйар все еще был там. Не вылинял. Не делся никуда. Камориль глубоко вздохнул. Ему показалось, что Мйар вот-вот пропадет, как тогда он перенесся сразу от входа в бар к самому морю. А Камориль явно выпил недостаточно, чтобы отпустить его к Сердцу Мира в одиночку.

— Хорошо, — ответил Мйар.

Подошел к краю навеса, за которым вода теперь лилась сплошной серой стеной. Обернулся:

— Увидимся.

И шагнул в дождь. Камориль, переглянувшись напоследок с Эль-Марко, вдохнул поглубже, как будто нырять собирался, и последовал за Мйаром в дождь.

Вода оказалась теплой — на удивление. Камориль почти уже даже привык к тому, что тяжелые капли постоянно льются ему за шиворот.

Стараясь не отставать от широко шагающего Мйара, он стянул с себя промокшую насквозь рубашку и обернул ее вокруг пояса, связав вместе рукава.

— Куда мы идем? — спросил он, пытаясь говорить громче.

— К тем камням, — ответил Мйар, чуть сбавляя шаг.

Камориль смог поравняться с ним.

— Там начинается путь к Сердцу Мира? — спросил некромант.

— Нет.

Камориль остановился, недоумевая. Опомился и снова принялся догонять, спросил в спину:

— А где же он начинается?

— Путь к Сердцу Мира можно отыскать там, где реальность соприкасается с мороком, — ответил Мйар. — Таких мест, на самом деле, куда больше, чем можно было бы предположить. Они не такая уж редкость... Но ближайшая точка перехода находится достаточно далеко.

— И мы туда пешком, получается, идем? Почему ты не сказал мне, чтобы я собрал с собой Кристину...

— Дай мне руку, — сказал Мйар, обернувшись.

Камориль послушно вложил ладонь в Мйаровы пальцы, лишь чуть замешкавшись.

Что-то странное произошло. То ли — показалось. Как будто бы камни, к которым они шли, стали ближе... Камориль оглянулся назад и не увидел за пеленой дождя ни утеса с рукотворной лесенкой, ни шиферного навеса.

— Даже если они за нами пойдут, то не найдут следов, — сказал Мйар.

Камориль решил, что пора бы уже бросить попытки понять, о чем говорит Мйар. Он сосредоточился на том тепле, что исходит от ладони, сжимающей его собственную. Он понял, что неотвратно мерзнет, несмотря на то, что вода с неба льется совсем не ледяная, а идут они быстро, и что это тепло — мягкое, обволакивающее, нежное, — единственное, из-за чего он все еще не дрожит, стуча зубами.

Ныть же по этому поводу было как-то не с руки, пускай и хотелось.

Они почти уже добрались до огромных камней в основании мыса, темных от морской воды и дождя. Волны бились в эти раздробленные обломки скал, заполняя трещины пеной и водорослями. Море не могло добраться до самых больших бульжников на берегу, из-за чего, казалось, еще больше злилось, но дождь сделал это за него, превращая кварц на сколах из матового в полупрозрачный, как будто бы его залакировали. Песок давно уже стал твердым и темным, покрывшись рябью от множества мелких ран, нанесенных тяжелыми каплями.

Где-то на горизонте сверкнули молнии.

Ливень не унимался.

Мйар остановился у большого пологого валуна, обернулся к Камориль и, не отпуская его руки, притянул некроманта к себе и обнял.

— Эй, ты чего?.. — Камориль даже выдохнул — до того объятия были крепки. — Ты меня сейчас заду... Ну что же ты делаешь?

Мйар немного ослабил хватку, позволив Камориль отстраниться и заглянуть себе в глаза.

По лицу, волосам и плечам некроманта стекала вода. После недолгой борьбы с собой, он выпалил:

— Ну что же это такое, а?! Каждый раз, когда ты меня обнимешь — по-дружески или по-братски, — я же не сжимаю своих рук в ответ, Мйар, — Камориль смотрел ему в глаза, ожидая, что он что-либо ответит. Но тот молчал. Некромант, решившись, продолжил так же эмоционально: — Боюсь, что это окажется слишком! А помнишь, помнишь, когда ты щекой потной ко мне прислонился, — ты хоть понимаешь, что я ощущал при этом? Ты же знаешь, когда люди такие? Горячие и влажные... и то — не всегда, а только если все хорошо. И ты меня сейчас касаешься таким — вот как сейчас, в этой своей дурацкой майке... Ну пощади же ты меня! У меня из головы и тела тут же напроць вылетают мысли о ком-то другом,

который мог быть вот буквально на днях, и я трепещу от этого твоего прикосновения, и таю, как молочный пломбир, от одного воспоминания об этом прикосновении!

Мйар терпеливо слушал, не отводя глаз. А некромант уже не мог остановиться. Он почти кричал, яростно жестикулируя:

— И что? И ты идешь на какую-то гору, через морок, куда, как гласят легенды и детские сказки, живым не попадешь, и при этом ты ведешь меня к каким-то камням и обнимаешь, как в последний раз, и как я должен это понимать? Это объятие будет преследовать меня потом еще неделю, а то и две, а то и весь год. А помнишь... помнишь, когда тебя бросала очередная твоя девочка, — что делал я? Я бросал своих — любимых! — девочек или мальчиков, — и мчался к тебе, и выслушивал твои банальные истории о том, какая она была хорошая и как ты не смог ее удержать! И я бы никому не пожелал этого, Мйар, — Камориль стал говорить тише, и следующие слова почти прошептал: — Никому не желаю такой любви. Это неправильно. Это болезнь. Это — эмоциональная зависимость. Именно от такого с крыш прыгают малолетние идиоты или вот эти девочки, чьи кости лежат здесь, под камнями. А помнишь?.. Когда я зачем-то решил, что если меня будет любить весь мир, то и ты?

— Помню, конечно, — ответил Мйар.

— И мои песни — мою любовь и мою печаль — растащили по норам голодные юные души, присвоили, переварили, заклеямили своими. Они думали, это про них. Ты понимаешь?

Мйар сгреб Камориль в охапку. Обнял, уткнувшись некроманту в мокрые волосы над ухом, и крепко к себе прижал.

— Ну чего ты такой дурак, Камориль, — проговорил он. — Как насчет самоуважения и прочего?..

— Так не помогает же.

Они стояли, обнявшись, под весенним дождем, а за ними бушевало растревоженное море, бурля и пенясь.

— А о чем ты грустил тогда, у маяка? — неожиданно спросил Мйар.

Камориль, отстранившись, оттолкнул его и отвернулся. Молчал, пытался привести в порядок мысли, дыхание и сердцебиение.

— Я тоже умею бояться, Мйар, — сказал он после полуминуты раздумий. — Очень даже. Тогда я подумал, что поцелуй — это точка в наших отношениях, после которой последует твое отдаление. Но потом я взглянул на вопрос иначе.

Камориль обернулся.

Мйар смотрел на некроманта, опираясь на камень, что был ему примерно по пояс. Мокрые волосы облепили его плечи, шею и лоб. Влажная одежда натянулась острыми складками, потемнев, подчеркнула структуру гармонично развитого тела. По плечам, шее, ключицам и груди его непрерывно стекали капли дождя, оставляя за собой блестящие водяные дорожки. Разглядывая Мйара бесстыже и напрямик, Камориль продолжил:

— Я тогда испугался втройне. Я допустил мысль, что, возможно, все как раз таки наоборот, и ты начинаешь открываться и поддаваться мне. И, знаешь, когда я представил, что же будет дальше... Это был совершенно иррациональный страх. Я думал, а как же оно будет, и не иллюзия ли моя к тебе привязанность. Что, если эта иллюзия, дающая мне силу жить, рассыплется пеплом? Что, если я сам себя обманул, и мы с тобой вовсе не связаны судьбою и не подходим друг другу, как составные комплиментарные цвета? Я испугался

момента, когда стрела отыщет цель и разобьет ее, словно стекло. Испугался мига превращения журавля в синицу. Я побоялся, что сам окажусь недостаточно хорошим для тебя, недостаточно надежным, недостаточно глубоким, недостаточно сильным. Этот страх меня ошеломил. Примерно то же самое я чувствую сейчас — только теперь мне... еще страшнее. Востократ.

Мйар ничего не отвечал — просто смотрел. Потом собрал волосы, разметавшиеся по плечам, откинул назад. Стянул с себя мокрую майку и бросил ее на камень рядом.

— Иди сюда, — сказал он. — Ну. Ближе.

Камориль, недоверчиво щурясь, сделал шаг вперед, оказавшись на расстоянии в полметра от Мйара. Тот вытянул руку и, зацепившись пальцами за ремень, привлек Камориль к себе. Мйар обхватил ладонями бока некроманта. Потянувшись, поцеловал его чуть выше хитинового корсета. Глянул снизу вверх зелеными глазами, в которых Камориль прочел что угодно, кроме даже легкого намека на стыд.

— Ты играешь с огнем, — произнес некромант, — Мйар, я предупреждаю...

Мйар привстал со своего камня, оказавшись снова выше Камориль, и, придерживая его за талию одной рукой, провел другой черту по его щеке.

— Сегодня я хочу, чтобы ты касался меня дольше мгновения, — сказал он.

А потом, приподняв, развернул и уложил Камориль на камень, холодный и пологий. Сам оказался сверху. Уткнувшись в лоб некроманта своим лбом, он некоторое время смотрел ему в глаза, а потом, так и не поцеловав в губы, прижал его талию к себе так, что даже чуть-чуть приподнял, втянул по-животному запах, рукой провел снизу вверх по бедру. Потом спустился чуть ниже и слегка прикусил Камориль правый сосок, нежно массируя пальцами левый.

— Да что ж ты делаешь, Мйар, — запоздало попытался возмутиться некромант. — У меня же сейчас руки ползут... А на меня... небо падает.

И он правда видел, как на него надвигается небо, низвергаясь вниз тысячей сверкающих капель. Камориль перевел взгляд на свое тело и увидел, как губы Мйара теперь обхватывают его сосок, который и так был твердым из-за холода, а потому особо чувствительным. К делу подключился язык, теребя затвердевшую плоть.

Мйар отвлекся от своего занятия, переключившись на шею некроманта: он целовал ее и покусывал. Снова чуть-чуть отстранился, чтобы взглянуть Камориль в глаза.

— Какой ты... жаркий... — прошептал Камориль. — Я всегда гадал, каким же ты будешь, если будешь... любовником, и всегда засыпал, не успевая представить себе...

— Тебе видней, — Мйар ласкал языком мочку его уха, так, что некромант слышал совсем рядом с собой частое, тяжелое дыхание. — Иди ко мне.

— Да я у...

Болтологию пришлось прекратить, потому как горячий поцелуй оборвал Камориль на полуслове. Язык Мйара скользнул ему в рот, встретился с его языком, в то время как ладонь продолжала поглаживать бедро некроманта, теперь уже с внутренней стороны.

Камориль, кажется, ждал этого целую вечность.

Поцелуй был сладок, как поток воды в сухое, ослепленное солнцем лето, и до неприличия глубок.

Постанывая, Камориль выгибался навстречу Мйару, пытаясь стать ближе к его большому, горячему телу. Второй парой рук некромант гладил и царапал его по спине, а третьей парой стал пробовать расстегнуть его ремень.

— Я сам, — шепнул Мйар, оборвав поцелуй.

— Ты уж постарайся скорей, будь так добр. Не знаю, как у тебя, но я уже готов к бою, как никогда. Сдаваться или побеждать — как тебе будет угодно.

— Пожалуй, тебе предстоит капитулировать, — произнес Мйар с кривой улыбкой, расстегивая ремень и, сразу же, расправившись с пуговицей и молнией на штанах.

Камориль хотелось спросить его "Ты же понимаешь, да, что сейчас будет?" и, в то же время, он боялся его спугнуть. Некроманту хотелось Мйара — страстно и отчаянно. И тут же он понимал, что время и место действия совсем не похожи на те, которые он видел, представляя себе их первый раз.

Дождь хлестал его по голой груди, стекая на камень миниатюрными ручейками. Камень был холодным и жестким, и Камориль чувствовал этот холод всеми своими шестьюдесятью пальцами.

Рядом с ним, на расстоянии вдоха, был мужчина, о котором он мечтал уже очень давно — полностью обнаженный. Это был тот, кого Камориль желал всем сердцем и всем своим естеством на протяжении многих лет, долгими днями и ночами. Прямо сейчас Мйар был ошеломляюще близко, и он был предельно возбужден.

— Давай скорее сделаем это, пока я не сошел с ума, или пока дождь не кончился, — произнес Камориль. — Видит высокое небо, Мйар, ты выбрал ужасное время и место для того, чтобы заняться со мной любовью. Но что я могу поделать? Я... рад. Наконец-то я узнаю, каково это — стонать и выгибаться под тобой, ощущая тебя спиной, бедрами и предплечьями, чувствуя тебя... глубоко. И я уже начал догадываться, но все еще не могу поверить... неужели ты привел меня к этим камням просто чтобы... овладеть?

— Переворачивайся, — сказал Мйар, начав одновременно стягивать с Камориль тонкие кожаные штаны.

Некромант даже не двинулся. Замер, сжав все ладони в кулаки. Произнес, скрепя сердце:

— Мйар, давай сделаем это после того, как ты вернешься?.. — он сам себе не верил, но говорил. — Если уж теперь ты тоже хочешь этого, а ты хочешь...

— Я не вернусь, — ответил Мйар.

Камориль сел на камне.

— Ты не вернешься?

— Если все будет так, как я задумал изначально, к тебе вернется твой Вирамайна Мйар.

— Что?.. То есть... — Камориль опешил. Удушливой волной на него накатило ужасающее понимание. Как он мог... не поверить? Мйар же предупредил его в самом начале. — А ты... Ты тогда... кто? — он сглотнул и произнес четко и с вызовом: — Назови мне свое имя.

Мйар быстрым и сильным рывком опрокинул Камориль на камень снова. Он держал основные руки некроманта у того над головой, схватив обе за запястья одной своей пятерней, достаточно большой и сильной, чтобы их удержать. Другой рукой Мйар вцепился в челюсть Камориль, сдавив ее до боли и заставив некроманта смотреть себе прямо в глаза.

— Мартин Майн, — проговорил он насмешливо. — Так меня звали первые несколько веков. Если тебе это о чем-либо говорит, конечно. Но ты можешь не мучиться и продолжать называть меня Мйаром — разница невелика. И да, я привел тебя сюда, чтобы овладеть.

Камориль оскалил зубы.

— Ах ты гребаный похотливый чародей древности, — прошипел он. — Зачем я тебе

сдался?

— Ты так меня хотел, что... почему бы и нет? — подумал я. В каждом твоём движении и в каждом прикосновении сквозит нечеловеческая страсть, — смертельная, яркая. Она вызревала годами, похожая на густое сладкое вино, терпкое, кислотоватое, пьянящее одним своим ароматом. Мне хочется попробовать ее, — благо, у нас все для этого есть. Так что, раздвинь ноги, приготовься почувствовать боль и одновременно вскарабкаться на возделенную вершину удовольствия и блаженства. Другого шанса у тебя может и не быть.

— Иди-ка ты напрочь, — тихо и зло сказал Камориль.

— Соппротивление, к твоему несчастью, возбуждает меня, — ответил Мартин Майн. — Поэтому бейся не бейся, сегодня ты — мой.

— Ну и сволочь же ты, — Камориль заскрипел зубами, пробуя выкрутиться и освободить руки. — Если б я был таким, как ты... А я мог бы быть... Я бы мог сам тебя взять, против твоей воли, — что бы тогда вышло, а? Так дела не делаются! — Камориль извивался, пытаясь вырваться из крепких объятий и помогая себе дополнительными руками, которые, как назло, начали слабеть. Камориль зарычал: — Я одолел тебя единожды, тварь! И одолею снова!

— Ну-ну, далеко ли ты уйдешь без моей силы, при помощи которой ты обращался? Да и Эль-Марко рядом нет, чтобы зажать твою струну. Расслабься. Ты так взбешен, как будто бы твое тело — святыня, и ты хранил свою девственность для Мйара, как зеницу ока. А это ведь далеко не так, мой любезный, распутный друг.

— Заткнись, — прошипел Камориль. — Хватит порочить мне светлый образ, мразь.

Камориль сжал плечо Мйара (или Мартина Майна) одной из все еще активных дополнительных рук и, призвав магию, выудил из него костяной нож — быстро, без предисловий, не заботясь о том, что Мартину может быть больно. Так же быстро Камориль приставил нож к горлу чужака, занявшего тело его большой и глупой любви.

— Отпусти меня и катись на свою гору, — проговорил некромант яростно. — Иначе — клянусь, я убью тебя.

— Ты ведь понимаешь, что это бред.

Мартин наклонился вперед так, что костяной нож впился в его горло. По острию, рукоятке и пальцам Камориль потекла горячая красная кровь.

— А впрочем, — проговорил Мартин, — дело твое. Я, наверное, как лучше хотел. Никогда не мог понять вас, людей. Сами не знаете, чего хотите...

Он отпустил основные руки Камориль и, оттолкнувшись от камня, спрыгнул на песок. Нашел штаны и стал деловито натягивать.

Камориль трясло. Он, сев на камне, отбросил костяной нож в сторону. Струи дождя смывали с его рук Мйарову кровь.

Камориль ухватился за голову. Поднял затравленный взгляд на Мартина Майна. Тот развел руками, мол, а чего ты хотел?

— Бывай, — сказал Мартин-Мйар, и, развернувшись, пошел прочь.

Его силуэт медленно бледнел по мере того, как он удалялся, сливаясь с дождем.

А через несколько мгновений Мартин Майн исчез.

За окном темнело, а дождь все не унимался.

Камориль сидел один в своей кухне, где всю гуляли влажные сквозняки: он так и не озаботился вызовом каких-нибудь удалцов плотников-стекольщиков, чтобы те починили окно. Да и когда?..

Камориль пил кофе — полуостывший, но все еще достаточно теплый, чтобы быть приятным. Свет на кухне он предпочел не включать. Сидел, замечая, как зрение приравнивается к темноте, думал о разном.

О том, например, что делать нечего. Есть ли смысл искать и убивать Зорею, если Мйар... точнее, тот человек отправился разбираться с Варамирой, намереваясь предварительно забрать у Зореи силу? Очевидно, что без дара Драконьего Бога Зорея станет обыкновенным чтецом, не слишком-то способным на что-то из ряда вон, а значит, бояться нечего. Он перестанет быть угрозой, и с его устранением можно будет погодить до тех пор, пока он сам не попадетя пред ясны очи Камориль.

Это если тот человек заберет силу Зореи, а не дублирует.

Камориль сам не знал, что сделал этот Мартин Майн с ним, с его частью сил. Судя по всему, Мартину не надо было предпринимать никаких специфических действий, дабы свершить это свое странное волшебство. Тогда, на берегу, он просто коснулся Никс и Эль-Марко, — и больше ничего. Очевидно, он сделал все, что хотел.

Можно было бы проверить, способен ли Камориль к перевоплощению, а Эль-Марко к зажатию струн, — но некромант не хотел рассказывать друзьям, что произошло с ним там, у камней. А если он вдруг затеет проверку, наверняка же начнут спрашивать. И можно, конечно, не ударяться в подробности. Хотя зачем ударяться... и так все понятно.

Камориль казалось, что уж Эль-Марко-то понял по одному его виду, что произошло, когда он вернулся обратно к навесу, а потом долго стоял под дождем, не решаясь зайти под шиферную крышу, пока его не заметил Рин Даблкот.

Рубашку Камориль потерял где-то по пути. Тогда он весь дрожал тогда от холода.

И, видит высокое небо, справиться с ознобом ему помог лишь ядреный коктейль из трех видов дешевого пойла, оказавшегося у ребят из "Негорной". Молодость — она такая, очень часто дружит с высоким градусом. Крепко.

Но, даже приняв на душу зверских пропорций "ерш", Камориль не спешил признаваться в том, что Мартин и Мйар — разные люди, что он чуть было не предался разврату с каким-то древним хреном с горы и что сам, своими руками, оттолкнул Мйара, сказал ему катиться на ту его гору.

Камориль хотелось верить, что в том теле оставалось хоть что-то от Мйара. Должно было быть. Не мог Мйар совсем раствориться в личности Мартина Майна... или мог?..

По идее, не должен был.

Кофе кончился. Камориль поставил кружку на стол, но пальцев от нее не отнял: гладил шершавый бок, проводил черту по дужке снизу вверх.

Значит, смысла искать и убивать Зорею нет... А если этот человек — Мартин Майн, — не справится? Что, если его ждет поражение? Как они об этом узнают? Узнают ли? Начнут ли с неба падать горящие камни, а вода во всех водоемах кипеть, если эта самая Варамира

внезапно обретет свою силу?

Вряд ли. Скорее всего, никто ничего не почувствует и никогда не узнает. Камориль подумалось, что эти все события, в которых он принимал участие, несомненно, грандиозны и необычны, но они никак не соприкасаются с реальностью.

В реальности его ждали исследования и дела. Надо было, опять же, проверить, как там поживает их с Эль-Марко детище — небольшое предприятие фармацевтической направленности, стабильно обеспечивающее им безбедную жизнь. Накопились письма, которые надо разобрать. Дом, опять же, надо было починить, а то не солидно — крайне. Нужно было привести себя в порядок, а то все эти треволнения смыли с Камориль лоск, как не было его, так, что в зеркалах теперь отражался какой-то смутно знакомый мужчина: тощий, усталый, местами помятый. Андрогинности и след простыл. Синяки на запястьях хоть сошли быстро, — может, не без помощи Эль-Марко. Камориль тогда на одном коктейльчике не остановился, так что путь к поместью помнил крайне смутно. Строго говоря, память услужливо подбрасывала ему следующие куски реальности в совершенно произвольном порядке: вот Мйар лобызает ему чувствительные места организма, и это более чем восхитительно; вот Марик смотрит осуждающе, проникновенно, заботливо и обеспокоенно; вот Камориль, обняв за плечо Рина Даблкнота с одной стороны, а Тихомира Одиша с другой, идет по пустой асфальтовой трассе (очевидно заброшенной), и они вместе горланят какую-то старую песню, разудалую, похабную, жизненную неимоверно; а вот потолок в лепнине из черепков, и он кружится над Камориль, как дурной.

Тогда, почти на автомате, Камориль добрался до прикроватной тумбочки и нашел в ней пузырек со специальным зельем, заготовленным как раз на случай таких бед. Его потом выворачивало нещадно на протяжении получаса.

Вот уж где катарсис и очищение.

И вот теперь он сидит тут, в полутемной кухне, кутаясь в махровый домашний халат (черный с золотым), а чашка из-под кофе пуста.

Камориль чувствовал кое-какую нерадостную решимость, но не желал признаваться в ней даже самому себе. Нет. Еще не время. Сейчас можно и нужно ждать.

Сколько времени понадобится этому рыжему умнику, чтобы добраться до Сердца Мира? День? Два? Или он может попросту "вылिनять", сиречь, телепортироваться куда надо — и всего делов? Камориль почти ничего не знал о мороке и, казалось, совсем ничего о настоящих возможностях Мартина Майна.

Но Мартин, уходя, вовсе не выглядел спешащим. Но и медлить он тоже явно не желал. Он вел себя так, как будто нужные ему события без него не начнутся. Как будто бы он успеет, — что бы ни произошло. Может, так это у них заведено — у тех, кто играет с судьбой? Может, им всем предопределено встретиться на той горе, рано или поздно, так или иначе?..

И пока туда идешь, можно вполне отвлечься на соблазнение мимо проходящего зазевавшегося некроманта.

Камориль сжал кулаки.

Это все, конечно, было более чем чудесно. И даже дождь. То, как капли стекали по обнаженному телу Мйара, запомнится Камориль навсегда. Его руки, сильные и страстные объятия, его смелый и жесткий поцелуй, долгий, чувственный и глубокий... Вереница следов от укусов на шее все еще саднит. И этот вид возбужденной плоти, наполненной кровью и жизнью, к которой так хотелось прикоснуться, чтобы узнать, насколько она тверда

и горяча, а потом почувствовать, как...

Камориль вздохнул поглубже, приказывая себе успокоиться. Да, это было хорошо. Но правда в том, что в реальности — в их с Мйаром реальности, где они и видятся-то не так уж часто, — этого быть не может. И этого больше не будет.

Никогда.

Даже если Мйар вернется, он ни за что не станет вести себя так.

Может, со временем Камориль перестанет помнить все это настолько явственно, и воспоминание превратится в размытый сон. Это пока тело помнит. Скоро, может быть, отболит и перестанет.

Камориль встал и медленно поплелся по пустынному коридору в сторону гостиной. В коридоре свет тоже не горел. Костяные псы следовали за Камориль на приличествующем расстоянии: им было приказано не беспокоить хозяина.

За окнами шел дождь, еще пуще нагнетая атмосферу безысходности и депрессии.

— У-у, как же здесь круто! — воскликнул Ари, когда Камориль как раз проходил мимо гостиной и где-то рядом сверкнула молния. — Прямо в дрожь бросает!

— Да уж, — согласился Тихомир.

— Привыкнете, — с улыбкой прокомментировал Эль-Марко, расположившийся на диване, а значит, спиной к вошедшему в гостиную Камориль.

Никс сидела у окна и смотрела на дождь, не принимая участия в ролевой карточной игре, которую разложили на ковре ребята.

Камориль заметил Рин Даблкнот.

— А мы тут у вас кальян нашли, можно его использовать?

— Можно-можно, — ответил некромант. — Только на ковер не опрокиньте. На столик поставьте... Или, погодите, я вам в помощники Кристину пришлю. Заодно и познакомитесь, — он ухмыльнулся.

— А вы с нами будете? — спросил Ари. — Кальян? С солнечным укропом, например?

Камориль покачал головой.

К нему обернулся Эль-Марко.

— Ты как?

— Жить буду, — ответил Камориль. — Точнее... наверное, буду спать. Уложи молодежь по койкам, как закончите употреблять.

— Я за ними прослежу, — кивнул Эль-Марко.

Камориль двинулся вверх по лестнице. Он думал, что, если он им разрешит еще пару раз устроить у себя посиделки, ребята из "Негорюй" полюбят тут бывать. Это будет и плохо, и хорошо одновременно. Хорошо потому, что в них бурлит и плещется жизнь, эмоции и свойственная молодости надежда на лучшее — крайне заразительная вещь. Да и некроманты с элементаристами всегда находили общий язык. А плохо потому, что если так дальше пойдет, то никто, кроме него, не станет грустить, если Мйар больше здесь не появится.

Остановившись на самом верху лестницы, Камориль позволил себе подумать ту страшную мысль, которую всеми силами отгонял:

"Что, если он не вернется?"

Надо было, плюнув на совесть и честь, вшить ему в любимые джинсы передатчик. Давно уже. Хотя, какие джинсы... Мартин Майн, переняв на себя контроль за Мйаровым телом, облачился во что-то более соответствующее характеру.

Был человек — и нет.

Камориль двинулся дальше по коридору, начисто позабыв о своем обещании организовать ребятам Кристину. Он прошел мимо двери в своей кабинет, мимо нескольких закрытых спален для гостей и, так не добравшись до своей, остановился. Дверь в комнату, где свила гнездо Лунь, была приоткрыта.

Камориль насторожился. Взяв с ближайшей полки лучевую кость, лежащую там как раз для таких случаев, он толкнул дверь вовнутрь. Петли были недавно смазаны, так что дверь открылась бесшумно. В полутьме Камориль разглядел огромный белесый кокон, возвышающийся на кровати между матрасом и балдахинном. Кокон выглядел неподвижным и целым.

Камориль раскрыл дополнительные глаза.

Это позволило ему совершенно точно определить, где находится Кристина и костяные псы. Своим верхним левым глазом Камориль видел изнанку, пускай и очень ограниченно, но чужое присутствие в комнате распознал. Некромант мысленно отдал псам команду приблизиться. Отойдя от двери на шаг, он пропустил одну из собак вперед. Камориль на секунду прикрыл свои основные глаза, чтобы мельком взглянуть на то, что видит в комнате костяной пес.

Кто-то выдул собаке в морду облачко дыма. Оно тут же рассеялось, а контакт с псом разрушился. Но Камориль успел разглядеть общий силуэт и лицо гостя.

Некромант вошел в комнату, более не таясь, и при входе щелкнул выключателем. Помещение озарил теплый ламповый свет, нещадно впившись в привыкшие к темноте глаза.

— Ну что ты делаешь! — возмущенно заныла Вера. — Весь интим запорол!

— Лучше скажи мне, что здесь делаешь ты, — произнес Камориль сухо.

Вера сидела на светлом диванчике у стены. В одной руке у нее была пепельница, а в другой вампирша умудряясь удерживать сигарету и небольшую коньячную бутылку.

— Ну, мне сейчас некуда идти, — сказала она низко и хрипло. — А тебя тут не было, так что я...

— Ох, Вера, не надо мне врать, — Камориль положил лучевую кость в карман халата. — Ты весьма связно изъясняешься, а это значит, что кого-то уже заточила. То есть, ходила далеко отсюда, ибо людей вокруг поместья, почитай, нет. И ты зачем-то вернулась. Сидишь здесь тихо, не рыпаешься, мой крови, очевидно, больше не хочешь.

— Это ты верно подметил, — хмыкнула Вера. Затянулась сигареткой и выпустила дым вверх. — Все поменялось.

— Зачем ты здесь? — спросил Камориль напрямик.

Вера молчала, курила, на некрманта старалась не смотреть.

Камориль, хмыкнув, прошел внутрь комнаты, ближе к кровати. Протянул руку, чтобы коснуться шершавой поверхности кокона. Обернулся к Вере.

— Животное, что ли, проведать пришла?..

— Может быть, — безразлично ответила Вера.

— Или будешь пытаться со мной рассчитаться?..

Костяные псы Камориль, рассредоточившиеся по комнате, насторожились и повернули головы в сторону Веры. Вампирша снова затянулась и, выпустив дым, произнесла:

— Все поменялось, Камориль. У Богини надо мной больше нет власти.

— А как же новые тела?..

Вера смотрела то на него, то на кокон Луни. Ничего не говорила. Ее ноздри сильно раздувались, когда она делала очередную затяжку. Наконец вампирша заговорила:

— Тебе, наверное, приятно будет узнать о том, что поглощающие провели зачистку нижнего города.

— Когда?

— Несколько дней назад, сразу после того, как вам удалось сбежать и утащить с собой меня. Если б не эта дурацкая блажь твоего сладкого блондинчика — быть бы мне заживо сожженной в Пламени Самоубийц, или еще чего похуже. Они там, понимаешь, с огнеметами ходили. Освященными.

— Однако прогресс не дремлет, — хмыкнул Камориль. — И ты теперь, получается, последняя в своем роде?

— Это было бы слишком просто, не находишь?

— Пожалуй.

— Конику будешь? — спросила Вера.

Камориль понял ее предложение, как объявление перемирия. Понял, что халат мешает двигаться, а потому снял его, оставшись в одних брюках. Повесил халат на спинку стула, стоящего рядом с диванчиком. Сам сел туда же. Вздохнул. Протянул руку, чтобы взять коньяк.

Вера глубоко втянула воздух. Бутылка полетела на пол и, стукнувшись об ковер, треснула и разбилась на множество мелких осколков. Вера ухватилась обеими руками за протянутую ладонь Камориль.

— Ты что творишь, блаженная? — зло спросил некромант.

Вера тем временем слезла с дивана на пол, и, стоя на коленках, нюхала пальцы Камориль. Ни слова не говоря, она обхватила указательный палец некроманта губами и стала водить по нему языком. Глаза вампирши закатились, и она застонала от удовольствия.

Камориль склонил голову набок.

— Сколько тебя помню, ты ни разу не изъявляла желания поразвлечься со мной одним, — сказал он. — Что, впрочем, всегда было взаимно...

Вера закончила с указательным пальцем, посмотрела на Камориль снизу вверх и переключилась на средний палец.

— А... — протянул некромант. — Я понял. Кровь Мйара. Точно-точно, руки-то я не мыл.

Вера вылизывала его ладони, пальцы и промежутки между ними. Тлеющую сигаретку она передала Камориль, не отвлекаясь, впрочем, от своего занятия.

— Да уж, повезло мне в жизни, — протянул некромант, затягиваясь дешевым куревом. — Если кому я нужен — так сумасшедшему братцу, тяготеющему к инцесту, или вот полоумной упырице, и то, постольку поскольку, — он снова втянул едкий горьковатый дым, от которого зачесалось и заскреблось даже в его привычных к табаку легких. Выдохнул вбок, перестав смотреть на Веру, обсасывающую ему мизинец. — Ну вот что за жизнь, а? Если любовь — то невозможная. Если суть — то извращенная.

Он помолчал. Продолжил, подперев голову свободной рукой:

— Знаешь, я слышал, что лучшие истории любви — творения отчаявшихся одиночек. Но кто же тогда пишет проникновенное о том, как романтично и здорово быть самому по себе?.. Кто сочиняет эти пассажи о темных улицах, обнимающих, как мать, о песнях и книгах, которые помогут в трудную минуту вместо друзей?.. Сильные люди? Клинические идиоты? Ханжи? Избранные? Не такие, как все? Нелюди, в конце концов? Я тогда, выходит, человек, каких поискать.

Вера закончила с его правой рукой.

— Ну, и какво это — любить его безответно? — спросила она.

— Это значит всегда быть вторым, — ответил Камориль.

Переложил сигарету в правую руку и подал Вере левую. Она, радостно улыбнувшись, впила губами в его пальцы. Вера орудовала языком, извиваясь и постанывая. Костяные псы замерли по углам. Камориль, сделав еще две затяжки, стал проговаривать вслух то, о чем ему лучше было бы молчать:

— Это значит стать его отражением, опорой, вторым голосом, эхом.

— Тем эхом, от которого сходят лавины, — произнесла Вера быстро и полушепотом.

Камориль вздернул брови. Потер переносицу запястьем, затянулся. Несколько раз просунул глубже указательный и средний пальцы, вынул их и провел Вере по полураскрытым губам. Вампирша, прикрыв глаза, ловила каждое его движение. Камориль, увлекшись, говорил дальше, глядя куда-то мимо нее:

— Любить его — значит нести на своей изнанке клятву верности, ни разу не произнесенную, но множество раз подтвержденную. Не предавать, не врать, беречь, молчать и ждать. Это значит, что я должен быть жив для того, чтобы, если когда-нибудь он споткнется, устанет, или мир окажется для него слишком несправедлив, он смог бы прийти ко мне. И пускай этого никогда не случится, пусть, — Камориль снова втянул терпкий дым, и, выпустив его через ноздри, продолжил: — Но наша любовь не будет иметь начала, а значит, не будет иметь конца. И именно поэтому "никогда" означает "вечно".

Вера отстранилась и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— А ты забей на правила, Йер, — сказала она. — Игру невозможно выиграть, следуя букве правил. Выйди за рамки, будь лучше и правильней несовершенной системы. Как я.

Камориль вздернул брови.

Дождь за окнами вроде бы стал тише, а то и вовсе прошел.

— Игру, говоришь, — протянул Камориль.

— Верни мне его, — сказала Вера.

— Кого? — спросил некромант.

— Того самого. Который теплый, как прирученное пламя, а не того, чья кровь была у тебя на руках.

— Кабы я мог.

— А разве нет?

Камориль смотрел Вере в ее красные глаза и видел там, кроме толики сумасшествия, какую-то извращенную мудрость, по народному мнению свойственную юродивым. То ли она и правда там была, то ли — показалось. Камориль вздохнул. Затушил сигарету в пепельнице. Оперся локтями об колени, приблизив свое лицо к Вериному.

— Он сказал мне, что нашел ключ от всех дверей, кроме одной. И эта вещь поможет ему взять все, кроме того, что ему не судьба. И он ушел в морок, за этой своей...

Некромант замер. Он вспомнил давешнюю ситуацию, имевшую место быть на холодном камне у самой воды. Мартин Майн мог бы использовать этот свой "ключ". Но не стал, хотя и хотел... овладеть... Уж не это ли та самая "не судьба"? Или люди этой шпуковине неподвластны?

— Да он же не врал, — проговорил Камориль, выпрямляясь, — Абеляр не врал. Ключ от всех дверей, кроме одной — это и вещь, и понятие. Он просто не знал, что есть еще и веретено. А значит... но что это мне дает? Не понимаю.

Он даже поднялся со стула. Стал ходить по комнате, потирая висок. Остановился у окна.

— Кажется... я понял. Этот ключ — это невзаимная любовь, будь она трижды проклята. Как бы ты ни старался и что бы ты ни делал — эта дверь всегда будет закрыта для тебя. Ты можешь совершить множество великих дел, и множество путей лежит перед тобой, открытых и прекрасных — но ты упрямо бьешься в стену, забывая о самом себе и о мире вокруг. А эта дамочка... эта дамочка — она же тоже не ответила Мйару взаимностью, так?.. Выходит, так. Нет, не Мйару. Она Мартина Майна отшила, — выдающегося исключительного, дери его рота чернодырых без смазки, чародея древности. Ха! Отшила, заморила друга, а потом еще и сама свой же светлый образ опорочила — начав заигрывать с Майном после того, как возлегла с его другом, которого... Точно-точно. Чего же он хочет от нее? Ответных чувств ему не видать, как и мне. Чего же тогда? Раскаяния? А, нет-нет... он жаждет ее окончательной смерти. Он ведь только недавно сам... ожил. Вернулся. И все его это спокойствие — наносное. Как пить дать. Там, наверное, такие страсти кипят внутри — мама не горюй. И никакой связи с ее мощью и угрозой мирозданию. Просто чувства.

Камориль замолк, и в образовавшейся тишине Верин голос прозвучал напевно и торжественно:

— А если бы этот мир и правда был на грани гибели...

Камориль обернулся: вампирша стояла возле кокона Луни, прильнув к нему ладонями. Вера продолжила с каким-то тихим, шальным вызовом:

— ... С кем бы ты предпочел сидеть на обрыве и смотреть, как все исчезает?

Камориль не успел осознать вопрос и ответить ей: поверхность кокона, завибрировав, треснула. Из трещины полилась темно-фиолетовая жидкость и со скрежетом высунулась суставчатая черная лапа, покрытая жестким черным ворсом.

— Я всю жизнь этого ждала, — проговорила Вера, всхлипнув.

Зацепившись за край треснувшего кокона, она потянула на себя. Откололся довольно большой кусок. Фиолетовая жидкость хлынула на пол комнаты, смешиваясь с пролитым туда же коньяком. Из трещины высунулось еще несколько лап, а потом показалось тело — сплющенное, похожее по форме на лунный серп, тоже покрытое довольно длинной (с палец) черной шерстью.

Лунь стала выкарабкиваться наружу.

Костяные псы Камориль, поджав хвосты, начали прыгать вокруг и беззвучно лаять.

Некромант попятился к двери, но, сдержав порыв, остановился.

Лунь выбралась из кокона вся. За сплюснутым телом волочились какие-то мокрые мятые тряпки, огромные, размером, пожалуй, с пододеяльник. Они были черные и влажные, но без какой-либо шерсти на них.

— Вниз беги, — приказал Камориль одной из псин. — Зови Эль-Марко. Ну!

Костяной пес послушно затрусил прочь из комнаты.

Лунь, перебрав суставчатыми ногами, сделала несколько шагов к Камориль. Уткнулась ему в колено каким-то своим выростом, очень смутно напоминающим голову, и заурчала.

— И как это понимать? — спросил некромант.

Урчание стало громче.

— Она выбрала тебя, — сказала Вера торжественно и печально. — Ну, что ж. Печально Я буду иногда заходить, — добавила она, поглядывая на вход в комнату немного нервно. Перевела взгляд на Камориль: — Сладкому блондинчику — "привет". Я не накращена.

Вера подошла к высокому окну и, открыв створку, прыгнула во тьму.

— Эй! Стой! Куда ты? — крикнул Камориль ей вслед.

Но Веры и след простыл.

— Женщины... — протянул некромант. Перевел взгляд на Лунь, тыкающуюся ему в колено. — Вот и что мне с тобой делать?..

Ромка стоял на камне цвета павлиньего хвоста и смотрел на россыпь других разноцветных камней причудливой формы. Волны янтарного моря разбивались об скалистый берег и во вздымающейся в воздух пене угадывались силуэты крыльев и лошадей. Солнце пронизывало медовые волны насквозь, как тела медуз. Ближе к горизонту янтарно-рыжее море становилось пунцово-розовым, встречаясь с фиолетоватым небесным краем. Над всем этим великолепием плыли облака — золотые, курчавые и такие огромные, что казалось, будто бы им в этом небе тесно.

Но Ромка знал это место. Оно на самом деле таким не было. Настоящий здешний берег был холодным и серым, и цвет моря не слишком-то от него отличался. К камням тогда ластились темно-зеленые водоросли, прибитые штормом. А под камнями росли, щетинясь острой гребенкой, мидии — большие, с палец, и маленькие, похожие на подсолнечные семечки.

И Ромка с Николой рвали их со скал руками, и это было смешно, интересно и да, тяжело. "Я могу поджарить их прямо на камне! — сказала тогда Никс. — Они откроются и мы их выковыряем!" Ромка не согласился: "А в чем мы их понесем? Если в моей футболке, как и придумали сначала, то она замажется... а если их целыми нести, то она просто намокнет. Ну, и в костре их будет намного веселее жарить, если всем вместе!" "Если только всем вместе", — Никс сменила гнев на милость и снова принялась помогать Ромке отрывать мидии от шербатовых, мокрых камней.

А потом у них совсем замерзли ноги (еще бы, стоять все это время по колено в воде!), и они сидели на каком-то большом камне, грелись, и Никс рассказывала, как ей не хочется уезжать из дома Эль-Марко в город. Мол, иначе никак, гильдия задолбает повестками и визитами, могут и штраф наложить. Мол, у пирокинетиков особые обязанности, ведь будь ты хоть трижды злой маньяк-некромант, одним прикосновением руки ты амбар не подожжешь.

И тот серый суровый берег у маяка предстал в мороке яркой теплой сказкой или даже песней, пожалуй. В прошлом самым ярким акцентом тут были волосы Никс и огонек в ее руках, живой, пляшущий, очевидно волшебный и совершенно невероятный. Обманчиво безопасный. В мороке берег расцвел и засверкал, как будто бы перенял себе тепло того огонька.

— Когда придет паром? — спросил Ромка у Варамиры.

"Бабка" сидела рядом на одном из камней. Старик по имени Зорея тоже был неподалеку. Он протирал тряпочкой губную гармошку, стучал ею по колену и что-то в ней чистил вот уже полчаса как.

— Скоро, — ответила Варамира.

— Вот уж странное место, — протянул Ромка, — и время какое-то резиновое, и вокруг творится что-то непонятное.

— Это морок. Я жила здесь тридцать лет и уже привыкла. Не могу понять тебя и не вижу уже ничего странного. То есть, разумом-то понимаю, конечно. Но — только им.

Ромка попробовал посмотреть на морок через изнанку. Изнанка ничем не отличалась от изнанки реальности или же нагло врала, что не отличается. Варамира сказала, что морок — это не просто "мир снов". То есть, как... Сюда попадают души спящих и души умерших.

Душам спящих здесь пребывать слишком долго нельзя. Через некоторое время они... развоплощаются. Именно поэтому люди, впавшие в летаргический сон или кому, просыпаются очень редко. Для умерших морок — лишь мимолетное видение, то последнее, что они видят перед тем, как отправиться в небытие.

А Варамира, Ромка и Зорея, выходит, проникли в "мир снов" наяву. Варамира сказала, мол, да, она знает здешние правила и как что делается, но почему так происходит и каков механизм всего этого, она объяснить не может.

— Камням всегда снится одно и то же, — внезапно произнесла "бабка", швыряя в янтарные волны мелкий камушек, похожий на ограненный топаз. — В этом выражается их природа — постоянство. Пускай в своих снах камни другого цвета, пронизаны золотой рудой или кружевным узором метеоритного стекла, а может, даже умеют летать — особенность снов неживого в том, что они неизменны.

— Что-то я пока летающих камней не видел, — усомнился Ромка.

Варамира хмыкнула. Продолжила:

— Так же почти неизменны сны деревьев и трав, грибов и папоротников, — она поправила волосы, заправив вьющуюся прядку за ухо. Вздохнула: — Это люди мечутся, пропадают, возвращаются, снова исчезают, изменяют форму, цвет, размер. Неживое куда спокойней.

— А животные? — спросил Ромка. Он решил, что, раз уж Варамира сама заговорила с мороке, надо своего шанса не упускать и выудить из нее побольше информации. Вдруг пригодится!

— О, это — еще одна опасность морока, — кивнула "бабка". — Человекоподобные тигры и все такое. Животным часто снится, что они — другие животные. Или что они — люди. Потому ты можешь нарваться здесь на обворожительную барышню с разумом кролика, ха-ха. Некоторым нравится. А можешь встретиться и с тигром, внутри которого живет маленький мальчик, мечтающий убивать. Но если просто спящему его желание не грозит особо (подумаешь, кошмар!) то вот нам, вошедшим в морок наяву, стоит опасаться.

— То есть, спящий, умирая в мороке, просыпается, а бодрствующий?.. — уточнил Ромка.

— Бодрствующий умирает. Но обычно сначала он сходит с ума, а потом умирает.

— А умерший?

— Исчезает навсегда из всех миров и мороков.

— А как же обещанный Потерянным Сияющий Мир? Разве не его он ушел искать для всех людей...

Сам Ромка особо религиозным не был, как и вся его семья. Но кое-что о вере в Потерянного знал. Обещанные грешникам наказания его не особо пугали, но сам факт их возможности ему не нравился. Что это за бог такой, который как бы все для людей, и, в то же время, неудобным прочит всякие ужасы? Нелогично это. Может, и справедливо, но ведь Потерянный описывается священниками как добряк, а не как судья, и даже не как строгий учитель... И, согласно легенде, ушел Потерянный на поиски Сияющего Мира, — нового дома для хороших и добрых людей, мира, в который они отправятся после смерти.

— Ну, а чем тебе морок — не Сияющий Мир? — Варамира обвела рукой разноцветные камни и янтарное море. — Я не верю в Потерянного, если хочешь знать. Думаю, это был просто достаточно сильный маг, харизматичный, вероятно, как сотня шлюх, и могущественный, как, например, Дух Огня из тех же легенд. И сгинул он как раз таки в

мороче.

— А может, он все-таки нашел именно тот, Сияющий? — спросил Ромка. — Ты же говоришь, что через морок можно попасть в другие миры.

— Можно, — кивнула Варамира. — Я знаю, есть пути. Не простые, странные, еще более странные, чем сам морок... но есть. Слушай, — она обернулась к мальчику, — а может, ты и прав. Мало ли, вдруг одна из неведомых дорог привела того чародея в мир, показавшийся ему весьма сияющим. Как знать.

— О! — Ромка вспомнил, что еще хотел спросить. — А можно взять в мороче камень, являющийся сном настоящего камня, например, и вытащить его в реальность?

— Можно, — снова кивнула Варамира. — Почему, думаешь, золатуни так мало? Ее приносили из морока древние маги, которые не боялись здесь гулять, пока человечество еще не забыло, как входить в морок наяву. Там, конечно, надо правила кое-какие при этом соблюдать, но в принципе это возможно.

— А почему ты не хочешь жить здесь?.. Здесь же... гораздо интересней, чем в реальности.

— Как я уже сказала, мне эти все красоты более не в диковинку, — ответила Варамира задумчиво. — Приелись, примелькались... А в реальности я на два шага дальше от смерти. И если бы я могла, убежала бы от нее еще дальше. В какой-нибудь над-мир, да вот жаль, нет такого.

Ромка почесал затылок.

— Но ведь... Ты очень долго была в мороче и не развоплощалась при этом... Как так?

— Ну, я же колдунья. И да, я изучила его, — Варамира поднялась с переливчато-синего камня. — Я научилась выживать здесь. Привыкла к нему — насколько можно привыкнуть к постоянным изматывающим переменам. Кое-каких здешних особенностей в реальности мне будет не хватать. Именно поэтому я хочу вернуть свою настоящую силу.

"Бабка" что-то высматривала вдалеке, там, где коралловое море сливалось с лиловым небом.

— Поднимайся тоже, — сказала она Ромке. — Сейчас сядем на паром. Считай, этот берег — последнее место, где мы могли отдохнуть более-менее спокойно. Дальше нам предстоит поторапливаться и при этом все время быть начеку.

— Почему?

— Как же много вопросов ты задаешь, а, — посетовала Варамира. Но все же ответила: — Потому что... в реальности вечер, скоро люди начнут засыпать и морок перестанет быть пустынным и тихим.

Ромка почувал, что Варамира опять чего-то не договаривает. Но вот... что на этот раз? Она молчит о какой-то опасности... наверняка! Но если раньше от некоторых ее слов, как от ключей, в его голове открывались сокрытые до поры знания, то в этот раз такого не было.

Тем временем янтарное море будто вскипело. На поверхность воды стали вырываться пузырьки воздуха, слипшиеся в большие грозди, и с шипением лопаться. Море вспучилось, натянулось. Волны хлынули на прибрежные камни, отчего те внезапно зазвенели, как колокола, и так же завибрировали. Из пучины морской показалась ржавая крыша. За следующие полминуты из воды выбрался и весь паром: старый, явно выдавший виды, украшенный множеством ленточек и мелких флагов на веревочках, как будто бы затонул он во время какого-нибудь фестиваля или карнавала.

Паром вынырнул довольно далеко от берега. Ромка не мог различить, есть на нем люди

или нет. Раздался гудок.

— Пойдем, — сказала Варамира и решительно зашагала по камням к морю.

Ромка сначала оторопел. Что, прям вплавь придется добираться, что ли?

Но когда Варамира занесла ногу над морскими волнами, прямо из воды вынырнул плоский фиолетовый камень, испещренный цветастыми прожилками. И он тоже пел, так же, как камни на берегу. Варамира, не останавливаясь, наступила на него, и тон звучания изменился. Варамира шла дальше, оставляя за собой дорожку из поющих камней.

— Ну что ты никак не привыкнешь, — произнес Зорея, стоя на берегу. — Иди. Я за тобой.

Ромка, стряхнув с себя оцепенение, ринулся догонять "бабку". Обернулся: Зорея двигался сразу за ним, прыгая по камням весьма ловко для старика.

Последний камень был точь-в-точь возле трапа, по нему Ромка и забрался на палубу парома, который, как ни странно, все-таки оказался пустым.

Ну, и правда, если он из-под воды вылез, то откуда тут взяться людям?..

— Отчаливаем, — произнесла Варамира.

Гудок прозвучал опять. Паром качнуло. Ромка услышал, как заработали, взревели, двигатели. Янтарное море не хотело отпускать паром, но эту схватку ему было не выиграть. Судно, двигаясь вперед и вверх, плавно взлетало над медово-рыжими волнами.

Ромка схватился за белые перила и, перегнувшись через них, глянул на пейзаж внизу: переливчатый берег в форме лунного серпа стремительно удалялся и бледнел. Высокий белостенный замок с тонкими башенками и арочными мостами, которым предстал в море маяк, начал сливаться с заснеженными горами на фоне.

Паром издал еще один гудок, и в тот же миг мимо Ромкиного лица на огромной скорости пронеслась стая сине-зеленых бабочек, больших, размером примерно с чайку. Они были похожи на листья, гонимые ветром. Ромка глянул вперед. Паром на приличной скорости приближался к толстым золотым облакам.

Уши заложило от перепада давления. Флаги и вымпелы на веревках затрепетали особенно яростно.

— Я вижу по твоему лицу, что тебе здесь нравится, — произнесла Варамира.

Она стояла рядом, спиной к перилам, и пристально смотрела на один из флагов, плещущийся длинной красной змеей.

— Ну, не знаю, что все это мне сулит, но я точно не буду жалеть, что тут побывал, — честно ответил мальчик.

Они стремительно влетели в облака. Зашкаливающая влажность отпечаталась на стеклах иллюминаторов густой россыпью мелких капель. Флажки и вымпелы тут же вымокли, и Ромка почувствовал, что его футболка и джинсы тоже потяжелели от влаги. Стало темно. По разные стороны от борта парома один за другим расцвели тусклые разноцветные огни так, как будто бы кто-то взрывает в теле облаков салюты или петарды.

Зазвенела рында.

Паром так же резко, как до этого, нырнул в облачную гущу, вынырнул из нее на залитую солнцем поверхность, представляющую собой бесконечное золотое поле. Спелая пшеница перекатывалась волнами до самого горизонта, насколько хватало глаз.

— Но... как? — спросил Ромка. Обернулся к Варамире.

— Глянь назад, — сказала она, указывая рукой Ромке за спину.

Ромка повернул голову.

Посреди золотого поля стоял дом — совершенно обыкновенный пятиэтажный старый дом. Ромка сам жил в таком же точно.

— Пойдем, — сказала Варамира.

В это время Зорея уже развязал удерживающие трап канаты и перекинул его через нос парома, вниз. Варамира ступила на трап первой, и, не оглядываясь, стремительно зашагала к одинокой пятиэтажке. Ромка последовал за ней. Пройдя несколько метров, он обернулся, чтобы глянуть на паром. Мальчик предполагал, что судна на месте не будет... Но оно было. Только разве что паром предстал совсем уж старым и заржавевшим, и наполовину утопленным в землю. Праздничных флагов и след простыл, а все окна были разбиты.

— В мороке лучше не оборачиваться, — сказал Зорея, кладя ладонь мальчику на плечо. — Идем.

Ромка хмыкнул и пошел вперед, по вытоптанному Варамирой едва заметному пути к пятиэтажке. Чем ближе они подходили, тем выше казался Ромке стандартный, казалось бы, дом. Окна в нем, несмотря на яркий солнечный полдень, горели изнутри и перемаргивались. Мальчик глянул направо, чтобы обнаружить там новенькую детскую площадку, уставленную странными и немного пугающими скульптурами вымышленных и сказочных существ. Одна была особенно большой: огромный зелено-розовый лис с оленьими рогами и змеиным капюшоном, обхватив когтистыми лапами детскую горку, смотрел куда-то вдаль. Ромка запоздало понял, что "скульптура" живая. Лис повернул голову к мальчику, разглядывая его задумчиво светящимися, на вид вполне разумными темно-фиолетовыми глазами.

— Не мешкай, — произнес Зорея, подталкивая Ромку вперед.

— А кто он? — спросил мальчик, не сумев себя пересилить и оглянувшись на лиса.

— Сон наркомана или алкоголика, — презрительно бросил Зорея, — или кошмар какой-нибудь впечатлительной девочки. А может, просто чье-то необыкновенное нутро. Не пробуй с такими взаимодействовать.

— А то что? — уточнил Ромка.

— Ну мало ли. Может, он окажется на самом деле не сном, а выходцем из другого мира. А у них порядки совершенно невообразимые могут быть.

Ромка увидел, что Варамира входит в черный дверной проем. Глянул вверх: пятиэтажка взметнулась в небо причудливым небоскребом, состоящим из множества составленных один на другой старых домов.

Мальчик поднялся по ступенькам возле входа в подъезд и тоже нырнул в прохладную тьму за дверной аркой.

Внутри дом оказался... странным. Первый этаж заполнили палатки и шатры, какие-то сгруженные в кучи вещи, мешки с картошкой и овощами, грязные походные рюкзаки. Пространство, похожее на непомерно разросшийся ввысь ангар, разрезали на сектора веревки, на которых висело разноцветное мокрое белье. Среди всего этого хлама и житейских тряпичных построек сновали люди — темнокожие, закутанные в яркую материю так, что лица их оставались в тени капюшонов и платков. Они жгли костры прямо в помещении, жарили на палках рыбу, мешали кашу в больших закопченных чанах.

Варамира легко лавировала между палаток и груд вещей. Ромка шел за ней, стараясь ни на что не наступить и не запутаться в бельевых веревках. Население лагеря на них внимания не обращало, занимаясь своими делами. "Бабка" стала подниматься по бетонной лестнице без перил, что, прилепившись к стене, убегала вверх пролетами по пятнадцать-двадцать ступеней. Ромка последовал за Варамирой.

Через пять пролетов оказалось, что лестница обрывается. Зазор между двумя отрезками пути был шириной метра в три. Слева была покрытая граффити стена с квадратными окнами, а справа — пропасть, и там внизу копошился в своих тряпках темнокожий люд. Как же Варамира собирается переправляться на ту сторону обрушившейся лестницы?

Из бетона торчали гнутые прутья арматуры. Ромка глянул в ближайшее окно и увидел море. Простой морской пейзаж без всяких там непонятных цветовых схем. Море синее, чайки жирные, песок золотисто-белый, мелкий, и трава сухая, колючая, едва зеленая, трепещет на ветру. Из окна веяло теплом и соленым морским воздухом.

— Эй, не смей туда соваться, — произнесла Варамира. — Нам нельзя сбиваться с пути.

— Но как?.. — пробормотал Ромка.

— Это первый твой урок обращения с мороком... познай внутренние законы этого места. Или... вспомни их, что ли.

Варамира подошла к краю лестничного пролета и, оттолкнувшись от него, плавно взмыла в вперед и вверх, как будто бы вокруг не воздух, а вода, и она не летит, а плышет. Она пролетела по гладкой дуге все три метра и легко приземлилась на той стороне пропасти. Обернулась.

— Давай, Ром. Твоя очередь. Просто знай: ты можешь. Ты можешь и не такое!

Ромка сглотнул. Обернулся на Зорею, хоть тот и не советовал оборачиваться. Старик улыбнулся ему, и возле серых, больных на вид глаз собрались тонкие морщинки. Давай, мол. Не бойся.

— А если я упаду... — произнес Ромка, — я умру?..

— Ты не упадешь, — ответил Зорея. — Ты же судьбоплет. Морок — это часть всего.

Сказал и улыбается. Да что они вообще думают?.. Ромка подошел к рваному бетонному краю. Кто разрушил эту лестницу? Зачем? Почему этому дому снится, что он внутри разрушен? Может, он устал жить? Может, он на самом деле — недостроенный бизнес-центр, и в нем слишком чисто, стерильно и ему от этого одиноко?.. И если морок — часть всего, то что с этого?

Ромка глянул вниз. Люди — ну прямо как в игрушке, не хватает лишь элементов управления. И все же они кажутся настоящими. Все здесь кажется настоящим, хоть и странным невероятно. Но другого пути нет, Варамира права. Куда бы там они его не вела, надо идти.

— Поторопись, — сказала Варамира, обеспокоенно глядя вниз.

Ромка обернулся тоже.

И увидел, как люди-куклы суетятся, бегают, а их палатки и костры заливают что-то непрозрачное, красное, все время прибывая. Вот уже людям приходится плавать в этой красной жиже, но они не кричат, а просто молча уходят под воду, и на поверхность вырываются и лопаются пузырьки воздуха.

— Давай я тебе помогу, — произнес Зорея, подходя к Ромке.

Старик приобнял мальчика за плечо.

— Пошли вместе. Начнем с левой ноги. Левая — вот эта, да? Шагнем левой, правой оттолкнемся — и!..

Мальчик кивнул, и они шагнули, и Ромка оттолкнулся от края лестницы, чувствуя руку Зореи на плече. Притяжение ослабло. Плавно, как будто бы тело ничего не весит, Ромка летел через прозрачный воздух, прорезанный теплыми лучами солнца, что пробивались из окон. Там, снаружи, все еще сияло жаркое лето, плескалось море и кричали чайки. Ромка

приземлился с другой стороны обрыва.

— А теперь бегом-бегом! — скомандовала Варамира.

Из-за такой спешки Ромка даже не успел как следует удивиться этому стремительному прыжку-полету. Они начали быстро подниматься по лестнице. Ромка перепрыгивал порою сразу через несколько ступеней. Что правда, уставал он намного меньше, чем, как ему казалось, должен был. Они стремились вверх, а красная вода (и плавающие в ней люди) неумолимо настигала их.

Наконец они добрались до самой крыши. Варамира стала лезть по коричневатой металлической лестнице. Она с силой толкнула темный ржавый люк и выбралась в открывшуюся квадратную дыру быстро и ловко. Ромка увидел ее руку, протянутую, чтобы ему помочь.

— Ну! — крикнула Варамира.

Ромка тут же полез за ней. На пальцы осыпались крошки ржавчины. Ромка ухватился грязной ладонью за руку Варамиры и с ее помощью выбрался на поверхность.

Следом за ними из люка вылез Зорея, и они с "бабкой" совместными усилиями захлопнули тяжелую крышку, а потом еще и закрыли на железный засов.

— Фух, надо отдышаться, — сказала Варамира, садясь на металлическую поверхность, выступающую из серовато-синей плитки где-то на полметра.

Ромка стоял с открытым ртом. Он такого еще никогда не видел. Никогда. И даже никогда о таком не мечтал.

Пока Варамира и Зорея потирали лбы, отряхивали руки и пили что-то из фляжки, Ромка оглядывался по сторонам.

Это был... вроде бы как обыкновенный вокзал. Пожалуй, не совсем обыкновенный — старый, вычурно спроектированный, ажурный и большой. Высокие тонкие колонны, увитые узорами из черных кованых цветов, вздымались вверх, чтобы, разойдясь по прозрачному потолку кружевными ветвями-венами, поддерживать крышу то ли из стекла, то ли из хрусталя. Солнце дробилось в этих маленьких окошках на тысячу тонких лучиков, пронзая внутренности вокзала столбами переливчатых пыльных радуг. По перронам прохаживались пассажиры — самые разнообразные. Были здесь и люди с головами рыб, одетые в приличные чопорные костюмы-тройки, и белые в яблоках кони, которых хозяева с трудом затаскивали в пассажирские вагоны, и ревностные стражи порядка, одетые в ярко-желтый бликующий винил, из-под которого проглядывали волосатые ляжки и животы, лысины и бугристые коленки. Дамы с массивными бараньими рогами и глазами диких косуль, усыпанные драгоценностями, укутанные в меха и шелк, передвигались парами на двухместных велосипедах, лавируя между другими пассажирами с проворством цирковых акробатов. На механических ногах-протезах передвигались, шипя и постукивая, обнаженные светловолосые люди с огромными белоснежными крыльями за спиной.

Вся эта толпа гудела, стрекотала, галдела и перешептывалась, толкалась и спорила, спешила и не успевала. Причालившие к перронам поезда обдавали собравшийся люд клубами пара, который, поднимаясь к потолку, и делал солнечный свет таким материальным.

В огромной арке, той, откуда и куда уходили поезда, виднелось небо и плывущие по нему снежно-белые кучевые облака, огромные, постоянно меняющиеся и перетекающие одно в другое. Поезда, медленно ускоряясь, ныряли в эту арку и устремлялись прямо в небо. Без каких-либо рельс.

— Уважаемые пассажиры и гости морока! С девятой платформы отправляется скорый

поезд "Лежащий камень — Судьба!" — прокатился по вокзалу насмешливый мужской голос, бархатистый, хоть и искаженный помехами.

— Не наш, — сказала Варамира, поднимаясь.

— Что это за место? — наконец спросил Ромка.

Варамира посмотрела на него косо и немного, самую малость, устало. Ромка не привык видеть усталость в глазах этой женщины. Но очень скоро взгляд ее снова стал твердым и целеустремленным.

— Если хочешь, дай ему имя сам. Я называю это место просто "вокзал". Знаю, банально. Он в мороке такой не один, конечно... но все те, которые похожи, но другие, — это он же, на самом-то деле.

— Ничего не понял.

— А вот. Пойдемте к расписанию. Нам нужен поезд на Тлеющее море, он здесь ходит редко, потому как транзитный, но это именно тот, что нам нужен.

Варамира двинулась вглубь толпы. Ромка, секунду помешкав, устремился за ней. Все-таки тут очень легко можно было бы потеряться! Он старался не слишком пялиться на проходящих мимо существ, уродливых или не очень.

По вокзалу снова прокатился насмешливый голос:

— Просьба провожающим оставаться на своих местах и никогда, слышите? Никогда больше не отпускать своих провожаемых. Фирменный поезд "Дом — Заповедный Край" отправляется с седьмой платформы через одну минуту.

— А кто это говорит? — спросил Ромка, нагнав Варамиру. Идти рядом с ней не получалось из-за того, что им все время приходилось кого-то обходить.

— Никогда не видела здешнего диктора, но он всегда один и тот же, и, должна признать, его голос мне определенно нравится.

— А может, он хозяин вокзала? — предположил Ромка.

— Директор, что ли?

— Ну да. Или смотритель. А билеты мы покупать будем?

Варамира хмыкнула. Улыбнулась. А потом коротко хохотнула и глянула на Ромку весело (при этом у нее на щеках образовались ямочки):

— Нет, конечно, зачем? Тут не надо. Кому нужны в мороке деньги? И билеты у нас уже есть, мы же не зайцы.

Вдалеке послышался гудок. Ромка глянул вперед: на огромной скорости к платформе справа приближался темно-зеленый с оранжевыми полосами локомотив, из трубы сверху у него вырывался черными клубами дым, а фары сверкали хищно и холодно. С нарастающим шумом локомотив прокатился мимо, обдавая пассажиров на перроне горячим воздухом. За ним в вокзал вкатился состав, длинный, вагонов на двадцать.

— О, наш, — сказала Варамира. — Свезло! Вагоны общие, так что давайте поторопимся и займем места.

— А что это за Тлеющее море? — спросил Ромка, заходя внутрь вагона следом за Варамирой.

— Когда-то оно пылало, — сказала она, опускаясь на сиденье из фиолетового волокнистого дерева, — но потом выгорело все. Теперь тлеет.

— Оно не из воды? — догадался Ромка, сядя напротив нее у окна.

Зорья сел рядом, подобрав полы своей серой кофты. Варамира хмыкнула.

— Типа того. Раньше его называли морем Синего Пламени, и любой, рискнувший егс

коснуться, сгорал в агонии, а потом рисковал стореть в лихорадке в реальности. А теперь по нему вполне можно ходить, хотя все равно горячо.

— И все эти... люди, — Ромка оглянулся вокруг, — зачем они едут туда?

— Они, скорее всего, раньше выйдут, — сказала Варамира. — Тлеющее море — конечная.

Послышалась переливчатая мелодия и диктор произнес четко и ясно:

— С пятой платформы отправляется транзитный поезд "Сияющий Мир — Тлеющее море". Поезд следует через станции "Солнышко", "Свобода" и "Счастье". Просьба не оставлять в вагонах артефакты и домашнюю порнографию.

— Он издевается! — воскликнул Ромка.

— Возможно, — улыбнулась Варамира немного нервно. — А, что ему. Все равно на него никто не обращает внимания.

Она внимательно рассматривала что-то за окном. Ромка попытался проследить ее взгляд. Там, куда смотрела Варамира, вроде бы ничего необычного не было (если считать обычными пассажиров самого вокзала). Трое женщин-рыб в нарядных платьях землистых оттенков щебетали о чем-то на своем, рыбьем, держа в перепончатых пальцах изящные зонтики. Рядом с ними усталый, чем-то весьма недовольный медведь в красной подпоясанной рубаше спорил с бородатым тощим стариком в просторных фиолетовых шароварах. От Ромкиного взора остальная часть перрона была заслонена сумками, чемоданами и шляпными коробками, принадлежащими, наверное, трем рыбкам. Коробки подпирали фонарный столб, светильник которого был инкрустирован стеклом, зеленым, граненым и чистым.

Вроде бы, и правда, все спокойно. Почему Варамира так напряженно туда смотрит? И костяшки пальцев у нее аж побледнели...

Поезд медленно-медленно тронулся. Так, что даже толчка никакого не почувствовалось. Как будто бы он не едет, а... ну да, летит. В этот самый момент фонарь зеленого стекла лопнул, и вверх взметнулось алое пламя. Столб стал похож на горящий факел. Поезд начал стремительно ускоряться, а фонарные столбы, мимо которых он проезжал, взрывались один за другим.

— Быстрее, — сказала Варамира с нажимом. — Ну же, быстрее!

Пассажиры стали липнуть к окнам и оглядываться на вокзал, оставшийся позади. Ромка тоже прикинул к оконному стеклу. Он видел, как фонари вытягиваются стократно, будто резиновые, превращаясь в тонкие черные пальцы с горящими окончаниями, и как они пытаются не дать поезду уйти. Черные паучьи лапы-фонари успели зацепить лишь последний вагон летучего поезда-змея. Вагон отпал легко и просто, как хвост ящерицы, и полетел вниз — и тут же сгинул в мягких белых облаках.

— Он скоро настигнет нас, — произнес Зорея, качая головой.

— Нет, — твердо сказала Варамира.

— Кто? — встревожено спросил Ромка. — Кто "он"?

Варамира скосила взгляд вбок. Поджала губы. Но все-таки произнесла:

— Кровавый Рассвет.

Ромка свободней сел на своем сидении, насупился. Но долго он так не мог. Варамира смотрела сурово и многозначительно, так, как будто бы он должен догадаться по одному ее взгляду, что же это за "Рассвет" такой. Зорея вертел в руках свою губную гармошку. Остальные пассажиры вроде бы тоже уgomонились и расселись по местам.

— И что это такое? — спросил Ромка.

— Я не знаю, — ответила Варамира.

— Что он делает? — переспросил мальчик, решив выяснять правду упорно и терпеливо.

— Он гонится за теми, кто пришел в морок наяву, — ответила Варамира, и голос ее дрогнул.

— И чем это нам грозит?

— Преждевременным развоплощением, чем же еще, — ответил за Варамиру Зорея. — Так-то у нас время есть, суток трое как минимум.

— Но на месте оставаться нельзя, — Варамира покачала головой. — Тлеющего Моря нужно достичь как можно скорее. Иначе это будет... глупая смерть. Очень глупая смерть.

— Так я не понял, вы в мороке смертны или... — Ромка не успел договорить. Он отвлекся. Попросту ахнул, второй раз за такое непродолжительное время. Снова прилип к окну, чтобы получше разглядеть странное и одновременно величественное явление: текущую по небу реку.

Огромная масса воды вьющимся, бурлящим потоком бежала, струилась, текла и, сворачиваясь в мертвые петли, снова устремлялась по своему невидимому руслу куда-то в далекую, подернутую летним маревом синеву. В лазурно-голубом теле потока плыли рыбы, — огромные, золотистые, с рельефной сверкающей чешуей. Они иногда выпрыгивали из воды и снова врезались в нее, разбрасывая вокруг тучу брызг.

— Во дела-а, — протянул Ромка.

— Он — тот, кто идет всегда по твоим следам, по следам на песке, по следам на белом снегу. Рубинами обращается кровь из открытых ран, он чует ее во тьме, собирает ее в карман, ждет тебя на том берегу, — продекламировал Зорея.

— Ну вот и зачем ты это сказал? — недовольно спросила Варамира.

— Один мой старый знакомец любил читать стихи вслух, — старик потер высокий лоб. — Простите, госпожа, если что не так. Но это — отрывок Заповеди, и он, я знаю, с Кровавом Рассвете. Мало кому из живых бывалось в мороке. И вот мы снова здесь, и я точно понял — это о нем.

— Ай, накаркаешь, — Варамира цыкнула языком. — Не зови лихо.

— Я не хочу умирать, — сказал Ромка.

Он понимал, что заявление это звучит глупо и совсем невовремя, да и кто ж хочет? Но все эти странности, невероятности, пришедшие на смену реальности — понятной и простой, и даже изнанке — искристой и вычурной, — все это было прекрасным, но мальчик уже достаточно увидел, чтобы понять наверняка: морок — смертельно опасен. И здесь — страшно. Несмотря на все красоты. Как-то... иррационально страшно, тревожно, как будто бы, случись что, тебя не спасет ни ум, ни ловкость, ни быстрота, ни даже удачливость.

— Он — как ядовитый цветок, этот ваш морок, — произнес Ромка, так как на его "не хочу" никто ничего не ответил. — Но мне еще много чего надо в реальной жизни сделать, понимаете? Я не хочу, чтобы меня настиг этот Кровавый Закат, чем бы они ни был.

— Рассвет, — поправила его Варамира. Повторила, как будто бы пробуя слово на вкус: — Рассвет...

— Как нам от него отделаться? — настойчиво спросил Ромка. — Мы как-то можем с ним бороться?..

— Бежать, — Варамира смотрела вперед, в дальний конец вагона, туда, где девушки-барсы в красных мантиях разворачивали бордовые флаги с золотой символикой и штыками

на других концах древков. — Обычно — только бежать. Но, кажется, чтобы бежать дальше, нам придется драться.

— Нет нужды, — сказал Зорея. — Я их задержу. Идите коротким путем!

Варамира глубоко вздохнула, сцепив зубы.

— Выживи. Ты мне еще нужен!

Одна из барсов метнула копье в Варамиру. Тяжелое орудие летело как будто бы сквозь плотную воду, и за ним длинным шлейфом развевалась алая материя. Варамира успела встать и просто повернуться боком так, что копье скользнуло мимо. Ромка охнул: ни одного лишнего движения! Зорея пригнулся, прячась за лавкой. Вынул из-за пазухи губную гармошку и еще какой-то кошель, расстегнул, высыпал на ладонь ворох металлических штырьков.

— Положитесь на меня, госпожа, — он поднял на Варамиру большие серые глаза.

Ромка смотрел, как белые барсы (холки их задевали потолок вагона) с новыми пиками наперевес наступают, грубо отталкивая к окнам зазевавшихся, но не смеющих пикнуть пассажиров.

Варамира коснулась оконного стекла указательным пальцем — легонько. По стеклу пошла толстая витиеватая трещина. Тысяча острых осколков брызнула внутрь вагона. Несколько задело Варамиру, ее голые руки и лицо, так, что на царапинах выступила кровь. Ромка успел закрыть голову локтями. Ураганный ветер ударил из окна внутрь.

— Пошли! — закричала Варамира, силой подтаскивая Ромку к окну. — Открой глаза! Ты должен смотреть! Смотри!

— Ужасно высоко! — крикнул в ответ Ромка. Он хотел было оглянуться, но Варамира ему не дала.

Ветер трепел ее черные кудри, бросал их в лицо ей и Ромке.

— Прыгаем! — крикнула она. — Ласточкой!

И толкнула Ромку из окна вниз. Он, перекинувшись через деревянную раму, инстинктивно зацепился руками за край, но ветер был слишком силен. Он буквально отодрал Ромку от уступа, за который мальчик держался, и швырнул его вниз, в свои холодные колкие объятия.

Ромка, шурясь, все же чуть-чуть приоткрыл глаза. Он увидел черную гнутую линию — это поезд летел над ним. Выходит, Ромка падал спиной вниз.

Это было очень странное и пугающее ощущение. Чувство полной беспомощности и обреченности, и в то же время безнаказанности и свободы. Это было страшно и восхитительно — в одно и то же время.

Ветер теплел. Он поддерживал тело ласково и властно.

Ромка словил какое-то воздушное уплотнение, и его перекувырнуло в потоке так, что голова пошла кругом. Он с усилием расправил руки и ноги шире и скорость падения чуть-чуть уменьшилась. Летел он теперь лицом вниз так, что мог видеть плотную завесу облаков, свою тень на них и еще тень Варамиры.

Облака стали рассеиваться, обнажая яркий многомерный пейзаж: покрытые зелеными лесами высокие конусообразные горы, прошитые сверкающими венами рек. Надо всем этим сияло непомерно яркое солнце, отражаясь в далекой воде размытым пятном.

Варамира ухватила Ромку за правую руку — крепко-накрепко.

Скорость падения уменьшилась. Плавно, исподволь, падение превратилось в мягкий стремительный полет не прямо к земле, а вдоль нее, к самому солнцу.

Ромка глазам своим не верил (и не мудроно!), и вообще не знал и не понимал, как теперь быть и как все это понимать. Пейзаж внизу был красив до коликов в животе, до онемения и неприличных слов. Сам факт полета был странным. Ну, это же морок! Понятно, что это сон, но все такое настоящее... И в то же время не настоящее совсем. Как будто бы настоящесть сна, просочившись в реальность, стала еще более сонной. Или восприятие смутила. И всю эту завораживающую красоту Ромке показала странная женщина, назвавшаяся его бабкой, которая умерла и восстала прямо у него на глазах, да еще и эта ее страшная сила — оттягивать на себя нити судьбы или попросту их рвать...

У Ромки в голове творился невообразимый сумбур. Он никак не мог понять, как ему нужно к этому всему относиться. Но пока что, — пока далеко внизу, под ногами, звенит и светится невероятно красивый мир, а по пятам следует какой-то необъяснимый и многоликий Кровавый Рассвет, — все, что Ромка может делать, так это довериться Варамире и идти вместе с ней к Сердцу Мира.

— Оно меня ест! Отцепите его от меня! Эль-Марко, это ты во всем виноват! Ты ее сюда притащил! Сделай уже что-нибудь! А-а!

— Камориль, успокойся! Она не хищник! Она не может тебя есть!

— А что она, по-твоему, делает? Может, это потому, что я температуры комнатной?..

— Ребята, стоять, не двигаться, — Тиха придержал за шиворот бросившихся было помогать Камориль Рина и Ари. — Они взрослые, дипломированные маги, они сами разберутся!

— Взрослые, блин, дипломированные! — кряхтел Камориль, пытаюсь отодрать от себя черное мохнатое тело. — Марик, ну почему ты мне не веришь? Она меня правда ест!

— Она не может тебя есть, — повторил Кападастер, — ей нечем, Камориль.

Прохладный сырой воздух казался почти осязаемым из-за загустевшего по ночи тумана. Над мрачным особняком, окруженным густым запущенным садом, поднялась луна — какая-то особенно большая, будто бы ей стало интересно, что же этой ночью творится внизу, и она решила взглянуть поближе. В саду тут и там кротко мерцали тусклые фонарики, набирающие энергию от солнца днем, а ночью подсвечивающие растительность и фасад. Редкие скульптуры из темной, окислившейся меди, озаренные призрачным голубым и болотным зеленым, взирали на творящееся в саду безмолвно, но, кажется, слегка осуждающе.

— А может она того... этого... а может, это он? — догадался Камориль, замерев на мгновение. — И он решил со мной... спариться?

Некромант ухватился за две (из восьми) передние лапки Луни, сомкнувшийся у него на груди, и попытался их от себя оторвать. Но тщетно, животное пристало к нему хуже банного листа и рыбы-прилипалы вместе взятых.

— Это самочка, Камориль! — опроверг его версию Эль-Марко.

— А вдруг она гермафродит! — заявив это, Камориль снова начал пытаться скинуть с себя тушку Луни, которая не молчала — урчала, как заведенный мотор, разве что, чуть более мягко.

— Ты ее только больше пугаешь, — попытался урезонить некроманта Эль-Марко. — Хватит бегать вокруг ореха! Она боится, вот к тебе и льнет! Она же маленькая! И она думает, что ты — ее мать!

— Ну ничего ж себе маленькая!

Луны и правда была не то чтоб большая, но — достаточно объемная. Совсем уже высохшие и распрямившиеся крылья, волочившиеся за спиной Камориль, оказались длиной метра этак в три, а то и больше.

Камориль наконец перестал бегать, встал, опираясь ладонями об колени и пытаясь отдышаться. Взялся руками за ствол ореха и уперся в него лбом.

— Эль-Марко. Отцепи ее от меня. Пожалуйста. Иначе у меня сейчас случится нервный срыв.

Эль-Марко подошел к нему ближе и положил руку на плечо.

— Давай, может, лучше я тебя успокою?

— Нет... Ну как же... Ну я же чувствую! Она в районе лопаток меня грызет!

— Да ей нечем!

— Ну, значит, ты ошибся! Вот прям сейчас проверь ее!

— Я и так держу руку у нее на... эм... странно. Я не знаю, как это назвать, учитывая, что голова у нее вросшая в грудку. Ох, давно у меня такого не было.

— Видишь? — Камориль обернулся к Кападастеру, сверкнув золотом глаз, на вид весьма ошалевших. — Может, и зубы у нее какие-нибудь... не такие!

— Точно, — улыбнулся Эль-Марко левым краешком рта. — Она внедрила в тебя свой хоботок и высасывает твой спинной мозг. Какая нелепая смерть, дружище.

Камориль медленно повернулся к Эль-Марко всем телом и схватил целителя за грудки.

— И она будет на твоей совести! Если ты сейчас же что-нибудь не сделаешь!

Эль-Марко положил обе руки Камориль на плечи.

— Ты не состоишь из сиропа или меда, и ты даже не фрукт! И даже не гнилой! Успокойся! Ну? Все? Больше не грызет? Что у тебя с лицом?

Камориль отпустил тельняшку Эль-Марко и устало махнул рукой. Вздохнул.

— Ну, смерть так смерть, — сказал он и развернулся, направляясь к ребятам из "Негорюй". Длинношерстная тушка Луни, прилепившаяся к нему сзади и сверху, казалась этаким пушистым черным плащом, за которым стелился еще один плащ — шелковый, переливчато-синий, и длинный не в меру, как подол средневекового женского платья.

Но до ребят Камориль не дошел. На полпути от ореха к "Негорюй" некромант внезапно повалился на колени и закрыл лицо руками. Ари, Рин и Тиха встrepенулись, но, не зная, что делать, остались на месте. Эль-Марко устремился к Камориль — мало ли, что! Вдруг, и правда, плохи дела? Эль-Марко опустился рядом с Камориль, спешно касаясь его шеи (ближайшее открытое место) и проверяя его состояние. Но с ним все было хорошо. Чего же он?..

Камориль, почувствовав прикосновение, отнял руки от лица, и Эль-Марко увидел на нем слегка шальную улыбку. Некромант усмехнулся, улыбнулся шире, а потом и вовсе расхохотался, запрокинув подбородок к большой круглой луне. Смеялся он долго — с полминуты, пожалуй. Потом вытер правый глаз ладонью и произнес:

— Фух. А я уж думал и правда с жизнью прощаться.

— Что... случилось? — спросил Эль-Марко.

— Что-что, — передразнил Камориль.

А потом крылья Луни, те самые переливчато-синие, длиной метра в три, а то и четыре, напряглись, дрогнули по всей площади и, выгнувшись по ребрам твердости, распрямились за спиной Камориль с опасным шипящим шелестом.

— Ух ну нифига ж себе! — воскликнул Ари.

Кападастер смотрел снизу вверх на поднявшегося на ноги Камориль: так некроманту было проще удерживать равновесие, с таким-то парусом за спиной. Эль-Марко спросил:

— Это ты сделал?

— Пожалуй, — Камориль неуверенно повел плечами, попробовал оглянуться назад. — Я не уверен... ну-ка...

Крылья пошевелились, распрямились еще больше вверх, образовав два огромных полукруглых веера и вызвав легкий ветерок.

— Да, — кивнул Камориль, — кажется... нет, не кажется. Точно. Она передала мне... все права.

— Ну надо же, — проговорил Эль-Марко. — Я... я в растерянности. И в восторге. Неужели они смогут тебя поднять?..

Камориль сложил крылья, почти опустив их на землю.

— Это смотрится просто невероятно! — Ари подошел ближе к Камориль. — Можно потрогать?

— Только осторожно, — разрешил некромант. — Я еще не уверен, как оно все... О-о.

— Ты чувствуешь его прикосновения? — спросил Эль-Марко.

— Да, — кивнул Камориль

— Так вот оно что, — хмыкнул Эль-Марко. — Значит все-таки те зубики на конце хоботка...

Эль-Марко поднял взгляд на Камориль и запнулся, больно уж яростный у того был вид. Почему Камориль все еще не разразился ругательствами, Эль-Марко не понял.

— Ну, ты и так был не в себе, — решил оправдаться он на всякий случай.

— Так а чем она питается на самом деле? — это спросил подошедший ближе Тиха. — Точнее, куда? В таком положении?

Тиха тоже зашел Камориль за спину, но к крыльям и Луни не прикасался — так рассматривал.

— Я полагаю, питается она самостоятельно, — произнес Эль-Марко, потирая подбородок задумчиво. — Смотрите. Мы предложили ей все, что нашли в холодильнике, и она сожрала подгнившую капусту, ананас и все варенье, что было. То есть, она уже поела. И, поев, решила, что пора энергию тратить — и... начала выполнять свою прямую функцию.

— Какую функцию? — спросил Камориль, глядя на Кападастера с прищуром.

— Ну как, какую. Быть симбионтом, помогающим человеку при передвижении. Но... если честно, я и не думал, что... что она превратится в такое. Признаюсь: я недооценил ее создателей. Весьма недооценил.

— Ты недооценил их втройне, — медленно проговорил Камориль. — Потому что... Потому что в нее встроены карты.

— Карты? — Эль-Марко взглянул на Камориль удивленно.

— Карты, — кивнул Камориль, — старые карты. Город... города. Много, около шестидесяти городов. Вот наш, например, но он намного меньше, еще нет многих спальных районов, даже того, где Мйар живет...

— Ты видишь их перед собой? — уточнил Эль-Марко.

— Это сложно объяснить, — произнес Камориль, прикрывая глаза. Легкий ветерок пошевелил его волосы, перебросил с шеи назад. — Но, в принципе... да. Эдакие проекции странного вида... И... Хорошо, у нас есть карты городов, страны, причем с еще довоенными границами, карта континента и остальных — но это вот что такое?.. — Камориль поднял

веки и устоялся на Эль-Марко, как будто бы тот тоже мог видеть. — Тут... как будто бы... еще карта какой-то выдуманной страны. Ну, то есть, ты слышал, есть где-нибудь местность под названием "Берег Саламандры" или вот, тоже какое-то относительно большое образование.... "Тлеющее море"?

— Нет, — Эль-Марко покачал головой. — Ни разу такого не встречал. Может, устаревшие названия? Или секретные какие?..

— Я слышал, — сказал молчавший доселе Рин Даблкнот. — Не знаю, как насчет секретности, но, по-моему, это топонимы из легенды о Духе Огня. Когда Дух Огня вырвал Сердце Мира из земной тверди, кровь, что вытекла из его вен, образовала море Синего Пламени, которое со временем погасло и стало называться Тлеющим. Но это же... всего лишь легенда.

— А вот и оно, — произнес Камориль медленно. — Да, Рин... так и есть. Среди Тлеющего Моря обозначена довольно обширная локация, подписанная как "Сердце Мира", и по очертаниям это место на самом деле похоже на человеческое сердце.

— Погоди-погоди, — Эль-Марко поправил очки. — Так это у тебя там, получается...

— Да, все верно, — кивнул Камориль. Взгляд его стал тяжелым. — Это карта морока. А на карте страны я вижу отмеченные точки перехода. Вот тут, например... О, да это же та пещера возле маяка! Ну и дела... Всегда чуял в ней что-то странное! — Камориль задумчиво нахмурился. — Получается, создавшие Лунь маги имели доступ к утерянным ныне секретным материалам... И эти материалы куда более ценны, чем нынешние гильдии даже могут предположить. Это то, о чем только будут говорить на собрании гильдий этим летом. Сколько же всего отняла у нас война...

— Как-то мне неуютно стало, — поежился Ари.

Эль-Марко заметил, что Камориль смотрит на Рина Даблкнота, а тот, в свою очередь, не может отвести глаз.

— Да ты ведь умный, — произнес Камориль, улыбаясь.

Рин сглатывает и делает едва заметный шаг назад.

— А я варенья принесла! Давайте ее еще покормим... ой, — произнесла выбежавшая из дома Никс, увидев, что происходит в саду. В руках у девочки была двухлитровая банка сливового варенья, а карман комбинезона оттягивала открывашка. — А что это с Лунью? Она там, на вас, прячется, что ли? Или греется? Она вас случайно не ест?

— Ну уж точно не греется, — хмыкнул Эль-Марко. — И не ест.

Камориль обвел всех взглядом.

— Отойдите, что ли, поближе к дому.

— Ты собрался?.. — Эль-Марко было дернулся, чтобы снова проверить состояние Камориль и Луни, но остановил себя. — Хотя, да, давай. Все должно быть, как надо. Теперь все должно быть так, как задумывалось изначально. Ребята, отходим.

Когда все столпились ближе к фасаду и выходу, Камориль, оставшийся посреди довольно широкой площадки перед домом, расправил крылья. Сами крылья формой больше походили на стрекозиные, чем на крылья бабочки, а фактурой — на тонкую мягкую кожу. С каждой стороны их было четыре: два ведущих, подлинней и пошире, и два поменьше.

— Погнали, что ли, — произнес Камориль, и все восемь крыльев ударили в такт, изгибаясь под напором воздуха. Первый же шумный взмах приподнял некроманта метра на два над землей, а следующие и вовсе отнесли высоко вверх.

Собравшаяся внизу компания смотрела на зависшее в ночном воздухе крылатое

существо, открыв рты.

— Я точно напишу об этом песню, — сказал Ари, присвистнув. — И никакого больше "Духа Огня"! Вот, среди нас что происходит! Какие люди живут!

— Да не человек он, — недовольно буркнул Рин. — Уж я-то знаю.

— Такое вообще бывает?.. — пробормотал Тиха.

Эль-Марко, подслушав их, улыбался, но ничего не говорил. Никс, руки которой оттягивала к земле банка с вареньем, молча смотрела вверх, на большую круглую луну и на мелькающий на ее фоне крылатый силуэт.

— А она только его покатасть может, да? — спросила Никс у Эль-Марко чуть погодя.

— Не знаю, — ответил тот, — возможно... Он был там, когда она вылупилась. Я так понимаю, у нее произошло запечатление... в любом случае, я бы тебе не разрешил.

Девочка разочарованно фыркнула.

Камориль опустился на крышу особняка. Большая, голубовато-белая луна была у него за правым плечом. Восемь огромных крыльев подрагивали на ночном ветру, просвечивая. Он будто бы отдыхал. Постояв так, он стал спускаться по черепице вниз — сначала медленно, а потом ускорился, и вот, уже на бегу, Камориль прыгнул вперед со второго этажа поместья, и крылья Луни, глухо хлопнув, подхватили его и снова унесли высоко вверх.

— Интересно, долго он собирается развлекаться? — проговорил Эль-Марко. — И надолго ли хватит запаса топлива Луни?

— А она не на магии разве? — спросил Тиха, глянув на Кападастера заинтересованно. — Вряд ли бы без магии оно вообще работало!

— Если так, то в Лунь должны были быть интегрированы еще и гены диких ведьм, — задумчиво ответил целитель. — Так как из нас никто дикой ведьмой не является, то и определить, колдует ли Лунь в полете что-то из их арсенала, никто не сможет. Разве что, Камориль скажет, как налетается, чувствуется ли вообще магия, когда Лунь его несет.

Примерно через десять минут, когда все уже вдоволь насмотрелись на полет "человека-мотылька" и даже успели подмерзнуть на ночном воздухе, Камориль наконец спланировал на поляну перед особняком. Занесло его совсем немного, и вообще, в целом, приземление выглядело так, как будто бы он всю жизнь только тем и занимался, что летал при помощи разумного насекомого-симбионта.

— Ну, как? — тут же спросил у Камориль подбежавший ближе Эль-Марко. — Она нагревается? Ты знаешь, устала она или нет? При полете вибрация большая? Тебя мотает туда-сюда? И сколько запаса сил потратила?

— Фух. Бодрит! — ответил Камориль. — Все отлично! Она умница. Я так понимаю, не без диких ведьм, ибо вес свой я почти не чувствую, и вообще, все отлично, как так и надо! Но, Марик... это же... это, во-первых, не так страшно, как можно подумать, а во-вторых, это просто невероятно!

— Могу себе представить, — усмехнулся Кападастер.

— Так... значит, — Камориль оглянулся на подошедших к нему Рина, Ари, Тиху и Никс. — Значит, так. Эль-Марко. Пожалуйста, сходи в мой кабинет и принеси мне мой пояс с зельями. Никс, не могла бы ты упаковать эту банку варенья и еще каких-нибудь, штуки две, в рюкзак Тихомира? Тиха, одолжишь мне его?

— Без проблем, — разрешил Тиха.

— Хорошо, — кивнула Никс и убежала в дом.

Эль-Марко даже не двинулся. Он смотрел прямо на Камориль, почти что без всякого

выражения — только брови слегка свел.

— Ага, — кивнул некромант. — Понятно. Ну хорошо, пояс с зельями мне принесет Кристина.

— Как это понимать? — сурово спросил Кападастер.

— Я полагаю, это судьба, — Камориль улыбнулся печально и тут же поджал губы. — Не серчай. И не... Ох. Марик... Дороги, которые мы выбираем...

— ...Не всегда выбирают нас. Знаю-знаю, — Эль-Марко вздохнул. — А если вдруг случается, то стоит не зевать. То есть, это значит, что ты идешь туда. Сам.

— Ну, а как? Это судьба.

— Повтори это еще третий раз, трупоед хренов, и, может быть, сам в это поверишь.

— Марик, — Камориль шагнул к Эль-Марко, — ну а что мне остается делать? Я и так уже...

Камориль не договорил. Эль-Марко понял, что он имеет в виду. Да, все именно так. И вроде ж нет у него в крови ничего песьего, ничего волчьего, а вот поди ж ты... Эль-Марко вздохнул. Хотел было привычно положить руку на плечо Камориль, но наткнулся на одну из пушистых лапок Луни.

— Ну ты хоть... береги себя, что ли.

— Да что мне станется-то, — Камориль усмехнулся. — Кристина! В режим экзоскелета алей-оп!

Подоспевший в сад скелет быстро-быстро снял с себя униформу домработницы, сложил ее стопочкой на траву. А потом ребра и тазовые кости Кристины разошлись, разъехались на поблескивающих металлических шарнирах. Камориль сделал шаг по направлению к раскрывшемуся, как странный извращенный цветок, скелету, и желтоватые кости приникли к нему, причудливо обхватив туловище поверх одежды. Череп Кристины Камориль поймал в руки и сунул подмышку.

— Во дает, — пробормотал Ари.

— Это выходит... сзади Лунь, а спереди Кристина, как экзоскелет?.. — задумчиво посчитал Тиха. — А Лунь-то выдержит?..

— Вы полетите в морок, да? Следом за этим рыжим? — выпалил Рин, сжав кулаки.

Все обернулись к нему, но он не отступил. Смотрел на некроманта прямо, взволнованно, как будто бы это его судьба решается.

— Ну... — Камориль виновато улыбнулся, — знаешь... Точнее, понимаешь, в чем дело... Я не знаю точно, я ли главный герой этой истории. Мйар, он все-таки и рыж, как ты верно подметил, и странен еще пуще меня, и этот чародей в нем, и даже Война Причин, и специфическое это полубессмертие... — Камориль развел руками. — По всему выходит, что все от него зависит. Но это очень сложный вопрос, на самом деле. И тут я должен сам решить, как мне быть. Тем более что я человек последовательный. Ну, таким я себя считаю, по крайней мере. Так вот, я выбираю "быть".

— Если ты не вернешься в течение трех дней, я тебя из-под земли вырою, — спокойно сказал Эль-Марко. — Где, говоришь, ближайший переход в морок?

Камориль не смог сдержать улыбки.

Горизонт был алым, как маячок догорающей спички. Темные, иссиня-черные волны мерно вздымались над Тлеющим Морем. В толщи волн мерцали лазурные огоньки — то ли искры давно прогоревшего пламени, то ли какие-то неведомые светящиеся животные, способные передвигаться внутри этой странной, почти что твердой массы, которая тем не менее движется и живет на манер большой воды. С поверхности Тлеющего Моря вверх летел бордовый пепел, напоминающий при этом тонкие прозрачные лепестки, резные, колкие. Над бугристой поверхностью волн, метрах этак в ста, завис в воздухе ближайший из островов: вытянутый, темный, похожий на огромное окаменелое пламя. Далее этаких висящих над морем скал было видимо-невидимо, их силуэты совсем терялись друг за другом, для того, чтобы, слившись, перейти в нечто еще более величественное и явить наконец абрис горы Антарг — Сердца Мира, двурогой громады, зажавшей в своих клешнях круглую, совершенно красную луну.

Между собой острова связывали тонкие, почти невесомые мостики, сработанные из какого-то тугого черного сплава. Ветер, прошивая насквозь ажурные арки, стонал и пел.

Ветер трепал Ромке челку и, кажется, все тело ему тоже пронизывал, рискуя продуть бронхи и напрочь разбередить душу. После того полета, казалось бы, высота не должна страшить, морок ведь — а вот поди ж ты. Ромке казалось, что уж ему-то морок не будет так прилежно подчиняться, как Варамире. То ли из-за того, что он недостаточно верит в себя, то ли по каким-то своим, потусторонним волшебным причинам. Понять морок Ромка пока что так и не смог.

Тлеющее море осталось далеко внизу. Варамира шла впереди, и тот же ветер неумолимо ерошил ее длинные вьющиеся волосы, бросая их то в одну, то в другую сторону. Иногда "бабка" оборачивалась, чтобы проверить, не отстает ли от нее Роман. На лице у нее не осталось и следа беспечности — брови сведены, в глазах решительность и сосредоточенность, как будто бы она не только балансирует на тонком мостике, играя с высотой и ветром, но и каждую минуту борется с чем-то еще.

Конечно, борется, — пришло знание Ромке в голову.

Мальчик уже порядком привык к тому, что знания появляются в мозгу как будто бы из ниоткуда, пробуждаемые словами-ключами, событиями или просто даже собственными его мыслями.

Он старался не смотреть вниз. В конце концов, они прошли уже три таких моста — успешно, а как иначе. Они уже четыре раза ступали на поверхность летающих островов, каждый из которых был по-своему уникален. Прошлый, вот, например, был весь расцвечен узорами фиолетовато-зеленого александрита, что рос там гроздьями, пробивался из-под черного, закопченного сланца, тянулся вверх гранеными сталагмитовыми столбами. Остров, до которого оставалось совсем чуть-чуть, казался алым, как будто бы весь состоял из огромного куска красного хрусталя.

— Не отставай, — подбодрила мальчика Варамира. — Сейчас преодолеем остров Страсть и все, мы доберемся до него... мы ступим на поверхность Сердца Мира!

Ромка хмыкнул. Остров Страсть?.. Мостик тем временем кончился, и настало время спуститься на гладкую, ярко-алую стеклянную поверхность. Варамира уже была там.

Каждый ее шаг оставлял на поверхности острова след, который немедленно заполняла какая-то жидкость, похожая на ртуть, превращая отпечаток ступни в маленькое фигурное зеркальце.

Ромка понял, что летающие острова никакого особого волшебства в себе вроде бы не несут, и названы по-всякому только из-за своей формы и цвета. Если они ступили на Страсть, то это совсем не значит, что им придется бороться с какими-нибудь опасными желаниями или эмоциями. Это просто остров. Просто непростой, странной красотой красивый остров, багряный, словно корундовый скол, живущий в мороке своей непростой, непостижимой жизнью, встречающий каждого, кто спустится на него вот так необычно — запоминая оставленные путником следы, обращая их в жидкие зеркала.

Ромка шел за Варамирой через Страсть, и на алом хребте летающего острова оставалась длинная неровная полоса серебристых следов. Когда они забрались на самую высокую точку острова, Варамира приостановилась. Глянула вверх, на гигантский силуэт Сердца Мира и зажатую между двумя его отрогами луну.

— А тот Кровавый Рассвет, — спросил Ромка, оглядываясь на проделанный ими путь: на череду летающих островов и черную дымку Тлеющего Моря, — он что? Он больше за нами не идет?

— Кровавый Рассвет не может ступить за границы Тлеющего Моря, — ответила Варамира. — Так было всегда. И так будет.

— Понятно, — кивнул Роман.

Так он вскоре совсем разучится задумываться о причинах и следствиях и, чего доброго, начнет принимать вообще все, как есть. Не только то, что стоило бы. Вообще все.

— Пойдем, — позвала Варамира.

Они стали спускаться к следующему мостику, самому высокому и протяженному, который должен привести их к самой Антарг.

Ветер взвыл, как орган, когда Ромка вступил на тонкую металлическую поверхность. Далеко внизу, откуда потоки воздуха приносили темный багровый пепел, мальчик смог разглядеть что-то новое, чего не было видно с других мостов. Там, в причудливой тени от Пламенных Островов и великой горы Антарг, был город. Черный, как и окружающее его Тлеющее море. Ромка сам не знал, как понял, что это город, и как его разглядел. Наверное, опять знание откуда-то изнутри пришло, как это теперь часто с ним бывает.

Город под горой разросся щербатым неровным колесом, полностью черный, совершенно пустой. Ромка подумал, что ни разу еще не видел в мороке городов, и этот — первый. И он же — мертвый, брошенный. Город, в котором нет никого, и он не снится даже умалишенным.

Мурашки прокатились по коже, вздыбив мелкие волоски на руках и шее. Теплый ветер ударил в лицо, когда Ромка обратил свой взгляд вперед, на Антарг. Что-то не так стало с луной. Красный пятак в небе замерцал, раздваиваясь, так, будто бы у Ромки начало резко падать зрение.

— Не смотри на луну! — рявкнула Варамира. — Смотри на мост!

Ромка, опомнившись, сосредоточился на тонком изгибе пути. И, пока он смотрел себе под ноги, боковым зрением он все же заметил, что слева и справа, мягко проявившись через синий, зажглись круглые желтые луны. Штук пять. А потом еще и еще. Множество. По бокам — десять, и еще по две-три спереди. Ромка не позволял себе расслабляться и смотреть на странно ведущие себя ночные светила, но предполагал, что, должно быть, и за спиной у

него тоже горит теперь не одна луна, тем более что на мост перед ним легло сразу несколько разноцветных теней.

Это, что ли, магический стадион какой-то? Почему этих лун так много? Может, они хотят сбить странника с пути?

— Луне иногда снится, что она... не одинока, — совершенно отчетливо прозвучал голос где-то внутри Ромкиной головы. Мальчик аж вздрогнул: вот такого еще точно не было. Знания проявлялись, да, но они ни разу не оформлялись в мысли-слова. И это был отнюдь те тот голос, которым он читал про себя книги.

К Ромке обернулась Варамира.

— Ну, чего стоишь? Не медли! Совсем чуть-чуть осталось!

Ромка, сбросив оцепенение, поспешил за "бабкой". Луны перестали трястись и мерцать, зависнув над мороком прочно, как будто гвоздями к небу приколотенные. Штук сорок, а то и больше. Все, в принципе, желтые, и одинаковые, но по чуть-чуть, да разные. Одна желтей, другая — с отливом, третья, — скорее, сизая или цвета слоновой кости. Только та, которую держала между двух рогов Антарг, была по-прежнему красная, как артериальная кровь.

Последний мостик упирался в пологие широкие ступени, похожие по форме на грибы, что растут на древесной коре: такие же плавные и будто бы оплавленные, выступающие из скалы полукругом. Ромка сошел на них следом за Варамирой и увидел, что черное стекло, из которого ступени сработаны, рассекает внутри тысяча тонких золотистых прожилок. И эти вены самую каплю трепещут, как будто бы они — живые.

— Нам вот по этой тропке, что вьется меж камней, — Варамира указала вверх, — вот туда. Мы стоим на краю Сердца Мира. Попираем ногами его холодную мертвую плоть! Ты чувствуешь это? Понимаешь, где мы находимся?

Ее глаза горели от предвкушения чего-то совершенно необыкновенного. Ромка глянул на "бабку" слегка недоуменно, улыбнулся, мол, да-да, практически понимаю, вот еще чуть-чуть и почувствую.

Но он все же скорее не понимал. "Мертвую плоть"... да ладно. Не могло это место, и правда, быть чем-то вроде сердца. Скала и скала. Да, огромная летающая скала, под стеклянной поверхностью которой пульсирует золото, — но, мало ли в мороке чудес?

Они стали подниматься вверх. Склоны Антарг поросли высоким лесом — странным, как и все здесь. Деревья были темные и при этом полупрозрачные, будто бы призрачные.

Ромке показалось, что он увидел в густых сумрачных зарослях светлый силуэт какого-то мелкого лесного зверя, — но, если и так, он промелькнул настолько быстро, что опознать его не было никакой возможности.

Из-за того, что на небе горело несметное количество лун, было достаточно светло, чтобы идти, не боясь запнуться об какую-нибудь корягу во тьме. Когда они поднялись чуть выше и обогнули один из крутых выступов, Ромка заметил на стеклянной поверхности странные выпуклости, мало похожие на просто камни. Вскоре он понял, что это хрустальные человеческие черепа.

— Этого не бойся, — сказала Варамира, заметив, куда он смотрит. — Просто случайная флюктуация морока. Это не окаменелые черепа почивших здесь. Сюда вообще мало кто доходит... Еще б они шли сюда в таких количествах.

— Почему мало доходит? — всполошился Ромка. — Их догоняет Кровавый Рассвет?

— Антарг никому не снится, так же, как и город Сол, который ты, может быть, видел, когда мы шли по Лунному мосту. А бодрствующих, забравшихся в морок, — да... они

теряются здесь и развоплощаются. Или сами, или тонут в Рассвете. Когда как.

— А Зорья...

— Я надеюсь, с ним все в порядке. Чтецы, если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, знавали в мороке толк. Раньше. И Зорья достаточно стар, чтобы что-то помнить.

Ромка угукнул неопределенно. Совершенно, казалось бы, без какой либо связи с его настроением и восприятием, его сердце забилося быстрее. Он даже руку к груди приложил: точно, стучится, сотрясает грудную клетку.

"Чего я боюсь?" — спросил он сам себя. Но внутренний голос, загадочный и непостоянный, промолчал.

Призрачный лес, став было ближе, совсем расступился, явив высокий крутой подъем, усыпанный черной каменной крошкой и поросший редкими серыми кустами. Варамира ловко карабкалась вверх. Ромка старался не отставать.

Наконец они выбрались на более-менее ровный уступ, с которого можно было рассмотреть широкую седловину, соединяющую этот уступ и следующий за ним обширный каменистый склон. Чуть спустившись по черному блестящему хребту, они стали подниматься, сначала по наклонной части седловины, потом — лавируя между больших полупрозрачных камней. Внутри камней сияли скопления золотых жил, пульсируя, кажется, в такт Ромкиному сердцебиению. Конечно же, это было не так. Ромка потряс головой, отгоняя странное зудящее ощущение, скопившееся на кончиках пальцев, на ушах и еще где-то за лопатками.

Испещренный светящимися изнутри валунами склон привел их на плато — пологое, длинное, похожее чем-то на огромную взлетную полосу. Дальняя его сторона терялась в алой туманной дымке.

Ветер к тому времени стих. Луны никуда не делись, — они следили не мигая, за тем, как по сверкающей и бликующей тысячу раз, гладкой обсидиановой поверхности идут две маленькие фигурки, без усталости продвигаясь вперед, к последнему на их пути подъему, который должен привести их на верхнее плато, и, собственно, к Игольному Ушку.

Красный туман клубился резным рваным кружевом. Чтобы взойти на последний склон, нужно было пройти через особенно высокий призрачный лес. Ромка шел, оглядываясь на полупрозрачные, мутные ближе к сердцевине стволы, желая и, одновременно, опасаясь прикасаться к ним. Он думал, что, скорее всего, его рука пройдет сквозь прозрачную кору, как через воду. Но, в то же время, ему было страшно, что, коснись он ствола, — его затянет внутрь, и он застынет в каком-нибудь из этих деревьев, как мертвый, заспиртованный экспонат музея врожденных уродств.

Луны дробились на множество сверкающих осколков в ветвях призрачного леса. На черное вулканическое стекло ложились причудливые, жутковатые тени от толстых, густо переплетенных ветвей. Ромка снова заметил в гуще леса что-то, похожее на белого красноглазого волка, — мелькнувшего, как привидение, которому ничего не стоит затеряться среди серых мутных стволов и желтоватых отблесков лун.

Лес расступился.

Вверх под небольшим наклоном бежала довольно-таки широкая тропа, посыпанная мелкой каменной крошкой. Варамира уверенно шла вперед. Ромка следовал за ней, то и дело оглядываясь: ему казалось, что теперь из призрачного леса за ними следит целая стая каких-то белых зверей — то ли волков, то ли собак, — не разобрать.

Они взобрались на еще один высокий уступ, обогнув его по тропинке слева так, что лес

остался далеко внизу. Обойдя большой, указующий куда-то вверх, словно палец, валун, они вышли на широкое плато, в конце которого Ромка увидел щель.

Это была щель между двумя отрогами Антарг. Справа и слева возвышались загнутые друг к другу черные громады, и между ними, высоко над уровнем плато, висела, похожая на гигантское красное яблоко, луна.

Она была совершенно круглой. И она была совершенно не в небе. Она была здесь, между "пальцев" Антарг. Огромный алый шар, зависший в километре над поверхностью, светился и чуть заметно вращался.

— Вот оно, — проговорила Варамира, на лице которой играли багряные отсветы "луны". — Сердце Мира.

— То есть мы... видели его все это время?.. — пробормотал Ромка. — Думая, что это луна...

— Да. Все видят его. И всегда с одной и той же стороны. Это — мираж. Это — морок, и это — сердце морока. И Сердце Мира тоже.

— Ого, — Ромка смотрел на зажатую между отрогов Антарг "луну", раскрыв рот. Опомился, рот закрыл. — А Игольное Ушко — где?

— Там, — Варамира указала на расщелину между правым и левым рогом. — Прямо там. Идем.

Они двинулись по гладкому вулканическому стеклу, испещренному золотистыми прожилками, вперед. Сколько они не шли, "луна" и "пальцы" ближе не становились. Ромка понял, отчего так: больно уж велико Сердце Мира. Не известно, сколько еще придется пройти, чтобы достичь его, чтобы преодолеть расстояние, сопоставимое с размерами этой громады.

Подсвеченный желтыми лунами и "луной" пламенной, туман на очередном пройденном ими километре рассеялся и явил совершенно неуместный здесь силуэт. Силуэт показался Ромке до боли знакомым. Туман развеялся вовсе, и Ромка сумел хорошенько разглядеть, что именно преградило путь.

Посреди гладкой обсидиановой поверхности, окруженный влажной тревожной дымкой, стоял красный бархатный диван на гнутых золотистых ножках. На диване, полулежа на нем с ногами, расположился человек. В руках он держал электрогитару и что-то на ней наигрывал. Гитара не была ни к чему подключена, но выдавала совершенно явный, чистый металлический звук, и сама по себе слегка светилась золотом. Лица сидящего на диване Ромка сначала не разглядел, — его закрывали тяжелые красные космы, спускающиеся до пояса. Но потом человек повернул к Ромке лицо, и лицо это было знакомым до боли.

Ромка не успел даже произнести его имени. Мйар (а он ли это был?) поднес палец к губам, мол, тш-ш!

Ромка быстро глянул на Варамиру. Она не обращала на Мйара ровно никакого внимания — шла себе дальше. Ромка даже было слегка испугался, что она, раз не видит Зубоскала, то не заметит и диван, споткнется и хорошенько навернется — но нет, Варамира спокойно обошла диван и проследовала вперед. Она шла не оборачиваясь, и вскоре скрылась в набежавшей красной дымке.

Ромка подошел ближе к дивану, глядя недоуменно на красноволосого знакомца с сияющей гитарой в руках и не зная, пора ли начинать радоваться или стоит все же насторожиться.

— Здравствуй, — произнес Мйар, откидывая за плечо тяжелые красные пряди и опирая

гитару на бархатную спинку. — О Варе не волнуйся. Я закрутил ту дорогу в петлю — она будет ходить здесь, пока мне не надоест. Меня она не видит. Мы можем поговорить.

— Поговорить? — тихо повторил за ним Ромка. Мальчик понял, что манера выражаться у красноволосого крайне не похожа на оную у Мйара. Что-то в нем было не так. Кроме волос. Совсем не так.

— Меня зовут Мартин Майн, — представился мужчина, поднимаясь с дивана и прихватив с собой гитару. Протянул руку Ромке. — Давно не виделись.

— А вы... кто? — недоверчиво спросил Роман, руку все-таки принимая: непривычный он был ко всем этим магическим условностям и еще не до конца верил в опасность, которую представляют собой рукопожатия для магов.

— Ну, как бы так быстро разъяснить-то, — Мартин постучал пальцем по подбородку. — Я... У меня, вообще-то, много имен. Я — хранитель непройденных дорог и последний хозяин Духа Огня. Но это все чепуха, конечно же. В общем и целом, я — тот, для кого твой уважаемый предок создал вот это тело, которое ты знаешь под именем Мйара Вирамайна. Ты только не пугайся: личность Мйара никуда не исчезла, никто не "убил" прошлого хозяина. Просто я наконец вспомнил свое настоящее имя и предназначение. Когда-то, давным-давно, меня называли исключительным чародеем, и это почти что правда. Почти что — потому что я, по сути, сильнее всех когда-либо живших исключительных чародеев. Хвастливо звучит, не спорю, но уж... как есть.

— То есть ты, типа, наш местный бог? — Ромка склонил голову набок. — Но позабытый, хоть и не потерянный, как Потерянный? Или ты — как множество мелких восточных божков, один из?

Мартин очевидно расстроился.

— Если проговаривать вслух, то любое определение типа этого звучит невероятно криво, — поморщившись, он покачал головой. — Я отнюдь не всемогущ. И не вездесущ. И не бессмертен. Но мне очень, очень много лет, и я кое-что могу.

— Что, например? — неуверенно спросил мальчик, оглядываясь. "Бабки" нигде видно не было, и это почему-то нервировало.

— Например, я знаю, как убить Варамиру, — ответил Майн.

Он снял гитару с плеча и взял за гриф. Гитара мигнула, вспыхнула чуть светлее и обратилась в золотистый клинок — вытянутый, слегка изогнутый.

— Что это? — спросил Ромка, кивнув на меч.

— Это — ключ от всех дверей, кроме одной.

— Вы его нашли?

— Да. Он всегда был у меня под рукой. Просто я вспомнил все. И вот я здесь. И ты тоже здесь. И Варамира. Момент, понимаешь ли, истины.

— Так и... — Ромка снова оглянулся. Но в красном рваном тумане никого не увидел. Где же Варамира, если дорога и правда свилась петлей?.. Ромка глянул на Мйара, назвавшегося Мартином: — Это что выходит... Дед послал меня к Мйару, зная, что он — это вы? И зная, что рано или поздно мы вместе сможем избавиться от судьбоеда?

— Все так, — кивнул Мартин.

— И... каков план?

— Все просто, — Мартин Майн сдержанно улыбнулся. — В нашем мире и в мороке Варамира бессмертна. Но через Игольное Ушко можно пройти в один из других миров...

— Бессмертна? — Ромка недоверчиво нахмурился. — Но она говорит, что в мороке она

на шаг ближе к смерти, чем в реальности...

— Ну как "бессмертна". Странное это бессмертие. Умирая в реальности, она становится вечным спящим морока и может воплотиться, как ты, наверное, имел радость наблюдать, в новом теле в настоящем мире, полностью по своей воле, неограниченное число раз. Умирая в мороке, она развоплощается. Но, в отличие от человека, который исчезает навсегда, Варамира перерождается где-то снова, в новом теле, в виде совершенно обыкновенного (на вид) человеческого младенца. В определенный момент, как тот, когда у тебя прорезалась сила судьбоплета, Варамира вспомнит себя и свою прошлую жизнь. И ее игра в обретение всемогущества начнется заново.

— Вот как, — Ромка кивнул. — То есть, вы предлагаете вывести ее за пределы нашего мира?..

— Да, — Мартин покосился на раздвоенную вершину Антарг. — Она говорила тебе, как именно ты должен будешь вернуть ей ее силу?

— Нет, — Ромка покачал головой. — Пока что... Может, она думает, что я сам догадаюсь, когда мы придем к Игольному Ушку...

— Вот и мне сдается, что этого-то Варамира и не знает. Ей не известно, как именно работает судьбоплет. Значит, у нас есть возможность ее обмануть.

— И вывести в другой мир, так?

— Так.

— А потом?

— Потом закрыть этот мир на ключ, — Мартин положил светящийся меч на обе ладони — и он превратился в тонкую металлическую свирель. — Все просто. Я сыграю мелодию задом наперед.

— И... — мальчик замешкался. В голове, как назло, вертелось все, что угодно, кроме чего-нибудь осмысленного и здравого. Вот, например, этот ключ, который Мартин держит в руках, — он только в вытянутые вещи превращаться умеет, или во что-нибудь круглое или чашеподобное тоже?.. Ромка встряхнул головой, отгоняя неуместные вопросы, и попробовал задать правильные: — И кто поведет ее в другой мир? Если вас она не видит... получается... Да если и увидит, вряд ли... о... ох. Кажется, я начал понимать.

Мартин Майн вздохнул. Посмотрел на Ромку с сочувствием.

— Ну... ты уж прости, что я не придумал плана получше. Я старался найти какой-нибудь еще путь, но тщетно. В этом мире она бессмертна. А ключом от всех дверей, кроме одной, может пользоваться только владелец Духа Огня, и только этот ключ может запечатать один-единственный проход между мирами. И, так уж вышло, не изнутри.

— Патовая ситуация, — тихо проговорил Ромка.

И все бы ничего. Вот только он чувствовал, что не готов жертвовать собой. То есть, чудеса — чудесами, морок — мороком, и обитателей родного края, конечно, надо бы защитить от судьбоеда, но...

— Я вижу вполне понятное сомнение в твоих глазах, — произнес Мартин, внезапно оказавшись намного ближе, чем был.

Ромка вздрогнул под пронзительным взглядом ярко-зеленых, почти изумрудных глаз.

— Но я еще не все тебе сказал, — Мартин ухмыльнулся. — Не дрейфь. Ты успеешь выбраться обратно прежде, чем я закрою иной мир на замок. Иначе, обещаю, — я не стану его закрывать.

— То есть, я отведу ее туда, каким-то образом там оставлю, а потом вернусь обратно, и

тогда... — пробормотал Ромка.

Набежал легкий ветерок, принесший несколько лепестков темного пепла, бросивший красные космы Мартина ему на грудь и шею. Мартин взял светящуюся флейту в одну руку, и та, моргнув, снова стала гитарой. Мартин повесил ее на плечо. Он смотрел куда-то за Ромку. Мальчик обернулся: из тумана вышла Варамира. Лицо ее было все так же напряжено, а взгляд — целеустремлен.

— Ты зачем вперед убежал? — спросила она у мальчика. — За мной иди! Мало ли. Тут же белые волки! Ты разве не видел?..

— Иду, иду, — нетвердо произнес Ромка, боясь, что Варамира раскусит уловку.

Но она, обойдя его, двинулась вперед, даже не глядя на Мартина.

Обошла диван и снова скрылась в красноватом тумане.

Через несколько долгих, как жизнь, секунд, Мартин сказал:

— Ну?.. Да или нет?

Ромка молчал. У него в голове никак не могло уложиться кое-что... Мартин, конечно, не судьбод. Он, судя по всему, и правда — могущественный маг, раз связал дорогу узлом, а судьбод не чует и ведется. Он предлагает очень странный и пугающий способ избавиться от Варамиры. Притом этот способ явно не безопасен — насколько могут быть безопасными подобного рода дела. А вдруг, если Ромка согласится, то не успеет выбраться прежде, чем Мартин закроет проход между мирами? Что это будет за проход? Сверкающий овальный портал в сантиметре над землей? Или озеро какое-нибудь, или колодец... И что это будет за мир? Если Варамира останется там, то, выходит, она будет приносить зло существам, живущим за гранью... Как-то все крайне непросто. А ощущение создается, что решать надо прямо сейчас.

— Безвыходная ситуация — это та, очевидный выход из которой нам не нравится, так? — проговорил Ромка, медленно поднимая взгляд на Мартина. — И... мне всегда хотелось узнать... Что будет, если Варамира получит свои силы обратно? Каким именно злом она обратится? Какую опасность таит она в себе?

Мартин сжал губы в тонкую полосу. Вдохнул через ноздри. Выдохнул. Плечи его ссутулились, волосы упали на лицо. Наконец он заговорил, горько улыбаясь:

— Ну да, да, конечно. Дети... Люди. Людские дети никогда не любили историю. Я сам таким же был. Правда. Так что... Разреши опустить краткий экскурс в историю континента и попробуй вспомнить, кто развязал Войну Причин, и почему вообще она началась.

Ромка молчал.

— Честно говоря, я никогда не мог понять, почему и зачем войны вообще происходят, — признался мальчик. — Почему люди подчиняются приказам своих главнокомандующих? Зачем все это? Почему выбирают быструю смерть, даже пускай их жизнь не похожа на горячий шоколад? Нет, мне всегда сложно было это понять. И я не помню, почему началась Война Причин.

— Ну, что люди... пирамида власти, парадигма насилия, агрессивный кровавый альтруизм, все дела. Это у человека в крови, — Мартин вздохнул. — А что касается Варамиры — так знай: она очень любит жизнь и любит жить. До крайности. Ей кажется, что наиболее жив человек на грани смерти, в душевном порыве, на пике неразделенной любви, когда он буйствует, ярится, решается, кричит и стонет. И самой ей тоже хочется вершить судьбы, и чем глобальнее — тем лучше. Более сорока лет назад она, при помощи своей особенной силы, добилась крайне высокого положения при дворе и надоумила принца

развязать войну. Тогда магия слова была еще в ходу, и ей не стоило больших усилий найти чтеца, который бы помог ей восстать... Ах да, принц сошел с ума и, покуда она не успела забрать все его силы, заколол ее во сне. Восстав, Варамира возобновила свой путь наверх, в этот раз — забирая судьбы юных колдуний, избранных быть Мйару приемными матерями...

— Так она мне не врала про колдуний...

— Ни разу. Вот только ни одной из них, на самом деле, не судьба была поперхнуться куриной костью или сломать шею при прыжке в бассейн.

— А откуда вы все об этом знаете? — нахмурился Ромка.

— Дух Огня, — Мартин развел руками, — страшная сила, на самом-то деле.

В тумане позади снова прорисовался силуэт Варамиры. Выйдя ближе, она прикрикнула:

— Ну! Я же просила тебя не выбегать вперед! Это — морок, тут надо быть начеку!

— Да-да, я понял, — кивнул Ромка уже смелее, провожая Варамиру взглядом.

— Когда она пройдет здесь снова, я отпущу петлю, — сказал Мартин. — Решайся. Если ты не уведешь ее в другой мир сейчас, я убью ее просто так. У нас появится передышка сроком примерно в десять лет. Но потом дороги снова сведут нас, так или иначе.

— И это будет длиться вечно? — спросил Ромка.

— Это и так уже длится слишком долго. Намного дольше, чем следует.

— И ты говоришь, что я успею вернуться обратно?

— Успеешь, — кивнул Мартин.

Откуда-то снова подул ветерок. Но в этот раз он и не думал утихать. Тяжелые, горячие ветряные струи плеснули Ромке в лицо, откинули со лба густую челку, вздули футболку, как флаг. Ветер крепчал, сгоняя с плато красноватый туман, перекидывая кувырком мелкие осколки черного стекла.

— Врешь, — сказал мальчик.

С него, как лепестки сухих цветов, как крылья мертвых бабочек, стала слетать его внешняя оболочка. Образ, вытравленный ветром, был совсем иным. В мгновение ока на плато стоял уже не мальчик, но муж: высокий, статный, с простыми и правильными чертами лица. Он был одет во что-то свободное и белое вне стилей и времени. Единственное, что осталось от Ромки, — длина и цвет волос, да глаза — темные, раскосые, хищные.

— И правда, очень давно не виделись, — произнес Даньслав, протягивая Мартину руку: — Отдай мне ключ. Ты не вправе решать судьбы миров. Особенно — этого. Нарешался уже.

— Я был раньше тебя.

— И к чему это привело? — Даньслав обвел рукой вокруг себя, как будто бы там было что-то еще, кроме освещенного множеством лун черного стекла. — Ты оплошал и, поддавшись человеческой слабости, вырвал Сердце Мира. Мне же понадобилось много времени, чтобы понять, какова моя роль в этом всем. Только мы — я и судьбоед — смогли вернуть на круги своя течение судеб и ход истории. Каждый по-своему, да, и пускай методы Варамиры — не самые лучшие... Но мы стали новой точкой опоры. Наша борьба — это ось волчка, единственное, что поддерживает равновесие.

— Ты всегда был не в себе, — прошептал Мартин, отходя на шаг. — Как и все, кто повелся с нею, — ты сошел с ума, сам о том не подозревая.

— Мы не можем сойти с ума, — спокойно ответил Даньслав, делая шаг вперед и не опуская руки. — Дай мне ключ.

— Зачем ты вообще призвал меня? — вспыхнул Мартин. — Зачем выдрал из морока, к которому я давно привык?

— Ты был нужен мне для того, чтобы остановить Войну Причин. Мйар, к несчастью, оказался слишком... слишком человечен, чтобы обуздать Дух Огня, хоть и готов ради нас на все... Но мне нужен был такой, как ты, тот, кто уже однажды справился с Духом, кто объездил животное в последний раз. Вот мы тебя и призвали обратно, что уж тут непонятного? — Даньслав развел руками. — Радовался бы. Иначе, зачем ты запер себя в том дереве, если не для того, чтобы однажды ожить?

— Я вообще не планировал умирать, — Мартин фыркнул. — Сам знаешь — это была перестраховка, оказавшаяся... не бесполезной. И уж наверняка я не хотел возвращаться к жизни в искусственном, рукотворном теле, владелец которого — упрямый четырехлетний ребенок с неуравновешенной, сломанной психикой, который не может успокоиться, пока не свершит свой долг.

— Ты — на удивление болтливый и глупый маг, — произнес Даньслав, приближаясь к Мартину еще на шаг. — Хотя, казалось бы, — столько жизней прожил, столько всего свершил, столько крови выпил, так долго владел Духом Огня... И ты — совершенно, удивительно не тот, кто мог бы помочь всем нам. Я-то думал, Исключительный Чародей будет... как бы так сказать? Более благородным, что ли?

— Кто бы говорил, судьбоплет.

— Я уже получил свое.

— Так какого же хрена ты сидишь в этом маленьком мальчике, старый кретин? Изыди из него! Исчезни! Растворись в мороке, как и положено мертвецу! Оставь мальчишку в покое!

— Ты же знаешь, я не могу. Иначе мы бы с тобой тут не стояли и не точили ляды. Я прошит в моих потомках с изнанки. Я не могу окончательно умереть. И ты не имеешь ровным счетом никакого права обвинять меня хоть в чем-то. Ты сам соврал мальчишке, тем самым пробудив меня окончательно. Не нужно было скрывать, что ключ уничтожает миры, и что на самом деле ты желал загнать в небытие и Варамиру, и меня.

— Да это же просто праздник какой-то! — Мартин всплеснул руками. — В таком случае, почему бы нам не вернуться к моему первоначальному плану?..

Даньслав вздохнул.

Повернулся к Варамире, которая как раз подходила сзади, — ей оставалось метров тридцать.

— Ты видишь Мартина Майна, каков бы он ни был, — произнес Даньслав.

Варамира, подойдя ближе, сначала недоверчиво уставилась на Даньслава, а потом медленно перевела взгляд на Мартина Майна. Глаза ее расширились, наполняясь одновременно ужасом и яростью.

Майн поднял руку — он держал в ней ключ, пребывающий в форме веретена. Веретено, моргнув, превратилось в золотой револьвер. Мгновением позже Мартин выпустил в Варамиру шесть пуль, похожих на сгустки света. Сияющие снаряды оставили в теле Варамиры шесть аккуратных круглых дыр, хоть от ударов женщина даже не пошатнулась. Ее этим светом насквозь прожгло. Она быстро глянула на себя, потом на Майна, и тогда взревела — совершенно нечеловечески.

Ее лицо по-звериному искривилось, смуглая гладкая кожа стала лопаться и сползать, неестественно и быстро, так, как растут цветы в кадрах, снятых ускоренной съемкой. Под оливковой человеческой оберткой кипела отвратительная масса, черная, блестящая, словно окружающий их обсидиан. Чернильная плоть бурлила, вспениваясь и разрастаясь, превращая

колдунью в нечто огромное и невообразимое, ошетилившееся рядами черных маслянистых отростков. В мгновение ока Варамира обратилась четырехлапым зверем с угловатой высокой холкой и россыпью красных глаз по всему телу. Зверь разверз четыре резных крыла и ударил по вулканическому стеклу хлыстообразным хвостом. Стекло треснуло. Зверь глухо рычал, скаля черные клыки, и бил хвостом из стороны в сторону, загребая когтистой лапой осколки стекла.

— Вот это ты защищаешь? — крикнул Майн, отставляя назад руку. Револьвер в ней моргнул золотом и превратился в длинный, тонкий, слегка изогнутый меч.

Мартин, чиркнув лезвием по обсидиану, выставил меч в защитную позицию.

— Ну давай, тварь, покажи, на что ты способна. Я долго этого ждал. Ну!

— Мартин, ты смертен, — сказал Даньслав, и голос его прогремел на весь морок. — В отличие от нас. Лучше уходи, прямо сейчас. Варамира и так обречена, но сейчас она — черный дракон печали, и эта тварь настолько любит тебя, что разорвет на части!

— А, точно. Смертное тело, — сказав это, Мартин ловко перевернул меч в руке несколько раз. Меч обратился коротким кинжалом. Мартин всадил лезвие себе в солнечное сплетение и провел им вниз, даже не скривившись.

И из его живота полезло что-то светящееся, острое, перепончатое. То ли ветер, то ли свет ударил разом во все стороны. Луны, обступившие вершину Антарг по кругу, дрогнули и стали кружиться, ускоряясь, как будто задумали водить хоровод.

Из тела Мартина вырвался, увеличиваясь и расцветая, другой зверь — золотистый, сияющий, и голову его венчал пламенеющий белый рог. Существо, капая на обсидиан искристой переливчатой кровью, все длилось и длилось, выныривая из тела Мартина в реальность, подсвечивая ее солнечным золотом. Выбравшись полностью, оно распростерло белые крылья, окутанные пламенем, и, раскрыв пасть, издало чудовищной громкости звук, прокатившийся по мороку стократным эхом, похожий одновременно на плач тысячи новорожденных младенцев и на переливчатый звон разбивающихся витражных стекол.

Человеческое тело Мартина Майна осело на гладкий обсидиан, дергаясь и истекая золотом.

Сияющий зверь, резко прыгнув, очутился прямо возле Даньслава. Маленький светловолосый человечек (таким он казался в сравнении с сияющим крылатым существом) смотрел совершенно бесстрашно в черные бездны глаз огромного пылающего дракона, и выстоял, когда поток воздуха от драконьего рева обдал его жаром доменной печи.

Черный зверь, разбежавшись, прыгнул, и ударил золотого в бок. Сил у черного оказалось достаточно, чтобы откинуть золотого дракона далеко от Даньслава. Еще до того, как огненный зверь приземлился на четыре когтистые лапы, черный дракон снова прыгнул и, устремившись сначала вверх, сложил резные крылья за спиной и спикировал на золотого, впиваясь тому в мясистую плоть, укрытую сверкающей чешуей и огнем.

Юркие длинношеее чудовища сплелись в титанической поединке, расплескивая в воздух фонтаны битого вулканического стекла, расплескивая вокруг черную тягучую кровь.

— Да, цвет крови у вас один, — произнес Даньслав, глядя на поединок издалека. — Дух Огня — это вывернутая наизнанку Мертварь. Вот и все.

Он не стал ничего менять.

Он решил, что на этот раз судьба должна быть слепа.

И яростные чудовища, извиваясь и рыча так, что в толще Антарг прибавлялось трещин, рвали друг друга без пощады и устали. Вскоре золотого дракона стало трудно отличить от

черного — он был весь в крови, в своей и в чужой. Но вырывающиеся из ноздрей тонкие языки пламени выдавали его с головой. Он с усилием отбросил черного вбок, так, что тот стукнулся об левый отрог Антарг и сполз вниз. Черный дракон собрался с последними силами, и, вытянувшись, прыгнул на золотого, но тот, устремившись наперерез, впился черному в горло и резким рывком сломал мощный хребет.

Золотой зверь придерживал бьющееся в агонии тело черного у самой поверхности плато. Вдохнув с хрипом, он выплюнул на черного сгусток багряного пламени, и дышал огнем, пока черный дракон не затих, а тело его не осунулось, начав стремительно таять. Только когда оплавленная морда черного дракона утратила всяческие очертания, золотой перестал изрыгать пламя.

Казалось, черный дракон вплавился в обсидиан, из которого слеплена Антарг, — от него не осталось ни чешуи, ни клыков, ни костей.

Ничего.

Золотой дракон обернулся к человеку, стоящему на том конце плато. Луны прекратили свой яростный хоровод так же внезапно, как начали.

Даньслав оказался совсем рядом к заляпанному кровью чудищу, а сам дракон вдруг стал намного меньше, чем был. Даньслав взял его за морду и, приподняв, заставил посмотреть себе в глаза.

— Теперь твоя судьба такова: ты уйдешь снова и сделаешь то, ради чего ушел впервые, но сделать, увы, не смог. Дух Огня забирай с собой, но ключ ты оставишь мне.

Морок моргнул. Высокий статный мужчина оказался мальчиком лет четырнадцати с растрепанной светлой челкой и раскосыми темными глазами. Огромный драконоподобный зверь стал человеком, тяжело опирающимся на одно колено. Человек был изранен, тяжело дышал. По плечам его рассыпались ярко-красные длинные волосы, спутанные, слипшиеся, грязные; тело было исполосовано кровоточащими ранами и царапинами по четыре штуки в ряд; но взгляд его, несмотря на усталость и толчками струящуюся из ран кровь, все еще пылал неудержимой яростью.

— Вставай и иди, непутевый, — сказал мальчик. — Стань тем, кем тебе положено быть. Знаешь же, в жизни у каждого есть то, что он должен сделать. И должен сделать сам.

— И что же будешь делать ты, когда я вернусь? — спросил Мартин.

— Я буду ждать тебя, чтобы не дать ничего изменить.

— А если я изведу всех твоих потомков — в ком ты проявишься, а? — человек, поднявшись, рывком ухватил мальчика за шею, и, сдавив ее обеими руками, приподнял легонькое тельце над гладкой поверхностью стекла.

Мальчик смотрел сначала расслабленно и безэмоционально, самоуверенно, но потом его глаза широко распахнулись, и он стал судорожно царапать держащие его руки, пытаясь кричать. Но изо рта его не доносилось ни звука.

Мартин Майн, сдавливая шею мальчика, говорил глухо и яростно:

— Что? Не так уж хорошо твое бессмертие? Реинкарнации — разве ж это настоящее величие? Это каторга, растянутая на века. Вы прокляты, и никак не можете этого понять. В одном ты прав: я вернусь. И я найду способ вырезать вас из утробы мира, не покалечив его. И мое снова станет моим.

Он опустил мальчика на гладкую поверхность обсидиана почти даже ласково и осторожно. Тело безвольно распласталось на вулканическом стекле.

Мартин Майн, стряхивая с себя раны, словно засохшую грязь, перешагнул через

мальчика и пошел вперед. Вскоре его силуэт стал полупрозрачным, а потом и вовсе растворился в свете сорока иллюзорных лун.

Морок ложился под крыло податливо, как кошка под ласковую ладонь. Казалось, это пространство создано для тех, кто умеет или хотя бы хочет летать.

Широкие серо-синие крылья, хлопая, поймали восходящий поток, и, работая парусом, затормозили стремительный полет.

Камориль коснулся носками ботинок черного обсидиана. Стоило ему свободно встать на выщербленное стекло, Лунь отделилась от него и снова взлетела ввысь, заложив крутой вираж, невозможный для нее, когда она с "седоком".

— Далеко не улетай, — произнес некромант негромко.

Он не был уверен, послушается ли его Лунь, но подозревал, что должна.

Над Антарг царила вечная ночь. Луна, зажата между двух рогов, мерцала ровным, холодным светло-зеленым, похожая на ажурный хрустальный шар, превращая туман над плато в призрачный серый саван.

— Что ж тихо-то так, — поежился некромант, двигаясь вперед, к расщелине между скал. — И мертвых не видать... А ошибиться местом я не мог. Никак не мог.

Он еще издали видел вспышки тьмы и света, какие до этого видал лишь на картинках. В небе билось два юрких, огромных зверя, и не на жизнь, а на смерть. Каждый, кто пребывал в мороке, так или иначе видел эту битву. И Камориль знал: согласно координатам, дело происходит как раз над горой Антарг. И это — оно.

Преставление закончилось совсем недавно. Странно, как быстро все здесь успокоилось, притворилось неживым. Как не было ничего.

Под ноги некроманту, захрустев, легла выщербленная стеклянная крошка. Он увидел в ключьях тумана яркую точку — что-то красно-синее... Пошел быстрее, переходя на бег.

Ромка.

Камориль, встав рядом с мальчиком на колени, быстро пробежался пальцами по его шее в темных характерных отметилах и с облегчением выдохнул. Жив, сорванец. Живее всех живых.

Камориль потряс мальчика за плечо. Ответом ему стали приоткрывшиеся темные глаза.

— Ну, что вы тут? — спросил Камориль. — Мир спасли? Злодеев порешили? Где Мйар? Или... Мартин... кто там из них сейчас в его теле...

Ромка, жмурясь, сел. Брови его сошлись к переносице, когда он, оглянувшись, понял, где находится.

— Ох ты ж... — прошептал он. — Я помню все... все, что случилось, помню... Боже ж мой, какая эпическая жесть... Кошмар... Я... Это был я, все это время, но... — он ухватился за голову руками, — но и не я... и я ничего... ничего не смог сделать! Я не смог остановить его! И он прямо сейчас во мне! Все еще во мне!

— Успокойся, — Камориль встряхнул его за плечо. — Ты жив, цел, я здесь, — и пока что тут нет никого, кроме нас. Мйар где?..

Ромку трясло.

— Ну что ж ты будешь делать, — Камориль провел рукой по поясу и вытащил ярко-розовую пробирку, вынул пробку зубами, и, схватив мальчишку за волосы, запрокинул ему голову и насильно влил в горло вязкую жидкость.

Ромка отшатнулся, припал ладонями к стеклу, закашлялся, выплевывая часть зелья.

Прокашлявшись, снова сел.

— Ну? — сурово произнес Камориль. — Успокоился?

Ромка кивнул.

Камориль встал, оглядываясь.

— Он должен быть где-то там, — Ромка показал рукой в сторону Игольного Ушка. — Недалеко. Но... Я не уверен, что... В общем... — Ромка сглотнул. — Надо спешить.

Камориль, не дослушав, уже шел в указанном направлении.

— Нить очень тонкая! — крикнул ему вслед Ромка.

Камориль и сам это понял к тому времени, глянув на морок своим особенным глазом, тем, что голубоват. Тонкая, тонкая, слишком тонкая нить. Одна единственная.

Сердце гулко ухало в груди так, что, казалось, его должен слышать весь морок. Тонкая нить — ничего хорошего. Как никогда. Совершенно определенно ничего хорошего.

Камориль, пройдя уже с километр, все еще никого не видел. Где же он?.. В какую дыру забросило этого рыжего полудурка?

Обсидиан оцетинился острыми сколами. Сюда, очевидно, пару раз падал какой-то из огромных змеев или брал здесь разбег, взрывая вулканическое стекло мощными когтями. Еще и этот мерзкий, обманчивый туман, заполняющий выемки и низины. Камориль ненавидел прямо сейчас каждую крупинку его взвеси всем своим существом.

Некромант, попеременно оглядываясь по сторонам, шел вперед. И вот, когда луна в клешнях Антарг стала светло-лиловой, он заметил вдали смутный скрученный силуэт, резко выделяющийся на фоне черного стекла. Камориль не мешкая устремился туда, и сердце в груди стучало набатом, выбивая быстрый тревожный ритм.

Мйар лежал в луже золотистой крови, которую Камориль узнал: Мертварь. Некромант рухнул рядом с ним на колени, касаясь шеи так же, как и Ромкиной до этого, для того, чтобы в этот раз не нащупать пульса. Камориль прошиб озноб. Он еще раз приложил пальцы к едва теплой коже, и все-таки распознал биение крови. Тонкая-тонкая нить. Слишком тонкая.

И только потом некромант обратил внимание на развороченный Мйаров живот, заляпанный золотом, и лишь оттого не похожий на обычный эксперимент по вскрытию, проведенный начинающим неряшливым врачом.

Камориль затрясло.

— Вы должны сделать что-то, — послышался голос сбоку. Камориль резко обернулся — Ромка, безвольно опустив руки, стоял рядом. — С деревом он больше не связан, и Духа Огня в нем нет. Вам нужно сделать что-то, иначе он очень скоро умрет.

Камориль, почти рыча, рявкнул:

— Ты ж судьбоплет! — глаза некроманта сверкали яростью и отчаянием. — Ты хоть чему-нибудь научился, пока гулял здесь?..

— Я вижу, что путь есть, и... вы должны что-то сделать.

Камориль дрожащими руками стал ощупывать Мйаров живот, складывая кое-как, как умел и помнил, все, что нашел.

— Что-то сделай, говоришь, — пробормотал Камориль. — Я — некромант, а не целитель! О, высокое небо, почему здесь нет Эль-Марко... Что ж я так, а... не предусмотрел... Точно! Эль-Марко...

Камориль пробежался пальцами по поясу с зельями, нащупывая концентрированный эликсир регенерации. Вынул пробку, и стал обильно поливать Мйару развороченное нутро.

— Что я делаю, что я делаю, — приговаривал он.

Открыл еще одну пробирку — светло-голубую. Впился пальцами в плотно сжатые зубы Мйара, заставляя его раскрыть рот. Влил ему в горло лазурную жидкость, приподняв голову. Это должно замедлить метаболизм так, чтобы у них оказалось чуть больше времени. Как среагируют вместе зелье ускоренной регенерации и замедляющее метаболизм, Камориль предпочел не задумываться.

Он понял, что дышать Мйар перестал. Озноб прошиб Камориль с макушки до пят. Некромант быстро пробежался дрожащими руками по едва теплой коже, заляпанной золотом, нащупывая нужное ребро, и, ощущая под ладонями медленное, угасающее биение сердца, стал давить, высчитывая ритм. Было тяжело сдерживаться и не колдовать, — все-таки Камориль был на взводе, а так давить на сердце... Это очень похоже на то, как он создает зомби — горячих или холодных, без разницы. Очень похоже.

Камориль замер, когда к нему пришло понимание того, что нужно сделать.

Мйар дернулся. Его веки дрогнули, и он, скрутившись узлом, закашлялся.

— Тш-ш, тихо, тихо, сознание это конечно хорошо, но это не совсем то, что нам... — начал приговаривать Камориль. — Ох ты ж, Мйар, я ума не приложу, как там у тебя все срослось, и вообще... достаточно ли этого...

— О, — простонал Мйар, снова ложась на спину, — Камориль... — он поднял на некроманта замутненный взгляд, кое-как его сфокусировав. — Что ты... совсем бледный... Слушай... не реви.

— Тихо! — рявкнул некромант. Он на самом деле знал теперь, что нужно делать. Был путь, и правда. Пускай он ему и не нравился. Очень. Сильно. Не нравился. Камориль вытерев нос запястьем, утробным жестким голосом, почти рыча, вбивая каждое слово, как штырь, стал говорить: — Скажи, что вверяешь мне свою смерть.

На обветренных губах Мйара блуждала странная, блеклая улыбка.

— Ну! — Камориль вцепился пальцами в его плечо.

Мйар, вдохнув, будто что-то хотел сказать, осекся. Потом все же произнес, медленно, тихо, отрешенно:

— Хочу домой...

— Скажи мне, что вверяешь мне свою смерть! Повтори! — кричал Камориль.

— ...к тебе, — произнес Мйар. Скривился каплю. — И да, да... вытащи когти... из меня. Я вверяю тебе свою смерть. И жизнь, и вообще все, что хочешь... то и вверяю. Только дай мне спокойно сдохнуть.

— Ну уж нет.

Камориль снова провел пальцами по поясу с зельями. Вот ведь — пригодился, так пригодился. Достал очередную колбу, на этот раз — светло-оранжевую, и выпил залпом, не разобрав даже привкуса. Чувствуя, что зелье начало действовать почти мгновенно, Камориль, пошарив вокруг, взял в правую руку тяжелый скол вулканического стекла, острый по краю. Зажмурившись, размахнулся и в один удар отсек себе мизинец на левой руке.

Голубая кровь смешалась с золотом. Зелье не успело подействовать до конца, но Камориль усилием воли сдержал порыв и не заорал.

Отсеченный палец, валяясь на черном стекле, самопроизвольно сжимался. Это было... странно, но удивляться некогда. Действовать нужно очень быстро.

Камориль достал из кармана рубашки мешочек чужих костяшек и кинул на стекло свободным полукругом, как будто посеял зерно. Из другого кармана он вынул миниатюрную

шкатулку, — в ней был особенный, редкий и дорогой ингредиент — прах не рожденных человеческих детенышей. Он зачерпнул серую массу двумя пальцами и обильно смазал Мйару лоб, губы, запястья и живот в районе солнечного сплетения.

Свой отрубленный палец некромант положил Мйару в рот, благо, тот снова прикрыл глаза. Достав с пояса темно-фиолетовое зелье, Камориль залил его сверху. Лиловая жидкость вспенилась, соединившись со слюной, и потекла густыми ручейками Мйару по щекам и подбородку. Мйар, выпучив глаза, попытался ее выкашлять и выплюнуть, но Камориль закрыл ему ладонями нос и рот так, чтобы тот вовсе не смог дышать.

— Если есть конечная точка у нашей свободы, то она будет здесь, — произнес некромант, легко справляясь со слабыми попытками изможденного тела сбросить его руки и высвободиться, колдуя безмолвно один из самых страшных ритуалов, известных ему и срабатывающих наверняка. Ритуал описывается в томе "Тьма" тайной антологии "Торжество". Второй том называется "Тлен", и мало кто прочел его до конца, сохранив рассудок.

Откуда-то у Мйара появились силы на борьбу. Но сопротивление это было смешным. Камориль, скрепя сердце, творил свое смертельное волшебство, и если б его золотые глаза были хоть чуть более человеческими, то слезы стекали бы по щекам ручьем.

В тот момент, когда Камориль закончил и отнял измазанные кровью и зельем руки, Мйар судорожно дернулся в последний раз и затих.

Камориль била крупная дрожь.

Это был его первый полуживой.

Первый и последний, — некромант знал это наверняка.

Тело Мйара быстро обмякло — он будто бы провалился в тяжелый, глубокий сон. Но это было не так. Он смотрел прямо вверх немигающими глазами, в которых застыли боль и панический ужас. Фиолетовая луна вздрогнула, тени странно переменялись, и из разбросанных вокруг неподвижного Мйара косточек, как из настоящих семян, стали стремительно расти темные, шипастые стебли.

Камориль попытался сморгнуть иллюзию морока, но здесь у происходящего были свои законы. На острых концах побегов набухли тяжелые, темные бутоны, и в следующий же миг они начали раскрываться, являя вечной ночи над верхним плато Антарг шелковистые влажные лепестки, закрученные в тугие соцветия иссиня-черных роз.

Камориль сидел недвижно возле тела Мйара, оплетенного синими розами, уже долго. По крайней мере, ему так казалось. Из темных глубин собственного разума его вырвал голос Ромки:

— Что вы сделали?

Камориль медленно повернул голову к мальчику, вспомнив, что тот, вестимо, наблюдал ритуал с начала и до конца.

— Я создал из него полуживого.

— А почему вы плакали, когда создавали его?

Камориль замер, а потом, ссутулившись, глубоко вздохнул.

— Да как вы все понимаете, что я... — он зарылся пятерней в упавшие на глаза волосы.

— У вас лицо кривится, хоть слезы и не текут, и это на ярость не похоже совсем... как будто бы.

— О-ох.

Камориль хотел было сложить руки замком, но тут же отдернул левую ладонь. Посмотрел на нее хмуро, как будто бы не узнавая.

— Каждый некромант может сделать столько полуживых, сколько ему не жалко пальцев.

Камориль потянулся искалеченной рукой к Мйару. Провел по холодному плечу черту до локтя, упершись оставшимися пальцами в шипастый побег. Боль, распространяющаяся от раны, которая будет заживать еще долго, странным образом обостряла тактильные ощущения.

— Некоторые так увлекаются, что становятся инвалидами, окруженными рабами со всех сторон, — продолжил Камориль.

— Рабами? — переспросил Ромка.

— Прислужниками, скорее. Рабами их кличут ненавистники и злопыхатели гильдии... да что ж это я. Полуживой, он... в отличие от горячего или холодного зомби, целиком сохраняет рассудок, — голос Камориль звучал глухо, монотонно и как будто бы издалека, — но сердце его молчит. Полуживые лишены чувств, бесстрашны. Они проживают вторую жизнь, взятую взаймы у вечности, рационально и тихо. Некромант может убить своего полуживого в любой момент, на любом расстоянии. Полуживому ничего от хозяина не скрыть. Вред, причиненный некроманту, будет мгновенно и автоматически перенаправлен на полуживого. И я... после того, что он сказал мне... пускай и в бреду, но... мне остается только корить себя за то, что я сделал. Всю оставшуюся жизнь. Если я, конечно, вообще смогу...

— Но ведь вы должны были что-то сделать, — настойчиво перебил его Ромка. — И что другое бы вы могли?..

Камориль долго не отвечал. Вздохнул.

— Я мог позволить ему умереть. Нормально. Достойно. По-человечески. Или.. попытаться вытащить его из морока... Я мог хотя бы попробовать успеть, — он уткнулся лбом в дрожащие влажные ладони, понимая, что все эти "мог бы" не стоят ломаного гроша.

Не мог.

— Не успели бы, — Ромка покачал головой. — Вы должны были что-то сделать, иначе нить оборвалась бы совсем. А теперь, я вижу, что эта тонкая нить сплетена с вашей судьбой. Крепко. Дальше, правда, она теряется среди других светящихся нитей...

Камориль ничего не ответил.

Ромка кашлянул в кулак.

— Я тут рюкзак нашел с тяжелым чем-то... ваш, наверное?

Камориль бесстрастно глянул вбок:

— Мой.

— А что там?

Камориль вздохнул.

— Пока мы тебя искали, — а мы тебя искали, — успело много чего произойти. Когда доберемся до дома, я все тебе расскажу, если пожелаешь. Но ты тоже должен нам всем увлекательную историю... слышишь?..

— Да уж, — Ромка хмыкнул так же невесело. — Но ведь на самом деле... Вы... ведь... — он замялся.

Камориль не стал переспрашивать.

— Не вы ведь на самом деле виноваты, — выпалил Ромка, сжав кулаки.

— Давай не будем, — хмуро ответил некромант. — Толку теперь.

— А может, есть способ вернуть его к жизни? Он же только наполовину мертвый!

Камориль поднял на Ромку тяжелый взгляд. Смотрел долго. Мальчик не отводил глаз.

— Я ведь все еще — судьбоплет! Я видел, как Варамира создает себя из земли! И ведь столько всего произошло! Совершенно невероятного! И...

Ромка замолк. Ему отчаянно не хотелось верить в необратимость. Но прямо сейчас он не мог ничего. Ни Варамира, тяготеющая к секретам и недомолвкам, ни живущий где-то в его крови предок не научили его ничему, по сути. Он только лишь научился более-менее понимать изнанку — и все.

Камориль молчал. Он, покачнувшись, с трудом поднялся на ноги — успел их отсидеть. Проговорил, смотря на Мйара, но обращаясь к Ромке:

— Поможешь мне?

— Нести его? — встрепенулся мальчик.

— Нет... рюкзак. Его... я сам.

— Вы знаете, как нам выбраться обратно? Если что, здесь я немного умею летать...

Камориль смотрел в сторону расщелины, над которой высоко вздымались правый и левый отроги Антарг, темные, загнутые, давящие. "Луна" между ними была золотой.

— Мы пройдем через Игольное Ушко, — сказал некромант.

— Ребята, может быть, вам стоит пойти домой? — сказала Никс.

— Никола, почему ты обращаешься ко мне во множественном числе и называешь "ребятами"? — удивился Ари. — Я же один тут с тобой сижу!

— Ну блин. Тиха с Рином, кажется, не такие буйные, как ты. Главное — выгнать тебя, а они сами уйдут.

— Но зачем нас выгонять, я не понимаю? Еда тут есть, хата шикарна и пуста, валить отсюда раньше, чем нас попросит хозяин — грешновато! Да и вообще! Вдруг что?..

— Что "что"?

— Вашего удивительного некроманта нет всего лишь день. Ты нифига не жрешь сама, хоть и готовишь, и всем кажется, что все хорошо. Не так надо готовиться к походу в параллельный мир! Ты же сказала, что если вдруг что — то вы пойдете за ним...

— Это Эль-Марко сказал.

— Но я же по тебе вижу, что ты его не оставишь.

— Так и есть.

— Ну и вот! А если я сейчас домой пойду, ты же мне не позвонишь, когда вы туда отправитесь! А без нас — как? С нами лучше! Ну ладно, Тиху оставим тут, как единственного не шибко проклятого. Но ты мне все равно не позвонишь! Потому что я тебе не нравлюсь!

Никс замерла. Эта его фраза на мгновение выбила ее из глухого оцепенения, которое не отпускало Николу вот уже несколько дней. В виски заколотилась кровь, захотелось накричать на элементариста-идиота, и сдерживало только то, что Никс не совсем понимала, что именно она будет кричать.

— Какая разница, как я к тебе отношусь, если... — начала она. — Да какая тебе вообще разница?..

— Мне восемнадцать, я вовсе не бородат, но кое-какие элементы образа... А так же, я имею концепцию, согласно которой планирую стать тем еще сердцеедом, но мой рацион могут составлять только...

— Дурак, — зло фыркнула Никс, встала с кухонного диванчика и пошла искать Эль-Марко.

В гостиной никого не было, так что Никола, прогулявшись еще немного по пустому нижнему этажу, решила подняться наверх. Эль-Марко вместе с Рином и Тихой обнаружили в рабочем кабинете Камориль.

Кападастер сверял с какой-то бумажкой разнообразные предметы, сваленные грудой на широком дубовом столе. Рин сидел в кресле в окружении нескольких высоких книжных стопок. В руках у него был объемный том без названия, отделанный черным бархатом. Тиха расположился на подоконнике, уткнувшись в ноутбук.

— Ну, как ваши дела? — спросила Никс.

Эль-Марко отвлекся от своего занятия.

— У нас — так себе. Но я позвонил Мари и ее тоже подключил. Она провела ритуал вероятностного предсказания, и по ее словам выходит, что, чтобы найти наших смельчаков, нам надо "слушать шум". Как это странное пророчество толковать, у меня никаких

предположений нет.

— Да уж, учитывая первые два, — задумчиво проговорила Никс, — про ключ и сердце... Лучше б и не спрашивал.

— Будет тебе, — Эль-Марко уставился на что-то, похожее на золотистый подсвечник. — Автоматизированный призрачный меч? Да ладно!

— А что нам грозит за использование артефактов гильдии некромантов? — поинтересовалась Никс, присаживаясь на край столешницы.

— Всю вину я возьму на себя, — ответил Эль-Марко. — Если что.

— О! — воскликнул Тиха. — Я нашел страницу каких-то практикующих сноходцев, они утверждают, что знают о мороке больше других!

— Откуда они? — уточнил Кападастер.

— Из столицы, — Тихомир быстро пробежался взглядом по экрану. — Но дизайн страницы настолько похабный, что создается ощущение, будто эти ребята еще школьники... Или просто любят все блестящее и мерцающее. Непрерывно мерцающее.

— И что они?

— Приглашают посетить сеанс, — Тиха покачал головой. — Ни о каких картах речи не идет, о теории тоже. А, точно не то. Тут у них еще раздел с информацией по Потерянному и Пламени Самоубийц. Кажется, они повернутые сектанты. Так что сразу — нет.

— Простите, я не могу сосредоточиться, когда вы разговариваете, — Рин встал с кресла. — Пойду, уединюсь. Если что про морок полезного найду — сообщу.

— Иди-иди, — задумчиво разрешил Эль-Марко.

Никс проводила взглядом Рина, утащившего с собой солидную стопку книг. Повернулась к Эль-Марко.

— Может, я тоже чем помогу?

— Хм. Ну, глянь вот книги, которые Рин оставил. Ты ж вроде хотела обед сообразить?

— А я уже. Что там тот рис варить...

— Просто рис? — удивился Эль-Марко.

— Нет, еще настругала салатик, тосты и карри тушится прямо сейчас.

Перечислив, что успела наготовить, Никс поймала на себе крайне заинтересованный взгляд Тихи.

— Само? — спросил Эль-Марко. — Карри, говорю, само, что ли, там тушится? А не убежит?

Никс махнула рукой.

— Там Ари. Должен уследить. Иначе от него не будет ну совсем никакой пользы!

— Ха-ха, — Тиха закрыл ноутбук, — как ты быстро его раскусила! Я всегда говорил, что братец совершенно бесполезен! Одна головная боль и убытки! Эль-Марко, вы не хотели бы забрать его себе, в рабство?

— Да он больше съест, чем наработает! — ответила Никс за Кападастера. — Зуб даю!

— Я бы сейчас тоже не отказался поесть, — Тиха потянулся. Опустил руки и сложил брови домиком: — Может, ну его? Что-то ничего не ищется. Ощущение, что в сети о мороке ничего нет... или оно все спряталось за стишками, песенками, названиями групп, книжек и сериалов так, что истины не найти...

— Если трое суток истекнут и больше информации нам не попадет, придется идти по той примерной карте, которую набросал Камориль перед отлетом, — порешил Эль-Марко. — И — наобум. Тихомир, — он поглядел на Тиху серьезно, — подумай еще пару раз,

надо ли оно тебе.

— Шанс выйти за грань выпадает раз в жизни, я считаю, — Тиха заправил за ухо салатовую прядь. — Если б вы разрешили мне с собой еще пару друзей взять, я бы вообще счастлив был! Но я понимаю, что информация опасная, и лучше никому даже не знать, что мы об этом знаем, — Тиха глянул на Никс лукаво. — Ну что, пошли спасать карри и давать люлей Аристарху?

Никс было мстительно ухмыльнулась, желая сообщить, что придумала напоить Ари соленым кофе за глаза красивые, но тут из коридора разнесся громогласный топот.

— Люди! — Ари, запыхавшись, ворвался в кабинет. Тяжело дыша, закричал: — Там! Там такое!!! Быстрее пойдете вниз!

— Ты таки не уследил за моим карри! — взревела Никс.

— Неужели горячая блондиночка соблаговолила чмокнуть тебя в носик, и ты хочешь, чтобы это было при свидетелях?.. — захихикал Тиха.

— Да ну вас! — Ари отмахнулся. — Что за бред?! Там... там!!!

— Что там? — просто и строго спросил Эль-Марко.

— Там Камориль, Мйар и еще какой-то пацан мелкий! Кажется.

Никс ахнула.

— Он сделал это, — широко улыбнулся Эль-Марко, поднимаясь из-за стола. — Пойдемте скорее встречать! Ари, как они?

— Ну... — Аристарх, пропуская Эль-Марко в дверь, замялся. — Такие... Как будто бы мешочком пыльным по голове стукнутые. Вы ж учтите, я их особо не знаю. Услышал шум — вышел в гостиную, — а они уже там!

Эль-Марко скрылся за дверью. Никс, кивнув Тихе, поспешила за ним.

Они быстро-быстро минули полутемный коридор. С высокой лестницы, идущей полукругом, была видна вся гостиная.

На бархатном кресле и правда сидел Камориль, а Мйар лежал на диване, отвернувшись к спинке лицом. Выглядели они на первый взгляд крайне потрепанными, особенно — спина Мйара. Эль-Марко как раз уже спустился вниз, и Камориль поднялся навстречу ему, и они обнялись.

— Ты... — пробормотал Эль-Марко.

— Как будто бы вечность успела пролететь, а? — улыбнулся некромант. — Привет, ребята. Как вы тут без меня? Гляжу, дом еще не разрушили. Это хорошо!

— А где... — Никс, тоже спустившись в гостиную, оглянулась. — А Мйар спит? А Ромка где?

Камориль обернулся к ней, сделал большие глаза.

— И правда, где? — улыбнулся. — Привет, Никола. А нас тебе разве недостаточно?

— Ну нет, ну как же... — Никс запаниковала. — Ну... как же так!

— Камориль, не издевайся над ней, — наставительно произнес Эль-Марко. — Это крайне глупая шутка.

— Прости, не умею иначе, — Камориль подмигнул Никс. — Тем более я обожаю краснеющих девушек!

— Вы!.. Вы!.. — Никс сжала кулачки. — Играете с огнем!

Из коридора, ведущего к кухне, вышел Ромка.

— Всем привет, — он, смущенно улыбаясь, поднял ладонь вверх, приветствуя собравшихся. Глянул на Николу. — Я тут запах услышал вкусный и пошел проверить, что

там... И, кстати, выключил бульон.

— Бульон! — ахнула Никс.

— Привет, я — Ари, — представился Ромке Аристарх, — и я — гитарист легендарной группы "Негорюй", слышал о нас?

— Кажется, да, что-то такое... — несмело ответил мальчик.

— Ох, — Никс выдохнула, поняв, что Ари взял Ромку в оборот и ближайшие несколько минут не отпустит, — что творится-то... Дурдом, самый настоящий!

Никола, обернувшись на светлую макушку по пути еще пару раз, пошла на кухню, оценивать возможные потери.

В гостиной же и правда какое-то время царила суматоха.

— И самое удивительное, — говорил Камориль, с наслаждением лоя на себе ошеломленные взгляды ребят и Эль-Марко, — что я совершенно, невероятно, ужасающе не хочу курить!

Я очнулся в темноте.

Какой, однако, странный сон... да уж. Как там говорится? "Куда ночь, туда и сон".

— Как хорошо, что это все мне просто приснилось, — я смахнул со лба разметавшиеся волосы. Откинулся на матрац, прикрыв глаза. Секунду полежал и тут же глаза открыл.

Ага. Слева окно, толстая темная штора не задернута... Судя по цвету неба, скоро рассвет. Где это я?

С минуту я лежал, пытаюсь понять или хотя бы вспомнить, кто я такой вообще и где я нахожусь. В голове была звенящая пустота.

Я перевел взгляд с окна на потолок: темно-серый, с серебристой окантовкой ближе к стенам, а по углам — лепнина из черепков...

Я резко сел. Моргнул. Глянул еще раз в окно. Ну точно. Это же... дом Камориль. Одна из гостевых комнат... странно, с чего бы это ему класть меня в гостевой, обычно ж он тащит меня к себе, если я, например, по глупости перебрал, будучи у него в гостях.

Я потер правый глаз, вздохнул, потянулся. Кости захрустели. Организм чувствовал себя более, чем отлично, а значит, это не алкоголь... хотя похмелье меня и так редко мучает, но порою бывает, бывает... Я откинул одеяло и обнаружил себя раздетым. Ну, конечно, что еще от него ждать.

Поднялся, подошел к стене, щелкнул выключателем. Глаза не сразу привыкли к свету. На тумбочке из черного дерева я обнаружил одни свои старые джинсы и белую рубашку, но не мою. А, да, это те самые, которые года два назад Камориль забрал у меня на постирать после того, как сам же "нечаянно" опрокинул на них кувшин крепленого. Еще на тумбочке обнаружилось белье фасона "плавки". Какая трогательная заботливость и внимание к деталям, учитывая, что этот фасон я больше всего не люблю. Ну ладно, фиг с ним, с фасоном.

Одевшись, я вышел в коридор и, почесывая поясницу, направился в ванную, шлепая по паркету голыми ступнями. Особняк некроманта был совершенно темен и тих, за исключением звуков от моего копошения.

Дверь скрипнула, свет в ванной загорелся не сразу, предварительно мигнув. Энергосберегающие лампы, на мой взгляд, дают слишком четкие и устрашающие тени, особенно когда расположены не там. Вот и сейчас на меня из зеркала взглянул крайне утомленный молодой человек с глубокими тенями под глазами, хотя сам я чувствовал себя

отлично. Я открыл кран и умылся, и когда я скручивал волосы узлом, чтобы не мешались, то буквально оторопел.

Не веря сам себе, я повернулся к зеркалу и правым, и левым боком еще пару раз. Потом изобразил широкую улыбку, больше похожую на оскал.

Во дела.

Клыков — нет! Передние зубы все еще желтоваты, а вот клыков и след простыл. А уши... Я снова повернулся к зеркалу полубоком, отведя волосы назад. Правое ухо было все еще немного заостренным сверху, но совсем не таким длинным и острым, как раньше. Левое от него ничем не отличалось. Я даже специально пощупал оба уха несколько раз, потер и поцарапал. Уши покраснели, а я окончательно уверился в том, что со мной что-то не так.

Я попытался выпустить когти и не смог. Я смотрел на свои руки. Мои обычные, удлиненные, чуть более крепкие, чем у нормальных людей, ногти были все еще со мной, но того оружия, в которое они обращались по моему желанию раньше, больше не было.

Я моргнул. Снова посмотрел на себя в зеркало.

— То есть, весьма даже вероятно, что это был не сон, да? — спросил я сам себя.

Если это так, то... то это что ж такое получается... Это получается какой-то безумный ужас!

Последнее мое воспоминание об этом страшном сне — это бледное, как смерть, лицо Камориль, искривленное в какой-то совершенно непередаваемой гримасе, и его руки... которыми он меня душил, кажется. И все.

Ох.

Я вышел из ванной. Пока я брел по коридору, спускался по лестнице в гостиную, направляясь в итоге на кухню, в голове моей одна за другой всплывали сцены прошлого "сна", и меня начало натурально подташнивать. Ну и дела, ну и дела!

Более того, ладно... все это — ладно... Но ведь получается, что Мартин Майн всегда был со мной... и я теперь знаю о нем больше, чем кто-либо. О нем, о мороке, о Войне Причин, и даже немного о том, что было до войны... я знаю кое-что о том древнейшем прошлом, в котом жил Мартин Майн до своей первой смерти.

На кухне меня встретила Кристина. Я слегка ее испугался — она вышла из темноты больно уж неожиданно, будучи при этом без своего обычного костюма горничной. В тусклом голубоватом свете блеснули золотунные вставки.

— Кофе мне сделай, — сказал я, включил свет и тяжело опустился на диванчик.

Кристина кивнула.

Кухонные окна успели починить. Интересно, сколько я спал?.. А вот на столешнице все еще отпечаток ладошки Никс. И где все?..

Кофеварка загудела.

— Побольше мне, побольше, — попросил я. — Чашку самую большую давай. И молока не жалея. А еда есть какая-нибудь? Хотя, ладно, я сам поищу.

Я поднялся и заглянул в холодильник. О, карри. Правда, очень мало, как будто остатки былой роскоши. На такой-то сковороде!

Я вытащил сковороду наружу и кастрюльку с остатками риса тоже, выложил рис в сковороду и поставил это все на заблаговременно включенную электроплиту. Есть хотелось зверски!

А когда я обернулся, то увидел, что в дверях кухни стоит Камориль. И молчит. Просто смотрит на меня, опершись об косяк и подперев щеку ладонью.

— Я что, шумел, тебя разбудил? — спросил я с улыбкой. — Эй, Камориль! Доброе утро. Или — доброй ночи? Я не уверен, какое сейчас время суток, мне показалось, что скоро рассвет...

— Тебе невероятно идет это все, — Камориль покачал головой. — Особенно — моя кухня.

— Это что это за такие тонкие сексистские намеки с утра пораньше? — я упер руки в боки. Потом заметил, что какой-то он ну слишком сдержанный. Даже шутка про "кухню" какая-то вымученная. Шагнул к нему навстречу: — Эй, с тобой все в порядке?

Камориль улыбнулся, не размыкая губ.

— Потому что со мной — не все, и я хотел бы выяснить, что вообще произошло... — продолжил я.

Камориль отлип от косяка и порывисто меня обнял, уткнувшись лицом мне куда-то в район плеча.

— Ай, ну развел тут сопли, — посетовал я, все же приобняв его в ответ. — Ты чего такой теплый?

— Это еще что, — хмыкнул Камориль, размыкая объятия. Стал расстегивать рубашку.

— Ты чего делаешь? — ощетинился я, отступая на шаг и оглядываясь на Кристину. Скелет внимательно следил за происходящим, держа чашку с готовым кофе в костяных руках. Я кивнул на стол: — Поставь!

Камориль, расправившись с верхней половиной пуговиц, приступил к нижней.

— Она не настолько живая, как тебе кажется, Мйар. В ней нет духа, просто что-то типа алгоритма действий... так что перестань относиться к ней, как к личности, который раз тебя прошу.

Камориль распахнул свою темно-фиолетовую рубашку, обнажив достаточно подтянутую грудь и совершенно тощий бледный живот. На фарфоровой коже с редкими крапинками мелких родинок имелся так же аккуратный вдавленный пупок. Низко посаженные брюки из тонкой черной кожи позволяли, пожалуй, видеть даже больше, чем следовало бы.

Я смотрел на него, оцепенев.

— Я подкачаюсь, — сказал Камориль, и щеки его зарделись самую малость. — Раньше... только над грудью работал, над животом-то не мог. Точней, пытался, но как-то ничего не росло. А теперь... Хоть мне и сложно набирать мышечную массу, но, я думаю, при регулярных и правильно рассчитанных нагрузках...

— Камориль, — перебил его я, — какой, напроць, пресс? Ты мне скажи, что вообще произошло? Где твой корсет? И... что у тебя с пальцами?

— А, это? — Камориль уставился на свои руки. — Да уж... пожалуй, кое в чем мне будет не хватать их длины.

— Они нормальные!

— Да.

— А глаза?

Камориль поднял на меня сияющие теплым золотом медовые очи.

— Этого у меня не отнять при всем желании, ведь частица той странной силы все еще со мной.

Он прошел мимо меня вглубь кухни и сел на диванчик.

Я запоздало понял, что рис подгорает. Поспешил выключить.

— Ешь давай. Нам предстоит долгий разговор... — Камориль пододвинул к себе мою

кружку с кофе и отхлебнул, — Мйар Вирамайна Зубоскал.

Я сглотнул.

— А потом, — протянул Камориль голосом, от которого у меня мурашки побежали по коже, — ты мне за все ответишь. За километры моих намотанных на стальную вилку нервов!

Он смотрел на меня из-за бортика чашки, держа ее обеими руками, и все пальцы, которые я смог разглядеть, были обыкновенными, человеческими, с двумя суставами и тремя фалангами.

Я вздохнул:

— Отвечу.

Сел напротив и стал есть прямо со сковороды, поставленной на дощечку для разделки.

Камориль молчал, не спуская с меня глаз. Сначала мне было несколько неудобно, но потом я привык и доел уже совершенно спокойно.

— Пошли в гостиную, будем злоупотреблять, — позвал Камориль, поднимаясь.

— Ты уверен? — переспросил я. — А может, не стоит?

— Стоит-стоит.

Пока мы шли по коридору, я осведомился:

— А где Эль-Марко и Никс? И Ромка?

Камориль хмыкнул.

— Эль-Марко и Никс сейчас у себя. А вчера они ездили сдавать Ромку с поличным его матушке.

— То есть, как? — не понял я.

— Ну, в общем, мы пораскинули мозгами и придумали следующий гениальный план: наврать Светлане Сергеевне, что Ромка сбежал из дому и из школы и прятался в гараже у Никс. Соответственно Эль-Марко (как помнишь, в прошлый наш визит в их квартиру с ним Светлана не встречалась) должен был разыграть строгого порядочного родителя, который заставил свою дочь, несомненно, причастную к Ромкиной пропаже, извиняться перед расстроенной матерью. Чтобы девочка, дескать, училась брать на себя ответственность за проступки и все такое. Таким образом, мы подсунули расстроенной женщине еще одного виноватого, так что Ромке должно достаться по минимуму.

— Сурово, — оценил я. — И как прошло?

— Не знаю, я с ними еще не созванивался, — Камориль пожал плечами. — Наверное, гладко. Какие тут могут быть проблемы?

Камориль забрался на кресло с ногами, предоставив мне диван. Выбор дислокации для него был немного странным, но я не обратил на это внимания.

— Откупоривай, что на тебя смотрит, — он обвел рукой стоящие на круглом журнальном столике бутылки.

Я удивился размаху.

— Ты, что ли, заранее готовился?

— Ага.

— То есть, ты предлагаешь...

— Да. Я предлагаю жестоко и бескомпромиссно выпить до состояния тотальной невменяемости.

— Камориль, зачем такие жертвы, если все живы и здоровы? — хохотнул я, выбрав не глядя бутылочку вермута. — Пойдет?

— Побежит.

Пока я разливал темно-красную жидкость по бокалам, Камориль все так же внимательно следил за мной.

— Коньяка в мой еще бахни, — пожелал некромант. — И зря ты вермут в бокалы, конечно... но пускай уж так.

— Мы, простые смертные, в ваших условностях как-то не очень, — ответил я, послушно откупоривая коньяк. — И вообще, сам бы наливал, если это важно.

— Это не важно, потому что я планирую закончить вечер употреблением чего-нибудь убийственного из горла.

— Камориль, — я глянул на него серьезно, — зачем ты так? Никто не умер. Или я не прав?

— Умер, — ответил Камориль. — Давай сюда тару.

Я протянул ему тяжелый пузатый бокал, полный красноватой жидкости почти до краев. Переборщил я с коньяком...

— Давай выпьем за репчатый лук, — произнес Камориль.

— За репчатый лук, — я решил не спорить, и мы чокнулись.

Вермут был сладким, густым и пошел хорошо.

— Последнее, что я помню, — начал я, — это как ты меня душил. Это, конечно, возмутительно, но я на тебя не в обиде. Все же ты меня не задушил. Видать, я что-то в бреду такое сказал, что тебя окончательно переключило, да?

— Не совсем так, — улыбнулся Камориль, покачивая бокал в руке. Глянул на меня. — Видишь ли, получилось так, что у меня не было никаких гребаных вариантов, как тебя спасти. Ты был... ну, в общем, еще чуть-чуть и твое затянувшееся бытие подошло бы к концу. Но нельзя было давать ему обрываться самостоятельно. Чтобы сохранить тебе хоть какое-то подобие жизни, я должен был убить тебя самолично.

Я сглотнул.

— Вот как, — протянул медленно. — И как?

— Хорошо ли я справился или каково это было — видеть, как ты коченеешь, лежа в луже золота среди иссиня-черных роз?

Я нервно улыбнулся.

— Как так вышло, что мы сидим с тобой здесь и сейчас, такие все необыкновенные, и злоупотребляем?

Камориль разом выпил половину своего вермута.

— Ты тяжелый, как шкаф. Хорошо, что мне помогла Кристина. Недостаточно сделать из человека полуживого... это не то же самое, что холодный или горячий зомби. Полуживого нужно еще "активировать". Необходимых реагентов у меня с собой не было. Так что мы тебя тащили... до самого Игольного Ушка. Там, за ним, — взгляд Камориль стал расфокусированным: он погрузился в воспоминания, — ревела снежная буря... Я знал, что это место — еще один из переходов между мороком и реальностью. Но на карте никак не был отмечен тот факт, что этот переход — необычный... если можно назвать обычным хоть один из них. И мы шагнули туда, из наступающего лета — в бушующую лютую зиму...

— В зиму? — удивился я.

— В зиму... кажется. По крайней мере, я помню, что было очень холодно, так, что я даже зажмурился, чтобы глаза не обледенели... А когда все же рискнул их открыть, оказалось, что мы лежим на пригорке за домом. Светает. Поют радостные птички, ветер щекочет травы, травы щекочут шею и локти. Розовые облака, обрамленные солнечной

позолотой, быстро мчатся куда-то на север. Ты, выходит, живой, румяный и дышишь. Я — тоже. Ромка лежит на боку и у него изо рта слюна пузырьком.

— Ох, — я шумно выдохнул. — Так что же это было-то такое? Ты точно меня убил?

Мне пришлось выдержать еще один тяжелый взгляд Камориль. Но потом он смягчился, и, пригубив своего питья, произнес:

— Убил-то наверняка, а вот что это было... Точно не знаю. Когда Майн был в тебе, он говорил про то, что северная колдунья и шаман ушли к Сердцу Мира, чтобы стать иными. На вопрос, какими "иными"...

— Да, я помню, он сказал "смертными", — кивнул я. И тут же зажал себе рот рукой.

— Так значит, ты помнишь все, — протянул Камориль, глядя на меня из-под полуприкрытых век. — Все, что было с тобой, пока Мартин Майн воротил дела...

Я отчаянно покраснел.

Камориль улыбнулся, хмыкнул. А потом расхохотался, запрокинув голову. Не то чтоб шибко весело — так... торжествующе, скорее.

— Ну-ну, Мйар, — проговорил он с лукавой улыбкой, — полно те... подумаешь. Это — только между тобой и мной. Собственно, — Камориль сел в кресле, спустив ноги на ковер, — насколько я понял, Игольное Ушко сняло с нас шкурку. Кожуру, что ли. Верхний слой. Все, что было лишним... и даже, как будто бы, отмотало время вспять. Когда Эль-Марко меня обнял при встрече, он был поражен, сказал потом наедине, что я теперь не только выгляжу на двадцать пять, но и мой биологический возраст приблизился к этой цифре. Но ладно, я. Ты, Мйар, теперь тоже немного другой.

Я рефлексивно потянулся к своим ушам.

— Да, и, кроме косметических изменений, ты теперь куда более смертен. Скорее всего, регенерировать так же свободно и быстро, как раньше, ты уже не сможешь. Но это, конечно, проверять надо. Так что, теперь тебе стоит беречь себя.

— ...Беречь себя, — тихо повторил я за ним, смотря в пол.

— Да. И задуматься наконец совершенно серьезно, чего ты хочешь достичь в этой жизни. Если тебе, конечно, не хватит всего того, что вы наворотили с Мартином. Может, ребеночка заведешь? — Камориль подмигнул.

— Если это шутка, то крайне неудачная, — фыркнул я.

— А я так старался, — Камориль деланно вздохнул. — Ну, что ли, освежи бокал, а!

— То есть, мы как будто бы стали чище, — проговорил я, наливая еще вермута и себе тоже. — Как камень отполированный...

— Или как ограненный, — кивнул Камориль. — Мне даже курить теперь не хочется, представляешь?

— Не представляю.

— А, что с тебя взять, — он отхлебнул из своего бокала и снова уставился на меня. — А теперь расскажи мне, что все это было вообще? Только давай попроще, как для себя.

— Гм, — я потер лоб, — с чего б начать... Я вообще не знаю, почему ты думаешь, что я хоть что-то понял из всего произошедшего...

— Мйар, как ни крути, а тебе известно больше моего. Все, что я видел — это как ты разрушил ожерелье памяти, потом тебя перенесло к морю, потом я выслушал твою загадочную историю, но мне отчего-то кажется, что в ней правда — не все... Или — не вся. Потом ты оделся, как пижон, приставал ко мне беззастенчиво и, получив отказ, сгинул в дожде. Ну, хорошо, хорошо, это был вроде б не ты, а как бы Мартин Майн. А потом я нашел

тебя с развороченным брюхом на мифической несуществующей горе Антарг посреди легендарного морока. Я буду безмерно благодарен тебе, если ты все мне объяснишь.

— Хорошо, понял, — я вздохнул. — Первым делом нам надо уяснить, что же такое Дух Огня...

— И что же это? Так, кажется, звали того исключительного чародея из легенд, но теперь я ни в чем не уверен.

— Дух Огня — это... Только не смейся. В общем, Дух Огня — он... Гм. Словом... Ну...

— Ну же!

— В общем, Дух Огня — это как бы источник магии нашего мира.

Лицо Камориль вытянулось. Ну, хоть не засмеялся.

— То есть, ты хочешь сказать, что меня собирался... — медленно проговорил он.

— Нет, нет, не так! — я замахал руками. — Я неправильно выразился! Все совсем иначе. Дух Огня — это как бы сила, а не сущность. Типа, концентрированная такая мощь. Но она — как конь. То есть, если чует над собой власть, то подчиняется, а если нет — то в состоянии вполне сама решать, что ей делать.

— Конь, значит.

— Ага.

— Нет, ты погоди. Мало того, что Дух Огня — источник магии этого мира. Так он еще и... лошадь?!

Камориль глянул на меня так, что захотелось провалиться сквозь диван, пол и фундамент. Умеет же!

— Да не лошадь он, успокойся, — я виновато улыбнулся. — Это я для сравнения сказал. Чтоб понятнее было.

— Лошадь!.. — Камориль со шлепком приложил ладонь ко лбу.

— Более того, — продолжил я, — отдельно от носителя Дух Огня приобретает определенную разумность и даже вроде бы некие черты личности. Ну, то есть, начинает осознавать себя и может действовать самостоятельно. Но стоит кому-то им завладеть — все, надобность в личности отпадает, Дух Огня снова — просто невероятная, стало быть, мощь. Давным-давно Духом Огня владел Мартин Майн — проворливый и слегка чокнутый, как пс мне, маг, пришедший из какой-то иной реальности к нам, сюда, через морок. В мороке он Дух Огня, собственно, и нашел, там им и овладел.

— Я так погляжу, он любит овладевать чем ни попадя, — проворчал Камориль, глядя на дно бокала.

— Гм, да уж, — я постарался прогнать из головы чужие воспоминания, в которых некромант, мокрый и мягкий, изгибался и совершенно неприлично стонал. Это было не просто. Более того: практически невозможно. Отхлебнув вермута, я продолжил: — Ну так вот. Мартину Майну наш мир весьма понравился, как я понимаю. Не знаю, где это надо было раньше жить, чтобы у нас ему показалось так замечательно, но факт есть факт. Мартин Майн, как и Варамира, — совершенно повернутый собственник. Кроме того, всю свою невероятно долгую жизнь он боялся смерти точно так же, как и она. Не будучи колдуном, рожденным тут, у нас, он застраховался... используя мощь Духа Огня и какую-то свою странную магию, он организовал все так, что, если б умер, его суть (душа, какая-то память и все такое прочее) должна была быть сохранена в том самом золотистом кедре. Ну, и, видать, кто-то его таки грохнул в той его прошлой жизни. Страховка сработала, Мартин был запечатан в дереве. Тем временем Даньслав пошел в морок и тоже нашел там Дух Огня. И

овладел.

— И этот туда же? — Камориль покачал головой, очевидно устав удивляться.

— Ну, я неправильно выразился... — я почесал тыковку. — Овладеть Духом Даньслав не мог, так как у него и так, от природы, имелась весьма внушительная собственная сила — он же был судьбоплетом. И у него так же была своя миссия, священная для него — следить за Варамирой и не давать ей разгуляться. Собственно, он провернул всю эту петрушку с созданием меня. Хотел, понимаешь ли, быстро и метко сообразить крайне выносливое тело, способное произвольно меняться и ускоренно расти, и чтобы личность в нем была такая... ради любимых "папы и мамы" готовая на все. То есть, личность ребенка, который всенепременно хочет быть хорошим. Даньслав переоценил и меня, и всех людей разом. Он думал, что любой сможет справиться с Духом Огня. Но это не так. Дух Огня меня за хозяина не признал — и не мудрено. Я же и правда был в душе просто ребенком, несмотря на взрослое тело и практически энциклопедические знания. Даньслав понял, где просчитался, и отправил меня искать тот самый кедр и, соответственно, заточенного в нем Мартина Майна.

Майна я нашел.

— На свою беду, — протянул Камориль.

— Ну, как сказать... Мне, естественно, не сказал никто, что именно я огребу, разыскав тот кедр. Мол, для дела надо — иди, иначе Войны Причин не остановишь, и мама-папа тебя не похвалят. Когда ритуал был совершен, и Мартин, кгхм, вошел в меня, прости за неуместный юморок, — дергаться оказалось поздно. Мартин попытался завладеть единолично моим телом, но я сопротивлялся ему. Умозрительно. Упрямо и весьма сурово. И, главное, успешно. Продолжаться это могло бесконечно. В итоге мы с ним пришли к соглашению: он выполняет мою миссию (завершает Войну Причин) и позволяет мне в последний раз увидеться с Даньславом и Варамирой (а я их все-таки очень любил), а я взамен складываю лапки и позволяю ему властвовать над этим телом единолично. Я даже готов был умереть там, внутри, и исчезнуть совсем — ну, я ж достаточно расстроенный был из-за Варамиры тогда... В итоге мы с Майном, используя Дух Огня, сделали все, что надо. И вернулись к Даньславу. А там... вся эта беда с преждевременным старением и похабно ведущая себя Варамира.

У меня случился эмоциональный срыв. Он выступил таким катализатором... Дух Огня, наглотавшись моих эмоций, отравился, переел, не переварил. Он как будто бы вспыхнул или взорвался, в общем, вышел из-под контроля. Он был — словно неудержимая приливная волна... Ни я, ни Майн не смогли справиться с этой бушующей силой. Потом, я так понимаю, Дух Огня как-то сам все разрулил. С твоей помощью. Ну и... когда я очнулся, то понял, что этой исконной силы во мне, почитай, и нет больше... Только чуть осталась. А еще — Мартин Майн все еще был частью меня, я чувал его присутствие у себя в голове. Но он был в отключке. И я, воспользовавшись моментом и последними крохами былой силы, которая, будучи настолько ограниченной, мне подчинилась, запер бессознательного Майна на восемнадцать золотунных замков. И практически всю свою лишнюю память, заодно.

Камориль смотрел на меня и молчал. Проговорил наконец, поставив бокал на стол:

— И где Майн теперь?

— Точно не могу сказать, — я неопределенно повел плечом. — Кажется, проявившийся на мгновение в Ромке истинный судьбоплет заставил его уйти.

— Куда уйти?

— Может быть, обратно к себе?.. Ах, да. Сам Майн тоже был не прост, — я ухмыльнулся. — Сволочь он, на самом деле, та еще. Его целью было уничтожить и судьбоплета, и судьбоеда, дабы остаться здесь, в этой реальности, самым могущественным существом... Может быть, даже чем-то вроде современного бога. По крайней мере иногда в его мыслях скользило это слово, хотя обычно он его избегал. Майн придумал хитрый план, согласно которому должен был обманом заставить Ромку увести Варамиру в другой мир, а потом уничтожить его извне вместе с ушедшими туда судьбоплетом и судьбоедом.

— А он мог?..

— С Духом Огня и ключом от всех дверей, кроме одной? Как знать. Мне кажется, мог. Иначе б зачем это все?

— А если он там, куда ушел, найдет какую-нибудь еще силу и попробует уничтожить вообще всех нас?.. Типа там, месть и все дела.

Я покачал головой.

— Нет. Это не его вариант. Я... помню, как все ощущалось, когда он был мною... или я был им... Ну, сознания в этот раз оказались как будто бы сцеплены, переплетены, а не как в прошлый раз... Ну так вот. Он слишком любит эту реальность.

— Хотя я знал его всего ничего, но я бы не был так уверен на твоём месте, — Камориль поджал губы. — Надо было его прикончить — раз и навсегда!

— А в том-то и дело, что эти сущности, насколько я понял, неубиваемы практически, — я развел руками. — Они могут сдохнуть только вместе с каким-нибудь миром.

— Но почему они тогда так боятся смерти?.. — задумчиво проговорил Камориль. — Налей мне еще!

— У меня нет приемлемого ответа на твой вопрос, — сказал я, исполняя его просьбу. — Может, это потому, что у них не было шанса со смертью свыкнуться. Вот ты — боишься чего-нибудь?

Камориль ответил быстро, не задумываясь:

— Да.

— Чего? — я протянул ему вермут.

— Прямо сейчас я боюсь, что ты уйдешь, — сказал он, принимая бокал, и наши пальцы соприкоснулись.

— Ты знаешь, что я не уйду, — сказал я, не отнимая руки и не отводя глаз.

— Ничего я не знаю! — вскипел Камориль. Смутился, побыстрее забрал свой вермут и сделал большой глоток, первым прервав зрительный контакт.

— Ну вот, может, у них так же... — я откинулся на мягкую диванную спинку. — А может, они страшатся конца из-за его неопределенности. У человека хоть какие-то рамки есть. И у меня теперь есть, как ты говоришь. А у них... вдруг их невосприимчивость к смерти сломается неожиданно в самый неподходящий момент?

— А может, они знают что-то такое, чего не знаем мы, — предположил Камориль, — что-то о том мире за последней чертой. Что-то такое, о чем даже некромантам не ведомо и чего не сыскать в самых древних и запретных книгах. И да, Мйар... — Камориль замаялся. Помолчал секунду, и потом все-таки произнес: — Мартин, уходя, сказал мне кое-что... кое-что странное, — Камориль поднял на меня взгляд. — Он сказал, что, если все пойдет, как он задумал, ты вернешься ко мне. Может, он на самом деле... хотел уйти?

— Да кто ж их поймет, этих недобожественных сущностей, — я покачал головой, отпивая из своего бокала.

— Или, может, ему ты был тоже не безразличен...

Я фыркнул.

— Он выбросил меня, как пустую коробку из-под пылесоса. Я, кажется, вспомнил, чем все это кончилось. Точно. Это он, моей же рукой распотрошил нам нутро. И из меня тот час же что-то белое полезло-поползло-поперло, светящееся и волшебное по самое "не балуйся". Тут-то я и отключился...

— Наверное, это был Дух Огня и сам Майн, — резонно предположил Камориль. — Потому что, когда я тебя нашел, ты был... ох. И Ромка сказал, что в тебе больше нет Духа Огня.

— Наверное, так оно и было, — согласился я.

Помолчал, вспоминая все произошедшее и немедленно понимая, что, раз уж отныне во мне нет Духа Огня, жизнь моя переменится. В частности, насколько я могу теперь знать, именно из-за той странной, своенравной силы Камориль Тар-Йер и был ненормально, болезненно привязан ко мне всю эту бездну лет. Сейчас Духа Огня во мне нет. И все, что случится (или может случиться) между нами — теперь на самом деле только между ним и мной.

— А вот скажи-ка мне, Камориль, — проговорил я спокойно и медленно, — если бы вся эта эпопея была бы, например, приключенческим романом... — я улыбнулся, — как думаешь, кто бы у нас был главным злодеем?

Некромант, отведя в сторону руку с бокалом и приняв расслабленную и, в то же время, до неприличия вызывающую позу, с достоинством ответил:

— Конечно, я!

Я хмыкнул.

— А если серьезно?

— Кажется, об этом серьезно не стоит, — Камориль покачал головой.

— Твоя правда.

— И зачем ты смотришь на меня, как кот на сковороду с котлетой?.. — спросил Мйар, склонив голову на бок.

Он сидел, свободно облокотившись на диван, и щеки его были чуть розовыми от выпитого, а глаза блестели.

— Да как же на тебя не смотреть, — честно признался Камориль. — Мне это и так всегда нравилось, а после всего произошедшего... Я ж уже мысленно с тобой попрощался. И хотя я все еще на тебя зол, но... ты не представляешь, как это было... это было ужасно больно, хоть я и понимаю, что физически тогда было больнее тебе.

— Камориль, — Мйар поставил свой бокал на стол, — знаешь что...

— А?..

— Я слишком не люблю людей, чтобы еще хотеть что-то с ними делать, — он сложил руки замком у себя на коленях. — Вот что я понял, познав метод мышления Майна. Мартин любит всех, и считает, что все любят его. Он готов был принять вообще все, что мог бы ему этот мир дать. Владение чем-либо, что правда, в его голове никоим образом не коррелировало с несением ответственности за это. Он хотел всех и вся, и единственное, чего я не смог понять совсем — это как он себя контролировал. Его желания были иррациональными и немотивированными, хотя само мышление полным отсутствием логики вроде бы не страдало. Так вот... Я — вообще не такой. Я, сам по себе, искренне и неудержимо ничего не хочу. Разве что есть и спать. Да и с этими желаниями я борюсь на ура, если надо... Но я не об этом, — Мйар прочистил горло. — В общем... я понял, что это слишком. Что-то со мной не так. Очень не так. Может, от этого и жизнь моя до определенных событий была пресна, как вода из-под крана, — от того, что я запретил себе желать чего-либо по-настоящему.

Помолчав, Мйар добавил:

— И даже девушек.

— Вот как? — некромант удивленно перегнул брови. Откинулся на спинку кресла. — Но как-то же ты что-то с ними... делал, правда? Стоп, Мйар, подожди, — Камориль встрепенулся, — неужели мы выпили достаточно, чтобы поговорить об этом?

— Гм, — Мйар отвернулся, желая, видимо, спрятать проступивший на щеках румянец. — Ну, с девушками оно как-то на инстинктах больше, ты должен понимать... Это, как еда или сон, больше желание тела, а против него не попрешь. Все работает и включается, как ему положено. Но я немного не к тому. В общем...

Мйар замолчал и стал расстегивать рубашку, глядя на свои пальцы, путающиеся в пуговицах.

— Э-э... — протянул Камориль, — тебе не нравится эта? Что ж ты сразу не сказал...

— Не тупи, — произнес Мйар каким-то сдавленным голосом, сам не свой на вид. А следующая его фраза прозвучала почти что жалобно: — Пожалуйста.

Камориль выпил залпом то, что осталось в бокале. Позабыв приличия, вытер рот рукавом, замороженно глядя на то, как Мйар расправляется с последней пуговицей на белой хлопковой рубашке и затем несмело, медленно и очень неуверенно спускает ткань с плеч так, что рукава остаются все еще на нем, собравшись частыми складками в локтях.

Мйар застыл с видом умирающего лебедя, пряча от Камориль взгляд.

Некромант сам не понял, когда начал улыбаться — широко, во весь рот, покачивая головой и не веря своим глазам. Он зачем-то закатил свои рукава и, вдохнув глубоко, как перед нырком, спустился с кресла на пол. До Мйара было рукой подать. Камориль положил правую ладонь ему на колено, а левую — на руку, которой Мйар закрывал обнаженный живот. Камориль легонько сжал его предплечье и заставил отвести в сторону, плавно и осторожно.

Поняв, что Мйар его не отталкивает, Камориль подвинул правую ладонь чуть дальше по бедру и немного его сжал. Он чувствовал, как напряжены мышцы под плотной тканью. Мйар вот-вот задрожит.

Камориль положил вторую руку на левое бедро Мйара. Поглаживая оба, попросил:
— Посмотри на меня.

Мйар с видимым трудом повернул голову и уставился на Камориль сверху вниз. В глазах его читался ужас.

Камориль взял его руку в свою и поднес к губам. Поцеловал в ладонь.

— Мйар, я люблю тебя. Я же уже говорил тебе множество раз. Целую тысячу раз, а то и больше. И это ничто не изменит. Если ты... Если я правильно тебя понимаю, то... Не надо бояться. Я не сделаю с тобой ничего... такого... что ты не сможешь перенести. Уже не сделаю.

— В таких ситуациях, Камориль, — Мйар покачал головой со странной улыбкой, выражающей сразу все, на что улыбки вообще способны, — говорят что-то вроде "я не причиню тебе боли, если ты сам этого не попросишь".

— Я сказал то, что сказал, — деловито отметил Камориль.

Мйар молчал и смотрел на некроманта сверху вниз. Тревожная, черная, ледяная печаль читалась сейчас в Мйаровых глазах. Он произнес спокойно и коротко:

— Может, нам и не суждено быть вместе.

Камориль замер. Вслушиваясь, как в гулкой глухой тишине колотится его собственное сердце, он смотрел на Мйара, боясь сказать хоть слово. Шутки кончились, кончились признания, пропали смыслы.

— Но мы с тобой сумели вырваться из замкнутого круга, — произнес Мйар. — Ты сумел. У тебя получилось вытащить меня, хоть это и кажется чередой случайностей. Нам, глупым, невезучим, недалёковидным, как-то удалось обойти неизбежность и пересечь на другой маршрут. Но я не знаю точно, хорошо это или плохо.

— Мйар, ты... — прошептал Камориль, — ради всего, что еще осталось святым, — не мучай меня больше. Я не понимаю, что ты... что вообще...

— Раньше мы бежали по кругу, Камориль. Ты — за мной, я — от тебя. И это могло бы длиться вечно. Но круг разомкнут, и я... И я говорю тебе: я буду с тобой.

— Мйар...

— Но, пересев на другую ветку, мы должны полностью осознать: когда-нибудь будет конечная.

— Пускай так, — Камориль втянул воздух сквозь зубы. — Я все равно люблю тебя больше жизни, и это ничто, ничто не изменит!

Мйар протянул к Камориль вторую руку и погладил пальцами его приоткрытые губы. Заставил чуть поднять подбородок и, посмотрев в золотые глаза, сам наклонился ближе. Прикрыл дрожащие веки, коснулся лба Камориль переносицей. Некромант чувствовал его

горячее дыхание и от одного этого уже внутренне трепетал. Он боялся даже слегка пошевелиться. Ему очень не хотелось спугнуть этот удивительный, тихий, напряженный и совершенно невероятный миг, так похожий на вечность, за крупицу которой ничего не жалко отдать. Он тоже закрыл глаза, пытаясь прочувствовать и запомнить все, что происходит, в мельчайших деталях: и шероховатость ткани под вмиг вспотевшими ладонями, и тепло больших ласковых рук на своей шее справа и на щеке слева, и то совершенно немислимое, от чего бросило сначала в холод, а потом в жар — едва осяутимое прикосновение горячих сухих губ к его собственным, долгожданное, как лето, как зимний рассвет, как первый порыв теплого весеннего ветра. Камориль ответил на этот невесомый поцелуй так же кротко. Он касался губ Мйара своими осторожно, медленно, хотя сердце его стучалось в ребра, как выставленный на высокую частоту метроном. А потом Мйар поцеловал Камориль глубоко, крепко и горячо, так, как никогда до этого не целовал, впиваясь в губы некроманта страстно, мучительно и долго, отчего у Камориль захватило дух. Он сначала от неожиданности даже уронил руки с Мйаровых колен, но потом вернул их на место и стал поглаживать напряженные бедра. Едва справляясь с потоком осяутительных чувств, нахлынувших приливной волной откуда-то из самых глубин естества, Камориль осмелел и позволил себе проникнуть в рот Мйара языком. Тот принял вызов и в ответ слегка прикусил Камориль нижнюю губу, оттянул, отпустил, а потом снова стал целовать его, зарываясь руками в мягкие длинные волосы. Поцелуй становился все жарче, превращаясь из медленного и нежного в страстный, похожий скорее на неистовое противостояние. Он лавировал от глубокого, когда Мйаров язык норовил достать до мягкого неба, к ласковому, трепетному, крайне сдержанному, от которого Камориль все равно хотелось или разрыдаться, или начать вычурно сквернословить, или приняться беззастенчиво стонать. Но ему отчего-то казалось, что любой лишний шорох теперь подобен смертельному приговору.

Но сдерживаться больше не было никаких сил.

Чуть приподнявшись и прервав самый яркий и страстный поцелуй в своей жизни, Камориль надавил Мйару на плечи и уложил того на диван. Сам забрался сверху, приник к Мйару всем телом, выгнулся кошкой, а потом сел и стал тереться об него бедрами совершенно бесцеремонно.

— Если ты не прекратишь... — начал Мйар, обхватывая некроманта ладонями за худые бока пониже ребер, — Высоким Небом клянусь... мне придется познать твой внутренний мир гораздо... гораздо глубже.

— Да ну, — протянул Камориль, и не думая останавливаться. Глаза его блестели, а тело пылало и всецело алкало исполнения этой смешной угрозы. Камориль беззлобно хохотнул: — Испугал гомосексуалиста эрегированным членом!

А потом замер. Нет, правда. Это что же получается... Они сейчас... вот прямо сейчас все и случится? Камориль смотрел на Мйара: на его покрасневшие гладкие щеки, на лоб и скулы в испарине, на часто раздувающиеся ноздри, на пересохшие губы, по которым скользнул влажный красный язык, на гнутые рельефные ключицы, в выемке между которыми блестит капелька пота, и на острые розоватые соски, стоящие торчком. Камориль положил ладони Мйару на живот и провел ими вверх, к груди. Скользнул пальцами по соскам, легко и быстро. Когда он сделал так, Мйар закусил губу, прерывисто вдохнул и прикрыл на мгновение глаза.

— Да ты не врал, — удивленно проговорил Камориль, — ты и правда чувствителен, как шестнадцатилетка.

— Ну, все-таки не настолько, — Мйар улыбнулся.

Камориль принялся ощупывать его пальцами, как слепец, пытаясь для себя уразуметь, не сон ли это все. Мйар отзывался на его осторожные прикосновения на удивление чутко.

Нет, это явно не сон, и теперь Камориль это знал. Так не сыграешь. И это не обман зрения и не утренняя эротическая фантазия, явившаяся крайне осязаемой на исходе ночи. Мйар здесь, сейчас, под ним, и он совершенно точно возбужден, иначе б с чего ему быть таким чувствительным. Камориль все еще до конца не верил в происходящее, хоть и ощущал, что напряжение ситуации растет. Но ему были нужны все возможные доказательства. Чтобы наверняка. Чтоб Мйару уже не отвертеться. Потому что не верилось ну совершенно.

— Ты передумал совращать меня? — спросил Мйар с улыбкой, приподняв голову.

— Нет, что ты, — в ответ ему улыбнулся Камориль, — я, как всегда, засмотрелся на тебя... ты... у тебя щеки покраснелись, и вообще, ты невообразимо соблазнителен, когда смущен... А еще я прикидываю, где у меня лежат нужные зелья.

— Что за зелья? Зачем зелья? — Мйар приподнялся на локтях.

— Ну во-первых, — Камориль стал пальцем обводить Мйару пупок, — я думаю, мне стоит вышить кое-что, останавливающее рост моих рук. Не знаю, как после всего приключившегося с ними будет, но на всякий случай, думаю, стоит. Чтобы на практике не проверять. Я, несомненно, верю в тебя, но боюсь, что ты не сможешь... ну... все-таки это...

— Хорошо, а во-вторых что? — перебил его Мйар.

Да неужели он... спешит? Неужели это — нетерпение? Когда Камориль представил на секунду, чем это нетерпение ему грозит, то почувствовал совершенно нестерпимое желание немедленно этому подвергнуться. И еще ему хотелось куда более смелых прикосновений, и это ожидание было пряным и острым, а оттого, пожалуй, даже приятным.

— Второе — это настой пяти трав, который поможет мне расслабиться, — Камориль, тихо постанывая, снова начал двигать бедрами.

Мйар выгнулся навстречу движениям некроманта. Камориль заметил, как ходит его кадык, когда он сглатывал какие-то слова, которые, наверное, стеснялся говорить. Надо же. Все еще стесняется!

— Тебе... расслабиться, — произнес Мйар, крепко сжимая ладонями бедра Камориль, затянутые в тонкую черную кожу. — Это значит?..

— Да, пожалуй... — лукаво улыбнулся некромант. — И я намереваюсь продолжать то, что делаю, чтобы ты смог уже осуществить свою невероятно свирепую угрозу. Она, веришь или нет, повергает меня в трепет.

— А есть ли какое-нибудь третье зелье? — улыбнулся Мйар.

— Ну, если можно назвать зельем подкрашенный глицерин с запахом айвы... — Камориль издал низкий смешок. — Как ты на это смотришь?

Мйар, глядя некроманту прямо в глаза, притянул его к себе за шею и снова поцеловал. Камориль пришлось опереться на локти и приподняться так, что это позволило Мйару начать расстегивать ему ремень.

— Да что ж ты делаешь, — проговорил Камориль, оторвавшись от поцелуя. — Мйар, я едва себя сдерживаю! Сейчас полезут же!

— Ну так пей свое зелье скорее, — жарко прошептал Мйар ему на ухо, расстегивая пуговицу на кожаных штанах. — Я хочу тебя.

Камориль заглянул Мйару в глаза, в бездну расширившихся черных зрачков, и отчетливо осознал: хочет. Это было так волнительно, что по спине Камориль побежали мурашки. Он

впервые видел Мйара настолько возбужденным, так близко, что можно было различить, как бешено колотится венка у него на шее. Камориль казалось даже, что он не вправе видеть Мйара таким, что он взглянул на что-то запретное, слишком личное, вторгся чересчур далеко. Подошел настолько близко, что еще чуть-чуть — и будет больно.

Мйар притянул Камориль к себе и крепко обнял. Горячие, голые, они сидели, прислонившись друг к другу в обнимку.

— Ты столько всякого наговорил во время... — произнес Мйар. — Да и я тоже. Вот уж чего-чего... а этого я как-то от себя совершенно не ожидал.

— Да ладно. Это было так... волнительно. Когда все эти непристойности срывались с твоего языка... знаешь, меня это не по-детски заводит.

— Да уж.

— Ну и... — протянул Камориль нерешительно, — каково это... было... в первый раз?..

— Ты сделал все, чтобы я не почувствовал себя неудачником, — сказал Мйар. — Знаешь, это было... очень... очень жаль, что мы... что я... Ох. Я хочу сказать, что ты — потрясающий любовник, Камориль. Слова криво как-то звучат, но ты меня пойми. Большинство тех, с кем я был... ну, девушек, я имею в виду... куда менее... Так, нет, это решительно невозможно вербализировать, я лучше уж помолчу.

— И это мы еще мало поз попробовали, и я был без рук, — посчитал важным заметить Камориль. — Ты учти.

— Учел.

— И вообще, довольно быстро получилось! Можно дольше!

— Я понял, понял.

Помолчали.

— Не жалеешь? — спросил Камориль.

— Нет, — ответил Мйар.

Он повернулся и поцеловал Камориль в макушку. Прижал к себе покрепче.

— Я предлагаю передислоцироваться в спальню, — заявил некромант.

— Там места побольше?..

— Нет, Мйар. В спальне можно спать. Я хочу... то есть, мои самые заветные мечты осуществляются, если ты еще... будешь... греть меня ночью и мы проснемся в объятиях друг друга, и не надо так ехидно лыбиться! И ты меня поцелуешь в нос... или в губы...

Мйар поцеловал Камориль и в нос, и в губы, и в шею, и в мостик тонких ключиц, и в выемку под ними, в плечо и в запястье.

— Ты чего творишь, эй? — успел возмутиться некромант, когда Мйар легко подхватил его на руки. — Я слишком стар для всего этого! И ни разу не трепетная барышня, будь уверен! Даже учитывая мою роль в произошедшем! Это ж только с тобой... И вообще, я здоровый угловатый мужик! Мйар, поставь!

— Ага, — кивнул Мйар, и не думая подчиняться. — Но ты меня тоже пойми правильно. Во-первых, зачем мне нечеловеческая сила и выносливость, если не использовать их в корыстных целях? А во-вторых, у меня на самом деле очень, очень, о-очень давно никого не было. И если ты успел причаститься к одному из парнишек из "Негорюй" (да-да, не делай такие глаза, я всегда по запаху чую, был ли у тебя секс) буквально намерен, то я хранил свой пыл на черный день, или — для какого-нибудь особенного случая. Вот, например, сегодня — как раз такой и, к тому же, еще темно.

— То есть, ты намереваешься...

— Ты сам меня спровоцировал, — Мйар сделал большие глаза. — Сам. Это полностью твоя вина и твоя оплошность. И ты сам, своими руками дал мне какое-то мутное зелье, созданное, чтобы возвращать былую прыть старикам, извращенцам и неудачникам. Зачем оно тебе, кстати? И ты дал мне его, не зная, как оно на меня подействует. Так что, здоровый угловатый мужик, смирись со своей судьбой и немедленно радуйся. Этой ночью мы высокочастотно взаимореализуем либидо еще минимум раза два, и ты понимаешь, о чем я.

— Да это ж просто праздник какой-то. Я же помру от счастья.

— Какая это будет нелепая смерть, — улыбнулся Мйар, укладывая Камориль на кровать. Некромант не захотел отпускать рук, которые обвинил Мйару вокруг шеи.

Мйар наклонился и еще раз поцеловал Камориль, и тогда некромант руки отпустил.

— Почему... почему с тобой так хорошо? — спросил Камориль. — Мйар... почему невозможность быть к тебе ближе так мучила меня? Почему я так... несмотря ни на что, столько лет, и, особенно — прямо сейчас... почему я люблю тебя до беспамятства?..

Мйар улыбнулся. Он хотел было повторить слова Духа Огня, которые тот однажды уже сказал Камориль, мол, быть со мной и не любить меня невозможно для человека, — но не стал. Потому что теперь дела обстоят иначе. Обнимая и целуя в висок теплого, разомлевшего от ласк и объятий Камориль, Мйар осознавал, что на душе наконец стало светло и спокойно, счастье, о котором можно только мечтать, давно уже найдено, и, собственно, вот оно. Теперь остается лишь беречь его, любить его и отдаваться ему без остатка, благо, принято это будет достойно и со всей душой.

Да, народные мудрости порою оказываются на самом деле мудрыми, хотя понять их не так-то просто. Мйар дивился тому, как все в итоге сложилось, и спрашивал себя, куда же он смотрел раньше, точнее, зачем отворачивался с упорством, достойным лучшего применения.

Все переживания, страсти, ужасы, потусторонние силы, безликие многоглазые монстры и эгоистичные, себялюбивые "злодеи" поблекли, выщвели, не выдержав конкуренции настоящей, живой реальности, теплой, близкой, ни разу не хрупкой, непобедимой, упорной, гибкой и притом негибаемой. Таков Камориль Тар-Йер, беда его и спасение.

И Мйар знал теперь кое-что еще. Кое-что очень важное открылось ему, доселе — непостижимое, а сейчас — главное, нужное, необходимое.

— Камориль, — шепнул он на ухо некроманту, который, кажется, уже почти задремал, — я тут вот к какому умозаключению пришел...

Камориль молчал, дышал ровно, и Мйар не знал, спит он или просто лежит с закрытыми глазами, и все равно произнес:

— Бог с ними, с древними сущностями и со мной. Но не любить тебя — слышишь? — вот что действительно невозможно.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net